4
С-75

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

66890

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1973

4
С 75

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

66890

Книга является второй частью коллективной монографии по сравнительно-историческому синтаксису восточнославянских языков. Исследуются союзные сложноподчиненные предложения (первая часть монографии посвящена бессоюзным сложным предложениям). Использован обширный фактический материал русских, белорусских и украинских памятников XV—XVIII вв.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
В. И. БОРКОВСКИЙ

7-1-2
346—1973

ОТ РЕДАКТОРА

В 1919—1921 гг. было опубликовано исследование Е. С. Истриной «Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи» [1], а в 1929 г. работа Е. Ф. Карского — «Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи»[2]. Именно этим работам, а также капитальному труду Е. Ф. Карского «Белорусы, т. II. Язык белорусского племени. Очерки синтаксиса белорусского наречия», изданному значительно раньше (Варшава, 1912), мы обязаны в первую очередь тому, что пробудился интерес к историческому синтаксису отдельных восточнославянских языков.

Особенно благотворным следует признать влияние книги Е. Ф. Карского «Белорусы», в которой не только широко использованы памятники старобелорусской письменности, но и обильно привлечены материалы белорусских говоров и белорусского фольклора.

Е. Ф. Карский в данном случае следовал славным традициям нашего отечественного языкознания XIX в., лучшие представители которого, в первую очередь Ф. И. Буслаев и А. А. Потебня, считали, что данные фольклора и говоров (главным образом фольклора, поскольку говоры во второй половине XIX в. были еще недостаточно изучены) представляют несомненную ценность для истории восточнославянских языков.

В настоящее время мы располагаем большим количеством монографий, статей, авторефератов, докторских и кандидатских диссертаций, посвященных историческому синтаксису отдельных восточнославянских языков и, в частности, сложноподчиненным предложениям. Наряду с трудами, где изучены все типы сложноподчиненных предложений, большое место занимают работы, в которых исследован только один какой-либо тип (условные, временны́е, определительные предложения и т.д.)

Отметим монографии, темой которых являются только сложноподчиненные предложения, и те, где речь идет о всех разновидностях сложных предложений (сложноподчиненных, сложносочиненных, бессоюзных сложных предложений). К последним отно-

[1] «Изв. Отд. русского языка и словесности АН СССР», 1919, т. XXIV; 1921, т. XXVI; Отд. оттиск — Пг., 1923.

[2] «Изв. по русскому языку и словесности АН СССР», 1929, т. II, кн. 1; Отд. оттиск — Л., 1929.

сятся: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958; Я. А. Спринчак. Очерк русского исторического синтаксиса (сложное предложение). Киев, 1964 (эта книга — учебное пособие). Сложноподчиненные предложения обстоятельно исследованы в трудах: А. Н. Стеценко. Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV—XV вв. Томск, 1960; Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.—Л., 1964; А. П. Груца. Развіццё складназалежнага сказа у беларускай мове (на матэрыяле помнікаў пісьменнасці XIУ — XVII ст. ст. і сучасных народных гаворак). Мінск, 1970. В большинстве указанных работ использованы данные фольклора и диалектов, особенно широко в последней.

Представляют несомненный интерес две книги об отдельных типах сложноподчиненных предложений: Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.—Л., 1941; В. И. Троицкий. Относительное подчинение в языке русской письменности XVI—XVII веков. Изд-во Казанского ун-та, 1968. За последние годы достигнуты значительные успехи в изучении сложноподчиненного предложения в его истории. Не было, однако, ничего сделано по исследованию сложноподчиненных предложений в сравнительно-историческом плане, сложноподчиненные предложения старорусских памятников не сопоставлялись со сложноподчиненными предложениями в старобелорусских и староукраинских произведениях, не прослеживалась судьба отдельных типов сложноподчиненных предложений одновременно в трех восточнославянских языках.

Эту задачу в известной степени выполняет данное исследование. Однако в работе основное внимание уделено сложноподчиненным предложениям с союзами, соответствующим синонимичным бессоюзным предложениям, поскольку этим последним посвящено специальное исследование чл.-корр. В. И. Борковского «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными», представляющее собой первую часть настоящей коллективной монографии. Работа построена на материале русских, белорусских и украинских памятников XV—XVII вв. Исследованы все основные типы сложноподчиненных предложений, широко представленные в произведениях различных жанров, и сделаны выводы о степени употребительности каждого из них.

Авторы разделов: Р. Б. Кершиене («Придаточные определительные»), Л. Е. Лопатина («Придаточные следствия»), С. Е. Морозова («Придаточные условия», «Придаточные уступительные», «Придаточные времени»), М. Н. Преображенская («Придаточные причины», «Придаточные цели»), В. К. Сорокина («Придаточные сравнительные, образа действия, меры и степени»), В. Ф. Харпалева («Придаточные дополнительные», «Придаточные места»).

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В данном разделе рассмотрены придаточные определительные, которые относятся к члену главного предложения, выраженному именем существительным, и содержат характеристику предмета или раскрывают его признак.

В языке памятников восточнославянской письменности XV—XVII вв. зависимое определительное предложение, присоединяемое вопросительными и указательными местоимениями, а также наречиями, могло находиться в препозиции и постпозиции по отношению к главному предложению (интерпозицию зависимого определительного предложения мы относим к частному случаю постпозиции).

Нами анализируются лишь те препозитивные и постпозитивные определительные конструкции, зависимая часть которых относится к определяемому слову главного предложения, выраженному существительным. Препозитивные же и постпозитивные определительные конструкции, относящиеся к определяемому слову главного, выраженному местоимением (личным или указательным), нами не рассматриваются, так как они имеют дополнительные оттенки объекта, субъекта и предиката (это дало основание некоторым исследователям отнести их к придаточным дополнительным, подлежащим и сказуемым).

В XV—XVII вв., судя по материалам нашей картотеки, в языке восточнославянской письменности сложился современный тип придаточных определительных предложений. Но наряду с предложениями, напоминающими современные придаточные определительные, в тех же памятниках письменности находим ряд архаических предложений (многие препозитивные, постпозитивные с повторенным определяемым словом и др.), которые свидетельствуют о различных ступенях развития определительных придаточных предложений.

Самым распространенным средством атрибутивной связи в восточнославянских памятниках письменности различных жанров XV—XVII вв. было местоимение *который*. Частота употребления определительных конструкций с *который* в восточнославянских памятниках письменности от XV в. к XVII в. постепенно нарастает. Отношение частоты употребления определительных конструкций с местоимениями *что—кто* в старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках соответственно выражается отношением чисел 4 : 3 : 1. Определительные конструкции с ука-

зательными местоимениями *иже—яже—еже*, часто наблюдаемые в исследованных нами старорусских памятниках, — в старобелорусских и староукраинских встречаются почти в 7 раз реже. Остальные местоимения и наречия, присоединяющие определительные предложения, в рассматриваемом материале отмечены спорадически. Определительные предложения исследуются на материале старорусского, старобелорусского и староукраинского языков. В каждой части анализируются определительные конструкции с теми видами связей, которые встречаются в нашем материале; препозитивные и постпозитивные конструкции рассматриваются отдельно; прослеживаются ступени развития атрибутивных отношений в анализируемых конструкциях. При сравнении материала памятников трех языков различных жанров за указанный период выясняются общие черты в развитии определительных предложений и черты их различия.

СТАРОРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ

В старорусских памятниках письменности XV — первой половины XVII в. определительные предложения присоединялись к главному при помощи: вопросительных местоимений *который*, *кой*, *каков*, *чей*, *елик*, согласуемых с определяемым словом; вопросительных местоимений *кто*, *что*, не согласуемых с определяемым словом; указательных местоимений *иже*, *яже*, *еже*; наречий *где*, *куда*, *откуда*, *когда*, *как*.

Судя по данным нашей картотеки, определительные конструкции с местоимением *который* в старорусских памятниках, употребляясь в произведениях различных жанров, все же чаще встречаются в деловых памятниках (Судебниках, Уложении 1649 г.), где их в три раза больше, чем в памятниках других жанров. Определительные конструкции с местоимениями *что* и *кто* отмечены главным образом в грамотах (где *что* и *кто* теснят *который*) и в произведениях, близких народному, разговорному языку (сочинения Аввакума, Сатиры о пьянстве, Пословицы). Употребление определительных конструкций с указательными местоимениями *иже*, *яже*, *еже* зависит от стиля памятника. Данные конструкции встречаются в большом количестве в тех случаях, когда затрагивается религиозная тема (Путешествие Зосимы, Письма Ивана IV и Курбского, Письма Аввакума, Повесть Катырева-Ростовского и др.), поэтому в грамотах и других деловых документах они отмечены лишь единично.

Определительные предложения, присоединяемые вопросительными местоимениями

Местоимение *который* в определительных предложениях встречается уже в ранних древнерусских памятниках. В рассматриваемых нами старорусских памятниках письменности XV—

XVII вв. определительные предложения, присоединяемые к главному местоимением *который*, занимают ведущее положение, а в современном русском литературном языке служат основным средством связи в предложениях с придаточными определительными.

Еще А. А. Потебня считал препозицию определительных предложений более древней, чем постпозицию: «Нам кажется естественным порядок: „Я видел человека, который приходил. . .“ и „когда он приходил“, между тем как это есть извращение первоначального порядка, ради выражения подчиненности придаточного. Первообразнее: „*(который, когда* и пр.) человек приходил, (и) я (*того, его*) видел“ [1]». Основание «первообразности» он видит в «широком распространении препозитивных придаточных в языках более древнего строя» [2].

А. А. Потебня, указав на «первообразность» этих конструкций, называет их предложениями с придаточными определительными. Но, видимо, эти предложения «придаточными» еще в полной мере не являются, и поэтому мы в дальнейшем говорим о подобных сложных предложениях как о конструкциях с препозитивной зависимой частью. Предложение, которое следует за зависимой частью, для удобства изложения именуем «главным», а слово, к которому относится зависимое предложение, — «определяемым» словом.

Препозитивные зависимые предложения с *который* как по построению, так и по смыслу отличаются от постпозитивных определительных предложений: определительными препозитивные предложения можно назвать только условно, так как они еще не являются четким определением к определяемому слову. Они скорее выделяют это существительное из числа других, чтобы сделать его объектом для дальнейшего высказывания, которое заключено в последующем (главном) предложении [3]. Причем выделительное значение *который* усиливается наличием при определяемом существительном в главном предложении соотносительного слова *тот*. Соотносительное слово *такой* употребляется очень редко, видимо, потому, что эти «атрибутивные имена допускают раскрытие своего содержания со стороны степени осуществления качества», а местоимение *тот* «допускает раскрытие своего содержания как предмета определения» [4].

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. М., 1968, стр. 267.

[2] Там же, стр. 268.

[3] Ср.: Н. А. Широкова. Относительное подчинение в русском литературном языке XVII века. «Уч. зап. Казанского гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина», 1952, т. 112, кн. 6, стр. 73; А. И. Сумкина. К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. «Труды ин-та языкознания АН СССР», 1954, т. V, стр. 176; Г. А. Качевская. К истории сложноподчиненных предложений с придаточным определительным (по данным памятников русской письменности XVI в.). — Там же, стр. 211—212; Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 558; А. Н. Стеценко. Сложноподчиненные предложения в русском языке XIV—XVI вв. Томск, 1960, стр. 213.

[4] Т. П. Ломтев. Указ. соч,, стр. 548—549.

Выделительное значение местоимения *который* возникло, возможно, благодаря первоначальному значению этого местоимения — 'какой, который из двух' [5]. Сохраняя это свойство, местоимение *который* в препозитивных предложениях не выступает еще как относительное местоимение.

Нередко препозитивные предложения содержат в себе дополнительный условный оттенок, причем этот оттенок является вторичным по отношению к значению определения — выделения. Уже в структуре препозитивных предложений могут быть заложены оба оттенка — определения и условия. Определительные оттенки выражены в соотношении *который . . .тот* (он) или имя сущ., а условные — в порядке следования предложений (зависимое перед главным).

Среди конструкций с препозитивным зависимым предложением рассмотрим три группы: 1) конструкции, где в состав препозитивной зависимой части входит определяемое имя существительное; 2) конструкции, где в препозитивной зависимой части отсутствует определяемое имя существительное; 3) конструкции с малой грамматической связью; наличие определяемого существительного в препозитивной зависимой части свидетельствует о малой степени связи между зависимой и главной частями предложения, а отсутствие его — о более тесной связи между предложениями; на этом основании первую группу можно считать более архаичной по сравнению со второй.

Рассмотрим первую группу препозитивных конструкций, в составе которых есть определяемое слово. Эта группа конструкций наиболее многочисленна среди препозитивных. В первой части этих конструкций, начинающихся обычно союзом *а* (реже, *и*, *да*), после местоимения *который* стоит определяемое имя существительное, повторенное во второй части предложения и стоящее в нем после соотносительного слова, выраженного указательным местоимением *тот*. Части предложения соединены союзами *и* (реже *ино*): А *каторыя* князи служилыя в Московской и Тверской земле, и *те* князи служат сыну моему Ивану (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); а *который* крестьянинъ сварить пиво не явясь, и *на томъ* крестьянинѣ имати пени на монастырь по два рубли (Моск. гр. 1602 г. — АЮБ, т. I, № 43); а судные дѣла вершити во всемъ по прежней уставной грамотѣ, а *которыхъ* дѣлъ вершити не мочно, и *тѣ* дѣла къ докладу присылати къ намъ къ Москвѣ (Моск. гр. 1615 г. — АЮБ, т. I, № 46); и *которой* попъ учнетъ у тое церкве пѣти, и *тому* попу и причетникомъ церковнымъ платить въ домъ святѣй Софѣ и Премудрости Божі и за мой подъѣздъ и за десятину и за казенную пошлину на годъ по шти алтынъ по четыре денги (Новг. гр. 1631 г. — АЮБ, т. I, № 31, XXV); А *которые*

---

[5] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 144.

земли за приставом в суде, и *те* земли досуживати (Суд. Ив. III, л. II об., с. 28 и Суд. Ив. IV, с. 253);А *которого* ѣздока изымаютъ, а тотъ ѣздокъ въ книгахъ у кормленыхъ діяковъ ни у которого недѣлщика будетъ не написанъ, и *того* ѣздока казнити торговою казнію (Суд. Ив. IV, с. 217); а *въ которомъ* монастыри живутъ черницы ино *въ томъ* монастырѣ тако же живутъ миряне и холостые и съ женами пригоже ли тому тако быти (Стоглав, с. 57); А *которые* служилые люди на государевѣ службѣ написаны будутъ у кого въ сотнѣ, и *тѣхъ* служилыхъ людей сотеннымъ головамъ безъ государева указу и безъ воеводскаго вѣдома, для своей корысти, ни куды не роспускать (Улож. 1649 г., с. 16); А *въ которомъ* числѣ по отвѣтчикѣ къ суду поручная запись будетъ собрана: и *то* число въ поручной записи описывати (Там же, с. 39); і *которой* десятник утаитъ лихова человѣка въ своемъ десятку, и *тот* десятникъ с тѣмъ лихимъ человѣкомъ казненъ будетъ смертною казнью (Пересветов, с. 76).

Приведенные выше конструкции широко представлены в деловой литературе: грамотах XVI—XVII вв., Судебнике 1497 г., Стоглаве, Судебнике Ивана IV, Уложении 1649 г. (особенно в последнем). И лишь небольшое количество примеров находим у Пересветова, в Сказании о Гр. Отрепьеве, Путешествиях московских купцов и Повестях об азовском взятии. Таким образом, в XV—XVII вв. эта конструкция стала штампом, характерным для юридических документов, где было удобно использовать устоявшиеся формулы; в живой речи эти конструкции, по всей вероятности, уже не употреблялись или употреблялись очень ограниченно.

Как видим из отмеченных примеров, местоимение *который* выступает в роли определения к определяемому существительному в зависимом предложении, согласуясь с ним в роде, числе и падеже. Местоимение *который* в этих примерах еще не стало относительным и не может самостоятельно «связать» обе части конструкции. Существует ряд приемов, которые помогают «связать» и организовать зависимое и главное предложения в указанных конструкциях.

Прежде всего — это указательное местоимение *тот*, соотносительное слово, стоящее во втором, главном, предложении перед определяемым существительным. Характерная черта соотносительного слова — анафоричность, отсутствие реального значени, что требует определенной конкретизации, которая в рассматриваемых конструкциях и дается в первом предложении. Таким образом, соотносительное слово в главном предложении выступает в качестве определенной «скрепы»; в предожениях устанавливается соотношение: . . . *который (*имя). . ., *тот* (то же имя). . . Синтаксически соотносительное слово здесь — определение, и его оформление (род, число, падеж) зависит от того существительного, при котором оно употреблено.

В конструкциях рассматриваемой нами группы предложений почти не бывает пропусков соотносительного слова. Встретились

лишь единичные примеры[6]: а *которой* крестьянинъ подыметъ на на межу изъ борана, и на виноватом за боранъ два алтына (Моск. гр., 1602 г. — АЮБ, т. I, № 43); а *по которой* записи приводити, и мы послали к тебѣ запись подъ сею отпискою (Рус. гр. 1614 г.— АИ, т. III, № 29) [7].

Таким же дополнительным синтаксическим средством для выражения логических отношений (определения) является определенный порядок слов в зависимом и в главном предложениях: препозитивное предложение начинается союзным словом *который*, а главное — соотносительным словом *тот*, на втором месте в обоих предложениях помещено определяемое существительное. Но этот порядок а *который* (сущ.,). . . и *тот* (то же сущ.) не является единственным. Приведем примеры нарушения данного порядка: и *который* попъ учнетъ у него у той церкви пѣти, и ненадобе *тому* попу в ту пять лѣтъ моя дань, ни данской кормъ, ни данскія пошлины (Моск. гр. 1562 г. — АЮБ, т. I, № 31, XXIV); и *которые* будетъ мѣста недодѣланы, или попортились, и вы бъ *тѣ* мѣста тотчасъ велѣли подѣлать и урѣпити (Моск. гр. 1614 г. — АИ, т. III, № 43); а *въ которыхъ* приставныхъ памятехъ исцовъ искъ написанъ будетъ безъ цены, и дьякомъ *такихъ* приставныхъ памятей не подписывати (Улож. 1649 г., с. 36); А *которыя* азовския люди по последнему пути зимнему пошли ис того града Азова в Российское государство Московския державы в украину для разорения православного християнства, и в те поры шли *те* люди с Руси с полоном в свои домы (Пов. об азов. взятии, с 51).

Интересны примеры из юридических памятников XV, XVI и XVII вв., в которых повторялась формулировка с одним и тем же нарушением порядка следования слов (в главном предложении „*тот*+определяемое существительное“ стоит не на первом месте)— штамп, сохранявшийся три столетия: А *в котором* городе живет недельщик, ино ему с приставными *в том* городе не ездити, ни посылати ему с приставными в свое место ни в какове деле (Суд. 1497 г., л. 6—6 об., с. 23); А *въ которомъ* городѣ недѣлщикъ живетъ, и ему *въ томъ* городъ съ приставными не ѣздити, и въ свое мѣсто не посылати ни въ каковѣ дѣлѣ (Суд. Ив. IV, с. 216); А *въ которомъ* городѣ недѣльщикъ живеть: и ему *в томъ* городъ съ наказными памятьми ни ѣздити, и въ свое мѣсто товарищевъ своихъ не посылати (Улож. 1649 г., с. 50).

---

[6] Ср. Н. А. Ш и р о к о в а. Указ. соч., стр. 77—78. — Автор, считая нормой наличие соотносительных слов в препозитивных определительных предложениях с *который*, отмечает в своем материале (XVII в.) также небольшое количество указанных конструкций без соотносительных слов (только 3%).

[7] Благодаря отсутствию соотносительного слова и нарушению общей схемы конструкции (в первом предложении — изменение названия лица уже сразу указывает на результат, во втором — постановка повторенного существительного в середине главного) в конструкциях ослабляется определительный характер, а второй пример теряет четкость и стройность.

Нарушение обычного порядка в данных конструкциях: *который* (сущ.). . ., *тот* (то же сущ.) — влечет за собой ослабление определительных отношений; причем, чем дальше от начала второй части предложения находится соотносительное местоимение *тот*, тем слабее определительные отношения между частями предложения: А *которые* черные священницы и діяконы въ тотъ монастырь ново станутъ, или изъ которого монастыря, в тотъ ихъ монастырь перейдут и учнутъ въ томъ ихъ монастырѣ служити, и наши подьѣзщики и десятинники *на тѣхъ* черныхъ священницѣхъ и на діаконѣхъ перехожихъ а новичныхъ гривень не емлютъ (Новг. гр. 1581 г. — АИ, т. I, № 210).

Рассматриваемые конструкции представляют собой тот этап в развитии определительных отношений, когда подчинительные связи еще недостаточно сформировались. Об этом свидетельствует ряд особенностей данных конструкций, причем наиболее характерная — повторение определяемого имени существительного в зависимом препозитивном и главном постпозитивном предложениях, несвойственное современным сложноподчиненным определительным предложениям. Мы склонны согласиться с В. З. Санниковым, считающим повторение имени в определительных предложениях признаком, который был унаследован от сочетания простых независимых предложений [8]. Следовательно, повторение имени в препозитивном зависимом и постпозитивном главном предложениях определительных конструкций не является компонентом, указывающим на формирующиеся подчинительные отношения [9]. Наоборот, это показатель того, что подчинительные отношения в предложении еще не сложились, что конструкция не представляет собой сложного единства, при котором обе части спаяны друг с другом.

Встречаются примеры, где имя, стоящее в первом предложении, не повторяется во втором, но имеется имя существительное (*люди*), обозначающее общее, обобщающее понятие по отношению к частному, конкретному (*рыбные ловцы*, *иногородцы*), употребленному в первом предложении: а *которые* рыбные ловцы похотятъ въ тѣхъ водахъ ловити, и *тѣ* люди докладываютъ Архіепископа Гурья, а оброкомъ рядятца у его дворецкого, или кому Архіепископъ прикажетъ (Казан. гр. 1555 г. — АИ, т. I, № 162); А *которые* иногородцы не учнутъ о тѣхъ своихъ обидныхъ дѣлѣхъ бити челомъ на намѣстниковъ, или на волостелей, и на ихъ людей до году: и *тѣмъ* людемъ тогда приставовъ и суда на намѣстниковъ и на волостелей и на ихъ людей не давати (Суд. Ив. IV, с. 200 201).

Отметим пример, где как будто бы опущено существительное во втором предложении при соотносительном слове, но это сущест-

---

[8] В. З. Санников. Сложноподчиненное предложение в древнерусских памятниках XI—XIV вв. (канд. дисс.). М., 1965, стр. 102.

[9] А. И. Сумкина считает, что повторение имени могло быть внешней формой выражения подчинительных соотношений (указ. соч., стр. 143—144).

вительное уже со своим соотносительным словом все же повторено в конце предложения: I, *в которомъ* царствѣ правда, *в том* і Богъ пребываетъ і помощь свою святую велику даваетъ, и гнѣвъ божий не воздвигается на то царство (Пересветов, с. 64).

В следующем примере два зависимых предложения; причем только по смыслу связано второе зависимое с главным (в главном — обобщающее слово *христіяне* по отношению к слову *пришельць*— в зависимом), а формально и по смыслу — первое зависимое и главное, поскольку в них одно и то же определяемое — существительное *христіяне*: А *которые* православные христіяне приходятъ отъ всѣхъ странъ, отъ востока и запада, поклонитися гробу Господа нашего Іісуса Христа и святымъ мѣстомъ, и которому пришельцу иныя страны прилучится отъити ко Господу, и *тѣхъ* Христіянъ кладутъ въ селѣ Скудельничѣ томъ (Пут. моск. купцов, с. 146).

Следующая особенность анализируемых конструкций — сочинительные союзы (*и*, *ино*) между зависимым и главным предложениями. Эти союзы, видимо, являются остатком древнего «нанизывания» простых предложений. Они так же, как повторение имени в зависимом и главном предложениях, говорят нам о незавершенном процессе образования подчинительных отношений и малой связи между зависимой и главной частями данной конструкции. Сочинительные союзы между главным и зависимым предложениями встречаются почти во всех наших примерах из старорусских памятников XV—XVII вв. Лишь в единичных случаях сочиинительные союзы отсутствуют, что приводит к потере самостоятельности частей конструкции, делает их более зависимыми друг от друга. Очевидно, перед нами примеры, где местоимение *который* в препозитивном предложении начинает приобретать свойство «относительности»: А *которые* старосты и целовальники грамотѣ не умѣютъ, и *которые* грамотѣ умѣють, *тѣмъ* старостам и цѣловальникомъ къ судному списку, земского діяка рукѣ, руки свои прикладывати (Суд. Ив. IV, с. 230) [10]; *Которая* земля порабощена, *в той* землѣ все зло сотворяется: и татба, і обида, і всему царству оскужение великое (Пересветов, с. 67).

Препозитивные зависимые предложения, как мы видели из приведенных выше примеров, тоже обычно вводятся союзом, но здесь, как правило, выступает союз *а*, а также союзы *и*, *да*, но гораздо реже. Эти начинательные союзы и связывали, и разграничивали предложения в общем потоке речи при «нанизывании» предложений. Встретилось лишь небольшое количество подобных конструкций без начинательного союза. Чаще всего это начальные главы в юридических документах, когда сложное предложение дается как

---

[10] Наличие союза в данном примере между двумя зависимыми предложениями, возможно, способствовало устранению союза между главным и зависимым предложениями.

первое высказывание в начале текста [11]. Встречаются предложения без начинательного союза и в других памятниках, ближе стоящих к живому языку. Например, в Пословицах XVII в. все предложения не имеют начинательного союза, так как каждая пословица представляет собой отдельное, не зависимое ни от каких предложений речение, которое не надо ни связывать, ни разграничивать с соседними предложениями: оно не входит в общий поток речи: Которо^{г} ко^{т} блу^{д}ливъ то^{т} неторопливъ (л. 351 об.); Которои дн҃ь прошо^{д} то^{т} до на^{с} дошолъ (л. 352 об.); По которои рекѣ плы^{т} по той (и) слава творить (л. 366) и т. д.

В примере из сочинений Пересветова начинательный союз отсутствует (в прямой речи): А так рекъ Махмет салтан: *В котором* царьствѣ люди порабощенны, і *в том* царствѣ люди не храбрыі къ бою против недруга не смѣлы (с. 75).

В старорусских памятниках встречается еще одна разновидность препозитивных зависимых предложений: в них отсутствует определяемое имя существительное. Можно предположить, что в в развитии определительного предложения данная группа препозитивных зависимых предложений была менее архаичной, чем рассмотренная нами первая группа с определяемым именем в препозитивном предложении. Отсутствие определяемого имени в зависимом предложении говорит о том, что конструкция уже может обойтись без повторенного определяемого имени в зависимом предложении, так как местоимение *который* здесь субстантивировано и выступает заместителем определяемого слова, названного в главном предложении. Местоимение *который*, бывшее определением к определяемому слову, стоявшему рядом с ним, превращается в относительное местоимение, которое связывает два предложения конструкции. Препозитивное предложение все больше утрачивает свою самостоятельность и «привязывается» к главному относительным местоимением *который*. Конструкция держится на соотношении: *который*. . . *тот* (опр. сущ.). Зависимые препозитивные предложения, не имеющие в своем составе определяемого имени, в большей степени можно назвать определительными, чем препозитивные с определяемым именем. Однако это еще не совсем сложившиеся сложноподчиненные предложения: между зависимым и главным предложениями сохраняются сочинительные союзы.

Примеры этой группы представляют собой следующую конструкцию: препозитивное предложение начинается местоимением *который*; в главной части определяемое существительное обязательно с соотносительным словом *тот*, которое будучи определением по отношению к определяемому слову в главном (согласуется с ним в роде, числе и падеже), в то же время служит соотносительным словом, коррелятом, помогая местоимению *который* связывать обе части конструкции; между частями конструкции

[11] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 96—98.

стоит сочинительный союз. Примеры этой группы из всех препозитивных предложений с *который* имеют наиболее отчетливый определительный оттенок. Оба примера, которые встретились нам, из Уложения 1649 г.: *которые* въ государеву службу поспѣли, а государевы службы не служать, и ни въ какіе чины не написаны: и *тѣхъ* челобитчиковъ на Москвѣ и въ городѣхъ на Москвѣ и въ городѣхъ осматривати (с. 17); пример с соотносительным словом *такой*: Да *которые* отпускных у себя не скажут: и помещикам и вотчинником *про таких* людей провѣдывати подлинно, прямо ли они вольные люди (с. 132).

Как мы видели, всякое отступление от рассмотренной «формулы» препозитивного зависимого предложения ведет к затемнению определительного оттенка в предложениях и усилению условно-временно́го. Нам встретились и такие препозитивные конструкции, когда в главном предложении определяемое слово отсутствует, т. е. нет того слова, к которому могла бы относиться зависимая часть предложения [12]. Среди таких предложений могут быть конструкции, когда в зависимой препозитивной части употреблено определяемое слово: а *которой* крестьянинъ сваритъ пиво, и явки имати с пива съ четверти по денгѣ (Моск. гр. 1602 г. — АЮБ, т. I, № 43). Местоимение *который* здесь имеет неопределенное значение, и безличное главное соотносится не с определяемым словом *крестьянин* в зависимом, а со словом *пиво*. Кроме того, условный оттенок усиливается благодаря тому, что глагол в первом предложении стоит в будущем времени.

Встретились также конструкции, где при отсутствии определяемого имени в главном нет его и в зависимом препозитивном предложении (его заменяет *который* в значении *кто*): Знают его на Москве на земском дворе ярышки кабацкия, *у которого* лучитца одна денга, и на ту денгу купит ерошев много (Пов. о Ерше, с. 149); а *который* без ума живет, а впред не помышляет, как ему жити, яко в век живет с позоры (Сатиры о пьянстве, с. 77). — В обоих предложениях определяемое в главном (имя существительное или местоимение *тот*) указывается общим смыслом предложения.

Предложения с союзным словом *который* в постпозиции сосуществуют с препозитивными предложениями в одних и тех же памятниках письменности. Количество их, судя по данным нашей картотеки, в старорусских памятниках увеличивается от XV к XVII в. Если в XV в. предложения с *который* в постпозиции

---

[12] Несомненный интерес представляют примеры из грамот, приведенные в кн.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение, стр. 130. — В первой части конструкции имя не названо (эта часть — неопределенно-личное предложение), но вторая часть — главное предложение — построено так, как если бы имя было названо (в главном стоит имя с указательным местоимением при нем): А *въ которомъ* городе въ Местерове дръжаве, и въ Арцыбискуплихъ земляхъ и в Бискуплихь земляхъ, у Новгородца выдерутъ бороду: и того Немчина съ Ноугородцомь поставятъ на съезде передъ судьями на вопчемь суде (Новг. гр. 1521 г.). Сходный пример приведен из Моск. гр. 1531 г.

встречаются ограниченно (как, впрочем, и в препозиции), то в XVI в. количество предложений с *который* в постпозиции растет во всех памятниках письменности (кроме грамот) за счет препозитивных предложений, и в XVII в. предложений в постпозиции употреблено уже в три раза больше, чем в препозиции. Эта цифра в основном за счет Уложения 1649 г. и Учения и хитрости ратного строения пехотных людей 1647 г. (особенно).

Предложения с *который* в постпозиции представляют собой прообраз современных определительных, но наряду с предложениями, близкими к современным конструкциям, встречаются архаические типы постпозитивных предложений.

Рассмотрим постпозитивные зависимые предложения, разбив их на две группы: 1) архаические типы постпозитивных зависимых предложений; 2) постпозитивные определительные предложения, близкие к современному типу придаточных определительных.

Конструкции с повторением определяемого имени были первой ступенью в процессе формирования современных придаточных определительных. В них, как и в современном русском языке, первое место занимает главное предложение, в котором имеется определяемое имя существительное. На втором месте — зависимое предложение, присоединяемое к главному относительным местоимением *который*, но в этом зависимом в отличие от современного языка повторяется определяемое существительное главного предложения. Повторение определяемого существительного, унаследованное от древнего сочетания простых независимых предложений, говорит об архаичности данной конструкции. Кроме того, повтор имени делает обе части конструкции более самостоятельными, поэтому рассматриваемые зависимые предложения нельзя еще назвать придаточными определительными в современном значении данного термина. На данном этапе развития определительных конструкций местоимение *который* не субстантивировано, так как не выступает заместителем существительного первого предложения, а является определением повторенного существительного и согласуется с ним в роде, числе и падеже. В предложениях четкая структура: местоимение *который* следует непосредственно за определяемым словом главного, а после него стоит повторенное существительное главного: . . . сущ., *который* (то же сущ.). . . Следует отметить, что эти конструкции ограничены в своем употреблении в рассматриваемом материале[13]: и ѳ вашего wца оу митрополити. *который* митрополи оу ва ѳ велики кнзеи. ни буде (Новг. гр. 1471 г. — Шахм., О языке, № 20); Да архіепископу жъ дали озеро Царево и съ иными озеры, *которые* озера около Царева озера (Казан. гр. 1555 г. — АИ, т. I, № 162); а велено ему собрати с Ваги, съ посаду и съ Важского уѣзду, денеж-

[13] На это же указывают: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение, стр. 132; А. Н. Стеценко. Указ. соч., стр. 222.

ные доходы на прошлые годы, *на которые* годы крестьяне денегъ не платили послѣ Царя Василья (Моск. гр. 1613 г. — АИ, т. III, № 3); А с записми не посылати никуды, . . . опричь приказныхъ дѣлъ, *въ которыхъ* дѣлѣхъ велитъ Государь дати запись (Суд. Ив. IV, с. 245—246); . . . и росправа чинити полковымь воеводамъ, или судіямъ, *которымъ* судіямъ полковыя воеводы прикажутъ (Улож. 1649 г., с. 51); В первой главѣ, написано о самыхъ надобнѣйшихъ статіяхъ, *которыя* статі и всякому салдату во уменіе примѣчати и вѣдати и остерегати надобно (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 9); В томъ же углѣ врата градные, *в которые* врата вьѣхалъ Іисусъ Христосъ на осляти (Пут. моск. купцов, с. 138). Как видим из последнего примера, в постпозитивных конструкциях определяемое слово в главном может иметь определение, что не нарушает четкости структуры всего предложения.

Если сравнить данные постпозитивные конструкции с рассмотренными выше препозитивными предложениями с повторенным существительным: *который* (сущ.) . . ., *тот* (то же сущ.) . . ., то легко обнаружить, что местоимение *который* в постпозиции утрачивает оттенок выделения, избирательности, свойственный ему в препозитивном предложении. Однако, как и в препозитивных предложениях, оно выступает в качестве определения существительного, повторенного в зависимом предложении, не став еще заместителем определяемого слова главного предложения. Постпозитивные предложения с *который* не имеют условного оттенка, они чисто определительные, хотя и не до конца оформленные. Между главным и зависимым нет сочинительных союзов, а также очень редко употреблено соотносительное слово *тот* в главном, почти обязательное в препозитивных предложениях. Такое единичное употребление соотносительных слов в главном в постпозитивных конструкциях говорит, видимо, о том, что предложения с постпозицией зависимой части достаточно хорошо «скреплены» и им не нужно дополнительных «скреп» в виде соотносительных слов. Приведем встретившиеся нам примеры с соотносительным словом в главном: съ *тѣхъ* съ дву сохъ, *съ которыхъ* съ дву сохъ тотъ целовальникъ выбранъ (Моск. гр. 1565 г. — АИ, т. I, № 175); и недельщику езд один *до того* города, в *который* город приставная писана (Суд. 1497 г., л. 5, с. 22).

Следующие конструкции напоминают современные определительные предложения, стоящие внутри главного. Но они отличаются от современных тем, что в начале третьей части предложения (после зависимого предложения) помещено плеонастическое местоимение, наличие которого кажется излишним для современного человека. Благодаря этому местоимению зависимое предложение с *который* связано как с первым предложением, по отношению к которому оно в постпозиции, так и с третьим, по отношению к которому оно в препозиции. Имеется еще одна черта сходства, сближающая зависимое предложение с *который* с препозитивным зависимым предложением: наличие сочинительных союзов (не всегда)

между второй и третьей частью предложения. Таким образом, можно сказать, что данные конструкции представляют собой предложения, совмещающие архаические черты с чертами более позднего построения [14].

Плеонастическое местоимение может быть личным: А охреян Осанко толмач, *которой* с тем послом был, и *он* своим влошебством великому Донскому Войску чинилъ пакость великую (Пов. об азов. взятии, с. 52).

Плеонастическое местоимение — указательное: . . . всякой человѣкъ *которой* втотъ чинь вступитъ, и *тому* мочно внемъ также пріятную службу Богу воздавати (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 7); А в войнахъ всякому салдату или воину *которой* ввойнѣ служити охоту имѣетъ, и *тому* надобно разсудити мочноли ему здоброю совѣстію тому государю служити (Там же, с. 25—26).

Плеонастическое указательное местоимение может выступать с повторением существительного главного предложения: (сыну же моему Федору даю. . .) да селцо Кузяево, да селцо Белой Раст и Наузовские деревни, *которые* списаны с Наузовской деревней, и *те селы* и *деревни* сыну моему Федору (Моск. гр. 1573 г. — Дух. дог. гр., № 104).

66 890

Примеры без соединительного союза между второй и третьей частью предложения (без союза связь предложений теснее): а мѫжнимь женкамь *которые* черное дѣло дѣлаю избѫ топатъ и хлѣбы пакѫтъ и платьа моют *тѣмъ* дают на собѣ и на мѫжа и на дѣти прасти (Домострой, с. 28); а лѫтчие люди *которые* торгѫю *тѣхъ* гдрь в столѣ оу себѣ сажае (Домострой, с. 50); Да *тѣмъ* же людямъ, *которые* дают золотые, *тѣмъ* дают письма (Пут. моск. купцовъ, с. 140). В последнем примере связь между предложениями усиливается еще благодаря указательному (выделительному) местоимению, стоящему в главном предложении.

Приведенные примеры следует рассматривать как примеры с постпозитивным зависимым предложением, сохраняющим архаические черты связи с последующим предложением, когда третья часть конструкции еще не ощущалась продолжением главного предложения и язык использовал старые средства связи: сочинительные союзы, плеонастическое отсылочное местоимение, повторение существительного, т. е. те средства, которыми язык пользовался на протяжении истории создания определительного придаточного предложения, когда связь между частями предложения была недостаточной.

В наших примерах плеонастическое местоимение указывает на существительное, данное не в предложении с местоимением *который*, а на существительное в первом главном предложении, т. е. таким способом осуществлялась связь первого и третьего

[14] См.: А. И. Сумкина. Указ. соч., стр. 191; Н. А. Широкова. Указ. соч., стр. 86—88.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

www.rustang.ru

предложений. С течением времени, когда местоимение *который* само смогло организовать все три части предложения, отпала надобность в плеонастическом местоимении, и оно перестало употребляться.

Так возникли придаточные определительные предложения, стоящие в середине главного (интерпозиция), которые употребляются и в современном русском литературном языке. В материале нашей картотеки старорусских памятников письменности XV—XVII вв. имеется большое количество уже сформировавшихся определительных предложений, стоящих в интерпозиции: И вы бъ всѣ крестьяне, *которые* въ томъ селѣ и въ деревняхъ живутъ, архимандрита Аврамъя съ братьею слушали, пашню на нихъ пахали и оброкъ имъ платили (Моск. гр. 1562 г. — АИ, т. I, № 167); а дьяку, *который* грамоту правую напишетъ, от писма с рубля имати по три денги (Суд. 1497 г., л. 8 об., с. 25); и за ту животину, *которую* онъ уморитъ, велѣть на немъ доправить цѣну, по указаной ценѣ, и отдати исцу (Улож. 1649 г., с. 64); Пане господине Чапличю! на широковѣщательныи твои лист, *которыи* писалъ еси до насъ зъ должаишею экзордіею, малыи сокрощенныи отвѣтъ нашъ (Письма Курб., с. 437); Наипаче же попы и бабы, *которых* унимал от блудни, вопят (Аввакум, Житие, с. 64).

К архаической группе постпозитивных определительных предложений отнесем те примеры, которые не имели определяемого имени в первом (главном) предложении. Встретились примеры с постпозитивным зависимым предложением, в котором есть определяемое имя, и определяемое в главном восстанавливаем по наличию его в постпозитивном зависимом с *который*: А есть ли тот оманет, не только дастъ, какъ вѣсъ держитъ, іли цѣну возмет не такову, болши устава царева, *которому* царь уставилъ товару цѣну, но таковому смертная казнь бываетъ (Пересветов, с. 76). Пример, который мы приводим ниже из писем Курбского, можно рассматривать как предложение с отсутствующим соотносительным словом в главном. Предложения получают большую самостоятельность из-за несогласования глагола *не пробудетъ* (ед. ч.) в главном с местоимением *которые* (мн. ч.) в зависимом: не пробудетъ долго передъ Богомъ, *которые* созидаютъ престолъ беззаконія (с. 156). Подобный этому пример из Уложения 1649 г., но главное в нем— безличное предложение: И выбирати въ губные старосты, *которые* грамоте умеют (с. 263).

Данные примеры — образцы незаконченной грамматической связи в постпозиции, так же как и рассмотренные нами группы архаических предложений с постпозицией.

В старорусских памятниках XV—XVII вв. наряду с архаическими постпозитивными определительными конструкциями наблюдаются постпозитивные определительные предложения, близкие к современному типу придаточных определительных.

Предложения с *который* в этих конструкциях выражают только определительные отношения. Они легли в основу совре-

менных придаточных определительных предложений. Местоимение *который* в этих предложениях, совсем утратив свойство обозначать «который из двух», приобретает чисто грамматическое значение, сближаясь в своей синтаксической функции с подчинительным союзом [15]. От последнего *который* отличается лишь тем, что обязательно выступает членом предложения в придаточном. Если в препозитивном предложении и в постпозитивном, имеющем в своем составе определяемое имя, местоимение *который* синтаксически было определением повторенного существительного, то в данных предложениях *который* — заместитель определяемого слова и служит подлежащим или дополнением в придаточном предложении. С определяемым словом главного *который* согласуется в роде и числе, т. е. приобретает соотносительную функцию, а падеж получает в зависимости от того, каким членом предложения *который* выступает в придаточном предложении.

Благодаря тому, что *который* принимает род и число определяемого имени главного, оба предложения окончательно теряют свою самостоятельность, и предложение с *который* «привязывается» к главному и становится настоящим придаточным, определяя существительное в главном. Связь между предложениями осуществляется только при помощи местоимения *который*.

Постпозитивных определительных конструкций без сочинительного союза между главной и придаточной частью в исследованном материале нам не встретилось.

Предложения без соотносительного слова при определяемом существительном распространены почти во всех взятых нами памятниках. Они встречаются еще в XIII в. [16] Это самая многочисленная группа придаточных постпозитивных с относительным местоимением *который*: Въ нынѣшнемъ во 149 году писалъ ты къ намъ о посылкѣ нашей ясачной и поминочной соболиной казны, *которая* послана къ намъ къ Москвѣ на прошлой на 148 годъ (Моск. гр. 1641 г. — АИ, т. III, № 214); А на монастырѣхъ жити нищимъ, *которые* питаются милостынею отъ церкви Божіи (Суд. Ив. IV, с. 261); и то дѣло вершити товарыщемъ, *которые* будутъ въ приказе и въ приговоръ писати свои имена (Улож. 1649 г., с. 29); и то пишется особно провеликихъ государей, *которыя* воины зачинаютъ (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 33); І приказал бы еси, государь, Михайлу Юрьевичу дати мнѣ плотниковъ к тому дѣлу і иныхъ мастеровъ, *которые* мнѣ надобѣ (Пересветов, с. 79); . . . и тамъ бы были подо властію воеводъ, *которымъ* царь повелитъ быти (Пов. Кат.-Рост., с. 567); а купцы тою сѣрою конопатятъ корабли, *которыя* ходятъ по Черному морю (Пут. моск. купцов, с. 148); Да друга моего выкупил, Василия, *который* тамъ при Паш-

---

[15] Ср.: Н. А. Широкова. Указ. соч., стр. 81.
[16] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение, стр. 133.

кове на людей ябедничал и крови проливал и моея головы искал (Авакум, Житие, с. 83) и т. п.

Если в препозитивном зависимом предложении употребление соотносительного слова было нормой, то в постпозиции постановка его необязательна, и чаще встречаются примеры без соотносительного слова. У соотносительного слова *тот* (реже *такой*) в постпозитивных предложениях изменяется функция: если в препозитивных предложениях соотносительное слово *тот* выступало в качестве определенной «скрепы», то в постпозитивных предположениях оно уточняет, подчеркивает то существительное, которое будет определено в предложении с относительным местоимением *который*. Приведем примеры, где в главном предложении при определяемом существительном имеется соотносительное слово: и по тѣмъ ихъ жалобницамъ судити во всемъ иску, по жалобницѣ и *безъ тѣхъ* людей, *за которыхъ* не отвѣчаютъ (Суд. Ив. IV, с. 199); А велѣти хлѣбные запасы и конскіе кормы имати по указной цѣне *у тѣхъ* людей, *у которыхъ* хлѣбные запасы и конскіе кормы будутъ въ лишкѣ, за ихъ домашними росходы (Улож. 1649 г., с. 18); Ѿсѣки тѫ рѫкѫ. про *которая* себѣ добра не хочетъ (Пословицы XVII в., л. 376 об.); бог любит *тех* детей, *которые* почитают отцов (Аввакум, Житие, с. 82) и т. п.

В современном литературном русском языке нормой стало непосредственное следование определительного придаточного предложения за определяемым словом главного.

По нашим наблюдениям, в памятниках XV—XVII вв. непосредственное следование придаточного определительного за определяемым словом также уже было нормой. «Следует отметить, что еще в XIV в. в грамотах мы встречаемся со стремлением составителя поставить постпозитивное предложение непосредственно после определяемого слова» [17].

Но наряду с этим наблюдаются случаи с отрывом придаточного определительного от определяемого слова (в памятниках XV в. этих случаев нам не встретилось). Между придаточным и определяемым словом главного могло стоять сказуемое главного: а по всѧ дни гдрна оу слѫгь дазираетъ *которые* пекѫтъ и варѧтъ и всѧкіе приспѣхи дѣлаютъ (Домострой, с. 31); младые бы люди не ужасалися, *которые* не таковы силны (Пересветов, с. 74); И кто сіе писмо возметъ и прочтетъ, и онъ бы ево не таилъ, давалъ бы, разсмотряючи и вѣдаючи, своей братіѣ, православнымъ христіяномъ, прочитати вкратцѣ, *которыя* за православную вѣру умрети хотятъ, что бы имъ было вѣдомо, а не тайно (Пов. о Рос. царстве, с. 218); и ту воду люди копятъ, *которые* ту живутъ и питаются ею во весь годъ (Пут. моск. купцов, с. 154).

Отрыв придаточного определительного от определяемого слова может быть еще более значительным: также, как и мы къ вамъ

[17] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложние, стр. 134.

о переѣзщикѣхъ, мимо посолского договору, не пишемъ, *которые* отъ насъ заворовавъ и поимавъ многіе чужіе животы, перебѣгаютъ къ вамъ (Вязем. гр. 1624 г. — АИ, т. III, № 131); такъ же и *тѣхъ* салдатовъ паче того оманщиками и бездѣльниками почитати. *которые* оружіемъ своимъ владѣти неумѣютъ и учитися не хотятъ (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 57); а зборщиковъ *тѣхъ* ис казны оброчил своимъ жалованіемъ, *которыя* збираютъ казну цареву (Пересветов, с. 74); А велѣлъ бы еси, государь, дѣлати щиты на триста человѣкъ, да велѣлъ бы еси, государь, на триста коней юнадцкихъ дѣлати щиты же, *которые* горазди іграти смертною игрою противъ недруга за вѣру християнскую і за тебя, государя великого царя (Пересветов, с. 79); а в тѣ кандила старецъ подливаетъ масло, *который* приставленъ у гроба Господня (Пут. моск. купцов, с. 138); Еже исповѣдника твоего потворяти и сикованцѣи на него умышляти, *которыи* душу твою царскую къ покаянію привелъ, грехи твои на своей вые носилъ (Письма Курб., с. 127—128); А как мы архимандрита избудем и доброго добудемъ, *которой* горазд лежа вино да пиво пить (Сатиры о пьянстве, с. 122); И те учители явны яко шиши антихристовы, *которые*, приводя в веру, губят и смерти предаютъ (Авакум, Житие, с. 108); та язва будет на тебе, *которую* ты Федору смышляешь (Аввакум, Письма, с. 207—208).

Интересно отметить, что указанное дистантное употребление придаточного предложения встречаем главным образом не в юридических памятниках, а в тех, которые ближе к непосредственному живому повествованию.

Рассматривая данные конструкции как предложения с недостаточно оформленным подчинением (контактное употребление придаточных по отношению к определяемому слову является нормой в современном русском литературном языке), можем предположить, что к концу XVII в. конструкции с дистантным употреблением придаточного должны выйти из употребления, но получается обратное: в XV в. конструкций с дистантным употреблением придаточного нам не встретилось, зато в XVI—XVII вв. они получили распространение. Примеры с дистантным употреблением придаточного встречаем даже в произведениях XIX в., в частности у таких писателей, как Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой [18]. Однако для XIX в. употребление придаточных определительных с отрывом от определяемого слова было неудобством, которое затемняло смысл предложений. Недаром же А. А. Потебня вслед за Ф. И. Буслаевым обращает на это внимание: необходимо, «чтобы между именем. . . и местоимением (*который*) не было употреблено такого слова, к которому по грамматической форме можно отнести *который*, напр. у Батюшкова: „или рев источника, образованного снегом, который стрелою протекает

[18] См.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 276.

по каменному дну. . .“ (Бусл. § 268); хотя и нетрудно понять, что протекает источник, а не снег, но это требует лишнего времени, а достоинство слога и состоит именно в сбережении времени» [19]. Наличие таких конструкций в языке художественной литературы поддерживалось, как нам кажется, употреблением их в разговорной речи.

С другой стороны, стремление сразу после определяемого слова поставить относительное местоимение *который* придаточного предложения привело к конструкциям с порядком, также несвойственным современному русскому языку: А гостя, *которого* дом разграбили, пожаловалъ царь (Котош., с. 82). В этом примере с интерпозицией зависимого предложения относительное местоимение управляется не глаголом, а существительным *дом* и стоит в род. пад. (принадлежности).

Подобные примеры отмечает М. Н. Вьюкова в памятниках XVIII в. [20], а в «Грамматике русского языка» говорится, что эти конструкции часто употрябляют даже писатели XIX в. (приводятся примеры из произведений Жихарева, Лермонтова, Белинского, Л. Толстого) [21].

Приведенные нами и другими авторами примеры структурной неоформленности придаточных определительных свидетельствуют еще раз о том, что процесс формирования придаточных определительных продолжался веками, и нельзя считать, что он закончился в XVII в. — случаи употребления препозитивных предложений и архаических постпозитивных [22] есть еще в XVIII в. и даже в XIX в.

Итак, постпозитивные определительные придаточные предложения, начинающиеся местоимением *который* с контактным употреблением придаточного по отношению к определяемому слову главного, стали нормой для современного русского литературного языка. Определительные предложения с *который* в препозиции встречаются лишь в разговорной речи [23] и в говорах. А. Б. Шапиро [24] приводит ряд примеров с препозитивными определительными предложениями; сравнительно редко встречаются конструкции типа *который* (сущ.). . ., *тот* (то же сущ.). . ., так распространенные в памятниках XV—XVII вв.: Ф *которой* день итти, в тот день ея и кормя (В. Мансикка. Заметки о говоре северо-восточной части Пудожского уезда. «Изв. ОРЯС», 1914, т. XIX, кн. 4).

---

[19] А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 263.
[20] М. Н. Вьюкова. Относительные предложения в русском языке XVIII в. (автореф. канд. дисс.). Томск, 1958, стр. 8.
[21] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, стр. 271.
[22] М. Н. Вьюкова. Относительные предложения в русскомя языке XVIII в., стр. 12—16.
[23] Ср. «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, стр. 276.
[24] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, стр. 107—108.

У А. Б. Шапиро отмечено также много примеров с препозитивными придаточными, которые не имеют определяемого имени в главном: *Которая* бедная деушка замуж идет, и он давал на свадьби (Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор села Матыр Зарайского уезда.—Сб. ОРЯС, 1922, т. XCIX, № 6); Конешно, *который* опытной конюх, такого сена не дас (Записи, сделанные членами экспедиции Моск. гор. пед. ин-та в 1938 г. в Никольском р-не Вологодской области (под рук. А. Б. Шапиро).

У А. И. Сумкиной приведены примеры архаического употребления постпозитивных определительных предложений с определяемым словом в придаточном (Архангельской и Олонецкой губерний — из материалов В. Мансикки и Ончукова) [25].

Характерная особенность и отличие препозитивных конструкций в говорах от таких же предложений в памятниках письменности XV—XVII вв. — отсутствие сочинительных союзов между препозитивным зависимым и главным предложением.

Кроме вопросительного местоимения *который*, определительные предложения в старорусских памятниках письменности XV—XVII вв. присоединялись к главному вопросительными изменяемыми местоимениями *кой*, *каков*, *какой*, *чей*, *елик* (они, как и *который*, согласуются в роде и числе с определяемым словом). В нашем материале мы отметили небольшое количество примеров с названными местоимениями (особенно с местоимением *какой*). Определительные зависимые предложения с этими местоимениями встречаются и в препозиции, и в постпозиции по отношению к главному.

Группа определительных предложений с местоинием *кой* наиболее многочисленна и наиболее интересна. Следует, однако, отметить, что в XV—XVI вв. примеры с местоимением *кой* встречаются единично и лишь в некоторых памятниках: грамотах XV в., Путешествии Зосимы, Письмах Курбского. В XVII в. мы находим их несколько чаще и во многих памятниках: в Учении и хитрости ратного строения пехотных людей, в Повестях, Путешествиях, Сатирах о пьянстве, произведениях Аввакума и др.

Примеры с местоимением *кой* встретились в пре- и постпозиции. Среди препозитивных предложений можно отметить примеры из Путешествия Гогары с повторением определяемого слова в зависимом предложении и соотносительным словом *тот* в главном: а *кои*-де были у тѣхъ щелей двери железныя, и *тѣ* двери вь землю ушли (с. 111); и *до коихъ* мѣстъ отпрянеть, *до тѣхъ* мѣсть все поливають сытой медовою (с. 117); А *кои* палаты строилъ Фараонъ царь, и *тѣ* палаты и донынѣ стоять (с. 118). В Сатирах о пьянстве встретился пример с заменой определяемого слова в главном другим, близким по значению: *в кою* пору у нас пили, *в то* время нас и величали (с. 85).

---

[25] См.: А. И. Сумкина. Указ. соч., стр. 188—189.

Постпозитивные предложения с местоимением *кой* представлены в нашем материале бóльшим количеством примеров, чем препозитивные. Приведем примеры постпозитивных предложений с *кой* с отрывом от определяемого слова в главном: а бесѣда была о книжных дѣлехъ, наипаче же о книзѣ Великого Василія, просившу ми ее у него для прочитанія, *кою* ми повѣдалъ есть у себя— яко мя потомъ и даровалъ ею, зъ ласки своея (Письма Курб., с. 415); И отъ того масла вѣрующимъ въ Господа нашего Іисуса Христа было великое исцѣленіе, *кои* кто какимъ недугомь одержимъ бываше (Пут. Гогары, с. 115); Нет у нас человека целова ни единого, *кой* бы не пролилъ крови своея, в Азове сидячи, за имя божие и за веру християнскую (Пов. об азов. взятии, с. 81).

Примеры с непосредственным следованием зависимого предложения с *кой* за определяемым словом главного предложения: то уже гораздо золъ человѣкъ, *кой* Бога всердцы своемь не имѣетъ (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 27); . . .мы къ вамъ поспѣшимся со двѣма нарочитыми свѣдками. . . и со иными святыми древними учителми, *кои* ихъ явственне обличаютъ новосмышленную ѳеологію (Письма Курб., с. 424—425); камень, *кой* же клали Жидовины подъ главу Христову (Пут. Зосимы, с. 62); И яко же Божіимь повелѣніем загорится огнь небесный въ лампадѣ, *коя* виситъ въ маковицѣ въ часовнѣ надъ гробомъ Господним (Пут. моск. купцов, с. 120); Отпиши ко мне, как живут отщипенцы, блядины дети, новые унияты, *кои* в рогах ходят (Аввакум, Житие, с. 236); голодом, воскликните убожеством, процветите, яко собачьи губы, *кои* в скаредных местех растут (Сатиры о пьянстве, с. 64—65).

Немногочисленны примеры, в которых при определяемом слове в главном есть соотносительное слово *тот*: а на тъ послухи. *ти* же *кои* в закладнои. имены лежать грамоти (Двин. гр. XV в. — Шахм., Исслед., № 29); О шкода, иже не напиталися *тѣхъ* розмовъ, *кои* были при вашеи милости, съ ними, у меня на обѣде (Письма Курб., с 424).

Встретилось несколько примеров архаического типа постпозитивных предложений с *кой*, когда третья часть конструкции начинается плеонастическим местоимением, лишним для современного читателя. В числе этих примеров особое место занимает пример, в котором определяемое *камыш* получает собирательное значение, поэтому в третьей части предложения повторено определяемое (в других примерах определяемое не повторяется) и плеонастическое местоимение при нем во мн. числе: Камыш, *кой* родится возлѣ моря и въ езерахъ, и *по тѣ* камыши ѣздятъ далече (Пут. Гогары, с. 117); в те времена и врази *кои* были, и *те* примирилися тут (Аввакум, Житие, с. 98). Тайные *те* шиши, *кои* приехали из Рима, *те* его надувают аспидовымъ ядомъ (Аввакум, Письма, с. 206).

Если в памятниках XV—XVII вв. примеры с местоимением *кой* встречаются ограниченно (на 598 предложений с *который* приходится 36 с *кой*), то в XVIII в. по широте распространения они

занимают второе место после конструкций с местоимением *который*. Однако степень распространения предложений с союзным словом *кой* в разные периоды столетия различна. В произведениях середины и второй половины XVIII в. (Екатерины II, Державина, Новикова, Фонвизина, Левшина, Радищева и др.) предложения с местоимением *кой* встречаются чаще, чем в петровскую эпоху. Сравнительно широкое употребление местоимения *кой* в качестве союзного слова является следствием характерного для XVIII в. распространения книжной традиции на язык художественной литературы. М. Н. Вьюкова замечает, что в XVIII в. (особенно во второй половине) местоимение *кой* равнозначно местоимению *который*, и никакого стилистического разграничения данных местоимений не наблюдается [26]. В начале и середине XIX в. *кой* также было стилистически нейтрально. Об этом свидетельствуют случаи наличия этих двух местоимений в составе одного сложного предложения: Между мизантропом, *коего* писал Молиер, и тем бешеным афиняном, *о котором* Плутарх нас уведомляет, находится величайшее розличие (Крыл., Почта духов, IV); Я всех сильнее прежде сего был привязан к человеку, *коего* жизнь была загадкою и *который* казался мне героем (Пушк., Выстрел, 1) [27].

В нашем материале в грамоте XV в. также встретился пример, где в одном и том же предложении употребляется и местоимение *кой*, и местоимение *который*: а *кои*^{х} людеи привели к целованiю за велики^{х} кнзеи *которыи* живу^{т} на новугоро^{х}скои земли в торжку. или за волоко^{м}. или индѣ гдѣ ни есть. и с тѣ^{х} людеи велики^{х} кнзеи целованiе сложили (Новг. гр. 1471 г. — Шахм., О языке, № 20).

А. Н. Стеценко утверждает, что предложения с *кой* употреблялись преимущественно «в произведениях делового (приказного) стиля», и приводит примеры только из грамот и Судебника 1589 г.[28] Наш материал не подтверждает этого положения: примеры с *кой* у нас встретились преимущественно не в деловых документах, а в Повестях, Путешествиях, Письмах, в произведениях Аввакума. Пример из грамоты XV в., приведенный выше, также подтверждает стилистическую нейтральность *кой* в XV—XVII вв. Но следует отметить, что местоимение *кой* не вошло в разговорный язык. Об этом говорит Ф. И. Буслаев: «Местоимение *кой* употребляется в разговорном языке редко, в некоторых только выражениях. . .» [29]. В XVIII в. *кой* не встречается в произведениях, написанных языком, близким к народно-

---

[26] М. Н. Вьюкова. Относительные предложения с союзными словами *кой*, *какой* и др. в русском литературном языке XVIII в. «Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та», 1958, т. XVII, стр. 159, 160.

[27] Ср.: «Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX в.». М., 1964, стр. 22—23.

[28] Ср.: А. Н. Стеценко. Указ. соч., стр. 225.

[29] Ф. И. Буслаев. Указ. соч., стр. 527.

разговорному [30]. К концу XIV в. сфера распространения предложений с *кой* сужается, и это местоимение вытесняется из произведений художественной литературы, а затем и из публицистики. По говорам *кой* не встречается. В современном литературном языке местоимение *кой* употребляется лишь «для придания речи книжно-архаического стиля» [31].

Определительные предложения с местоимением *каков* (с формой *каковой* у нас не встретилось примеров) единичны в рассматриваемом материале памятников XV—XVII вв. В XVIII в. они распространены также нешироко [32]. В XIX в. предложения с *каковой* еще употребляются [33]. Для современного литературного языка местоимение *каковой* является устаревшим; используется лишь его краткая форма *каков*, обычно в роли сказуемого. В словаре современного русского языка местоимение *каковой* помечается как устаревшее, разъясняется словами *какой* и *который* [34]. Очевидно, эти же значения можно проследить и в памятниках XV—XVII вв.

Если при определяемом существительном нет соотносительного слова, то у местоимения *каков* в зависимом предложении значение ближе к *который*. Среди этих предложений встретились архаичные, с повторением определяемого слова в зависимом предложении: и ты бъ тѣ деревни, по нашей жаловалной грамотѣ. *какова* грамота наша дана Томилу Тяполкову, отвелъ Томилу и со крестьяны, и крестьяномь приказалъ, чтобъ они Томила во всемъ чтили и слушали (Новг. гр. 1577 г. — АИ, т. I, № 196); Десятая глава. А в ней написано о чести, *какову* честь подобает воздавати полковнику или генералу своему или инымъ которымъ достоитъ честь воздавати подначалным людемъ салдатомъ (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 15).

Встретились также предложения, близкие к современному типу придаточных предложений, без повторения определяемого слова в зависимом предложении: А въ спискѣ съ уставной грамоты, *каковъ* взятъ в Галицкую Четверть въ прошломъ во 122 году, как подлинная уставная грамота подписана на наше царьское имя, написано (Моск. гр. 1615 г. — АЮБ, т. I, № 46); Список с челобитные *какова* подана въ рпе году Калязина монастыря от крылошан на архимандрита Гавриила въ его неисправном житии (Сатиры о пьянстве, с. 118).

[30] См.: М. Н. Вьюкова. Относительные предложения с союзными словами *кой*, *какой* и др. . ., стр. 159.

[31] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, стр. 269.

[32] М. Н. Вьюкова. Относительные предложения с союзными словами *кой*, *какой* и др. . ., стр. 167 (автор отмечает всего 53 примера с *каковой*).

[33] А. Х. Востоков. Сокращенная русская грамматика. СПб., 1831, стр. 48; «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, стр. 272 (здесь приведен пример: Берестов отвечал с таким же усердием, *с каковым* цепной медведь кланяется господам по приказу своего вожатого. — Пушк., Барышня-крестьянка).

[34] «Словарь современного русского литературного языка» (в 17-ти томах), т. 5. М.—Л., 1956, стр. 691, 693.

Местоимение *какой* в современном русском языке употребляется в тех случаях, когда «в определительное значение придаточного предложения требуется внести дополнительный оттенок уподобления» [35]. То же в памятниках XV—XVII вв., *какой* ставится всегда в начале зависимого предложения. Местоимение *какой*, получившее широкое распространение в современном русском литературном языке, крайне редко встречается в старорусских памятниках письменности XV—XVII вв. Немногочисленны примеры с *какой* и в XVIII в.[36] Приведем пример с данным местоимением: И тому, кто такимъ дѣломъ кого поклеплеть, учинити *то* же наказаніе, в *какомъ* было наказаніи были тому, кого онъ такимъ дѣломъ поклеплетъ (Улож. 1649 г., с. 19).

В старорусских памятниках письменности XV—XVII вв. местоимение *чей*, начинающее зависимое определительное предложение, встречается редко. Оно употребляется для выражения отношений принадлежности.

Приведем ряд случаев из Уложения 1649 г. (зависимое определительное с *чей* находится в интерпозиции по отношению к главному): и за тѣхъ даточныхъ бѣглыхъ людей правити *на тѣхъ* людехъ, *чьи* тѣ люди съ службы зъбегутъ, за всякого человѣка по дватцати рублевъ (с. 16); А будеть *тѣ* люди, *чей* тотъ лѣсъ, похотятъ тотъ лѣсъ росчищати: и имъ росчищаючи тотъ лѣсъ, бортному деревъю ни которыя порухи не учинити (с. 70).

Определительные предложения с местоимением *елик* встретились нам лишь в одном из исследованных памятников — в Московском летописном своде конца XV в. Судя по данным нашей картотеки определительные предложения с местоимением *елик* вышли из употребления уже в XVI—XVII вв. Употребление местоимения *елик* в Московском летописном своде в определительном предложении обусловлено религиозным содержанием повествования. Во всех примерах *елик* употребляется только в форме им. падежа мн. числа. Определительные предложения с местоимением *елик* нам встретились в препозиции и интерпозиции. Приведем два примера: Иноком же всем вкупе, *елици* в различных местах живутъ, и всему причту церьковному миръ оставляю и благословение (л. 326); Митрополит же Филиппъ, положив упование на господѣ бозѣ и на пречистѣи матери его и на молитвы великого чюдотворца Петра и на прочих святитель, розосла по вся епископы, а *елици* у него бѣша, тогда *тѣх* призвавъ к себѣ, и архимандритъ и прочихъ священников, *елици* о сем разумъ имуть (л. 412 об.).

Как видно из приведенного материала, определительные предложения, присоединяемые к главному местоимениями *который*, *кой*, *каков*, *какой*, *чей*, *елик*, часто дублировали друг друга, в результате чего в языке сохранились только продуктивные типы

[35] «Грамматика русского языка», т. II. ч. 2, стр. 271.
[36] М. П. Вьюкова. Относительные предложения с союзными словами *кой*, *какой* и др. . ., стр. 165.

определительных предложений: 1) в современном литературном языке господствующее положение заняло местоимение *который*; 2) местоимение *какой*, наиболее ясно и точно выражая качественно-определительное значение, закрепилось в языке, получив широкое распространение в XX в.; 3) в книжном языке для обозначения отношений принадлежности сохранилось местоимение *чей*.

Для присоединения зависимого определительного предложения к главному, кроме вопросительных местоимений *который*, *кой*, *каков*, *какой*, *чей*, *елик*, изменяемых по числам и родам, могут быть использованы вопросительные местоимения *что* и *кто*, неизменяемые по числам и родам. Местоимения *что* и *кто* могут относиться к определяемому слову обоих чисел всех трех родов; *что* — к существительным одушевленным и неодушевленным, *кто* — только к одушевленным.

Определительные конструкции с *что* и *кто* в рассматриваемых нами памятниках широко употребляются в грамотах, а также в произведениях, в которых отражены черты живого языка. Из юридических документов определительные предложения с *что* и *кто* реже всего встретились в Судебниках. Немногочисленны они и в письмах Ивана IV и Курбского, где употреблены в основном местоимения *иже*, *яже*, *еже*, а у Курбского — также и *который*.

Определительные конструкции с местоимениями *что* и *кто* имеют много общего в структуре с предложениями, присоединяемыми местоимением *который*: они так же, как предложения с *который*, могут быть в препозиции и постпозиции по отношению к определяемому слову главного предложения; препозитивные конструкции с *что* и *кто* (как и конструкции с *который*) не представляют собой еще единого целого (используются добавочные средства для «скрепления» частей конструкции); встречаются архаические постпозитивные конструкции (с повторением определяемого слова в зависимой части) и т. п.

Однако не все типы конструкций с *который* повторяются в определительных предложениях с местоимениями *что* и *кто*: единичны примеры с препозитивным *что* с закрепленным порядком слов (определяемое слово на втором месте в обеих частях конструкции), с *кто* такие конструкции совсем отсутствуют.

С другой стороны, есть конструкции с *что* и *кто*, несвойственные предложениям с *который*: препозитивные конструкции с *кто* (а *кто*. . . учнет жити людей, и техъ людей. . .) и др.

Рассмотрим конструкции с местоимением *что*.

Количество примеров с препозицией *что* в рассматриваемых старорусских памятниках незначительно (примерно в 7 раз меньше, чем с постпозицией). Они встречаются главным образом в грамотах XV—XVII вв. и «представляют собой определенную форму делового языка» [37].

---

[37] А. И. Сумкина. Указ. соч., стр. 179.

В следующих примерах конструкции с *что* близки к «касательным» предложениям (препозитивная часть с местоимением *что* имеет значение *а что касается. . .*). Во всех этих примерах в зависимом предложении глагол-сказуемое *есть* (он может присутствовать в предложении, чаще же — опущен): а *что* грамота докончальная в новѣгородѣ. проме собе о судѣ. ино *оу тои* грамоты быти имени и печати великиѧ кнзеи (Новг. гр. XV в. — Шахм., О языке, № 20). Повторение слова *грамота* в обеих частях конструкции связывает их между собой. Помещение определяемого слова на первом месте и в зависимом (после *что*), и в главном (после сочинительного союза и соотносительного слова) создает определенный ритм и стройность конструкции. Примеры такого рода единичны. Чаще определяемое слово отодвигается с первого места или в одном предложении, или в обоих. Приведем примеры, когда определяемое слово стоит на первом месте только в главном: а *что* юрьевъско манастыра зела на волоцѣ. и *та* земла къ юрьеву манастырю по старінѣ (Новг. гр. 1471 г. — Шахм., О языке, № 20); а *цто* есть на бору. колодазь солонои а *тъи* колодазь Федору и лаврентѣю. . . (Двин. гр. XV в. — Шахм., Исслед., № 99).

В большинстве встретившихся нам примеров глагол-сказуемое в зависимом предложении — знаменательный глагол. Благодаря этому в зависимых предложениях сильнее определительный оттенок: *что* купило курилъ юревиче село оу федора оу лапышева и далъ курилъ юреѥвиче то село свѣтѣи бцѣ игумену и черенечемь и вѣки (Двин. гр. XV в. — Шахм., Исслед., № 129); *А что* есми королю Арцымагнусу в заем пятнадцать тысячь пятьсот рублев денег в московское число, а *в тех* денгах король Арцымагнус заложил у меня в Ливонской земле городы (Моск. гр. 1572 г. — Дух. доб. гр., № 104); А *что* правому, или его послуху учинится убытка, и *тѣ* убытки имати на виноватомъ (Суд. Ив. IV, с. 197); а *что* онъ кому тою новою мелницею учинитъ какихъ убытковъ, и *тѣ* убытки по сыску велѣти на немъ доправити (Улож. 1649 г., с. 69—70); А *что* за тое вотчину у кого денегъ взято будетъ съверхъ исцова иску: и *тѣ* лишніе деньги отдать тому, чья та вотчина будетъ продана (Там же, с. 75)[38]; А *что*, государь, у меня было из Енисейска везено с собою в запас хлепца на предъидущая лета, и *тот* хлеб он, Афонасей, у меня отнял после кнутного биения (Аввакум, Письма, с. 188).

Примеры с удалением определяемого слова от начала предложения в обеих частях конструкции: Да *что* есмъ и (м) прида(л) к тѣ(м) земля(м) свои закосы кнзя Ан(д)рѣя Васи(л)еви(ч) на рѣцѣ на Порозовицѣ, и они *тѣ* закосы вѣдаю(т) по старинѣ (Моск. гр. 1471 г. — АЮБ, № 31 (XIX); А *что* у васъ на Емцѣ дѣвичь монастырь, и вы бъ однолично велѣли *тотъ* монастырь

[38] В этом примере прилагательное отодвигает слово *деньги* на второе место.

отынить тыномъ (Моск. гр. 1589 г. — АИ, т. I, № 225); *что* у васъ будетъ въ Перми про воровъ вѣстей, и вы бъ о всякихъ вѣстяхъ писали къ намъ, къ Москвѣ (Моск. гр. 1614 г. — АИ, т. III, № 43) [39].

В некоторых грамотах нередко дается перечисление определяемых слов в зависимом предложении, а во втором, главном, — обобщающее слово с местоимением *все*: а *что* моѧ ѿцина . дворъ и дворище . и горнии земли ѡрамые и юрмолские земли . ѡрамые и пожни и михаилова землѧ на гори . и на юрмоли. ѡрамые земли . и пожни а тѣ и земли всѣ даю своему братню сну. василью и его дѣтемъ (Двин. гр. XV в. — Шахм., Исслед., № 8).

Встречаются примеры, в которых во втором (главном) предложении употреблено другое определяемое слово, чем в первом, обозначающее долю того, что обозначено определяемым словом первого предложения: а *что* есмѧ заложили зъ братомъ моимъ с федоромъ соболю сави . в замикитьи лоскутъ земли . другии лоскутъ в чицилови . г и лоскутъ . на романови верѣтѣ и въ .м. бѣлахъ . и вы мою половину выкупите . стму николи (Двин. гр. XV в., — Шахм., Исслед., № 7).

В следующем примере в главном предложении употреблен синоним — *нелюбие* определяемого слова *гнѣв* зависимого предложения: а *что* вам великие кнзи гн на влку . и на посаника . и на тысѧцкоѓ . и на ве ногороѧ . то вам великие кнзи нелюбие ложити (Новг. гр. 1471 г. — Шахм. О языке, № 20) [40].

Приведем примеры, в которых в зависимом предложении определяемое имя существительное отсутствует, но вместо него употреблен глагол того же корня, что и определяемое имя в главном: а *чо* есми купилъ село в киница оу микифора ѡнтонова и оу его сна в ысака . а та моѧ купла чиста (Двин. гр. XV в. — Шахм., Исслед., № 117); а *чего* тотъ на намѣстничѣ или на волостелинѣ человѣкѣ взыщетъ, и тотъ искъ взяти на немъ вдвое (Суд. Ив. IV, с. 240).

Конструкции, в которых зависимое определительное предложение стоит после определяемого слова, в нашем материале так же, как и препозитивные конструкции, шире всего представлены в грамотах. Однако постпозитивные конструкции с *что* встречаем и в остальных рассматриваемых нами памятниках (хотя и реже, чем в грамотах): в Путешествиях, Сочинениях Пересветова, Уложении 1649 г., Учении и хитрости ратного строения пехотных людей. В Судебниках же, Стоглаве, Домострое, Письмах Курбского и Ивана IV и Письмах Аввакума данные конструкции почти не встречаются (в них по одному—два примера).

---

[39] В грамоте соотносительное слово в главном отсутствует.

[40] См. сходный пример в кн.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение, стр. 117.

Среди постпозитивных конструкций с *что* есть небольшая группа архаических примеров, в которых определяемое слово главного повторяется в зависимом предложении. Такие примеры мы находим только в грамотах: (дал есми ей на прожиток до ее живота город Кременск) и со всеми наместничьи доходы, *что* было доходов преж того (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); а та Клементьева полоса Клементью и съ лѣсомъ, *что* лѣсъ въ середки въ логу (Архан. гр. 1601 г. — АЮБ, т. I, № 107).

Интересно отметить, что встретились архаические постпозитивные конструкции с *что*, каких мы не наблюдали в аналогичных конструкциях с *который*, а именно: в зависимой части при определяемом существительном употреблено соотносительное слово *тот* (примеров с соотносительным словом при определяемом существительном главного предложения нами не обнаружено). Приведем эти примеры: Се язъ Іона митрополитъ Кіевскій и всеа Руси. . . приказалъ есмъ ему вѣдати варницу Пречистыа Богородици и свою въ Нерехтѣ, *что* отъ мене вѣдалъ *ту* мою варницу старецъ Насонъ (Моск. гр. 1454 г. — АЮБ, т. III, № 285); Се язъ князь великій Иванъ Васильевичь всеа Русі и пожаловалъ есми Нижегородца Гришу. . . третьимъ жеребьемъ селца Фроловского. . . да въ Стрѣлицѣ оброчною деревнею Кучинымъ, *что* была *та* деревня за Родею за Кучинымъ (Моск. гр. 1546 г. — АЮБ, т. I, № 44, 1); Отъ царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русі и въ Перемышльской уѣздъ въ жеребей деревни Микулиной, *что та* вся деревня Микулина въ прошломъ во 120 году въ помѣстье Ондрѣю Дурному взяли мы у Кошелева (Моск. гр. 1614 г. — АЮБ, т. I, № 29, III).

В следующем примере в зависимом предложении повторено существительное *земли* (без соотносительного слова), обобщающее перечисление определяемых слов в главном: (Се купи перхуреи. васильевичь) дворъ и дворище ѡрамыи земли: и по(жни) и притребы. и ловища. *что* далъ степенъ ѡлъѳромѣевъ *тии* з(емли) в домъ стого николѣ въ вѣки (Двин. гр. XV в. — Шахм. Исслед., № 16).

Встретился пример, где в зависимом предложении повторено не определяемое слово *деревни*, а местоимение *ихъ*, заменяющее слово *деревни*: также есмъ придалъ къ тому монастырю святаго Савы свою мелницу на усть Сѣтуни, да двѣ деревни у Крылатска, *что* есмъ ихъ вымѣнилъ у владыки у Ростовского у Григорья (Моск. гр., 1454 г. — АЮБ, т. I, № 63 (XI).

В современном русском языке местоимение *что* в определительных предложениях употребляется только в им.—вин. падежах без предлога [41]. В старорусских же памятниках находим примеры с *что* в косвенных падежах с предлогом и без предлога [42]. Приведем примеры с *что* в тв. падеже: (се купи . . .оучастокъ),

[41] «Грамматика русского языка», т. II. ч. 2, стр. 272—273.
[42] Многие из этих примеров имеют объектный оттенок.

чимъ владелъ михѣи (Двин. гр. XV в. — Шахм., Исслед., № 80); Да сына же своего Ивана благословляю своими великими княжествы, *чем* меня благословил отец мой (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); и оброк ему денежной и хлѣбной платили, *чѣмъ* онъ васъ изоброчитъ (Новг. гр. 1572 г. — АИ, т. I, № 183); поденного корму, прибавити, *чѣмъ* бы ему на Верхотурьѣ, съ женою и съ дѣтми, мочно светымъ быть (Моск. гр. 1619 г. — АИ, т. III, № 77); А не будетъ у которого лихого статка, *чѣмъ* истцово заплатити, и ему того лихого истцу, в его гибели, не выдати (Суд. Ив. IV, с. 228); по всему царству своему розослал вѣрныя своя судія, пооброчивши ихъ іс казны своим жалованіемъ, *чѣмъ* имъ мочно прожити з году на годъ (Пересветов, с. 62); и Ноева ковчега сѣкира, *чѣмъ* Ной ковчегъ дѣлалъ (Пут. Зосимы, с. 61); и ту приставаютъ корабли и наполниваются воды пресныя сосуды на проѣздъ, *чѣмъ* питатися (Пут. моск. купцов, с. 138); житием своим процвели есте, яко голики, *чем* баню метут (Сатиры о пьянстве, с. 67); . . .и с тое пенки свить веревки долги да толсты, *чем* ис погребов ночью бочки с пивом волочить (Там же, с. 120).

В следующих примерах *что* стоит в различных косвенных падежах с предлогами: да Одинецъ же Петру далъ грамоту. *по чему* ему ѣхати къ Пречистѣй въ Печеры (Отрывок розыскн. дела. — АИ, т. I, № 140); и велѣлъ им дати свою царьскую жаловалную новую грамоту, *по чему* имъ тою рыбною ловлею впередъ владати (Моск. гр. 1605 г. — АЮБ, т. I, № 41, III); и намъ бы ихъ пожаловати, велѣтибъ имъ дати нашу грамоту, *по чему* съ тое церкве попу и причетникомъ Софѣйскіе церковные дани платити (Новг. гр. 1631 г. — АЮБ, т. I, № 31, XXV); укого лошади нѣтъ *начемъ* ѣхати, и тотъ думаетъ какъ бы ему лошадь изъбрую и телеги инасколко мѣсяцовъ запасовъ и иного нужного надобія добыти (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 32); . . .и своею думою ратнымъ своимъ урядникомъ уставы и статьи *почему* имъ ходити написати велитъ (Там же, с. 19) [43]; выдал имъ книги судебныя, *по чему* имъ винити і правити (Пересветов, с. 73); и трость, *на чемъ* копье было насажено (Пут. Зосимы, с. 62); иже Пречистыя восхотѣла видѣти *тѣ* камени, *на чемъ* Христось бесѣдовалъ съ Моисеемъ на горѣ Синайстей (Пут. Зосимы, с. 64); видѣхомъ *ту* же горнъ межь двѣмя камени изсѣченъ, *во что* Израильтяне главу тельчію слили (Пут. моск. купцов. с. 154); потом в лес сбродил, корыто им сделал, *из чево* есть, и водою покропил (Аввакум, Житие, с. 78).

Интересны примеры из Путешествий московских купцов и Уложения 1649 г., в которых местоимение *что* употребляется на взгляд современного читателя вместо *где* или *который* в различных косвенных падежах с предлогом и без предлога: а судили ихъ на патріарше дворѣ, *что* судные дѣла слушаетъ и указываетъ патріархъ (Улож. 1649 г., с. 86); А отъ Египта до монастыря св. Арсенія, *что* царскія дѣти учились граматѣ, Ондрій и Арка-

[43] Зависимое определительное предложение в интерпозиции.

дій, 7 верстъ (Пут. моск. купцов, с. 151); токмо однѣ вороты стоятъ цѣлы, *что* въ нихъ ѣхала Богородица со Христомъ и со Іосифомъ изъ Іерусалима (Там же, с. 151); . . .и обрѣтохомъ на дорогѣ камень великъ близкѫ Синайскія горы в Хоривѣ, *что* Моисей источи 12 источниковъ воды сыновомъ Израилевымъ (Там же, с. 152); Среди ж монастыря студенецъ Моисеовъ, сирѣчь кладязь, *что* Моисей овцы своя напоялъ (Там же, с. 153); Благоуханіе же велико исходитъ и добровонно отъ мощей ея, и от бумаги, *что* покрыта (Там же, с. 154).

Эти случаи, видимо, объясняются разговорным просторечием, проникавшим в памятники письменности. Наш вывод можно подтвердить примером из говоров, приведенным А. Б. Шапиро: Дай нам тую тарелку, што золата щитать (П. А. Расторгуев. Некоторые синтаксические особенности в народных говорах Смоленской губернии. Уч. зап. Ин-та языка и лит-ры РАНИОН. Лингв. секция», т. IV. М., 1931). А. Б. Шапиро пишет: «. . . возможно и такое употребление, при котором *что* не сможет быть понимаемо как им. или вин. падеж, но нет оснований усматривать здесь и другую падежную форму. Следовательно, местоимение *что* не является здесь в полном смысле слова членом того предложения, в состав которого оно входит» [44].

Большая часть примеров с *что* представляет собой предложения, близкие по своему построению к современным придаточным определительным с *что*. Приведем некоторые примеры: Се купи . . .землю, *что* купилъ павле. оу гришки оу иванова. оу тестѧ своего (Двин. гр. XV в. — Шахм. Исслед., № 2); и его царьского величества имя и титулъ описуютъ по его царьского величества достоинству, *что* ему Великому Государю нашему всемогущій Богъ далъ (Вязем. гр. 1624 г. — АИ, т. III, № 131); и ему учинити наказаніе, *что* государь укажетъ (Улож. 1649 г., с. 48); . . .и поемлютъ грады и крѣпости, *что* они изгономъ и лестію взяти могутъ (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 50); не дружитеся с неправдою, держитеся правды, *что* Богъ любит (Пересветов, с. 72); како же бываетъ отъ естественнаго огня *что* многія вѣщи пожигаетъ (Пут. Гогары, с. 120); Передъ дверьми того святого гроба въ предѣлѣ лежитъ камень, *что* Ангелъ Господень отвалилъ отъ двери гроба Господня (Пут. моск. купцов, с. 138); Какой то будетъ бог, *что* душю свою от разбойников отнять не смог? (Аввакум, Письма, с. 285).

Как видно из примеров, определительное предложение с *что* чаще всего стоит непосредственно после определяемого слова (*что* является нормой для современного русского литературного языка). Однако встречаются примеры с дистантным употреблением определительного постпозитивного предложения с *что*: а в тѣхъ. кунахъ. заложилъ мнѣ $\overline{\text{S}}$ лоскутовъ земли . трофимови . ѿцини . на низу. *что* купилъ игнатеи у трофима (Двин. гр. XV в. — Шахм.

[44] Л. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 112.

Исслед., № 8); а всему цѣна уставлена, *что* на чем дати (Пересветов, с. 75); да и собинку есми, государь, істерял, *что* вывезъ с собою ис королевствъ (Там же, с. 80); и ни на которую мѣру не поползнутся и никакову ихъ вражію прелесть и на обѣщаніе не прельстятся, *что* имъ обѣщеваетъ и самъ наш сопостатъ (Пов. о Рос. царстве, с. 189).

В памятниках XVII в. можно выделить в отдельную группу постпозитивные определительные предложения, указывающие на место, где помещается предмет. Данные предложения представляют собой определенный штамп (зависимая часть в постпозиции и интерпозиции): Да сына же своего Ивана благословляю, даю ему Пешехонье, со всеми волостьми. . . и с Борисоглебскою волостью, *что* на реке на Волге, против Романова города (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); Се язъ царь и великій князь Дмитрей Ивановичь всеа Русіи пожаловалъ есми Живоначалные Троицы Ипацкого монастыря, *что* на Костромѣ, архимарита. . . (Моск. гр. 1605 г. — АЮБ, т. I, № 41, III); . . .пожаловалъ есми соборные церкви Пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, *что* на Москвѣ, протопопа. . . (Новг. гр. 1631 г. — АЮБ, т. I, № 31, XXV); Спасского монастыря, *что* на Новомъ, архимариту семьдесятъ рублевъ (Улож. 1649 г., с. 31); а величиною тотъ дворъ съ Государевъ дворецъ, *что* на Москвѣ (Пут. Гогары, с. 114).

В постпозитивных определительных предложениях с *что* соотносительное слово в главной части употребляется реже, чем в постпозитивных с *который*. Приведем некоторые примеры с соотносительным словом, которое подчеркивает, выделяет определяемое существительное в главном из ряда других. Надо отметить, что большая часть таких примеров из Судебников, в которых определительные предложения с *что* встречаются очень редко и почти всегда с соотносительным словом (некоторые примеры в интерпозиции): и та отпустная грамота не в отпустную, опроче *тое* отпустные, *что* государь своею рукою напишет (Суд 1497 г., л. 9, с. 25) [45]; и на томъ діякѣ *томъ* искъ, *что* въ срочной написано, доправити (Суд. Ив. IV, с. 211); а тѣмь челобитчикомь за ихъ ложное челобитье чинити *таковое* же наказание, *что* указано дьякомъ и подьячимъ (Улож. 1649 г., с. 27); о пошлинахъ *тот* же указъ, *что* и стрелцомъ (Там же, с. 43); А есть ли хто даромъ возметъ, а не заплатит *тое* цены, *что* указано, іно таковому смертная казнь (Пересветов, с. 76); и въ томь мѣстѣ положены три креста для признака, а не *тѣ* кресты, *что* распятіи Господни быша (Пут. Гогары, с. 113); А се бедной большо *тово* же табаку испил, *что* у газского митрополита выняли напоследок 60 пудов (Аввакум, Житие, с. 97).

---

[45] В данном примере опущено определяемое существительное *грамота*, восстанавливаемое из контекста.

Определительные зависимые предложения, присоединяемые местоимением *кто*, встречаются в старорусских памятниках письменности XV—XVII вв. реже почти в 2 раза, чем предложения с *что*, видимо, потому, что местоимение *кто* употребляется только по отношению к одушевленным существительным. Местоимение *кто* в определительных предложениях распространено, главным образом, в Уложении 1649 г., в грамотах. Единичные случаи с *кто* наблюдаются почти во всех памятниках как влияние живого разговорного языка.

Местоимение *кто* в языке XV—XVII вв. более атрибутивно, чем современное *кто*. В языке XV—XVII вв. *кто* допускает в качестве определения соединение с существительным, тогда как современное *кто* выступает только субстантивированно и соединение с существительным в роли атрибута для него невозможно.

Местоимение *кто* в атрибутивной функции в XV—XVII вв. легко соединяется с им. падежом и всеми косвенными падежами ед. и мн. числа существительного (современное *кто* может соединяться только с род. падежом мн. числа существительного). Препозитивные определительные предложения с *кто* в основном встретились только в грамотах, если не считать единичных примеров из Уложения 1649 г. и Путешествия Гогары. Приведем примеры, в которых определяемое слово находится и в главной, и в зависимой части: и *кто* учнетъ у тое церкви у покрова Святые Богородицы пѣти попъ, и *тому* попу и всему причту церковному не надобѣ имъ платити мой подъездъ (Новг. гр. 1549 г. — АИ, т. I, № 150); и *кто* у нихъ, у тоѣ церкви у Святого Великого Христова Чюдотворца Николы, въ Гостницахъ, учнетъ пѣти попъ, и *тому* попу. . . давати . . .мнѣ по десяти алтынъ (Новг. гр. 1592 г. — АИ, т. I, № 234); а *кого*, господине, имянемъ Русскихъ людеи ко Государеву крестному цѣлованью, а мурзъ и Черкасъ къ шерти приведете, и тебѣ бъ, господине, *тѣхъ* людей имяна послати ко Государю къ Москѣ (Рус. гр. 1614 г. — АИ, т. III, № 29); и *на комъ* онъ скажетъ на Шуйскихъ посадцкихъ людей безкабалной свой взятокъ, и *тѣхъ* людей къ нему велѣть призывать и с очей на очи роспрашивать (Сузд. гр. 1646 г. — АЮБ, т. I, № 55, VII).

Среди определительных препозитивных зависимых предложений с *кто* конструкции, в которых местоимение *кто* употребляется в им. пад., а определяемое существительное при нем в род. пад. мн. ч., составляют особую группу. В аналогичных конструкциях с *который* всегда наблюдается его согласование в падеже с определяемым словом. В рассматриваемых конструкциях с *кто* можно усмотреть влияние конструкции с *что* (а *что* людей. . ., *тех* людей. . .): и *кто* у нихъ в томъ селѣ и въ деревняхъ учнетъ жити людей, и намѣстницы наши Суздальскіе, и волостели, и ихъ тіуни, *тѣхъ* ихъ людей не судятъ ни въ чомъ (Моск. гр. 1526 г. - АИ, т. I, № 131); и *хто* у них в том селѣ и в дрвне и на пустошѣх учнут жити людей, и намѣстници мои Кашинскіе

и их тіуны *тѣх* людеи не судят ни в чем (Дмитр. гр. 1530 г. — АЮБ, т. I, № 31, XXIII); И *кто* у него въ той трети селца и въ деревнѣ учнутъ жити людей, и наши наместницы Нижегороцкые и волостели и ихъ тіуни *тѣхъ* его людей не судятъ ни въ чемъ (Моск. гр. 1546 г. — АЮБ, т. I, № 44, I); и *кто* въ тѣхъ деревняхъ и на той землѣ за монастыри крестьянъ учнутъ жити, и вы б *съ тѣхъ* крестьянъ нашіе дани, и оброку, и всяких податей, и посошныхъ денегъ и людей не имали (Моск. гр. 1578 г. — АИ, т. I, № 202); и *кто* у него *на* тѣхъ пустошахъ будетъ крестьянъ и бобылей, и вы бъ того его поместья всѣ крестьяне и бобыли, помещика своего. . . чтили и слушали во всемъ (Новг. гр. 1594 г. — АИ, т. I, № 244); И *кто* въ тѣхъ деревняхъ и въ пустошахъ живутъ, крестьянъ и бобылей, и впредь учнуть жити: и вы бъ крестьяне и бобыли, Софѣйского дому и нашего дворецкого Максима Тимѳеевиа Куликова чтили и слушали и повиновалися ему во всемъ (Новг. гр. 1636 г. — АИ, т. III, № 191).

Конструкции с местоимением *кто* в препозитивной зависимой части, в составе которой нет определяемого имени существительного, редко наблюдаются в исследуемом материале. Однако этот вид конструкций интересен тем, что здесь *кто* — уже не определение. Потеряв атрибутивную функцию, *кто* стало субстантивированным, хотя еще и относится к имени существительному в главном. Приведем встретившиеся нам примеры: и *кто* учнетъ въ тѣхъ водахъ ловити безъ архіепископля вѣдома, и *тѣхъ* людей Архіепископъ велитъ имати (Казан. гр. 1555 г. — АИ, т. I, № 162); и у *кого* такие грамоты объявятся, и *у тѣхъ* людей тѣ грамоты взять (Улож., 1649 г., с. 51—52); а *кто* искупается в ней, и *съ того* человѣка кожа слѣзетъ (Пут. Гогары, с. 119).

Постпозитивные определительные предложения с *кто* встречаются в нашем материале несколько чаще, чем препозитивные (почти в 4 раза), но в том же круге памятников.

Архаические структуры с повторением определяемого слова в зависимом предложении наблюдаем только в грамотах. Приведем примеры: а блгл҃аю игумена *хто* буде игуменомъ оу стго николы и старцовъ черенцовъ свою братью . по мнѣ память дѣите по сили (Двин. гр. XV в. — Шахм., Исслед., № 12); а за корола и за велико кнза литовского *хто* короля . или великии кнз на литвѣ ни буди. ѡ ва ѡ велики кнзеи на вашеи ѡчинѣ великому новугороду мѡже воны не ѡдатиса ні которою хитростью (Новг. гр. 1471 г. — Шахм., О языке, № 20).

Местоимение *кто* в постпозитивных определительных конструкциях без повторения определяемого существительного в зависимом предложении может стоять как в им. падеже, так и в косвенных (с предлогом и без предлога). Обычно в этих конструкциях соотносительное слово в главном предложении отсутствует. Местоимение *кто* выступает здесь как заместитель имени, уподобляясь

в значении местоимению *который*. Приведем пример: и вы бъ по тотъ образъ прислали священника или діакона, *кому* его къ вамъ въ монастырь привезть (Моск. гр. 1615 г. — АИ, т. III, № 59); а судити ихъ иному судьѣ, *кому* государь укажетъ (Улож. 1649 г., с. 25); И тѣхъ бѣглыхъ людей и крестьянъ роспрашивая отдавати старымъ ихъ помѣщикомъ и вотчинникомъ, *из за кого* они бѣгали (Там же, с. 85—86); Приказномꙋ чл҃кꙋ дворецкомꙋ или ключникꙋ или кꙋпчине *на комъ* вѣра положена или самомꙋ гдрю всегда в торгꙋ смотрити (Домострой, с. 38—38) [46]; да наимутъ писаря добраго, *кто* бы преписыючи еѣ, не попсавалъ (Письма Курб., с. 429); да молился есми богу вседержителю, *кто* сътворилъ небо и землю (Хож. Аф. Ник., л. 380 об.); а бьетъ человѣка, кто ее раздражнитъ, ногою и копытомъ (Пут. моск. купцов, с. 154).

Однако встречаются предложения с соотносительным словом в главном, которое подчеркивает, выделяет определяемое существительное главного предложения. Приведем некоторые примеры: Да и во всякихъ дѣлѣхъ судити смѣстной судъ *тому* судіѣ, *у кого* въ присудѣ отвѣтчикъ (Суд. Ив. IV, с. 205—206); попытаютъ того крестьянина *на томъ* его государѣ, *за* кѣмъ жилъ (Там же, с. 259—260); Выдали за мужъ за крестьянъ *тѣхъ* вотчинниковъ и помещиковъ, *за кѣмъ* они жили (Улож. 1649 г., с. 80); А *тѣмъ* людемъ, *у кого* они въ работу наймутся, жилыхъ и съсудныхъ записей и служилыхъ кабалъ на нихъ не имать (Там же, с. 85); что имъ прибыль и честь государя *того*, *отъ кого* заплату берутъ искати, и подданныхъ его обороняти (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 49); и добылъ *такова* человѣка, *кто* бы могъ зъ Грецка языка, обо зъ Латинского превести ее (Письма Курб., с. 416).

Все рассмотренные постпозитивные конструкции с *кто* имеют определительное значение. Однако в исследованных памятниках при употреблении *кто* намечается сдвиг в его значении и синтаксических свойствах. *Кто* теряет атрибутивность и приобретает отвлеченность, свойственную современному *кто*. Приведем примеры, в которых сказуемое зависимого предложения в ед. числе, а *кто* соответствует множеству лиц. В этих примерах аналогия с *который* пропадает. По всѧ дни в вечере мꙋжь ж женою, и з дѣтьми и з домочадцы, *кто* оумѣетъ грамоте ч҃пѣти вечернѧ (Домострой, с. 11); и *тѣхъ* воровъ, *кто* такимъ умысломъ въ чюжой домъ приѣдетъ. . . всѣхъ казнити смертію (Улож. 1649 г., с. 185); призываю людей добрых, *кто* бы меня опохмелил и с кабака свел (Сатиры о пьянстве, с. 82) [47].

Употребление согласованных и несогласованных форм (сказуемых) говорит о том, что данный тип определительных предложений с *кто* начал разлагаться. В современном русском литера-

---

[46] Пример из Домостроя с интерпозицией зависимого предложения.

[47] В связи с получением *кто* самостоятельности приведенные предложения получают объектный оттенок.

турном языке постпозитивные определительные предложения с *кто* не употребляются.

Определительные конструкции с местоимениями *что* и *кто* имели различную судьбу.

Препозитивные конструкции с *что* постепенно вышли из употребления, и современному русскому языку они неизвестны. Предложения с местоимением *что* в постпозиции сохранились и употребляются как в современном литературном языке, так и по говорам [48], но лишь в им.—вин. падежах. Косвенные падежи местоимения *что* с предлогом и без предлога в определительных предложениях в современном русском литературном языке не отмечены.

Постпозитивные и препозитивные конструкции с *кто* в современном русском языке, употребляясь при субстантивированном указательном местоимении в главном, выражают не атрибутивные отношения, а отношения объекта, субъекта и предиката. Определительные конструкции с *кто* современному русскому языку не свойственны.

Определительные предложения с указательными местоимениями *иже, яже, еже*

Как известно, местоимения *иже*, *яже*, *еже* образовались путем присоединения частицы *же* к указательным местоимениям *и*, ѧ, ѥ. При анализе материала приходится учитывать, что ряд форм этого местоимения не совпадает с формами данного местоимения в старославянском языке: русск. — *яже*; ст.-сл. — ѧже. Поэтому, когда в тексте встречаем формы *яже* (имеем в виду мн. ч.: им. пад. жен. р. и вин. пад. жен. и муж. р.), — то это старославянское ѧже с заменой ѧ и на ѧ. Русская форма ѣже, которую следует ожидать в этих случаях, в старорусских памятниках письменности XV—XVII вв. не отмечена.

Конструкции с *иже*, *яже*, *еже* были присущи преимущественно языку летописей [49].

В грамотах определительные предложения с *иже*, *яже*, *еже* встречаются крайне редко. В. И. Борковский отмечает, что в Новгородских грамотах в определительных предложениях эти местоимения не встречаются (в Новгородских берестяных и Смоленских — единично; это не изменило мнения автора, что местоимения *иже*, *яже*, *еже* не были свойственны живой русской речи) [50]. Нет таких предложений и в Двинских грамотах XV в.[51] Наш материал под-

---

[48] Ср.: А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 111—112.

[49] А. И. Сумкина. Указ. соч., стр. 153—172.

[50] В. И. Борковский. О синтаксических явлениях Новгородских грамот XIII—XIV века. «Уч. зап. Ярославского гос. пед. ин-та», 1944, вып. IV. Русское языкознание, стр. 50; Он же. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение, стр 136—137.

[51] А. А. Шахматов. Исследование о Двинских грамотах XV в., ч. I и II. СПб., 1903, стр. 135.

тверждает это положение: у нас встретилось лишь небольшое количество примеров определительных предложений с местоимениями *иже*, *яже*, *еже* в грамотах XVI в. (в цитатах из книг религиозного содержания). В грамотах XV и XVII вв. они почти не встретились. Вслед за А. А. Шахматовым и другими исследователями мы пришли к выводу, что функция *иже*, *яже*, *еже* в грамотах переходит к местоимениям *что* и *кто*, свойственным живому разговорному языку. Приведем количественное соотношение определительных предложений в рассмотренных нами старорусских грамотах: определительные предложения с местоимениями *иже — яже—еже*, *который* и *что—кто* относятся соответственно как 1 : 3 : 5. Определительные конструкции с *иже*, *яже*, *еже* единичны не только в грамотах, но и в других деловых памятниках XV—XVII вв. (Судебниках, Уложении 1649 г.).

Количество встретившихся нам конструкций с местоимениями *иже*, *яже*, *еже* в памятниках XV—XVII вв. велико (их в 1, 2 раза больше, чем конструкций с *который)*. Однако употребляются указанные конструкции исключительно в зависимости от стиля произведения, чаще всего в рассуждениях о церкви и религии: в Путешествии Зосимы — 54 случая (XV в.); Письмах Курбского— 140, Письмах Ивана IV — 105 (XVI в.).; Письмах Аввакума —80, Повестях Катырева-Ростовского — 34, Путешествиях московских купцов — 12 случаев. Когда же в произведении затрагивается не религиозная тема —количество предложений с *иже*, *яже*, *еже* резко уменьшается (у того же Аввакума и др.). В рассмотренных старорусских памятниках XV—XVII вв. определительные конструкции с местоимениями *иже*, *яже*, *еже* в препозиции почти не встретились [52]. Мы можем привести примеры лишь таких препозитивных конструкций, в которых определяемое слово отсутствует в обеих частях. Данные конструкции имеют оттенок условия, особенно в примере из грамоты в котором рядом с *иже* стоит условный союз *аще*. Кроме того, следующие примеры имеют субъектный оттенок значения: *иже* аще хощет в вас быти старейший, да будет всем раб (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); *Иже* веру имет и крестится, спасен будет, а *иже* не имет веры, осужден будет (Аввакум, Житие, с. 108).

Приведем пример из Московского летописного свода конца XV в., в котором препозитивное предложение относится к соотносительному слову *таковой*: *Иже* во истиннѣ и вѣре и исповѣдании божии со смиреніемъ конецъ приаша и покаяниа плод не доспѣша принести. . . и *таковии* очищением мук очистятся по смерти (л. 361). Конструкция имеет оттенок субъекта и сравнения.

Среди конструкций с местоимениями *иже*, *яже*, *еже* преобладают такие, в которых зависимая часть следует за главной, содер-

---

[52] На 754 примера определительных конструкций с *иже—яже—еже* всего 15 в препозиции.

жащей определяемое слово. Зависимая часть связана с главной по смыслу и грамматически (местоимения *иже*, *яже*, *еже* согласуются в роде и числе с определяемым словом). Падеж относительного местоимения, которое в этих примерах является союзным словом (т. е. замещает в зависимом предложении определяемое главного), зависит от его роли в зависимой части (замещает ли оно подлежащее или дополнение главного предложения). Данные конструкции можно считать предложениями со сложившейся относительной связью, а зависимые предложения с местоимениями *иже*, *яже*, *еже* придаточными определительными. Но наряду с примерами, где местоимения *иже*, *яже*, *еже* согласованы с определяемым словом, в нашем материале встретились примеры с нарушением согласования [53]. Рассмотрим отдельно эти две группы примеров.

Относительное местоимение согласовано с определяемым словом главного

Конструкции, в которых зависимые предложения присоединяются к главному местоимениями *иже*, *яже* (*юже*), *еже*, согласованными в роде и числе с определяемым словом главного, представляют собой оформившуюся определительную связь главного с придаточным предложением. Приведем примеры, в которых местоимения *иже*, *яже (юже)*, *еже* в придаточном предложении — подлежащее или прямое дополнение: яко же речено бысть во евангелии: «Уподобися царствие небесное десяти девам: *яже* прияша светилники своя, изыдоша в сретение жениху (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); Первое что отомъ кто сему чину уставитель и сотворитель, и есть самъ Богъ всемогущій, *иже* начало и вина всему добру (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 17); Се твое благочестіе, *еже* самолюбія ради погубилъ еси, а не Бога ради (Письма Ив. IV, л. 126); Имамы бо Нову Завѣту ходатая Христа, *иже* седе одесную престола величествія на высокихъ, *иже* открывъ завѣсу плоти нашеи, всегда проповѣдуетъ о насъ (Там же, л. 158); како не достоитъ намъ зело воплакати о разоренію града Бога живаго, или церкви твоеи телеснои, *юже* создалъ Господь (Письма Курб., с. 153—154); Добре рече нѣкто отъ святыхъ супротивъ переводовъ вашехъ, *иже* былъ и во промудрости и во священнои ѳилософіи многъ (Там же, с. 369); Лютѣе было Мнѣ, Господу Богу вашему, терпети от вас, *иже* есте знали Меня Господа Бога своего (Пересветов, с. 83); потщахся достигнути славный градъ Кіевъ, *иже* бѣ мати градомъ Русскимъ (Пут. Зосимы, с. 60); И туто близъ монастырь Георгія великомученика, *ижъ* въ Лидѣ (Пут. моск. купцов, с. 138); хваля всещедраго Бога, *иже* на Херувимѣхъ сѣдяй и на смиренныя призирая и на боящихся Его велія щедроты своя изливая (Пов. Кат.-Рост., с. 619); Егда Исус секии иноплеменники, и бысть

---

[53] А. И. Сумкина отмечает нарушение согласования в летописях (указ. соч. стр. 158—161).

солнце противо Гаваона, *еже* есть на плдняхъ (Аввакум, Житие, с. 57); да же оплачю бедную душу свою; *юже* зле погубих житейскими сластьми (Там же, с. 75); Не прелагаем пределы, *иже* отцы положиша (Там же, с. 286).

Интересно отметить, что в им. падеже мужского рода наряду с формой относительного местоимения *иже* (ед. и мн. числа) встретились формы *он же*, *они же*. Видимо, указательное местоимение *онъ*, широко употреблявшееся в это время, стало «замещать» старое указательное *и* и в составе *иже* [54]. Приведем эти примеры: Врѣхи же церкви тоа крыти привел князь великы изъ отчины своея из Новагорода Великого мастеры, *они же* начали крыти преже древом хорошо велми (Моск. летоп. свод XV в., л. 456); гдѣ Констянтинъ градъ преславныи, *онъ же* бысть яко око вселеннеи благочестіемъ? (Письма Курб., с. 391); Егда жъ азъ прибрелъ к Москвѣ, и духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Ивану, *они же* обо мнѣ царю извѣстиша (Аввакум, Житие, с. 11).

В винительном падеже при неодушевленных существительных вместо ожидаемых местоимений *иже*, *еже*, *юже* (ед. ч.), *яже* (мн. ч.) встретились формы *его же*, *ея же*, *их же*, употреблявшиеся при одушевленных существительных. Приведем примеры: се всѣявый огнь, зжете и ходите по свѣту пламени огня вашего, *егоже* сами себѣ разжегосте (Письма Ив. IV, л. 134 об.); Царство Московское, *его же* именуютъ отъ давныхъ вѣкъ Великая Россія (Пов. Кат.-Рост., с. 560); Начало виршемъ, мятежнымъ вещемъ *Ихъ же* разумно прочитаемъ И слагателя книги сей потомъ, уразумѣваемъ (Там же, с. 622); можеши ли пити чашу, *ея же* ти поднесу (Аввакум, Письма, с. 230). В косвенных падежах, в отличие от форм им. и вин. пад., местоимения *иже*, *яже*, *еже* в старорусских памятниках XV—XVII вв. всегда употреблялись согласованно в отношении рода и числа с определяемым словом [55]. Видимо, косвенные падежи местоимения *онъ* (Р. — *его*; Д. — *ему*; Т. — *им*; М. — *о нем* и т. д.), аналогичные с формами косвенных падежей местоимения *иже*, способствовали длительному сохранению последних. Относительное местоимение в рассматриваемых конструкциях — второстепенный член (косвенное дополнение) зависимой части предложения. Падеж относительного местоимения зависит от управления глагола-сказуемого в зависимой части предложения.

Примеры, где относительное местоимение стоит в родительном падеже: А лжеи и измѣнъ, *ихже* не сотворилъ еси, на тебя не взважывали есме (Письма Ив. IV, л. 88); гдѣ Палестина, земля священная, *отъ неяже* Христосъ по плоти и вси пророцы, апостали? (Письма Курб., с. 391); Во святой же Апостольстей церкви стоитъ столпецъ, *у него же* Петръ Апостолъ плакахуся (Пут. Зосимы,

[54] Ср. сходный вывод относительно *он же* в восточнославянских памятниках: Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 469.

[55] То же отмечает А. И. Сумкина, анализируя материал летописей (указ. соч., стр. 156).

с. 61); туже лежитъ камень, *съ него же* Христосъ на жребя всяде (Пут. моск. купцов, с. 147); пришедый в мир грешники спасти, *от них же* первый есмъ аз (Аввакум, Житие, с. 77).

Примеры, где относительное местоимение стоит в дательном падеже: образъ Господа нашего Іисуса Христа, *ему же* исповѣдася мнихъ (Пут. Зосимы, с. 61); ино убо есть вашъ Богъ, *емуже* вы работаете (Пут. Гогары, с. 116); И по малѣ времени, отъ боляръ нѣкто, *ему же* имя Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ (Пов. Кат.-Рост., с. 563); И потом исцелел божиею благодатиею о Христе Иисусе, господе нашем, *ему ж* слава (Аввакум, Житие, с. 115).

Примеры, где относительное местоимение стоит в творительном падеже: Горе дому, *имже* домомъ жена обладаетъ: горе граду, *имже* мнози овладаютъ (Письма Иван IV, л. 141); Стрела наострѣшая и наядовитшая, а мню и послѣдняя, *еюже* стреляютъ (Письма Курб., с. 433); Где жезл и меч, *им же* содержал царствия державу? (Аввакум, Письма, с. 229).

Примеры, где относительное местоимение стоит в местном падеже: даже до царьства Алексѣя, нарицаемого Дуки Мурцула, *при немже* взять бысть царьствующи град отъ Ѳрягъ (Письма Ивана IV, л. 140); Воспомяни дни своя первіи, *въ нихже* блаженне царствавалъ еси! (Письма Курб., с. 158); въ томъ бо монастырѣ стоитъ дска, *на ней же* Христа несли ко Гробу; *на ней же* слезы Богородицы Маріи и до нынѣ знати (Пут. Зосимы, с. 61); А кдѣ на святой горѣ Голгоѳѣ крестъ стоялъ, *на немъ же* распяша Господа нашего Іисуса Христа (Пут. моск. купцов, с. 140). Егда же четвертая возгремит труба, *в ней же* глас божий (Аввакум, Письма, с. 275).

Относительное местоимение не согласовано с определяемым словом главного

В материале старорусских памятников XV—XVII вв. встретилось много примеров[56], в которых относительные местоимения *иже*, *яже*, *еже* в именительном и винительном падежах употреблены безотносительно к роду и числу определяемого слова, т. е. потеряли с ним согласование. Местоимения *иже*, *яже*, *еже* в данных примерах не воспринимаются автором как союзное слово в значении *который*; автор употребляет их как служебную, неизменяемую часть речи, которая служит для связи определительного придаточного с главным. Выбор той или иной местоименной формы был, по-видимому, субъективным, в зависимости от «симпатий»

---

[56] В нашем материале встретилось 139 примеров с согласованными формами *иже—яже—еже* и 105 с несогласованными. Можно считать частотность употребления согласованных и несогласованных форм в старорусских памятниках XV—XVII вв. одинаковой, так как чаще других встречаются существительные мужского рода (обозначающие бога, святых, монастыри, города и т. д.) и уже потерявшее согласование местоимение *иже* при них может казаться читателю нашего времени согласованным.

автора, так как закономерности в употреблении местоимений *иже*, *яже*, *еже* нам обнаружить не удалось. Интересно, что один и тот же автор употребляет и согласованные и несогласованные формы местоимений *иже*, *яже*, *еже*, причем системы в употреблении согласованных и несогласованных форм местоимений также не обнаруживается.

Приведем примеры, когда употреблено местоимение *иже* вместо *яже*: Книга глаголемая Раиская, *иже* суть въ божіихъ церквахъ (Письма Курб., с. 377);. . . за Египетскою дорогою, *иже* изъ Іерусалима ко Египту идетъ (Пут. Зосимы, с. 56); . . . служил того дне обедню въ церкви пречистыа Успениа въ древянои, *иже* бѣ поставлена в новоначалномъ храмѣ (Моск. летоп. сводк. XV в., л. 419);

иже вместо *еже*: . . . а идетъ въ мертвое море, *иже* потопило Содомъ и Гоморъ (Пут. Зосимы, с. 65);

яже вместо *иже*: егда былъ въ вещи общей той бурмистръ, *яже* во оно время опроверженъ былъ (Письма Курб., с. 143); Да свидѣтельствуютъ о семъ мнихи, *яже* пущени были отъ насъ исъ пленения (Там же, с. 132);

яже вместо *еже*: Начало убо твоего писанія, *яже* убо не разумѣвая написалъ еси (Письма Ив. IV, л. 128);

еже вместо *иже*: како не вострепета убійца онъ праведнаго и грознаго мздовоздателя Бога, *еже* не оставляетъ безъ испытанія помыслъ человѣческыхъ? (Пов. Кат.-Рост., с. 564); Распял-де ево Измаил на кресте, *еже* есть турской (Там же, с. 225);

еже вместо *яже*: и воспрія лишеніе въ мантіи, *еже* есть покровъ Божіи (Письма Ив. IV, л. 170); пребыхомъ въ Лаврѫ, *еже* зовется Кіевская печера (Пут. Зосимы, с. 60); слова *еже* еси глаголахъ, вельми превосходятъ наши немощи (Пут. Гогары, с. 116);

еже вместо *юже*: не лучши ли со Христом помиритца и взыскать старая вера, *еже* дед и отец твои держали (Аввакум, Письма, с. 203).

Кроме несогласованных форм относительных местоимений *иже*, *яже*, *еже*, в Путешествии Зосимы находим два примера, в которых употребляется форма им.-вин. падежа местоимения *иже* вне зависимости от того, какого падежа требует глагол-сказуемое зависимого предложения. Вместо ожидаемого род. пад.: и (видѣхомъ) камень въ олтарѣ, *иже* съ Самаринынею Христосъ Богъ нашъ, стоя у кладязя Іакобли, бесѣдова (с. 60). Вместо мест. пад..: и пріидохомъ во градъ Рамъ, *иже* во Евангеліи писано есть: гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть (с. 67).

В следующих двух примерах наблюдается так называемая избыточность связующих звеньев предложения: кого восхощет господь богъ и пречистаа и великые чудотворцы, тако же и великое князь Иван Васильевич, и братиа наша епископи, *иже оних* священный собор, то и всѣм намъ митрополит (Моск. летоп. свод. к XV в., л. 422); и камень, *ижъ изъ него* Моисей воду источи (Пут. Зосимы, с. 61).

Мы ожидаем в первом примере *о них же*, во втором — *из него же*. Однако в примерах произошла контаминация двух спо-

собов подчинения предложений: при помощи *иже*, при этом в его неизменяемой форме *ижъ(е)*, и изменяемой формы того же местоимения, но без частицы *же*, поскольку она имеется в первой из названных форм.

Встретилось всего три примера в Путешествиях московских купцов с повторением определяемого слова в главном (в первом примере употреблено личное местоимение, заменяющее определяемое слово главного): и придохомъ, гдѣ лежитъ камень, *ижъ* отвали его Ангелъ Господень отъ гроба Господня (с. 140); И станетъ лучь отъ солнца на крестѣ, *ижъ* бѣ внутрь великія церкви крестъ на гробницѣ, на придѣлѣ, надъ гробомъ Господнимъ (с. 141); И близъ ихъ дому мѣсто глаголемо Виѳезда, пять притворъ имуща, купѣлъ съ водою, *ижъ* Ангелъ Господень возмущаше воду (с. 143).

Рассмотрев приведенные выше примеры, мы можем сделать вывод, что в старорусских памятниках XV—XVII вв. конструкция с *иже*, *яже*, *еже*, выражая атрибутивные отношения, представлена еще достаточно широко; однако эти конструкции мы находим лишь в книжном языке, в произведениях, связанных с религиозной тематикой, в языке же, близком разговорному, и юридических документах мы их почти не встречаем.

Уже в XV в. определительная конструкция с *иже*, *яже*, *еже* начала разлагаться, о чем говорит большое число случаев несогласованного употребления *иже*, *яже*, *еже* в им.-вин. падежах; кроме того, встречаются примеры с формами им.-вин. падежей вне зависимости от того, какого падежа требует глагол-сказуемое зависимой части; характерно также употребление в им.-вин. падежах форм *он же*, *они же* и т. п., избыточное употребление форм: *иже+он* (без *же*).

Местоимения *иже*, *яже*, *еже*, превратившись в «окаменелый» показатель относительного подчинения, к концу XVIII в. совсем выходят из употребления в определительных предложениях даже в книжном языке [57].

Определительные предложения, присоединяемые наречиями

Наряду с местоимениями, определительные предложения присоединять к главному могут местоименные наречия *где*, *куда*, *откуда*, *когда*, *как*.

Определительные предложения, присоединяемые местоименными наречиями *где*, *куда*, *откуда*, обычно поясняют имя в главном, обозначающее пространственные отношения, и поэтому эти

---

[57] М. Н. Вьюкова отмечает, что определительные конструкции с *иже—яже—еже* не составляют и 1% от всех относительных конструкций в ее материале (XVIII в.); стилистическое употребление их ограничено узкими рамками церковно-богослужебной литературы: они встречаются преимущественно в «Словах и речах» Ф. Прокоповича, единично у Петра I, Посошкова, Татищева (см.: М. Н. Вьюкова. Относительные предложения с союзными словами *кой*, *какой* и др. . ., стр. 172).

определительные предложения имеют оттенок пространственного значения. Чаще всего в памятниках письменности в качестве определяемого слова употребляются существительные: место, город (названия городов, островов и т. д.), монастырь, церковь и т. д.

Наиболее распространенным является наречие *где*, употребляемое чаще всего при описании. Больше всего примеров находим в Путешествиях (Зосимы, Гогары, московских купцов) и в сочинениях Пересветова.

Кроме формы *где*, в памятниках встречается форма *идеже* (частица *же*, очевидно, прибавляется по аналогии с местоимениями *иже*, *яже*, *еже*).

Примеры с препозицией *где* единичны: а *гдѣ* будетъ менши десяти дворовъ, и *с тѣхъ* с дворовъ, по два рубли (Моск. гр. 1639 г. — АИ, т. III, № 201); А *гдѣ* Іоаннъ Предтеча родился и отецъ его Захарія жилъ, и *то* село отъ Іерусалима 10 поприщъ (Пут. Гогары, с. 115); А *гдѣ* Господь нашъ Іисусъ Христосъ постился, и *отъ тоя* жъ рѣки к западу 7 верстъ до пустыни (Пут. моск. купцов, с. 148); а *гдѣ* два ангела встрѣтили тѣло ея, помолихомся святому мѣсто и цѣловахомъ: а церкви *на томъ* мѣстѣ нѣтъ (Там же, с. 154).

Во всех остальных случаях зависимое предложение с *где*, а также с *идеже*, находится в постпозиции и интерпозиции: приказалъ есмъ ему дръжати намѣстничество свое на Кіевѣ, и въ Вилнѣ, и въ Новѣгородкѣ, и въ Городкѣ, и по всѣмъ градомъ и мѣстомъ и по селомъ *гдѣ* ни есть мои митрополскіи церкви (Моск. гр. XV в. — АЮБ, т. II, № 167); и сотскимъ и десятскимъ *тѣхъ* городовъ, *гдѣ* кто живетъ, отдавати тѣхъ городовъ старостамъ и цѣловальникомъ (Суд. Ив. IV, с. 241); и выскресь, и вытерть, и высѫши и положить в чистомъ мѣсте, *гдѣ* бѫдеⁿ пригоже быти (Домострой, с 36); а имати пеню съ такихъ людей на Москвѣ и въ городѣхъ, *гдѣ* на нихъ о томъ будетъ челобитье (Улож. 1649 г., с. 22); только бы *въ тѣхъ* городѣхъ и въ уѣздѣхъ не были, *гдѣ* быти сыску (Там же, с. 52); наипаче же въ чюжую землю, *идѣже* нѣкоторые человѣцы обрѣтаются (Письма Курб., с. 113—114); . . . апостольствомъ своимъ уловилъ всю Германію и Ѳранцыю и великіи градъ Парижъ, *идѣже* и мучительствомъ отъ Дементіана, нечестиваго цесаря, преукрашенъ скончался (Там же, с. 430—431); и он пошел опять вскоре во святителскіи хоромы западныя, *гдѣ* прѣжніи святители на молитвахъ святых своих стояли (Пересветов, с. 82); А язъ пошелъ к Дербенти, а изъ Дербенти къ Бакѣ, *гдѣ* огнь горитъ неугасимы (Хож. Аф. Ник., л. 370 об.); силно варъ в Гурмызѣ да в Катобаряимѣ, *гдѣ* ся жемчюгъ родить (Там же, с. 179); Монастырь женскій ту близъ естъ есть *идѣже* лежатъ мученики Козьма и Даміянъ (Пут. Зосимы, с. 62); восхотѣхъ видѣти святый градъ Іерусалимъ, *идѣ-же* Господь нашъ Іисусъ Христосъ страсти подъятъ (Там же, с. 63); и ту стоитъ церковь Рождество Христово, чудна вельми, надъ вертепомъ и надъ яслями,

гдѣ Христосъ родися (Там же, с. 66); отомкнули храмъ во имя Господа нашего Іисуса Христа тридневнаго Воскресенія, *гдѣ* стоитъ гробъ Господень (Пут. Гогары, с. 113); И туто есть устье Бѣлаго узкаго моря, *гдѣ* градъ стоялъ Троя (Пут. моск. купцов, с. 137); И поидохомъ съ горы и пребыхомъ нощь на дорогѣ у монастыря, *гдѣ* Илья пророк постился (Там же, с. 153); исъ царсково ихъ дому отведоша безчестнѣ въ прежебывшія ихъ жилища, *идѣже* он пребывали до царсково степени (Пов. Кат.-Рост., с. 577); Благочестивіи же князи. . . начаша по улицамъ ѣздити и ходити, *гдѣ* Литва стояше (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 750); И пошел Бова в темницу, *где* преж сего сам сидел (Сказ. про Бову, с. 464); пришли к патриархову приказу, *где* я дела духовныя делал (Аввакум, Житие, с. 63—64); Сем я тебе возьму за руку и поведу на то место, *идеже* бысть се (Аввакум, Письма, с. 278—279); Празднество в неподобных местех на кабаках, *где* когда, кто с верою изволит прздновати трех слепителей вина и пива и меда, христианских лупителей и человеческих разумов пустотворцов (Сатиры о пьянстве, с. 61).

Иногда определительные предложения с *где* могут пояснять существительные, которые не обозначают место, пространство. В этом случае мы ожидали бы местоимение *который* с предлогом: И они, въ тѣ поры всякую свою рухлядь и запасы оставливают послѣ себя *у тѣхъ* людей, *гдѣ* они стоятъ (Улож. 1649 г., с. 60); А которых корчемниковъ и табачниковъ поимаютъ объѣзжіе головы и дѣти боярскіе, или у кого во дворѣхъ вымутъ вино, или табакъ, и *тѣ* люди, *где* вымутъ, объезжимъ головамъ и дѣтемъ боярскимъ дадутъ откупъ рублевъ пять или десять (Там же, с. 192); и то супротивно нынѣшняго угорского обычая, *гдѣ* прапорщикъ передъ порутчикомъ, и надъ нимъ владѣетъ (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 3).

Определительные предложения, присоединяемые местоименными наречиями *куда*, *откуда*, встретились в незначительном количестве: четверть наволока моего участька оу острова. . . вехнего коньца. *куда* моѧ рука ходила (Двин. гр. XV в. — Шахм., Исслед., № 9); аще оныи умъ, *откуды* тые совѣты произыдоша (Письма Курб., с. 144); Мало поступя отъ тѣхъ вратъ, есть другія врата, *куды* Христосъ въѣхалъ, во градъ Іерусалимъ (Пут. Зосимы, с. 65); Да въ той же церкви от входу, *куда* ходятъ на лѣстницу, на Лобное тѣсто, саженъ съ десять (Пут. моск. купцов, с. 139); И нынѣ знати *на том* камни, *откуда* вода шла (Там же, с. 152).

Определительное предложение может присоединяться к главному при помощи местоименных наречий *когда* и *егда*. В этом случае определительное предложение относится к существительному в главном, обозначающему временно́е понятие (время, день, час). Определительное значение придаточного при этом осложняется оттенком временно́го значения. Приведем примеры с *когда* и *егда*, причем все случаи с постпозицией или интерпозицией определительного зависимого предложения: Ибо не былъ онъ *в то* время градъ, *егды* законы въ немъ ничесо же возмогали (Письма Курб.,

с. 143); И приспѣ время, *егда* огнь сходитъ съ небесе (Пут. Гогары, с. 119); *В то* же время, *егда* ополчахуся царевы воеводы подъ Колугою, той же предреченный ложный царевичь пріиде исъ Путимля града во градъ Тулу (Пов. Кат.-Рост., с. 585); а *въ тыя* дни, *когда* же избранъ бысть на царский престолъ. . . (царь Михаил) вѣнецъ державный на главу свою возлагает (Там же, с. 619); а то много радости *в той* час, *егда* кто мучится за Христа (Аввакум, Письма, с. 280); и тотъ съ своею законною женою *в то* время быти нехотѣлъ; *когда* войско ізраилево противъ непріятелей стояло (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 28).

Незначительное количество определительных зависимых предложений с наречием *как*, выступающим в роли союзного слова, встретилось нам в старорусских памятниках письменности XV—XVII вв. только в постпозиции (главным образом в Уложении 1649 г.).

Среди них находим примеры с повторением определяемого слова в зависимом предложении: да въ заводи въ Манаковѣ велѣлъ рыбу ловить всякими ловлями по тѣмъ урочищамъ, *какъ* за ними тѣ рыбные ловли на оброкѣ были (Моск. гр. 1605 г. — АЮБ, т. I, № 41, III) — значение *как=какой, который.*

В большинстве примеров определительное зависимое предложение с *как* относится к существительному, обозначающему временно́е понятие (*до тѣхъ мѣстъ, с того числа, в том году, в те поры* и т. д.), причем при определяемом слове обязательно употребляется соотносительное слово *тот* (кроме примера из Московского летописного свода XV в.). В этих примерах значение *как* близко к значению *когда*: а срок бы дал, *как* им у себя велит быти (Моск. летоп. свод XV в., л. 445); (И выбъ всѣ крестьяне) пашню на нихъ пахали и доходъ помѣщиковъ имъ платили *до тѣхъ* мѣстъ, *какъ* тое пустошь писцы наши или болшіе мѣрщики опишутъ и измѣряютъ и учинятъ за ними пашни по нашему указу (Моск. гр. 1593 г. — АЮБ, т. I, № 29, II); и на такихъ исцахъ за напрасную ихъ продажю правити отвѣтчикомъ проести по гривнѣ на день, *с того* числа, *какъ* судное дѣло зачнется, да *по то* число, *какъ* то судное дѣло вершится (Улож. 1649 г., с. 28); А судные дѣла въ тѣ книги записывати подьячимъ *того* же часу, *какъ* судъ отъидетъ (Там же, с. 44); и тѣхъ его людей держати въ приказѣ *до тѣхъ* мѣстъ, *какъ* онъ самъ объявится (Там же, с. 47); а судити ихъ въ такихъ дѣлехъ на указныя сроки *въ тѣ* поры, *какъ* имъ государева служба минется (Там же, с. 51); и сверхъ пятинатцати лѣтъ судъ давати, *съ того* году, *какъ* былъ платежъ за пятнадцать же лѣтъ (Там же, с. 74); для чего онъ того всего на немъ не искалъ *въ томъ* году, *какъ* у него кто чѣмъ завладѣлъ (Там же, с. 78).

Определительные предложения с местоименными наречиями в препозиции не закрепились в русском языке XV—XVII вв. и постепенно отсеялись. Постпозитивные конструкции закрепились в русском языке XV—XVII вв. и вошли в состав русского нацио-

нального языка для определения имен существительных с пространственным или временны́м значением [58].

Рассмотренный материал дает возможность считать, что постпозитивные определительные придаточные предложения современного типа стали ведущими в языке старорусских памятников письменности XVI — XVII вв.

Однако этот процесс формирования придаточных определительных, продолжавшийся веками, в XVII в. еще не закончился. Наряду с постпозитивными определительными предложениями, близкими современному типу придаточных определительных, в памятниках письменности находим конструкции, которые свидетельствуют о различных ступенях развития определительного предложения.

Развитие придаточного определительного шло по пути перехода его из препозиции в постпозицию и формирования наиболее четких средств связи.

Первая ступень развития определительных предложений — препозитивные конструкции, которые только условно можно назвать придаточными определительными: прииенное местоимение (или наречие) не стало еще союзным словом, заместителем определяемого имени, и выступает чаще всего с определяемым именем в выделительной, а не определительной функции; части препозитивной конструкции еще самостоятельны, плохо связаны друг с другом, о чем свидетельствуют дополнительные «скрепы»: повторение определяемого слова в зависимом предложении, сочинительные союзы между частями конструкции, употребление соотносительного слова в главном, определенный порядок слов — соотносительное слово или субстантивированное местоимение должно занимать первое место в главном, между прииенным местоимением и определяемым словом не должно быть других слов (этот порядок нарушается при местоимениях *что* и *кто*). Препозитивные зависимые предложения, кроме первичного определительного оттенка, могут иметь вторичный: условно-временно́й, объектный, субъектный и предикативный оттенки.

Предложения постпозитивные — вторая ступень, приближающая данные конструкции к современному типу придаточных определительных. Однако среди постпозитивных предложений наблюдаются архаические типы: конструкции с определяемым словом в зависимом предложении; конструкции, состоящие из трех частей, у которых — третья имеет плеонастическое местоимение.

Постпозитивные предложения архаического типа уже стали определительными, но еще недостаточно связаны друг с другом (хотя в отличие от препозитивных внутри предложений не употребляются сочинительные союзы, не обязательно соотносительное

---

[58] См.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, стр. 273—274.

слово). Однако в них не сформировались окончательно подчинительные связи: приименное местоимение не стало полноценным относительным местоимением, так как в зависимом предложении оно является определением к определяемому слову, стоящему рядом с ним, или, находясь в середине предложения, не может еще само организовать все предложение (ему «помогает» плеонастическое местоимение, связывая третью часть с первой).

Когда постпозитивное зависимое предложение потеряет определяемое имя, когда приименное местоимение, благодаря этому, станет относительным, тогда можно считать, что мы имеем дело с вполне оформившимся определительным предложением.

В старорусских памятниках письменности XV—XVII вв. мы наблюдаем многообразие средств выражения определительных связей, нередко дублирующих друг друга.

Дальнейшее развитие шло по пути отбора продуктивных способов соединения предложений и отмирания непродуктивных. Как доминирующее средство определительной связи в XV—XVII вв. в старорусских памятниках намечается местоимение *который*, ставшее в современном русском литературном языке главенствующим. В языке, близком живой речи, с *который* конкурирует *что* (для современного русского литературного языка *что* — просторечие). Местоимение *какой*, ясно и точно выражавшее качественно-определительное значение, закрепилось в литературном языке, *чей* — сохранилось в книжной речи для обозначения отношений принадлежности. Местоимение *каков* становится канцеляризмом, *кой* — отошло в область архаичной лексики. Совсем вышли из употребления местоимения *иже—яже—еже* и *елик*, связанные с церковно-славянской традицией. Перестали употребляться в определительных предложениях наречия *как* и *егда*, которые дублировали в своем употреблении наречие *когда*. Для определения имен существительных с пространственным и временны́м значением сохранились наречия *где*, *куда*, *откуда*, *когда*. Местоимение *кто* в современном русском литературном языке в определительных предложениях не употребляется.

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СТАРОБЕЛОРУССКОМ И СТАРОУКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Конструкции с определительными предложениями в рассматриваемых нами старобелорусских и староукраинских памятниках письменности XV—XVII вв. по семантике и построению не отличаются от тех же конструкций в старорусском языке.

Различие можно заметить лишь в употребительности отдельных видов определительных предложений. Ниже приведены данные, показывающие соотношение распространения наиболее употребительных местоимений в определительных конструкциях по трем языкам (в %).

Памятники	Связь при помощи местоимений				
	который	*что—кто*	*иже—яже—еже*	*кой*	остальные виды связи
Старорусские	28	23	34 *	2	13
Старобелорусские	74	12	6	—	8
Староукраинские	74	9	11	—	6

* Как указывалось выше, большой процент употребительности указательных местоимений *иже—яже—еже* в старорусском материале объясняется жанром использованных памятников.

Как видно из приведенных данных, в старобелорусских и староукраинских памятниках местоимение *который* получило большее распространение, чем в старорусских. Однако другие средства связи (вопросительные местоимения *что—кто*, указательные местоимения *иже—яже—еже* и др.) отмечены чаще в старорусском материале. Местоимение *кой*, составившее в старорусских памятниках 2%, в старобелорусских и староукраинских памятниках совсем не встретилось.

СТАРОБЕЛОРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ

Судя по данным нашей картотеки, в старобелорусском языке для присоединения определительного зависимого предложения к главному использовались вопросительные местоимения: *который*, *який*, *якавый*, *каковой*, *какой (какий)*, *чей*, *что*, *кто*; указательные местоимения: *иже*, *еже*, *яже* и наречия: *где (кгде, кгдем)*, *идеже*, *откуль*, *куды*, *коли*, *когды (кгды)*, *поки*, *як*, *как*. Как и в старорусском языке, местоимение *который* было самым распространенным среди других средств связи.

По свидетельству А. П. Груцо, определительные предложения с местоимением *который* в старобелорусских памятниках письменности до XV в. встречаются сравнительно редко. С XV в. употребление определительных предложений с *который* расширяется за счет относительных местоимений *что* и *кто* [59]. Наш материал подтверждает это положение: определительных предложений с *что* и *кто*, по данным нашей картотеки, в старобелорусских памятниках письменности XV—XVII вв. меньше, чем с местоимением *который*, почти в 6 раз.

Указательные местоимения *иже*, *яже*, *еже*, так же как в старорусском языке, не будучи фактом живого языка, чаще всего встречаются в текстах, связанных с религиозным содержанием. Среди наречий самым распространенным является наречие *где*.

[59] А. П. Груца. Развіццё складаназалежнага сказа у беларускай мове (на матэрыяле помнікаў пісьменнасці XIV—XVII стст. і сучасных народных гаворак). Мінск, 1970, стр. 19.

Определительные предложения, присоединяемые вопросительными местоимениями

В нашем материале в старобелорусских памятниках XV—XVII вв. определительные предложения с *который* в препозиции составляют незначительную часть (двадцатую) от общего количества примеров с *который*.

Рассмотрим конструкции, в зависимой части которых повторено определяемое существительное. Конструкция типа «а *который* (сущ.), и (ино) *тот* (то же сущ.)» в старобелорусских памятниках письменности, как и в старорусских, встречается главным образом в деловой литературе, но в меньшем количестве. По сравнению со старорусскими конструкциями в приведенных ниже примерах определяемое существительное с соотносительным словом *тот* в главном предложении чаще стоит не на первом месте, а в зависимом — между *который* и определяемым существительным помещены другие слова; начинательный союз и сочинительные союзы внутри конструкции нередко отсутствуют — таким образом, указанная конструкция в «чистом» виде, судя по материалам нашей картотеки, встречается в старобелорусском языке гораздо реже, чем в старорусском. Приведем примеры: а *которыи* ѡни жит(ь)ꙗ на тыхъ земляхъ посеели, Михалъ мает(ь) на лѣто *тыи* жита пожати (Лосич. гр. 1515 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 164); а *которыи* хоромы Мартинъ будеть съ тое земли побралъ, *тыи* хоромы, водлугъ слушного доводꙋ маеть Шимку поплатити (Молчед. гр. 1515 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 181); и *которыи* статки ꙋ именьи поѡ᷑ц(и) нашомъ зостали, вси *тые* статки къ своей руце побралъ (Берест. гр. 1516 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 203); *которое* именье Полоную далъ ми господарь его милость на вечность, ино *того* именьꙗ села моего Борятина члвкъ мой згинулъ (Слоним. гр. 1520 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 169); и *которая* кровь новая съ того во христіянствѣ учнетъ литися, и *то* ꙋ крови Богъ зыщеть на васъ (Копыс. гр. 1615 г. — АЗР, т. IV, № 196); А такъ *которые* войска князь великій впередъ до Казани выслалъ (яко есми о томъ первѣей до вашей панской милости писалъ), *о тыхъ* войскахъ еще ничого не слыхать (Вестов. отписки Кмиты. — АЗР, т. III, № 58); *Которыи* колве витези любꙗть короля Артиуша, ꙗ *тымъ* витеземъ всим коруна (Пов. о витязях, с. 98).

В следующих примерах определяемые слова в зависимом и главном — разные (определяемое в зависимом предложении обозначает общее понятие, а в главном — частное, конкретное): а *в которыхъ* замкахъ поветрее не было, *в тыхъ* местахъ по дорогахъ, по улицахъ, стражъ великую день и ночъ мевали ажъ до Рожства Христова (Лет. Баркул., л. 168); а *которыхъ* на тотъ часъ пановъ не побили, *тыхъ* множество люду служалого, яко убогихъ, такъ и богатыхъ полупивши, штаты добрые з нихъ

собравши, брони поотнимавши, нагихъ, босыхъ за границу выгнавши, попускали (Там же, л. 170 об.).

Иногда в главной части в роли определяемого слова может употребляться наречие места (таких примеров в нашем старорусском материале не встретилось) [60]: *икъ которому* быхмо прыстанищу прыстали, везде быхмо были повышени с Трыщаном (Пов. о витязях, с. 115).

Для выражения атрибутивных отношений в языке старобелорусских памятников письменности XV—XVII вв. чаще, чем другие, используются зависимые определительные предложения с *который* в постпозиции и интерпозиции.

Среди постпозитивных предложений с *который* в старобелорусских памятниках XV—XVII вв. наблюдаются архаические типы. Во-первых, это — конструкции с повторением определяемого слова в зависимом предложении. Указанные примеры в нашем материале немногочисленны, однако встречаются даже в памятниках XVII в. Чаще всего эти примеры отмечены в грамотах: Се я Якъ, иначей Корейва Ядукговичь, продалъ есмы доброволно и съ вѣдомомъ осподарья королья Казимира землью свою питомую у волости Волковиской, *которую* — жто землью купилъ есми былъ у Бартоша (Вил. гр. 1451 г. — АЮЗР, т. II, № 71); продали есмо Его Милости дворец, наш, высл8г8 wтца моего, *который* же дворец и земли высл8жил wтець мой (Друцк. гр., 1492 г. — Arch. Sang., т. III, № 37); штожъ дей wнъ не хочеть давати десетины з(ъ) пашни, наимя з(ъ) Лесищь; *которая* жъ пашня передь тымъ держана была (къ) двор8 нашому к(ъ) Скидлю (Берест. гр. 1511 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 144); ижь безвинно взялъ ми сл8га его конь; *который* конь ѣ на немъ правомъ зыскала передъ тымижь судыми (Вил. гр. 1514 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 116); а рекою Лютою 8 веръхъ до граней светицкихъ и до болота Лютого, *съ которого* болота таѣ речка Лютаѣ вытекла (Вил. гр. 1516 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 231); тотъ маеть в повете своем том со всимъ своим почтомъ зыменей купленыхъ и выслужоныхъ и отчизныхъ и з женнего именья стати, *в котором* повете будетъ его имене отчизное головное (Литов. ст. 1529 г., с. 13); и(ж) бы Богъ мѣлъ пры(и)ти и седѣти на горѣ высоко(и), и судити живы(х) и мрт҃выхъ, *на которую* (ж) гору тру(д)но будеть 8зы(и)ти (Лет. Рачин., с. 235); Сеймъ великий былъ у Берести лета Бож. нарож. 1545, *на которомъ* сейме былъ король его милость полский (Лет. Баркул., л. 136 об.); и жда̂ тамо докоу̂ пѣнѧзи принесены, *которые* пѣнѧзи колко тисецкии летъ оу скарбехъ ихъ лежали замкноутые (Страсти Христовы, л. 1); А угрове ушли были до Панонии, ѣко-м вышеи поведал, року wт нарожен Хрыстусового трыста семдесѧт тре-

[60] А. И. Сумкина. Указ. соч., стр. 178 (автор отмечает примеры с определяемым словом-наречием в старорусском языке).

того, *по котором* року ѡбран был Атылѧ королемъ року двадцать ѡсмого (Ист. о Атыле, с. 222—223); и тут затрубилъ человѣкъ у рогъ, *которого* рогу далеко было чуть (Пов. о витязях, с. 72); а потомъ видѣхъ ꙗкобы ѡнъ богъ еи речь затꙋлилъ, и золотымъ перстенемъ запечатова[л], *в которомъ* перстеню былъ камень дорогий (Александрия, с. 27).

К архаическому типу относим также определительные конструкции, состоящие из трех частей с плеонастическим местоимением в третьей части. Эти примеры встречаются в рассматриваемых нами старобелорусских памятниках письменности XV—XVII вв. в небольшом количестве: и боꙗрь *которыи* не хотели ѡтъчита князѧ Юрыꙗ или Браньскы(х) и Смоленьскы(х) *те(х)* вси(х) посекоша (Лет. Супр., л. 56); и боꙗрь *которыи* хотели добра князю Юрью. а *техъ* разьведе (Витовъть) и расточи а ины(х) премоучи (Там же, л. 58 об.); а боꙗре *которыи* не хотели ѡчича князꙗ Юрыꙗ или Брꙗньскихь. или Смоленьски(х). *техъ* вси(х) посекли (Лет. Увар., л. 38); А челяд *которая* дана татаромъ за отца нашого и продковъ нашихъ и за насъ з дворы нашими, *тую* челед они маютъ держати вечне (Литов. ст. 1529 г., с. 90) [61]; Послы его, *которые* до вашей милости пановъ радъ коруны Польской и великого князьства Литовского, пановъ моихъ милостивыхъ, посланы, также и гонецъ, *тые и* теперь лежатъ у Смоленску (Вестов. отписки Кмиты. — АЗР, т. III, № 58).

С течением времени определяемое слово перестает употребляться в зависимом предложении, пропадает плеонастическое местоимение *тот* в третьей части конструкции, и возникают конструкции с местоимением *который*, находящиеся в постпозиции и интерпозиции по отношению к определяемому слову главного предложения. Эти конструкции в ряде случаев не отличаются от употребляющихся в современном белорусском языке. По памятникам белорусской письменности они отмечаются с XIV в.[62] и, судя по данным нашей картотеки, уже в XV в.[63] превалируют над другими видами синтаксических конструкций, которые тогда употреблялись для выражения атрибутивных связей. Приведем примеры с *который* в постпозиции и интерпозиции с соотносительным словом *тот* в главном предложении и без него, напоминающие определительные предложения, употребляющиеся в современном литературном белорусском языке: а ѣздокомъ, *которые* при томъ были, десять рубловъ (Плот. гр. 1474 г. — АЮЗР, т. II, № 75); а насъ братовъ три зостало зъ маткою нашою *на томъ* именьи, *которо* ѡтцу нашому господарь его милость далъ (Берест. гр. 1516 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 203); и межи Смоленска и Вязмы зъехався съ послы вашими, мовити и становити о добрыхъ дѣлѣхъ, *которые* належатъ къ покою и тишинѣ так коруны Поль-

[61] В данном примере в третьей части повторено и определяемое слово.
[62] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 26.
[63] По данным А. П. Груцо, к середине XVI в. (указ. соч., стр. 26).

ской и великого князства Литовского, яко и господарства Московского (Копыс. гр. 1615 г. — АЗР, т. IV, № 196); О светкох, *которые* мают быти при справении тестантов (Литов. ст. 1529 г., заголовок, с. 39); ѡтецъ его Тро(и)день да(л) его дѧ наѹки ꙗзыка Ру(с)кого до Льва Мъстиславича, *которы(и)* заложы(л) городъ во (и)мѧ свое Льво(в) (Лет. Рачин., с. 238); якожъ оные жолнере и вси кущы, *которые* тамъ на Москве были, чудно и велми дивно о цари Дмитре поведаютъ (Лет. Баркул., л. 173 об.); иже въ ерузале҃ бы҃ некакии лекарь, *которыи* оуси болечки ѡдны҃ слово҃ оуздоровлѧ҃е (Страсти Христовы, л. 23 об.); Кое сѣмя въ женахъ, *въ которыхъ* не всѣялъ мужъ зъ своихъ чреслъ? (Спис. пр. люторов, с. 172); и теперь посланецъ, *который* до короля, брата государя нашого посланъ, видѣлъ ли короля вашего (Вестов. отписки Кмиты. — АЗР, т. III, № 58); И прызвала ѡдного своего служебника, *которому* было имѧ Рычардо (Ист. о Гвид., с. 129); а *тата* панъна, *которую* си прывел, ест наша господарына (Пов. о витязях, с. 76): Здымники Татаре, *которые* пърыехали до Борысова (Сп. татар дом. — РИБ, т. XXXIII, с. 1365); абы вѣрѹ *которѹю* есте ѡ҃ наши҃ про҆ковъ взѧли, зѹпо҆не ховали (Александрия, с. 54).

В приведенных выше примерах местоимение *который*, начиная зависимое предложение, непосредственно следовало за определяемым словом главного предложения. Однако в нашем материале достаточно случаев дистантного употребления *который*, когда зависимое предложение отделено от определяемого существительного рядом других слов, что нарушает стройность всей конструкции и затемняет смысл предложения. Некоторые примеры: и поведал нам, штож купил имене въ писара н(а)шого в Петрашка Фоминича на имѧ Тарасово в менском повете дѧтковщинѹ его вѣчто, *котороеж* дѧтко его небожчик пан Васко Любич писар наш купил в пана Ивана Кучюковича (Вил. гр. 1490 г. — Arch. Sang., т. I, № 95); Тайна и фикгура то была великая прышлой церкви въ новомъ завѣтѣ, *которую* самъ предвѣный Сынъ Божы воздатель мѣлъ по образу и по подобію небесной и всегда веселящойся оной церкви, то есть светлыхъ ликовъ ангельскихъ (Брест. гр. 1610 г. — АЮЗР, т. II, № 40); А хто бы сосну пчолницу порубал або сказил, *в которой* пчолы бывали, хотя в тотъ часъ ихъ не будеть (Литов. ст. 1529 г., с. 82); протожь пришла со мно҆ некотора жона его ѡбразъ с и собою несоучи. *на которыи* толко набоне ж возри ш здоровье свое держи ш (Страсти Христовы, л. 24); але и листы подавано, *которыхъ* потомъ панъ Янъ Кароль Ходкевичь зъ ихъ направы подписовать и скончить не хотелъ (Дневн. Евлаш., с 152); быс бога на себе не розгнѣвали, *которыи* то вже постановилъ у себе, што мнѣ вже давно изнаимилъ (Ист. о Атыле, с. 204).

Рассмотрев материал картотеки старобелорусских памятников письменности XV—XVII вв., мы можем сказать, что постпозитивные определительные предложения с *который* были широко

распространены в произведениях различных жанров [64]. Однако в современном литературном белорусском языке *который* (в форме *каторы*) употребляется значительно реже, чем *які*, вытеснившее *каторы* [65]. В говорах же местоимение *каторы* сохраняет широкое распространение (особенно на юго-западе Белоруссии) [66]. Очевидно, на протяжении XVIII—XIX вв. *который* (*каторы*) в белорусском литературном языке уступало свою роль местоимениям *які* и *што*.

Определительные предложения с местоимением *який* (в форме *які*) стали нормой в современном литературном белорусском языке. Широко они распространены и в говорах, в языке же старобелорусских памятников нашей картотеки определительные предложения с *які* встречаются крайне редко [67]. А. П. Груцо отмечает, что первые случаи определительных предложений с местоимением *який* относятся к середине XVI в.[68] Распространению *який* в более позднее время (XVIII—XIX вв.) содействовало, видимо, употребление его в польском языке, где *які* встречается уже в XV в.[69] Приведем пример из нашего материала (зависимое предложение со сравнительным оттенком в интерпозиции): И вамъ бы бояромъ все то не словы, але дѣломъ тотчас здѣлати къ намъ на сесь листъ нашъ отписати, и грамоту свою опасную (таковую жъ, *якая* отъ пановъ радъ вамъ на вашихъ пословъ послана) намъ на нашихъ пословъ прислати (Копыс. гр. 1615 г. — АЗР, т. IV, № 196).

В старобелорусском языке для выражения атрибутивных связей изредка употреблялось местоимение *якавый*. Современному белорусскому языку этот вид атрибутивной связи неизвестен [70]. Приведем единственный пример с дистантным расположением зависимого предложения с *якавый* из нашего материала: ꙗ быхъ тебе прывела *у таковое* мѣсто, гдѣ бы ты пры вечере видел цудную рѣч, *ꙗковое* си давно не видалъ (Пов. о витязях, с. 4).

Местоимение *каков* в современном белорусском языке для связи зависимого определительного предложения с главным также не употребляется. В старобелорусских памятниках определитель-

---

[64] О преобладании определительных конструкций с *который* над другими в деловой письменности старобелорусских памятников XVI—XVII вв. см. также: «Нарысы па гісторыі беларускай мовы». Мінск, 1957, § 288; М. І. Карнеева-Петрулан. Мова Баркулабаўскага летапісу. «Працы Інст. мовазнаўства АН БССР». Мінск, 1957, вып. III, стр. 106; І. І. Крамко. Да гісторыі адноснага падпарадкавання у беларускай мове. «Весці АН БССР. Серыя грам. навук», 1959, № 4, стр. 146.

[65] «Граматыка беларускай мовы», т. II. Сінтаксіс. Мінск, 1966, стр. 606—607.

[66] См.: А. Я. Баханькоў. Складназалежныя сказы з заданым азначальным у паўднёва-заходніх беларускіх гаворках. «Весці АН БССР. Серыя грам. навук», 1960, № 4, стр. 126.

[67] См. также: І. І. Крамко. Указ. соч., стр. 154.

[68] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 29.

[69] Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, стр. 462.

[70] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 30.

ные предложения с *каков* встречаются с XV в., хотя очень редко [71]. Приведем наш пример: Такожъ за проступку, *каково* ль коли проступить, нихто иный, только тотъ виноватець, хто проступить (Вил. гр. 1457 г. — АЗР, т. I, № 61).

В нашей картотеке встретился пример определительного предложения с *каковой* (в старорусском материале такие примеры не отмечены): а пушы мают шацованы быти подлуг важности и пожитков земли, *каковая* земля и пуща пожиточна будеть (Литов. ст. 1529 г., с. 83).

В определительных предложениях, кроме перечисленных средств связи, в памятниках старобелорусского языка с XV в. отмечено местоимение *какой* (*какий*). Употребляясь довольно часто в современном русском литературном языке, местоимение *какой* неизвестно современному белорусскому литературному языку и белорусским народным говорам (местоимение *какий* также утратилось) [72]. Приведем встретившиеся нам примеры: сватый бернатъ молви такии силныи кгьвалътъ силнаѧ кривда мтивомоу паноу боу осталасѧ, *какаѧ* ѡ початка света ни ѡдномоу чл҃вкоу неста[лъ] е и не бывала (Страсти Христовы, л. 9 об.); а какіе соу тые дивы. которые исталисе часо наши[х] . *какіе* николи не слыхаваны соу (Там же, л. 33 об.); маеть ему такъ добрый шатеръ дати, *какий* пограбилъ в него (Кгерен. гр. 1515 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 171).

Для присоединения определительного предложения к главному с оттенком принадлежности в языке белорусской письменности XV—XVII вв. употребляется относительное местоимение *чей* [73]. Как и в старорусском языке, оно встречается редко. Кроме примера из грамоты XVI в., значительное количество примеров с *чей* встретилось в Литовском статуте 1529 г. Приведем примеры конструкций с пост- и интерпозицией: тогож(ь) часу маеть его вести *къ тому* пану, *чий* чл҃вкъ (Берест. гр. 1518 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 29); а достол отогнати *до того* пана, *чие* быдло есть (Литов. ст. 1529 г., с. 94); *тот* пан самъ *чій* слуга, кгвалтъ и головщину и шкоду мает платити (Там же, с. 64); а *тотъ* панъ *чія* земля маетъ безъ откладанья пенязей землю ку своимъ рукамъ узяти (Там же, с. 75); Естлибы оный панъ, *чій* человекъ, на три обсыланя за тымъ человекомъ своимъ до оного пана, *в чиемъ* торгу тот человекъ есть поиманъ . . . мает. . . тому справедливость наконецъ вчинити (Там же, 99); Естлибы разбойники або злодеи *чіи* люди были пойманы, а поволаме на кого, абы ся делит з ними (Так же, с. 102).

Определительные конструкции с местоимениями *что* (*што*) и *кто* отмечаются в старобелорусских памятниках с середины

[71] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 30.
[72] Там же, стр. 30, 31.
[73] Там же, стр. 31.

XIV в. [74] Указанные конструкции немногочисленны в рассматриваемом старобелорусском материале XV—XVII вв. Приведем единичные примеры архаических конструкций, в которых в препозитивном предложении повторено имя существительное (во втором примере в зависимом предложении определяемое слово отсутствует, но вместо него употреблен глагол того же корня, что и определяемое имя в главном): а *што* пак бѫдет жита, или ѥрин и тыбы ѡтавса кого жита на нас ѡдлѫчилъ (Троцк. гр. 1432—1440 г. — Arch. Sang., т. III, № 2); такеж *што* будет датко мой пан Васко Любич прикупил земли пошное и сеножатей к той земли качинской, перво того как ешо Тарасова не купилъ и как вжо купивши Тарасов в тых панов выше писаных, а пана Ѩна Кучюковича а в пана Ивана Илинича, Федку в тыи купли не вступатиса (Вил. гр. 1490 г. — Arch. Sang., т. I, № 94).

В группе постпозитивных определительных предложений с *что* (*што*) в старобелорусском материале нам встретились архаические типы, но гораздо в меньшем количестве, чем в старорусском. Во-первых, это конструкции с повторением определяемого слова в зависимом предложении: Я княгини Михайловая Александровича Анна дали есмо къ Святой Троици мелника нашего, на имя Семенца, на ставъ на Локнѣйскый, *што* есмо придали ставъ на Локнѣи къ монастырю Святой Троицы (Слуцк. гр. 1489 г. — АЗР, т. I, № 94). Интересно отметить, что в следующем примере вместо повторения имени существительного, стоит личное местоимение *ее*: ѡдержавшы угрове тое звитѧжство, почали заразом всеи *тои* земли, *што* ее тепер угорьскою зовуть (Ист. о Атыле, с. 177—178). Затем — конструкции, состоящие из трех частей с плеонастическим местоимением в третьей части: а ѡчиноу его Ве(д)бескь и Крево и в(с)а мѣста *што* ѡцъ его держаль *то* все даю емоу ни оу во что их не встоупаюса (Лет. Супр., л. 90).

В современном белорусском литературном языке местоимение *что* (в форме *што*) в определительном предложении постпозитивно и употребляется наряду с *які* (*што* имеет разговорный характер) [75]. В исследуемых нами старобелорусских памятниках письменности XV—XVII вв. мы находим конструкции с *что*, напоминающие современные определительные предложения. Приведем примеры с *что* в постпозиции и интерпозиции с контактным и дистантным употреблением зависимого предложения (чаще контактным): А восковыи весь держати по старому закону, *штоже* нашъ берьковескъ восковыи болши вашего берьковьска полупудомъ Ризького весу (Полоцк. гр. 21 июня 1405 г. — РЛА, № 154); тот моет тратити *тые* пенязи *што* вышъшей нерадно дано (Литов. ст. 1529 г., с. 7); и дасть за него сестру свою ро(д)ноую кнѧжьню Марию *што* потомъ была за кземъ Давидомъ (Лет. Супр., л. 88); также Лет. Рачин., с. 248); Прокша *што* водоу даваль емоу (Лет.

[74] Там же, стр. 17.
[75] «Граматыка беларускай мовы», т. II, стр. 609.

Увар., л. 10—10 об.); лю(ди) *тыи* его *што* за Ва(л)ею посели игривали на трꙋба(х) доубасны(х) (Лет. Крас., л. 66); и послали с ними три моужи *што* проводили ихъ до земли ихъ до кгалілей и пошли оу покою (Страсти Христовы, л. 36); И *въ томъ* листѣ егожъ, *што* до ихъ милости пановь радъ Литовскихъ писалъ (Вестов. отписки Кмиты. — АЗР, т. III, № 58); и *тые* витези, *што* были товарышы подьчашого, говорыли королю Артишу (Пов. о витязях, с. 96—97); ѡбцова^{б}е наше тобѣ ѡставили достаточне пре^{з} листы, *што* маемы за неподобнꙋю речъ (Александрия, с. 92).

В старобелорусских, как и старорусских, памятниках XV—XVII вв. мы находим большое количество примеров с *что* в косвенных падежах. Современному литературному белорусскому языку эти конструкции несвойственны: А кони намъ у васъ у Ризе купити, *на чемъ* у верхъ ехати, а отъ ногъ не имати (Полоцк. гр. 21 июня 1405 г. — РЛА, № 154); и *съ тымъ* селцомъ, *на чомъ* тыи люди седять, съ пашнями и со сѣножатми (Троцк. гр. 1455 г. — Археогр. сб., VII, № 4); И писалъ ѡ томъ до пана Миколаꙗ, абы имъ *тꙋю* сꙋму пенязей, *чимъ* будеть виненъ, заплатилъ (Слоним. гр. 1519 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 77); А къ сеножатемъ не мают ни с чим ити только с косою а з секерою, *чим* заросли растеребливати а с косою *чим* ему косити (Литов. ст. 1529 г., с. 78); абы передъ нимъ становился назаутрее для успроваливеня *в таковыхъ* выступкахъ, *в чомъ* будучи от когос перестережоный (Лет. Баркул., л. 147); и ратунку дей жадного не маетъ *чимъ* учинить (Вестов. отписки Кмиты. — АЗР, т. III, № 58); мусить мѣти велми нужны рѣчы, *чого* ни ѡдна дѣвка не мѣла (Пов. о витязях, с. 67.

В нашем старобелорусском материале XV—XVII вв. препозитивные зависимые конструкции с *кто* не встретились. В постпозиции зависимое предложение чаще всего непосредственно следует за определяемым словом главного, хотя есть случаи и дистантного расположения зависимого предложения по отношению к определяемому слову главного. Некоторые примеры: воротити истьцю, *у кого* украдѣно, и просокы половину вернути (Западно-русск. гр. 1468 г. — АЗР, т. I, № 67); Наместнику Радун(ь)скому пану Ꙗнушу Костевичꙋ и инымъ намѣстникамъ нашимъ, *хто* потомъ будеть ѡ нас Радунь держати (Минск. гр. 1502 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 73); мелъ его вести ку его милости князю ѳ (в)едору, *кому* тотъ чл҃вкъ служить (Берест. гр. 1518 г. — Литов. метр., т. I кн. 3, № 29); а естли бы на тоть рокъ ѡна не поставила тыхъ людей, *до кого* имъ або людемъ ихъ будеть дело, моет сама вси тыи шкоды платити (Меньск. гр. 1520 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 155.); а тот злодей на шибеницу, *в кого* тое лицо застато будет (Литов. ст. 1529 г., с. 106); а про то ѡберит собѣ господара до(б)рого *хто* бы мѣлъ боронити того па(н)ства велико(г) кнѧ(з)ства Литовско(г) (Лет. Рачин., с. 240); быти: Ꙗ҃ Пулкан не видел есми ни ѡдного чоловѣка, *хто* бы сѧ

мнѣ опротивилъ (Ист. о Гвид., с. 156); еще безъ труны на столе при стене всимъ людемъ, *кто* хотелъ видети тело королевское указано (Дневн. Евлаш., с. 134); ꙗ вамъ вчыню дружбꙋ, иж *того* рыцэра увижу *кого* такъ фалѧтъ (Пов. о витязях, с. 19—20); Если тобѣ треба зброи и кон тобѣ дам и млоденцов, *хто* бы тобѣ служил (Там же, с 26—27).

Определительные предложения с указательными местоимениями *иже*, *еже*, *яже*

В нашем старобелорусском материале в основном встретились примеры постпозитивных определительных предложений, присоединяемых указательными местоимениями.

В конструкциях с постпозицией в старобелорусском материале так же, как и в старорусском, наряду с примерами, в которых местоимения *иже*, *еже*, *яже* согласованы в им. и вин. падеже с определяемым словом, находим несогласованные, окаменелые формы этих местоимений. Приведем примеры согласованных форм местоимений *иже*, *еже*, *яже* в им. и вин. падежах:

иже: Боурандаи багатыръ. *иже* взѧ Больгарскую землю и Соуздальскоую (Лет. Супр., л. 29 об.); ѡномоу же црю *иже* бѣ на ѡрде (Там же, л. 79 и Лет. Акад., л. 164 об.); святымъ, *иже* сут(ъ) на земли, удиви Господь вся хотения Своя въ нихъ (Спис. пр. лютеров, с. 112).

Однако чаще при определяемых существительных мужского рода в им. и вин. падежах ед. и мн. числа в нашем старобелорусском материале употреблена форма *иж*, которая еще, очевидно, осознавалась как согласуемая форма муж. рода (при существительных женского и ср. рода *иж* почти не встречается): а мы дей на то маемъ листъ вашое милости господаря нашого, *ижъ* мѣли бояре (Троцк. гр. 1456 г. или позже. — АЗР, т. I, № 60); О судьях *иж* пересуд мают на трое делити (Лит. ст. 1529 г., заголовок, с. 51); покланꙗютьсꙗ славному г(д)рю *и(ж)* есть цр҃ь надо всею землею (Лет. Увар., л. 52 об.— 53); роди Иѡана Доброго Калитꙋ. *и(ж)* исправи Рꙋ(с)кꙋю землю ѡ татей и ѿ ра(з)брода ѿ всѧкого мꝑтежа (Там же, л. 77—77 об.); и поможе Бо(г) великому кнꝛзю Ры(н)кго(л)ту, *ижъ* кнзе(и) Рꙋски(х) и всю силу и(х) и ѡ(р)ду Тата(р)скую на голову побилъ (Лет. Рачин., с. 234); Богъ помилуи Трыщана, *иж* так много працовалъ длѧ короля Артиуша и его витезеи своею доброю волею (Пов. о витязях, с. 112); пришоа чаc *иж* ꙋже з того свѣта маешь зыйти (Александрия, с. 119).

В именительном падеже вместо форм *иже*, *иж* встречаются формы *он же*, *ен же* [76] (что мы наблюдали и в русских памятниках): Маистатъ великого короля Казимира Полскаго, великого князя Литовского и Руского, *енже* вложилъ съ паны радою своею,

---

[76] См.: Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 469.

въ земли Литовской и Руской (Вил. гр. 1457 г. — АЗР, т. I, № 61); и послаша рѧ(д)ци по Бердебѣка ѡ(н) *же* приш̀е(д) ѡц̀а оудави (Лет. Акад., л. 151 об.); и тꙋ срѣте брата своего съ чело(м)битиемъ ѡн *же* с де в Новѣгородѣ (Там же, л. 153); посла ра(т) на кн̀зѧ Михаила Тферьско(г) ѡ(н) *же* бѣ во Литвꙋ (Там же, л. 153 об.); пишеть о дву черньцахъ, *ниже* изъ гробовъ своихъ выхожали (Спис. пр. лютеров, с. 127); О сихъ Иесеохъ пишетъ Іосифъ Жидъ Матѳаевъ, *онъ же* многіе книги о царех... списалъ (Там же, с. 182).

В следующих примерах согласованные формы *яже*, *юже*: лѣ(т) ѕ̀ м̀ з̀ сщена бы(с) цр̀кви ста҃ѧ Бц̀а *юже* созда Володимеръ ѡц̀ь Ꙗрославль (Лет. Супр., л. 19); и впадесѧ во ҃амꙋ *ю(ж)* сотвори (Лет. Увар., л. 18—18 об.); оу иконы оу ст҃ыѧ Бц̀а *юже* написа Петрь митрополить (Лет. Акад., л. 151); и се есть, якоже въ начале речено, похвала и слава крестная, *яже* по бѣде дѣянія крестнаго бываетъ (Спис. пр. лютеров, с. 85).

Примеры с согласованными формами *еже*: ҃ваѕѧ чю(д)о много прощени слепымъ и раслабленымъ *еже* не може оумь чл̀вчи сказати (Лет. Супр., л. 64—64 об.); яко сей слыша все мовенъе отъ Господа, *еже* Господ(ъ) глагола къ вамъ (Спис. пр. лютеров, с. 79).

Примеры с нарушением согласования: ожедаючи... явленія славы великого Бога и Спаса нашого Іисуса Хрыста, мовити моглъ. се азъ и дѣти мое, *еже* ми еси далъ (Берест. гр. 1610 г.— АЮЗР, т. II, № 140); патрі҃архъ же Калисть помѧнувь слово хв̀о *и(ж)* ре(ч) аплѡ(м) своимъ (Лет. Акад., л. 150—150 об.); покланѧютсѧ славнонꙋ г(с)дрю *еже* есть цѣсарь на(д) всею землею (Там же, л. 162 об.—163); проходѧще поклонѧютсѧ славному. *еже* есть цр̀ь на(д) всею землю (Лет. Супр., л. 77); тои исповеда всю силоу ҃ѧ(ж) бг҃аху в ни(х) силны(х) воеводы (Лет. Увар., л. 105 об.); Зрите убо хрістиянского закона, *еже* положи намъ Хрістосъ (Спис. пр. лютеров, с. 143); яко нѣсть жены, *(и)же* можеть хранити ложе мужа своего чисто (Там же, с. 177).

Примеры с косвенными падежами указательных местоимений: и видель королевича мчаща по(д) роукоу и зьѣхавъ по (д)сквы до самого карабл҃ѧ. *по неиже* хожьдахоу и втекши в корабль (Лет. Супр., л. 27 об.—28); а иныхь моукь на(д) хр(с)тиѧны *ихже* срама ради не писахомь (Лет. Акад., л. 179 об.); а ѧ держу ѡдного выбрного нѧтца оу темници. головника емоу҃ има҃ бараба҃ (Страсти Христовы, л. 21); и киотъ завѣта, *въ немже* скр(ы)жали законныя (Спис. пр. лютеров, с. 49); дано есть разумѣти тайны царства небеснаго, *онем же* не дано есть (Там же, с. 156); корону велми чуднꙋю на которои ве҆рхꙋ золота бл҃а҃тку справленꙋю *на ней же* написано было им҃а божое (Александрия, с. 41).

Следует отметить, что в старобелорусских деловых памятниках XV—XVII вв., по данным нашей картотеки, определительные предложения с местоимениями *иже*, *еже*, *яже* представлены единичными случаями.

Определительные предложения, присоединяемые наречиями

Среди наречий, присоединяющих определительные предложения, самым распространенным является наречие *где*. В нашем материале встретились примеры только в постпозиции. У А. П. Груцо также замечено, что в препозиции *где* встречается редко и приведен лишь один пример [77]. Приведем примеры с постпозицией определительного предложения из наших старобелорусских памятников: а сымались бы вси посполу *на томъ* мѣстѣ, *гдѣ* передъ тымъ сыймовались здавна (Троцк. гр. 1456 г. или позже. — АЗР, т. I, № 60); а меновите въ Новагородку, въ Менску, *где* бы се тымъ инокомъ найспособнѣ й видѣло, фундовать и въ тыхъ школахъ учыти всихъ наукъ (Минск. гр. 1615 г. — АЮЗР, т. II, № 45); буд на местцы або на поли або в земли неприятелской, *где* бы вжо потребы земское не было (Литов. ст. 1529 г., с. 16); абы *на то(м)* местцу было жъглищо вчынено *гдѣ* бы его ме(р)твого со(ж)гли (Лет. Рачин., с. 234); мно(г) ѡленеи наехати *на то(м)* мѣсте *где* тепе(р) Камене(ц)кое мѣсто лѣжи(т) (Лет. Крас., л. 82 об.—83); тогды Наливайко з Могилевского замку на гору Илинскую, *где* тепер церковъ святого Георгия стоитъ, бо на тотъ часъ не было, выехалъ (Лет. Баркул., л. 154); ижъ *на томъ* мѣстцу слава Господня будетъ вельбена, *где* теперь есть Иерусалимъ (Спис. пр. лютеров, с. 137); потомъ зъехали се новокгродскии въ Копылю, *где* былъ его княжеска милость панъ Миколай Кришстофъ Радивилъ (Дневн. Евлаш., с. 154); на завтрэе казал седла кождого четвертого коня зо всего воиска своего зобрами и в перекол накласти *по тои* стороне, *где* мур былъ слабшыи (Ист. о Атыле, с. 21б); и было неколико турнаевъ подъ ѡнымъ городомъ, *где* ты збилъ Паламидежа (Пов. о витязях, с. 57—58); вошли в ве/лиуии пѹстыни, *где* было зи[м]но а те[м]ность велика (Александрия, с. 87).

Встречаются и другие фонетические варианты наречия *где*: *кгде*, *кгдем*, *игде*. Приведем примеры: и ловѧчи в лове(х) пригодилос имь такъ оугонили много ѡленеи *в то(т)* ѡстровъ. *кдѣ* ннѣ Каменское мѣсто лежитъ (Лет. Супр., л. 103 об.); поидите а увидите мѣсто *кде* положе[н] бы[т] (Страсти Христовы, л. 34 об.—35); я еще въ дорозе впалъ въ таежную горючку и казалемъ се вести до Кнышина, *кгдемъ* се ледве зъ тое горючки выходилъ (Дневн. Евлаш., с. 134); и всю странноу и городы поимаша. и до Торжькоу нѣ (с) мѣста такова. ни села. *игдѣ* бы не повоевали (Лет. Супр., л. 21 об.—22).

---

[77] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 32.

В ряде примеров находим наречие *идеже*: изыде противоу семоу на ѠЗлте *идеже* оуби. Стополкь Бориса (Лет. Супр., л. 18); и прише(д) на мѣсто *идеже* оуби нь бы(с) кнзь Юрий (Там же, л. 23); а оны оба по(л) рекы Ижеры *идеже* не бе прїходно полкоу Александ(р)овоу зде ѡбретошасѧ много множество мертвы(х) (Лет. Увар., л. 104 об.); И очистившеся паки во другую храмину соберутся. *идеже* всякъ невѣрный не входить (Спис. пр. люторов, с. 178).

В нашем материале встретились примеры с *где* с временны́м оттенком (в значении *когда*): а *в то(т)* ча(с) *гдѣ* Ке(р)внусъ панова(л) на Завельско(и) стороне люди его. . . игривали на труба(х) дубасныхъ (Лет. Рачин., с. 228; а также Лет. Крас., л. 66).

В следующем примере *где=который*: *на то(и)* горе *гдѣ* теперъ зову(т) Ту(р)ѧ гора (Лет. Рачин., с. 244).

Изредка в нашем материале встречаются определительные предложения с пространственным оттенком, присоединяемые наречием *откуль*: а ѡн *на том* мѣстцу, ѡ*ткуль* его прыведено, ѡбралъ собе мешканье (Ист. о Атыле, с. 187); пустила сѧ морем з Брытанѣи аж до того мѣста, гдѣ Рэнъ в море упадаеть, гдѣ тепер естъ часть Гольландэи, ѡ*ткуль* ѡпѧт рекою против воды прыехала до кольна (Там же, с. 207).

В современном белорусском литературном языке в определительных предложениях с пространственным оттенком закрепилось наречие *где* (в форме *дзе*) и реже *куды* [78], *адкуль* [79].

В старобелорусских памятниках для присоединения определительных предложений с оттенком времени используется наречие *коли*. По мнению А. П. Груцо, определительные предложения с *коли* появились в начале XVII в.[80] В нашем материале примеры с *коли* встретились в памятниках XV, XVI и XVII вв. Приведем пример, где *коли* находится в препозиции: А *коли* были почали познавати онаго Дмитра Нагого, *в тот* часъ з Могилева на село Онисковича Сидоровича аж до Пропойска увышолъ (Лет. Баркул., л. 172—172 об.).

Остальные примеры определительного предложения с *коли* в постпозиции или интерпозиции: по близкости моей зыскалъ ѿ братьи *въ тотъ* часъ, *коли* ѡнъ збѣгъ былъ до Мазовш(ь) (Берест. гр. 1519 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 58); *въ тотъ* часъ, *коли* его милость ѿ господаря его милости Белескъ держалъ (Дорогич. гр. 1520 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 126); а тот бы *у тотъ* часъ, *коли* ся они будуть делити, не приупоминалъ (Литов. ст. 1529 г., с. 23); *Тогож* дня на томъ же козаню, *коли* пыталъ владыка володимерский тужъ всехъ стоящихъ во церкви (Лет. Баркул., л. 14 об.—16 об.); И в первую ночъ, *коли* с ним спала,

---

[78] Местоимение *куды*, не встретившееся в нашем материале, отмечает (редко) А. П. Груцо (указ. соч., стр. 35).
[79] «Граматыка беларускай мовы», т. II, стр. 609.
[80] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 38.

почала ѡт него сына (Ист. о Гвид., с. 129); час и год *тот, коли* мѧ солдан дал стеречы двадцатма рыцэромъ сарацэном, буду споминати (Там же, с. 147); *Въ тот* часъ *коли* сѧ Трыщан родил, прышли послы изъ Оръленд эи (Пов. о витязях, с. 9); . . . сѧ зовет тот город Плачныи, бо поставленъ злыми законы *в тые* лета, *коли* Иѡсифъ пошол у великие краины прыказанем Господа (Там же, с. 72—73); *В той* часъ *коли* се царь филипь з неприѩтелеⷨ своиⷨ поᵀыкаᴵ, и ѡного звитюжиᴵ видѣлъ смока в биᵀвѣ (Александрия, с. 27).

Наличие *коли* сохранилось и используется в современном белорусском литературном языке (в форме *кали*) [81].

Примеры определительных конструкций с наречиями *когды* (*кгды*), *поки*, *як* немногочисленны в нашем материале. Определительные предложения с наречиями *когды (кгды)* и *поки* вышли из употребления в современном белорусском литературном языке, а наречие *як* закрепилось в определительных предложениях с оттенком времени (наряду с *кали*) [82]. Приведем примеры с этими наречиями:

когды (кгды): *на тотъ* чѧсъ король ѯже былъ ѯ Мѣньску *кгды* Смоленскъ подано (Лет. Рачин., с. 281); Другого потом днѧ, *кгды* прожно розмаите до мѣста штуръмовавшы Атылѧ . . . фрасунку полонъ водле своего ѡбычаю ѡколо мѣста ездилъ (Ист. о Атыле, с. 215); Помню бовемъ и недавно прешлыхъ часовъ, *когды* дисейший папежъ Клеменсъ еще кардиналомъ былъ (Дневн. Евлаш., с. 129);

поки: И *до того* часу держати, *поки* вси п(е)н(е)зи з совитостью до бирчихъ поветовыхъ отдасте и сполъна заплатите (Воин. гр. 1566 г. — РИБ, т. XXX, кн. 7, № 107); вели мѧ ѡсадит у темницу *до того* часу, *поки* сѧ того добре довѣдаеш (Ист. о Гвид., с. 130);

як: а былъ по(д) панованьемъ Литовскимъ Смоленскъ ѿ *того* часу ѣкъ его Витовтъ взѧлъ (Лет. Рачин., с. 281); ѣковую еси прыгоду мѣлъ ѡт *тыхъ* часовъ ѣкъ есмо сѧ ростали? (Пов. о витязях, с. 98); ѡт *того* часу, ѣкъ ѡт нихъ поехалъ на море немоцон (Там же, с. 41).

Наречие *як* в Повести о витязях встретилось со сравнительным оттенком при соотношении *так—як*: Человѣчее ѡко не видало *такь* цудъного младенца ѣкъ Трыщан есть (с. 14); николи есмо первеи не видали *такъ* цудное зброи, ѣкъ была на том рыцеры (с. 96—97).

В нашем материале встретились примеры с наречием *как* в значении *когда*: нижли *от того* часу, *какъ* с чужое стороны къ своей земли приедеть (Литов. ст. 1529 г., с. 8); тогды тотъ маеть навезати оного человека або челядина *отъ того* часу, *какъ* отъ него втекшы въ него мешкалъ, подле уставы тыхъ правъ (Там же, с. 91).

---

[81] «Граматыка беларускай мовы», т. II, стр. 610.
[82] Там же, стр. 610.

Приведем пример с наречием *как* с повторением определяемого слова в зависимом предложении: которые потомъ будуть бискупове тыми землями имъ володѣти и держати на вѣки, *какъ* же тые земли суть долги и широки увъ своихъ границяхъ (Вил. гр. 1451 г. — АЮЗР, т. II, № 71).

В остальных случаях определительные предложения с *как* употреблены в препозиции и интерпозиции, причем в отдельных примерах можно усмотреть сравнительный оттенок, что подчеркивается соотносительным словом *тот* в главном предложении: *по той* нашой присязѣ, *какъ* намъ присягнули (Троцк. гр. 1456 г., или позже. — АЗР, т. I, № 60); селце изперва и донынѣ въ собѣ маеть, по старую грань, *как* мы сами держали (Западно-русск. гр., 1458—1459 гг. — АЗР, т. I, № 62); ижъ будете ѿ насъ караны *тымъ* каран(ь)емъ, *какъ* вышей въ семъ нашомъ листе выписано (Грод. гр. 1522 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 334); И вы бы. . . на тотъ срокъ и мѣсто, и въ такой же самой личбѣ людей, *как* есть зъ нашее стороны, становитися и съ нами о добромъ дѣлѣ мовити и становити (Копыс. гр. 1615 г. — АЗР, т. IV, № 196).

Как мы видели, рассматривая примеры с *как* и *як*, в старобелорусских памятниках атрибутивное значение постпозитивного предложения могло осложняться модальным оттенком сравнения. В этом случае могли употребляться другие связующие средства. Например: хто бы его видел *так* немоцного, *штобы* не жаловал (Пов. о витязях, с. 26). В старобелорусском материале находим также определительные предложения с оттенком долженствования: а прето ваше се^{р}дъце неха^{ѣ} се не по^{л}носи^{т} *кѳ таково*^{ѣ} высокости, *жебы*^{с}*те* мѣли запомета^{т} ско^{ц}чен своего (Александрия, с. 68). В обоих примерах соотносительные слова в главном *так* и *таковой* поддерживают отношение сравнения. А. П. Груцо в подобных случаях отмечает еще примеры с *же*, *абы*, *яко*, *якобы*, *каб* [83], не встретившиеся нам. В современном белорусском литературном языке из всех упомянутых наречий употребляются только *як* и *каб* [84].

СТАРОУКРАИНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

В рассмотренных нами староукраинских памятниках XV—XVII вв. определительные предложения присоединяются к главному местоимениями: *который*, *яковый*, *что*, *кто*, *иже*, *еже*, *яже* и наречиями: *где*, *отколь* (*отколя*, *откуду*), *як*, *коли*, *поки*, *как*.

В исследованных нами староукраинских памятниках, так же как в старорусских и старобелорусских, шире всего представлены определительные предложения с местоимением *который* [85], при-

---

[83] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 26, 38—40.

[84] «Граматыка беларускай мовы», т. II, стр. 610, 611.

[85] О широком распространении в староукраинских памятниках XVI—XVII вв. конструкций с местоимением *который*, имевших те же разновидности и особенности, что и русские конструкции того времени,

чем в произведениях всех жанров. Местоимения *кто* и *что* встречаются большей частью в грамотах. Указательные местоимения *иже*, *еже*, *яже* наблюдаются, в отличие от старорусских памятников, также и в грамотах[86]; много случаев их употребления в сочинениях Вишенского, Перестороге и Палинодии Копыстенского.

Определительные предложения, присоединяемые вопросительными местоимениями

В рассмотренном староукраинском материале мы наблюдали препозитивную конструкцию типа: а *который* (сущ.). . ., и *тот* (то же сущ.). Однако следует отметить, что во всех приведенных ниже примерах сочинительный союз внутри конструкции отсутствует. В двух первых примерах порядок следования соотносительного слова с определяемым существительным во второй части конструкции нарушен, т. е. в «чистом» виде эта конструкция, как и в старобелорусских памятниках, нам не встретилась (но интересно, что она употреблялась и в XVII в. — пример из Палинодии Копыстенского): ѡ *которыи* дей земли кнѧзь Кошерский на мне жалѹеть, ижбых ѡт ымена его Вербичова в небытности его ѡтехал, ꙗ дей тых земль его Вербичовских николи не ѡтеждчал, ани граничил и жадных кривдъ там емѹ не делал (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 80); а *которыи* дей кривды кнѧзь Андрей ѡт мене и подданых моих собе менить, ꙗ дей емѹ в тых кривдах с подданными своими справедливости не бороню (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 84); *которыхъ* речей научилестеся, и принялисте, и слишалисте, и видѣлисте во мнѣ, тыи речи творите, и Богъ покоя будеть съ вами (Полин. Копыст., с. 320).

Перейдем к постпозитивным определительным предложениям с *который*. В староукраинском материале нашей картотеки встретились архаические типы определительных предложений с *который* (повторение определяемого существительного в зависимом предложении). Приведем примеры: от Могилокъ поперекъ рѣки Сукиля къ дорозѣ, *которая* дорога идет изъ Дѣдошичь до Баличь (Зудечев. гр. 1421—1429 гг. — АЗР, т. I, № 30, II); а межи шепинци *которыи* жь шепинци к волохомъ прислушають (Ланч. гр. 1433 г. — Укр. гр., № 68); маеть ее милость тамъ мытниковъ своихъ зъ моцы своее установити, *которыи* жъ мытники мають мыто брати тымъ обычаемъ (Родом. гр. 1529 г. — АЮЗР, т. I, № 92); И подали цедулу *которую* я цедулу на урядѣ покладаю съ печатю манастырскою (Киев. гр. 1597 г. — АЮЗР, т. II, № 163); по указу їх з листом од несветійшого патриярхи іерусалимского,

---

см.: У. Я. Е д л и н с к а я. Синтаксис писем Б. Хмельницкого в Россию (автореф. канд. дисс.). Львов, 1955; О н а ж е. Питання історичного синтаксису української мови. Київ, 1961, стр. 83; А. А. М о с к а л е н к о. Синтаксис складного речения давньоруської та української мови. Одеса, 1955.

[86] В деловых памятниках старобелорусской письменности, по данным нашей картотеки, определительные предложения с *иже*, *еже*, *яже* не отмечены.

которий лист, яко од святителя, вдячне принялисмо (Укр. гр. 1650 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 190); прислат для проведиваня задержаних в Варшаве послов его царского величества до сейму пришлого, *которий* сейм отложили на далший час (Укр. гр. 1652 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 109); Тое зданье або выкладъ естъ учителей многихъ *зъ которого* выкладу опачне вырозумѣного монархію церковную на Петрѣ будуютъ отступникове (Палин. Копыст., с. 341); Предмова до чителника о той презацной книзѣ, *которая* то книга названя Перло многоцѣнное для двох поважных причин (Перло многоценное); Послал аггела своєго и вигнал их из райской роскоши, *которой* роскоши не поняти (Сл. о збур. пекла).

Интересны примеры из грамот XVII в., в которых в первой части нет определяемых слов *увезанье*, *писанье*, *жалованье*, но на них указывают (соответственно) глаголы: *увезалъ*, *писати*, *жалует*, вследствие чего и стоит дальше в зависимом предложении: *которого увезанья*, *которое писанье*, *за которую. . . ласку и. . . жалованье*. Примеры: въ то есми его увезалъ, въ моцъ, въ держанье подалъ. *Которого* увязанья мнѣ никто не боронилъ (Киев. гр. 1602 г. — АЮЗР, т. II, № 12, I); же до того менованого митрополита, росказалъ писати. *Которое* писанье его милость панъ Каменецкій, отъ короля его милости одержавши и ту принесши, зъ вѣдомомъ моимъ, оному отсылаеть (Острож. гр. 1604 г. — АЮЗР, т. II, № 15); яко царь православный. . . под крепкую руку примает и милостиво жалует, *за которую* милостивую ласку и великое жалованье низко его царскому величеству до лица земли чолом бьем (Укр. гр. 1633 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 210).

Большинство примеров в постпозиции с *который* напоминает современный тип определительных предложений, следующих непосредственно за определяемым словом. Некоторые примеры: и подлѣ дубровы горѣ, до Лѣсоцкой дороги, *которая* идеть изъ Зудечева, до долины (Зудечев. гр. 1421—1428 гг. — АЗР, т. I, № 30, II); аж присѫдил емѫ на ѡтун его, Василю Бокею за кгвалты и шкоды, *которыи* сам Федор емѫ поделал (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 80); Пишеш до нас відомост цариков, *которие* на полях наших кочуют (Укр. гр. 1649 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 116); о прѣснемъ хлѣбѣ, *которого* Римляне въ сакраментѣ уживаютъ (Ист. о Флор. соборе, с. 441); О окаянная утроба, *которая* таковых сыновь на погибел вѣчную породила (Виш., Книжка, с. 45); Пытаю Вас, не от сих ли ваш хитрѣйший Патей, *которого* ты, панѣ Юрку, хвалил и залицал (Виш., Послания, с. 165); гды Павелъ святый значнѣйшихъ христіанъ, *которые* на тотъ часъ въ Римѣ были, споминает (Пересторога, с. 232); яко тыжъ и знаменытіи духовныи въ Церкви, *которая* естъ небомъ земнымъ (Палин. Копыст., с. 321); Славное войско годно такого гетмана, *который* пилне стерег чести своего пана (Вирши Саковіча); Иж он ест от колѣна Давидова Маріин син, *который* сам себе сином божим именует и человѣком також називает (Сл. о збур. пекла).

Однако мы можем привести примеры и с дистантным положением постпозитивного определительного предложения по отношению к определяемому главного: а Гнедъковичи сыну его тому дали на особную служъбу, *которій* внуку его пойметь (Радом. гр. 1487 г. — РИБ, т. XXVII, кн. 4, № 21); тыбы иншого дна торгъ ѕ мелницы встановилъ, *на который* са тобе ѕдеть видети (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 183); Оддано нам грамоту од тебе, воеводи бранского, *в которой* до нас пишеш, жалячися на пограничных людей (Укр. гр. 1649 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 106); во огни геенском вѣчном купно и с папами вашими клокотати и кипѣти будете, *которого* да вас освободит сын бога живаго (Виш., Книжка, с. 57); иж дух святый в латынском костелѣ ничтоже не владѣет ани справляет, *без котораго* вся справа людская да спасение мертва (Виш., Зачапка, с. 196); А коли брата есми не простил, *который* от меня прощения искал, тогда и Бог меня отступил (Виш., Послания, с. 168); книгъ Словенскихъ великими склепами знайдешъ замкненыхъ, *которыхъ* на свѣтъ не выпустятъ (Пересторога, с. 204); О смерти, коль страшна память твоя, *Которои* трепещет нынѣ и боится душа моя (Перло многоценное); Забиў — ем хліба купити, *без которого* трудно жити (Интерм. Гаватовича); (Люципер) Знаю я, же ест бог в небѣ, *Которому* спѣвают аггели (Сл. о збур. пекла).

Широко распространенное в XV—XVII вв. во всех памятниках письменности украинского языка местоимение *который* (*котрий*), вводящее определительное предложение, в современном литературном украинском языке употребляется редко [87]. Оно вытеснено местоимениями *який* [88] и *що*, ставшими нормой в современном литературном украинском языке [89].

Препозитивные определительные конструкции с *что* в старо-украинских памятниках XV—XVII вв. нами не обнаружены.

Среди постпозитивных предложений встретился пример с повторением определяемого слова в зависимом предложении: А указалъ есми, на свое мѣсто, отвести имъ тую землю бортнику Іякову Микитиничу, *штожъ* онъ передъ симъ колько-сь лѣтъ ходилъ отъ мене тую землю (Киев. гр. 1508 г. — АЮЗР, т. I, № 48).

Определительные предложения с *что*, стоящие после определяемого слова, отмечены главным образом в грамотах, хотя наблюдаются они и в других памятниках письменности. Определительные предложения с *что* стоят обычно непосредственно после определяемого слова. Приведем примеры, среди которых имеются

---

[87] «Курс сучасної української літературної мови», т. II. Київ, 1951, стр. 186.

[88] Местоимение *який* в наших материалах не встретилось, однако о появлении и употреблении его в XVI в. см.: Т. С. Ярмоленко. Сложноподчиненные предложения в памятниках деловой украинской письменности XVI в. (автореф. канд. дисс.). Киев, 1955; С. П. Бевзенко. Спостереження над синтаксисом українських літописив XVII в. «Наукови зап.», т. IX. Ужгород, 1954 (приводится также два примера из летописей).

[89] «Курс сучасної української літературної мови», т. II, стр. 185.

и интерпозитивные определительные предложения: (дали ёсмо. . . село михлинъ) и со всѣми платы *што* к тому именью слушаёть и пре[х] тымъ слушало (Киев. гр. 1433 г. — Укр. гр. № 65); и иныи озерца, *што* къ нимъ зъдавна прыслухають, и з реками, и з бобровыми гоны (Брасл. гр. 1498 г. — РИБ, т. XXVII, кн. 5, № 216); жалова[т] намь Мафеи игуме[т] ѡбители . . . сѡ сею ѡ Хрте браею на мирополии лю[дии] *што* живѫ[т] оу сто Спса (Киев. гр. 1508—1520 гг. — Палеогр. изб., № 5); и всей о Христѣ братеьи старцомъ Пустынского манастыря, *што* есть у Кіевѣ (Львов. гр. 1510 г. — АЮЗР, т. I, № 57); для сиску москаля Мишкі, *што* збежал з Білагорода, воровство зділавши (Укр. гр. 1605 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 156); Видши ли, яко еси окраден *от того* злодѣя, *што* хитро ровы рыет и ямы подкапывает (Виш., Книжка, с. 30); а присяга ваша, *што* есте на послушенство учинили, гдѣ? (Перестрога, с. 212—213); *тая* вѣра, *што* колвекъ на земли розвяжеть, або звяжетъ, и звязана будутъ на небѣ и розвязана (Палин. Копыст., с. 346); (Люципер) А я *тіи* справи, *що* бог сотворил, всѣ знаю (Сл. о збур. пекла).

В нашем староукраинском материале встретились примеры постпозитивных предложений с *что* в косвенных падежах: и вы дей емѫ *в тых* имѣнѧх дѣлѫ дати не хочете, *в чомжо* сѧ дей емѫ ѡт вас кривда и шкоды дѣеть (Львов. гр., 1524 г. — Arch. Sang., т. III, № 279); тогды бѣгаеш от него, мрзячи тым неоздобным строем, *чому* он и рад (Виш., Книжка, с. 29); тепер в нас цноты, учтивости и доброго сумненя видѣти прагнет, *чого* мы нѣмаемо (Там же, с. 41).

В современном литературном украинском языке в определительных предложениях *что* (*що*) употребляется наряду с *який*, стилистических различий между ними нет [90].

В староукраинских памятниках письменности препозитивные определительные конструкции с *кто* нам не встретились. Немногочисленные примеры постпозитивных определительных конструкций с *кто* отмечены в грамотах. Приведем примеры, среди которых есть примеры с интерпозицией и с соотносительным словом в главном предложении: и знаемо симъ нашимъ листомъ каждому доброму чл҃вку *кто* ко(1)ли на нь оузрить. А любо оуслышить его чтучи (Зудечев. гр. 1411 г. — Укр. гр. № 43); . . . и инымъ наместникомъ нашымъ, *хто* потомъ отъ насъ будеть Бранскъ держати (Брасл. гр. 1498 г. — РИБ, т. XXVII, кн. 5, № 216); . . . и инымъ старостамъ Городенькимъ, *хто* потомъ будеть отъ насъ Городень держати (Львов. гр. 1509 г. — АЮЗР, т. I, № 50); . . . и инымъ воеводамъ Кіевскимъ, *хто* и напотомъ будетъ отъ насъ держати Кіевъ (Львов. гр. 1524 г. — АЮЗР, т. II, № 110); И мы рекли (съ) судьями съ паны *съ тыми*, *хто* былъ у тотъ часъ съ нами при томъ праве (Брасл. гр. XVI в. — АЮЗР, т. II, № 125);

---

[90] «Курс сучасної української літературної мови», т. II, стр. 185, 190.

А *тому* с҃щенику *хто* та^{м} ѿ нихъ позволе^{нъ} и ѵсмотренъ буде лит^{р}огисати, з манастыра ваше^{г} платили (Острож. гр. 1603 г. — Палеогр. изб., № 26).

Определительные предложения с местоимениями *иже*, *еже*, *яже*

Как и в рассмотренных выше разделах, мы можем привести примеры постпозитивных определительных зависимых предложений, присоединяемых указательными местоимениями с согласованными и несогласованными формами местоимений *иже*, *еже*, *яже* в им. и вин. падежах.

Примеры с согласованными формами:

иже: молюся и милости христовы и благословения пресвятого и живоприемного гроба владычня, *иже* в Иерусалиме (Укр. гр. 1624 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 22); Храм богоявления господня, *иже* на Иордани (Укр. гр. 1625 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 25); Прославят отца вашего, *иже* есть на небесах (Виш., Книжка, с. 106); диавол, истиннѣ сопротивник, *иже* и владыку убил (Там же, с. 106); Внемлѣте себѣ от лжепророк, *иже* приходят к вам во одеждах овчих (Там же, с. 63); епископи и прочии священницы, *иже* духовный сан по страсти восхищают (Там же, с. 116);

еже: и царства небеснаго наслѣдниками быти сподобит, *еже* нам всѣм получити, господи, дажд. Аминь (Виш., Книжка, с. 7); и слово, *еже* аще възглаголете, не имат пребывати в вас, яко с нами бог (Там же, с. 35); Обаче молимся вам, возлюбленнии, познавше убо истинное православие, еже ест живот и просвѣщение душам нашим (Там же, с. 84);

яже, *юже*: въ пустынцѣ святаго Николы, *яже* есть у Кіевѣ (Киев. гр. 1508 г. — АЮЗР, т. I, № 48); на пользу и подкрѣпленіе церкви Божіей строящу, *яже* имать въ себѣ благовѣстникы и учителя (Львов. гр. 1591 г. — АЗР, т. IV, № 127); яко власт сию, *юже* приях от владыки Христа (Виш., Книжка, с. 105); обаче аз не возмогох претерпѣти страдбы, ревности, любве внутрь палимыя (*юже* ко вашему благочестию за спасение имам) (Виш., Зачапка, с. 171—172); и того даде выше всѣхъ церкви, *яже* естъ тѣло его (Палин. Копыст., с. 338).

В староукраинских памятниках, так же как в старобелорусских (однако реже), встречается форма *иж* и тоже почти всегда при существительных мужского рода: Марко Ефескій, на которомъ много залежало, *ижъ* трехъ патріарховъ особу носилъ (Ист. о Флор. соборе, с. 464); Сатана, *иж* станом старейшинства и славою чести почтен будучи (Виш., Зачапка, с. 190); Щасливый есть костел латынский, *иж* всюды, по всѣх сторонах своего послушенства науки и школы фундовал (Там же, с. 191); и такъ были великіе ревнители, *ижъ* много зъ великимъ коштомъ церквей и монастырей намуровали (Пересторога, с. 204). Приведем немногочисленные примеры несогласованной формы *иж* со словами жен. и сред. рода:

хотечи достать душного збавенья и для вѣчистоѣ памети, *ижъ* была въ сенаникъ мирополїи вписана (Городок. гр. 1559 г. — АЗЮР, т. I, № 136); Что жь за чюдо, *иж* и нынѣ от православные вѣры (миролюбцы и роскошницы свѣта сего) до матере прелести (самолюбия и тѣлоугодия) отпадают и отступают (Виш., Зачапка, с. 173).

Примеры с несогласованными формами местоимений *еже*, *яже* в им. и вин. падежах при словах муж. и сред. рода: . . . нас святейший патриарх Иерусалимский кир Феофан посвяти, *еже* и у вашей православной земли бых (Укр. гр. 1622 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 14); како вѣрно будет Христом реченное, яко в всяком глаголѣ празднѣ, *еже* аще рекут человѣцы, воздадят о нем слово в день судный (Виш., Книжка, с. 113); Лживши учители, *еже* внесуть ереси погибели и, искупившаго их владыки отмѣтающеся, приводяще себѣ скору погибель (Там же, с. 121); Чюдо, *яже* сотвори и творити хощет (Там же, с. 127).

Примеры определительных предложений с косвенными падежами указательных местоимений: благовѣстники и учителя, *ихъ же* присно требуеть (Львов. гр. 1591 г. — АЗР, т. IV, № 27); да подасть любви твоей и душевное спасеніе съ тѣлеснымъ здравіемъ, за благоутробіе и милосердіе, *его же* имаши къ странствующимъ нищеты ради (Львов. гр. 1592 г. — АЗР, т. IV, № 34, IV); иде же богодуховеннии отци пречудным житием и чудесы просияша, *их же* телеса доныне в нетлении чудодействия пребывают (Укр. гр. 1626 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 33); Ведуще мы о ревности, *ею же* твое великое святительство ревнует по господе бозе вседержители (Укр. гр. 1653 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 183); Егда придет утѣшитель, *его же* послю вам отца (Виш., Книжка, с. 82); и всѣх исполнениях похотей плотских, *их же* вѣк сей носит и въмѣщает (Там же, с. 109).

Определительные предложения, присоединяемые наречиями

Определительные предложения с пространственным оттенком чаще всего присоединяются наречиями *где* (*гды*) и *идеже*. Приведем примеры:

гдѣ: и *с тыми* ѯезды стародавными, *гдѣ* и перед тым здавна въездъ с того имѣнѧ мевали (Луцк. гр. 1535 г. — Arch. Sang., т. IV, № 7); а тут по ближних городох, *где* наша Рус православнiї христиане живут (Укр. гр. 1648 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 34); в Заходныхъ сторонах (*где* не бывала и перед тымъ звыклость (Ист. о Флор. соборе, с. 435); а то было на соборѣ первом Никейском, *гдѣ* ересь арианская истреблена (Виш., Зачапка, с. 188); на мѣстцѣ *томъ*, *гдѣ* речено естъ тобѣ дамъ ключѣ царства небесного (Палин. Копыст., с. 405—406); Пошли теды одны сенаторове до короля, а другіе *до того* покою, *где* панъ воевода Кіевскій былъ съ другими сенаторами (Переспорога, с. 218); А пекло, то моя столица, *где* рачит его моя правица (Сл. о збур. пекла);

гды: подъ часъ разбираня *той* церкви, *гды* были фундаменты на заложене (Палин. Копыст., с. 470);

идеже: во граде Киеве, *иде же* иноверство возрастает (Укр. гр. 1625 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 25).

Определительные предложения с пространственным оттенком, присоединяемые наречиями *отколя*, *откуду*, в рассматриваемых староукраинских памятниках встретились значительно реже, чем с наречием *где*. Приведем примеры:

отколя: Елеонь, *отколя* на небо зступилъ (Отв. клир. Острож., с. 425); и сѣдѣлъ тамъ на царствѣ, *отколи* и собор Сардикійскій складалъ (Палин. Копыст., с. 325); тожъ потомъ мѣлъ оглядати потомство свое долговѣчноѣ, то естъ церковь свою, *отколь* посполите мовити звыклисмо (Там же, с. 377);

откуду: и ему послѣдующих рыгненую, отповѣд и обличение *откуду* сию мудрость и разум постигли (Виш., Книжка, с. 9).

Определительных предложений с временны́м оттенком в исследуемом староукраинском материале отмечено немного. Они присоединяются наречиями *як*, *коли*, *поки*. Приведем встретившиеся примеры:

як: и предсѧ мають ѡни с обѳ сторон дрѳгий рок правѳ собе заложити, *ѡт того* часѳ, ꙗкъ сторона ѡ форобе своей присѧ[г]ѳ вчинить (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 84); росправу мѣти на ѡн час, ꙗкь ѡт кнѧзѧ маршалка бѳдѳ ѡбослан, ꙗкъ скоро Его Милость кнѧз маршалок ѡттол ѡт господарѧ Его Милости рачит приехати (Луцк. гр. 1544 г. — Arch. Sang., т. IV, № 304);

коли: же забор сталсе з ваших вперед *на тот* час, *коли* осударь почал се заводити з его милостю королем нашим (Укр. гр. 1650 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 162);

поки: *до тыхъ* часовъ, *поки* бы тые его имѣнья были очищены (Львов. гр. 1509 г. — АЮЗР, т. I, № 50); держати и вживати *до тыхъ* часовъ, *поки* ꙗ самъ або ближнии мои тѳю, вышей писанѳю сѳмѳ пѣнѧзей и золотые и сребро кнѧзю Или Его Милости за тые две части дѣльницы моее ѡтдадѳть (Луцк. гр. 1534 г. — Arch. Sang., т. III, № 493).

Приведем примеры определительных постпозитивных предложений, присоединяемых наречием *как*. Конструкции имеют оттенок сопоставления: и большую вѣру *какъ* намъ передкове его вое воды оуказывали (Ланч. гр. 1433 г. — Укр. гр., № 66); обѣцуючи ему, дасть Богъ, и опатренье вшелякое якое значное дати, *какъ* иншой шляхтѣ въ здѣшнемъ панствѣ нашомъ даемо и опатруемо (Луцк. гр. 1438 г. — АЗР, т. I, № 37); (да[л] есмы ... село) ... со оусѣми оужитки *какъ* есмы са[ж] держа[л] (Львов. гр. 1443—1446 г. Укр. гр., № 79); со всими доходы и приходы, *какъ* изстародавна слушало и тягло к тому селу Жасковичом (Луцк. гр. 1452 г. — АЮЗР, т. I, № 30).

Рассмотренный материал старобелорусских и староукраинских памятников XV—XVII вв. показывает, что в употреблении определительных предложений в этих языках в указанный период было много общего: препозиция зависимых определительных предложений со всеми видами связи представлена в них значительно меньшим количеством примеров, чем в старорусских памятниках (в нашем старобелорусском и староукраинском материале отсутствуют препозитивные определительные предложения с *кто*, а в староукраинском и с *что*, тогда как в старорусских памятниках находим различные виды препозитивных конструкций с *что* и *кто*). В упомянутых памятниках местоимение *иже* в определительном предложении нередко употреблено в форме *иж*. В старорусских памятниках эта форма почти не встречается. По мнению Е. Ф. Карского [91] и Л. А. Булаховского, *иже* и *иж* «держались» в старобелорусском и староукраинском языках под влиянием польского языка (Л. А. Булаховский замечает это в связи с распространением *иж* в канцелярском языке на Украине в XVII в.) [92]. Поскольку местоимение *иж* широко распространено в польском языке в XV—XVII вв. [93], а в старорусских памятниках его почти нет, следует признать справедливым вывод, что употребление *иж* поддерживалось влиянием польского языка. Одинакова в этих языках и судьба союзного слова *который*, бывшего основным средством связи в определительном предложении в XV—XVII вв., а в современном литературном белорусском и украинском языках занимающего незначительное место. Местоимение *который* вытеснено в литературном белорусском языке местоимениями *як* и *што*, а в украинском — *який* и *що*, тогда как в современном русском литературном языке *который* продолжает оставаться основным средством связи в определительных предложениях (*что* придает предложению разговорный оттенок).

Если в русском языке произошел отбор связующих средств (в известной степени дублирующих друг друга), вследствие чего в современном русском литературном языке имеем меньшее число средств связи в определительном предложении, чем в древнерусском и старорусском, то в белорусском и украинском литературных языках наблюдаем несколько иную картину. В них начинают употребляться, хотя и в ограниченном количестве, новые союзы и союзные слова (белорус.: *каб*, *нібы*, *нібыта*, *як быццам*, *быццам* и т. п.; укр.: *ніби*, *наче*, *неначе*, *мов*, *немов* и т. п.). Однако при разнообразии лексических средств связи в современных литера-

---

[91] Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 492. — Автор ссылается на: A. Małecki. Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego, t. II. Lwów, 1879, стр. 479.

[92] Л. А. Булаховський. З історичних коментаріів до украіньскої мови. Сполучники і сполучні групи (речéння). Синтаксичні особливості при них. «Наукові зап. Київського держ. ун-ту», 1946, т. V, вип. 2, стр. 41.

[93] Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławinski, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, стр. 462.

турных белорусском и украинском языках основными являются в белорусском — *які* и *што*, в украинском — *який* и *що* (которые соответствуют русским *какой* и *что*).

Итак, материал нашей картотеки позволяет сделать вывод, что судьба определительных предложений была сходной в русском, белорусском и украинском языках, поскольку отличия находим лишь в лексическом составе (в связующих звеньях), а не в структуре предложения.

Изменения в структуре оказались однородными. Так, во всех восточнославянских языках исчезла препозиция определительных предложений, нормой являются постпозитивные предложения (постпозиция и интерпозиция), причем, союзное слово начинает придаточное предложение (кроме *который*, *які*, *який* с род. падежом принадлежности) и стоит обычно непосредственно после определяемого слова.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Сложноподчиненные дополнительные предложения широко представлены в восточнославянских памятниках XV—XVII вв. Они являются одним из наиболее древних по своему образованию типов придаточных, структура которых в основном оформилась к началу письменного периода языка. Дальнейшее развитие их в истории языка связано главным образом с изменениями в составе средств связи. Одной из характерных черт предложений данного типа в языке исследуемого периода является наличие большого количества союзов и союзных слов, которые могли присоединять придаточное предложение, при отсутствии структурного многообразия. Обилие средств связи особенно характерно для старобелорусского и староукраинского языков. Так, в старобелорусских и староукраинских памятниках XV—XVII вв. насчитывается около 40 союзов и союзных слов в придаточном дополнительном предложении (в каждом языке). В данном разделе рассматриваются только союзные придаточные предложения.

Семантику и структуру сложноподчиненных дополнительных предложений в значительной степени определяют союзы. Все союзы по характеру выражаемых ими модально-смысловых оттенков [1] можно разделить на две группы: 1) союзы, выражающие модальность синтаксического индикатива, не вносящие в изъяснительное значение предложения никаких дополнительных модальных оттенков. К ним относятся союз *что* и его семантические дублеты; 2) союзы, вносящие в изъяснительное значение предложения дополнительные модально-смысловые оттенки ирреальности — побуждения, желательности (союз *чтобы* и его семантические дублеты), недостоверности, сомнительности (союз *будто*).

Будем для краткости (и удобства описания) называть союзы первой группы изъяснительными, а второй — изъяснительно-модальными.

Период восточнославянской письменности XV—XVII вв. описывается нами как синхронный срез, так как анализ материала показал отсутствие существенных изменений в структуре предло-

[1] «Различия в модальных значениях союзов играют большую роль в дифференциации разных типов сцепления предложений, разных видов зависимости между ними. На различиях в модальности высказывания основано различие типов предложения». — В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, стр. 723.

www.ruslang.ru

жения на протяжении описываемого периода. Можно наметить лишь некоторые тенденции развития (сравнивая наши данные с прошлым и последующим состоянием языка).

Характерным признаком придаточных дополнительных предложений является их функциональная однородность с объектом простого предложения (выраженным словом или словосочетанием) [2], т. е. данные придаточные выполняют функцию объекта по отношению к глаголу главного предложения [3].

В восточнославянских языках описываемого периода, как и в современных восточнославянских языках, придаточное дополнительное предложение относится к одному слову — опорному слову главного предложения. В качестве таких опорных слов чаще всего выступали глаголы. Круг глаголов, которые могли присоединять придаточное дополнительное предложение с изъяснительными союзами, был семантически ограничен. Это были глаголы нескольких семантических групп.

1. Придаточное могло пояснять глаголы, обозначающие передачу какой-либо информации. Большую часть данной группы глаголов с семантикой сообщения, высказывания составляли глаголы речи: ст.-рус: *Глаголю* бо вам, яко ни един мужей тех званных вкусил моея вечери (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); Не *рѣх* ли вамъ, яко нѣсть истинны во царѣ же и въ патриарсѣ (Пов. о видении, с. 183); Так чернцы ужаснулися и архимариту *сказали*, что ныне Павел митрополит (Аввакум, Житие, с. 93); *Писал* еси, что язъ разтлѣнъ разумомъ (Письма Ив. IV, л. 54 об.); ст.-бел.: А люторы *глаголют*, ижъ и они молятся духомъ (Списание пр. люторов, с. 83); И *поведаша* кнѕю великому Дмитрею Ивановичь что же кнѕь Олегь Резанскии послаль на помочь Мамаю свою силу (Лет. Супр., л. 47—48 об.); ст.-укр.: Ино князь Андрей *поведил*, иж то сѫть земли имена его Вербичовского (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 80); *Пишет* до мене пан Юрко, яко от диявола пострадах (Виш., Послание Домникии, с. 161).

Особенностью языка памятников исследуемого периода является то, что в качестве глаголов сообщения могли употребляться некоторые глаголы действия. Так, в памятниках деловой письменности и в летописях употреблялся глагол *послать* (чаще — в со-

---

[2] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 263. — О взаимоотношении объекта, выраженного придаточным, и объекта простого предложения на парадигматическом уровне см. А. М. Ломов. Глагольные конструкции с зависимым членом в функции объекта (автореф. канд. дисс.). Воронеж, 1966.

[3] В истории языка, как известно, «при глаголах мышления и умственного восприятия, а также при глаголах чувства и чувственного восприятия, объект первоначально обозначался конструкцией со вторым винительным падежом, т. е. грамматическими средствами простого предложения» (Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 540).

четании со словом *гонец*, *скороход*, а также без них): И Булатъ-бѣг *послал* скорохода къ ширваншѣбегу, что судно русское разбито подъ Тархи (Хож. Аф. Ник., л. 370 об.); ⟨кнзь Кестѹтію⟩ ко сн҃ѹ своемѹ гонца *пошлет*... что така дѣла сталос (Лет. Акад., л. 174); и *посласта* ко Ѡсколодоу и Диреу ꙗко гости есмо Оугоръскиꙗ идемь во Грекы (Лет. Супр., л. 5—5 об.).

Данный глагол мог употребляться также с соотносительным словом: ... *послал* князь велики Семена Толбузична... о *том*, что пожаловал посла их (Моск. лет. свод к. XV в., л. 425); а *присланы* с *тѣм*, что целование к Новугороду сложили (Моск. лет. свод. к. XV в., л. 402 об.); А *том* есте к вам *послали* свои добрыи люд чесныи, што вам дати правда нашему послу (Полоцк. гр. 21 июня 1405 г. — РЛА, № 154).

Очевидно, подобное употребление глагола *послать* возникло в результате того, что слова, обозначающие сообщение, известие, употребляемые при этом глаголе, стали (для краткости) опускаться и значение известия, раннее заключенного в глаголе и существительном, сосредоточилось в глаголе. В памятниках имеются и случаи употребления этого глагола в сочетании со словами, обозначающими сообщение: *весть*, *слово*: и тот посол Казанского царя *послал вѣсть* к Казани: что и отселе идеть от Вятки рать великого князя (Моск. лет. свод к. XV в., л. 394). Сочетание *послать словом* встретилось только в предложениях с союзом *чтобы*: Пришед же *посла* к Вятке великого князя *словом* к Вятчаном, что бы пошли к Казани ратью (Моск. лет. свод к. XV в., л. 395 об.).

В сочетании с соотносительным словом со значением сообщения мог также употребляться глагол *идти*: *прииде* к великому князю... посадникъ Микита с *тѣм*, что Псковичи со всею землею своею вышли на его службу (Моск. лет. свод к. XV в., л. 405 об.); ... *приде* к великому князю... Василей Епимахов с *тѣм*, что... (Там же, л. 445 об.).

2. Придаточные дополнительные могли пояснять глаголы, обозначающие восприятие какой-либо информации. Наиболее употребительными глаголами этой группы были глаголы *видеть*, *слышать*: ст.-рус.: И *послышаху* въ полцѣхъ, что Бориса Годунова на Москвѣ не стало (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 728); Сами *видят*, что дуруют, а отстать от дурна не хотят (Аввакум, Житие, с. 94—95).: ст.-бел.: Мы *видали*, што тать за татѧ вступает сѧ (Пов. о витязях, с. 116); Говорнаръ *слышалъ*, иж ѡныи рыцэр ѡ битве говорытъ (Там же, с. 81); ст.-укр.: Не *видиши* ли, иж тот на пути живота вѣчнаго стоит (Виш., Книжка, с. 37); Да он же де, Иван, *слышел* в Литовской стороне, что поляки де и немцы стоят ныне в собранье в Польше (Укр. гр. 1649 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 78).

3. Третью группу глаголов составляли глаголы со значением мыслительной деятельности, эмоционального состояния: ст.-рус.:

Помышляю о себе, яко удавят мя еретики (Аввакум, Письма, с. 218); Не *прогневайся*, государь-свет, на меня, что много глаголю (Там же, с. 189); Да вы ж, бусурманы, нас *жалеете*, что с Руси не будет к нам ни запасу хлебново, ни выручки (Пов. об азов. взятии, с. 68); ст.-бел.: Альбо не *ведаешь* иж твоя бесѣда, и хитрост, и многословие глупством есть пред богом (Виш., Книжка, с. 30); И торговцы *узрадовали* сѧ што его збыли (Ист. о Гвид., с. 148); кнзь(ж) Швиртиигаило не можашѣ *терпети*, што Θеѡдоръ Весна градомь владееть (Лет. Увар., л. 26—27); ст.-укр.: чи не *вѣдаете*. иже жена моѧ слоужебница бжыѧ есть (Страсти Христовы, л. 18); Ти хочеш *вірити*, що люблю хороше жити (Интерм. Гаватовича 1619 г.).

При глаголах со значением внутреннего эмоционального состояния человека (*жалеть*, *радоваться*, *прогневаться* и т. д.) придаточное предложение кроме основного изъяснительного значения приобретает дополнительное значение причинности.

Глаголы первой и второй группы были в основном переходными (за редким исключением), поэтому главное предложение было грамматически (и семантически) неполным и употребление придаточного предложения было обусловлено структурно и семантически. Переходные глаголы употреблялись чаще без соотносительных слов. Однако нередки случаи, когда придаточное предложение поясняет переходный глагол не непосредственно, а через соотносительное слово. Ср. с приведенными выше примерами употребление тех же глаголов с соотносительными словами: И *видя то* люди турецкие, что стоит над нами милость божия (Пов. о азов. взятии, с. 77); и *услышалъ то* кнзь Θеѡдоръ, што бра(т)ии его оу Подольскои земли не стало в животе (Лет. Увар., л. 45).

К третьей группе относились большей частью косвенно-переходные глаголы, которые «выражают действие, переходящее на другое лицо или предмет, и требуют для полноты значения, чтобы это лицо или предмет были названы; однако названия таких лиц или предметов ставятся не в винительном падеже без предлога, а в других падежных формах без предлогов или с предлогами» [4].

Придаточное предложение поясняло косвенно-переходные глаголы как непосредственно (см. примеры, приведенные выше), так и через соотносительное слово, стоящее в косвенном падеже: и мы, богомольцы твои, *тому дивимся*, что у нашего архимарита вдруг ума не стало (Сатиры о пьянстве, с. 121); *скорбяше* о *том*, како ему пить смертное зеліе (Пут. моск. купцов, с. 149).

Следует отметить, что круг глаголов, которые могли присоединять дополнительное придаточное предложение, не имел семантических различий в восточнославянских языках, отличия были лишь лексического характера.

---

[4] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 414.

Кроме глаголов, придаточные дополнительные предложения могли пояснять существительное (непосредственно или через соотносительное слово). Такие случаи в памятниках довольно редки. В этих предложениях объектное значение придаточного сочетается с атрибутивным [5]: ст.-рус.: Еремѣи разумѣи доходят *вѣсти*, что нѣчево с'ѣсти (Пословицы XVII в., л. 340); и поведав имъ *мысль* свою и *рѣчи* великого князя, что кладет на мнѣ и на вас моих дѣтех (Моск. лет. свод к. XV в., л. 413); ст.-бел.: маючы король Жыкгимонт *вѣдомость*, иж Кгданщане противко ему бунты вѫцынають (Лет. Рачин., с. 284); ст.-укр.: Патріарх послалъ для лѣпшой *вѣдомости* о томъ, ажъ тое жъ вѣдати дано (Переторога, с. 208).

В восточнославянских памятниках имеются немногочисленные случаи отнесенности придаточного к причастию. Например: они же обыскавша всюду и не обрѣтша ничто же и возвращьшеся *повѣдающе* имъ, что нѣтъ противящихся им (Моск. лет. свод к. XV в., л. 379 об.); И есть столпъ идучи къ Студійскому монастырю, весь *подписанъ*, что на свѣте есть (Пут. Зосимы, с. 61); Александер *услышавши*, ижъ Дарий забито перешол реку (Александрия, с. 70); *видячи* сами себе, же вси единако повинны судови, зъ ничим ся розъѣхали (Переторога, с. 211); . . . от бог *извѣщен* быв, что подобает ему сотворити (Виш., Позорище, с. 212).

Придаточное предложение могло также относиться к словосочетанию. Такие устойчивые лексикализованные обороты были характерны для деловой письменности: *бить челом*, *целовать крест*, *дать присягу* и др. В украинских грамотах широко употреблялось сочетание *чинимо знаменито* (*сим нашим листом*) или *знаемо чиним*, в белорусских летописях *правдꙋ взаль*, в русских грамотах наиболее распространенным был оборот *бить челом*. Приведем некоторые примеры: ст.-рус.: *Били* есте намъ *челомъ*, что судят васъ во всякихъ дѣлехъ воеводы (Моск. гр. 1615 г. — АЮБ, т. I, № 46); А весьцемъ *Хрестъ целовати*, што имъ право весити на обѣ стороне (Риж. гр. 1405 г. — РЛА, № 153); ст.-укр.: ‹*знаемо чиним*› аже кроль господарь нашь казал намъ розъѣхати границю (Южнорусск. гр. 1419 г. — Укр. гр. № 49); *чинимо то знаменито* аже прійда пред насъ и предъ паны панъ Дмитръ Даниловичь зъ Руды, жаловалъ и позвалъ пана Мика Дѣдошицкого о поле и дуброву Сяхово (Зудечев. гр. 1428 г.— АЗР, т. I, № 30, III); ст.-бел.: и кнзь великыи Витовть *правдꙋ взаль* в него оу кнзѧ великого Їгаила за ѡца своего, што ѡцю его ... съехавсѧ и опѧть чисто розьѣхатисѧ (Лет. Супр., л. 93); а мы *присѧгꙋ дадим* што ж тобѣ чисто во свое воиско ѡпѧт ѣхати (Лет. Крас., л. 76 об.).

[5] Вопрос о синтаксической природе приименных придаточных с изъяснительными союзами является дискуссионным. В данной работе мы относим эти предложения к дополнительным, следуя точке зрения, изложенной в «Грамматике русского языка» (т. II, ч. 2, стр. 280).

Структура и семантика придаточного предложения не зависела от того, к какой из названных выше групп слов оно относилось, так как все они характеризовались общностью семантики и требовали (структурно и семантически — что взаимосвязано) восполнения неполноты главной части.

Существенные различия в памятниках старорусского, старобелорусского и староукраинского языков заключались в составе союзов, поэтому дальнейшее описание материала мы даем по каждому языку отдельно (за исключением нескольких вопросов, по которым целесообразно сводное описание; см. стр. 109 и 125).

СТАРОРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ

Придаточные предложения с изъяснительными союзами

В древнерусском языке, как известно, наиболее употребительными изъяснительными союзами придаточных дополнительных предложений были союзы *оже* и *яко*. Наряду с ними памятникам древнерусского языка было известно и употребление союза *что*, однако «придаточные предложения с *чьто* получили более широкое распространение с XV в. в деловой письменности, а с XVI в. — и в других памятниках письменности» [6]. В памятниках исследуемого периода (XV—XVII вв.) наблюдается заметная активизация союза *что* — он становится основным выразителем объектных отношений. Преобладание союза *что* над другими союзами можно отметить в нашем материале уже в XV в., однако следует учитывать, что исследованные нами памятники XV в. в основном относятся к жанру деловой письменности. В XVI—XVII вв. наблюдается господствующее употребление данного союза в памятниках всех жанров — около 50% всех союзных придаточных употреблялись с этим союзом. Изъяснительный союз *что* был самым распространенным средством связи не только среди союзов, но и среди союзных слов. Он имел следующие семантические дублеты: *яко*, *как*, *еже*, *иже*, *яже*, *кое*, *некли* [7]. Придаточные предложения, присоединяемые этими союзами (включая союз *что*), были тождественны как семантически, так и структурно, их можно рассматривать как синтаксические синонимы [8]. Они отличались лишь степенью употребительности и сферами функционирования.

---

[6] В. И. Борковский, А. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, стр. 526.

[7] Из союзов, не зафиксированных в рассматриваемых памятниках, Б. В. Лавров отмечает единичные случаи употребления условного союза *аще* в изъяснительном значении, см.: Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.—Л., 1941, стр. 6.

[8] О синтаксической синонимике см.: В. П. Сухотин. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. М., 1960.

Так, некоторые из перечисленных союзов имели единичное употребление в наших памятниках.

Все встретившиеся нам примеры с союзами *яже*, *некли*, *кое* [9] сводятся к следующим: Не мни, *яже* никакого же отъ державы моея нѣсть (Письма Ив. IV, с 55); боюся, *некли* тотъ человѣкъ умомъ своимъ поползнется (Пов. о Рос. царстве, с. 217); не мощно тому быти, *кое* въ град сыи ему внити (Моск. лет. свод к. XV в., л. 419).

Употребление союзов *яко*, *еже*, *иже* было ограничено жанрами художественного стиля. Немногие случаи придаточных предложений с союзом *еже* находим в произведениях лишь нескольких авторов: Курбского, Аввакума, Ивана IV, а также — по одному примеру — в сочинениях И. Пересветова и Путешествии Гогары: хто смеху быти глаголетъ, *еже* попу повиноватися? (Письма Ив. IV, л. 154 об.); И того во своеи злобе не могъ еси разсудити, . . . *еже* подъ властію нарицаемого попа и вашего злочестія повелѣнія самодержеству быть! (Там же, л. 129); Яко же они блядословятъ *еже* небомъ обладати Христу (Там же, л. 167—167 об.); слыша бо о себѣ благочестивый сеи мужь навѣты и умышленія великаго кнзя, *еже* хотяше убити (Там же, л. 382); видите то, *еже* Богъ любитъ правду (Пересветов, с. 66); и приде ми грѣшному мысль *еже* ми тамо быти и помолитися святым (Пут. Гогары, с. 111); не помышляй себе того дурак, *еже* от бога тебе. . . помиловану быти (Аввакум, Письма, с. 237).

Союз *еже* является архаическим для описываемого периода, однако ограниченное употребление его было возможно еще в XVIII в. [10]

Союз *иже* отмечен в исследованном материале только в «Письмах» А. Курбского, где он представлен достаточно широко, и, кроме того, один пример с этим союзом находим в авторском тексте Пословиц XVII в. Приведем некоторые примеры: Онъ отвещалъ ми, *иже* толика преведена Постническая книга у нас (Письма Курб., с. 415); А еже твоя милость писала еси къ намъ, *иже* хощеши послати его до Вильни (Там же, с. 452); А если глаголати будешь, *иже* Духъ святыи неравенъ во всемъ Сыну (Там же, с. 433); Мы виде, *иже* по страсти гнѣвной, а не по разуму, дали есмо покой вашеи милости (Там же, с. 442); понеже вѣрую, *иже* близъ, на самомъ прагѣ предверія надежды нашея христіанскія, Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа пришествіе (Там же, с. 116); паче же нѣких мѫдрых в нѣких писаніихъ помяновеніемъ похвалишася, *иже* имѫтъ множайшая свидѣтелства, во своих, мѣстѣхъ (Пословицы XVII в., л. 323).

---

[9] Редкие случаи употребления союза *кое* в придаточных дополнительных предложениях в памятниках XVI—XVII вв. отмечает также Л. А. Булаховский (Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, стр. 329).

[10] См.: Г. И. Герасимов. Сложноподчиненное предложение в «Письмах и бумагах Петра I» (автореф. канд. дисс.). Л., 1953, стр. 11.

Как известно, произведения А. Курбского тесно связаны с традициями польской письменности [11], в которой для выражения объектных отношений употреблялся союз iż(e) [12]. Поэтому, при отсутствии распространения данного союза в придаточных дополнительных в старорусских памятниках (в древнерусских единичные примеры с союзом *иже* отмечены в словаре И. И. Срезневского), широкое употребление его в языке А. Курбского, по-видимому, можно объяснить влиянием польского языка.

Самым употребительным из семантических дублетов союза *что* был союз *яко* (соотношение *что—яко* примерно 3 : 1), поэтому укрепление позиций союза *что* происходило за счет сужения сфер функционирования союза *яко*. Изменения в соотношении этих союзов можно проследить, сравнивая памятники одного жанра разных веков. Как известно, самым распространенным союзом в древнерусских летописях был союз *яко*. Конструкции с союзом *что* представлены в древнерусских летописях единичными примерами. Как показывают наши наблюдения, в последней части Московского летописного свода конца XV в. (отражающей язык XV в.) основным союзом становится союз *что*. Соотношение в употреблении союзов *что—яко* примерно 4 : 1. Таким образом, в начале описываемого периода наблюдается сужение сферы функционирования союза *яко* за счет более широкого употребления союза *что*. Союз *яко* приобретает сугубо книжный характер. И в древнерусском языке, как известно, союз *яко* редко употреблялся в деловой письменности.

В исследованных нами памятниках деловой письменности XV—XVII вв. (грамотах, юридических памятниках: Судебнике 1497 г., Судебнике Ивана IV, Уложении 1649 г., Учении и хитрости ратного строения пехотных людей) он не встречается вообще— за исключением нескольких предложений из Московской духовной грамоты 1572 г.: Весте, *яко* царие язык господствует (Моск. гр. 1572 г., — Дух. дог. гр., № 104); и тии познаша, *яко* ты мя посла (Там же); и тии приняша и разумеша, *яко* от тебе изыдох (Там же); веруйте, *яко* приемлете (Там же). Однако приведенные примеры не показательны для деловой письменности, так как данная грамота — духовная грамота царя Ивана IV, большое место в которой занимает текст религиозно-нравственного содержания. Язык этой части грамоты сходен с языком писем Ивана IV (см. примеры, приведенные ниже, на стр. 82).

Важно отметить, что, несмотря на сравнительно высокую частотность союза *яко* в произведениях художественного стиля (он занимает второе место по употребительности после союза *что*), находим данный союз в ограниченном круге памятников. Почти

---

[11] См. об этом: М. К у б и к. Условные конструкции и система сложного предложения. «Universita Karlova». Praha, 1967, стр. 207.

[12] См.: Z. K l e m e n s i e w i c z, T. L e h r - S p ł a w i n s k i, S. U r b a ń c z y k. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, стр. 453.

в половине исследуемых памятников он отсутствует вообще (это памятники делового стиля, а также фольклорно-художественного — повести, пословицы). Единичными примерами представлен союз *яко* в пяти произведениях художественной литературы — Путешествии Зосимы, Повести о Российском царстве, Сатирах о пьянстве, сочинениях И. Пересветова, Сказании о Гришке Отрепьеве, а также в авторском тексте Пословиц XVII в.: глаголет бо писаніе, *яко* сія убо первая церковь стася, по распятіи Христовѣ, во Іерусалимѣ (Пут. Зосимы, с. 64); Чаемъ, *яко* и малымъ дѣтемъ слышавше, дивитися той ихъ гражданъ храбрости (Пов. о Рос. царстве, с. 190); тебе глаголют, *яко* престани упиватися вином (Сатиры о пьянстве, с. 80); А то греки забыли, *яко* знаменіе Господь Богъ показал над ѳараономъ (Пересветов, с. 67); Видите ли, *яко* они, богати и лживы, осѣтили царя вражбами (Там же, с. 72); и повѣдаша ему, *яко* царевичь Росіиского государьства къ нимъ пріиде (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 719); и тутъ на соборѣ повѣдаху, . . . глаголя, *яко* прямой царевичь Дмитрей Ивановичь (Там же, с. 721); рече нѣктѡ ѿ писанны здѣ, ꙗкѡ не сѹть писана здѣ ѿ бжтвенны писаній (Пословицы XVII в., л. 322 об.).

Несколько случаев употребления союза *яко* отмечено в Стоглаве, содержащем постановления Собора высших представителей церковного управления в 1551 г.: Чадо Тимофѣе вѣдый буди. *яко* въ послѣдняя дни настанутъ времена люта (Стоглав, с. 34); мните ли *яко* сіи Галилѣяне грѣшнѣйши суть паче всѣхъ въ родѣ семъ (Там же, с. 28); видите убо *яко* и смерть обѣщаваются епископи предатися за вѣру Христову (Там же, с. 34).

И, наконец, на долю произведений, принадлежащих четырем авторам — Курбский, Аввакум, Катырев-Ростовский, Иван IV — приходится примерно $^2/_3$ всех придаточных предложений с союзом *яко*. Приведем лишь некоторые примеры из произведений перечисленных авторов: Видѣвъ же сія гетманъ Полского народу. . . *яко* браннымъ своимъ ополченіемъ преодолѣти Московскаго воиства не возможе (Пов. Кат.-Рост., с. 598); . . . видѣвъ, *яко* неугодно мѣсто то на пребываніе войску (Там же, с. 590); мню, *яко* недостаточествуетъ имя еи (Письма Курб., с. 408); . . . вѣмъ, *яко* и самъ ихъ не невѣси (Там же, с. 5); вѣмъ, *яко* бѣдно ми глаголати (Там же, с. 395); Азъ убо вѣрую, *яко* о всѣхъ согрешеніяхъ вольныхъ и невольныхъ судъ пріяти ми (Письма Ив. IV, л. 167 об.); или мниши, окаянне, *яко* убрежешися? (Там же, л. 15); исповедую, *яко* ты еси Христос сын бога живаго (Аввакум, Житие, с. 77); видим, *яко* зима хощет быти (Там же, с. 65); глаголете ми, *яко* мною вредится истинна (Аввакум, Письма, с. 234); надеюся на господа, *яко* даст вам бог терпения и долгодоушство (Там же, с. 214).

Как видно, союз *яко* употреблялся в основном в произведениях художественной и полемической литературы, отличавшейся при-

поднято-торжественным, риторическим стилем, который характерен для образованных, начитанных авторов. Закономерно, что в этих памятниках обычно ограничено употребление союза *что* — преобладает *яко*. (Исключение составляет Житие Аввакума, язык которого представляет своеобразный синтез элементов старославянского языка и живой разговорной речи). Выделяются в этом отношении Письма Курбского, где при широком распространении союза *яко* ни разу не встречается союз *что*. Единственный пример с союзом *что* находим в Повести Катырева-Ростовского, в которой также широко представлены конструкции с союзом *яко*. Заметим, что обычно употреблению союза *яко* сопутствуют в памятниках и другие старославянские союзы и союзные слова, а также лексические старославянизмы [13].

В отличие от книжного союза *яко* восточнославянский союз *что*, свойственный живому разговорному языку (употребление его в памятниках древнерусской письменности в словаре И. И. Срезневского датируется начиная с XIV в.), был стилистически нейтральным. Он употреблялся в памятниках всех жанров. Причем существенно, что в ряде памятников — грамотах, юридических документах (Судебниках, Уложении 1649 г.), в Домострое, Учении и хитрости ратного строения пехотных людей, в произведениях фольклорно-художественного стиля — Повести о Ерше, Повести об азовском взятии, Пословицах XVII в., а также в переводной повести Сказания про Бову — союз *что* был единственным изъяснительным союзом, не имел семантических дублетов. Приведем некоторые примеры его употребления из перечисленных памятников: И Петръ сказалъ, *что* мысли его не вѣдалъ никто (Отрывок розыскн. дела — АИ, т. I, № 140); Да сказывалъ намъ Василей Хохловъ, *что* у тебя на Теркѣ аманаты наги (Рус. гр. 1614 г. — АИ, т. III, № 29); и оувиди мѫжь что не порѧдливо оу жены (Домострой, с. 37); а въ полныя и въ докладныя писати, *что* у него отець и мати есть (Суд. Ив. IV, л. 247—248); а взмолвят на него человекъ пять. . . *что* он тать ведомой (Суд. 1497 г., л. 3); И образцы свидѣтельствуютъ, *что* многія монархи земли королевства и городы беспрестанно ратнымъ строемъ осилѣны и содержаны (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 36); И то вам ворам, даем ведать, *что* от царства вашего Московского никакой вам помощи и выручки не будет (Пов. об азов. взятии, с. 64); и сам яз тому дивлюся, *что* добрый конь меня скоро узнал (Сказ. про Бову, с. 473); . . . скажи ты про того ерша и про леща, *что* ведаеш межу ими про

[13] Ср. с замечанием И. П. Бондарь о том, что в памятниках русского и болгарского языков XV—XVIII вв. «при более архаичных глаголах (с корнем *глагол-*) придаточное дополнительное предложение присоединяется к главному более древними союзами (*яко, иже, еже*). См.: И. П. Бондарь. Глаголы речи в русском и болгарском языках (основные типы объектной сочетаемости по материалам памятников русского и болгарского языков XV—XVIII вв.). «Вопросы славянского языкознания». Изд. Саратовского ун-та, 1968, стр. 32.

Ростовское озеро (Пов. о Ерше, с. 149); Знать по всходе, *что* быть не згоде (Пословицы XVII в., л. 347).

В остальных памятниках художественного стиля наряду с союзом *что* могли употребляться и его семантические дублеты (см. приведенные выше примеры). Причем в одних, как уже было сказано, они преобладали, в других — при господстве союза *что*— представлены единичными случаями. Приведем некоторые примеры конструкций с союзом *что* из произведений художественного стиля: Писалъ еси, *что* язъ разтлѣнъ разумом (Письма Ив. IV, л. 54 об.); они же, хрисіяне, познаютъ, *что* правду Богъ любитъ (Пересветов, с. 69); И мы, богомольцы твои, тому дивимся, *что* он, архимарит по се время в Колязине живет (Сатиры о пьянстве, с. 122); Азъ же заклинахся Богомъ живымъ Богомъ вышнимъ, *что* нѣтъ у меня (Пут. Зосимы, с. 67); а сказываютъ о немъ, *что* тотъ животворящий Крестъ увезенъ въ Веницейскую землю (Пут. Гогары, с. 113); А слышали о святѣмъ патріархѣ, *что* сидѣлъ на патріаршествѣ 85 лѣтъ (Пут. моск. купцов, с. 151); Повѣдаю вамъ, *что* идетъ ко мнѣ изъ Литвы великой воевода Юры Мнишекъ (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 739); сами видите, *что* все — блазный оманъ и прелесть (Пов. о Рос. царстве, с. 202); Сведал он, *что* мне учинилися дочери духовные (Аввакум, Житие, с. 76); и ведаешь, *что* у них иссяче благочестие по пророчеству святых (Аввакум, Письма, с. 197—198).

Придаточные дополнительные предложения с союзом *что* были широко распространены и в Московском летописном своде конца XV в. Приведем лишь несколько примеров: а и сами видяху, *что* идет на них от Новагорода рать велика (Моск. лет. свод. конца XV в., л. 384); а сказали, *что* инъ папа Калист именем (Там же, л. 410 об.); и прииде вѣсть ему, *что* уже Татарове близ берега (Там же, л. 379); И бысть вѣсть Вятчаном, *что* идут на них Казанцы (Там же, л. 321 об.).

В качестве синонима союзу *что* мог выступать союз *как*, также стилистически нейтральный. Он не имел широкого распространения в наших памятниках [14]. Гораздо более широко употреблялось союзное слово *как* [15]. (Придаточные предложения с союзными словами в данном разделе, как уже отмечалось, не рассматриваются.) Союз *как* представлен небольшим количеством примеров, он встречается лишь в некоторых памятниках. Например: Тому почудимся, *как* вмале был разумен, а в мегновении ока стал безо всего

[14] Придаточные дополнительные предложения с союзом *как* весьма редки и в современных народных говорах. См., например: В. И. Собинникова. Строение сложного предложения в народных говорах. Воронеж, 1958, стр. 56.

[15] Известны трудности, связанные с отграничением союза *как* от союзного слова *как*. См., например: «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, стр. 283—284; см. также: В. П. Никифоров. Как различать подчинительные союзы и союзные слова. «Труды Воронежского гос. ун-та», 1957, т. 47, стр. 157. (В нашей работе критерием отграничения является возможность замены *как* союзом *что* без изменения смысла придаточного.)

(Сатиры о пьянстве, с. 84); помнишь ли ты, *как* в бытиях пишет: земля стала и начала полнитися (Пов. о куре и лисе, с. 193); Помнишь ли ты, чадо, *как* во святых книгах пишет (Там же, с. 191—192); И во церковь иду, а тово и гляжу, *как* нападут (Аввакум, Письма, с. 231); Помнишь, жена, *как* он мне говорит (Там же, с. 222); А то вы и не ведаете, *как* о том докучал богу (Там же, с. 222); Не вем, *как* плачю, а очи сердечнии при реке Волге (Аввакум, Житие, с. 60).

В произведениях с книжным характером языка, а также в контекстах с религиозной тематикой союз *как* употреблялся в форме *како*: Видите, *како* Богъ гордымъ противится, а за неправду гнѣвается (Пересветов, с. 77); и того не разсудишь, *како* же тріе патріарси собрашася со множествомъ святителеи къ нечестивому θеоθилу царю, и многосложныи свитокъ написаша (Письма Ив. IV, л. 168 об. — 169); и скорбяше о томъ, *како* ему пить смертное зеліе (Пут. моск. купцов, с. 149); . . . Петръ Апостолъ видѣ, въ семъ градѣ, *како* сходила плащаница съ небеси (Пут. Зосимы, с. 67); Видя, виждь, боголюбезне, *како* то хитрец — бог землю утвердил человека ради (Аввакум, Письма, с. 267).

Из всех союзов данной семантической группы в современном русском языке сохранились союзы *что* и *как*. Остальные в процессе развития языка были утрачены.

В современном русском языке характерной особенностью предложений, «придаточная часть которых составляет необходимое или возможное распространение какого-то слова главной части, является развитие относительного временно́го значения у сказуемого придаточного предложения» [16], т. е. временны́е формы его обозначают отношение действия ко времени действия в главной части (при одновременности действия в главном и придаточном). Данная закономерность отчетливо проявляется уже в памятниках исследуемого периода. Мы располагаем достаточным количеством примеров, в которых при отнесенности действия главного и придаточного предложения в прошлое при сказуемом, выраженным в главном предложении глаголом прошедшего времени, сказуемое придаточного предложения стоит в настоящем времени. Приведем некоторые из них: . . . и послѣ стола изъ манастыря *поѣхали*, а *сказали*, что *ѣдутъ* къ Пскову (Отрывок розыскн. дела. — АИ, т. I, № 140); ино Государевъ сынъ боярской самъ *видѣлъ*, Кипреянъ Дубровинъ, что межъ Дону и Волги против Курманаяру *кочуетъ* (Рус. гр. 1614 г. — АИ, т. III, № 22); *Слышавъ* же царь Ахмат, что на тѣх мѣстех на всѣх. . . *стоят* против ему с великими князи многые люди (Моск. лет. свод к. XV в., л. 461); И *промчеся* то слово во всю Россію, яко *жив есть* царевичь Дмитрѣй (Пов. Кат.-Рост., с. 567); азъ же *чаяхъ*, что греки той огнь *составляютъ* своимъ умышленіем

[16] В. А. Белошапкова. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, стр. 43.

(Пут. Гогары, с. 120); сего же новаго страстотерпца царевича Дмитрѣя *прослави* и *прояви*, яко *есть* угодникъ Божіи (Пов. Кат.-Рост., с. 583—584); И по осьми летех *услышала*, что я *еду* назад (Аввакум, Житие, с. 118); *Уразумех*, яко просвиры ради *стражю*, выложил ея за окошко (Аввакум, Письма, с. 240).

Как видно из приведенных примеров, относительное употребление форм времени в сложноподчиненном предложении с придаточным дополнительным было распространено уже в старорусских памятниках XV—XVII вв. [17], что является одним из показателей грамматической оформленности сложного предложения.

Придаточные предложения с изъяснительно-модальными союзами

В старорусских памятниках наиболее употребительным изъяснительно-модальным союзом был союз *чтобы*. Он употреблялся для выражения в придаточной части побуждения или желания. Как и в современном русском языке, круг глаголов, при которых возможен этот союз, был семантически ограничен. Необходимо, чтобы в главном предложении сказуемое было выражено глаголами со значением побуждения, желания. Например: и я ему заказал, *чтоб* людям не сказывал о тайне сей (Аввакум, Житие, с. 98); И Обросим поехал во град Антон. . . *просить* Бовы королевича, *чтоб* ево за тот сон предать смерти (Сказ. про Бову, с. 464); А кѣсарь Левъ хотѣлъ, *чтобы* его салдаты. . . ратному извычаю. . . училися (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 24).

Придаточные предложения с союзом *чтобы* могли относиться также к глаголам речи, глаголу *писать*. В этом случае указанные глаголы имели не изъяснительное, а побудительное значение. Например: И я ему *говорил* сопротив, *чтоб* он паки приступил ко Христу (Аввакум, Житие, с. 94); и *писа* къ нему папа, *чтобы* ему быти крѣпку и непоколебиму (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 737).

При других глаголах союз *чтобы* мог употребляться в двух случаях: 1) при наличии соотносительных слов [18]; 2) при отрицании (в главном предложении). Приведем примеры: 1) и ищут *того*, *чтобъ* имъ объядатися и напиватися (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 45); а боле стоал о *том* Фрязин нашь Иоаннъ денежник, *что бы* то учинити (Моск. лет. свод конца XV в., л. 449); 2) и язъ тобѣ

---

[17] Поэтому, очевидно, нельзя согласиться со следующим замечанием Н. С. Поспелова: «Косвенным свидетельством укрепления в литературном языке XIX в. более тесного объединения частей союзной изъяснительной конструкции является выравнивание к исходу второй половины XIX в. соотношения форм времени между главной и придаточной частью — при совпадении выражаемого ею содержания со временем главной части — в направлении: форма настоящего времени в придаточной части при прошедшем времени в главной части» (Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в строе сложноподчиненного предложения. М., 1964, стр. 69).

[18] С соотносительными словами могли употребляться также и глаголы со значением побуждения, желательности (см. об этом стр. 93 и сл.).

не думаю, чтобы еси къ Москвѣ поѣхал (Отрывок розыскн. дела. — АИ, т. I, № 140).

А. М. Пешковский определял значение придаточного с союзом *чтобы* при отрицании как «изъяснение—возможность» и отмечал, что в этом случае «значение союза *что* настолько преобладает над значением сослагательного наклонения, что здесь мы видим особое изъяснительное *чтобы*» [19]. . .

Союз *чтобы* имел в исследованных памятниках следующие семантические дублеты: *да, дабы, еже бы, иже бы (ижъбы), аже бы*. Из них союзы *иже бы* и *аже бы* отмечены только в Письмах Курбского, а союз *еже бы* — у Курбского и Аввакума: И къ тому просилъ мя, *ижъ бы* азъ подщаніе учинилъ (Письма Курб., с. 416); прошу, *иже бы* есть принялъ тот малыи нашъ упоминокъ съ любовію (Там же, с. 418); А такъ и поѳторе прошу, *ижъ бы* наши не ходили къ нимъ часто на нихъ наказаніе (Там же, с. 424); А проси отъ мене отца Мины, *иже бы* мя наведилъ (Там же, с. 47); Або пишешь, ваша милость, *аже бы* ихъ. . . на Польщизну приложити далъ (Там же, с. 413); Еще ли мниши, . . . *еже бы* ти помогала и воинству твоему сила животворящего креста? (Там же, с. 157); . . . увещал, *еже бы* престал сливати святая во единицу (Аввакум, Письма, с. 257).

Употребление остальных союзов данной семантической группы зависело от жанра памятника. Союзы *да, дабы*, имеющие книжную стилистическую окраску, представлены в основном в произведениях художественной литературы, причем в ограниченном круге памятников. Так, почти все случаи конструкций с *да* (31 из 37) приходятся на произведения Аввакума и Катырева-Ростовского. Приведем некоторые примеры: и аз молих его, *да* же сиротину возвратит к матери (Аввакум, Житие, с. 61); И о сем молихся, *да* простит им бог зде и в будущем веце (Аввакум, Письма, с. 187); и о том стужах божеству, *да* явит ми, не туне ли мое бедное страдание (Там же, с. 201); единогласно вси народи вопіяху, *да* помажутъ на царство царя Михаила (Пов. Кат.-Рост., с. 618—619); . . . и заповѣда ему, *да* творитъ жестокое ополченіе противу Москвичъ (Там же, с. 600); Народи же градовъ тѣхъ возопиша гласомъ веліимъ, *да* паиманы будутъ воеводы (Там же, с. 571—572).

Единичные примеры с союзом *да* имеются и в некоторых других памятниках, в основном в контекстах с религиозной тематикой: И Божіимъ имянемъ заклинаю тя, *да* не явиши имени моего никому же (Пов. о видении, с. 184); И тебѣ сія повѣдаю ползы ради, *да* проповѣси царю же и патріарху. . . яже слышалъ еси от мене (Там же, с. 184); Вы же, братья, . . . молите Владыку . . . *да* умилосердится о нас (Пут. Гогары, с. 116); умоли Сыну. . . , *да* помилуетъ насъ (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 751); молю *да* не зазриши си[мі] (Пословицы XVII в., л. 321).

---

[19] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 482.

Данные конструкции являются одним из наиболее древних типов придаточных дополнительных предложений. Они были известны еще старославянскому языку [20].

Еще менее употребительны были придаточные предложения с союзом *дабы*. Большая часть их представлена в Повести Катырева-Ростовского, единичные примеры — в Сказании о Гришке Отрепьеве, Путешествии московских купцов, причем в рассматриваемых памятниках такие конструкции обычно имеют место при наличии в главном предложении глагола *молить*. Например: той же Козьма. . . молитъ его, *дабы* ѣхал въ великій Новградъ Нижней (Пов. Кат.-Рост., с. 613); и молиша его, *дабы* царскій вѣнецъ возложилъ на главу свою (Там же, с. 565); и молиша Государя *дабы* имъ убогимъ, что далъ на сооруженіе трапезы (Пут. моск. купцов, с. 145); и молихомъ его со слезами, *дабы* нам на пользу изрекъ свои христіянскія нужи (Там же, с. 149); наипаче же молитъ короля, *дабы* его утвержалъ. . . (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 751).

Отсутствие данных предложений в памятниках деловой письменности говорит о том, что живому разговорному языку они были несвойственны. В XVIII в. наблюдается дальнейшее сокращение употребления союза *дабы* за счет широкого распространения союза *чтобы*. Об этом говорят следующие данные. Если в наших материалах соотношение в употреблении союзов *чтобы* и *дабы* было примерно 10 : 1, то, по наблюдениям В. И. Кодухова [21], в литературе XVIII в. соотношение в употреблении этих союзов становится примерно равным 33 : 1. Союз *дабы* известен и в XIX в., однако более в целевом, нежели в изъяснительном значении.

Стилистически нейтральным был восточнославянский союз *чтобы*. Он употреблялся в памятниках различных жанров: И Петръ имъ учалъ бити челомъ и плакати, *чтобы* его Великому Князю не выдали (Отрывок розыскн. дела. — АИ, т. I, № 140); а ему еси бил челом, *чтоб* тебя пожаловал (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); и прошу, *чтобы* имъ всѣмъ радѣніемъ извыкать (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 57); А о томъ приказали ему накрѣпко, *чтобы* он въпредь ту собаку держалъ на привези (Улож. 1649 г., с. 78); Да велети прокликать по торгом. . . *чтобы* ищея и ответчик судиам и приставом посулу не сулили в суду(Суд. 1497 г., л. 12); достоитъ о семъ запретити и утвердити *чтобы* вдовцы и не женаты пономари не были (Стоглав, л. 52); и начальныя люди им приказали, *чтобы* они делом не плошалися (Сатиры о пьянстве, с. 120); и Бога молили. . . *чтобы* Господь Богъ отвратилъ отъ насъ праведный свой гнѣвъ (Пов. о видении, с. 178); Али того ожидаете, *чтобы* вамъ самъ великій тотъ столпъ святыми

[20] См.: А. В а й я н. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 399.

[21] В. И. К о д у х о в. Изъяснительные предложения с союзом *чтоб* и *будто* (на материале второй половины XVIII в.). «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та», 1968, т. 293, стр. 223.

своими усты изрекъ (Пов. о Рос. царстве, с. 210—211); и Обросим поехал во град Антон. . . просить Бовы королевича, *чтоб* ево за тот сон предать смерти (Сказ. про Бову, с. 464); стал владыке докучать, *чтоб* ево пощадил (Аввакум, Житие, с. 822).

Как видно из приведенных примеров, союз *чтобы* имеет две формы: *чтобы* и *чтоб*. Подавляющее большинство случаев с *чтоб* отмечено в грамотах и произведениях Аввакума (где широко представлена живая разговорная речь). Как видно, союз *чтоб*, как и в современном русском языке, был разговорным вариантом *чтобы*.

Придаточные предложения с союзами *чтобы*, *дабы*, *да* при отсутствии в главном предложении соотносительного слова в ряде случаев имеют целевой оттенок. В предложениях с соотносительным словом объектное значение выступает достаточно четко и однозначно. (Ср. приводимые выше — на стр. 87 и 88 — примеры с соотносительным словом и без него).

Особенностью структуры сложных предложений с придаточным дополнительным с союзами *чтобы*, *дабы* является то, что они имеют синтаксически связанную форму [22]: данные союзы сочетаются только с инфинитивом или с прошедшим временем в придаточном, хотя, как отмечал А. М. Пешковский относительно союза *чтобы*, «по его значению к нему пристало бы скорее будущее время. . . Это прошедшее никогда не было здесь прошедшим, а было составной частью сослагательного наклонения [23]. Следует отметить, что в исследованном материале предложения с глаголом в прошедшем времени значительно преобладают над инфинитивными придаточными предложениями.

Особого рассмотрения требуют придаточные инфинитивные предложения. В старорусских памятниках наблюдается в некоторых случаях отсутствие дифференциации в употреблении союзов *что* и *чтобы* в инфинитивных предложениях со значением долженствования. В современном русском языке в таких предложениях обычно употребляется союз *чтобы* или при употреблении союза *что* модальность в придаточном (значение долженствования) выражается лексически (словами *надо*, *необходимо*, *следует*, ср.: Он сказал, *чтобы* сделать работу в срок; Он сказал, *что нужно* сделать работу в срок).

В исследуемом материале возможны случаи, когда в придаточных инфинитивных предложениях со значением долженствования употребляется союз *что* и при этом модальное слово (*надо*, *нужно*) в придаточном отсутствует, например: А в I-й книзѣ в 9-й главѣ он учит, *что* младых салдатов бѣганію извыкати (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 38); прото в 7-й книгѣ в своей писал,

---

[22] Ср. высказывание В. В. Виноградова: «Синтаксическая зависимость нагляднее всего обозначается союзом *чтобы* с сослагательным наклонением (*чтобы — -л, -ла, -ло, -ли*). . .» (В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 708).

[23] А. М. Пешковский. Указ. соч., с. 482.

что младых людей . . . воинскому дѣлу научати (Там же, с. 37); . . . възвещает о сем, *что* поити на Новгород ратью (Моск. лет. свод конца XV в., л. 400); Папа же. . . отпустил его к великому князю с тѣм, *что* дати за него царевну (Там же, л. 393); Мошно догадатся *что* в окошко у[25] бросатся (Пословицы XVII в., л. 356 об.).

Вместо союза *чтобы* могли употребляться и другие изъяснительные союзы: *яко, еже*: Но обаче о семь вамъ скорбѣти подобает, *еже* во всем вам богоданному владыцѣ сопротивистеся! (Письма Ив. IV, л. 174 об.); Сия ли убо нам совѣтуеши, *еже* к таковои погибели приити? (Там же, л. 53); . . . он умѣет и тому искусен, *яко* за едовитые плюхавыми словесы нечистыми глаголы равные отдавати (Письма Курб., с. 466).

Возможно, такое употребление союза *что* (на месте *чтобы*) объясняется тем, что в древнерусском языке инфинитив имел бóльшую модальную нагрузку, чем в современном языке. Так, Булаховский отмечает «склонность древнего синтаксиса к модальному употреблению инфинитивов» [24].

Наряду с подобными предложениями (с *что, яко, еже*) в исследованном материале имеются синонимичные конструкции с союзом *чтобы* или с лексически выраженной модальностью в придаточной части. Ср. с приведенными выше примерами из «Учения и хитрости ратного строения пехотных людей» следующие: Тертуліан в 3-й главѣ написал, *что бы* в мирное время работою и не упокойством научатися (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 38); Фегутіусъ написал во 2-й книгѣ, в 23-й главѣ, *что* ново зачинающихся салдатов надобѣ ежедней подважды, а наученых по единова учити извыкати (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 37).

В старорусских памятниках можно отметить в ряде случаев употребление союзов *что* (в значении «*чтобы*») или *чтобы* при глаголах, которые в современном русском языке сочетаются с инфинитивным оборотом без союза [25]. Например: И мы. . . присоветовали, *что* ис тое пенки свить веревки (Сатиры о пьянстве, с. 120); заповѣдал дѣлярем, *что* гостем не продати (Хож. Аф. Ник., л. 387 об.); и не смѣху из мірских людей нихто, *чтобы* молвити что о поможеніи великого князя (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 735).

Конструкции с союзом *будто* употребляются в наших материалах после глаголов говорения при передаче чужой речи для выражения недостоверности, сомнительности того, о чем говорится в придаточном. Союз *будто* является поздним по происхождению. Он возник путем слияния глагольной формы *будь* и местоимения *то*. Первые случаи его употребления зафиксированы в памятниках XVI в.[26]

---

[24] См.: Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 315. — См. об этом также: Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 528—529.

[25] О синонимике инфинитивных конструкций с союзом *чтобы* и без него см.: В. П. Сухотин. Указ. соч., стр. 137 и сл.

[26] См.: В. И. Кодухов. Указ. соч., стр. 225.

В исследованных памятниках придаточные предложения с союзом *будто* встречаются весьма редко. Более широкое распространение данные конструкции получили в XVIII в.[27] Приведем примеры: . . . а сказалъ, *будто* ся деи тѣ деревни были напередъ того въ помѣстьи за нимъ за Тимоѳееемъ (Новг. гр. 1577 г. — АИ, т. I, № 196); а сказываете нам, *бутто* к вам из государьства Московскаго про нас о том писано (Повести об азов. взятии, с. 68); Не ладно он о сошествии пишет во ад, *бытто* смерть и дьявол снесли душу Христову во ад (Аввакум, Письма, с. 281).

В результате слияния союза и частицы возник составной союз *что будто*. Случаи его употребления в исследованных памятниках редки: и еще нынѣ неправдою ложью у всѣхъ государей его оглашаютъ, *что будто* онъ на нѣсколко мѣсяцовъ у короля польского болши взялъ, нежели имъ далъ (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 52); . . . я имъ великую шкоту и убыль дѣлаю *что будто* я учю (Там же, с. 46—47); А о нѣмъ же писалъ еси, *что бутто* тѣ предстатели прегордые царство разорили (Письма Ив. IV, л. 159 об.); А что пишешь, *что будтось* ты хотѣлъ. . . Микифорка Пушкинова. . . повѣсить за воровство (Вязем. гр. 1624 г. — АИ, т. III, № 131); яко же ты, собака, лжеши, *что бутто* мы князь Юрьеву матерь Глинского, княжню Анну и брата его, князя Михаила, у себя хоронимъ от них (Письма Ив. IV, л. 148 об.—149); наустиша скудожаишихъ умовъ народъ, *что бутто* матери нашеи мати, княгиня Анна Глинская, со своими дѣтьми и съ людьми сердца человѣческая выимали (Там же, л. 148 об.).

По наблюдениям В. И. Кодухова [28] и Н. С. Поспелова [29] данные конструкции были редки и в XVIII, и в XIX вв. В современном русском языке конструкции с союзом *будто* характерны для разговорной речи.

Косвенно-вопросительные дополнительные предложения оформляются с помощью вопросительной частицы *ли*. В модальном плане им соответствуют самостоятельные вопросительные предложения. В качестве опорных слов в главной части обычно используются глаголы *ведать*, *знать*, *просить*, *рассматривать*, *смотреть* и нек. др. Особенностью структуры данного типа предложений является то, что вопросительная частица *ли* всегда стоит за логически выделяемым словом, которое выносится в начало придаточной части. В качестве такого логически выделяемого слова чаще всего выступает глагол: и кто вѣдаетъ въ новой походъ, увидитъ *ли* его капитанъ опять вѣкъ свой или нѣтъ (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 48); и велѣти про то обыскати накрѣпко, было *ли* живота его столко (Суд. Ив. IV, с. 243); скажи ты про того ерша, знают *ли* ево на Москве князи и бояре (Пов. о Ерше, с. 149); . . . и совѣта у него просити, вести *ли* мне война или нѣтъ (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 19); и тогда мочно добродѣтелному чи-

[27] В. И. Кодухов. Указ. соч., стр. 225.
[28] Там же, стр. 227.
[29] Н. С. Поспелов. Указ. соч., стр. 65.

тателю знати, есть *ли* хотя одна титла стариннаго ратнаго рыцарственаго или шляхетнаго и справедливаго извычая у нихъ обрѣтается (Там же, с. 50); Ведаете ли, отцы и матки, есть *ли* любовь между Вами? (Аввакум, Письма, с. 256).

Модальная частица *ли* может стоять в придаточном предложении и после других частей речи: существительного, прилагательного, местоимения, наречия. Такие случаи наблюдаются реже. Приведем некоторые примеры: ... самомѹ гдрю пересъмотрити все *ли* по здоровѹ (Домострой, с. 49); имъ преже разсудити прямо *ли* и по прямому *ли* дѣлу они войну зачинаютъ (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 20); и того не разъсматриваеть, правдою *ли* или не правдою то дѣлается (Там же, с. 47); ... имъ разсужати, прямую *ли* доброосновапную причину они имѣютъ войну вести (Там же, с. 26); ...і послѣ зборщиковъ обыскиваетъ, по приказу *ли* царскому збирають (Пересветов, с. 74); И о том стужах божеству, да явит ми, не туне *ли* мое бедное страдание (Аввакум, Письма, с. 201).

Конструкции с частицей *ли* не имели широкого распространения в наших памятниках.

Придаточные предложения, присоединяемые союзом *естьли* и имеющие значение косвенного вопроса, отмечены лишь в Письмах Курбского [30], например: Не вѣмъ, *естьли* есть его (с. 415—416). Как уже говорилось, произведения Курбского тесно связаны с традициями польской письменности, поэтому употребление союза *естьли* в функции *ли* можно объяснить влиянием польского языка. М. Кубик отмечает, что союз *если* (=*ли*) в косвенном вопросе известен в русской письменности в переводах с польского языка [31]. Он пишет, что «только влиянием польского языка можно объяснить чуждое русскому языку употребление союза *если* (=*ли*) в косвенном вопросе» [32].

Употребление соотносительных слов

Сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным выступало в языке старорусских памятников в двух своих разновидностях: придаточное предложение могло пояснять глагол (или другое опорное слово) непосредственно или через соотносительное слово. Включение соотносительного слова в главную часть предложения наблюдается не часто: лишь в $^1/_6$ части всех союзных придаточных дополнительных [33]. Эти предложения от-

[30] Употребление союза *естьли* (*если*) в косвенно-вопросительной функции известно также старобелорусскому и староукраинскому языкам (см. об этом стр. 113 и 123).

[31] См. приводимые им примеры из Дипломатических актов, переведенных с польского языка (М. К у б и к. Указ. соч., стр. 207).

[32] Там же.

[33] Заметим, что в предложениях с союзными словами соотносительные слова употреблялись гораздо чаще, однако в данном разделе рассматриваются лишь союзные дополнительные предложения.

личаются большой слитностью главной и придаточной части, объектные отношения выступают в них наиболее четко. В качестве коррелята в основном выступало субстантивированное указательное местоимение *то*. Кроме него изредка употреблялось местоимение *се*.

Как показывают наши наблюдения, с соотносительными словами могли сочетаться все союзы, за исключением нескольких редко встречающихся; так, не отмечено соотносительных слов при союзах *будто*, *что будто*, *яже* и нек. др.

Нет принципиальной разницы в употреблении соотносительных местоимений в предложениях с изъяснительными и изъяснительно-модальными союзами. Отличия имеются в частоте употребления — при изъяснительных союзах они встречаются чаще, чем при изъяснительно-модальных. Некоторые различия наблюдаются также в падеже соотносительного слова (см. об этом ниже).

Наиболее широко представлено употребление соотносительного местоимения *то* с самым частотным союзом *что* (т. е. соотношение компонентов связи *то — что*). При союзах *чтобы*, *яко* соотносительные слова встречаются гораздо реже, при остальных союзах — единичные случаи. Таким образом, возможны были следующие соотношения компонентов связи (с указательным местоимением *то*) [34]: *что — то*, *чтобы — то*, *яко — то*, *как — то*, *ли — то*, *да — то*, *еже — то*. Приведем по одному примеру на каждое соотношение: Не диво *тому что* вошь в пироге (Пословицы XVII в., л. 361 об.); А весь наряд был прикован на цепях, бояся *того*, *чтоб* мы на выласках, вышед, у них того снаряду не отбили (Пов. об азов. взятии, с. 60); Пришлец *тем* не величайся, *яко* был в Вавилоне (Аввакум, Письма, с. 251); А *тово* и гляжу, *как* нападут (Аввакум, Письма, с. 231); Не помышляй себе *того*, дурак, *еже* от бога тебе, кроме покаяния, помилована быти (Там же с. 237); И о *том* стужах божеству, *да* явит ми, не туне ли мое бедное страдание (Там же, с. 201); *Того* не вѣмъ, всѣ *ли* отъ желаннаго сердца къ нему приклонилися (Пов. о Рос. царстве, с. 196).

С местоимением *се* возможны были следующие сочетания с союзами: *чтобы — се*, *да — се*, *яко — се*, *еже — се*, *иже — се*. Перечисленные соотношения были малоупотребительны или единичны. Местоимение *се* встречаем в основном у нескольких авторов (произведения которых обильно насыщены старославянизмами): Аввакума, Курбского, Ивана IV, Катырева-Ростовского. Приведем по одному примеру с каждым (из перечисленных) соотношением компонентов связи: Обо всем о *сем* молил многажды, *чтобы* престал бесноватися (Аввакум, Письма, с. 257); и о сем молихся, да простит им бог зде и в будущем веце (Там же, с. 187); се же вѣждь, яко въ послѣдняя дни настанутъ времена люта (Письма Ив. IV, л. 136 об.); и зело о *семъ* возрадовахомся, *иже* во правовѣрныхъ дохматехъ утвердился еси (Письма Курб., с. 449); Како же раз-

[34] Располагаем в порядке убывающей употребительности.

судиши и *се, еже* таково благочестіе царь на немошнеи чади силу свою и гнѣвъ показа? (Письма Ив. IV, л. 133 об.—134).

Место соотносительного местоимения в предложении не закреплено: оно могло стоять в начале предложения, в середине или в конце его. По нашим данным, наиболее часто в исследованном материале оно стоит в середине предложения, несколько реже — в конце, и очень редко — в начале предложения. Приведем некоторые примеры: 1) слышав же *то* князь великы, *что* пошел царь прочь (Моск. лет. свод. к. XV в., л. 417 об.); . . . они про *то* вѣдали, *что* тѣ писма воровскія (Улож. 1649 г., с. 12—13); И о *том* стужах божеству, *да* явит ми (Аввакум, Письма, с. 201); и довелося *того* желати, *что бы* во угорской землѣ такой ротной уставъ зачали (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 47); 2) ведаю и сам *то, что* аз недостоин (Пов. о куре и лис., с. 196); Отвещаю, господа, за себя и за товарищев своих в *том, что* Ростовское озеро, реки и истоки старая вотчина дает и отцов наших (Пов. о Ерше, с. 148); . . . искали . . . на Матвеѣ на Судимантовѣ *того, что* деи тотъ Матвей вступается въ ихъ землю (Моск. гр. 1519 г. — АИ, т. I, № 126); 3) *Тѣмъ* же царь Махмет велико умудрился, *что* правду въ царство свое ввелъ (Пересветов, с. 73); О *томъ* холопъ не тужитъ *что* долго служитъ (Пословицы XVII в., л. 362).

В современном русском литературном языке указательное местоимение чаще всего находится на грани главного и придаточного предложений [35].

В некоторых случаях особенности употребления соотносительного слова, в частности место его в главном предложении, нельзя объяснить, если ограничиться рамками одного предложения. Иногда необходим более широкий контекст, т. е. нужно учитывать содержание предыдущего предложения. Так, в следующем примере (приводим в контексте) постановка соотносительного слова на первом месте в главном предложении объясняется тем, что оно (указательное местоимение) относится не только к последующему придаточному, но и к содержанию предыдущего предложения: А с ними, сказываете, что под нас прислано рати турецкие одной его пописи 300 000. *То* мы и сами впрямь видим и ведаем, что есть столько силы его под нами, с 300 000 люду боевого (Пов. об азов. взятии, с. 66). В случаях, подобных приведенному, «соотносительность» местоимения ослаблена и тем, что оно стоит в начале предложения, и тем, что оно относится по содержанию и к предыдущему предложению.

Соотносительное местоимение могло стоять во всех косвенных падежах: винительном, родительном, дательном, творительном и предложном. По нашим наблюдениям, наиболее часто оно употреблялось в винительном и предложном падежах (в винительном несколько чаще), реже — в родительном, весьма редко — в дательном и творительном падежах. Как отмечает Л. А. Була-

[35] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, стр. 288.

ховский, «в наше время указательное местоимение перед изъяснительным союзом *что* известно обыкновенно только в косвенных падежах (в родительном, дательном, творительном, предложном)... В именительном и винительном падежах указательное местоимение *то* перед изъяснительным *что* употребляется в современном языке очень редко — лишь в случаях сильного логического ударения, падающего на указательную часть... В старинном языке такого рода *то* употреблялось свободнее...» [36] Наши данные подтверждают замечание Л. А. Булаховского относительно более широкого употребления соотносительного местоимения в вин. падеже. В исследованных памятниках такие случаи весьма часты: ... вѣмъ *сіе*, *яко* по всему, подобно всѣмъ человѣкомъ, обложенъ есмь по естеству (Письма Ив. IV, л. 166 об.—167); И *то* пишутъ философіи і доктори, *что* он будетъ, государь, многолѣтенъ (Пересветов, с. 79); слышавъ же *сія* названный царь Дмитрѣй, *яко* Москвичи сложилися зъ гетманомъ (Пов. Кат.-Рост., с. 602); А *то* мы... видели явно, *что* ото образа Иванна предтеча течаху от очей ево слезы многия (Пов. об азов. взятии, с. 79); Слышав же *то* князь великы, *что* пошел царь прочь (Моск. лет. свод к. XV в., л. 417 об.); мы многажды *то* видали, *что* многія войска неизвычности ради... полевыя бои теряли (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 37); яко в прежнихъ годѣхъ *то* слыхали, *что* царевичь Дмитрей на Углечѣ убьенъ бысть (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 721).

Приведем примеры соотносительных слов в других падежах: Мать *тово* и не вѣдаетъ *что* снъ̄ у воды бе[з] хлѣба обѣдаетъ (Пословицы XVII в., л. 357 об.); *Того* не вѣмъ, всѣ *ли* отъ желанного сердца къ нему приклонилися (Пов. о Рос. царстве, с. 196); ... не имите *тому* вѣры, что они нынѣ предъ вами лицемѣрство чинятъ (Там же, с. 201); Да *тому* велми дивимся, *что* таковая землица не великая... у таковаго великаго, силнаго царя под пазухою (Пересветов, с. 68); *Тѣмь* море не погано *что* псы в нево налокали (Пословицы XVII в., л. 370 об.); ... да будутъ и сами о *томъ* себѣ дивитис, что лукаво судили (Пересветов, с. 60).

Отметим, что в предложениях с изъяснительно-модальным союзом *чтобы* соотносительное слово стоит обычно в предложном или реже — родительном падеже (и очень редко в винительном). Приведем несколько примеров: и о *томъ* къ Волскому... войску писали много, *чтобъ* они задняя забывали (Русск. гр. 1614 г. — АИ, т. III, № 22); о *томъ* я къ тебѣ писалъ и не одиново, *чтобъ* ты мимо посолскихъ договорныхъ записей ко мнѣ не писал (Вязем. гр. 1624 г. — АИ, т. III, № 131); о *семъ* разсудите довольно, *чтобы* во пьянствѣ пастыри не погибли (Стоглав, с. 48—49); а теперво вам от нас опять хочется *тово* ж, *чтоб* плоти вашея мы тех зверей накормили (Пов. об азов. взятии, с. 67); Али *того* ожидаете, *чтобы* вамъ самъ великій тотъ столпъ святыми своими усты

[36] Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 329.

изрекъ (Пов. о Рос. царстве, с. 210—211); А про *то* сыщикомъ сказывати. . . *что бы* они сказывали во обыску прямо правду (Улож. 1649 г., с. 54).

Употребление соотносительных слов, как и в современном русском языке, в большинстве случаев было факультативным: одни и те же глаголы могли выступать как с коррелятом, так и без него. Однако в некоторых конструкциях указательное местоимение было структурно-необходимым элементом. Так, например, после неизъяснительных глаголов с предлогом: Да он же. . . двух человек. . . бил кнутом *за то*, *что* один у него попросил есть, а другой молыл (Аввакум, Письма, с. 192); после предлогов или частиц с ограничительным значением: Нечему ему иноку научити васъ, *только тому*, иже бы ся поживилъ зъ женою (Письма Курб., с. 439); и иного не мыслитъ *опричь того*, что бы ему въ тѣ шесть мѣсяцовъ столько добыть (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 47).

Соотносительное слово обычно относится к глаголу, очень редко — к существительному: бо имъ о *томъ* немало *тщаніе*, иже бы. . . отъ ускаго и прискорбнаго пути нѣкотораго слабѣишихъ нашихъ ко широкому и пространному. . . пути уловили (Письма Курб., с. 440). В подобных случаях указательное местоимение должно выполнять в главном предложении функцию объекта, если же оно имеет атрибутивную функцию, то и придаточное предложение носит атрибутивный характер. Ср. с приведенным примером следующий: воеводы послаша к великому князю Замятию с *тою* вѣстью, что . . . рать Новгородцкую побили (Моск. лет. свод к. XV в., л. 405).

Порядок расположения частей сложного предложения

В старорусских памятниках, как и в современном русском языке, придаточные дополнительные предложения, присоединяемые союзами, обычно находятся в постпозиции по отношению к главному предложению [37]. Случаи препозиции или интерпозиции чрезвычайно редки, например: Много ли вас на я́ славном, избранных божиих, и церкви и попы есть ли християнския, и несть *ли* гонения правоверию, возвестите ми (Аввакум, Письма, с. 280—281); Слышав же то князь великы, *что* пошел царь прочь, и начать многие люди свои отпущати (Моск. лет. свод к. XV в., л. 417 об.); І велможи его, видя то, *что* царь приходит к великой мудрости, и рекли такъ (Пересветов, с. 72); И по осьми летех услышала, *что* я еду назад, отпросилася у мужа и постриглася (Аввакум, Житие, с. 118).

Редки также случаи, когда придаточное предложение стоит не после главного (непосредственно), а отделено от него другим

---

[37] В придаточных предложениях, присоединяемых союзными словами, они встречаются гораздо чаще, однако в данном разделе рассматриваются лишь союзные дополнительные предложения.

придаточным: Да говорили имъ о боарех Новогородских и о дѣтех боарьскых и о боарынях, которые служать великому князю, *чтобы* им не мстили никоторою хитростью (Моск. лет. свод конца XV в., л. 452); а бил челомъ владыка и вси иже с ним, как и преже того били челом, *что бы* государь смиловался (Там же, л. 445); Молю тя, господина моего, естьли вѣдаешь, хто писалъ до насъ то поздравленіе, *ижъ быхъ* впередь хъ тому насъ не срамотилъ (Письма Курб., с. 460). В последнем примере придаточное дополнительное отделено от главного двумя другими придаточными.

В следующем примере придаточное отделено от главного самостоятельным предложением, присоединяемым к главному сочинительным союзом *а* (по значению оно является определительным): Сказывалъ намъ Волской казакъ Олешка Кумыченинъ, а былъ онъ на Яикѣ съ Маринкою и съ Ивашкомъ Заруцкимъ, а приѣхалъ въ Астарохань съ Гордѣемъ Палчиковымъ, *что* Волскіе казаки. . . хотятъ итти съ Яика на Иргискіе вершины (Рус. гр. 1614 г. — АИ, т. III, № 34).

Как уже отмечалось, придаточное дополнительное предложение чаще всего поясняет глагол-сказуемое главного предложения. При этом оно может занимать различное положение относительно этого глагола: стоять непосредственно после него или быть отделено от него другими членами главного предложения [38]. Придаточные первой группы встречаются несколько чаще. Проиллюстрируем сказанное несколькими примерами той и другой группы:

1) И Петръ *сказалъ*, *что* его знаетъ (Отрывок розыскн. дела. — АИ, т. I, № 140); сами *видите*, *что* все — блазный оманъ и прелесть (Пов. о Рос. царстве, с. 202); И сами *знаете*, *что* доброе добро (Аввакум, Житие, с. 77); и *ведаешь*, *что* у них иссяче благочестие (Аввакум, Письма, с. 197—198);

2) А *повелѣваютъ* всѣмъ подданнымъ *чтобы* они начальству своему подобное послушаніе воздавали (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 23—24); и *писа* къ нему папа, *чтобы* ему быти крѣпку и непоколебиму (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 737); *Сказали* ему, *что* я так молюсь (Аввакум, Житие, с. 80).

В придаточных предложениях, стоящих непосредственно после поясняемого глагола, объектный характер отношений выступает наиболее четко. Характерно, что бессоюзное дополнительное придаточное предложение, по наблюдениям Е. П. Васильевой (на материале литературного языка XVII столетия), чаще всего — в 75% всех исследованных придаточных — стоит непосредственно после глагола-сказуемого главного предложения [39]. В союзных дополнительных придаточных (по нашим данным) случаи отделения их от поясняемого глагола-сказуемого другими членами главного предложения более часты.

---

[38] О месте соотносительного слова в главном предложении см. стр. 94.

[39] См.: Е. П. Васильева. Дополнительное бессоюзное предложение (на материале литературного языка XVII столетия). «Уч. зап. ЛГУ», 1962, № 302. Серия филол. наук, вып. 61, стр. 104.

СТАРОБЕЛОРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ

Старобелорусские памятники обнаруживают гораздо большее количество изъяснительных союзов, которые могли присоединять придаточное дополнительное предложение, чем старорусские. Приведем их перечень: *иж*, *иже* [40], *что (што)*, *же*, *яко*, *як*, *аж*, *аже*, *еже*, *ако*, *как*, *ино*, *або*.

Все перечисленные союзы данного семантического ряда имели одно и то же значение — изъяснительное и не привносили в предложение никаких дополнительных модальных оттенков. Они не отличались также между собой какими-либо оттенками значения. Предложения, присоединяемые ими, имели одну и ту же семантику и структуру и употреблялись при одном и том же круге глаголов. Ср. приводимые ниже примеры (по одному — с каждым союзом ряда): и ѡн дей также ѡтказал, *иж* ты росказал емѹ то чинити (Брест. гр. 1544 г. — Arch. Sang., т. IV, № 318); и оуслышалъ то кнзь Федоръ *што* братии его в Подолскои земли не сьтало в животе (Лет. Супр., л. 104); ... и повѣдал имъ, же то' посол котори' до него пришол сам есть царъ алеѯандръ (Александрия, с. 65); и апостоли Его ясно научиша насъ, *яко* отъ Авраама и Давида родися Хрістосъ (Списание пр. люторов, с. 172); и ѡпочываючы ѡни вбачыли, *аж* едет Трыщан (Пов. о витязях, с. 44); тако земяне... вызнали, *аже* по Лисичій Бродъ земля церковная (Погонич. гр. 1422 г. — АЗР, т. I, № 31); Знаменіе крестъ глаголеть, *еже* завжды знаменаемъ лице свое крестом Господнимъ (Списание пр. люторов, с. 89); спроста рекѹ *иже* не ѡбрѣте(с) въ всемъ Поморьи ни гра(д) ни мѣста (Лет. Акад., л. 163—164 об.); ... и слышу, *ако* сестроу имаете двою (Лет. Супр., л. 15); мовили быхмо отъ писма, *ино* учитъ насъ апостолъ (Списание пр. люторов, с. 139); ... не види *как* ѡн не спит (Страсти Христовы, л. об. 5); повѣдаю ва^{м} ха^{л}кидонове, *або* мужне вою'те (Александрия, с. 36); И коли поведали королю Артиушу *як* Трыщан ѡтпустил смерть Бланору (Пов. о витязях, с. 66).

Изъяснительные союзы имели в старобелорусском языке различное происхождение. Союзы *что*, *аже*, *аж*, *как* были унаследованы из древнерусского языка. Относительно союза *иж* Е. Ф. Карский замечает, что союз этот в старые западнорусские памятники «мог перейти вообще из древнерусских произведений (ср. И. И. Срезневский, Материалы, I, 1029)... живому белорусскому языку *ижь* совершенно не известно; нельзя поручиться за то, что оно было известно и разговорному языку старому, быть может, оно представляло только особенность книжной речи, развившуюся не без влияния польского языка» [41]. Союз *же* появился в старобелорусском

[40] Союз *иже* находим лишь в нескольких памятниках (Страсти Христовы, Списание против люторов, Александрия, Летопись Супрасльская, Летопись Академическая), в которых употребляется также союз *иж*.

[41] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 475.

языке, как полагает Е. Ф. Карский, под влиянием польского и чешского языков [42]. Древнерусскому языку он не был свойствен.

Союзы данного семантического ряда отличались также различной степенью употребительности. Наиболее часто объектные отношения выражались в старобелорусских памятниках с помощью союза *иж* [43] (около 40% всех союзных придаточных дополнительных имели этот союз). Употребление его мы находим во всех памятниках старобелорусского языка (исключение составляет Дневник Евлашевского, в котором господствует союз *же*). Приведем примеры с союзом *иж* из памятников различных жанров: и ты къ намъ въсказалъ, *ижъ* тобѣ есть далеко (Западнорусск. гр. 1486 г. — АЗР, т. I, № 88); знаюся къ тому, *ижь* и виненъ сестрѣ своей десять копъ грошей (Жомоит. гр. 1519 г. — Литов. метр., т. I, кн. III, № 97); Ознаймуемъ вамъ, *ижъ* маемъ вѣдомость за листовного намъ ознайменья от архіепископа. . .Ипатія Потѣя (Вил. гр. 1602 г. — АЗР, т. IV, № 156); Теж уставуем, *иж* неволницы мают быти четверакихъ причинъ (Литов. ст. 1529 г., л. 92); И Переꙗславлене слышали *и(ж)* Кие(в) и прыгоро(д)ки Кие(в)ские подалисѧ великому кнзю Кгдими(ну) (Лет. Рачин., с. 243); и оузна(л) коро(л) и Ски(р)гаило *и(ж)* нѣ могоу(т) противъ стоꙗти Витовта (Лет. Крас., л. 79 об.); Услышал о томъ Наливайко, *ижъ* гетманъ. . . до Могилева тягнетъ (Лет. Баркул., л. 154); Глаголютъ, ижъ не требе святыхъ просити и имъ молитися (Списание пр. лютеров, с. 110); не вѣда еси нечастникоу *ижъ* таꙗ кро невинна была (Страсти Христовы, л. 1 об.); розѹмѣваю *ижъ* добре вѣдаете (Александрия, с. 80); Угрове, довѣдавшы сѧ *иж* непрыꙗтель утек, вернули сѧ на ѡное поле (Ист. о Атыле, с. 176); Але то богъ вѣ, *ижъ* есми в томъ невинен (Пов. о витязях, с. 58); ты даеш ми знати, *иж* не могу ѡт тое раны выздоровети (Ист. о Гвид., с. 165).

Из имеющихся в системе языка союзов данного семантического ряда кроме *иж* активно функционировал в языке старобелорусской письменности союз *что* (*што*) (второй по употребительности). Данный союз был распространен более широко в грамотах, летописях, в произведениях фольклорно-художественного стиля — Повести о витязях и Истории о Гвидоне. В произведениях же художественной и полемической литературы он представлен очень скупо или отсутствует вообще (как, например, в Александрии, Дневнике Евлашевского). Приведем некоторые примеры его употребления: А весьцемъ хрестъ целовати, *што* имъ право весити на обѣ стороне (Риж. гр. 1405 г. — РЛА, № 153); вѣдаете вы и мы, *што* мѣжи насъ и васъ есть старые записи (Полоцк. гр. конца XV в.—

---

[42] Там же, стр. 476.

[43] Ср. замечание Е. Ф. Карского о том, что «союз этот очень распространен в старых западнорусских памятниках» (указ. соч., стр. 475). Преобладание придаточных дополнительных предложений с союзом *иж* в Слонимских актах XVI в. отмечает И. И. Крамко, см.: І. І. Крамко. Сінтаксіс слонімскіх актаў XVII ст. (складаны сказ). Мінск, 1970, стр. 53.

РЛА, № 279); Ино тотъ листъ светчить . . . *штожъ* его милость ѡцъ нашъ писалъ ешчо до свекрови ее (Троцк. гр. 1507 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 44)[44]; а и сами знают(ь), *штожъ* ѡни слуги пѹтные (Берест. гр. 1511 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 140); . . . оуслыша(л) кнзь Свѣтосла(в) *што(ж)* иде(т) на него кнзь Ски(р)гаило (Лет. Крас., л. 79); кнзь велики Кестоутеи вѣда *што* кнзь велики Витовтъ гораздо живеть со кнзе(м) великимь Ягаиломь (Лет. Супр., л. 88 об.); и прышла до него вѣсть што Литва идеть ѹ погоню (Лет. Рачин., с. 269); и пріиде ко великомѹ кнзю Швитригаилоу вѣсть *что* идеть Литва погонею (Лет. Акад., л. 159); а не веда еси *што* шалене чини еси (Страсти Христовы, л. 29 об.); и увидели витези, *што* идет конь наступаѧ на поводы (Пов. о витязях, с. 96); ѧ того не жалую *што* есми убила два скока двум соколом (Там же, с. 121); И борздо пошла вѣсть по городу, *што* прышли знаменитые лѣкары (Ист. о Гвид., с. 165); и добрыи конь познал, *што* на нем не его пан (Там же, с. 155).

Третьим по употребительности был союз *же*. Большую часть примеров с ним находим в Дневнике Евлашевского и Истории о Атыле. В остальных памятниках он представлен единичными примерами, а в некоторых (летописях Академической, Супрасльской) отсутствует вообще. Приведем примеры: Къ тому оповедаете, *же* мытникъ Полоцкій отъ товаровъ вашыхъ. . . мыто береть (Западнорусск. гр. 1559 г. — РИБ, т. XXX, кн. 4, № 14); видались мы, *же* се хвала Божая порадно отправовала (Минск. гр. 1615 г. — АЮЗР, т. II, № 45); а онъ бы на него перевел, *же* ся пофалилъ пожогою або забитемъ (Литов. ст. 1529 г., с. 58); Потом по малой хвиле прислали ихъ милость, *же* сами хочутъ быти у княжати (Лет. Баркул., л. 148 об.); . . . виде(л) Гли(н)ски(и) *же* бы(л) ѿ вси(х) ѡпущо(н) (Лет. Рачин., с. 278); Кроиника угорскаѧ поведает, же там оттуль до Толесу мѣста таѧгнулъ (Ист. о Атыле, с. 200); Кальлимахъ поведает, *же* первѣи до тунгров таѧгнул (там же, с. 200); Атылѧ ѡтповедалъ, *же* поневаж сѧ в покору вдали (Там же, с. 217—218); ведаю, *же* и самъ панъ троцкий не хотелъ его забити (Дневн. Евлаш., с. 143); и вымовялъ се панъ Подаровский, *же* о той отмене и замешаню. . . не ведалъ (Там же, с. 155); а то снать чинил зъ побожности своеи, *же* волю свою подбиялъ подъ волю Божу (Там же, с. 149—150); а то бог вѣ, *же* того не мовлю длѧ страху (Пов. о витязях, с. 83—84).

Остальные союзы данного семантического ряда встречаются в исследованном материале сравнительно редко (в отдельных памятниках), а некоторые — *ино*, *або*, *ако*, *як* — представлены единичными случаями. Примеры см. выше (стр. 98).

---

[44] Как показывает данный пример, союз *что* мог употребляться с частицей *ж*. Такие случаи в грамотах весьма часты.

Рассмотрим распределение изъяснительных союзов внутри памятников. Здесь возможны различные сочетания союзов. Прежде всего отметим, что по качественному составу — набору союзов — в памятниках различных жанров возможны одни и те же сочетания союзов. Можно только отметить, что в грамотах отсутствует союз *яко*. (Выше мы уже говорили об ограниченном употреблении союза *что* в художественной литературе). Наиболее употребительное сочетание союзов *иж—что(што)—же* встречается в памятниках различных жанров. Как показывают наши наблюдения, нет ни одного памятника, в котором имелся бы только один из союзов ряда. Наиболее часто в памятнике употреблялись 3—4 союза, редко 5—6. Например, в белорусских грамотах XVII в. — *что (што)—иж—же*, в Академической летописи — *что(што)—яко—иже*, в Баркулабовской летописи — *иже—же—яко*, в Супрасльской летописи — *что(што)—иже—яко—как—еже—ако*, в «Повести о витязях» — *что(што)—иж—же—аж*, в Страстях Христовых — что *(што)—иж—же—как*. В нескольких памятниках употреблялось два союза, например в Дневнике Евлашевского — *же—яко*, в Западнорусской летописи (по списку гр. Красинского) — *что (што)—иж*. (Заметим, что комбинации союзов этих двух памятников не имеют ни одного общего союза).

Приведем примеры употребления наиболее распространенного сочетания союзов *иж—что(што)—же* в одном памятнике:

в Западнорусской летописи (по списку Рачинского): и в тотъ часъ доведалсѧ великии кн҃зь Монтвилъ Жомоитскии *иж* Рускаѧ землѧ спустошона (Лет. Рачин., с. 225); и кн҃зь Лев ѕслышал *што* кн҃зѧ Володымера Литва ѕбила (Там же, с. 242); ... видел Глинскии *же* был ѿ всих ѡпущон (Там же, с. 278);

в Повести о витязях: и король позналъ, *иж* ѡна милуеть Трыщана (Пов. о витязях, с. 17); ѣ знаю *што* ты первый ѡт добрыхъ рыцэровъ (Там же, с. 51); . ⁄. бог вѣ, *же* того не мовлю длѧ страху (Там же, с. 83—84). Кроме союзов *иж—что(што)* — *же* в Повести о витязях имеются единичные употребления союза *аж*: Говоречы ѡни ѡ томъ, *аж* идуть шесть чоловеков зброиныхъ (Пов. о витязях, с. 70);

в грамотах XVI в.: ино Сасины мовили, *ижь* хотять родъ свой передъ нами поставити (Дорогич. гр. 1518 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 62); А потомъ и самъ тотъ наместникъ къ тому признался, *штожь* тые кони и быдло къ собе побралъ (Лосич. гр. 1507 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 6); его милость росказати вамъ рачылъ, *же* то въ пошлину вамъ не будеть (Западнорусск. гр. 1554 г. — РИБ, т. XXX, кн. 4, № 14).

В Супрасльской летописи придаточные дополнительные могли присоединяться к главному шестью изъяснительными союзами: *что(што)—иже—яко—как—еже—ако*. Приведем по одному примеру с каждым из перечисленных союзов: кн҃зь велики Кестоутеи вѣда, *што* кн҃зь велики Витовтъ гораздо живеть со кн҃земъ вели-

ким Ігаиломь (Лет. Супр., л. 88 об.); Болгары же видивши *иже* не могоша стати противоу ему (Там же, л. 3 об.); и слышавши Дрѣвлане ѩко Игоръ и ѡпать идеть к ним (Там же, л. 9); и ты того не вѣідаешь *какъ* кнзь великии Ігаило посылаеть к вамь часто Воидила (Там же, л. 88 об.); ... и црь Леѡнъ пострѡи мѣра и оутверъди съписанием. *еже* непрстоупноу быти мѣроу іх (Там же, л. 8); ... и слышу, *ако* сестроу имаете двою (Там же, л. 15).

Сочетание союзов *иж—же—яко* употреблялось в Баркулабовской летописи: Онъ отказалъ, *ижъ* еще не намовилися о местцу (Лет. Баркул., л. 147); бо онъ весть, *яко* повинность и веру пану своему хова (Там же, л. 150 об.); Потомъ... прислали ихъ милость, *же* сами хочутъ быти у княжати (Там же, л. 148 об.).

Сочетание из двух союзов — *же—яко* имело место в «Дневнике Евлашевского»: а то снать чинилъ зъ побожности своеи, *же* волю свою подбиялъ подъ волю Божю (Дневн. Евлаш., с. 149—150); розмышляемъ въ собе, яко за живота пана Виленского и одинъ позовъ по него не был (Там же, с. 146 .

Что касается количественного соотношения в употреблении наиболее распространенных союзов *иж*, *что* внутри каждого памятника, то здесь можно наметить лишь одну, не очень отчетливо выраженную тенденцию. Так, если в памятниках художественного стиля соотношение внутри памятника между союзами ряда чаще соответствовало их общей частоте употребления (т. е. *иж* преобладало над *что* (*што*) или *что (што)* отсутствовало вообще), то в большинстве летописей — Академической, Супрасльской, Уваровской, Западнорусской, а также в грамотах XV в. наблюдается преобладание наименее частотного союза *что (што)* над наиболее частотным *иж*. Аналогичная картина в памятниках фольклорно-художественного стиля — Повесть о витязях и История о Гвидоне. Однако в некоторых летописях (причем более поздних по написанию) — Баркулабовской, Рачинской, а также в грамотах XVI—XVII вв. преобладает союз *иж*.

На языке летописей следует остановиться особо. Дело в том, что официальные летописи Литовского государства (так называемые Литовские летописи) известны в двух редакциях — краткой и полной. Летописи, относящиеся к XV и первой половине XVI ст. в значительной степени переписаны с русских летописных сводов. При этом язык оригинала сохранен [45]. По этой причине в них весьма слабо заметно влияние польского языка, и употребляются союзы, свойственные русским летописям: *яко*, *что*, *аж*. Иная картина в более поздних списках летописей (второй половины XVI в.)— Рачинской и Баркулабовской. В Баркулабовской летописи основ-

[45] См.: Л. М. Ш а к у н. Нарысы па гісторыі беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1960, стр. 77. См. также: В. В. А н и ч е н к о. Белорусско-украинские письменно-языковые связи (автореф. докт. дисс.). Минск, 1969, стр. 19.

ными союзами являются *иж* и *абы*, союз *что* (*што*) не представлен совсем, а *яко* — единичными примерами. Преобладающее употребление союза *иж* наблюдается и в Рачинской летописи.

В последующем развитии языка, как известно, союз *иж* под влиянием народного языка был вытеснен союзом *что* (*што*) [46]. Эта тенденция намечается уже в памятниках исследуемого периода. Об этом свидетельствуют, например, следующие конструкции, где союз *иж* употребляется в одном предложении рядом с *что (што)* (образуется двойной союз *иж что* или *что иже*): Билъ намъ чоломъ гетманъ нашъ. . . и повѣдилъ передъ нами, *ижъ што* онъ въ имѣнью своимъ. . . фундовалъ церковь (Вил. гр. 1508 г. — Археогр. сб., т. I, № 9); кнзь велики Евноутеи послал гонца *что иже* во Вилни сель (Лет. Супр., л. 86—86 об.).

Очевидно, об этом же говорят и следующие примеры, в которых *иж* и *што* представлены в одном контексте: Много витезей говорать, *ижъ* ест кролева Жэнибра лепша над мене, а ѧ сама по собе вѣдаю, *што* есми лепшаѧ (Пов. о витязях, с. 98); Коли Трыщан то чулъ, . . . *што* будет познан, бо вѣдал, *иж* ему тут наиболшое зло мыслѧт (Там же, с. 38); и потом довѣдалсѧ <кнзь> *што* горѡд Киевъ скаженъ и всѧ земля Рꙋскаѧ споустошена а въслышавъ *ижъ* моужики мешкають без г(с)дрѧ (Лет. Крас., л. 66 об.).

Постепенно сокращаясь в употреблении, союзы *иж* и *же* были утрачены в белорусском языке. Союз *же* сохранился в современном чешском и польском языках. В польском языке наряду с союзом *że* «иногда употребляется его более архаичный и более «книжный» вариант — союз *iż*» [47].

Из большого количества изъяснительных союзов, бытовавших в языке белорусской письменности XV—XVII вв., в современном белорусском литературном языке сохранились лишь *што* и *як* [48]. Союз *аж* известен диалектам белорусского языка [49], причем он употребляется лишь в тех случаях, когда сказуемое главного предложения выражено переходными глаголами зрительного и слухового восприятия, а то, о чем говорится в придаточном, является внезапным или неожиданным [50].

Для сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным с изъяснительными союзами в старобелорусском языке,

---

[46] Как отмечает А. И. Журавский, «уже на ранней стадии своей истории белорусский литературно-письменный язык начал сближаться с народно-разговорной речью» (А. И. Журавский. Периодизация истории белорусского языка. «Тезисы докладов и сообщений совещания по вопросам диалектологии и истории языка (Кишинев, 10—12 ноября 1971 г.)». М., 1971, стр. 65.

[47] В. Д. Климонов. Конфигурация с придаточной дополнительной частью, вводимой союзом *że* в польском языке. «Исследования по польскому языку». М., 1969, стр. 190.

[48] См.: «Граматыка беларускай мовы», т. II. Мінск, 1966, стр. 600—601.

[49] «Нарысы па беларускай дыялектологіі». Мінск, 1964, стр. 357.

[50] А. П. Груца. Развіццё складназалежнага сказа ў беларускай мове. Мінск, 1970, стр. 71.

так же как и в старорусском, характерно относительное употребление форм времени. Обычно такие придаточные относятся к глаголам конкретного восприятия — *видеть*, *слышать*: И то *услыша(в)шы* кнзь велики(и) Витовтъ, *и(ж)* Прусы и Нѣ(м)цы до Вилни *тѧгнуть* (Лет. Рачин., с. 250); и *ѯслыша(л)* ‹кнзь› тое *што иде(т)* на не(г) Ски(р)га(и)ло (Там же, с. 255); бо *знал* тое *иж* ѡна не *может* за лепшого поити рыцэра над него (Пов. о витязях, с. 38); Трыщан то *виделъ*, *иж* ѡнъ ѡт великого серца не *хочеть* подати сѧ (Там же, с. 65); *видель* < *озанъ* > то, *иж* киотъ *слонится* зъ воза (Списание пр. люторов, с. 117).

Во всех приведенных примерах при одновременности действия главного и придаточного предложения сказуемое в главном предложении стоит в прошедшем времени, в придаточном — в настоящем (т. е. оно обозначает время не непосредственно, а относительно ко времени главного предложения).

В старобелорусских памятниках синонимичный ряд изъяснительно-модальных союзов со значением побуждения, желания имел 7 членов: *абы*, *чтобы (штобы)*, *ижбы*, *жебы*, *дабы*, *ажбы*, *бы*. Из них союзы *чтобы*, *дабы*, *ажбы*, *абы* употреблялись и в древнерусских памятниках, остальные появились на старобелорусской почве. Употребление их в известной степени поддерживалось влиянием польского языка.

Придаточные предложения с указанными союзами относились к тому же кругу глаголов (той же семантики), что и в старорусском языке. Здесь можно отметить лишь некоторые различия лексического характера. Так, в старобелорусских памятниках со значением побуждения, веления мог выступать не только изъяснительный глагол *сказать*, но и *росказать*, что было несвойственно старорусскому языку. Например: *росказал* нѣкоторому рицерови, *абы* ему лист зъ ѡныхъ дерев принеслъ (Александрия, с . 102); такожь и апостоломъ *росказалъ*, *абы* шли въ пусто мѣсто (Спис. пр. люторов, с. 153); *Росказалъ* тогды всим ѡнымъ грубого народу Краинам . . . *абы* ему послушны были (Ист. о Атыле, с. 179).

Интересен следующий пример: англом своим *роскажет* о тобе, *бы* тѧ стерегли (93б Псалт. XVI в.)[51], в котором глагол *росказать* выступает сразу в двух значениях: в изъяснительном — по отношению к объекту в главном предложении, с семантикой повеления, побуждения — по отношению к объекту, выраженному придаточным предложением.

Придаточные предложения, присоединяемые перечисленными выше союзами, не различались ни по значению, ни по структуре. Ср. следующие предложения (по одному с каждым союзом): Трыщан не хотѣл, *абы* его познали (Пов. о витязях, с. 62); а мы правдоу даемь *штобы* тобѣ чисто ѣхати в рать свою (Лет. Супр., л. 92 об.);

---

[51] Пример из кн.: Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 479.

и писа грамоту братоу своему . . . *иж бы* тои его жалости месть сотвориль (Лет. Увар., л. 27); и <он> за ся того невымовлялъ, *жебы* ку тому року ся не готовал (Литов. ст. 1529 г., с. 70); . . . одинъ отъ ученикъ Его просился, *дабы* прежде отца своего погреблъ (Спис. пр. люторов, с. 157); приказуемъ вамъ, *ажъ бы* есте служебъниковъ. . . въ землю Московъскую не посылали (Вил. гр. 1563 г. — РИБ, т. XXX, кн. 7, № 32); тобѣ говору вѣрою витезскою, *бы* ми еси того послал, хто бы ми ѡ тобе поведал (Пов. о витязях, с. 112).

Перечисленные союзы отличались лишь разной степенью употребительности. Расположим союзы в порядке убывающей частоты употребления: *абы*, *чтобы (штобы)*, *жебы*, *ижбы*, *ажбы*, *дабы*, *бы*.

Как видим, наиболее употребительным был союз *абы*. После изъяснительного союза *иж* он был самым распространенным союзом придаточных дополнительных в старобелорусских памятниках. Он употреблялся в памятниках различных жанров: А мѣщане и дворяне городскіе . . . били намъ чоломъ. . . *абыхмо* [52] имъ тоѣ присяги не откладали (Троцк. гр. 1456 г., или позже. — АЗР, т. I, № 60); Прото приказ8ем тоби, *абы* еси перед нами к8 прав8 стала (Брест. гр. 1544 г. — Arch. Sang., т. IV, № 320); он часто напоминати маетъ, *абы* права Божого и воли его светое пилне постерегали (Брест. гр. 1610 г. — АЮЗР, т. II, № 40); А про то приказуем, *абы* кождый з васъ таковые корчмы забиралъ (Литов. ст. 1529 г., с. 24); и братьѧ ее просили королѧ *абы* того переста(л) (Лет. Рачин., с. 289); На тое вси люди плакали, Богу Сотворителю молилися, *абы* таковыхъ своеволниковъ вечне выгладити рачилъ (Лет. Баркул., л. 166 об.); . . . намови(л) <кн҃зь> месща(н) Виле(н)ски(х) *абы* засѣли Ви(л)ню (Лет. Крас., л. 75 об.); просили его *абы* имъ правдивыи ѿповѣди далъ (Александрия, с. 24); . . . коли не хоче сн҃оу҃мои *а бы* оумерла с тобою (Страсти Христовы, л. 12); Но Сирахъ приводя и побужаетъ и показуетъ, *абы* предъ попы споведалися (Спис. пр. люторов, с. 115); . . . просилъ короля, *абы* не мелъ за зле (Дневн. Евлаш., с. 143—144); и казалъ имъ *абы* так на конь вседали у зброи яко и он (Ист. о Атыле, с. 216—217); ѡна велела тобѣ мовити, *абы* еси собрал своего воиска (Ист. о Гвид., с. 130); проси пана Трыщана, *абы* велел указати прыстанище (Пов. о витязях, с. 104).

Вторым по употребительности был восточнославянский союз *чтобы (штобы)*, унаследованный старобелорусским языком из древнерусского. Сфера его функционирования была несколько у́же, чем союза *абы*. Хотя он так же, как и союз *абы*, мог употребляться в памятниках как делового, так и художественного стиля, однако в ряде памятников художественной и полемической лите-

---

[52] В этом примере, как и в некоторых других, наблюдается согласованная глагольная форма, что свидетельствует об отглагольном происхождении союза.

ратуры он отсутствует (в Александрии, Списании против люторов, Истории о Атыле, Дневнике Евлашевского). Наиболее широко представлен данный союз в Страстях Христовых, примеры с ним находим во всех летописях, грамотах, Повести о витязях и Истории о Гвидоне: И тежъ приказуемъ тобѣ, *штобы* еси тую землю казалъ завести. . . (Вил. гр. 1522 г. — Археогр. сб., т. I, № 11); и мы ихъ милость ради того хотимъ, *штобы* ихъ милость к намъ ехали здорови (Полоцк. гр. 1476 г. — РЛА, № 264); и почнуть пытати кнзА великого Вито(в)та *штобы* с ними поговорили (Лет. Рачин., с. 251); а того по ни(х) не зна(л) и не верилъ *штобы* ѡни приеха(ли) горо(д) засести (Лет. Крас., л. 85); и кнзь великїи Йгаило ѳчне(т) просити великого кнзА Витовта *штобы* еси (ме)жи на(с) оуедналъ (Лет. Акад., л. 176 об. — 177); и ѡ(н) прислалъ къ кнзю Костентиноу... листы... просА его *штобы* к немѳ пріѣхалъ (Лет. Супр., л. 103 об.); и написалъ еси у своихъ листехъ *штобы*, намъ своими послы приказати (Лет. Баркул., л. 140 об.); прошоу ва премилостивыи староста *штобы* есте ми ѯпоустили мале слово говорити (Страсти Христовы, л. 19 об. — 20); не могу ехати а ни стерпети, *штобъ* мА несли (Пов. о витязях, с. 127); ꙗ хочу мовити тым людем, *штобы* ты был гетманомъ над сто конниками (Ист. о Гвид., с. 162).

Остальные союзы данного семантического ряда представлены в меньшем количестве и не во всех памятниках.

Посмотрим, как распределено по памятникам употребление изъяснительно-модальных союзов. Возможны различные сочетания — количественные и по составу компонентов. Только в Супрасльской летописи имеется один союз — *чтобы (штобы)*, а также в Александрии — *абы*. В остальных памятниках — от двух до пяти союзов. Наиболее часто в одном памятнике употреблялось три союза; так, в шести из исследованных нами памятников имеются следующие сочетания из трех союзов:

в одном памятнике { *абы*, *штобы*, *ижбы* }

в одном памятнике { *абы*, *ижбы*, *жебы* }

в двух памятниках { *абы*, *жебы*, *штобы* }

в двух памятниках { *штобы*, *дабы*, *ижбы* }

В четырех памятниках отмечено по два союза:

в одном памятнике { *абы*, *жебы* }

в одном памятнике { *абы*, *дабы* }

в двух памятниках { *абы*, *штобы* }

Наибольшее количество союзов имели грамоты (очевидно, это объясняется тем, что грамоты писались разными, очень многими при этом, лицами). Так, в грамотах XV и XVII вв. — по 4 союза: в грамотах XV в.: *штобы — абы — ажбы — бы*; в грамотах XVII в.; *штобы — абы — ижбы — жебы*. Наконец, в грамотах XVI в. и

в Повести о витязях отмечено по 5 союзов: в грамотах XVI в.: *абы — жебы — ижбы — ажбы — штобы*; в Повести о витязях: *абы — ижбы — штобы — жебы — бы*.

Итак, союзная синонимия представлена почти во всех памятниках, независимо от жанра, объема и времени написания. С точки зрения качественного состава союзов жанровой дифференциации не наблюдается — одни и те же союзы могли употребляться как в памятниках делового, так и художественного стиля [53]. С точки зрения количественного набора союзов в грамотах и в летописях употреблялось обычно (в среднем) большее количество союзов, чем в произведениях художественного стиля (исключение составляет Повесть о витязях).

Приведем некоторые примеры употребления нескольких изъяснительно-модальных союзов в одном памятнике:

абы, штобы — ѡна велела тобѣ мовити, *абы* еси собрал своего воиска (Ист. о Гвид., с. 130); хочу мовити тым людем, *штобы* ты был гетманомъ (Там же, с. 162);

абы, жебы — Люд хрестѧнскии с покорою падаючи до ног вашых просить, *абы* былъ ѡт вас горломъ дарован (Ист. о Атыле, с. 205); потом домниваючы сѧ, *жебы* и там Атылева сила досѧгнути мѣла (Там же, с. 213);

абы, штобы, ижбы — а кн҃зь великыи ѡгкаило... намовил месщан Виленских *абы* засѣли Вилню (Лет. Крас., л. 75 об.); цр҃ь Боулаклаи прислал пословъ своихъ до Великого кнзя Шварна *штобы* емꙋ выходы его даваль (Там же, л. 69); и писал листъ до брата своего до вѣликог кн҃зѧ Витовта *иж бы* на то его жалости помстил (Там же, л. 81);

абы, жебы, ижбы — А про то приказуем, *абы* кождый з васъ таковые корчмы забиралъ (Литов. ст. 1529 г., с. 24); и ему весть дати мает... *жебы* ку тому року сѧ не готовал (Там же, с. 70); а осмотрети того *ижбы* у оном имени за держанья его жадная ся шкода и спустошеня не стала (Там же, с. 75—76);

абы, штобы, жебы — князь Богданъ благоверный упросилъ, *абы* братия при немъ была (Лет. Баркул., л. 153); и написалъ еси у своихъ листехъ, *штобы* намъ своими послы приказати вси слова (Там же, л. 140 об.); послали есмо к тобе гонца... с листомъ, *жебы* ты а нашихъ пословъ з войскомъ почекалъ (Там же, л. 140—140 об.);

абы, штобы, жебы, ижбы — и братьѧ ее просили короля *абы* того перестал (Лет. Рачин., с. 289); и почнуть пытати кн҃зѧ великого Витовта *штобы* с ними поговорыли (Там же, с. 251); и намовилъ панов Виленскихъ *жебы* засѣли Вилню (Там же, с. 250); и писал до брата своего Витовта, *ижбы* на то помстил (Там же, с. 258).

[53] Исключение составляет союз *чтобы* (*штобы*). Как уже отмечалось, он отсутствует в нескольких памятниках художественной литературы.

Приведем примеры употребления пяти изъяснительно-модальных союзов в белорусских грамотах XVI в.:

абы, жебы, ижбы, ажбы, штобы и писалъ его милость до пана воеводы Троцкого, *абы* его милость казалъ обыскати три службы людей тяглыхъ (Берест. гр. 1518 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 30); въ томъ вашу милость напоминамъ, *жебы* то въ часъ отпровожено было (Ковалех. гр. 1564 г. — РИБ, т. XXX, кн. 7, № 77); и просилъ насъ *ижь быхмо* ему дали люди ѳ Слонимскомъ повѣте (Торун. гр. 1521 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 214); приказуемъ тобе, *ажъ бы* еси... до Варшавы ехалъ (Вил. гр. 1563 г. — РИБ, т. XXX, кн. 7, № 60); И тежъ приказуемъ тобѣ, *штобы* еси тую землю казалъ завести (Вил. гр. 1522 г. — Археогр. сб., т. I, № 11).

Как показывают наши наблюдения, из всех союзов данной семантической группы нет ни одного, который употреблялся бы во всех памятниках, в которых имеются изъяснительно-модальные союзы. В наибольшем количестве памятников наиболее частотный союз — *абы*. Однако и он отсутствует в трех памятниках. Следующий по употребительности — союз *штобы* — не отмечен в четырех памятниках. Некоторые союзы представлены в исследованном материале единичными примерами, например *бы*, *дабы* встречаются в двух-трех памятниках. Внутри памятника соотношение между союзами обычно соответствует общей пропорции в употреблении союзов, т. е. из набора нескольких союзов чаще употребляется наиболее частотный в целом союз. Однако возможны и отклонения от этой закономерности. Так, в Страстях Христовых союзы *абы* и *чтобы* (*штобы*) представлены в иных пропорциях: менее частотный союз *чтобы (штобы)* употребляется примерно в 17 раз чаще, чем союз *абы*, т. е. в основном употребляется *чтобы (штобы)*, *абы* представлен единичными примерами.

Как уже отмечалось, употребление союзов не связано с жанром памятника. Как видно, отсутствовала какая-либо стилистическая дифференциация между союзами и внутри одного памятника. Об этом говорят следующие примеры, в которых разные союзы употребляются в одном контексте: и прыказал <великии кнѧз Швинъгоргъ> сыну своему *жебы* по смерти его на том мѣстцу гдѣ бы его зъжогъ всихъ кнѧзеи Литовскихъ и знаменитых бояр сожъжено было и *штобы* вже нигдѣ инъде тѣла мертвых не были зъжены (Лет. Рачин., с. 234—234); Про то, *што бы* ваша милость росказалъ подданымъ тамошнимъ, *жебы* они, съ трехъ волокъ одного выбравши, выправили до Борисова съ тым житомъ (Ковалех. гр. 1564 г. — РИБ, т. XXX, кн. 7, № 77).

Отметим редкий случай грамматической тавтологии, когда модальность выражается двумя способами: с помощью союза *абы* и модальной частицы *бы*: такожъ призволяемъ, *абы* княжата... доброволно имѣли *бы* моць выѣхати зъ нашихъ земль (Вил. гр. 1457 г. — АЗР, т. I, № 61).

В современном белорусском литературном языке придаточное дополнительное с модальным оттенком побуждения, пожелания присоединяется к главному с помощью союза *каб* [54], который в рассматриваемых памятниках XV—XVIIвв. не зафиксирован и, как отмечает А. П. Груцо, образовался позднее из *как бы* [55]. Союз *штоб* сохранился в диалектах белорусского языка [56]. Как отмечает Е. Ф. Карский, «изредка в живой речи» употребляется союз *абы* [57]. Остальные союзы, нехарактерные для живого разговорного языка, с течением времени утратились.

Особенностью старобелорусского и староукраинского языков, отличавшей их от старорусского , было то, что изъяснительно-модальные союзы (*чтобы*, *абы*, *ижбы*, *жебы*, *бы)* могли употребляться при глаголах речи, мысли (в собственном лексическом значении, без значения повеления, просьбы) и при этом имели значение, тождественное изъяснительному союзу *что* или *что* с оттенком *будто*, *якобы*. Они употреблялись также при передаче чужой речи для выражения недостоверности, сомнительности того, о чем говорится в придаточном. Такие предложения немногочисленны, большую часть их находим в памятниках старобелорусского языка, единичные примеры — в староукраинских памятниках [58]. Следующие предложения имеют на месте обычного в таких случаях союза союз *штобы*: ст.-бел.: Коли король сполънил з Брагинею, не позналъ, *штобы* не Ижота (Пов. о витязях, с. 86); . . . шли к нему, внимаючи, *чтобы* мертв (Там же, с. 66); и не знал ъ жаден чвловекъ *штобы* то Галиѡт (Там же, с. 78); и ѡни не могли познати, *штобы* сѧ Трыщану нога у стрымени рушила (Там же, с. 96); и нихто не мог познати, *штобы* сѧ Трыщану а нога в стрымени рушыла (Там же, с. 113—114); ст.-укр.: овечки на пастыря жалуются, *што бы* пастыря мѣл на нихъ яко собѣ непослушныхъ жаловатися тобѣ (Переспорога, с. 221).

В приведенных примерах в ряде случаев *бы* воспринимается как глагольное — при отсутствии связки в именном сказуемом. Однако в старобелорусском языке возможны были подобные конструкции (с союзом *что*) и без связки. Ср. приведенные примеры со следующими: <Анъцолот> позналъ, *што* панъ Трыщан (Пов. о витязях, с. 98); и ѡна видела *што* тот мѣчъ (Там же, с. 39); королева знала, *што* тотъ щыт (Там же, с. 61). С другой стороны, употребление *бы* в качестве глагольной формы (аориста, сослагательного наклонения) к описываемому периоду в наших памятниках было утрачено, так что возможно рассматривать в данном

---

[54] «Граматыка беларускай мовы», стр. 599.
[55] А. П. Груца. Развіццё складназалежнага сказа ў беларускай мове, стр. 81.
[56] См.: «Нарысы па беларускай дыялекталогіі», стр. 357.
[57] Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 478.
[58] Это явление, общее двум языкам и более широко распространенное в памятниках старобелорусского языка, мы рассматриваем вместе в данном разделе.

случае *штобы* как союз. Контекст не позволяет трактовать *бы* и как частицу с сослагательным значением (ср. следующий пример: не вѣдали, *што бы* чынить (Ист. о Атыле, с. 174). Ср. приводимый А. А. Потебней пример из фольклора: «А и берет чернилицу золотую, Как бы в ней перо лебединое».

Относительно происхождения *бы* в союзе *как бы* А. А. Потебня отмечает, что «*бы* это вряд ли перешло через сослагательное и условное значение. Так как *быть* имело и изъявительное значение, то здесь — *как бы=как было*» [59].

Не имеет значения ирреальности и союз *штожъ бы* в следующих примерах (аналогичных приведенным выше): ст.-бел.: . . . жаловала намъ кнегини Настасья Слуцкая на мещан Житомирских . . . *штожъ бы* ѡни были ее люди (Троц. гр. 1507 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 44); жаловала намъ пани. . . о том, *штожъ бы* мужъ ее небожъчикъ пан Миха'ло взялъ къ свое' рꙋце ѿчину дете' ее (Городн. гр. 1507 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 48); ст.-укр.: а потом ты поведилъ перед нами, *штожъ бы* князь Тимоѳей Капуста многіи земли наши забрал (Брасл. гр. 1498 г. — РИБ, т. XXVII, кн. 5, № 216).

Со значением, близким к значению союза *что*, могли употребляться союзы *абы*, *ижбы*. В основном это наблюдается в исследованном материале в двух случаях: 1) при глаголах мысли — *мнимать*, *помыслить*; 2) при глаголах речи — только при передаче чужой речи.

1) Придаточные предложения при глаголах мысли:

С союзом *ижбы*: ст.-бел.: Бова мнимал, *иж бы* тые лвы зъели Дружненну и дѣти (Ист. о Гвид., с. 161); Витезь Бово внималъ, *иж бы* то корол Арменил (Там же, с. 143—144); Тые витези . . . мнимали, *иж бы* нихто так цудне не мог играти ꙗкъ тая панна (Пов. о витязях, с. 114—115); а челед, жонки и дети в ставꙋ(!), ледве алиж перед ними позбывали и топили сѧ, мнимаючи, *ижбы* татарове мели были (Брест. гр. 1544 г. — Arch. Sang., IV, № 138).

С союзом *абы*: И Трыщан помыслилъ, *абы* то не Анцолотъ (Пов. о витязях, с. 81); <Королевна> ни сѧ домышляла, *абы* был ꙗд в ране (Пов. о витязях, с. 25); А в том пан Анцолотъ прыехалъ у зброи и мнималъ, *абы* то его ждал Смердодугии поганинъ (Там же, с. 118); ст.-укр.: разумѣють, *абы* был такій тыхъ словъ Христовыхъ сенсъ (Палин. Копыст., с. 387).

В этих предложениях возможно видеть оттенок предположительности, что обусловлено семантикой опорного слова в главном предложении.

2) Придаточные предложения с союзами *ижбы* и *абы* без значения побудительности и желательности отмечены также в конструкциях, передающих чужую речь. В основном они наблюдаются

---

[59] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941, стр. 219.

в грамотах, имеются единичные случаи в художественной литературе. Приведем примеры:

с союзом *ижбы*: ст.-бел.: И тежь повѣдила передъ нами кн҃гиня Ивановаѧ *ижъ бы*... тое именье Дѫдоковичи достался сыну ее (Меньск. гр. 1520 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 155); Ино повѣдили передъ нами князь Василей и князь Иванъ: *ижь бы* ѡни судьи свои были побрали (Там же); и повѣдалъ, *ижъ бы* вжо ѿ сорока летъ въ него мешкали (Задвий. гр. 1515 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 188); азь(ж) того не свемь зане(ж) бехь тогды мла(д) но неции мовѧть. *иж бы* тот ѳома даль кн҃зю Скиргаилоу зелие ѡтравное пити (Лет. Увар., л. 30); и поведилъ, *ижь бы* не ѡнъ былъ наместникомъ (Негневич. гр. 1520 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 133); А кн҃гиня Ивановаѧ также передъ нами мовила: *ижь бы* ѡна съ своее рѫки судьи побрала была (Меньск. гр. 1520 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 155);

с союзом *абы*: ст.-бел.: Жаловал онъ на мене..., повѣдаючи, *а бы* братъ мой небожчик Станиславъ заставилъ ему чл҃вка своего (Вил. гр. 1514 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 105); ... поведаеть, *абыхмо* его были ѡчичи (Вил гр. 1514 г. — Литов. метр., т. I, кн. I, № 114); ... идучи на шибеницу волал, *абы* они тую реч весполокъ съ ним крали (Литов. ст. 1529 г., с. 106); рицере мовили, *абы* был крижован, а дрѫгие *абы* был стѧт, некоторые тежъ *абы* был спален (Александрия, с. 58); ст. -укр.: у другомъ листѣ господарь и у том своемъ росказуе, *абы* тое архимандрыцство манастырь Печерскій и уси добра его митрополита увезал (Киев. гр. 1597 г.— АЮЗР, т. II, № 163); не мовит Василий Великій, *абы* только самого Петра пастыремъ Христосъ учинилъ (Палин. Копыст., 439).

В приведенных примерах союзы *абы*, *ижбы* имеют значение, близкое союзу *якобы*.

Возможность совпадения значений этих союзов можно проиллюстрировать следующим примером, в котором в одном контексте употребляются союзы *ижбы* и *якобы* с одним значением: и показуютъ оны, *ижьбы* папа Ромскій старшій надъ всѣми патріархами быти мѣлъ, а потомъ *яко бы* ся патріархове отъ него оторвати мѣли (Переспорога, с. 204).

Значение недостоверности, сомнительности того, о чем говорится в придаточном, ярко выражено в следующих примерах, где в предложении, следующем за придаточным, отрицается истинность (соответствие действительности) информации, заключенной в придаточном: ст.-бел.: Глаголють лютори у Катихисисе ихъ, *ижъ бы* Костянтинъ царъ зъ матерію своею Ириною иконъ много вымыслили, и за то карность и трудность приняли, и зъ царства своего прогнани: *то не есть такъ по ихъ мовеню* (Списание пр. люторов, с. 57); ст.-укр.: Которыи деи земли кн҃азь Кошерский на мне жалѫеть, *ижбых* ѡт ымен҃а его Вербичова в небытности его ѡтехал, и дей тых земль его Вербичовских *николи не* ѡтеждчал (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 80); или подвергается сомнению:

ст. -укр.: Пишетъ, *абы* Сѵлвестръ головою надъ чотырма патріархами былъ. *То як правда*? (Палин. Копыст., с. 324).

Заметим, что в приведенных выше примерах союз *ижбы* употребляется в конструкциях, передающих чужую речь.

Наконец, в старобелорусских и староукраинских памятниках имеются единичные случаи употребления союзов *бы*, *жебы* в изъяснительном значении при передаче чужой речи:

с союзом *бы*: ст.-бел.: А иные поведают рекучы *бы* тот Рынкголт прышедшы з оного побоища до Новагородка и был ѯ Новегородцы, и ꙗкобы мѣл ѯродити трехъ сынов (Лет. Рачин., с. 234) [60]; ты мнѣ рекъ, *быхъ* ѣ видел нацуднеишую панну (Пов. о витязях, с. 95); также пакъ тые Бастуни нинѣчы в нихъ тыхъ людей оттягивали рекучи, *бы* в нихъ тые люди Витовтъ еще отнялъ (Западнорусск. гр. 1444 г. — АЮЗР, т. I, № 22 1); ст.-укр.: приведемо въ посредок и увидмо, *бы* снать коли не отпали. неже бымъ вонтпилъ, мовлю то (Палин. Копыст., с. 342—343);

с союзом *жебы*: ст.-бел.: Сабэльлик поведаеть *жебы* Атыл мѣлъ умереть року вѣку своего пѧтьдесѧт шестого (Ист. о Атыле, с. 222); ст.-укр.: Почому жъ теды мы, противъ ясному писму святому, маемъ вѣрити тому, *же бы* Петръ святый, покинувши овечки своѣ властные, въ чужіе которые иному поручены, втручатися мѣлъ? (Пересторога, с. 231); Толко о том хвалячийся да хвалится, *жебы* мене познати могл угождением мнѣ (Виш., Книжка, с. 18).

Таким образом, в языке старобелорусских и староукраинских памятников отсутствовала четкая дифференциация между модально-изъяснительными и изъяснительными союзами, с одной стороны, а также четкое разграничение между значениями союзов *ижбы*, *жебы*, *штобы*, *абы*, *бы* и союза *якобы*. Аналогичное явление наблюдалось и в старопольском языке XVI в. [61], влиянием которого можно объяснить данные особенности употребления союзов в старобелорусском и староукраинском языках. Использование модально-изъяснительных союзов вместо изъяснительных при передаче косвенной речи в старопольском языке О. Б. Ткаченко объясняет влиянием латинского синтаксиса, требовавшего употребления конъюнктива при передаче косвенной речи [62].

В староукраинском и старобелорусском языках в функции изъяснительных союзов употреблялись не только союзы *ижбы*, *жебы*, *бы*, но и союз *чтобы*, отсутствующий в польском языке. Очевидно, данное значение союза *чтобы*, неизвестное древнерусскому и старорусскому языку, развилось по аналогии с употреблением союзов *ижбы*, *жебы*, *бы*. Отметим также, что если в старопольком языке, как указывает О. Б. Ткаченко, модально-изъяснительные союзы употреблялись в функции изъяснительных только при передаче

---

[60] Ср. равнозначное употребление в одном контексте союзов *бы* и *якобы*.

[61] См.: О. Б. Ткаченко. Очерк истории изъяснительных союзов в польском литературном языке (автореф. канд. дисс.). Киев, 1954, стр. 12—15.

[62] Там же, стр. 14.

косвенной речи, то в исследованных материалах возможны случаи их употребления и при глаголах со значением мысли, а также некоторых других (см. приведенные выше примеры).

Придаточные предложения со значением косвенного вопроса оформлялись в старобелорусских памятниках с помощью вопросительной частицы *ли*, стоящей обычно на втором месте после логически выделяемого слова (которым чаще всего является глагол): И мы ешчо надто пытали звера: мает(ь) *ли* на то которы' доводъ (Троц. гр. 1507 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 44); Поведаи же ми, ты *ли* носилъ бѣлую зброю (Пов. о витязях, с. 38); Не вѣм, маеть *ли* дружыну або не маеть (Там же, с. 49); хочу сѧ доведати, хочет *ли* своего бога ѡставить вѣру (Ист. о Гвид., с. 146); . . . хотя увѣдати— истинна *ли* суть (Спис. пр. люторов, с. 127); а кажите нам правда *ли* то оусе (Страсти Христовы, л. 35 об.).

Подобные конструкции употреблялись в старобелорусских памятниках гораздо реже (примерно в 2.5 раза), чем в старорусских. Это объясняется, очевидно, тем, что наряду с вопросительной частицей *ли* в старобелорусской письменности в косвенно-вопросительных предложениях в той же функции выступал союз *если* (*естли*): ѣ де' того не ведаю, *естли* тыи имен(ь)ѣ выходили зъ моцы ѡца нашого (Город. гр. 1522 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 343); И не вѣм, *если* с тых ран выздоровелъ, або так так вмеръ (Пов. о витязях, с. 128); не вѣмъ, *если* ты будеш его, або моѣ (Там же, с. 97—98); але не вемъ, если ѡн похочеть (Ист. о Гвид., с. 142); але не вѣмъ, *если* Бово усхочеть (Там же, с. 156); почал собѣ розмышлѧть *если* мѣл з воиском тѧгнути до Рыму (Там же, с. 218).

Союз *если* мог сочетаться с условной частицей *бы*, что, как отмечает А. П. Груцо, «способствовало ослаблению вопросительного значения его и оформлению как условного союза» [63]: пытал его птоломе', *еслибы* што з того хотѣл ѯчини' (Александрия, с. 109); почал в свое' се'рдцѯ мысли', *еслибы* се з звите'ство' до македонѣи вороти' (Там же, с. 106); маете ль вы доводъ на то, *естли* бы есте люди вольныи, похожии, не ѯчичи его? (Вил. гр. 1514 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 114).

Косвенно-вопросительные конструкции с *если* и *если бы* известны и польской письменности того периода. Первые случаи употребления *если* (=*ли*) отмечены в польских памятниках конца XVI в.[64] В исследованных нами белорусских памятниках такие конструкции имеют место уже в грамотах начала XVI в. (см. приведенные выше примеры).

В современном белорусском языке употребление *ли*, *если* в косвенном вопросе утрачено. В качестве вопросительной частицы в этих случаях употребляется частица *ці*, появление кото-

---

[63] А. П. Груцо. Развитие сложноподчиненного предложения в белорусском языке (автореф. докт. дисс.). Минск, 1968, стр. 14.
[64] См.: М. Кубик. Указ. соч., стр. 208.

рой относится к периоду формирования языка белорусской нации [65].

Употребление соотносительных слов в памятниках старобелорусского языка в основном не отличалось от старорусских памятников. В качестве коррелята обычно выступало указательное местоимение *то*, которое чаще всего стояло в середине предложения. Приведем некоторые примеры: самь *то* знаю, *ижъ* десятина была давана (Берест. гр. 1511 г. — Литов. метр., т. I, кн. II, № 144); Трыщан *то* виделъ *иж* ѡн ѡт великого серца не хочеть подати сѧ (Пов. о витязях, с. 65); Мы *то* прыимуем, *иж* корол ѡрлендэискии прав (Там же, с. 66); И *то* ѕслыша(в)шы кнꙗзь велики(и) Витовтъ, *и(ж)* Прусы и Нѣмцы до Вилни тѧгнуть (Лет. Рачин., с. 250); оувидевши *то* маріа матка милосердыꙗ *иже* оу своего единородного сна не была выслоухана (Страсти Христовы, л. 3 об.); давномъ я *то* видалъ, *же* Ляхи и Литва Королевские (Дневн. Евлаш., с. 132).

Несколько реже соотносительное слово выступало в конце предложения и совсем редко — в начале: Приказѣмы те* *то*, *абы* ѡт того места. . . дорога была ꙗвна (Александрия, с. 74); виделъ *то*, *ижъ* киотъ слонится зъ воза (Списание пр. лютеров, с. 117); . . .не вѣдаете-ль вы *того*, *што* часто сѧ прыгожает межы мужыков и невѣст? (Пов. о витязях, с. 43); *то* певно вѣдаите *иже* не имаеть быти вѣрено ни ѡдно слово чоужи* люде* (Страсти Христовы, л. 36); Про *то* мы, стерегучи, *абы* за таковою недбалостью вашою омешкан(ь)е . . . въ речи посполитой. . . не стало (Воин. гр. 1566г.— РИБ, т. XXX, кн. 7, № 107).

Кроме местоимения *то* в старобелорусских памятниках в качестве коррелята изредка употреблялось *тое*: и слыша(л) <кнꙗзь> *тое*, *што* иде(т) на не(г) Ски(р)га(и)ло (Лет. Рачин., с. 255); и (в)зна(л) *тое* кнꙗзь Ски(р)га(и)ло, *и(ж)* не могу(т) проти(в) Вито(в)ту стоѧти (Там же, с. 256); бо знал *тое*, *иж* ѡна не можетъ за лепшого поити рыцэра над нею (Пов. о витязях, с. 38); *тое* тэжъ прыдали, *же* мѣлъ гетманъ непрыѧтельскии в тои битве полечы (Ист. о Атыле, с. 188).

Местоимение *се* в качестве коррелята представлено единичными примерами: слышавъ же *се* Володимеръ в Новигороде ꙗко Ꙗрополкъ оубилъ есть ѡлга (Лет. Супр., л. 11); Панъ Василий Зенковичъ зналъ *се*, *же* се о то старалъ (Дневн. Евлаш., с. 155).

Характерным признаком структуры сложного предложения с союзным придаточным дополнительным в старобелорусских памятниках (как и в старорусских) является постоянное место придаточного — расположение его после главного предложения. Обычно оно стоит непосредственно после главной части, в редких случаях отделено от нее другим придаточным, например: а ѡн всѧким способом хочет сѧ ѡто старати, если собѣ не хочет ни в чом винен зостат, *абы* за его справою стародавных продковъ своихъ

[65] А. П. Г р у ц а. Развіццё складназалежнага сказа ў беларускай мове, стр. 79.

крывдъ за помочю божю помстил сѧ (Ист. о Атыле, с. 186); И листъ свой вызнаный на то имъ далъ, какъ же панъ Миколай ѡ томъ и до мене писалъ въ листе своемъ, *штож(ъ)* ихъ четырьма сты копами переедналъ (Слоним. гр. 1519 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 77); Видячи ихъ алеѣа^{н}деръ во^{нт}пливы^{х} приказа^{х} сторожо^{м} котории бы^{л}ло вели *абы* пе^{р}вей переходили (Александрия, с. 57).

СТАРОУКРАИНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

В исследованных нами памятниках староукраинского языка придаточные дополнительные предложения могли иметь следующие изъяснительные союзы: *иж*, *иже* [66], *же*, *что* (или *що*), *яко*, *як*, *оже*, *аже*. Данные союзы были семантическими дублетами. Предложения, присоединяемые ими, как и в старобелорусском языке, были одинаковы как по семантике, так и по структуре. Ср. следующие предложения с каждым из союзов ряда: «І видѣлъ Бог, *ижъ* осквернилася земля передъ Богом, и сплюгавило всякое тѣло дорогу свою» (Отв. клирика Острож., с. 387); я тобѣ мовлю, *же* ты естесь Петръ (Палин. Копыст., с. 348); Жаловал намъ кнѧзь Василий Михайлович Ковелский ѡ том, *што* есмо присѫдили вамъ имѣне Грѫшовое (Львов. гр. 1524 г. — Arch. Sang., т. III, № 279); Нынѣ же мы воспомянухом, *яко* сей сирамах бѣ от нашего града рождением (Виш., Книжка, с. 127); «Упразнитеся и разумѣите, *як* аз есмь бог» (Виш., Позорище); <свѣдчю то> *ѡже* оузѧлъ есмъ оу пана Ивашка сто купъ (Львов. гр. 1421 г. — Укр. гр., № 50); <знаемо чинимъ> *аже* даемъ и дали есмы нашю коръчму на имѧ Вербѧжь (Медык. гр. 1407 г. — Укр. гр., № 39).

Как видим, рассматриваемый нами староукраинский материал обнаруживает меньшее количество изъяснительных союзов, чем старобелорусский. Наиболее употребительным союзом, как и в старобелорусском, был союз *иж*. Он представлен достаточно широко почти во всех памятниках, кроме Галицко-Волынской (Ипатьевской) летописи, Интермедий к драме Гаватовича и Виршей Саковича: И они поведили передъ нами, *ижъ* въ томъ Лапошы не было ни людей, а ни пашъное земли (Брасл. гр. 1498 г. — РИБ, т. XXVII, кн. 5, № 216); а Федор Бокей также своих светковъ поставилъ, поведаючи, *иж* ѡн тыи земли держить (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 80); чиню ведомо тим моим листом, *иж* по прошению мещан. . . позволяем им цех свой особливый иметь (Укр. гр. 1636 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 103); и ознаймили отцу своему, *ижъ* былъ ту человѣк божій (Отв. Клир. Острож., с. 395); Отповѣдаемо съ Кипріаномъ святымъ, *ижъ* тым же были другіе апостолове (Там же, с. 416); И жаловали, *ижъ* его спотыкали (Ист. о Флор. соборе, с. 440); вѣдаете, *иж* княжата народомъ господствуютъ ними (Палин. Копыст., с. 462); оный

[66] Союз *иже* представлен только в грамотах XV в. (наряду с *иж*).

староста Шаргородскій далъ гетманови знати, *ижь* мѣлъ поймати шпѣга воеводы Кіевского (Пересторога, с. 216); Розгни книги совѣстные и узриши, *иж* во уготованных чину не коснел (Виш., Послание Домникии, с. 165); Албо не знаеш, *иж* инок перед тыми бегает? (Виш., Книжка, с. 36); то видиш, *ижъ* тая хула на отшедших во пустыню или в горы не Златоустого есть (Виш., Позорище, с. 214); знать, *иж* богу кланялъся (Хронология Рымши); албо тиж и тое знаю, *иж* девять хоров аггелов бог мает (Сл. о збур. пекла).

Несколько реже представлены в нашем материале конструкции с союзом *же*. Они также встречаются в большинстве памятников, однако в меньшем количестве, чем предложения с союзом *иж*. Приведем некоторые примеры: І ми розуміем, *же* для нас того не учините (Укр. гр. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 147); . . . довѣдалъ, *же* стр вже ваши милости особы певные рачили становить въ Дубнѣ (Влад. гр. 1595 г. — АЗР, т. IV, № 72); Оттолѣ судимо, *же* Петръ святый Римскоѣ столицы властнымъ епископомъ не былъ (Пересторога, с. 231); Вѣдали, *же* естъ поволани отъ Духа святого (Отв. Клир. Острож., с. 423—424); . . . послалъ до папы, або наветъ до своихъ, ознаймую, *же* жив быти не может? (Ист. о Флор. соборе, с. 466); Але вѣм, *же* тое знаеш и ты (Виш., Книжка, с. 34); Выразными словы мовитъ сей святый, *же* Павелъ апостолъ и честію ровный былъ Петрови (Палин. Копыст., с. 459); Знаю я, *же* есть бог в небѣ (Сл. о збур. пекла); Слушне о том гетманѣ каждый держат може, *же* был правый гетман (Вирши Саковича).

Как предполагают исследователи, употребление в староукраинских памятниках союзов *иж* и *же* могло поддерживаться влиянием польского языка [67].

Унаследованный из древнерусского языка союз *что* встречается в староукраинской письменности реже, чем союз *же*. Наибольшее количество примеров с союзом *что* дают грамоты [68]. В художественной и религиозно-полемической литературе он нередко отсутствует, например в «Палинодии» Копыстенского, в Истории о Флорентийском соборе. Единичными примерами представлен этот союз в «Перестороге» Борецкого и «Книжке» И. Вишенского. В целом союз *что* употреблялся в староукраинских памятниках реже, чем в старобелорусских [69]. Приведем некоторые примеры: Жаловал намъ кнѧзь Василей Михайлович Ковелский ѡ том, *што* есмо

[67] См.: Л. А. Булаховский. З історичних коментаріїв до української мови. Сполучники і сполучні групи (речéння). Синтаксичні особливості при них. «Наукові записки Київського державного університету», 1946, т. V, вип. 2, стр. 40—41; О. П. Безпалько. Нариси з історичного синтаксису української мови. Київ, 1960, стр. 188.

[68] О широком распространении союза *что* в деловой письменности см. также: Т. С. Ярмоленко. Сложноподчиненное предложение в памятниках деловой украинской письменности XVI в. (автореф. канд. дисс.). Київ, 1955, стр. 14.

[69] Возможно, это объясняется тем, что мы располагаем меньшим объемом материала деловой письменности в староукраинском языке по сравнению со старобелорусским, а союз *что* наиболее часто употреблялся в деловой письменности.

присѫдили вамъ имѣне Грушовое (Львов. гр. 1524 г. — Arch. Sang., т. III, № 279); и то зрозумѣли, *штожъ* имъ розъѣздъ былъ (Острож. гр. XVI в. — АЮЗР, т. II, № 126)[70]; ѡзнаймуемъ симъ нашимъ листомъ: *што* позывал перед нас листы нашими позовными маршалок нашъ, князь Андрей Михайлович Кошерский (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 84); тогде воитекъ положи[л] листь па[н] тернавского *што жь* пани ядвига хмелевая. . . уздала пол села сулимова. . . по своеи дочери (Львов. гр. 1412 г. — Укр. гр., № 44); и слышал де он в том городе Чигирине, что . . . Хмельницкой. . . пойдет ныне с черкасы и с татары в Польшу (Укр. гр. 1649 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 78); Мнимаю, *што* тя омылит тая надѣя (Виш., Книжка, с. 29); пытати его будем, *что* немыслно бает (Виш., Позорище, с. 216); писалъ есмь о моихъ потребахъ. . . *што* иначей у моемъ листе не знайдется (Переторога, с. 218).

Остальные союзы отличались различной степенью употребительности. Союз *аже* имеет в исследованном материале единичные примеры. Союз *оже* (кроме одного примера в грамотах XV в.) широко представлен лишь в одном памятнике — Галицко-Волынской летописи. Следует заметить, что эта летопись стоит особняком в исследованных нами староукраинских памятниках. По употреблению союзов она сближается с древнерусскими летописями: в ней основные союзы *яко* и *оже* (при отсутствии *иж* и *же*). Кроме Галицко-Волынской летописи, где союз *яко* представлен очень широко, данный союз по нашим наблюдениям господствовал лишь в произведениях одного автора — И. Вишенского. В большинстве же памятников он не отмечен совсем или представлен единичными примерами. Поэтому, несмотря на его количественное преобладание над союзом *что*, следует, очевидно, считать, что союз *что* более свойствен языку староукраинской письменности, так как его употребление распределено по памятникам более равномерно— он имеется в большинстве памятников, правда, в каждом из них примеры немногочисленны.

Приведем примеры с союзом *яко*: Данилъ видивъ ꙗко крѣпцѣиши брань належить (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 253); невѣрнии же вси на помощь емоу идѧхоу мнѧщесѧ ꙗко вѣрни суть (Там же, л. 258 об.); нынѣ же клѧтвою кленоу ти. ꙗко николи же вражды с тобою не имамъ имѣти (Там же, л. 264); вѣдаю, ꙗко о честь папину и королевскую не дбали бысте (Виш., Книжка, с. 57); зане глаголаху вам, *яко* в послѣднее время будут ругателе (Там же, с. 122); Але зас речеши, яко зло житие мают иноки (Там же, с. 37); Занежъ не видишъ, *яко* Павелъ в весь свѣтъ навернулъ (Палин. Копыст., с 443).

Большинство случаев с союзом *як* находим также в произ-

[70] Как показывает данный пример, союз *что* мог употребляться в староукраинских памятниках с частицей *жь*. Такие случаи в грамотах весьма часты.

ведениях полемической литературы И. Вишенского, язык которых представляет своеобразный синтез книжного церковнославянского языка с живой народной украинской речью. Приведем несколько примеров:

Видите ли, *як* вы бога отверглися есте! (Виш., Книжка, с. 62); или не вѣдаеш *як*, в том житии . . . еще ни во снѣ тобѣ о том приснится не может? (Там же, с. 31); «Упразнитеся и разумейтѣ, *як* аз есмь бог» (Виш., Позорище, с. 219); Видиши ли, госпоже Домникие, *як* пан Юрко не вѣсть нашего слѣда (Виш., Послание Домникии, с. 162).

Посмотрим, как распределены по памятникам изъяснительные союзы. По одному союзу имеют лишь Хронология Рымши — *иж* и Интермедии к драме Я. Гаватовича — *що*. В остальных памятниках — в основном по 2—3 союза.

Наиболее распространенными сочетаниями союзов были *иж—же* и *иж—же—что*. Возможны были и такие сочетания союзов в одном памятнике, как *иж—что—яко*, *иж— что—як*, *же—як*. Наибольшее количество изъяснительных союзов отмечено в грамотах XV в. (5 союзов)—*иже—что—аже—аж—оже—яко*, и в «Книжке» И. Вишенского (5 союзов)—*иже—что—яко—як—же*. Как видим, союзная синонимия представлена по памятникам несколько слабее, чем в старобелорусском языке.

Приведем примеры употребления наиболее распространенных сочетаний союзов в одном памятнике — *иж — же*: И еще той же мовитъ, *ижъ* апостолъ Павелъ надъ всѣхъ наболшъ ласки принялъ (Палин. Копыст., с. 454); я тобѣ мовлю, *ижъ* ты естесь Петръ (Там же, с. 514); Нехай не мовитъ, *же* я самъ единъ голова (Там же, с. 491); . . . мовитъ, *же* нихто одной стѣны збудовать не можетъ (Там же, с. 38); повѣдаютъ, *ижъ* и тестаментъ на згоду учиненный при нем по смерти знайдено (Пересторога, с. 223); . . . повѣдаючи ему, «иж на ласку княжати пана воеводы Кіевского спущатися не безпечно» (Там же, с. 211); оповѣдали, *же* жадноѣ згоды не учинили (Там же, с. 214—215); на то оны. . . повѣдали, *же* и до Кракова не ѣдутъ (Там же, с. 212).

Отметим, что во всех приведенных примерах придаточные предложения с синонимичными союзами *иж* и *же* употребляются в одном памятнике при одних и тех же глаголах. Наиболее ярким подтверждением синонимичности этих союзов, возможности их взаимозаменяемости без изменения семантики и структуры предложения, а также иллюстрацией их стилистической нейтральности является употребление двух союзов в одном контексте:. . . отповѣдаю: *ижъ* не мовитъ Василій Великій, абы толко самого Петра пастыремъ Христосъ учинилъ, и овшемъ тамъже заразъ то выразными словами твердитъ, *же* всѣмъ апостоломъ туюжъ пастырства владзу далъ (Палин. Копыст., с. 439); Але протосинкгелъ маючи росказанье патріаршее на баченью и то, *же* тымъ убезпечилъ князя Острозского, *иж* и тую справу духовную отправовати мѣлъ (Пересторога, с. 213).

В украинских грамотах XVI—XVII вв. употреблялось сочетание союзов *иж—что—же*. Приведем примеры (по одному на каждый союз): из грамот XVI в.: Ино кнѧзь Андрей поведил, *иж* то сѳ̀ть земли имена его Вербичовского (Львов. гр. 1537. — Arch. Sang., т. IV, № 80); и онъ повѣдилъ передъ нами, *што* жъ многіи люди хотѣли ся въ насъ подъ нимъ того двора и людей подпрохивати (Львов. гр. 1509 г. — АЮЗР, т. I, № 50); . . . поведаю *же* того добре сведомъ (Южнорусск. гр. 1561 г. — Палеогр. изб., № 23); из грамот XVII в.: чиню ведомо тим моим листом, *иж* по прошению мещан. . . позволяем им цех свой особливый иметь (Укр. гр. 1636 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 103); и слышал де он в том городе Чигирине, *что* после ево, Ивана, вскоре он, Хмельницкой. . . пойдет ныне с черкасы и с татары в Польшу (Укр. гр. 1649 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 78); і ми розуміем, *же* для нас того не учините (Укр. гр. 1650 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 147).

Приведем примеры других сочетаний союзов в одном памятнике: *иж — что — як*: То видиш, *ижь* тая хула на отшедших во пустыню или в горы не Златоустого есть (Виш., Позорище, с. 214); албо пытати его будем, *что* несмыслно бает (Там же, с. 216); «Упразнитеся и разумѣитѣ, *як* азъ есмь бог» (Там же, с. 219); *же — як*: Слушне о том гетманѣ каждый держат може, *же* был правый гетман (Вирши Саковича); в войску Запорозком каждый может знати, *як* оно ойчизнѣ есть потребно (Там же).

В количественном распределении союзов внутри одного памятника наблюдаются резкие колебания от памятника к памятнику. Ни в одном из памятников не отмечено преобладания союза *что*. В одних памятниках значительно преобладает союз *иж* (по сравнению с употреблением союза *же*), например, в грамотах XV в. (соотношение *иж* : *же* примерно 7 : 1); в других, например в «Перестороге» И. Борецкого, более часто употребляется союз *же* — примерно в 1,5 чаще, чем *иж*, а в «Палинодии» Копыстенского *же* употребляется почти в 2 раза чаще, чем *иж*. В «Книжке» И. Вишенского — произведении, обильно насыщенном богословской тематикой, — наиболее употребителен союз *яко*, *иж* — почти вдвое меньше, а *же* употреблено всего один раз. Такие резкие колебания в употреблении союзов, в предпочтительности выбора пишущим того или иного союза в качестве основного выразителя объектных отношений (из имеющихся в языке синонимичных союзов) говорят, очевидно, о том, что еще не осуществился окончательно отбор определенной ограниченной группы союзов из числа имеющихся в письменном языке XV—XVII вв. Как показывает материал, выбор союза был связан в основном с авторством, с индивидуальными навыками пишущего [71].

---

[71] К аналогичному выводу (рассматривая иной материал) приходит У. Я. Едлинская (см.: У. Я. Едлинська. Питання історичногт синтаксису української мови. Київ, 1961, стр. 79).

Колебания в использовании различных по происхождению союзов видны также в том случае, когда в одном контексте находим польский союз *иж* и восточнославянский *что*: Але я тому барзо позавидѣл . . . *иж* божию заповѣд преступили. — На тое-м привѣл, *что* изгрѣшили (Сл. о зубр. пекла).

Еще более наглядны они там, где имеет место контаминация этих союзов — *иж что*: <ѡзна′ муем> *иж что* наместникъ нашъ кѯзмински′ панꙗ Витунски′ сыплючи став наклада нашое гдрьство (Киев. гр. 1571 г. — Палеогр. изб., № 15); <вчинили есмо вмову. . .> *иж штос* дотычет припозванѧ пана Сенютича позвы кнѧзѧ старосты Его Милости Лѯцкого (Луцк. гр. 1544 г. — Arch. Sang., т. IV, № 304). В этих примерах возможно видеть отражение начавшегося процесса замены книжных союзов *иж*, *же* восточнославянским (народным) *что*.

В этот же период начинает проникать в письменный язык из разговорной украинской речи союз *що*. Единичные примеры находим в произведениях художественной литературы, язык которых близок к народной разговорной речи: И знаю, *що* бог Адама создал от землѣ (Сл. о збур. пекла); Не маю кім осьвядчити, *щось* сьмел то на мене вложити! (Инт. Гаватовича).

Дальнейшее развитие языка шло по пути утраты иноязычных союзов и все более широкого употребления свойственного разговорной украинской речи союза *що* [72], который в современном украинском литературном языке становится нормой — самым употребительным изъяснительным союзом [73]. Сохранился также в украинском языке союз *як*, употреблявшийся в памятниках XV—XVII вв. Остальные союзы (из числа бытовавших в XV—XVII вв.) в последующем развитии языка были утрачены. Некоторые из них сохранились в говорах. Так, например, союз *что* известен закарпатским говорам [74]. Рефлексами союзов *оже*, *аже* являются известные западноукраинским говорам союзы *ож* и *аж* [75].

Характерной особенностью придаточных дополнительных предложений с изъяснительными союзами (известной также, как уже отмечалось выше, старорусскому и старобелорусскому языкам) является относительное употребление форм времени в придаточном предложении. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих вышесказанное: вѣдали до себе, же *маютъ* моцъ — недужныхъ уздоровляти, прокаженныхъ очищати (Отв. клир. Ост-

---

[72] Об этом, в частности, говорит наличие в памятниках XVII—XVIII вв. контаминированных союзов *иж що*, *же що*. См. примеры: Д. Д. Герасименко. Развитие гипотактических конструкций в различных жанрах украинского литературного языка (автореф. канд. дисс.). Киев, 1968, стр. 11.

[73] См.: Курс сучасної української літературної мови, т. II. Синтаксис. Київ, 1951, стр. 207.

[74] См.: О. Я. Петренко. Нариси з історії гіпотаксичних сполучників в українській мові. «Мовознавство», т. XII, 1953, стр. 63.

[75] О. П. Безпалько. Указ. соч., стр. 187.

рож., с. 424); Тутъ явне Дамаскинъ *выразилъ*, иж «и отъ Сына» Духъ святый не *походитъ* (Ист. о Флор. соборе, с. 453); Тамъ кгды ихъ княжа упоминалъ и листы митрополитовы и иншихъ владыковъ *показывалъ*, же оны вси о томъ *не вѣдаютъ* (Пересторога, с. 212); Перво *изрек* Златоусты, иж священником, вождем и наставником многих быти *не может* (Виш., Позорище, с. 212); На то оны оба-два *повѣдали*, же и до Кракова не *ѣдутъ* и о томъ не *мыслятъ* (Пересторога, с. 212).

В староукраинских памятниках употреблялись в основном изъяснительно-модальные союзы, отмеченные в старобелорусских: *абы*, *чтобы* (или *щоби*), *жебы*, *ижбы*, *дабы*, *бы*. Приведем примеры придаточных предложений с каждым из перечисленных союзов: Упоминалъ и просилъ старецъ, *абы* кроль обачился и здорово рады слухалъ (Пересторога, с. 219); А ми будем промышляти, *що би* . . любов вашу, бога взявши на помочь, нелюбвою на чо . . . ося (Укр. гр. 1650 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 147); Заберегаем при том, *чтоб* от панов державцов работами отягчаемы не были (Укр. гр. 1642 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 214); . . . Златоустый о мирских промышлял, *жебы* ся спасали (Виш., Позорище, с. 213); и ѿ била чолом . . ., *ажбы* Их Милость печати свои приложили к семѫ листѫ (Луцк. гр. 1522 г. — Arch. Sang., т. III, № 227); Перестерегаем притом, *дабы* во дни торговие. . . не скупляли кож (Укр. гр. 1642 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 214); Пилне он того стерег, *бы* война с христианы Христианом не была (Вирши Саковича).

Как видим, состав союзов данной семантической группы в староукраинских памятниках отличался от старобелорусских только наличием союза *щоби*, который имел (в староукраинских памятниках) единичные примеры. Различия были в частоте употребления союзов. Как и в старобелорусском языке, наиболее распространенным был союз *абы* — из всех употреблений перечисленных выше союзов около $^3/_4$ приходится на этот союз. Он широко представлен в памятниках различных жанров XV—XVII вв. Приведем лишь некоторые примеры: И тыми разы здесе мещане были въ насъ и били намъ чоломъ, *абы* ихъ не отдаляли отъ тыхъ корчомъ (Радом. гр. 1487 г. — РИБ, т. XXVII, кн. 4, № 13); В чом жо дей ѿ листы господарьскими, зарѫчными его напоминал, *абы* ѡн землѧм моим дал покой (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 80); і на далший просим, *аби* ваша велможность нам . . . ласкавим бит рачил (Укр. гр. 1648 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 13); Отцу молил, *абы* не [у]ставала вѣра его (Отв. клир. Острож., с. 416—417); <обыватели и княжата> просили, *абы* на тотъ соборъ не ездилъ (Ист. о Флор. Соборе, с. 439); король писалъ до нихъ, абы зъ нимъ ихали до него (Пересторога, с. 212); не мовит Василий Великий, *абы* толко самого Петра пастыремъ Христосъ учинилъ (Палин. Копыст., стр. 439); и нас понуждают и учат, *абысмо* ся пуркговали и чистили (Виш., Книжка, с. 120); всѣх вас напоминаю, *абысте* в вѣрѣ своей святой моцно трвали

(Вирши Саковича); И нам ся о тое пилно треба старати, *аби* смо до себе душу его могли поймати (Сл. о збур. пекла).

Союзы *чтобы, ижбы, дабы, бы* имеют в нашем материале единичные примеры (причем, заметим, что союзы *чтобы* и *дабы* встретились лишь в грамотах). Несколько шире представлены в исследованных памятниках союзы *жебы* и *ажбы* (правда, союз *ажбы* — лишь в грамотах XVI в.). Таким образом, кроме союза *абы*, остальные были малоупотребительны, а потому союзная синонимия представлена по памятникам гораздо слабее, чем в старобелорусском языке. Так, в шести памятниках употреблялся только один союз *абы*, в четырех — два союза — *абы — жебы*. Кроме того, один раз представлено сочетание союзов *абы — бы* (в Виршах Саковича). Как и в старобелорусском языке, наибольшее количество союзов обнаруживают грамоты. Так, в грамотах XVII в. отмечено 4 союза: *абы — чтобы — щоби — дабы*, в грамотах XVI в. — 5 союзов: *абы — ажбы — жебы — дабы — чтобы*.

Приведем примеры сочетаний союзов в одном памятнике: *абы— жебы*: король писал до нихъ, *абы* зъ нимъ ихали до него (Перестороога, с. 212); . . . упросилъ того протосинкгела, *жебы* за него прирекъ купцомъ (Там же, с. 213); И скажемо ми им, *аби* тому Христу дали покой (Сл. о збур. пекла); Бою ся *жеби* мнѣ не бути в неволи с тобою (Там же).

В следующем предложении союзы *абы* и *жебы* употребляются в одном контексте: постарайся, *абы* ся тыя братие смирили и простили, *жебы* того мучителя диявола . . . упразднили и вывергли (Виш., Посл. Домникии).

Приведем примеры из украинских грамот XVI в., в которых употреблялось сочетание союзов *абы — ажбы — жебы — дабы — чтобы* (по одному предложению с каждым союзом ряда) : И просил ѡн нас, *абыхмо* при томъ привили нашомъ его заховали (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 83); а протож приказꙋемъ вамъ *ажбы* есте емꙋ в тыхъ имѣньѧх дѣл дали (Львов. гр. 1524 г. — Arch Sang., т. III, № 279); <он> томꙋ не сведом, *жебы* што пан воевода Виленский на ѡтцы его мел ꙋказывати (Львов. гр. 1537 г., т. IV, № 80); <мы> мѣти хочемъ, дабы никтоже зъ мірскихъ не вдавался въ справы духовные (Луцк. гр. 1595 г. — АЗР, т. IV, № 82); ꙗ Максим бил чолом... *штобы* их млть приложили печа мѣстицкꙋю к семꙋ листу (Киев. гр. около 1500 г. — Палеогр. изб., № 2).

Как уже отмечалось, в грамотах XVII в. имело место сочетание четырех союзов: *абы — чтоб(ы) — щоби — дабы*: сотником приказалисмо, *аби* жадное кривди не чинили (Укр. гр. 1649 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 106); Заберегаем при том, *чтоб* от панов державцов работами отягчаемы не были (Укр. гр. 1642 г.— Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 214); А ми будем промишляти *що би* . . . любов вашу, бога взявши на помоч, нелюбвою на чо. . . ося (Укр. гр. 1650 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 147); Перестe-

регаем при том, *дабы* во дни торговие и в ярмарки. . . ремесники не скупляли кож (Укр. гр. 1642 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 214).

Как видно из приведенных примеров, жанрово-стилистическая дифференциация в употреблении союзов данной семантической группы, очевидно, отсутствовала. Различные союзы встречаются в памятниках одного жанра (и внутри одного памятника). Отметим, в частности, что союз *дабы*, употреблявшийся в старорусских памятниках в произведениях с книжным характером языка, отличающихся возвышенным, приподнятым стилем, в староукраинских грамотах (в других памятниках он не встречается вообще), по-видимому, не имел такой стилистической нагрузки [76] (ср. последний из приведенных примеров).

Из названных выше союзов, отмеченных в памятниках XV—XVII вв., в современном украинском литературном языке сохранился лишь союз *щоби* [77]. В описанный период он только начинает проникать в письменную речь из разговорного языка. Единичные примеры встречаются лишь в памятниках XVII в. Так, кроме уже приведенного примера из грамот XVII в., он отмечен еще в интермедиях к драме Я. Гаватовича 1619 г. (произведении, широко отражающим разговорный украинский язык): кажи, *щобим* слугу свого знал та ласкав бив на него.

Придаточные предложения со значением косвенного вопроса оформлялись в языке староукраинских памятников, так же как и в старобелорусских, с помощью вопросительной частицы *ли* или союза *если*.Подобные предложения представлены в исследованном материале единичными примерами. Так, конструкции с *ли* встретились лишь в «Книжке» И. Вишенского и грамотах XVII в.: . . . испытати себе подобает, имаши *ли* одежду брачную (Виш., Книжка, с. 116); Скажѣте ж ми тое, знайдут *ли* там у Скарги правду, знайдут ли там суд и справедливост (Виш., Книжка, с. 90); але пойду искати и в зерцалѣ учения Христова глядѣти, тая твоя данина на пожиток *ли* или на погибел вѣчную будет, на славу *ли* или на безчестие вѣчное ся превратит (Там же, с. 13); <велено мне. . .> проведать крымские люди с черкасы есть *ли*, и многие *ль* люди. . . , и не чаять *ли* ныне весною у черкас и у крымских татар с поляки бою (Укр. гр. 1649 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 78).

Единичными случаями представлено и употребление *если* в косвенном вопросе. Приведем все встретившиеся нам примеры: да ся познаете, *если* есте христиане или еретики (Виш., Книжка, с. 44); не знаю, *если* и два слуговины переховати на службу свою могл (Там же, с. 56); Також и до иныхъ епископовъ разослалъ листы заразомъ, пытаючи, *есть ли* то есть зъ ихъ вѣдомостью (Пересто-

[76] Случаи стилистически нейтрального употребления союза *дабы* в староукраинской письменности отмечают и украинские исследователи. См., например: У. Я. Е д л и н с ь к а. Указ. соч., стр. 81.

[77] См.: «Курс сучасної української літературної мови», т. II. Синтаксис, стр. 207.

рога, с. 212); Лечъ спытаешъ, *если* маетъ тое будованье-каменье, албо дерево, албо желѣзо? (Палин. Копыст., с. 343).

В качестве соотносительного слова в староукраинских памятниках, как же как в старорусских и старобелорусских, выступает обычно указательное местоимение *то*. Оно занимает различное место в предложении. Значительно чаще, чем в современном украинском литературном языке, оно может стоять в середине предложения [78] и быть отделенным от придаточной части другими словами, например: Здалося теж нам і о *том* вашому царскому величеству ознаймити, *же* певная нас вѣдомост зайшла от князя Домніка Заславского (Укр. гр. 1648 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 12); А я *то* Адамовѣ сини родние повадил, *же* Каин Авеля брата своего из свѣта изгладил (Слово о збуреню пекла); Они *то* намъ винни были показати и довести, *же* такъ естъ въ речи истотне (Палин. Копыст., с. 353); Мы тежъ *то* свободне зъ учительми церковными признаваемо, *же* Петръ называется каменемъ (Там же, с. 409); великій король Польскій. . . *то* злѣтилъ и поручилъ, *абы* преложоных духовныхъ вѣры своее завѣдовалъ (Пересторога, с. 206); и гдеж. . . *то* еси слышал, *яко* повелѣвает не толко з инока, сына божиа, але и с простого християнина (Виш., Книжка, с. 30).

Изредка в качестве соотносительного слова в главном предложении встречается местоимение *тое*, например: Только *тое* всѣ розумѣли, *што* на него скаржено (Пересторога, с. 218); *Тое* и сами признати мусите, яко згвалтили есте (Виш., Книжка, с. 62); а отступникомъ даютъ *тое*, *абы* противу правды не воевали (Палин. Копыст., с. 439).

Укажем единичные случаи употребления в данной функции местоимения *ово*: Отступникове показати были повинни не *ово*, *же* Петръ св. естъ каменемъ (Палин. Копыст., с. 381); а за тыми послѣдователне положивши и *ово же* вся Церковь Христова естъ овцами Его, тѣломъ Его и домомъ Его, на немъ самомъ набудованымъ (Там же, с. 340).

Что касается порядка расположения частей сложного предложения, то можно отметить, что данные староукраинских памятников полностью совпадают с показаниями старорусских и старобелорусских: придаточное предложение стоит обычно непосредственно после главного. Очень редки случаи отделения придаточного от главного другим придаточным — определительным или дополнительным. Единичные примеры подобного характера отмечены лишь в грамотах: и ѧ била чолом господынѳ и ѡтцѳ нашомѳ, владыце Лѳцкомѳ. . . и кнѧзем и паном Их Милости, которыи в сем моем листе выписаны, *ажбы* Их Милость печати свои приложили

[78] В современном украинском литературном языке соотносительное слово обычно стоит в конце главного предложения (см.: «Курс сучасної української літературної мови», т. II, стр. 230). Иное положение соотносительного слова возможно при необходимости логически выделить его (там же, стр. 230).

к семѫ моемѫ листѫ (Луцк. гр. 1522 г. — Arch. Sang., т. III, № 227); Ведомо чиню тим моим листом, кому би о том ведать надлежало, *иж* я . . . цехи разние при давних обичаях зоставляю (Укр. гр. 1633 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 77); . . . низко чоломъ бьемъ за дьякомъ на имя Васкомъ, который мѣшкалъ у науцѣ у манастыри святого архангела Михаила Золотоверхаго, *ижъ бы* ваша милость рачилъ ласку и милосердіе свое господарьское учинити (Киев. гр. 1563 г. — АЮЗР, т. I, № 53); Я княгини Васильевая Соломирецкая. . . чиню явнѣ тымъ моимъ листомъ, кому того потреба вѣдати. . . *штожъ* его милость князь Василій, малженокъ мой, небожчикъ, продалъ подданыи мои матерыстыи люди данныи в Прилѣпѣхъ (Городок. гр. 1559 г. — АЮЗР, т. I, № 136).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКАХ

В современном русском литературном языке для сложноподчиненных предложений с придаточными дополнительными характерна незанятость синтаксической позиции объекта в главном предложении [79]. В восточнославянских языках исследуемого периода были возможны конструкции с объектом в винительном падеже в главном предложении. Эти конструкции отражают промежуточный этап в формировании сложного предложения, когда главное предложение строится по типу самостоятельного — имеет объект в винительном падеже. Таким образом, одна и та же валентность глагола реализуется в них дважды — в главном и в придаточном. Данные конструкции, одинаковые по структуре, могли быть различными по семантике, т. е. могли иметь разное соотношение между значением главного и придаточного предложения, различное распределение объектной информации между значением объекта в главном предложении и объекта, выраженного придаточным.

Здесь возможны несколько случаев.

1. Содержание придаточного предложения повторяет содержание, выраженное объектом главного, не привнося в него ничего нового. Разница только в том, что в главном предложении это содержание выражено в именной форме, в придаточном — в глагольной. Ст.-рус.: И виде бог неправду в нас с братом, *яко*, неправо по истине ходим (Аввакум, Житие, с. 110); Как имъ, Господи, терпиши сие великое поругание от невѣрных, *что* они, невѣрныя, всей Твоей святыне наругаются (Пересветов, с. 82); Спаси бог, батюшко, за милость твою, *что* помиловал мя (Аввакум, Житие, с. 116); И онъ государь, начиталъ в мудрых своихъ книгахъ с своими докторы и с ѳилософы мудрыми про твое царьское прирожение

[79] См.: «Грамматика русского языка». М., изд-во «Наука», 1970, стр. 701.

по небесному знамению, *что* быти тебѣ царю великому (Пересветов, с. 68); . . . князь великы Иван Васильевичь всея Руси сложив с себя крестное целование брату своему князю Ондрѣю Васильевичу за его изѣмну, *что* он изменил крестное целование (Моск. лет. свод. к. XV в., л. 471 об.); ст. -бел.: дꙗкуите пану Трыщану за мой жывот, *иж* мене не хотел погубити (Пов. о витязях, с. 99); ст.-укр.: да даст исповѣдание своея вѣры, *како* вѣрит (Виш., Книжка, с. 98); ино ꙗ видивши его вѣрнꙋю службꙋ кꙋ гдрю нашомꙋ королю его млти, *иж* ѡ есть слуга добрыи да есми ему тое селище (Брясл. гр. после 1500 г. — Палеогр. изб., № 13).

В приведенных примерах содержание придаточного предложения повторяет содержание, заключенное в объекте главного, т. е. в них наблюдается семантическая тавтология, очевидно, можно считать ее полной.

2. Предложения с частичной семантической тавтологией. Для данных конструкций характерно то, что придаточное предложение, повторяя содержание главного, вносит в него добавления, уточнения, новые оттенки.

В этой группе можно выделить два типа предложений (отличающихся структурно и семантически): а) объект главного предложения выражен существительным в винительном падеже (не означающим лица); б) объект главного предложения выражен личным местоимением или (реже) именем собственным в винительном падеже (т. е. объект означает лицо). Приведем примеры:

а) объект главного предложения выражен существительным в винительном падеже:

ст.-рус.: хотят нас живых покрыть горою высокою, видя пустоту нашу и бессилие, *что* нас в пустынях покинули все православные крестьяне (Пов. об азов. взятии, с. 73); Ведаю веть я и твое высокое житье, *как*, у нее живучи, кутил ты! (Аввакум, Письма, с. 220); Господь зритъ тайная моя, *что* съ вами же хощу душу свою положити за православную вѣру (Пов. о Рос. царстве, с. 218); и мы, видя ту гору высокую, горе свое вечное, *што* от нее наша смерть будет (Пов. об азов. взятии, с. 73); Той же Борисъ провидя народъ, *яко* непремѣнно умоляютъ его по многи дни (Пов. Кат.-Рост., с. 566);

ст.-бел.: . . . поведа имъ свои приход. *какъ* врага своего Мамаꙗ их враги победи (Лет. Супр., л. 48 об.); поведаи королю мою службу, ꙗкъ есми бил сѧ с огненным Бланором (Пов. о витязях, с. 84);

ст.-укр.: записалъ есми свою вѣрную выслугу, *што* есми выслужилъ на господари великомъ короли Жикгимонтѣ селище Климятинъ (Львов. гр. 1510 г. — АЮЗР, т. I, № 57).

В приведенных примерах объект в главном предложении в ряде случаев выражен именем действия (*приход*, *служба*, *выслуга*). О происхождении подобных конструкций А. А. Потебня замечал (на примере предложения «пословъ испытай когождо ихъ службу Богу, како (къждо ихъ) служить»): «Тавтологичность исчезнет,

если посмотрим на грамматическую форму главного и придаточного: в главном именном не дано того, что существенно для придаточного, именно глагольности этого последнего. Можно думать, что сначала мысль вполне удовлетворялась предикативностью имени. Затем в восполнение слабеющей предикативности имени (*служба*) появилось глагольное его толкование (*како служить*), быть может, сначала паратактично, потом гипотактично, для чего понадобились относительные слова. Наконец, имя в главном предложении заменилось местоимением, указывающим на последующее и соответствующим относительному слову. . .; само местоимение указательное стало излишне, так как оно достаточно ясно предполагалось следующим относительным словом. Таким образом, получился оборот образца: „пословь испытай (то), како къждо ихъ служить Богу", в коем все лексическое содержание именного оборота „когождо имъ службу Богу" перешло в придаточное предложение» [80].

Возможно, что следующий пример отражает контаминацию двух ступеней формирования этих предложений (по изложению А. А. Потебни) — в нем наряду с указательным местоимением (соответствующим соотносительному слову) имеется и объект: И свѣдал *то* патриархъ Анастасий *мысли* Магметевы, что не хощет книг божественных отдати (Пересветов, с. 81). В приведенном примере (как и в некоторых других вышеприведенных) в объектном значении имеется оттенок атрибутивности. Ср. замечание А. А. Потебни о полуглагольном, полуименном характере данных конструкций [81].

б) Объект главного предложения выражен личным местоимением или именем собственным в винительном падеже:

ст.-рус.: да покажетъ его, *яко* онъ чернецъ есть царевичь Дмитрѣй (Пов. Кат.-Рост., с. 569); Леща, господа, знают добрые люди, *что* он человек доброй (Пов. о ерше, с. 149); да проповедят его, *яко* той есть судия живым и мертвым (Аввакум, Письма, с. 271); А Меланью ту твою веть я знаю, *что* она доброй человек (Там же, с. 214);

ст.-бел.: и ѡна познала их Брагинѧ, *што* ѡни поехали дляѧ ее смерти (Пов. о витязях, с. 89—90); Трыщан познал Бланора, *что* ест добрыи витез (Там же, с. 64); и видите Бланора иж ѡн не будет мочы стрывати до конца (Там же, с. 64); и познали один другого *иж* есть велми добрые рыцэры (Там же, с. 21); . . . знали его, *иже* есть шляхтичь (Стат. 1529 г., с. 21); через тые уси знаки его познали, *иж* онъ естъ правдовый певный царь восточный Дмитръ Ивановичъ (Лет. Баркул., л. 172 об.); и нарекли при своих животех их *што* имъ быти на их мѣстех на великих кнжених

---

[80] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. М., 1968, стр. 309.
[81] Там же.

(Лет. Супр., л. 87—87 об.); Зри Давида, *что* рече о святых (Спис. пр. лютеров, с. 112);

ст.-укр.: и Павелъ святый ихъ вспоминаетъ, *ижъ* «оть обрѣзанія были ему утѣхою и споспѣшники въ будованью церкви Христовой» (Пересторога, с. 233); «Зри теды его, *ижъ* за сполнымъ зезволенемъ всѣ речи чинил» (Палин. Копыст., с. 464).

Заметим, что во всех приведенных примерах, лицо, выраженное объектом главного предложения, является субъектом придаточного, где он выражен личным местоимением или опущен совсем. В последующем развитии языка произошло перераспределение синтаксической структуры предложений данного типа: объект главного предложения стал субъектом придаточного или же был опущен совсем, если субъект и объект главного были выражены личным местоимением. Очевидно, о семантической тавтологии этих предложений можно говорить лишь условно, так как по существу содержание главного, по-видимому, не имеет самостоятельного, законченного значения, постановка объекта — чисто грамматический прием. Значение предложения вытекает из совокупности содержания главной и придаточной части. Данные конструкции принадлежат к предложениям переходного типа (от простого — к сложному), в которых, по замечанию А. А. Потебни, содержание придаточного еще разделено между главным и придаточным: «Эти обороты составляют переход от оборотов, в коих главное предложение вмещало в себе в виде составного дополнения (двух винительных, двух родительных): по образцу «*увѣдаша князя идуча*», то, что позднее стало содержанием придаточного предложения (*увѣдаша, оже князь идеть*). В промежуточной переходной форме «*увѣдаша князя, оже идеть*» содержание позднейшего придаточного еще разделено между главным и придаточным» [82].

Возможно, что это был не единственный путь возникновения описываемых конструкций. Известно, что в истории сложноподчиненного предложения сочинение предшествовало подчинению [83], и для древнерусского языка было характерно «соединение двух предложений с помощью союзов сочиняющих *а* и *и*, в тех случаях, где по смыслу следовало бы одно предложение, как придаточное, подчинить другому» [84].

Следы грамматического строя прежних эпох можно обнаружить в наших памятниках.

Так, в исследованном материале имеются простые предложения, соединенные союзом *а*, но отношения между ними (смысловые) возможно характеризовать как объектные: И пошол у конюшню и погляделъ под ѧсли и увидел Бова, *а* ѡн тут крыет сѧ (Ист. о Гвид., с. 131); и вышол ‹Паламидеж› перед господу и ви-

[82] А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 307.
[83] Е. Ф. Корш. Способы относительного подчинения. М., 1877, стр. 16; Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 7—8.
[84] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 555.

дел три панъны, *а* ѡни идут по улицы (Пов. о витязях, с. 91); и ѡни ему поведали, што сѧ чынило и ꙗк видели своего зрадцу Додона, *а* ѡн седить на постели (Ист. о Гвид., с. 165) [85].

Отметим, что все приведенные примеры имеют дополнение в винительном падеже, обозначающее лицо, так что они отличаются от описанных выше тавтологических конструкций с объектом-лицом только сочинительным союзом (ср.: и видите Бланора *иж* ѡн не будет мочы стрывати до конца — Пов. о витязях, с. 64). Ср. также с примером, приводимым А. А. Потебней: «увѣдаша князя, *оже* идеть»). Можно предполагать, что в последующем развитии языка сочинительный союз заменился подчинительным — таков один из возможных путей образования тавтологических конструкций с объектом-лицом в винительном падеже в главном предложении.

По-видимому, убедительным примером предложения, где объектные отношения выражены сочинительным союзом *а*, является следующий, где в простом предложении (являющемся по смыслу главным) при сказуемом, выраженном переходным глаголом, нет объекта — а при переходных глаголах он необходим структурно и семантически; таким объектом, поясняющим глагол, является следующее за ним предложение, присоединяемое союзом *а*: и побегли тамъ рыцэры королевы и застали, *а* ѡна за горло Трыщана держыть (Пов. о витязях, с. 16).

3. В исследованном материале имеются единичные примеры тавтологических конструкций с объектом в главном предложении не в винительном, а в предложном падеже:

ст.-рус.: прииде к великому князю на городище архиепископъ и посадници бити челом от всего Новагорода о изниманых боарех, *чтобы* пожаловал, смиловался (Моск. лет. свод к. XV в., л. 430); гадали о смерти г҃а *како бы* его льстиве зымали да оубили (Страсти Христовы, л. 1); Кѵпріянъ вь трактатѣ третемъ о едности церковной, *абыся* одна церковь быти оказала (Палин. Копыст., с. 405).

По справедливому замечанию А. А. Потебни некоторые из описанных тавтологических конструкций «возможны в русском языке до последнего времени» — это лишь те предложения, в которых винительный падеж обозначает объект непосредственного восприятия [86]. Ср. следующие конструкции из литературного языка XIXв., квалифицируемые Е. А. Иванчиковой как изъяснительно-временны́е: Понаблюдайте Лаевского, *когда* он сидит где-нибудь в обществе (Чех., Дуэль, III); Как теперь вижу Исая Фомича, *когда* он в субботу слоняется бывало без дела по всему острогу (Дост., Зап. из м. дома, 1, IX) [87].

---

[85] В объектном значении этих предложений возможно видеть оттенок атрибутивности.

[86] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 318.

[87] Примеры заимствованы из кн.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в строе сложноподчиненного предложения». М., 1964, стр. 165.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что в строении сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным в восточнославянских языках наблюдались как общие черты, так и некоторые различия. Основные различия заключались в составе союзов. Причем старобелорусские и староукраинские памятники обнаруживают при этом большое сходство и значительно отличаются от старорусских. Что касается других особенностей строения сложного предложения — порядка следования его частей, состава и употребления соотносительных слов, соотношения временны́х форм, особенностей семантического наполнения предложения (семантика опорных слов), то здесь памятники восточнославянских языков дают сходную картину.

Основная тенденция развития данного типа предложений во всех трех языках была единой: она заключалась в устранении семантической дублетности союзов, в утрате ряда союзов-синонимов, а также в уточнении и дифференциации функций союзов.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Сложноподчиненными временны́ми предложениями являются те, в которых между содержанием главного и придаточного предложений устанавливаются временны́е отношения. Известно, что отношения эти весьма сложны и разнообразны, как сложны и разнообразны способы их выражения: видо-временны́е соотношения глаголов-сказуемых главного и придаточного предложения, союзы и корреляты, порядок следования главного и придаточного предложений, смысловые связи частей сложного предложения.

В настоящей главе рассматриваются союзные сложноподчиненные предложения времени в восточнославянских языках XV—первой половины XVII вв. Мы не останавливаемся подробно на видо-временны́х соотношениях глаголов-сказуемых предложений главного и придаточного [1], но отметим, что исследованные материалы трех восточнославянских языков дают сходную картину.

Уже в древнерусской письменности союзное подчинение — наиболее распространенный вид временны́х конструкций. В рассматриваемый период в восточнославянских языках временна́я конструкция, оформленная различными по составу и по жанровой прикрепленности союзами, освобождается от союзов старославянских, устаревших, от союзов многозначных, вытесняемых новыми союзами, способными более точно выражать оттенки временны́х отношений.

Совершенствование конструкции, по сравнению с древнерусским языком, в старорусском, старобелорусском и староукраинском языках проявляется также в том, что союз становится основным показателем подчинительной связи между главным и придаточным предложениями, сокращается количество и функции коррелят, но все же значительна роль соотносительных словосочетаний, связанных с понятиями часа, дня, года и т. п. В случаях прикрепленности придаточного времени к подобным словосочетаниям (*того часа*, *в ту пору*, *в то время*, *в те дни*) временна́я конструкция с различными временны́ми союзами (*когда*, *егда*, *как* и др.) приобретает наряду с более точным временны́м значе-

---

[1] Детально исследованы видо-временно́е соотношение глаголов-сказуемых и зависимые от этого оттенки временны́х отношений между действиями в главном и придаточном предложениях в кн.: Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII в. М.—Л., 1964, стр. 121—130.

нием оттенок определительный [2]. Интересно отметить такой пример: да как пришед на усть Шолоны, и ты бы ко мнѣ к великому князю с тѣм прислал часа того (Моск. лет. свод, л. 440). Тут определительный оттенок теряется, так как *часа того* стоит в конце предложения, и скорее всего в значении *тотчас, немедленно.*

Общим для восточнославянских языков в совершенствовании временно́й конструкции и приближении ее к современной является и освобождение от закрепленной позиции придаточного — оно может стоять как в препозиции и постпозиции по отношению к главному предложению, так и в середине главного предложения.

СТАРОРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ

В старорусском языке исследуемого периода сложноподчиненное предложение времени оформляется различными союзами; это и союзы старославянского происхождения (*яко, егда, дондеже, донележе*), и союзы исконно русские (*как, коли, доколе, покамест, докамест, когда*). И если союзы первой группы наиболее широкое применение нашли в произведениях высокого стиля, то исконно русские союзы, отражавшие в большой степени разговорную речь, использовались в произведениях различных жанров, вытесняя постепенно союзы старославянские. Временны́е союзы различались сферой распространения и оттенками значения. По значению их обычно делят на две группы [3]: 1) союзы, обозначающие при определенных видо-временны́х соотношениях глаголов — сказуемых главного и придаточного предложений начало или конец действия, время в широком смысле слова (*коли, как, когда, егда, яко*); 2) союзы, указывающие на продолжительность действия, где действие придаточного предложения является пределом или исходным моментом для действия главного предложения (*дондеже, донележе, доколе, поколе, пока, докамест, покамест*) с общим значением начала или конца действия.

Старославянский союз *егда* с общим значением начала или конца действия, известный памятникам книжного типа древнерусского языка, по употребительности в исследованном материале занимает господствующее положение. Роль и судьба союза *егда* во временны́х конструкциях сходна с союзом *аще* в условных. Будучи союзом книжным, присущим литературе художественной, союз *егда* почти не употребляется в деловом языке. Лишь в цитате из евангелия встретился союз *егда* в духовной грамоте Ивана IV: Иже бо аще кто постыдится моих словес, и сын человеческий постыдится его, *егда* приидет во славе своей и отчей Иисус Христос (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104). Нет союза *егда* в Судебниках и

[2] Подобные конструкции опущены в настоящем разделе, так как рассматриваются в разделе «Определительные предложения».

[3] См., в частности: Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 85.

Соборном Уложении царя Алексея Михайловича. В Московском летописном своде и в Стоглаве господствуют временны́е конструкции с *егда*. Лишь в Домострое имеется равное количество примеров с союзом *как* и *егда*. Обычно же, в тех памятниках, где преимущественно употребляется конструкция с *как*, примеры с *егда* единичны или не встречаются, и наоборот, ибо при идентичности значения эти союзы противоположны по сфере употребления. Показателен в этом отношении язык произведений Ивана IV. Если в Судебнике нет союза *егда*, то в Письмах Ивана IV во временны́х предложениях он употреблен во всех случаях за исключением единичных примеров. И в произведениях Аввакума проявляется стилистическое отличие более высокого эпистолярного слога от повествовательно-житийного в том, что (при господстве союза *егда*) в Письмах во временны́х конструкциях *егда* используется гораздо чаще (75% всех примеров сложноподчиненных предложений времени в этом памятнике), чем в Житии (60%).

Не свойственный живому разговорному языку союз *егда* не встречается в Пословицах XVII в., но один пример есть в предисловии к Пословицам собирателя[4]: *Єгда* же рѹ́ками си во^{з}мѣши книжицѹ́ сію, и вникнѹ́въ, или послѹ́шая инагѡ, ѩже ти ѿ писанны бѹ́дѹ́^{т} требѣ внемли. ѹ́подобляяся мѹ́дрой медодѣлателницѣ пчелѣ поле^{з}ное и^{з}бирая (Пословицы XVII в., л. 322).

Неожиданно много (половина всех временны́х предложений) случаев употребления союза *егда* в Сатирах о пьянстве. Язык этого произведения близок к народному, но пародийность и сатирическая окрашенность достигается использованием приемов литературы высокого стиля для описания низменных действий и поступков: *Егда* зазвоним во все животы, слава всякому человеку по делом его. *Егда* славнии человецы, в животех искуснии, в разуме за уныние хмелем обвеселяхуся, тогда *егда* во многия дни се творимо, питьем омрачаху свои сущии разум, в нощ неразумия претворяху, до нага пропивахуся (с. 66); *Егда* пил, тогда и весел был (с. 82).

Почти третья часть конструкций с *егда* в исследованных материалах имеет соотносительный союз *тогда* в главном предложении[5]: *Егда* отступиша сынове Рускыя от брега, *тогда* Татарове страхомъ одержими побегоша (Моск. лет. свод, л. 464); і *егда* ѩдахѹ́ з бл҃годареніемъ и с молчаніемъ или з дх҃овною бесѣдою, *тогда* а҃гли невидимо прⷭстоⷭ^{т} и написѹ́ютъ дѣла добраⷭ и ества и питіе в сладость бывае (Домострой, с. 10); *Егда* же въ нашу

[4] См. о союзе *аще* в Пословицах XVII в. (стр. 162—163).

[5] Э. И. Коротаева отмечает, что «подчинительные конструкции с союзом *егда* почти свободны от соотносительных частиц». Так как мы рассматриваем памятники до первой половины XVII в., а Э. И. Коротаевой исследованы произведения до конца XVII в., сопоставление наших и Э. И. Коротаевой данных свидетельствует о процессе сокращения коррелят (см.: Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 91).

отчину, на Тулу, недругъ нашъ приходилъ Крымскои царь, и мы *тогда* васъ послахомъ противу его (Письма Ив. IV, л. 172); *Тогда* было, *тогда*, глаголю, *егда* со избранными мужи избраненъ бывалъ еси (Письма Курб., с. 154).

В произведениях Аввакума конструкции с соотносительным союзом также составляют третью часть всех предложений с *егда*, но при господстве соотносительного союза *тогда* здесь использованы в единичных примерах корреляты *так*, *ано*, *ино*, *то*, *тут*: *тогда*: А *егда* в попах был, *тогда* имел у себя детей духовных много (Аввакум, Житие, с. 60); *Егда* оне престанут от молитвы, *тогда* после их кланяйся (Аввакум, Письма, с. 247); *так*: *Егда* поставили патриархом, *так* друзей не стал и в крестовую пускать (Аввакум, Житие, с. 64—65); *а егда* пред обедом «Отче наш» проговорю и благословлю, *так* тово брашна и не ест, просит неблагословеннова (Там же, с. 113); *ано*: *Егда-де* рассветало, — *ано* погоня на лошедях! (Там же, с. 98); *Егда же* в олтарь вошел, *ано* ризы и стихари летают с места на место, устрашая меня (Там же, с. 119); *ино*: *егда* куды отлучится, *ино* я ведаю церковь (Там же, с. 65), *А егда* разлучится, *ино* и так добро (Аввакум, Письма, с. 242); *то*: *Егда* заблудная звезда, еже есть луна, подтечет под солнце от запада и закроет свет солнечный, *то* солнечное затмение за гнев божий к людям бывает. *Егда же* бывает, от востока луна подтекает, *то* по обычаю шествие творяще закрывает солнце (Аввакум, Житие, с. 56); *А егда бо* лев спит, *то* единем оком спит, а другим бдит, яко и Христос во гробе, уснув плотию, а божеством зрех во ад из гроба (Аввакум, Письма, с. 269); *тут* [6]: *И егда* в трапезу вошел, *тут* иная бесовская игра (Аввакум, Житие, с. 119). Введением в традиционную конструкцию непривычных в ней коррелятов Аввакум придает временно́му предложению оттенок следствия, чем, наряду со значением порядка следования действий, обращает внимание на вывод, результат, которым является действие в главном предложении.

Конструкции с *егда* в исследованных памятниках имеют достаточно свободное строение, на фоне преимущественного употребления препозиции примеры интер- и постпозиции придаточного составляют 35% всех временны́х предложений с *егда*: Глаголютъ бо тако, яко тогда изгорѣлъ бяше, *егда* злочестивыи царь Тактамышь взялъ лестью град Москву, и тогда разорили гробъ его, чающе нѣчто сокровено в нем (Моск. лет. свод., л. 413); ‹Богъ взыщетъ . . .› *егда* пріидетъ праведный судія во славѣ своей судити живымъ и мертвымъ (Стоглав, с. 42); И тако ли убо своимъ чадомъ хощете сотворите, *егда* убо въ яица мѣсто подадите имъ скорпію, или въ рыбы мѣсто камень? (Письма Ив. IV, л. 142); бо еще тогда не всѣхъ былъ еси до конца погубилъ еси и разогналъ, *егда* Полоцка досталъ было еси (Письма Курб., с. 151); Во святой же Апостольстей церкви стоитъ столпецъ, у него же Петръ Апостолъ плакахуся, *егда*

[6] Подобные случаи с союзом *как* отмечает Э. И. Коротаева (указ. соч., стр. 89).

отвергся Христа (Пут. Зосимы, с. 61); а тѣ птицы послалъ Богъ съ небеси Израильскимъ людемъ, *егда* они жили въ Синайской пустынѣ 40 лѣтъ (Пут. моск. купцов, с. 154); И приспѣ время, *егда* огнь сходитъ съ небесе (Пут. Гогары, с. 119).

И только в произведениях Аввакума постоянна препозиция придаточного, а примеры интер- и постпозиции составляют менее 1% конструкций с *егда*: Пастырь худой погубил своя овцы, от горести забыл реченное во Евангелии, *егда* Зеведеевичи на поселян жестоких советовали (Аввакум, Житие, с. 60); В нощи той, *егда* умолкнуша уста моя от молитвы, прискочиша беси ко мне (Аввакум, Письма, с. 240); Тогда, перекрестясь, поклонимся, *егда* бог изволит обавить (Там же, с. 245); Тогда убо успнем на долгий сон, *егда* очеса не узрят животнаго света сего (Там же, с. 269). Очевидно, постоянная (причем, более традиционная в церковно-книжной литературе) структура вместе со старославянским союзом *егда* призваны подчеркнуть стилистическую окрашенность этих конструкций.

В Письмах Аввакума встретился пример с союзом *еда*: А к вечеру меру помни сидеть, поклоны: *еда* метание на колену твориши, тогда главу свою впрямь держи; егда же великий прилучится, тогда главою до земли. А нощию триста метаний на колену твори. *Еда* совершиши сто молитв стоя, тогда «Слава» и «Ныне», «Аллилуйя», и тут три поклоны великия бывают (Аввакум, Письма, с. 210).

Союз *егда*, самый распространенный в старорусской письменности, был ограничен использованием в церковно-книжной литературе. Не подкрепленный живой разговорной речью, он совершенно вышел из употребления и неизвестен современному русскому языку.

Союз сложноподчиненных предложений времени *как*, широко представленный в грамотах древнерусского языка [7], в старорусской письменности XV—начала XVII вв. господствует в памятниках делового стиля. Как отмечает Э. И. Коротаева, «господствуя в деловом языке, временнóй союз *как* выступает в нем преимущественно в переходной конструкции от сочинения к собственному подчинению. Его основная функция состоит в обозначении неопределенного момента начала или конца действия, состояния» [8]. В основном эти конструкции оформлены по типу *и* (*а*) *как* — *и*, но даже когда в главном предложении имеются корреляты *так*, *тогда*, они употреблены в сочетании с сочинительным союзом *и*: *А какъ* отойдетъ лгота пять лѣтъ, *и* тому попу ся наша грамота явити у насъ на Москвѣ нашему казначею (Моск. гр. 1562 г. — АЮБ, т. I, № 31, XXIV); *И какъ* Петръ пріѣхалъ съ Москвы въ Псковъ, *и* тое грамоту, по которой ему ѣхати къ Пречистой въ

---

[7] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 153.
[8] Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 86.

Печеры, толмачъ Гриша отдалъ въ Псковѣ діяку Степану Скрыпову (Отрывок розыскн. дела. — АИ, т. I, № 140); *И какъ* къ вамъ ся наша грамота прійдетъ, *и* вы бъ Петра берегли накрѣпко, по прежнему указу (Моск. гр. 1589 г. — АИ, т. I, № 225); *И какъ* къ вамъ ся наша грамота придетъ, *и* выбъ межъ себя къ суду выбирали въ цѣловалники посадцкихъ лутчихъ людей человѣкъ дву или трехъ (Моск. гр. 1615 г. — АЮБ, т. I, № 46); *а какъ* подьячей счерна начисто дѣло перепишетъ, *и* діяку тѣ дѣла всѣ справити самому (Суд. Ив. IV, с. 204); *а какъ* по немъ порука будетъ, *и тогды* на немъ, за тою порукою, кто его изъ тюрмы выручитъ, истцовъ искъ доправити (Там же, с. 223—224); *а какъ* судное дѣло вершится: *и* та записка за исцовою и за отвѣтчиковою рукою подклеити подъ судное же дѣло въпредь для спору же (Улож. 1649 г., с. 26); *А какъ* тѣ выданые люди урочныя лѣта отработаютъ, *и* ихъ поставити въ приказѣ (Там же, с. 75).

Известен союз *как* и временны́м конструкциям памятников литературного жанра. Но использование союза *как* в них неравномерно. В повестях *как* употребляется в единичных примерах, в исследованных нами Письмах Ивана IV и Курбского не отмечено случаев с *как*, и у Аввакума в Письмах примеры с *как* составляют лишь десятую часть всех случаев с временны́ми союзами, в то время как в Житии они составляют более четверти всех временны́х конструкций. Широко представлен союз *как* в произведениях, наиболее отражающих живую разговорную речь (Сатиры о пьянстве, Пословицы XVII в.). Приведем ряд примеров из памятников различных жанров: *и какъ* за мѫжь зговорѧтъ *ино* всѣ готово (Домострой, с. 14); *Какъ* обростешъ тѣломъ, отдастъ ти ся вина (Пересветов, с. 62); *И какъ* отпѣвъ обѣдню, *и* разгавливаются сыромъ и яицы (Пут. Гогары, с. 120); *Какъ* пріидохомъ въ монастырь Синайской, *и* приспѣ праздникъ великомученицы Екатерины (Пут. моск. купцов., с. 155); *и какъ* де свѣтъ поидетъ къ верху *ино* де освѣтитъ верхъ весь и всю церковь (Пов. о видении, с. 186); *Как* на дворех уже час дни, почали выступать полки ис станов своих (Пов. об азов. взятии, с. 71); *а как* ‹конь› последние двери пробьет, *и* в городе много мертвых будет (Сказ. про Бову, л. 464); *А какъ* они почали межьусобныя войны вести, *какъ* надостали Помпѣемъ Июлиемъ Кесаремъ великія смуты вмонархіи въселилися; *и тогды* главы которыя до того вдоброе со единеніе владѣли и заединъ стояли, межь собою другъ на друга востали (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 22—23); *а как* его опьеш, *так* ты [ево и бьеш, а сам], что бес, на старые полати скакнеш (Сатиры о пьянстве, с. 73); *а как* проспится, *ино* перекусить нечево (Там же, с. 78); *а как* проспится, лакомаго хватится, *ажно* и хлеба нет (Там же, с. 79); *И как* меня поволокъли из воды на берек, *и* он почял со мною прощатца: прости де, братец осетр, не поминай лихом (Пов. о Ерше, с. 150); *И как* рыбою покормлю, *тогда* бес в нем вздивячится (Аввакум, Житие, с. 113); *Как* причастил ево, *так* мужик и взбесился, да и без ума стал (Аввакум, Письма, с. 262); *Какъ*

хто тонетъ топоⱺ сули т *а ка* выму т і топоріща не даст (Пословицы XVII в., л. 350); *Какъ* в лесъ клинешъ *такъ* и окликнеся (Там же, л. 350); Кучился мучи[т]ся. *а ка* упросилъ та и бросилъ (Там же, л. 351).

Если в деловых документах и ранних художественных произведениях в конструкции с *как* в качестве соотносительных выступают сочинительные союзы, то в более поздних памятниках (XVII в.) отчетливей становится подчинительная связь. Случаи использования коррелятов *так*, *тогда*, *ино*, бывшие единичными прежде, теперь составляют десятую часть всех примеров. Наиболее часто употребляется соотносительный союз *так*, и временна́я конструкция получает дополнительно следственный оттенок.

Временны́е конструкции с союзом *как* отличаются устойчивой препозицией придаточного. Случаи с интер- и постпозицией, составляющие менее 10% примеров из всего исследованного материала, встречаются в памятниках XVII в., так как к этому времени конструкция становится более совершенной и структура ее — более подвижной: и болшая доля салдатовъ радуются *как* имъ роспускъ живетъ, что имъ время настанетъ на мужичьихъ шеяхъ лежать и глодать (Уч. и хитр. ратн. строения, с. 45); вначалѣ они то все подорогой и болшой ценѣ купятъ, а на отпускѣ *какъ* имъ то не надобно станетъ за треть цены продаютъ (Там же, с. 47); И он, государь, от войны от татар безопасен будет и во веки, *как* сядут его ратные люди в Азове граде (Пов. об азов. взятии, с. 81); Хвалят пропоицу, *как* у него в руках видят (Сатиры о пьянстве, с. 62); в прежние времена, *как* мы не умели пива пити, всяк зовет, и на дом ходят (Там же, с. 63); И с тех мест царь на меня кручиноват стал: не любо стало, *как* опять я стал говорить; любо им, *как* молчю, да мне так не сошлось (Аввакум, Житие, с. 93); Жена ево мне сказывала, *как* меня сюды, в Пустозерье, везли (Там же, с. 280); Всякому лихо *ка* лѣто не тихо (Пословицы XVII в., л. 331).

Уже в XVII в. союз *как* вытесняется союзом *когда*, сохраняясь в языке преимущественно в составе сложных союзов (*едва — как*, *лишь только — как* и др.). В современном русском языке *как* употребляется в разговорной речи и распространен в говорах.

Наречие *коли* в роли союза временны́х предложений известно различным жанрам древнерусской письменности, в грамотах же это был наиболее распространенный союз временны́х конструкций [9]. В исследуемый период старорусского языка союз *коли*, широко употребляемый в условных конструкциях, занимает небольшое место среди союзов временны́х, вытесняемый из языка документов союзом *как*, а из книжного литературного языка — союзом *егда*.

---

[9] В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 153.

Единичные примеры сложноподчиненных временны́х предложений с *коли* встречаем в грамотах XV и XVI вв., в Судебнике Ивана IV, в то время как ни в рассмотренных нами грамотах XVII в., ни в Соборном Уложении царя Алексея Михайловича их нет. Единственный пример отмечен в Учении и хитростях ратного строения пехотных людей. Примеры: и *коли* буде кнѧ вели в новѣгродѣ и велико кнзѧ снъ. или велико кнзѧ бра. и томꙋ дѣлу тогды оучинить на городище с посанико[м] конець (Новг. гр. 1471 г. — Шахм. О языке, № 20); первое цѣловалъ, *коли* изъ своей земли пріѣхалъ, Великому Князю Василью (Отрывок розыск. дела. — АИ, т. I, № 140); и Царь и Великіи Князь, воименовавъ своего судью, да пошлетъ къ своему брату, къ удѣлному Князю, *коли* будетъ Князь на Москвѣ, и удѣлной Князь дастъ своего судью (Суд. Ив. IV, с. 266—267); и ставится имъ болши двойного платежу, нежели какъ тогда *коли* противъ недруга стоятъ (Уч. и хитр. ратн. строения, с. 45).

Единичные примеры отмечены также в летописях, повестях, путешествиях: *коли* подъидут под Казань братиа великого князя, тогды поидем и мы (Моск. лет. свод., л. 395 об.); *коли* нощъ преиде, яке мало ми спавшу? и се видѣхъ человѣка, грядуща ко мнѣ (Пов. о видении, с. 180); И есть мѣсто, отъ святаго Сіона, яко до стрѣлити, гдѣ Ангелъ Жидовину руку отсѣкъ, *коли* Пречистыя тѣло хотя съ одра соврещи (Пут. Зосимы, с. 64); а книгъ у меня нѣтъ, *коли* мя пограбили, ини книгы взяли у ме [не] (Хож. Аф. Ник., л. 333 об.).

Нет примеров с *коли* в Письмах Ивана IV, и лишь один — в Письмах Курбского: А *коли* есмя шли первое въ Нѣмцы, и язъ видѣлъ монастырь, и игумена и васъ всѣхъ, оставя, внутрь градъ крыющихся (Письма Курб., с. 405). У Пересветова *коли* — в половине всех временны́х конструкций. Все они оформлены подчинительно-сочинительной связью: подчинительному союзу *коли* соответствует в главном предложении союз *и*: *коли* дам память, *і* они до тебя, до государя, не донесутъ велможи твои (Пересветов, с. 61); *Коли* есми выѣхалъ на твое имя государево, *і* вывезъ если образецъ тое службы к тебѣ, къ государю; *і* тотъ образецъ службы моей перед' тобою, пред государемъ, клали (Там же, с. 79).

Известное в лингвистической литературе положение о том, что временно́е *коли* является чертой разговорно-бытового языка, подкрепляется и нашими материалами. Союз *коли*, неизвестный временны́м конструкциям в произведениях высокого стиля, используется во всех памятниках, отражающих народно-разговорную речь: в Повести о Ерше, Сатирах о пьянстве, Пословицах XVII в.; в Домострое же он господствует над другими временны́ми союзами: а *коли* хлѣбы пекꙋтъ *тогды* и плѧ моютъ (Домострой, с. 27); а оу прасоола *коли* занадобитца не любое кꙋпишъ а денегъ с лишкомъ дашъ (Там же, с. 40); ‹рыбꙋ› в пос во шти посыпае

коли пригоже (Там же, с. 43); *А коли* мы, богомольцы твои, за правилом в вечеру утрудимся, до полуночи у пивново ведора засидимся, и на утро встать не можем, где клобук с мантиею не вспомним, *и тогда* мы немножко умедлим и к девятой песни поспеем, а иные к росходному началу (Сатиры о пьянстве, с. 121—122); *Коли* я шел к Ростовскому озеру и рекам жирым жировать, а тот ерш встретился со мною на усье Ростовскаго озера и назвал меня братом (Пов. о Ерше, с. 140); Жилъ Ма^{р}тынъ *коли* былъ алтынъ (Пословицы XVII в., л. 341 об.); *Коли* дрова горятъ *толды* кашѫ варятъ (Там же, л. 350 об.).

Во всех памятниках разных жанров встречаем примеры интер- и постпозиции придаточного во временны́х конструкциях с *коли* с небольшим преимуществом препозиции. Во многих случаях союзу *коли* в главном предложении соответствует союз *тогда* (*тогды*) (см. примеры выше). Встречаются примеры с соотносительным союзом *ино*, который указывает на вывод, следствие, и тогда конструкция имеет условно-временно́е значение: *а коли* дѣшево *ино* и с лишкомъ кѫпить (Домострой, с. 39); *а коли* чево из$^{w}_{0}$билно запасено в дешевѫю порѫ, *ино* в дороговлю и продастъ (Там же, с. 44); *коли* дѣвици испьютъ тое воды, а не сохранили дѣвства своего, *ино* имъ уста позлатѣютъ (Пут. Зосимы, с. 66).

Временно́й союз *коли*, имеющий значение момента действия и известный еще в древнейших памятниках, был элементом разговорного языка в произведениях старорусской литературы. Распространенный в народных говорах, особенно в севернорусских, в современном русском литературном языке он употребляется в прямой речи с оттенком народно-разговорного колорита.

В древнейших памятниках русской письменности, кроме значения вопросительного наречия, *когда* было известно и в значении союза временны́х предложений, в основном в письмах и летописях [10]. Как и в древнерусский период, в исследованных памятниках старорусского языка имеются лишь единичные примеры с *когда* — союзом, который во многих случаях еще не утратил значения наречия: Блюдите, бдите, молитеся, не весте бо, *когда* господь дому приидет, в вечер, или в полуночь (Моск. гр. 1572 г. Дух. дог. гр. № 104); ‹а въ нашемъ же царствѣ. какъ если былъ› во всѣхъ святыхъ Божіихъ церквахъ по воскреснымъ днемъ и погосподскимъ праздникомъ. и великимъ святым. на вечерни. *когда* выходъ святыя славы поютъ (Стоглав, с. 56); Та же, сколько хожденія не бывало въ Казанскую землю, *когда* не съ понуждѣніемъ, съ хотѣніемъ, ходисте? (Письма Ив. IV, л. 160); *А тогды же* есмь угодалъ грядущее мнѣніе твое на мя, *когда* еще сестру мою насиліемъ отъ меня взялъ еси за того то брата твоего (Письма Курб., с. 133); *Когда* Господь Богъ Адама из'гнал из рая, а онъ

[10] О. Н. Варварова. Придаточные предложения времени в древнерусском языке (автореф. канд. дисс.). М., 1952, стр. 8.

заповѣдь божію преступилъ, *і тогда* дьяволъ его іскусилъ, і запись на него взялъ (Пересветов, с. 67).

В XVII в. расширяется круг памятников, отмеченных наличием союза *когда*, но по частоте употребления *когда* уступает другим временны́м союзам (*егда*, *как*): Как есть — страшная гроза небесная, *когда* бывает гром с молниею! (Пов. об азов. взятии, с. 71); *когда* же въ жалобѣ слезы изо очію испущаше, *тогда* наипаче свѣтлостію блистаху зѣлною (Пов. Кат.-Рост., с. 621); а се была у государя моего у Бовы на главе рана, а в рану палец ляжет, *когда* он служил в Арменском царстве у государя моего батюшка, у короля Зензевея Адаровича (Сказ. про Бову, с. 464). Исключение составляет Учения и хитрость ратного строения, где союзом *когда* оформлено 85% всех временны́х конструкций, причем половина всех примеров с интер- и постпозицией придаточного. Соотносительные союзы употреблены лишь в пятой части всех примеров, но, кроме союза *тогда*, известного и другим памятникам, есть случаи использования союза *то*, союза *и* (последний может стоять перед *тогда*, *то*): Но всякому воину и ратному человѣку *когда* хочетъ въ службу вступити, *и* ему Господа Бога всердцы имѣети (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 27); или иныя говорятъ еще успѣю *и тогда* Бога всердцы своемъ имѣти *когда* противъ недруга набой пойду и такія слова неподобны (Там же, с. 27); *Когда* братія пьяни, *и тогда* такъ бываетъ кой первой, тотъ лутче смѣло сѣки и коли (Там же, с. 29); *а когда* угосударя чрезъземлю въ предъ и назадъ итти и на отпуске станетъ, и то поменшей мѣре на мѣсецъ посороку попяти тысячь флоринъ клади (Там же, с. 44).

Немногочисленны случаи использования союза *когда* в Сатирах о пьянстве и в произведениях Аввакума, но в Пословицах XVII в. они составляют уже треть всех придаточных времени, что является свидетельством распространения временно́го союза *когда* в народно-разговорной речи: *когда* сором, ты закройся перстом (Сатиры о пьянстве, с. 67); да *тогда* и к церкви пойдем, *когда* вино да пиво допьем (Там же, с. 122); *Когда* воровал, *и* ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил! (Аввакум, Житие, с. 71); *Когда* обедню пою, *тогда* опасно сплю: сам добуду огня да книгу чту (Аввакум, Письма, с. 287); Добро *тогда* будетъ до^{6}ро *когда* люди по^{т}^{х}валя (Пословицы XVII в., л. 339); *Когда* желѣзо кипить *тогда ево* и ковать (Там же, л. 350); *Когда* будетъ рѣпа *тогда* и мѣра. *Когда* будетъ пиръ. *тогда* и гости (Там же, л. 352 об.).

К концу XVII в. временно́й союз *когда*, еще не став господствующим, отражает живой разговорный язык во всех жанрах письменности.

Уже в рассматриваемый нами период характерная черта немногочисленных еще примеров временны́х конструкций с союзом *когда* — незакрепленная позиция придаточного. Как нами отмечено, наиболее постоянный соотносительный союз в этих предложениях *тогда*. В таком же виде эта конструкция становится

господствующей среди сложноподчиненных предложений времени в современном русском литературном языке.

Союз *яко* — один из наиболее многозначных союзов в древнерусском языке — употреблялся в различных сложноподчиненных предложениях. В качестве временно́го союза, как в ранний период, так и в более поздней письменности, *яко* характерен преимущественно для литературы художественной. Исследованные нами памятники XV—первой половины XVII вв. дают лишь единичные примеры с *яко*: *И яко* же вси снидошася к нему, *тогда* всѣм възвещает мысль свою (Моск. лет. свод, л. 400); *И яко* же приспѣ часъ Божественнаго пѣнія, *и* отпѣвше утреннюю и великія недѣли вечерню, и тако пойде митрополитъ по прежнему къ себѣ на упокой, и меня грѣшнаго къ себѣ же взялъ (Пут. Гогары, с. 119); *Тогда* праведницы просветятся, а грешницы омрачатся, *тогда* християне возвеселятся, а никонияня восплачются и возрыдают, *яко* прииде отмщение коварству их (Аввакум, Письма, с. 203). В приведенных примерах глагол-сказуемое главного и придаточного предложений в форме совершенного вида, и конструкция имеет значение последовательности действий. Но возможно значение одновременности действий, в основном, если сказуемое придаточного предложения — глагол несовершенного вида.

Свободная позиция придаточного, наличие соотносительных союзов, преимущественно *тогда*, — черты, указывающие на сходство конструкций с *яко* и *когда*. Однако, малоупотребительный во временны́х сложноподчиненных предложениях, ограниченный стилистической закрепленностью, союз *яко* со временем вытесняется союзом с более четким временны́м значением (*когда*) и неизвестен современному русскому языку.

Старославянский союз *дондеже* используется в старорусской письменности в сложноподчиненных предложениях времени в произведениях литературы художественной. Единственный пример из грамоты XVI в. отмечен в тексте религиозного содержания: Отче, их же дал еси, хощу, *дондеже* естмь аз, и тии будуть со мною, да видят славу мою, ю же дал еси мне, яко возлюбил мя еси прежде сложения мира (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104). Все примеры с *дондеже*, отмеченные в рассмотренных материалах, — тексты с церковно-религиозной окраской: да не вмѣнитъ ему Богъ таковая въ грѣхъ *дондеже* на царскій той престолъ здравъ возвратится (Стоглав, с. 63); и за все послушательнымъ и угодникомъ и священнымъ людямъ и чистящимся чиномъ и изъявляютъ по достоянію священная, яже добрѣ пречистая сохраненная, *дондежъ* мучительски скончалъ еси (Письма Ив. IV, л. 164); И послю, рече, обѣтованіе Отца Моего на вы, вы же сядете въ граде Іерусалимѣ, *дондеже* облечетеся силою свыше (Письма Курб., с. 362); И Божіимъ имянемъ заклинаю тя, да не явиши имени моего никому же, *дондеже* Богъ благоволитъ о мнѣ (Пов. о видении, с. 184); У патріарха же и Христіянъ обычай, что въ домѣхъ своихъ въ великой четвертокъ погашаютъ огонь, и отъ тѣхъ

мѣстъ не бысть у нихъ огню ни у кого, *дондеже* огнь снидетъ съ небеси на гробъ Господень (Пут. моск. купцов, с. 141).

Больше всего примеров с *дондеже* встретилось в произведениях Аввакума, например: ‹Аз же› зажег три свещи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, *дондеже* во мне угасло злое разжение (Аввакум, Житие, с. 60); и *дондеже* в покаяние предет, ни на праг церковный не попущу таковому восступити (Аввакум, Письма, с. 232); Воспою господеви в животе моем, пою богу моему, *дондеже* есмь (Там же, с. 276); Тебе несть благословения, *дондеже* очистишися (Там же, с. 290).

Союзы *донележе* и *отнележе* в наших памятниках представлены лишь единичными примерами: у дверей часовни стоит старшина, дабы никто не приходилъ къ часовни, *донелѣже* митрополитъ выдетъ отъ гроба Господня (Пут. Гогары, с. 120); *Отнеле же* отошли, поехали на войну (Аввакум, Житие, с. 82); и агарянской меч стоит десять лет беспрестани, *отнележе* разадрал он церковь (Аввакум, Письма, с. 186); О Христе Исусе питайся наш брат, живой мертвец, воздыханием и слезами, *донеле же* душа в теле (Там же, с. 242).

Известно, что союзы *дондеже*, *донележе*, *отнележе* употреблялись в значении *пока*, *пока не*, *с тех пор как*, т. е. начало действия или время действия придаточного предложения являлось границей действия главного предложения.

Будучи ограниченными употреблением лишь в текстах высокого литературного стиля, *дондеже*, *донележе*, *отнележе* постепенно вытеснялись союзами, известными в разговорном языке и широко представленными в различных жанрах литературы. Современному русскому языку они неизвестны.

Временнóй союз *доколе*, наречного происхождения, встречающийся в древнерусской письменности, в наших материалах представлен единичными примерами в немногочисленных памятниках: И вы бъ всѣ крестьяне, которые въ томъ селѣ и въ деревняхъ живутъ, архимандрита Аврамья съ братьею слушали, пашню на нихъ пахали и оброкъ имъ платили, чѣмъ васъ изоброчатъ, *до тѣхъ мѣстъ доколѣ* за ними то село и деревни писцы наши, или большіе мѣрщики, опишутъ и измѣряютъ (Моск. гр. 1562 г. — АИ, т. I, № 167); да и впередъ бы есте тому новому губному цѣловалнику давали подмогу потому жъ съ сохи по полтинѣ, съ дву сохъ рублъ, *до тѣхъ мѣстъ*, *доколѣ* онъ у нашихъ у татиныхъ и у розбойныхъ дѣлъ въ новыхъ губныхъ цѣловалникѣхъ побудетъ (Моск. гр. 1565 г. — АИ, т. I, № 175); А въ ѣзду въ своемъ дастъ на поруку, *доколѣ* ся дѣло кончаетъ, и ему ѣздъ взяти на виноватомъ (Суд. Ив. IV, с. 220); а не будетъ по немъ крѣпкіе поруки, ино его вкинути въ тюрму, *доколѣ* по немъ крѣпкая порука будетъ (Там же, с. 225); а стояти *дотолѣ* против таковыя смерти, *доколѣ* десят словъ божіихъ проговоритъ отецъ его духовной, евангельскія притчи (Пересветов, с. 73); I полоняником уставил урок,

доколѣ кому работати (Там же, с. 75); *Доколе* слнце всходи *а* роса и глоꙁа выбьетъ (Пословицы XVII в., л. 339 об.). Наличие союза *доколе* в пословицах свидетельствует о принадлежности его живому разговорному языку.

Придаточное предложение в конструкции с союзом *доколе* может занимать по отношению к главному любую из возможных позиций. Подчинительная связь выражена союзом, иногда в главном предложении имеется соотносительный союз. Как видим из приведенных выше примеров из грамот XVI в., *доколе* может входить в состав сложного союза *до тѣхъ мѣстъ доколѣ*.

В современном русском литературном языке в сложноподчиненных предложениях времени союз *доколе* не сохранился, но как наречие времени и места *доколе* известно диалектам.

Временно́й союз *покамест*, образованный из наречия времени, которое в свою очередь образовалось из наречия места, как известно, в древнерусской письменности употреблялся в различных формах: *покаместа*, *покаместо*, *покаместы*, *покаместъ*. С тем же значением ‘до тех пор пока (не)’ известен вариант союза *покамест — докамест*. Распространяется союз *покамест* в старорусской литературе с XVI в., но исследованный материал дает немногочисленные примеры: *А покамѣста* они отъ долговъ своихъ свободятся, *и* имъ служить съ одного хлѣбнаго жалованья (Улож. 1649 г., с. 75); *И пока мѣста* имъ достати мочно, *и* тутъ всякъ себѣ государь (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 50); *И пока мѣста* салдатъ самъ съхристіяниномъ стоитъ и говорить *и* тѣ робята вто время подповѣтью или инде закурами лазятъ (Там же, с. 55); ‹Греки и Арабы› и *по то время* бѣгаютъ, *покамѣстъ* митрополитъ придетъ въ церковь Воскресенія Христова (Пут. Гогары, с. 119); и онъ меня держалъ у себя ровно четырнадцать недѣль за приставомъ, *покамѣстъ* Государь съ Москвы грамату прислалъ (Там же, с. 120); *докамест* у старца сижу, лежит, не встанет, богом привязан (Аввакум, Житие, с. 113).

Вполне сформировавшиеся временны́е сложноподчиненные предложения с союзом *покамест* наиболее широко использовались в памятниках XVII в., особенно в деловой литературе. Союз *покамест* в разговорной речи и в говорах сохранился до нашего времени, из литературного языка он был вытеснен образовавшимся от него в конце XVII в. новым союзом *пока*, который является одним из наиболее распространенных союзов для обозначения длительности времени в современном русском литературном языке. Единственный пример с этим союзом в наших материалах: И се діявольской и *пока* свѣтъ стоитъ неслѣхано злой обычай вънѣтрилъся (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 54).

Известно, что в исследуемый период старорусского языка весьма редко в сложноподчиненных предложениях времени использовался союз *докуда*; наши памятники дают лишь единичные примеры: *А докудова* вас бог помилует, свободит от бед, *и* вы ни-

чем не разделяйтесь, и люди бы у вас заодин служили (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); *А докуды*, и по грехом, Иван сын государства не доступит, а ты удела своего, *и* ты бы с сыном Иваном вместе был заодин (Там же); и поминати имъ князя Юрья по вся дни на литѣяхъ и на панахидахъ и за проскуромисаньемъ и на божественныхъ литоргѣяхъ и въ октеньяхъ въ заупокойныхъ *докуды* и міръ стоитъ (Моск. гр. 1554—1555 гг. — АЮБ, т. I, № 30, V); а ихъ почитаніе, еже ко мнѣ глаголюще, чтобъ тебѣ пожаловатъ не поскорбѣти, *докуда* пріедѣтъ митрополитъ Аѳанасій (Пут. Гогары, с. 112). Как отмечает Э. И. Коротаева [11], различные формы союза *докуда—докуды*, *докудова* и др. (они встретились в наших примерах, и даже в пределах одной грамоты) — отражали в письменности диалектную пестроту. Проникнув в письменность лишь в очень ограниченном количестве, союз *докуда* и его вариант *покуда* так и остался в диалектном употреблении и неизвестен современному русскому литературному языку.

Временно́й союз *только*, указывающий на быструю смену событий, действий, известный и современному языку, в старорусской письменности употреблялся крайне редко. Несколько примеров приведены в книге А. Н. Стеценко [12]. В наших материалах отмечен еще пример из Учения и хитрость ратного строения: *И толко* похотятъ войну вести, и имъ надобно преже искати божіей чести, а потомъ искренему своему прибылъ (с. 20).

В Житии Аввакума встретился единственный пример сложноподчиненного предложения времени с наречием *лишо* (=*толко*) в роли союза: И кобыла умерла, — все извод взял, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: *лишо* голову появил, *а* оне и выдернули (с. 74).

СТАРОБЕЛОРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ

В старобелорусской письменности XV — первой половины XVII вв. в сложноподчиненных предложениях времени использовались многочисленные союзы.

Старославянские союзы *егда* (*внегда*), *яко*, *дондеже*, представленные немногочисленными примерами в памятниках с религиозным содержанием, вышли из употребления в белорусском языке. Не закрепился в языке и широко распространенный в исследуемый период союз *кгды* (*гды*).

Чаще всего употреблялся во временны́х конструкциях союз *коли*, сохранивший господство и в современном белорусском языке. Широкое распространение в живой белорусской речи и литературном языке нашел союз *як*, вытеснивший союз *яко*. Союзы

---

[11] Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 112.
[12] А. Н. Стеценко. Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV—XVI вв. Томск, 1960, стр. 142.

докуль (доколе), *покуль*, *поки*, известные старым памятникам, закрепились в современном языке: *докуль*, *поки* — в говорах, *покуль* — в литературном белорусском языке. Известен современному белорусскому языку и представленный в наших материалах единичными примерами союз *толькі* (=*только*).

Временны́е союзы отличались не только степенью употребительности или сферой распространения. Как и в старорусском языке, их можно разделить по значению на две группы: 1) значение начала или конца действия — союзы *коли*, *яко*, *як*, *егда*, *кгды*, 2) длительность действия — *дондеже*, *докуль*, *покуль*, *коли*. Особняком стоит союз *только*, обозначающий быструю смену действий.

Союз с общим временны́м значением *коли* — самый распространенный союз сложноподчиненных предложений времени в старобелорусской письменности. Он господствует над всеми временны́ми союзами во всех рассмотренных нами памятниках, и деловых и художественных (в летописях, историях, повестях): ино *коли* великій князь Витовтъ ходилъ въ Нѣмцы, *тогды* тыхъ дѣдъ Крупосъ ходилъ съ великимъ княземъ Витовтомъ и заслужилъ великому князю (Западнорусск. гр. 1444 г. — АЮЗР, т. I, № 22, 1); *коли* есмо дѣлилися зъ братьею с своею, *ино* мнѣ досталася жонка Анка ѯ двухъ копахъ грошей (Молчед. гр. 1515 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 182); *И коли* рокъ пришолъ, ѡнъ мнѣ тыхъ пенязей десяти копъ грошей не ѿдалъ (Жомоит. гр. 1519 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 97); бо если бы онъ што стратил, тогды дети, *коли* доростут лет суполныхъ, могут ся доискивати подлуг того, яко, яко у вышъшем артикуле выписано (Литов. ст. 1529 г., с. 32); *коли* па(к) кнѧ(з) велики(и) Вито(вт) би(л)сѧ с Татары, *тогды* пѣа Спы(т)ка Татарове ѯбили (Лет. Рачин., с. 262); *а коли* ѣ прыеду къ городу, *и* вы ѯзво(д) ѿпустите на мостъ (Там же, с. 264); а пото(м) *коли* то(т) болванъ сказилсѧ· *и* ѡни тое ѡзеро и тое местцо хвалили. и мели за Бг̑а (Лет. Крас., л. 65 об.); *А коли* вже была весна в року 1602, тотъ находъ людей множество почали мерти (Лет. Баркул., л. 164 об.); *А коли* были почали познавати онаго Дмитра Нагого, в *тотъ часъ* з Могилева на село Онисковича Сидоровича ажъ до Пропойска увышолъ (Там же, л. 172—172 об.); И Movсіи, *коли* по скрыжали на гору в 'другое пришолъ, не уклякалъ предъ Богомъ, яко Ляхове и Люторы, але нахилился до земли (Списание пр. люторов, с. 89); а его милосердье до всих покорныхъ прыходѧчые ѡдержали до того, *коли* Атылѧ срокгимъ ѡблеженемъ былъ велми тѧжкии (Ист. о Атыле, с. 202); *А коли* вышли мѣсецы днеи, и ѡна родила сына цудного створенѧ, *и коли* его крестили, дали имѧ ему Бово (Ист. о Гвидоне, с. 129); *И коли* был часъ ворота ѡтворыти, *тогды* ѡтворыли и узвод ѡпустили и выгнали многии добыток из града на поле (Там же, с. 163); *и коли* прыехал у городъ, *аж* Бово зъ Дружненною в конюшни стоить (Там же, с. 139); *и коли* сѧ зъехал с Трыщаномъ, *ино* Трыщан с конѧ его скинулъ (Пов. о витязях, с. 88); *а коли* видела пана Трыщана у дверехъ палацу своего, *такъ* скочыла

велми прудко (Там же, с. 106); [*К*]*оли* той листъ принесено але҃а҃дрови ро҃гнѣва҃се велми дла҃ кривды бого҃ (Александрия, с. 98).

Конструкции с *коли* характерны преобладанием препозиции придаточного; случаи интер- и постпозиции в рассмотренных памятниках составляют всего лишь 1%. Также в очень небольшой части всех примеров имеются соотносительные союзы в главном предложении. Как видно из приведенных примеров, наиболее употребителен соотносительный союз *тогда* (*теды*), реже встречаются *и*, *ино*, *то*, *так*, *аж*. Соотносительными словами являются *потом*, *в тот час*, *до того* — они вносят бо́льшую точность во временны́е отношения, указывая на одновременность или последовательность действий главного и придаточного предложений.

Коли — самый употребительный союз времени в современном белорусском языке.

Одним из наиболее распространенных временны́х союзов в исследованных памятниках (уступает по употребительности лишь союзу *коли*) является *кгды* (*гды*), используемый в старобелорусском языке под влиянием польского. Известен он различным литературным жанрам: употребляется и в деловых документах, и в летописях, и в повестях, в произведениях переводных и полемических: Иж, *кгды* первей емꙋ ѡт кнѧзѧ Василѧ тое збоже его, што сѧ прийдет, ѡтдано бꙋдеть и ѡт людей ѥго Милости в том сѧ заплата станет, *тогды* мает Гринко Ѯранский после того в четырех недѣлѧх тꙋю дванадцат коп грошей кнѧзю Василю ѡтдати (Берест. гр. 1512 г. — Arch. Sang., т. III, № 126); прото жебы есте о томъ вѣдаючи, водле науки права посполитого *подъ часъ* небытности его въ панствахъ нашихъ, *кгды* онъ съ тыми людьми рыцерскими на послузѣ нашой и Рѣчи Посполитое будеть, ‹справъ его всякихъ . . . откладали› (Вил. гр. 1609 г. — АЮЗР, т. II, № 32); *А кгды* о то, за взятьемъ вѣдомости о таковомъ своволенствѣ его, былъ по три разы позвы духовными передъ велебного архіепископа и духовенство его рокомъ завитымъ припозванъ, для данья о собѣ справы и усправедливенья: *ино* онъ позвовъ тыхъ послушенъ быти и передъ нимъ стати и справитися того не хотѣлъ (Вил. гр. 1602 г. — АЗР, т. IV, № 156); *а кгды* пущу свою розробливать всхочетъ, не маетъ бортемъ и дереву бортному жадное шкоды вчинити (Литов. ст. 1529 г., с. 79); и *кгды* коро(л) Жыкгимо(нт) во(и)ска свои роспусти(л), *тогды* во(и)ска наза(д) идучы ꙋ свою землю тра҂ѳили во(и)ско Тата(р)ское недалеко ѿ Слу(ц)ка (Лет. Рачин, с. 279); а панове Радивилове того пилне стерегли, и *кгды* король до сестры ихъ ꙋшолъ. ѡни *того*(*ж*) *часу* тамъ до короля прышли. и мовили ему (Там же, с. 289); Тую обмову его милость *кгды* княжа в коле поведилъ, тымъ вси были ображени людскимъ повоженьемъ (Лет. Баркул., л. 147); бо *к'гды* мати царя Костянтинова обыскъ чинила о Хрістове кресте, *тогды* тамъ и гвоздіе знашла (Спис. пр. люторов, с. 71); *гды* дей въ томъ року господарь вашъ съ государемъ нашимъ дѣла якого дѣлати не будетъ, на другій дей годъ будетъ трудно до всего прійти. (Вестов.

отписки Кмиты 1573—1574 гг. — АЗР, т. III, № 58); *кгды* се мовилъ панъ троцкий на Володымира, *теды* Володымиръ мовилъ: «самесь такий» (Дневн. Евлаш., с. 168); *Потомъ въ понеделокъ, гдымъ* се южъ мелъ зъ места зъ теломъ провадити, подалъ ми панъ судя, жебы не вадило постати въ рынку зъ теломъ, а Лицыниушъ жебы тамъ премове учинилъ (Там же, с. 155—156); Тотъ *тогды, кгды* Гонорыусъ умер а на мѣстцэ его Валентиѧн настал, вернул сѧ до Рыму (Ист. о Атыле, с. 184); Вже был Атылѧ з влоских границ выт‿агнулъ, *кгды* посол до него прышол (Там же, с. 221); *Кгды* то споведали королю Марку, ѡнъ былъ велми смутен (Пов. о витязях, с. 9).

Конструкция с *кгды* в большинстве случаев имеет препозицию придаточного, интер- и постпозиция придаточного отмечены в четвертой части всех примеров, так что можно говорить о свободной позиции придаточного.

Предложения с соотносительными союзами составляют лишь десятую часть всех примеров, причем наиболее употребителен союз *тогда* (*теды*), и в единичных случаях употребляются *то, ино, и, а.*

Следует отметить, что сложноподчиненные предложения времени с союзом *кгды*, очень близкие по строению к современным временны́м конструкциям, будучи широко используемыми в письменности, впоследствии вышли из употребления. Союз *кгды* неизвестен современному белорусскому языку.

Союз *яко,* как в древней письменности, так и в старобелорусской, встречается преимущественно в литературе повествовательной: ꙗко состоупишасѧ полци Бг̑ь(ж) по пр(о)рка Двда словѫ сотвори (Лет. Увар., л. 18); ꙗко приидѣ ко гра(д)у Дроцкѫ. Дроуцкыи кн̑зи стретоша его и оудариша емоу челомъ оу слоу(ж)боу и ѡтолѣ поиде ко Рши (Там же, л. 27 об.); ꙗко(ж) ѡ(н) шолъ бэзпе(ч)не собѣ з ла(з)ни в Новгородку *и* тые мужыки его зра(д)не забили (Лет. Рачин., с. 239); А такъ лежалъ тотъ снегъ 2 недели ажъ до Дмитровы суботы; *якожъ* з великихъ морозовъ река Днепръ был замерзъ, и ездили по немъ яко середъ зимы (Лет. Баркул., л. 164).

Постепенно малоупотребительный союз *яко* вытесняется расширяющимся в старобелорусском языке союзом *як*: и змы(с)лила собе ꙗкъ жонъки будуть насъ поклада(ти), *тогды* тобѣ ѡ(д)ное жо(н)ки пла(т)е ѫскла(д)шы вы(и)ти вонъ, з другою жо(н)кою (Лет. Рачин., 252); и ꙗкъ тыхъ трехъ братовъ не стало, *ино* и(х) четве(р)ты(и) бра(т) ѫ Литве де(р)жа(л) Новгородо(к) (Там же, с. 261); *И* ꙗкъ почалъ ‹Бово› рости, *и* ѡн‹кгвидонъ› его поручыл ѡдному служебнику своему Симбалду (Ист. о Гвид., с. 129); а ꙗкъ вышло днеи пѧть, царовна сама понесла ему ести и пити (Там же, с. 146).

Более старые конструкции с союзом *яко*, так же как и сменившие их с союзом *якъ*, преимущественно — с препозицией придаточ-

ного предложения, в главном предложении встречаются соотносительные союзы *и*, *ино*, *тогда*. Если сказуемое придаточного предложения выражено глаголом совершенного вида, то обычно действие придаточного предложения предшествует действию главного; если же сказуемое придаточного предложения — глагол несовершенного вида, то действия главного и зависимого предложений происходят одновременно.

Исследованный материал дает немногочисленные примеры с союзом *як*, но со временем, став господствующим в юго-западных и среднебелорусских говорах [13], он получил широкое распространение в современном белорусском литературном языке, в то время как союз *яко* современному языку совершенно не известен.

Известный старорусской письменности временнóй союз *доколе* использовался в старобелорусских памятниках преимущественно в форме *докуль*. В наших материалах он употребляется в основном в повествовательном жанре: а мы так і держимъ ‹миръ› крепъко, *доколе* изыідеть (Полоцк. гр. ок. 1400 г. — РЛА, № 134); хочоу ѡдь ва велми радъ принѧти. и жда тамо *докоу* пѣнѧзи принесены (Страсти Христ., л. 1); а мене ва(м) оу себе дръжати въеводою *докоуль* сѧдеть на Вилни кѣзь великіи и вл(д)ка Смоленьски Семеѡ(н) (Лет. Акад., л. 166 об.); Їй тебе не могу витезем поставити, *докол* ми не споведаеш родины своее. (Ист. о Гвид., с. 140); и можеш тамъ служити *доколе* ти сѧ будет час пасати на рицэрство (Пов. о витязях, с. 18); Длѧ того ѧ ѡбецую сѧ богу *дотуль* не носити ѡружыѧ, *докуль* не вижу других рыцэровъ ѡсоромочоныхъ ѡт Круглого стола ѡт худыхъ рыцэров с Корновали (Там же, с. 49).

В сложноподчиненных предложениях с *докуль*, как видно это и из приведенных выше примеров, господствует постпозиция придаточного, возможно соотносительное слово в главном предложении *дотоле (дотуль)*.

Обычно значение союза *докуль* — *пока*, *пока не*, *до тех пор пока*. В этом значении он сохранился в говорах не территории пинского Полесья [14]. В исследованном материале отмечен пример, где союз *докуль* употреблен в менее для него характерном значении — *раньше чем*, *прежде чем*, при котором действие главного предложения не ограничивается действием придаточного [15]: и помѧноу петръ слова ісвы што емоу говори. первѣе *докоу* петоухъ не запое трикра ѿвержешсе мене. (Страсти Христ., л. 8).

---

[13] «Нарысы па беларускай дыялекталогіі». Мінск, 1964, стр. 336. — Многочисленные примеры с *як* в белорусском фольклоре и в белорусских говорах см.: Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 484.

[14] А. П. Груца. Развіццё складаназалежнага сказа у беларускай мове. Мінск, 1970, стр. 177.

[15] Ср. примеры, приведенные А. П. Груцо (указ. соч., стр. 177).

Со второй половины XV в. в старобелорусской письменности отмечены союзы *поки*, *покуль (покол)*, близкие по значению союзу *докуль*, но шире используемые в языке. О близости в значении свидетельствует параллельное употребление этих союзов в одной фразе. Например: Вѣдаи запэвне, *покуль* еси тутъ, не выиду ѡтселе, ꙗкож и не выходилъ *докуль* въ его замку былъ (Пов. о витязях, с. 116).

Примеры с союзами *поки*, *покуль* имеются и в деловой письменности, и в художественной: ‹жаловала намъ пани Мицѳтиная› штожъ бы мужъ ее небожъчик панъ Миха'ло взялъ к(ъ) свое рѳце ѿчину дете' ее, дворъ, на имя Ваганово и приселки того двора — Светичово а Паниковцы, и землю, на'мя Долъбневц, по смерти ее мужа небожъчика пана Мицѳтине, *дотол(е)*, *поки бы* дети пана Мицѳтины поднялися (Городн. гр. 1507 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 48); ‹суди. . . мают послати до воеводы› и науку взяти, хто будет близшы ку доводу, а сами оттоле зъездчати *дотол*, *покол* науку от воеводы возмуть, не мают, олиж мают, науку воземшы наконецъ справедливость вчинити (Литов. ст. 1529 г., с. 68); и просилъ ‹кн҃зь До(в)монтъ› горожа(н) своихъ абы ему не подали города *поко(л)* бы ѡ(н) прошолъ во(и)ско Нарыму(н)тово (Лет. Рачин., с. 238); а мене ва(м) быти послу(ш)нымъ *до того часу поки* кн҃зь велики(и) на Литве сѧдеть на Вилни и на Троцэхъ (Там же, с. 272); *поты поки* его ласка мнѣ дает хотѧ троха ведати не мѣл, вѣдаи ѡ том (Ист. о Атыле, с. 187); тобѣ *дотуль* тое можности земское ужывати допустить, *поки* ему будеть ся здало (Там же, с. 187—188); а королѧ до мѣста упровадили, в котором Атылѧ зо всими своими воиски *потуль* мешкал *поки* хотѣлъ (Там же, с. 218); бо *поки҃уль* тот злодеи старыи буде жыв, не можемъ ѡт него впокоѧ мѣти (Ист. о Гвид., с. 133); Добре, пане, бог ти помож, *покул* есми жыв, не буду рыбами торговати (Там же, с. 149); хочу в лузе скрыти сѧ, *поки* ми то справишъ (Там же, с. 159); и стоѧла Ижота у закрете, *поки* к неи вышла с коморы Брагинѧ (Пов. о витязях, с. 86); Вѣдаи запэвне, *покуль* еси тутъ, не выиду ѡтселе (Там же, с. 116).

Постановка придаточного в сложноподчиненных предложениях времени с союзами *поки*, *покуль* чаще постпозитивная, но возможны и случаи пре- и интерпозиции придаточного. Используемые в этих конструкциях соотносительные слова и словосочетания *дотол*, *дотуль*, *потуль*, *поты*, *до того часу* и под. подчеркивают, что действие главного предложения ограничено началом или завершением действия придаточного, с этим же значением употребляются соотносительные слова при союзе *докуль*.

Широкое распространение союзов *поки*, *покуль* в живой белорусской речи отмечал Е. Ф. Карский [16]. А. П. Груцо [17] указывает, что союз *покуль* значительно чаще используется в современном

[16] Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 484.
[17] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 178, 180.

белорусском языке, чем союз *поки*, присущий литературному языку, и чем соответственный ему в говорах союз *пока* и его варианты, употребляемые под влиянием русского языка.

Временно́й союз *только*, крайне немногочисленный по употреблению в старорусской письменности, отмечен нами в старобелорусских памятниках лишь в единичных примерах: *толко* гдѣ укажеться послуга господарская и речи посполитое, якъ посполитое рушенье будеть напротивко непрыятеля господара короля, пры почтѣ нашомъ повиныи будутъ ставити трехъ коней съ пахолками и рынштунками военными, яко до бою, и то коли будеть рушенье посполитое (Городен. гр. 1480 г. — Археогр. сб., VII, № 8); на ты мѣстъ *толко* его цѣрь оувиде. вѣ гне свои на него покиноу (Страсти Христ. л. 24 об.).

А. П. Груцо [18] не отметил ни одного примера в проанализированных им памятниках старобелорусского языка, но указывает, что в современном белорусском языке союз *толькі* используется в тех случаях, когда необходимо показать, что действие главного предложения происходит сразу же за действием придаточного; известен союз *толькі* и в составе сложных временны́х союзов *(як толькі, толькі што, чуць толькі)* [19].

Союз *как*, широко используемый во временны́х конструкциях древнерусских памятников, по мнению А. П. Груцо, является «самым распространенным в языке деловой белорусской письменности» [20], однако в исследованных нами материалах союз *как* в деловых документах по частоте употребления уступает союзу *коли*. Приведем несколько примеров из грамот и Литовского статута 1529 г.: *какъ* служба господарьская ѡминеть, *и тогдыжъ* маемъ роки сушныи положити той заплате навязки (Борис. гр. 1514 г. — Литов. метр., т. I, кн. I, № 147); И мы ему велели имъ служити добровольно, *а какъ* ѕсхочет пойти прочь, мають его ѿпустити (Кгерек. гр. 1515 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 171); А тую уставу подданые наши мают держати до десети лет, *а какъ* десеть летъ выдеть, *тогды* кожды маеть военную службу служити подле наболшее можности своее, какъ и передъ тымъ служили (Литов. ст. 1529 г., с. 13).

Исследованный материал свидетельствует о широком использовании союза *как* во временны́х конструкциях в жанре летописи: *а какъ* се(д) кнзь великии Кестоутии оу Вилни. пошлеть в. члвка к Полоцькѕ (Лет. Увар., л. 3 об.); *какъ* поидѕть жонкы покладати *ино* бы емѕ ѡдное жонкы оускласти порьты да выити вонъ (Там же, л. 11 об.); *какь* выеде из Немець кнзь велики Витовтъ· на великое кнжение. *такь* ѿпоусти нѧтъца своего кнзѧ Глѣба Ст҃ославлича · ко Смоленскоу на великое кнжение· а кнзю

[18] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 175—176.
[19] См.: «Граматыка беларускай мовы», т. 2. Мінск, 1966, стр. 618, 620—621.
[20] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 169.

Юрью Стославичю вда горо(д) Рославль (Лет. Супр., л. 101 об.); *а какь* оуслышавь то кнзь велики. Витовтъ что Прускіи Нѣмци к Вилни и Троко(м) идоуть а кнзь великии Ягаило из Волни к Троко(м) же идѹть ратью снимати(с) з Нѣмци *и* ѡнь поиде(т) с Троковь к Горо(д)ноу с матерью *а какъ* приступить ко Трокомъ кнзь великіи Ягаило *и* Троки дадѹтсѧ емѹ (Лет. Акад., л. 175); а кнзю Свѣтосла(в)у стоячи по(д) Мстиславле(м) городо(м) и города добываючи *ка(к)* оуслыша(л) кнзь Свѣтосла(в) што (ж) иде(т) на него кнзь Ски(р)гаило с кнзе(м) вѣлики(м) Витовто(м). и (з) Бра(т)ею своею. *и* кнзь Свѣтосла(в) собра(в)ши воиско свое и поиде(т) противкѹ имъ (Лет. Крас., л. 79).

Как и в приведенных примерах, в большинстве случаев с союзом *как* действие придаточного предшествует действию главного предложения (при сказуемом придаточного предложения — глаголе совершенного вида).

Поскольку конструкции с союзом *как* имеют устойчивую препозицию придаточного, а наряду с соотносительными союзами *тогда*, *ино*, *так* в большинстве случаев в главном предложении наличествует в той же роли сочинительный союз *и*, можно предполагать, что эта конструкция являет собой переходный этап от сочинения к подчинению. См. примеры, приведенные выше.

Союз *как* не закрепился в живом разговорном языке, постепенно вышел из употребления и не знаком современному белорусскому языку.

Старославянский книжный союз *егда*, нашедший широкое распространение в старорусской письменности, отмечен лишь в нескольких старобелорусских памятниках. Это — единственный пример в Супрасльской летописи и около 40 — в Списании против люторов: *е(г)да* бы(с) кнзь Юрьи на Москве. *а в то врѣмѧ* Витовтъ собра силоу многоу и ста оу Смоленьска (Лет. Супр., л. 58); Іуліянъ нечестивый, гнѣваяся на хрістияны и на святаго Артемия *егда* его во Анти(о)хии мучилъ, той образъ збилъ (Списание пр. люторов, с. 63); *егда*, рече, явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси, *тогда* восплачутся вся колѣна земная (Там же, с. 81); *Егда* бо и въ сонномъ виденіи прекрестится человѣкъ, *тогожь часу* сатана отбежитъ. (Там же, с. 89). В Списании против люторов отмечено и два примера с союзом *внегда* (вариант *егда*): Птахъ, зовемыи еродие, *тогда* радуется, *внегда* отлучится вселен'ныя (с. 155); *Внегда* бо начнетъ человѣкъ поститися, абіе отъ сего въ желаніе беседы Божия приходить, сиречь молитвы (с. 160).

Современному белорусскому языку союз *егда (внегда)* неизвестен.

Союз *дондеже*, имевший довольно широкое распространение в памятниках старорусского языка, в старобелорусской письменности отмечен лишь в единичных примерах в летописях XV в. и в Списании против люторов — произведении, отличающемся

наличием элементов лексики, не свойственных большинству старобелорусских памятников: и выехали к немоу с дары. вса бра(ти)та Сто(сл)вичь. и вси кнзи Смоленьскии. *дондѣ(ж)* не ѡстани ѡдинь оу градѣ но и (з) боѥары своими (Лет. Увар., л. 34—34 об.); и видель же Певгоусеи таковое видиние. и таковое слышание стоѥаше трепетень. *дондеже* ѡиде насадь изо ѡчию его (Лет. Супр., л. 27—27 об.); и бы(с) ‹кнзь Родислав› в таковои ноужи во истоме г лѣ(т) *доньдеже* взя на немь ѡкоупь · ѧв роублевь и ѡпоусти его (Там же, л. 57); не возлягу на одрѣ моемъ, ниже дамъ с'на очима моима, дон'деже обр[а]щу мѣсто Господеви, село Богу Ияковлю (Спис. пр. лютеров, с. 101); ‹святіи› не отступали отъ градовъ и мѣстъ и селъ, *дондеже* люди приведоша ко Хрісту (Там же, с. 168); Сіи же Осіи своя обручницы искушаютъ по три лѣта, *дондеже* скверности женскія очист[и]тся трикраты (Там же, с. 181).

В современом белорусском языке во временны́х конструкциях нет союза *дондеже*.

СТАРОУКРАИНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

В староукраинском языке, как и в родственных восточнославянских языках, в исследуемый период для временно́й конструкции характерно наличие ряда различных по происхождению и употреблению союзов, состав которых меняется со временем.

Постепенно выходят из употребления ограниченные распространением в церковно-религиозной литературе старославянские союзы *егда*, *дондеже*, *донележе*. Мало используются и не закрепляются в языке *как* и *когда*.

Позднее вытесняется из языка широко распространенный в XV—XVII вв. полонизм *кгды*, в то время как представленные в наших материалах единичными примерами союзы *як*, *только*, *скоро*, *доколе (=докіль)* впоследствии закрепляются в живой разговорной речи и употребляются в современном украинском языке. Наиболее стабильным с того времени до наших дней является господствующий среди временны́х союзов союз *коли*.

Для староукраинской письменности, как и для старобелорусской, характерно господство союза *коли* в сложноподчиненных предложениях времени. Будучи широко распространенным в живой украинской речи, *коли* нашел отражение в памятниках различных жанров и стилей. Например: Ино, *коли* тот Тишко, сходячы сего свѣта, душу свою ему полецылъ и того своего ч[о]л[о]в[е]ка Малышка и с тыми землями въ д[у]ховницы ему жъ отписалъ, *и* мы ему на то дали сесь нашъ листъ з нашею печатью (Перевал. гр. 1498 г. — РИБ, т. XXVII, кн. 5, № 182); и мы и положили рѡ *коли* маемъ на ты сеножати вьѣхати и в тѡ межи ими росправити (Киев. гр. 1508—1520 гг. — Палеогр. изб., № 5); *коли* же

оубы҃шеть кого. *тогда* веселъ бѧшеть (Гал.-Вол. л., л. 286); *А коли* от того веселя и триумфу радости мирское порван, *тогды* зараз во адѣ ся знашол (Виш., Книжка, с. 34); *А коли* брата есми не простил, который от меня прощения искал, *тогда* и бог меня отступил и нимало терпѣти есми не могл (Виш., Послание Домникии, с. 168); Зась, знову въ Римѣ и на онъ часъ Петръ святый не былъ, *коли* листъ до Колосаевъ зъ Риму былъ писанъ (Пересторога, с. 233); Снать подобно горшей якоесь злое покажется, *коли* 1660 и в будетъ ся писати (Палин. Копыст., с. 316); Ось іще будут пироги, *коли* ся вернемо з дороги (Интерм. к драме Гават. 1619 г.); Знаю я, що ся дѣе и на краи свѣта, *коли* бог основал землю и положил на неи дочасніе лѣта (Сл. о збуреню пекла).

Свободное расположение частей предложения, соотносительный союз *тогди (теди)*, присущие временно́й конструкции с *коли*, — вот те черты, с которыми эта конструкция вошла в современный украинский язык. Союзы *коли*, *відколи* в современном украинском языке наиболее употребительны. В Палинодии Копыстенского встретился пример с *отколи*=укр. *відколи*: А поневажъ Римъ и Влоскую землю зъ провѣнціями прилеглими далъ сынови своему Констансови, и сѣдѣлъ тамъ на царствѣ, *отколи* и соборъ Сардикійскій складалъ, и Аѳанасіа у себе ховалъ (Палин. Копыст., с. 325).

Временно́й союз-полонизм *кгды (гды)* в период XV—XVII вв. широко использовался в староукраинской письменности. Это — один из наиболее употребительных союзов и в языке грамот, и в произведениях полемических, и в тех, которые наиболее отражают живой разговорный язык: *а кгды* бѫдем то ѡкѫповати, ꙗ,або ближнии мои, *тогды* ꙗко тые пѣнѧзи, так и наклад Єго Милости мают заплатити (Луцк. гр. 1534 г. — Arch. Sang., т. III, № 493); *И кгды* ѡн светки поставил Федор Бокей з оных светковъ его трех боѧр шлѧхтѫ ѡбрал (Львов, гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 80); *И кгды* самъ панъ маршалокъ до тыхъ воротъ до Чернцовъ пріѣхалъ и подлѣ тыхъ воротъ сталъ, *ино* тые чернци до архимандрыта его милости пана дворенина мене возного и стороны не пустили (Киев. гр. 1597 г. — АЮЗР, т. II, № 163); ‹однак же ми так знаем›, же *кгди* над церквами восточними ужалуємсе і над вірою нашею православною, *теди* они не однесут потіхи (Укр. гр. 1651 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 58); *кгди* ся назад повернул с ханом, і шкоду їм козаки учинили, *і* он просил, штобѡ їх не шарпано поки перейдут (Укр. гр. 1654 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 230); *И кгды* упоромъ власть римскую ростягалъ, *тогды*, при бытности его, Турции Цар-городъ взяли, а онъ незначне до Руси втекъ (Ист. о Флор. соборе, с. 469); Малый хмары оболочокъ, *кгды* подъ насвѣтлѣйшее солнце подступитъ, мало не [в]весь свѣтъ потемняетъ (Отв. клир. Острож., с. 384); бо *кгды* ее переладует, *тогда* ум сном и лѣностию погружается и утапает (Виш., Книжка, с. 29); Чого *гды* ся довѣдалъ Кириллъ, самъ до патріарха зъ Львовскимъ епископомъ Геде-

ономъ поѣхалъ (Пересторога, с. 207); Не естехмы упорными, *кгды* такъ вѣруемъ, яко апостолы учили (Палин. Копыст., с. 319); За великую собѣ мѣл то нагороду, *кгды* з неволѣ вызволил кого на свободу. (Вірши Саковича); Таким способом рыцер славы набывает, *кгды* ся з неприятелем менжне потыкает (Там же); *А гди* згрѣшили, познали ся нагими (Слово о збуреню пекла); *А гди* будут бубнити, *в той час* душу его будут провадити. (Там же); Але гди душа его вишла с тѣла, *тогди* не едина там плоть изимълѣла (Там же).

Сложноподчиненные предложения с союзом общего временно́го значения *кгды* обозначают либо одновременность действия главного и придаточного предложений (при сказуемом придаточного предложения — глаголе несовершенного вида), либо последовательность (когда сказуемое придаточного предложения — глагол совершенного вида). Возможны в этих конструкциях соотносительные союз *тогды (теды)* и словосочетание *въ той часъ, того часу* (такие конструкции составляют шестую часть всех примеров). Употребляются они параллельно с конструкциями без соотносительных союзов и словосочетаний. Например: Не был тежъ въ Римѣ Петръ святый и *тогды, гды* Павелъ святый зъ Риму писалъ до Филиппписеовъ. . . Ани тежъ *въ той часъ* онъ не былъ въ Римѣ, *гды* Павелъ святый до Тимоѳея вторый листъ свой писалъ о Онисифору. . . Ани тежъ не былъ онъ въ Римѣ, *гды* Павелъ святый писалъ листъ до Филимона зъ Риму (Пересторога, с. 232—233).

Конструкции с *кгды* имеют свободный порядок расположения частей предложения. Половину всех примеров составляют случаи с пост- и интерпозицией придаточного, что является признаком совершенства конструкции, как и редкое и необязательное употребление в них коррелят. Однако, несмотря на то, что предложения с *кгды* имели широкое распространение в письменности и были оформлены как современные временны́е конструкции, союз *кгды* не закрепился в разговорном языке и незнаком современному украинскому литературному языку.

Союз общего временно́го значения *когда*, нехарактерный для староукраинской письменности и не употребляемый в современном украинском языке, встретился в исследованных памятниках в нескольких примерах: повинны все быть с ружьем готовы и *тотчас* до замку, *когда* дадут ведати, сходитись (Укр. гр. 1633 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 77); Але *когда* добрый владыка на проповѣд выбрал простых хлопов, смиренных нищих, беззлобивых рыболовов, кожемяк и тым церков свою поручил, в шафунок спасение человѣческое, досвѣдчивши их быти вѣрными, злецил, — так же властне и патриарха, слѣда христова держачися, учинил (Виш., Книжка, с. 72—73); *А когда* безстрастие ощутив, *тогда* возвратився до людей паки (Виш., Позорище, с. 212); *Когда* ся разделив народ в соборы, до видомых проповѣдников привязучися титулы, и одны ся звали Христовы, другие — Павловы, иные — Кифяны, то есть Петровы, а иные — Аполлосовы; там же

зафрасовался на них Павел и глаголет (Виш., Зачапка, с. 184); *А когда* скаргу такую преложилъ, взрушилъ Богъ въ корону Польскую не только Русь, але евангеликовъ и самыхъ Римлянъ (Пересторога, с. 216).

Интересно отметить, что больше всего примеров употребления союза *когда* в языке Вишенского. В то же время в его произведениях мы встретили лишь один пример использования весьма распространенного в то время в староукраинской письменности польского союза *кгды*. Очевидно, идейная направленность публицистики Вишенского (против иезуитов и униатов) влияла на выбор языковых средств, т. е. элементы лексики, характерные для русских памятников, предпочитались польским.

В исследованных памятниках староукраинской письменности в том же значении, что и в старорусском и старобелорусском языках, в немногочисленных примерах (преимущественно в произведениях И. Вишенского) отмечено наличие союза *доколе (докоуя, докоуь)*: Второе, съборно съзвавши братию правъславных в школу рано по проспании нощном, *докоуя* еще молва мирская смущение и попечение на мысль бодрую и здравую не възыйдет и не оболѣет промыслом земным и *докоуя* еще чрево не наладовано гноем снѣдных, *тогда* да ся читает (Виш., Книжка, с. 9); *И докоуя* тот хвост на головѣ носит, покаятися может (Там же, с. 41); Не бойтеся для того ляха, але убойтеся ляхова творца, который и ляхову и нас всѣх души в своей гръсти дръжит и *докоуя* он хочет, *дотоуя* нам дыхати, жити и дѣяти што мы хочем или изволяем, на добро или на зло попущает (Там же, с. 44); А тожь я бым и пану Юркови радил, *докол ѣ* дышет о своем спасении пилне постаратися (Виш., Послание Домникии, с. 166); *а докоуя* того не будет, всуе бѣседа с тобою (Виш., Зачапка, с. 198); не умолитъ огородникъ пана своего, абы не сѣщи неплодное древо, *докоуь* осыплетъ его гноемъ, до пришлого лѣта (Пересторога, с. 223); Яко бо дѣвица *докол ѣ* свое дѣвство честно ховаетъ, дѣвицою есть (Там же, с. 226).

Характерные черты конструкций с *доколе* — свободное расположение частей сложного предложения и наличие (в меньшей части примеров) соотносительных союзов *тогда*, *дотоле*.

Союз *доколе* был элементом разговорной речи в письменности. В современном украинском языке он известен в форме *докіль (доки)*. Причем *докіль* (как и союз *покіль*) более широко распространен в диалектах [21].

Наречие *только* в значении союза временны́х предложений в староукраинской письменности, как и в родственных языках, явление крайне редкое. Нам встретились примеры с союзом *толко (тылко)* в произведениях И. Вишенского: Волно вам не вѣровати, але умры *тылко*, *тогда* узриши, если лгу или правду мовлю (Виш., Книжка, с. 77); Але нехай *толко* от сея жизни изгнани будете, *тогда* будете видѣти, што будете мѣти (Там же, с. 89).

[21] «Курс сучасної української літературної мови», т. II. Київ, 1951, стр. 259.

При использовании союза *только* (укр. вариант *тільки*) временна́я конструкция имеет такое значение: действие главного предложения наступает сразу же за действием придаточного. Это же значение достигается при употреблении других временны́х союзов+наречие *только*. Например: *только коли* трафится Руска богатая, альбо дѣдичка маетности, хотя бъ и еретичка, *то* позволяютъ своимъ таковую взяти, альбо поняти (Пересторога, с. 230); Вѣмы бо, *коли* мы *толко* вѣры своее отступимо, тот князь мирский, папа, наши скриниска наполнит. . . (Виш., Книжка, с. 41).

В современном украинском языке употребляется союз времени *тільки* и сочетания *як тільки*, *тільки що*.

Отметим единственный случай употребления в Галицко-Волынской летописи неизвестного современному украинскому языку союза ѡдва=*как только*: ѡдва ратнии выбѣгоша изъ города, завътра же игоумени с попы и сь дыѧконы и изрѧдивше крилосъ. и ѿпѣвши ѡбѣднюю. и начаша сѧ. причащати . первое сами (Ипат. л. (Гал.-Вол.)., л. 284 об.).

Лишь единственным примером представлен в наших материалах и временно́й союз *скоро* (=рус. *как только*), широко употребляемый в современном украинском языке: *А скоро* буду мати якую пономку, теди і тобі даватиму знати (Укр. гр. 1651 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 137).

Приведем также единственный в исследованных памятниках пример с союзом *покуду*, которому в современном украинском языке соответствуют союзы *поки (поки́ль)*, *аж поки*: Перестерегаем притом, дабы во дни торговие и в ярмарки так здешние, яко и приезжающие ремесники не скупляли кож, так яловичих, яко и баранячих, на свою потребу, *покуду* выйдут из церкви божой мещане цеху шевского. (Укр. гр. 1642 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 214).

Союз *як*, употребляющийся в современном украинском языке самостоятельно и в составе сложных союзов, в наших материалах встретился лишь в одном примере: И ꙗк всим правом их с обѫ сторон конец сѧ станеть, *тогды* мають ѡни до дрѫгих именей своих с комисарми ехати (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 84).

Временно́й союз *как*, неизвестный современному украинскому языку, в рассматриваемый период использовался в староукраинских памятниках делового жанра и представлен в наших материалах единичными примерами из грамот: *а какъ* пошла тая Олюшка за Васка, *такъ* опять зазвалися передъ насъ (Брасл. гр. XVI в. — АЮЗР, т. II, № 125); *и какъ* онъ вмеръ, *ино* жону его понялъ за себе князь Юрьи Смага и тое имѣнье по ней держалъ (Львов, гр. 1510 г. — АЮЗР, т. I, № 57); *и какъ* онъ вмеръ *и* тое имѣнье досталося, по смерти князя Смажины, той дочцѣ его (Там же); *А как*, государь, те путивльцы, торговые люди, из литовские стороны в Путивль приедут и в роспросе мне, холопу

твоему, вестей каких скажут, *и* я, холоп твой, те вести учну писать к тебе, государю, к Москве тотчас (Укр. гр. 1649 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 78); Бо *как* Корній, купець наш, і тепер свое суми от Федоса Колцова не сишчет, *іно* шукат будет в нашой землі на ваших купцах всего зискать і собі нагородит (Укр. гр. 1652 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 118).

Старославянский союз *егда*, во всех восточнославянских языках присущий произведениям высокого стиля, в староукраинской письменности имеется в единичных примерах в немногочисленных памятниках.

Встретился союз *егда* в грамотах в тексте религиозного содержания: Яко *егда* возсіяетъ солнце, и все еже во тмѣ просвѣщается, и все еже во зимѣ огрѣвается, и все еже въ попраніи и въ недоумѣнію возрастаетъ: сице и твой благопривѣтливый образъ, прехвалный Борисе, круговидному и свѣтлосіяющему солнцу подобенъ (Львов. гр. 1592 г. — АЗР, т. IV, № 34, IV); Яко братство нарицается, *егда* христиане правоверныи, живуще посреде иноверных . . . хотяще от них отлучатися и с ними ничто же смесно имети, сами со собою любовию совокупляются (Укр. гр. 1625 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 25). Употребление этого союза в двух грамотах с обычным бытовым содержанием, возможно, следует отнести за счет начитанности и образованности их автора: Заховую их тож пры вольности от податей и повинностей меншых частых, а *егда* гвалтовние подати и повинности, яко то: охранение места, замку и ровов, копання на оборону и ставление палесаду, также порвание гребли з мещанами заровно присовокупляю (Укр. гр. 1633 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 77); *егда* резник який з резництвам для торгу приедет, мает тож объявить цехмистровы под виною на замок 3-х коп литовских. . . (Укр. гр. 1636 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 103).

Имеется союз *егда* в Галицко-Волынской летописи, близкой по языку древнерусской письменности: *егда* выѣхаше на поле *и* выбѣгнѧше заѧць на поле (л. 274); *егда* Батыи всю землю Роускоую поима. *тогда* и црвь стои Троицѣ зажьжена бы. и пакы создана бы (л. 281 об.).

Лишь один пример с *егда* отмечен в Ответе клирика Острожского: *I егда* царь Леонъ иконобор'ство воздвигъ и его съ патрияршества согналъ, тогда Германъ, [о]земши тые иконы и писавши листъ и день и причину, пустилъ на море (с. 65).

Широко использовал союз *егда* во временны́х конструкциях И. Вишенский. В его произведениях свыше 80 случаев употребления союза *егда*: *егда* истинною лож их заустиши, *тогда* они на сию лож, не имуще инде мѣста нигдеже, якоже на пристанище вскачют (Виш., Книжка, с. 100); *А егда* сотворше злая, изшед из гроба, на суд идут, когда и в кое время, латинниче, чиститися будеши? (Там же, с. 113); Бо что же бы нам за полза до вас при-

ставши и соединившися (*егда* ся не спасаемо) была! (Виш., Зачапка, с. 179).

В сложноподчиненных предложениях времени с *егда* придаточное может быть и в препозиции (чаще), и в интер- и постпозиции. В ярком, эмоциональном языке полемических произведений Вишенского, насыщенном риторическими вопросами и восклицаниями, инверсированием и имитацией диалогов, постпозиция придаточного в конструкциях времени с *егда* очень распространена (боле $^1/_3$ всех примеров). Случаи употребления соотносительного союза *тогда* немногочисленны.

Союз *егда*, малоупотребительный в староукраинских памятниках, неизвестен современному украинскому языку, как и вариант союза *егда внегда*, встретившийся в единичных примерах в произведениях Вишенского и в Палинодии Копыстенского: Таже по совершению правила, *внегда* время приспѣ в гроб влагати оное тѣло, *тогда* начаша мнози прикасатися. . . (Виш., Книжка, с. 126); *Внегда* убо Божіею благодатіею и общими всѣхъ молитвами, предлежащій намъ подвигъ совершимъ и начати вышняго званія достигнемъ, *тогда* и сію нашу волю цѣлу быти хощемъ (Палин. Копыст., с. 333).

Старославянский союз *дондеже*, известный старорусской и старобелорусской письменности, с тем же значением употреблялся в староукраинском языке. Примеры использования его немногочисленны, но встречаются в памятниках высокого стиля; единственный пример из грамоты — текст с религиозной окраской. Приведем примеры: укрийтеся в мале, *донде же* мимо идет гнев (Укр. гр. 1624 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 22); Ѡлександроу же ѡстоупившю ѿ Данила и ѿ Василка ко Лестькови. не бѣ бо има помощи ни ѿ кого же. развѣе ѿ Ба. *дондеже* приде Мьстиславъ. с Половци (Гал.-Вол. л., л. 250 об.); *дондеже* приде. Боуранда. со силою великою. посла же послы. к Данилови река. идоу на Литвоу (Там же, л. 282 об.); Ниже бо может комедийник к разуму христову око мыслъное прострѣти, *дондеже* сего разума мешкарского ся не свободит и в простотѣ и смирении не станет (Виш., Книжка, с. 100); *Тогда* убо извлачит сие и вносит в село то тайно и при церкви поставляет, *дондеже* погребети сего бѣ умыслка (Там же, с. 126); Птичищ же он в несении оного тѣла вслѣд онаго послѣдоваше и горѣ над ним летяше, *дондеже* тѣло поставлено бяше, — тогда и он, на церкви сѣд, тѣло блюдяше (Там же, с. 126); могутъ ся постити сынове брачные, *дондеже* съ ними женихъ есть (Пересторога, с. 213).

В староукраинской письменности союз *дондеже*, как видно это и из приведенных выше примеров, был ограничен употреблением лишь в произведениях с яркой религиозной направленностью. Вытесненный из литературы новыми временны́ми союзами, неизвестный разговорному языку, *дондеже* вышел из употребления. В современном украинском языке нет союза *дондеже*.

Лишь в Галицко-Волынской летописи и в Книжке И. Вишенского использован в немногочисленных случаях союз *донележе*. Оба эти памятника (летопись — как продолжение традиций древнерусской письменности, Книжка — по своим стилистическим особенностям) во всей староукраинской письменности наиболее последовательно отражают лексику литературы высокого стиля древнерусского языка, в частности широко употребляя старославянские союзы. Например: Ѡлександроу молѧщюсѧ Льстькови. ѡ ѡстанцѣ града и ѡ цр҃кви ст҃ѣи Бц҃и твердымъ же бывшимъ дверемъ. не могоша исѣчи. *донележе* Лестько приѣха к Конъдратъ. и возбиста Лѧхы (Гал.-Вол. л., л. 246); Данилови же возвратившюсѧ· и единому едоущю межи ими ѡнем же не смѣющимъ наѣхати на нь. *донележе* взъеха к немоу Глѣбъ. Соудиловичь. и Гаврило Иворови҃. и Перенѣжько (Там же, л. 250); Покайтеся убо бога ради, покайте, *донелиже* покаанию время имате; по смерти бо сего обрѣсти не можете (Виш., Книжка, с. 49); бѣгайте на покаяние, *донели же* время вѣка вашего продолжися вам, — по смерти бо покаяния не обрящете! (Там же, с. 57).

Современный украинский язык союза *донележе* не знает.

Выше уже говорилось об общих чертах сложноподчиненных союзных временны́х конструкций в восточнославянских языках. Следует еще отметить, что в них использовался в основном ряд общих союзов, но одни и те же союзы в разных языках различались степенью употребительности и дальнейшей судьбой. Так, союзы старославянские дольше сохранялись и были более распространены в старорусской письменности, чем в старобелорусской и староукраинской. Союз *коли*, широко используемый во временны́х конструкциях трех языков, стал нормой и основным временны́м союзом современных литературных белорусского и украинского языков, а в русском употребляется лишь в разговорной речи. Один из наиболее употребительных в старобелорусском и староукраинском языках XV—XVII вв. союз *кгды (гды)*, неизвестный старорусскому языку, не сохранился до нашего времени, а союз *яко* (белорусский) — *як* (украинский), мало распространенный в то время, широко используется в современных белорусском и украинском языках.

Процесс формирования временно́й конструкции, уточнение значения союзов и их специализация продолжаются в восточнославянских языках в наше время.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ УСЛОВИЯ

В современных восточнославянских языках к сложным предложениям с придаточными условными «относятся сложные предложения с придаточными, содержащими указание на условие, при котором могло или может иметь место то, о чем говорится в главном предложении. Придаточные предложения, входящие в состав главных предложений этого типа, называются условными» [1].

Причем, все действительно условные (т. е. лишенные иных оттенков) предложения можно разделить на две группы: 1) потенциальные и 2) ирреальные. К первой группе относятся предложения, «в которых условие, а тем самым и обусловливаемое, представляется говорящему как реально возможное (в прошлом, настоящем или будущем)» [2], а ко второй группе относятся предложения, «в которых условие и обусловливаемое представляется говорящему как возможное, желательное, предполагаемое и т. п.» [3]. Однако различия между этими группами — формальные, так как логически все условные предложения едины.

Как известно, рано сформировавшись, союзное условное предложение занимает большое место в памятниках древнерусской письменности XI—XIV вв.

СТАРОРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ

В старорусском языке XV—первой половины XVII вв. условное сложноподчиненное предложение оформляется многочисленными союзами, различающимися по сфере распространения, по степени употребления и оттенкам значения.

Наиболее распространенный в этот период старославянский союз *аще* с общим условным значением переходит в старорусский язык по традиции широкого употребления в языке древнерусском. Со временем, постепенно вытесняясь из языка документов, а затем и из литературы художественной новыми условными сою-

---

[1] «Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 321.
[2] Там же.
[3] Там же.

замн, он используется лишь в произведениях высокого стиля с ярко выраженным церковно-религиозным содержанием.

Хорошо известные древнерусскому языку союзы *аже*, *оже*, *иже* представлены в рассматриваемый период единичными примерами, являются остаточными явлениями и употреблены как стилистическое средство с оттенком архаичности.

Вопросительная частица *ли*, имевшая иногда значение условного союза в древнерусских памятниках, изредка выступает в этой роли и в старорусский период; но, не закрепившись в роли союза, является одним из элементов, с помощью которого образовались новые условные союзы *если* и *ежели*, вошедшие в русский язык.

Союз *еже*, представленный памятниками книжного стиля, в исследуемый период еще не преобразовался в союз *ежели*.

Союз *если*, впоследствии ставший основным условным союзом русского языка, впервые появляется в памятниках письменности в XVI в. Он не ограничен стилистической закрепленностью, но широкого распространения еще не имеет.

Союз глагольного происхождения *будет*, известный древнерусскому языку, в XV—XVII вв. является господствующим союзом условных конструкций деловой письменности.

Не одинаковы по степени употребительности в старорусский период языка в роли условных союзов временны́е союзы *коли*, *как (кабы)*, *егда*, *когда*. Наиболее распространенным из указанных союзов был союз *коли*, менее — *как*, оба они были присущи живому разговорному языку и вносили в условную конструкцию временно́й оттенок. Союзы *егда* и *когда* в роли условных известны с конца XVII в.

Известно старорусскому языку исследуемого периода в роли условного союза наречие *только*. Союз *только* не имел широкого распространения в письменности. Наличием этого союза отмечены памятники, отражающие живую речь. Конструкции с союзом *только* имеют условно-ограничительное значение.

Условные конструкции со всеми названными союзами обычно имели соотносительный союз в главном предложении (*и*, *а*, *ино*, *то*, *тогда*). Развитие конструкции вызвало сокращение употребления коррелят, уменьшение их количества.

В современном русском литературном языке изменился и состав союзов, и оттенки их значения. Наиболее распространенный условный союз *если*. Союзы *ежели*, *коли*, *буде* употребляются как архаизмы и с оттенком просторечия, союз *как* сохранился в пословицах и поговорках, иногда употребляется в разговорной речи. Союз *когда* используется в языке при необходимости подчеркнуть сочетание условного и временно́го значения. Союзы *аще*, *аже*, *оже*, *иже*, *только*, *ли* в условных конструкциях современного русского литературного языка не употребляются.

Союз *аще*, старославянского происхождения, известный в условных конструкциях еще в памятниках древнерусского языка,

занимает наиболее значительное место и в условных предложениях старорусских произведений. В исследованном материале союз *аще* встречается в памятниках всех жанров в более ранний период, с середины XVI—XVII вв. он сохраняет господствующее положение только в произведениях литературно-книжных; наиболее характерным для условных конструкций делового стиля становится союз *буде(т)*. Так, мы встретили лишь единичные примеры условных предложений с союзом *аще* в Судебнике Ив. III и в Московском летописном своде, немного их и в Стоглаве. И если в грамотах XVI в. *аще* употребляется довольно часто, то в грамотах XVII в. он отсутствует, а в Уложении 1649 г. есть единичные примеры в тексте религиозного содержания. Приведем примеры: Весте, яко царие язык господствует и велицы обладают, не тако же будет в вас, понеже *аще* хощет вящий быти, *да* будет всем слуга (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); *Аще же* рече раб той и во сердци своем, коснить господин мой медлит приити, *и* начнет бити рабы и рабыня, ясти же и пити и упиватися . . . (Там же); *Аще* кто пошлет пристава по наместника, и по волостеля . . . *и* наместнику и волостелю . . . ‹к сроку отвечивати ехати› (Суд. Ив. III, л. 9 об., с. 26); *Аще убо* чувственное солнце толику силу свѣтлости имать *то* колми паче разумное солнце (Стоглав, с. 22); *Аще* вашимъ святительскимъ нерадѣніемъ сіе не брегомо будетъ. *и* зря на нихъ и мы погибнемъ заблудившеся праваго пути Господня . . . (Стоглав, с. 42); что створим, *аще* не поидем противу их битися, *то* погибнем от своего государя великого князя . . . (Моск. лет. свод., л. 384). Много примеров условных конструкций с союзом *аще* в Домострое, в Письмах Курбского, единичные примеры отмечены в языке Пересветова. Особый интерес представляет язык произведений Ивана IV. Если в Письмах Ивана IV, т. е. в литературе высокого стиля, встречаем более 90 примеров условных предложений с *аще*, то в Судебнике Ивана IV, т. е. в речи деловой, этот союз в условных конструкциях отсутствует.

Во всех исследованных нами памятниках литературно-повествовательного жанра условные предложения с союзом *аще* преобладают над конструкциями с другими условными союзами. Особенно же большое количество примеров этих конструкций встречается в эмоциональном языке Аввакума, где тесно переплетается пафос церковно-религиозных проповедей с живым разговорным языком. По отношению ко всему количеству примеров условных конструкций с союзом *аще* во всем рассмотренном материале количество этих конструкций в отмеченных выше памятниках составляет: Домострой — 15%, Письма Курбского — 10, Письма Ивана IV — около 20, произведения Аввакума — свыше 25%.

Не нашел распространения союз *аще* в живом разговорном языке, в фольклоре. Так, в Сборнике пословиц XVII в. Симони встретились всего два примера с *аще* (их же отметил и Б. В. Лав-

ров)[4], при этом в религиозном и пародийном тексте: *Аще* бы не богъ, кто бы намъ помогъ (Пословицы XVII в., л. 323); *Аще аще* что медꙋ. слаще (Там же, л. 325 об.). Последний случай нельзя считать примером условной конструкции. Интересно сопоставить живую речь, т. е. текст пословиц, с речью их собирателя. Если в пословицах среди большого количества примеров условных конструкций с подчинительными союзами лишь один пример с союзом *аще*, то в небольшом по величине предисловии собирателя, язык которого является образцом книжного высокого стиля с сильным церковно-религиозным влиянием, есть два примера с союзом *аще*: *аще* ктѡ и паче, ѿ многолюботрꙋдныхъ потщится мірскія сія вещи, или пословицы собрати едва ли возможе (Пословицы XVII в., л. 321); *Ащели* рече нѣктѡ ѡ писанны здѣ, ꙗкѡ не сꙋть писана здѣ ѿ бжтвенны писаній, таковый да вѣсть ꙗкѡ писана многая согласна стомꙋ писанію. точію бе[3] ꙋкрашенія, какъ мирстіи жители простою рѣчію говорятъ (Там же, л. 322 об.).

Б. В. Лавров[5] указывает, что примерно четверь всех случаев употребления *аще* представляет отсутствие при нем соотносительных союзов. В исследованных нами памятниках менее, чем в $^1/_4$ всех примеров, имеются соотносительные союзы. Это подтверждает мнение Э. И. Коротаевой[6], что «ограниченное использование коррелят возможно объяснить тем, что предложение с *аще* преимущественно употребляется в книжных текстах, которым хорошо известна законченная, собственно подчинительная конструкция, с отчетливой функцией подчинительного союза».

Наиболее употребительным оказался соотносительный союз *то*. Случаи употребления *то* составляют половину всех конструкций с коррелятами: *аще* сіѧ ториши *то* везде тебѧ ждꙋтъ и стречаютъ (Домострой, с. 67); *аще ли же* сего невнимателіе будутъ, *то* общее житіе разорится (Письма Ив. IV, л. 141); *аще ли* сіи умолкнутъ, *то* каменіе возопіютъ (Пут. Зосимы, с. 65); *Аще же* постижетъ человѣка, *то* снѣдаеть до смерти (Пут. Гогары, с. 117); *аще* ты смерти преданъ будешь, *то* ни единъ отъ насъ изыдетъ изъ царскаго двора, смерти не вкусивъ (Пут. моск. купцов, с. 149); *Аще бы* имъ мощно, *то* единемъ бы часомъ привлекли его . . . (Пов. о Рос. царстве, с. 195); *аще же* что украдут, *то* все в несытую свою вливающе утробу, *аще ли* стерегущии изымают, *то* многия раны возлагают на тело их (Сатиры о пьянстве, с. 92); *Аще ли* без наказания приобщаетеся ему, *то* выблядки, а не сынове есте (Аввакум, Житие, с. 72).

---

[4] Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.—Л., 1941, стр. 57.
[5] Там же, стр. 52.
[6] Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII в. М.—Л., 1964, стр. 139.

Кроме *то* в условных предложениях с союзом *аще* употреблялись соотносительные союзы *и*, *ино*, *да*, *тогда*, *так* (редко). Примеры: *и*: *аще* людемъ твоимъ лѹчитца с кѣмъ брань гдѣ ни бѹдь *и* ты на своихъ брани (Домострой, с. 68); *Аще* возму крилѣ мои рано и вселюся въ послѣдних моря. *и* тамо бо рука твоя наставитъ мя и удержитъ мя десница твоя (Письма Ив. IV, л. 168); *И аще* кто гдѣ явится по Бозѣ ревнующе правостію слова, *и* за то отъ державъ властеи осужденіе пріемлютъ (Письма Курб., с. 397); *аще* будетъ правая вѣра ваша, *и* ты будешь живъ, и цѣлъ, невреженъ; *аще* не будетъ правая вѣра ваша, *и* ты смерти вкусишь (Пут. моск. купцов, с. 150); *ино*: *И аще* Христос будет посреди вас для вашия любьви, *ино* кого может вас поколебать! (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр. № 104); *Аще* мѹжь самъ не оучитъ, *ино* сѹд ѿ бг҃а пріиме҃т (Домострой, с. 38); *Аще* множае насъ глаголеши воюющихъ на христіянъ, еже на Германы и Литаоны, *ино* нѣсть сіе (Письма Ив. IV, л. 125 об.); *Аще* будетъ вамъ и молвити что, — и язъ вамъ нынѣ врагъ и навѣтникъ, *ино* Господь зритъ тайная моя (Пов. о Рос. царстве, с. 218); И *аще ли* суть етери воздушніи, чтуще книги сія, и высотѣ и словеси моему дивящеся и нехотяще вѣровати, *ино* буди имъ милость Божія (Пут. Зосимы, с. 60); *Аще* и не горит, *ино* таков ж до востаннаго дни, нечювственна и несмысленна персть (Аввакум, Письма, с. 227); *да*: *аще* кто не ради ѿ̃ семъ, и не болезнѹетъ о сихъ *да* бѹде҃т анафема (Домострой, с. 51); *аще* вѣра Христіанская велика *да* возмогутъ сію гору Одоръ призвати на градъ нашъ (Пут. Гогары, с. 116); *аще* кто бить меня не станет, *да* не имать со мною части во царствии небеснем! (Аввакум, Житие, с. 115); *Аще* и Елена поищет со усердием прощения *да* ослабится тогда от епитимии и от худости моея благословение получит (Аввакум, Письма, с. 291); *тогда*: *аще* кто и множество земли приобрящет и богатства, а трилакотна гроба не может избежати, *и тогды* то все останется, по господней притчи (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); *аще* начнетъ прѣпоставленѹю ѥствѹ і питіе похѹлѧ҃т *тогда* мотыло бращаетсѧ сіи вкѹшаютъ (Домострой, с. 10); *И аще убо* яко же вмѣсто креста, обрѣзаніе, *тогда* потребна быша . . . (Письма Ив. IV, л. 156); *аще ли* его, государя, отъ нихъ Богъ соблюдетъ, и невреженъ поживетъ, — *тогда* Бога и Пречистую Его Матерь и великихъ нашихъ чюдотворцовъ и всѣхъ святыхъ умолитъ (Пов. о Рос. царстве, с. 209); *Аще* наказание терпите, *тогда* яко сыном обретается вам бог (Аввакум, Житие, с. 72); *Аще* он, надежда, простре҃т пречистую руку свою и послет на землю дар свой, — дождь и теплоту, *тогда* всяческая исполнятся благости (Аввакум, Письма, с. 274); *тако*: *аще* земномѹ цр҃ю правдою слѹжиш҃ и боишисѧ его *тако* наоучишисѧ і нб҃наго цр҃а боѧтисѧ (Домострой, с. 7).

Обычно *аще* имеет значение общего условного союза, довольно часто (об этом свидетельствует и приведенный выше ма-

териал) он употребляется в сочетании с частицами *же*, *ли*, *бо* (*убо*), которые усиливают союз и акцентируют внимание на нем, особенно при повторении союза: *аще* согрешит к тебѣ брат твои, шед обличи его пред собою и тѣм единем, *и аще* послушаетъ тебя, приобрѣл еси брата твоего, *аще ли* тебя не послушаетъ, поими с собою два или три, пред усты бо двою или трех свидѣтель станеть всяк глаголъ, *аще ли* и тѣх не послушаетъ, повѣждь церкви, *аще ли* и о церкви не радити начнетъ, буди ти тако, яко же иноязычник и мытарь (Моск. лет. свод, л. 402).

Предложения, выражающие ирреальное или потенциальное условие, обычно имеют союз *аще* с частицей *бы*: *аще бы* сего не сотворилъ еси, то нѣси былъ еси христіянинъ, но варръваръ (Письма Ив. IV, л. 171 об.); *И аще бы* сего не было, они бы возмогли противу насъ извѣтъ поставити (Письма Курб., с. 369); *аще бы* не тѣ твоя сердечныя слезы, кающис о грѣсѣхъ своих предо Мною, — все бы то на тебѣ взыскалос (Пересветов, с. 83); *аще бы* того не искали, всѣ бы отъ Бога не отпали и душами и тѣломъ не пали и не пропали (Пов. о Рос. царстве, с. 216); *Аще бы* такия беды бога ради терпели, воистину бы были новые мученики (Сатиры о пьянстве, с. 91); *Аще бы* кто разумел в новых книгах беды те, сам бы ся заморил не ядши (Аввакум, Письма, с. 261).

Наиболее распространенная в условных предложениях препозиция придаточного преобладает и в условных конструкциях с *аще*. Как уже говорилось, союз *аще* господствует в литературе церковно-религиозной, полемической, а этим произведениям свойственны риторика, пафос, экспрессивная прямая речь, которые достигаются путем перенесения логического ударения на следствие. В таких предложениях придаточное предложение может находиться в интерпозиции или в постпозиции к главному предложению, что является характерной чертой условных конструкций у таких ярких эмоциональных авторов, как Иван IV, Курбский, Аввакум. Всего в исследованном материале случаи интерпозиции обусловливающего предложения составляют около 5% всех примеров, а случаи постпозиции придаточного — 10%: Смотри же, яко бранная храбрость не помогаетъ, *аще* кто господина не чествуетъ (Письма Ив. IV, л. 132); готовъ есмь человѣки страдавшія спасати, *аще ли* покаются (Там же, л. 173 об.); ихже законы изгнаніемъ кажненныхъ быти хотятъ, изгнанцы суть, *аще* елико земли не переменили (Письма Курб., с. 145); и она не пускаетъ, *аще* недостоинъ (Пут. Зосимы, с. 64); . . . невозможно ни чѣмъ исцѣлитися отъ земнаго врача, *аще* не Господь поможетъ (Пут. Гогары, с. 119); Тебе ради Мати моя пощажу ихъ, *аще* покаются (Пов. о видении, с. 183); И еще прирекъ: не токмо намъ онъ годѣ, но и тако его отрасль, *аще* не пріидетъ въ наше хотѣніе! (Пов. о Рос. царстве, с. 205); Надолго ли бы ми жили, *аще бы* не она защищала? (Аввакум, Письма, с. 222); Забвенна буди десница моя, прильпни язык мой гортани моему, *аще* не помяну вас! (Там же, с. 283).

Итак, условный союз *аще*, наиболее распространенный в древнерусском языке, в старорусский период вытесняется из языка деловой письменности. С конца XVII в. он постепенно ограничивается употреблением лишь в литературе церковно-религиозного характера; и не будучи подкрепленным употреблением в живом разговорном языке, постепенно заменяется другими условными союзами (*естли*, *ежели*). Современный русский литературный язык уже не знает условных предложений с союзом *аще*.

Союз *аже* известен немногим памятникам древнерусского языка. По утверждению В. И. Борковского [7], в условных конструкциях древнерусских грамот союз *аже* занимает господствующее положение. Б. В. Лавров [8] указывает, что *аже* — пример образования подчинительного союза из сочинительного *а* и усилительной частицы *же* и что, уже будучи условным союзом, он не имел достаточно прочной традиции употребления. Поэтому часты были случаи включения в условную конструкцию наряду с союзом *аже* других условных союзов (*буде*, *коли*, *только*). Однако доказательством последовательного условного значения *аже* является нередкое чередование его с союзом *аще*.

В исследованных памятниках встретился пример с *аже* в грамотах XV в.: а после сего крⷮ҃ного целованіѧ. *аже* доспѣтсѧ воина с обѣ половинѣ а не вѣдаⷯ сего докончаниѧ. имѧное назаⷣ ѿда со ѡбѣ половинѣ (Новг. гр. 1471 г. — Шахматов, О языке, № 20). Позднее очень редкие примеры с *аже* — в произведениях Аввакума: Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам бог. *Аже* ли без наказания приобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте (Аввакум, Житие, с. 90).

Союз *оже* известен древнерусской письменности. Встречается он в памятниках, язык которых близок к разговорному, свободен от влияния церковно-религиозной литературы. Однако употребление его весьма ограничено, и постепенно союз *оже* вытесняется другими условными союзами, преимущественно союзом *буде*. В наших материалах пример с *оже* встретился в Судебнике Ив. III: А имати ему с суда, *оже* доищется ищея своего, и ему имати на виноватом противень по грамотам, то ему и с тиуном (л. 7 об., с. 24).

В дальнейшем союзы *аже*, *оже* не закрепились в языке, и современный русский литературный язык не знает их.

Как известно, вопросительная частица *ли* в памятниках древнерусского языка выступала иногда в качестве союза в сложноподчиненных условных предложениях. В небольшом количестве отмечен исследователями этот союз в форме *али*, и значительно чаще встречалась форма *или* [9]. Но более распространенным было

---

[7] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 167—169.
[8] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 78—80.
[9] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот, стр. 175.

в древнерусском языке, а затем и в старорусских памятниках употребление *ли* в роли усилительной частицы, сочетающейся со многими условными союзами (примеры приведены по союзам). Наши материалы представляют лишь единичные примеры с *ли* (*или*) в роли союза: дщерь *ли* имаши, положи на ни грозѣ свою (Домострой, с. 15); А та птичка одушевлен[н]а, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую из котла тут же клевала, *или* и рыбки прилучится, и рыбку клевала (Аввакум, Житие, с. 78).

Б. В. Лавров считает употребление *ли* в роли условного союза подтверждением того, что условная конструкция возникла из вопроса, и из этого положения он делает вывод: «Союз *ли* не мог проложить себе твердого пути в условную конструкцию именно потому, что он был частицей, показывающей вопрос, между тем как условное предложение в процессе своего оформления все дальше и дальше отходило от значения вопроса, особенно вопроса прямого» [10]. Не став условным союзом в русском языке, сохранившись в роли вопросительно-усилительной частицы, *ли* вошла составной частью в новые условные союзы *ежели* и *если*.

В древнерусской письменности, преимущественно в языке книжно-литературном, довольно широко был представлен союз местоименного происхождения — союз относительного подчинения *еже*. Функции этого союза были разнообразны: он употреблялся для выражения временны́х связей, в значении изъяснительного союза, союза цели, условия. Однако чаще всего союз *еже* используется в условных конструкциях. Во всех исследованных нами памятниках старорусского языка союз *еже* встречается параллельно с другими условными союзами (*аще*, *буде*, *коли*), употребляемыми гораздо шире, чем *еже*. Соотносительные союзы в этих конструкциях *да*, *и*, *ино*, чаще *то*. Приведем примеры: *Еже* какова скорбная ни сотворится намъ, *то* вся сія Германъ ради случися! (Письма Ив. IV, л. 161 об.); сіе неподобно писалъ еси: *еже убо* како родителемъ своимъ чадомъ сицевая неудобствія творити, паче же и намъ, царемъ, разумъ имущимъ, како уклонитися на сіе, безлѣпіе творити? (Там же, л. 717); *и еже* мнится имеяй, возьмется от него (Аввакум, Письма, с. 258); *А еже* разленится, *и* ему кнут на спину (Там же, с. 259); Понеже глаголетъ писаніе: тайну бо цареву хранити добро есть, а дѣла Божія проповѣдати преславно есть: *да еже бо* не хранити Царевы тайны, неправедно и блазнено есть, *а еже бо* молчати дѣла Божія *ино* бѣду наносить душѣ своеи (Пут. Зосимы, с. 66).

В наших памятниках еще нет примеров использования в условных конструкциях союза *ежели*, образованного сочетанием союза *еже* с вопросительной частицей *ли*, усиливающей условное значение. Позже, в конце XVII в., союз *ежели* широко употребляется

[10] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 73.

наряду с условными союзами *если*, *буде*, *коли*, но уже с конца XVIII в. он последовательно вытесняется союзом *если*. В современном русском языке союз *ежели* имеет оттенок просторечия.

Как известно, условный союз *если* глагольного происхождения. В лингвистической литературе рядом авторов указывалось на связь условных конструкций с союзом *если* и вопросительных предложений. Наиболее полно проанализирован путь преобразования глагола *есть* (в сочетании с вопросительной частицей *ли*) в союз *ес(ть)ли* в монографии Б. В. Лаврова [11], в работе В. А. Плотниковой [12].

Простое предложение, содержанием которого является вопрос о времени события, преобразуется в сложное условное предложение. Время события в этом сложном предложении определяется не указанием на временно́й отрезок, а определенной последовательностью действий. Отношение же вопроса—ответа воспринимается как отношение условия—следствия. Глагол *есть* теряет свое лексическое значение и в сочетании с частицей *ли* становится формальным показателем синтаксических отношений — условным союзом *если*.

В древнерусском языке Б. В. Лавров отмечает «лишь ничтожные следы употребления союза *есть ли*, так что не устанавливается непрерывной традиции употребления его в XV—XVII вв.»[13]

В произведениях XVI в. условная конструкция с *есть(ли)* известна лишь в сочинениях Пересветова и Курбского (причем у Курбского встречаем использование параллельно форм *естьли* и *если*). Приведем примеры из Писем Курбского: Тому ты человѣку грози смертеи, або изгнанеи прещеньми, *если* которого будешь таковаго обрящешь (с. 139) [14]; *Есть ли бы* мнѣ выдралъ ума моего вѣчную неподвижность, мои труды, бодрости, совѣты, имиже община непреодолима стоитъ; *естли* того вѣчного добродъства безсмертную память потребилъ бы еси а далеко больши, *аще* оныи умъ, откуды тые совѣты произыдоша, мнѣ исторглъ бы еси, — *тогда* аже пріяти мене исповѣдалъ быхъ обиду (с. 144) [15]; *А естьли бы* вашеи милости не полюбилася, *то* бы ваша милость тотъ наперъ спалити казалъ (с. 413); *А естьли* Богъ восхощетъ, *и* мы къ вамъ поспѣшимся со двѣма нарочитыми свѣдками (с. 424). Несколько примеров из Пересветова: *Есть ли* царь христіянскій отведетъ воя своя на иноплеменники і тамо кровь проліетъ, *і* та кровь на нем взыщется (с. 70); *А естьли* хто даромъ возметъ, а не заплатит тое цѣны, что указано, *іно* таковому смертная казнь (с. 76); *есть ли бы* мнѣ того царства не выдал Богъ, *и* мнѣ бы мочно ли о том умудрити, *есть ли бы* на то воля божия не была? (с. 82).

---

[11] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 64—71.
[12] В. А. Плотникова. К вопросу об образовании союза *если* в русском языке. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», 1954, т. V, стр. 224—265.
[13] Б. В. Лавров, Указ. соч., стр. 68.
[14] В этом примере условно-следственное значение дополнено определительным.
[15] Новый союз *естьли* употреблен параллельно со старым *аще*.

В языке деловых документов XVI в. употребление условного союза *если* не отмечено.

В XVII в. в старорусском языке расширяется круг памятников, в которых употреблена условная конструкция с *если*. В исследованном материале немногочисленные примеры с *если* наличествуют в Повести о взятии Азова, в Сказании про Бову, в Сатирах о пьянстве, в Письмах Аввакума и Сборнике пословиц XVII в.: *А есть ли только* вы из Азова города сея нощи вон не выдете, не можете завтра от нас живы быти (Пов. об азов. взятии, с. 63); *А есть ли только* нас избавит бог от руки ево такия силныя, отсидимся от вас в осаде в Азове городе (Там же, с. 66) [16]; *А если бы* нам, богомольцам твоим, власти не мешали и волю бы нам подали, *и* мы колокола отвязали, да в Кашин на вино променяли (Сатиры о пьянстве, с. 120); *Есть ли* в Арменском царстве юноши храбрые витези, подите за мною на конюшню (Сказ. про Бову, с. 470) [17]; *естьли*-де, что, протопоп Аввакум, — на соборе там говорит, — *и* я тебе сопротив безответно реку (Аввакум, Письма, с. 206); *Ест либ* на горохъ не мороз он бы давно через тынъ переросль (Пословицы XVII в., с. 182); Дѣлаешь добро и тебѣ будет таково: (добро) *а есть ли* каково, *и* тебѣ будет таково (Там же, с. 215).

Условный союз *если* имеет нередко соотносительные союзы *и*, *ино*, *тогда*. Ирреальное условие выражается сочетанием союза *если* с частицей *бы*. При абсолютном большинстве примеров с препозицией обусловливающей части встретилось несколько случаев постпозиции придаточного.

К концу XVII в. союз *если* распространяется и в языке художественной литературы, и в памятниках делопроизводства. В современном русском литературном языке *если* — наиболее распространенный союз условных предложений.

Союз *буде(т)* в рассматриваемый нами период уступает по употребительности лишь союзу *аще*, последовательно вытесняя последний из языка деловой письменности. Союз *буде(т)* глагольного происхождения. Вслед за Ф. И. Буслаевым и А. А. Потебней [18] в работах лингвистов исследуется история образования условного союза *будет* из части сложной формы глагола будущего времени (futurum exactum). Большое место этой проблеме отводит в своей монографии Б. В. Лавров [19], где он указывает, что условные предложения близки предложениям времени необходимостью: 1) выразить последовательностью предложений отношение предшествующего к последующему и 2) включить эти

---

[16] Союз *есть ли только* имеет оттенок условно-ограничительный.

[17] Возможно, что наличие *есть* — части союза — повлекло за собой, во избежание повторения, пропуск глагола существования.

[18] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 194; А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. I—II. М., 1958, стр. 288—296.

[19] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 40—50.

логические связи в понятие будущего. И потому в русском языке широко применение форм будущего времени в условных конструкциях.

Б. В. Лавровым отмечены два пути образования союза из глагола *будет*: 1) союз *будет* — из глагольной формы *будет*, где *будет* заменяет глаголы *лучится*, *случится*, *станет* и под. (с неопределенной семантикой, но общим показателем будущего времени) в безличных предложениях. («Так как правовые отношения, определяемые юридическими актами, имеют в виду неопределенно широкий круг лиц, то условные предложения в них часто даются как безличные»)[20]; 2) союз *будет* — из глагола-связки *будет*, когда она утрачивает значение показателя будущего времени, («Отход самой конструкции от временных отношений ослаблял значение будущего в глаголе *будет*, но глагол традиционно, пережиточно продолжал оставаться в составе условного предложения, постепенно приобретая значение показателя условности»)[21].

Условный союз *будет* внешне долгое время сохраняет вид глагола-сказуемого: *А* кому *буде(т)* на манастырьски[х] приказницѣ[х] чего искати, *ино* и[х] сужу я[з] са[м] кня[з] Ан[д]рѣи Васи[л]еви[ч] или мои бояри[н] въведеныи (Моск. гр. 1471 г. — АЮБ, т. I, № 31 (XIX); *А* кому *будетъ* чего искати на игуменьѣ съ сестрами, или на ихъ прикащикѣ, *ино* ихъ сужю язъ Князь Великiй, или мой дворецкой (Моск. гр. 1526 г. — АИ, т. I, № 131); *а будет* кто чем скуден, *ино* по любви друг друга слушал, а силою б никто ни у кого не имал (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); *А будет* простой человек с церковным, *ино* суд вопчей (Суд. Ив. III, л. 11, с. 27); *А будетъ* из тѣхъ которому лихому истець, *ино* заплатити истцово изъ его статка (Суд. Ив. IV, с. 229); *Абудетъ* имъ сіе мое дѣло нелюбо, *и* я инымъ временемъ лутче учиню (Уч. и хитр. ратн. строения, с. 57).

Более отчетливо в роли союза *будет* выступает в тех случаях, где потеря предикативности глаголом *будет* вызвала нарушение согласования в лице и числе с существительным: *а будетъ* учнутъ по прежнему продавать безпошлинно, *и* тыбъ за то имъ велѣлъ чинить наказанье по нашему указу (Моск. гр. 1632 г. — АЮБ, т. I, № 55, VII); *Да будетъ* тѣ судные мужи скажутъ, что судъ таковъ былъ, и руки у списка ихъ, и противень будетъ намѣстнича или волостелина дiяка съ тѣмъ суднымъ спискомъ, съ земского дiяка рукою, сойдется слово въ слово: *и* тѣмъ тотъ и виноватъ, кто списокъ лживилъ, и списокъ на него подписати (Суд. Ив. IV, с. 236—237); *Да будетъ* тѣ люди по себѣ поруки съберутъ: *и* имъ велѣти быти до сроку за поруками (Улож. 1649 г. с. 47); *и будетъ* великiя государи мнѣ втомъ вѣры не поймутъ, *и* они бы спросили уподданныхъ своихъ (Уч. и хитр. ратн. строения, с. 45). В этих

[20] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 43.
[21] Там же, стр. 45.

примерах на то, что *будет* — союз, указывает не только несогласованность в числе *будет* и подлежащего, но и будущее время глагола-сказуемого, при котором не требуется дополнительного показателя будущего времени.

Однако несогласованность во времени *будет* с глаголом-сказуемым при наличии несогласованности в числе является еще более ярким показателем того, что *будет* — союз: сказуемое — глагол в прошедшем времени: *и* которые *будетъ* мѣста недодѣланы, или попортились, *и* вы бъ тѣ мѣста тотчасъ велѣли подѣлать и укрѣпити (Моск. гр. 1614 г. — АИ, т. III, № 43); *А будетъ* гдѣ межи и грани заросли, и доведется ихъ подновити, и о томъ учнетъ тотъ, чьи тѣ межи и грани, бити челомъ государю: ‹*и* потому . . . послати дворянина . . . и велети то . . .› (Улож. 1649 г., с. 68); сказуемое — глагол в настоящем времени: *А буде* в людях бывает неизворотно, и станем на стану, а не по мне товарищи, правила моево не любят, а идучи мне нельзя было исполнить, *и* я, отступя людей под гору или в лес, коротенько сделаю-побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да так и обедаю (Аввакум, Житие, с. 90).

Отчетливо *будет* выступает в роли союза, когда параллельно в этой конструкции употреблен глагол *будет* в функции сказуемого (в том числе и в роли связки в составном сказуемом). Приведем примеры из Соборного Уложения царя Алексея Михайловича: *А будетъ* тотъ же тамъ поиманъ будетъ съ краденымъ въ государствѣ дворѣ въ третіе: *и* ему за то отсѣчь рука (с. 12); *А будетъ* у нихъ такихъ дѣтей и братей и племянниковъ и внучатъ не будетъ а самымъ имъ ни которыми дѣлы на государевѣ службѣ за болѣзнію или за старостію быти немочно: *и* у нихъ взяти на государеву службу даточныхъ людей, или деньги (с. 17); *А будетъ* посланъ будетъ недѣлщикъ по общую правду *и* ему ѣзду имати половину съ исца, а другую съ отвѣтчика (с. 50).

Как отмечалось в литературе, союз *буде(т)* обычно имеет значение действительной вероятности, чем и объясняется употребление его в памятниках делового жанра. Именно в грамотах, Судебнике, Уложении встречаем изложение повторяющихся обычных отношений, конкретных событий, четко выразить которые помогают привычные формулы и речевые обороты. Такой формулой в условных предложениях документов стал союз *будет* чаще всего в соединении с союзами *а, да (а будет, да будет)*, обычно в начале предложения. Преимущественное употребление союза *будет* в условных конструкциях языка деловой письменности очевидно. Если в грамотах XVI в. союз *будет* сосуществует с союзом *аще, коли*, то в грамотах XVII в., в Соборном Уложении царя Алексея Михайловича он господствует безраздельно (в Уложении 1649 г. более чем на 400 примеров с *будет* отмечены единичные примеры с *аще*).

Известен союз *буде(т)* и памятникам книжного языка. В исследованном материале наряду с другими условными союзами

буде(т) встретился во многих произведениях старорусской литературы. Примеры: Или *будетъ* вамъ повелятъ хулу положить, и то вамъ недѣлать (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 25); [*А буде*] что наидеш или украдеш, *то* понеси на кабак (Сатиры о пьянстве, с. 68); *А буде* ему архимариту впред мы надобны не будем, *и* мы, богомольцы твои, ударим об угол плошку да покладем в мешок лошки, да возмем в руки посошки (Там же, с. 123); О слуга Личарда, словеса твоя паче меда устом моим, *а будет* словеса твои сбудутца, *и* яз тебя пожалую (Сказ. про Бову, с. 464); *а буде* правила не станет править, о нем же он сам помышляет, *то* здесь все умрете, и он с вами же умрет (Аввакум, Житие, с. 91); *А буде* не станешь слушать, *так* будешь в давешнем месте, гда плакание то слышала (Там же, с. 118); *А будет* нужею в церковь ту затощат, *и* ты молитву Исусову, воздыхая, говори, а пения тово не слушай их (Аввакум, Письма, с. 247).

По мнению Э. И. Коротаевой [22], союзы *будет* и *буде* имеют одинаковое условное значение, но различаются сферой употребления, а именно: *будет* присущ письменной деловой речи, официально-торжественным посланиям, а *буде* — живая разговорная форма, впоследствии закрепившаяся в языке XVIII в. Исследуемый материал подтверждает это положение. В памятниках делового стиля на фоне большого числа примеров с *будет* встречены единичные примеры с *буде*. В произведениях же литературы художественной при наличии немногочисленных примеров с *будет* преобладает союз *буде*. Особенно показательно то, что в близком к разговорной речи языке Аввакума *буде* употреблено почти в 5 раз чаще, чем *будет*, причем союз *буде* часто находим и в высоком стиле, например: *буде* отрицание было от сатоны и в три погружения крещон, *и* ты токмо молитвы и недокончанная над ними соверши, *а буде* же не было отрицания, *и* ты и совершенно крести (Аввакум, Письма, с. 284).

В условных конструкциях с *буде(т)* почти всегда есть соотносительный союз в главном предложении, чаще *и*, *ино*, реже и в более поздних памятниках *то*, *так*.

Сложноподчиненным условным предложением с *буде(т)* свойственно однообразно-постоянное строение — препозиция придаточного, что в значительной степени объясняется преимущественным употреблением этого союза в языке документов, для которых характерно выдвижение условия на первый план. Однако известны немногочисленные случаи постпозиции. В рассмотренных памятниках такие примеры встретились в языке Аввакума: Иване: еще и не так стану бранить, *будет* не перестанешь сетовать (Аввакум, Письма, с. 214); Шатайся кое-как всокровенне или ко мне приедь, *буде* сможешь (Там же, с. 235).

Условный союз *буде(т)* был широко распространен в старорусском языке, однако вспоследствии в литературе не закрепился.

---

[22] Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 145.

В современном русском литературном языке *буде* употребляется с оттенком просторечья или как архаизм.

Условные предложения семантически близки предложениям временны́м, так как отношение условия и следствия — отношение предыдущего к последующему, чем и объясняется возможность наличия для этих двух видов предложений общих формальных признаков — союзов *коли*, *как*, *егда*, *когда*.

Известно, что в древнерусском языке употребление наречия *коли* в значении условного союза не нашло широкого применения. В нашем материале примеров условных конструкций с союзом *коли* немного, причем, как и в древнерусский период, в памятниках деловой письменности этот союз менее распространен, чем в литературе повествовательной.

Встречаются условные предложения с союзом *коли* без соотносительных союзов: *коли* баба лиха, живи же себе одна! (Аввакум, Житие, с. 79); Азъ пью квасъ а *кали* вижѫ пиво не проду ево мимо (Пословицы XVII в., л. 324), Живѣтъ мѣ^вѣдь и в лѣсу *коли* ево не зову в поле (Там же, л. 342); На што было женится. *коли* ро^же не роди^тся (Там же, л. 360); Не до бела. *коли* свинья щолокъ пролила (Там же, л. 361); Появится хода *коли* придетъ бѣда (Там же, л. 363 об.). Отсутствие соотносительных союзов в пословицах можно объяснить тем, что этому жанру народного творчества присуща ясность мысли при сжатости формулировки.

Соотносительные союзы в конструкциях с условным союзом *коли* — *ино*, *и*, *то*. *Ино*: *колі* сама ‹жена› все знаетъ и оумѣет *ино* оумѣетъ и дѣтеи и слѫг всемѫ наоучити . . . (Домострой, с. 64); и *коли бы* то ихъ была старина, и чемъ было суды ковати, *ино* лутчи бы шуба переменити, да во излишнемъ суды ковати (Письма Ив. IV, л. 147); *Коли* тебе, государь, тако годе, *ино* и мне так любо (Аввакум, Письма, с. 199); *и*: *А коли* мы в выходы в орди(н)скіе и в татарскіе проторы не дади(м), *и* намъ и ѫ тобѧ не взѧти (Моск. гр. 1504 г. — Дух. дог. гр., № 90, II (а); *а коли* не добудутъ бобровъ, *и* онѣ въ нашу казну на казенной дворъ за бобровую ловлю платили денгами по рублю на годъ (Моск. гр. 1556 г. — АЮБ, т. I, № 41, II); *А коли* срок отпишут обема истцемь вместе, *и* ему взяти одно хоженое с обеих сторон (Суд. Ив. III, л. 7, с. 24); *то*: *Коли* правды нѣтъ, *то* всего нѣтъ (Пересветов, с. 64).

Б. В. Лавров считает соотносительные союзы *и*, *ино* показателем условности. В наших материалах наиболее употребительными оказались именно эти корреляты, а соотносительный союз *тогда* не встретился. Однако, вслед за Э. Коротаевой [23], нельзя согласиться с Б. Лавровым в том, что соотносительные союзы играют решающую роль в дифференциации типа подчиненного предложения. Те же, что и в условных предложениях, соотносительные союзы широко распространены и в конструкциях вре-

[23] Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 170.

менны́х, а при некоторых союзах придаточных времени составляют устойчивую формулу, например, *и (а) как — и, ино.*

Близость смысловая и формальная создает трудности в четком разграничении предложений условных и временны́х. Очевидно, и автор не всегда мог разъединить оттенки времени и условия, и тогда появлялись примеры одновременной постановки союзов времени и условия в одном предложении (*аще коли*; *аще когда*). Союз *аще* — бесспорно условный, он подчеркивает условность всей конструкции: *аще когда* приѡчистив' себе дховно в чистои совѣсти с молитвою, и с молениемъ, цѣловати животворащій крт҃ъ, и стыи, честны ѡбразы чюдотворные многоцѣлебныа. мощи (Домострой, с. 5); *аще коли* празникъ или именины или свадба или родины или крестины или по родителе҃ х памѧть или лꙋчитсѧ гость изневесть любо приежеи любо званои или избраннои чл҃къ или игꙋменъ честной *и* ѡдново часꙋ из однои бочки в пѧть ѡловениковъ медꙋ нацыда҃ т или по людемъ смотрѧ в бочечки малые (Там же, с. 46).

Более отчетливо значение союза *коли* как условного проявляется тогда, когда он употреблен в сочетании с усилительными частицами *уж(е)* или *то* (в значении *уж*): *Уже коли* добрый конь последние двери пробил и старца смял, *то* много в городе мертвых людей будет (Сказ. про Бову, с. 464); *То коль* ты, старец, утешишь добраго коня, яз тебя пожалую, дам тебе много злата (Там же, с. 473); *коли уж* истинны испали, тут и сущаго отверглисе (Аввакум, Житие, с. 55).

Обычна для условных предложений с союзом *коли* препозиция придаточного предложения. Однако в прямой речи, в наиболее эмоциональной речи авторов встречаются примеры постпозиции придаточного. Особенно часто применяется постпозиция придаточного в пословицах, ибо обобщенный характер высказываний, перенесение логического ударения с условия на следствие способствует перемещению главного предложения в начало конструкции: Что ихъ много, *коли* у них сердца нѣтъ доброго, і смерти ся боятъ . . . (Пересветов, с. 62); а миръ какъ можетъ крѣпокъ быти, *коли* щита не разщитил і копія не преломил в' недрузѣх? (Там же, с. 71); да плавай на нем с женою и детьми, *коли* докучаешь! (Аввакум, Житие, с. 61); Что-петь сделаешь, *коли* Христос попустил! (Там же, с. 95); Калачи живутъ. дешевы. *коли* дн҃ги дороги (Пословицы XVII в., л. 350 об.); На што было родитца *коли* никꙋды не годі҃ца (Там же, л. 359).

Распространенность условных конструкций с союзом *коли* в Пословицах XVII в. и в произведениях Аввакума (половина всех примеров) на фоне немногочисленных примеров в других исследованных памятниках еще раз подтверждает мнение исследователей о преимущественном употреблении союза *коли* в языке, близком живой разговорной речи.

Впоследствии союз *коли* в условных предложениях стал употребляться в литературном языке с целью придать речи народно-разговорный колорит, известен он и народным говорам [24]. В современном русском литературном языке союз *коли (коль)* изредка употребляется с оттенком архаичности.

Союз *как* в древнерусской письменности и позже, в старорусской, в основном употреблялся для выражения временны́х отношений. В условных конструкциях он встречается редко. В исследованном материале примеры использования условного союза *как* (*кабы*) немногочисленны. Но и на основании наших данных можно отметить, что чаще этот союз встречается как элемент живого разговорного языка (именно поэтому большинство примеров находим в Письмах Аввакума, в Пословицах XVII в.).

Б. В. Лавров указывает на ограниченность предложений с союзом *как*, и поэтому, по мнению исследователя, условной можно считать конструкцию, когда нет точного указания на время событий [25]. Но дифференцирование условных и временны́х предложений с союзом *как* становится более четким, когда союз *как* употребляется в сочетании с частицей *бы*. Конструкция с союзом *как бы* или *кабы* теряет временно́е значение, приобретая значение желательности.

Указанием на условный характер связи двух явлений или действий является также отнесение их в будущее время (при этом, как видно из приведенных ниже примеров, глагол-сказуемое может быть и будущего, и прошедшего, и настоящего времени): *Кабы* яз проведа(ла) государя Бову на тридесятом царстве, на тридесятой земле, *и* яз бы и там к нему упала (Сказ. про Бову, с. 464); А что, государь-царь, *как бы* ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един час (Аввакум, Письма, с. 206); А то *как* в правду ту молися, зажмурь глаза те, да ум — от сквозь воздух и твердь и ефир отпусти. . . (Там же, с. 288); *Кабы* не деньги *та бы* весь в по[т]дни[ц]и (Пословицы XVII в., л. 352); *Ка бы* на дятла не сво[ѣ] но кто бы ево в[ъ] деревѣ нашо[м] (Там же, л. 352); *Кабы* на коня не лысина цены бы. ему не было (Там же, л. 352); Песъ не в[ъ]скочитъ какъ сѣка не захочотъ (Там же, л. 365).

Условные конструкции с союзом *как (кабы)* не нашли широкого распространения в современном литературном русском языке, но встречаются в русских народных говорах, в фольклоре, в разговорной речи [26].

По мнению Э. И. Коротаевой, «условное значение, как и причинное, закрепляется за союзом *как*, *егда*, *когда* в письменной практике лишь в новое время, в связи с поисками новых спосо-

---

[24] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, стр. 98.
[25] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 98.
[26] А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 99—100.

бов выражения синтаксических отношений» [27]. Сходный вывод находим и у Б. В. Лаврова [28]. Именно поздним употреблением этих союзов в условном значении и следует объяснить, что наши материалы не дали нам примеров употребления *когда* в условной конструкции, а *егда* — условный союз отмечен лишь единичными примерами: Єгда на трапѣзе препоставѧ ти многоразличныѧ ѣдꙋ и питиѧ *егда* кто честнѣе тебѣ бꙋдетъ званныхъ не начни вкꙋшати прежде ничто же, аще ты начальствовенъ бꙋдеши, препоставленꙋю ѧдь разсꙋжаѧ начина (Домострой, с. 9) [29]; И того же мѣсяца 14 в нощи с недѣли на понедѣлникъ прииде ко гробу иже в святыхъ отца нашего пресвященнаго митрополита Петра и повелѣ иже с ним священником разобрати над мощьми надгробницу, а сам с ними съ страхом и со слезами многими обливаяся, *егда* угодно ли се будет святому, и разобраша надгробницу и до гроба святого, и видитъ мощи (Моск. лет. свод, л. 413) [30]; Но сія подобаше рещи, *егда* паче достоянія кто начиная, обаче лѣпотно дѣти мнящеся, ибо ниже се мощно снѣденному (Письма Ив. IV, л. 164 об.).

Наречие *только* в значении условного союза наряду со значением союза временны́х конструкций отмечено исследователями уже в древних памятниках [31]. По мнению Л. А. Булаховского, высказанному еще в 1937 г., наречие *только* сначала сопровождает условные союзы, тем самым внося оттенок ограничения либо усиления в значении условия. Постепенно другие условные союзы отпадают и роль показателя условности полностью берет на себя ставшее союзом наречие *только*. Это явление Л. А. Булаховский называет эллипсом условного союза [32]. Б. В. Лавров [33] справедливо считает, что процесс превращения наречия *только* в условный союз в древнерусском языке не был закончен, так как союз *только* 1) не потерял окончательно своего значения наречия (усилительного) и 2) не получил широкого распространения в письменности; поэтому одновременное употребление *только* с другими условными союзами является не начальным этапом превращения *только* в союз, а последним этапом развития конструкции с *только*.

В исследованных памятниках находим небольшое число примеров с условным союзом *только* (75% всех случаев употребле-

---

[27] Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 173.
[28] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 102.
[29] В примере из Домостроя союз *егда* употреблен дважды, но первый раз в четком временно́м значении, второй союз *егда* — условный.
[30] Условное значение *егда*, не вполне отчетливое в этом примере, усилено частицей *ли*, по функции близкой к союзу.
[31] И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка. т. 3. СПб., 1903, стр. 975—976; В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот, стр. 183.
[32] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Харьков—Киев, 1937, стр. 250.
[33] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 105—110.

ний союза *только* в наших материалах дает Домострой). Союз *только* представлен произведениями разных жанров, отражающими живую разговорную речь: *а толко* ранее хто ѡ дѣтехъ не смышлѧетъ да какъ за мѫжь давать и въ тѫ пор҃ѫ всѣ покѫпать, ино скораѧ женитва видомаѧ работа *а* по сѫдбамъ бжіим *толко* та дочь преставитсѧ *ино* ее надѣлкомъ поминаю по ей души сорокоустъ и милостыню ис того даю *а толко* иные дочери есть тако ѡ ни промышлѧти (Домострой, с. 14); *а толко* не виновато дѣло *ино* ѡговорщикомъ не попѫщати ино бы вперед вражда не была, *а толко* по вине и по ѡбыскѫ по прѧмомѫ а не каетца ѡ грѣхѣ своемъ и ѡ винѣ *то* оуже наказание жестоко надобе, што бы былъ виноватои в винѣ, а правои в правдѣ (Там же, с. 38); *А толко* оу мѫжа в го[д] все припасено, и ржи и пшеницы ... *и* семьѧ сыта и прохлана, и гостѧ оупочиваю безъ оубыка (Там же, с. 43); *Толко* его Богъ соблюдетъ от того ловленія велможъ его, *іно* таковаго царя под всею подсолнечною не будетъ мудраго воина і счастливаго к воиньству, і в'ведетъ въ царство свое великую правду, і за то ему Господь Богъ многіе царства покоритъ (Пересветов, с. 69); *И толко бы* всѣ тѣ деньги сложить *и* мочно бы тѣми денгами изгоду вгодъ потритцати тысящь салдатовъ воугорской земли вполе держати и платежь давати (Уч. и хитр. ратн. строения, с 46).

В сложноподчиненных условных предложениях с союзом *только* преобладает препозиция придаточного. В большинстве случаев главное предложение имеет соотносительный союз (*то*, *ино*, *и*).

В дальнейшем наречие *только* встречается изредка в роли условного союза в литературе XVII в., но осталось в русском языке в качестве ограничительной частицы. В современном русском языке среди условных союзов *только* не встречается.

СТАРОБЕЛОРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ

Для старобелорусской письменности XV—XVII вв. характерно употребление большого количества союзов в сложноподчиненных условных предложениях. Это старославянские союзы *аще* (в большей степени), *аже*, *оже*, *иже* (в меньшей), являющиеся в памятниках старобелорусского языка остаточными явлениями традиции употребления их в церковно-религиозных произведениях в древнерусском языке. Незначительным было употребление в старобелорусском языке и союза *только*, впоследствии совершенно вышедшего из употребления и неизвестного современному языку.

Широко распространенной в старобелорусском языке в значении условного союза оказалась частица *ли*. Союз *ли* стал основ-

ным формальным показателем в условных предложениях, где в старорусских конструкциях употреблялся союз *буде(т)*. Также значительна роль частицы *ли* в образовании условных союзов: *пакли*, *нижли*, *олижъ*, *ежели*, *если*. Однако сама частица *ли* в роли союза не закрепилась в языке, как и союзы *пакли*, *нижли*, *олижъ*. Они нужны были лишь в переходный период от старых союзов к новым.

Союз *ежели*, малым количеством примеров представленный в наших материалах, так как распространился он в старобелорусском языке в более поздний период, использовался в деловой письменности. Союз *ежели*, употребление которого было ограничено более распространенными условными союзами *если*, *коли*, *кгды*, не вошел в современный литературный белорусский язык, но известен северо-восточным говорам [34].

Союз *если* в исследованных памятниках распространен шире всех остальных союзов. И если господство этого союза в переводной литературе можно объяснить влиянием польского языка, то широкое использование его в языке документов говорит о том, что в то время *если* был присущ живому разговорному языку. Очевидно все же, что территориальная ограниченность употребления союза *если* — большинству белорусских народных говоров он не был известен — помешала ему стать нормой современного литературного белорусского языка, хотя в настоящее время наблюдается процесс распространения союза *если* в тех говорах, которые раньше его не знали.

В старобелорусской письменности довольно широко (по количеству произведений), но немногочисленными примерами был представлен союз *кгды*. Распространившись под влиянием польского языка, не подкрепленный употреблением в живой речи, союз *кгды* вышел из употребления и неизвестен современному литературному белорусскому языку.

Союз *коли*, один из наиболее распространенных в рассматриваемый период, широко и последовательно отражал в письменности живую разговорную речь и является основным союзом условных конструкций современного литературного белорусского языка.

Частица *бы*, которая, оказавшись в начале обусловливающего предложения, становилась формальным показателем условия — союзом, не имела широкого распространения в старобелорусском языке, и в современном белорусском языке используется в значении союза редко. Важна роль ее в образовании новых условных союзов *абы*, *каб*, *штоб*, из которых *абы* и *каб* известны литературному языку, а *штоб* отмечается в белорусских говорах [35].

Один из наиболее распространенных союзов условных конструкций в старорусской письменности *буде(т)* не отмечен иссле-

---

[34] А. П. Груца. Развіццё складаназалежнага сказа ў беларускай мове. Мінск, 1970, стр. 127.

[35] Там же, стр. 143.

дователями в белорусском языке. По традиции в старобелорусских памятниках широко бытует известная по древнерусским памятникам формула-зачин *а будет. . ., будет. . .*, где *будет* стоит на первом месте условной конструкции, и следовало бы ожидать, что это и есть союз. Однако глагол в старобелорусском языке не утратил свою предикативность и не перестал быть сказуемым, точно сохраняя согласование в числе с подлежащим, а роль условного союза в подобных конструкциях взяла на себя частица *ли*, почему и отмечается широкое распространение *ли* в значении условного союза в старобелорусской письменности. Современному белорусскому литературному языку и народным говорам условный союз *будет* неизвестен.

Широко распространенный в старорусской письменности условный союз *аще* в старобелорусских памятниках встречается редко, преимущественно в произведениях религиозных. В наших материалах, кроме примера из грамот XV в. и трех примеров из Уваровской летописи, 10 случаев употребления союза *аще* в условных конструкциях отмечены в Супрасльской летописи и около 60 примеров в памятнике полемической литературы Списание против лютеров. Приведем несколько примеров из разных памятников: Потомь *аще* которы Немьчинъ извиниться у Полочьсце, того Немьчина оттослати у Ригу (Риж. гр. 1405 г. — РЛА, № 153); <по Б(ж)ию (ж) строенію в то время разболесѧ Воло(ди)мира ѡчима> и посла к немꙋ цр҃ца рекꙋчи. *аще* хощеши избыти болезни сеѩ. *то* воск(о)рѣ кр(с)тисѧ *аще ли* то не имаши исцелити. Се слышавь Володимиръ рече. *да аще* се истинна боудеть *то* по истиннѣ великъ Бг҃ъ хр(с)тиѧньскии и повеле кр(с)тити себе (Лет. Увар., л. 89); и рече и(м) Володимеръ. *аще* сѧ не выдасте стаѩти имамь здѣ за три лѣта (Лет. Супр., л. 14 об.); врѣмѧ ти есть оуже на Оугры поити. *аще ли* оуме(д)лиши землѧ есть велика. и силна собероутсѧ на тѧ и не поустѧ(т) тѧ во земьлю свою (Там же, л. 30 об.); примеры из Списания против лютеров: И *аще бы* то (у)се было у Ѥвангеліи, ни (у)весь миръ книгъ, что ся на онъ часъ дѣяло, не в'местилъ бы (с. 69); *Аще бо бы*, рече, первый законъ былъ непороченъ, не бы второму искалося мѣсто (с. 143); *Аще ли* явится подобенъ, то пріимутъ въ соборъ свои (с. 179); *Аще же* потомъ въ который грѣхъ впадеть, то изженуть его отъ своего пребывания (с. 180).

Часто союз *аще* употреблен в сочетании с частицами *же*, *ли*, *бо* (*убо*). А. П. Груцо [36] считает, что в сочетании *аще ли* вопросительная частица *ли*, известная старобелорусскому языку как условный союз, употреблена для большей четкости высказывания и для того, чтобы подчеркнуть условность не совсем понятного союза *аще*. Наши материалы не дают основания подтвердить это положение, т. е. выделить частицу *ли* из ряда вышеуказанных частиц, которые являются одинаково усилительными. Стилисти-

[36] А. П. Г р у ц а. Указ. соч., стр. 100.

ческое чутье автора, очевидно, все же различает их, о чем свидетельствует, например, такая конструкция: *и аще убо* грѣшенъ умерьш будеть, *да* согрешенія раздреши, *аще ли* праведенъ, *да* приложение мъзде будеть и возданию (Списание пр. люторов, с. 123). Возможно, во избежание повтора здесь равнозначно использованы разные частицы. К тому же частица *ли* не более употребительна, чем другие усилительные частицы. Однако представляют интерес следующие примеры: *Аще ли* рече, наидетъ на тя ярость, и хощеши *ли* гневливо глаголати каму, положи на лице своемъ знаменіе крестное, и бежитъ отъ насъ ярость и всяко безчин'ство, и устроишся во благое (Списание пр. люторов, с. 95); *Аще* не отвержется себе, не возметъ *ли* креста своего, не можетъ Мнѣ быти ученикъ (Там же, с. 157). В этих примерах в одном предложении с однородными сказуемыми в одном случае *ли* повторяется после второго сказуемого, во втором случае *ли* стоит только после второго сказуемого, но в обоих случаях усиливает значение *аще*.

Ирреальное условие выражается сочетанием *аще* с частицей *бы*. В исследованных памятниках среди всех условных конструкций с *аще* одна шестая всех примеров отмечена наличием соотносительного союза в главном предложении, чаще *то*, реже *да*. Обычна для этих предложений — препозиция придаточного. Условный союз *аще*, ограниченный сферой употребления в церковно-религиозной литературе, не подкрепленный использованием в живой речи, вышел из употребления и неизвестен современному белорусскому языку.

Условный союз *аже* (*ажъ*) известен памятникам старобелорусского языка. В исследованном материале примеры условных конструкций с *аже* встретились в грамотах XV в.: *Аже* Полочанинъ извиниться у Ризе, *ино* его послати у Польтескь (Риж. гр. 1405 г. — РЛА, № 153); Потомъ, *ажь бы* какое стало нелюбье межи местеря и князя великого Витовта, любо межю бояровъ, любо куньдоревъ, любо риделевъ, любо дворяниновъ, на обѣ стороны, въ тое купьцемъ не уступатися, купьцеви приехати, от-ехати чисто всегды (Там же); *Аже* будетъ которая обида или завада межи кимъ на обѣ сторонѣ, *ино* знати истьцю истьца (Могилев. гр. ок. 1407 г. — РЛА, № 165); *Ажь* первый мужь у предреченомъ имѣньи своемъ своей женѣ нѣкоторое вѣно запишеть, а она можеть того досвѣтчити: *тогды*, подлугъ обычаа права, кому усхочеть тому полецить (Вил. гр. 1457 г. — АЗР, т. I, № 61); *аже* будеть ниже полтины домовыи речи кралъ, домовыми жь речьми платити (Западнорус. гр. 1468 г. — АЗР, т. I, № 67). В большинстве случаев употребления союза *аже* в условных конструкциях в главном предложении находим соотносительные союзы *ино*, *тогды*.

Ирреальное условие обычно выражается сочетанием условного союза *аже* (*ажь*) с частицей *бы* (см. приведенный выше второй пример из Рижской грамоты). Как правило, конструкция услов-

ных предложений с *аже* (*ажъ*) в старобелорусском языке — препозиция придаточного. По утверждению А. П. Груцо [37], обусловливающее предложение может быть и в постпозиции к главному предложению и в интерпозиции, однако постпозиция и интерпозиция известны лишь нескольким памятникам старобелорусской письменности. Малоупотребительный и в ранний период языка условный союз *аже* со временем исчез из употребления в белорусском языке.

Условный союз *иже* крайне редко употреблялся в языке старобелорусской письменности. Несколько примеров употребления союза *иже* (*ижъ*) в условной конструкции встретилось в Александрии: *а иже* при нароже[н]ю его видѣ[л] живюлы перемены, *теды* неха' бꙋде ховано в добро' памети, ꙗкобы бы[ц] мо' сы[н] (с. 29); *а и*[ж] на[с] з того караешъ дла доброи воли, которꙋю[с]мы твои[м] кревны[м] ꙋказали, неслушною мыслью есте порꙋшо[н] (с. 60); *а иже*[с] выбави[л] женꙋ ко[н]даꙋлосовꙋ з рꙋкъ царꙗ евро[п]кого, *теды* те[ж] тебе выбавлю з рꙋкъ пога[н]скихъ (с. 112).

Условные конструкции с *иже* отличаются наиболее характерным для условных предложений строением — препозицией придаточного. В главном предложении часто употребляются соотносительные союзы *то*, *теды*. Современный белорусский язык не знает этого условного союза.

В старобелорусских памятниках в роли союза условных предложений встречается в немногочисленных примерах союз *кгды*, условное значение которого, возможно, развивалось на основе причинного. Случаи употребления условного союза *кгды* находим в литературе и делового, и повествовательного жанра: *а кгды* ся што трафитъ такового, жебы-сте на розсудокъ священниковъ тамошнихъ Переяславскихъ, яко людей духовныхъ, отсылали, конечно: иначей не чиньте (Туров. гр. 1591 г. — АЗР, т. IV, № 30); а однакож при мачосе и отец не мает сына от именя отдалити и бенкартомъ вчинити, *кгды* его при матце за сына мел (Литов. ст. 1529 г., с 22); Трыщан рече: *Кгды* того хочешъ, будемъ мѣти (Пов. о витязях, с. 122); *А кгды жь* такъ есть, *то* уже муситъ ᵕвалити, славити, кланятися, забегати (Спис. пр. люторов, с. 75); *Кгды* ты будꙋчи сме[р]телны' несме[р]телному богу ва[л]чити хоче[ф] шалено[ст] знела ꙋмыслъ. тво' (Александрия, с. 77). Обычно соотносительные союзы в конструкциях с *кгды — то*, *тогды*. Распространено употребление *кгды* с усилительной частицей *ж*(*ъ*). Наиболее отчетливо проявляется условное значение *кгды* в сочетании с *бы*: *а к[г]дыжь бы-шнъ* самъ або люде его того чл̃вка поимали зъ лицомъ, або (щ)иимъ кольве, мелъ его весту ку его милости князю ѳ(в)едору (Берест. гр. 1518 г. — Литов. метр., т. I, кн. III, № 29); Не приклылъ бымъ ся милостямъ вашимъ, *кгды бы* неспособное здоровье непоспѣху въ предсявзятой дорогѣ

[37] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 97.

не чинило (Голов. гр. 1635 г. — АЮЗР, т. II, № 58); *к'гды бы* оные цари не принесли знаку образу, никакожь бы имъ не вѣрено (Спис. пр. лютеров, с. 73); А моимъ зданемъ, *где бысь* звыклой працы уживалъ, еще бысь былъ далей потрвамъ (Дневн. Евлаш., с. 148).

Следует отметить, что, в отличие от характерного для условных предложений постоянства препозиции обусловливающей части, условные конструкции с *кгды* выделяются широким употреблением постпозиции и реже интерпозиции придаточного (в наших материалах половина всех примеров): в жо черес то пан Ѡранский не мает тых имѣней и тых шкод своих, *кгды* емѫ заплата сѧ станет, на кнѧзи Василю поискивати (Берест. гр. 1512 г. — Arch. Sang. т. III, № 126); Засе милость ваша уважити рачите, *кгды* въ то, якобымъ на близко пришломъ трибунамъ што взглядомъ фундаціи на урадѣ моей залежало и на што сторона противная, подлугъ давныхъ норововъ своихъ, на обѣ пашеки зѣваеть, выважити могъ, взглянете (Голов. гр. 1635 г. АЮЗР, т. II, № 58); лѣпе' бы тобѣ было з твоих злости покѫтова^{т}, ни^{ж}либы Ѫ насъ великую кривдѫ мѣль по^{л}нѧ^{т}, *кгды*^{ж} пре^{з} нашего панова^{т}ѧ земля могла бы ꙗко вдова Ѡсиротѣлою бы^{т} (Александрия, с. 46); приꙗтелю не да^{ж} тобѣ чѫжозе^{м}цовъ *кгды*^{ж} се спротиви^{т} хочешъ свои^{м} (Там же, с. 58). Расширение употребления конструкций с постпозитивным придаточным, вероятно, можно объяснить тем, что союз *кгды*, став союзом условных предложений, повлиял и на структуру последних (ибо в сложноподчиненных предложениях причины придаточное постпозитивно по отношению к главному).

Распространившись в старобелорусской письменности под влиянием польского языка [38], условный союз *кгды* не закрепился в языке, и современный белорусский литературный язык его не знает.

Один из наиболее употребительных в условных конструкциях старобелорусской письменности союз *коли* уступает по распространенности, как свидетельствуют наши материалы, лишь союзу *если*. Встречается он в памятниках всех жанров и стилей: ино, *коли* ихъ самихъ на то воля, мы того имъ дозволяемъ; нехай они тую помочь къ нашой потребизнѣ, *коли* мы ихъ пожадаемъ, кладуть, присягнувши (Троицк. гр. 1457 г. или позже. — АЗР, т. I, № 60); *коли* въ чиемъ дому будеть гость раненъ або (в)битъ, маеть вбийц(и) господарь дамовый искати, а головщинѫ маеть самъ платити (Берест. гр. 1519 г. — Литов. мет., т. I, кн. 3, № 47); *А коли* в чіем дворе за плотом, або в гумне найдено было таковое; таковое лицо не маеть быти сужено за злодейство (Литов. ст. 1529 г., с. 101); <Ѡповѣдили> *коли* не есть та̂ винни̂ есмо смрти (Страсти Христовы, л. 18 об.); *коли* моц наша будет цэла, завжды штокольвек будеть мѣл перед Ѡчыма, чого сѧ будеть Ѡбавѧл, лекалъ и выстерегал (Ист. о Атыле, с. 198); Панове, *коли* Лука-

[38] А. П. Груца, Указ. соч., стр. 132.

пер загибъ, а надо мною што будет? (Ист. о Гвид., с. 142); И много ходилъ морем и сухом, *а коли* маю вмерети, волѣлъ бых тамъ, гдѣ видѧть болшъ смерть мою. (Пов. о витязях, с. 111); а всѧко[ѫ] *коли* мене проси[т] повѣмъ тобѣ (Александрия, с. 37).

Коли в роли союза условных предложений, как и в старорусском языке, всегда вносит в конструкцию оттенок временнóй связи, и нередко представляет затруднение точно определить тип предложения. Союз *коли* в сочетании с частицей *бы* возможен только в условных конструкциях, где с его помощью выражается ирреальное условие. Поэтому если в одном сложном периоде несколько однородных предложений, в одном из которых союз *коли бы*, а в другом *коли*, то вероятнее всего, что предложение с союзом *коли* условное: Ино мы, того досмотревши, тую речь есмо на той мерѣ постановили: *коли бы* Матей детей не мѣлъ, *тогды бы* могла быти жона Петрова Кгеложева къ тому близка; *а коли* въ Матѣѣ дети, *тогды* къ тому именью его нихто не близкий, только дети его (Слоним гр. 1519 г. — Литов. метр., т. I, кн. III, № 70); але *коли бых* ѣ (не) замешкалъ, бо есми ему своихъ два сыны далъ у поруцэ, *а коли* ихъ [не] выдам, ѡн ихъ маеть повешати (Ист. о Гвид., с. 159); Ѻн рек: Видел, и *коли быс* хотѣлъ моее рады слухати, ты бысь оставил тую битву а вчынилъ бысь мир межы вами, бо *коли* сѧ вы два соимете на тои битве, не може быти без великое печали, иж *коли* тобѣ што будет, *то* великаѣ шкода ув-Орленъдэи будет, *а коли* сѧ ему што станет, великаѣ шкода всему свѣту будеть, иж ѡн не будеть такии штобы дома мешкалъ (Пов. о витязях, с. 20); Рек Трыщан: *Коли-бы* сѧ нашолъ рыцэр большыи на свете и большеи Анцолота? — И такому мы дадим ровно. — *А коли* вашого витезѧ добудет, будем ми прости ѡт везенѣ? И онъ рекъ: Будете, *коли-б* з нимъ посполъ прышла пани (Там же, с. 72); Игоръ жадны[х] не милуемы, але *колибы* ᶜмы мѣли игра[т] наши[х] прᵈко справы роᶻчитаемы, *а коли* се маемы смѣѣ[т] плачемы и смутимысе (Александрия, с. 94).

Более четко значение условного предложения с *коли* определяется также тогда, когда в одном контексте параллельно в сходной конструкции употреблен условный союз *если*: А свирепа *естестлибы* которая в бороне не бывала, або дров не воживала; *тогды* то маеть быти плачоно; *а коли* которая будет в дворе робливала, *тогды* полтина грошей (Литов. ст. 1529 г. с. 93); Поедьмо и погледимо, *если* будет хрестѧнин, можемъ его взѧти, *а коли* поганин, мы не берымо (Ист. о Гвид., с. 135); если ѣ тебе с конѧ зобю, *нехаи* мое юнацы твоимъ наплюютъ, *а коли* ты мене скинешъ, *нехаи* твое также моим учынѧть (Там же, с. 163); ѣ битву покину *коли* дань ѡтпустишь корновальскую, *а если* не хочешь, ты сѧ би (Пов. о витязях, с. 21); Ѳсли мѧ убъеть, *то* ми жалости конец, *а коли* ѣ его убъю, нихто ми того не поставит за ганбу, леч за рыцэрство (Там же, с. 78); *коли* хочешъ з нами валчи[т], жаднои славы не ѡдержишъ *если* мене звитежишъ, абовѣмъ малого ч[о]л[о]в[ѣ]ка а лотрика звитѣажи[ш] (Александрия, с. 45).

Как уже отмечалось, ирреальное условие выражается посредством сочетания союза *коли* с частицей *бы*, причем частица *бы* не всегда стоит непосредственно за союзом, в отдельных случаях она отодвинута от него; в главном предложении есть соответственная частица *бы*, но может и отсутствовать: А такожъ *коли* нѣкоторому князю, рытеру, шляхтичю и мѣстичу съ того свѣта пригодилося *бы* изыйти, *тогды* удову у-въ имѣньи мужа ея оставити хочомъ, такъ долго, какъ долго будеть на столци вдовьемъ сѣдѣти (Вил. гр. 1457 г. — АЗР, т. I, № 61); *А коли бы* злодѣй што у кого укралъ, а и гдѣ украдѣно, а тамъ его ухватятъ съ лицомъ, а онъ у домъ не принеслъ, жона и дѣти того не поживали: злодѣй терпи, а жона и дѣти и домъ ихъ невиненъ (Западнорусск. гр. 1468 г. — АЗР, т. I, № 67); *а коли бы* хто перед судомъ ранилъ кого, шию тратит (Литов. ст. 1529 г., с. 50); *коли быхмо* мы сами або панове рада наши выслали шацовати именя в которой колвекъ речы; *тогды* мают шацовати под тым способом. . . (Там же, с. 83); да те *коли бы* ѣ перво не терпѣлъ. *и* твоѧ ста̀ѧ дша моусила бы до ѿце стары до замковъ пекеныхъ стоупити (Страсти Христовы, л. 3); иже *коли бы* не мели моци, не тако бы говорили (Там же, л. 18); *а коли бы* тот конь умелъ говорыти, рекъ бы ему (Ист. о Гвид., с. 152); *а коли быхъ* сестру свою хотелъ продати, в первымъ же прыстанищу большую бых цэну взял (Пов. о витязях, с. 110); *колиб* ты узложыл зброю, ѣ бых мнималъ што ты витез (Там же, с. 109); Присегаю презъ несмеⱃтельныи боги мои ижъ *колибы*ᶜ мы до ваᶜ воᵗти могли, ѿдаливши ѿ васъ тую нѫжѫ, казали быᶜ мы ваᶜ во зброю на конехъ рицеⱃскихъ прибраᵀ (Александрия, с. 100); *а коли бы*ᶜ мечъ мѣлъ штобыᶜ ѫчиниᵀ (Там же, с. 112).

В наших материалах условные конструкции с союзом *коли* ирреального плана встречаются чаще, чем конструкции со значением реального условия, более чем в два раза. Особенно наглядно преобладание *колибы* в деловых документах. В Литовском статуте 1529 г. примеров с *колибы* в десять раз больше, чем с *коли*. Очевидно, это можно объяснить спецификой юридических документов, где правила и законы предусматриваются для соотношения действий, которые в реальной будущности могут и не произойти, права для отдельных лиц или кара за поступки, которые могут и не совершиться.

Интерес представляет оформление заголовков в Литовском статуте 1529 г. Часть заголовков дана в виде полного сложноподчиненного условного предложения с союзом *коли* (*колибы*), а часть в виде подчиненного условного предложения без главного, т. е. дано условие без следствия [39]. Очевидно, задача заголовка —

[39] То же относится к заголовкам, представляющим собою условную конструкцию с союзом *если* (*еслибы*): *Естли бы* доводу не мели, а о присегу споръ мели; маеть жеребей метанъ быти (Литов. ст. 1529 г., с. 53); *Естли бы* хто своим ставом иншый став або сеножать затопил (Там же, с. 71).

обратить внимание на статью, не раскрывая ее содержания, ведь даже в том случае, когда заголовок — законченная конструкция, далее в статье повторяется условие и к нему даются различные варианты следствия. Приводим заголовки в виде полного сложноподчиненного предложения, и без главного: *Коли бы* кому стацей недостало на войне, буд на самого и на кони его (с. 18); *Коли* кого закажуть, абы не отеждчал от права, а онъ уедет, мають на него всказанье вчинити (с. 48); *А колибы* хто мел с ким именье неделное сябреное, какъ мает на люди сябреные справедливость чинити (с. 53); *Коли* хто кого о кгвалт позовет ку праву, какъ мает перед правом кгвалту доводити (с. 61); *Коли* чий слуга вчинивши кому кгвалтъ або головщину и втекъ (с. 64); *Колибы* хто светков наганеных перед судом не очистилъ (с. 73); *Коли бы* позвалъ тот, в кого застава, того, хто ему заставилъ (с. 87); *Колибъ* мужик мужику клет выкралъ, чимъ мает быти каранъ (с. 101); *Коли* на кого знаки слушные пописаны будуть (с. 102).

В условных конструкциях старобелорусской письменности союзу *коли* соответствуют в главном предложении корреляты *тогды*, *то*, *ино*, *и*. Степень распространения и сфера употребления у них различна. Соотносительный союз *тогды* (*теды*) в наших материалах преобладает в памятниках делового стиля (Статут, грамоты) [40], преимущественно в формуле *колибы — тогды(тады)*: *коли* потребноте^{м} наши^{м} и оужитко^{м}. земль наши. вси посполите ѡсъбне. мешкаючи. ѳ наши землѧхъ. помо мѣли бы дати и дадоу. *тогды* и ѡни пречоные мѣщанѣ. полоу достоиности свои силъ и моцей. маю и бѳдоу повинни помо давати (Гродн. гр. 1463 г. Срезнев. Свед. и зам. X); *А коли бы* было колко братьи неделное *тогды* с них годнѣйшый зыменя ихъ сумесного один межи ними мает войну служити тымже обычаемъ какъ вышше поставлено (Литов. ст. 1529 г., с. 13); *А коли бы* тот слуга не приповежон, *тогды* пан не повинен за слугу стояти (Там же, с. 64); *Коли бы* хто сиротамъ, або детем лет немаючымъ, кривда о штоколвекъ стала, *тогды* опекун именем моцонъ ест в праве того ся доискивати, але не моцонъ ничого детиного тратити (Там же, с. 32).

Лишь два примера с соотносительным союзом *тогды* отмечено в Александрии: *колибы* тобѣ бы^{л} ѡ^{б}ѣлве^{н} му^{ж} котори^{ı} тебе мае з живото^{м} разлучи^{т}, *тогды* бы^{с} его забилъ (с. 107); *колибы*^{ж} бы^{л} ми^{л} алеѯа^{н}дрови, *теды* бы мене в рѳки твои не посла^{л} (с. 113).

Немногочисленные примеры условных предложений с союзом *коли* в придаточном и соотносительного союза *ино* в главном предложении встречаем в памятниках и делового стиля (в Литовском статуте 1528 г. лишь один пример), и в летописях, повестях, житийной литературе: *коли* первое украдеть, *ино* его не вѣшати,

[40] В. И. Борковский. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными. М., 1972, стр. 98.

а заплатити бондою его (Западнорусск. гр. 1468. — АЗР, т. I, № 67); *А коли бы* кто коня, а любо клячю знашолъ блудящюю, или иныи которыи речи изнайдеть, *ино* оповѣдати околици (Там же); штожъ *коли* то держано было за ѿца и за брата нашого, королевъ ихъ милости, и за насъ къ дворꙋ нашому Скидълю; а десетина съ того даивана, — *ино* и тыми разы не слушна речь то намъ рꙋхати (Берест. гр. 1511 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 144); *а коли бы* на первей и второй або на третій рокъ в таковых то справах конец не был вчиненъ, *ино* коли остаточны рокъ прꙗдет конечную справедливость безъ отволоки з радами нашими учинимъ (Литов. ст. 1529 г., с. 9); мови емоу петръ *а коли* ми сѧ прꙗгоди с тобою оумрети *ино* ѧ не ѿвергоусѧ тебе тако и въси оучници рекли (Страсти Христовы, л. 5 об.); *а коли* будеть божьѧ волѧ, *ино* мѧ море и вѣтръ къ фортуне прынесеть (Пов. о витязях, с. 23).

Единичные примеры с соотносительным союзом *то* наши материалы представили в летописях и в Повести о витязях: и рекли *коли* на(с) не бꙋдеть всихъ. *то* все вамъ боуде(т) (Лет. Увар., л. 97); и рекоша *коли* на(с) не боудеть вси(х) *и то* ваше боудеть все (Лет. Супр., л. 20); *коли* есмо не посоромочени, *то* есмо весели иж достали чого хотели (Пов. о витязях, с. 66); *коли бых* се не далъ, *то* бых был зрадца (Там же, с. 67).

Примеры с соотносительным союзом *и* также весьма немногочисленны: *А коли* татя приведуть, а на кого сокъ усочить, а домучятся татбы, а будеть перво того крадывалъ и кому плачивалъ, а околица то будеть вѣдала: *и* безъ лица обѣсити (Западнорус. гр. 1468 г. — АЗР, т. I, № 67); Ино, *коли* тое имѣнье изъ вѣка боярьское, а не тяглое, *и* мы ему тое имѣнье потвержаемъ симъ нашимъ листомъ: нехай онъ тое имѣнье держитъ (Троцк. гр. 1456 или 1471 г. — АЗР, т. I, № 59); *коли* еи не дасте за мѧ *и* створю гра(д)у вашемоу. ꙗко же и семоу (Лет. Супр., л. 15).

В основной массе сложноподчиненные условные предложения с союзом *коли* по строению однообразны — придаточное предложение в препозиции к главному, но есть примеры интер- и постпозиции, единичные — в грамотах, Статуте, несколько более — в книжной литературе (преимущественно в прямой речи): узять ему свои товаръ куда хочеть, ѣхати и поити *коли* ему надобѣ, или по водѣ или по суху, или у городѣ или на пути (Могилев. гр. ок. 1497 г. — РЛА, № 165); мають бояре тую помочь класти, *коли* мы ихъ пожадаемъ, по той нашой присязѣ (Троицк. гр. 1456 г. или позже. — АЗР, т. I, № 60); Тежъ приказуемъ, которые бы были посланы з рамени нашего або гетмани наши над заставы старшими, або роспускаючы людей *коли* службу нашу заслужатъ ничого на нихъ небрали (Литов. ст. 1529 г., с. 16); їс емоу ѿповеда. не мѣ бы еси наде мною ни ѡдное моци *коли бы* з верхоу не дана (Страсти Христовы, л. 9 об.); ахъ беднаѧ смрти

чемоу мне самои такова еси. заню бы *тогды* спо^на радоваласе *коли* бы и с сино мои посполоу оумрети могла (Там же, л. 11 об.); ‹богъ дал до того дорогу, абы› пыха и быстрост ихъ погамована быт могла, што бы велми латво учынити, *коли бы* Тѳѡдорык силу свою до силы рылккое прылучил (Ист. о Атыле, с. 186); ‹Согремор› рекъ: Ты будешъ тепер же за него помщон *коли* ꙗ буду мог (Пов. о витязях, с. 48—49); Пане, што велиш мнѣ, то все будет мною готово, *коли* не умру (Там же, с. 79); царица ка^{д}докѣꙗ ѡповѣдала: а штобы^{с}мы з того за славꙋ ѡде^{р}жали *колибы*^{с}мы его в таково^{м} ꙋпа^{л}ку забили (Александрия, с. 112).

Союз *коли*, широко представленный в старобелорусской письменности рассматриваемого периода, отражал живую разговорную речь. В современном белорусском языке, как отмечает Е. Ф. Карский, союз *коли* с соотносительными союзами — «самый распространенный способ выражения условных предложений» [41].

Традиция древнерусского языка использовать вопросительную частицу *ли* в роли условного союза проникла и в старобелорусскую письменность. Как отметил В. И. Борковский, «союз *ли* никогда не начинает условливающей части предложения, а всегда стоит после первого слова в этой части (при этом слове может находиться отрицание)» [42]. Характерная для союза *ли* позиция — после глагола [43]: А будетъ *ли* которая налога Великому Князю Василію Васильевичу внуку его, а изъ которые стороны, а възвелитъ ми Князь Велики Витовтъ, *и* мнѣ Князю Великому Ивану Ѳедоровичю, по его велѣнию, пособляти ему на всякого (Западнорус. гр. 1430 г. — Акты, собр. АН, т. I, № 25); Што съ лицомъ приведуть татя, будеть *ли* мочи чимъ платити, *ино* заплатити истинну (Западнорус. гр. 1468 г. — АЗР, т. I, № 67); не изнайдетъ *ли* ся истець до трехъ дневъ, *ино* повести на королевскый дворъ, по давному (Там же); А тые люди, што на Лове'ково' земли седят(ь), всхотять *ли* по свое' добро' воли Лове'ку и сестренцꙋ его Васкꙋ служити, *и* ѡни неха' имъ служат(ь); и не въсхотять *ли* имъ служити, и ѡни мают(ь) служити, кому хотячи (Городн. гр. 1506 г. — Литов. метр., т. I, кн. I, № 1); а будет(ь) *ли* е' которое дело до него ѡ выправе, *и* ѡна неха' на немъ правомъ ишчет(ь) (Вил. гр. 1509 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 66); а будет *ли* он тое рады его не ведал а на том право поднесет, мает онъ купленое або закупленое от него имене с покоемъ держати (Литов. ст. 1529 г., с. 3); А будет *ли* венована от мужа своего, а сынове мают дорослые, *тогды* маетъ осести толко на вене своем, а сынове мают припущены быти ко всим именямъ

---

[41] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 496.

[42] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот, стр. 175.

[43] А. П. Груцо (указ. соч., стр. 111) отмечает случаи в старобелорусском языке, когда *ли* стоит не после первого слова обусловливающей части условного предложения.

(Литов. ст. 1529 г., заголовок, с. 25); боудет *ли* вѣрныи сн҃ъ б҃жіи исстоупи теперь ис крижа. а оувѣримы емоу (Страсти Христ., л. 21); а коли мнѣ богъ похочеть зычыти а будемъ *ли* ровни, то бых не хотѣлъ болшое славы (Пов. о витязях, с. 81).

В форме *али* союз может стоять и в начале предложения: А *естьли бы* жона маючы дети у опеце своей, а пошла за мужъ; тогды стрыеве, або ближние мають опекатися детми и именемъ, бо уже *коли* жона за муж пойдет не мает иными опекатися, а ближние не мают ее стискати зыменя веновного, *али ж* дети доростут лет своих, *тогды* дети мают у ее скупати, естли бы за муж пошла (Литов. ст. 1529 г., с. 27—28). Этот пример интересен тем, что в одной фразе параллельно употреблено три условных союза, причем широко распространенные союзы *естли* и *коли* делают более четким условное значение союза *али*.

В современном белорусском языке *ли* не сохранилась ни в качестве вопросительной частицы, ни в качестве союза условно-следственных конструкций.

С помощью частицы *ли* в старобелорусском языке были образованы союзы *нижли*, *олиж*, *пакли*, *если*.

Союз *нижли (нежли)* не нашел широкого применения в роли условного союза в старобелорусской письменности. Наши материалы дают единичные примеры с этим союзом: *нижли* которые домовъ и присевъковъ своихъ не мають, тол[ь]ко на месечине, на хлебе въ домехъ шляхетскихъ живуть, тые ничого дати не повинни (Вил., гр. 1566 г. — РИБ, т. XXX, кн. 7, № 99); *Нижли* тамъ у Швеции козаки запорозкие ничого доброго не вчинили ани гетманови и пану королю жадного ратунку не дали, толко з Швеции утекли, а тутъ на Руси Полоцку великую шкоду чинили (Лет. Баркул., л. 163 об.); Нехаи тое речы, тепер же узрыш моего меча; коштуючы сѧ на Додоновом воиску зрадцы злого; перво бых умер, *нижли бых* не потъкал сѧ с тым зрадцою (Ист. о Гвид., с. 164).

Также всего несколькими примерами представлен в наших материалах союз *олиж*: *олижъ бы* первѣи отъ пана, которому жъ тоть подданъ, который кривду вчинилъ, правда пожадана была, ачь бы онъ на рокъ не хотѣлъ къ праву поставити; *тогды* нашъ дѣцкый, а любо нашихъ заказниковъ имать быти посланъ (Вил. гр. 1457 г. — АЗР, т. I, № 61); А будеть ли въ дому статковъ татя, того, и онъ домовыми статки плати: *оли жъ бы* не было чимъ платити изъ дому, *ино* жоною и дѣтми платити, какъ у верху писано (Западнорус. гр. 1463 г. — АЗР, т. I, № 67); А вшакъ же не маеть инакимъ обычаем тотъ приятел мовити, аж *олижбы* мел тот сам очивисто стати, и реч ему свою полецыти (Литов. ст. 1529 г., с. 47).

Условный союз *пакли* появляется в старобелорусской письменности во второй половине XV в. В исследованных нами материалах нами отмечено 9 примеров использования союза *пакли* в одной и той же грамоте XV в. В пяти случаях употребления условного

пакъ ли в придаточном предложении главное предложение имеет соотносительный союз *ино*. Например: *А пакъ ли* злодѣй не имѣти будеть чимъ платити, *ино* и лица у двор не имать, воротити истьцю, у кого украдѣно, и просокы половину веръпути (Западнорус. гр. 1468.— АЗР, т. I, № 67); *а пакъ ли* на рокъ на послѣдній не поставить, заплати жъ, а того ищи (Там же); *а пакъ ли* усхочеть на обчій судъ, *ино* ихъ на обчій судъ пустить и рокъ дати (Там же); *а пакъли* не пригодиться насъ у великомъ князьствѣ Литовьскомъ, и онъ имаеть паномъ радѣ нашей жаловати (Там же); *Пакъ ли* будеть нѣкоторый отводити, *ино* намъ дати дѣцького (Там же); *А пак ли* которыи не задѣлають своихъ дѣлниць сего лѣта, а исплошаться: тотъ исъ права выступилъ, на томъ намъ вины десять рублевъ (Там же).

В грамотах XVI в. отмечено 5 примеров с условным союзом *пакли*. Во всех примерах союз дан в сочетании с усилительной частицей *же*, в двух примерах в главном предложении есть соотносительный союз *ино* и *тогды*: *Пакъ ли жъ бы* панъ Нем(е)ра на тотъ рокъ передъ нами не сталъ, *тогды* мает(ь) панъ Левъ самъ — ѡдинъ на тотъ рокъ передъ нами стати и тотъ сѵдъ сво' ѡказати (Вил. гр. 1516 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 251); *пакъ ли жъ бы* хто въ васъ съ того выступилъ, веда'те певно: ижъ будете ѡ насъ караны тымъ каран(ь)емъ, какъ выше' въ семъ нашомъ листе выписано (Город. гр. 1522 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 334); *паклиж* так не повѣдит, *ино* на што Гринко Оранский довод вчинит, што бѵдет того збожа его на Єго Милост вжато, кнѧзь Василей мает казати толко збожа емѵ ѡтдати (Берест. гр. 1512 г. — Arch. Sang., т. III, № 126); *Паклижбы* еси перед нами стати и в том сѧ з нимъ росправити не хотел, вѣдай певне, иж пошлешъ децкого нашого и кажемъ тебе моцно перед нами кѵ правѵ поставити (Брест. гр. 1544 г. — Arch. Sang., т. IV, № 318); *Паклижбы* еси перед нами кѵ правѵ стати и в том сѧ з нею росправити не хотел, вѣдай певне, иж пошлем по тебе децкого нашого и кажемъ тебе перед нами кѵ правѵ моцно поставити (Брест. гр. 1544 г. — Arch. Sang., т. IV, № 321).

Условный союз *пакли* наличествует в Старом литовском статуте 1529 г. Всего в нем отмечено 28 примеров с указанным союзом, в 25 из них есть соотносительный союз в главном предложении — *тогды*. Все конструкции за исключением одного примера выражают ирреальное условие (сочетание союза *пакли* с частицей *бы*). Примеры: *А пакли бы* тот сынъ не здался гетману добре годный, *тогды* сам отец маеть на войну ехати (с. 15); *пакли бы* третяя часть именья его, тое сумы пенязей совито не стояла, *тогды* онъ нехай купивши за тые пенязи имене и потом дочце своей зятю своему дасть (с. 25); *Пакли* не венована будет от мужа своего, *тогды* мает во всем ровную часть от детей дорослыхъ летъ своих мети у скарбехъ и у именяхъ рухомых и лежачих (с. 26); *Паклиж бы* на дорозе погонити не могъ, а въ дому чиемъ засталъ; *тогды*

маетъ тотъ панъ, у чиего человѣка тую челядь засталъ, справедливость вчинити (с. 95); *А паклибы* на тое неприсягнули, *тогды* оное село оную шкоду всю тому шкодному мает платити, а собе злодея искати (с. 100).

В сложноподчиненных условных предложениях с союзом *пакли* придаточное предложение, в начале которого стоит союз, всегда находится в препозиции к главному предложению. Однообразие структуры, вероятно, можно отнести за счет употребления этих конструкций в памятниках делового стиля (грамоты, Статут). Общее значение предложений с союзом *пакли* условно-следственное, но в некоторых примерах сочетается с определительным. Употребление союза *пакли* в старобелорусской письменности было весьма ограниченным, союз этот не закрепился в языке позднейшего периода и не употребляется в условных конструкциях современного белорусского языка.

Условный союз *ежели*, появившийся в старорусской письменности в XVII в., с этого же времени отмечается в памятниках делового старобелорусского языка [44]. И наши памятники не дают примеров использования его, кроме единственного случая употребления *ежели* в Дневнике Евлашевского: реклъ ми на то: же не дбаетъ никгды, *ежели* где потреба была зъ душнымъ збавенемъ (Дневн. Евлаш., с. 136).

В рассматриваемый период в условных конструкциях старобелорусского языка самый распространенный союз *если* (*естли*). Известно, что в старобелорусской письменности *если* появляется с XIV в. Наши материалы XV в. дают единичные примеры с *если*: *а ели па сѧ пригоди некоторомѹ боꙗринѹ ѹмѣсте што противкоу мѣстьски ѡбычае. право. або доброволенствомъ. згреши. престоупи. або изброди а в тои престѹпце. або грехѹ бы бы зыма. або ѹфицо. тогды не полоу истности прѣреченаго права Немецко. мае быти ѡсѹже або сказа* (Гродн. гр. 1463 г. — Срезнев. Свед. и зам., X); *а естьли* канонични проступять каноникомъ сто рубловъ, а ѣздокомъ, которые при томі были, десять рубловъ (Плотн. гр. 1474 г. — АЮЗР, т. II, № 75); *естьли* ты коро израгелскіи. збавъ себе самого (Страсти Христ., л. 22); *естьли* ты кро жидовскіи оучин се збавего (Там же, л. 22).

В XVI—XVII вв. расширяется круг памятников, в которых употребляется союз *если*. И хотя среди исследованных памятников нет произведения, в котором в условных конструкциях был бы использован только союз *если*, он господствует над всеми условными союзами. Как правило, в одном памятнике параллельно с *если* встречаем *коли*, *кгды*, *пакли* и другие союзы.

---

[44] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 114.

Половина всех многочисленных примеров с *если* в наших материалах встретилась в Литовском статуте 1529 г. (в количестве 400), в основном в формуле *если* (*если бы*) — *тогда* (75% всех примеров статута), эта же формула условной конструкции широко распространена в грамотах XVI в.: *а естли бы* тотъ Васюкъ братанича своего въ шести неделяхъ передъ нами не поставилъ, *тогды* онъ самъ маеть тую корову чл҃вку его платити шкоднымъ ѡбычаемъ, а того собе искати (Негневич. гр. 1520 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 130); *Естли* то такъ есть, *теды* бысте того чинитис не мѣли, а ни ся годитъ (Туров. гр. 1591 г. — АЗР, т. IV, № 30); *а естли бы* который съ благовѣрія вашого самъ на тотъ соборъ быти не хотѣлъ, *тогды* зъ моцми своими пословъ своихъ до насъ присылати рачьте (Новгород. гр. 1596 г. — АЗР, т. IV, № 100); *А естли бы* был немоцон; *тогды* олиж маеть ему дати листъ под печатью своею (Литов. ст. 1529 г., с. 47); *А естли бы* о межах была заповедь; *тогды* мает заклад быти на короля дванадцат рублевъ, а на державцу три рубли (Там же, с. 72); *И естли* найдеть албо на серед избы, албо под окном; *тогды* мает объявити, а подле того сознаня маеть сказано быти (Там же, с. 106).

Самый распространенный соотносительный союз при *если* — *тогда* (*тагды*, *теды*), наиболее характерный для языка документов и чаще всего он встречается в памятниках делового жанра, внося в условную конструкцию временнóй оттенок. В немногочисленных примерах соотносительный союз *тогда* встречается и в произведениях книжных: *А если* Атыл҃, ꙗко Сабэллик поведаеть, умер пѧтдесѧт шостого року вѣку своего, *тогды* в тот час, коли его ѡбрали королем, мѣлъ двенадцать лѣт (Ист. о Атыле, с. 223); *Ѳсли* еси умыслил ударыть на угры, *тогды* або выиграют битвы, чого боже уховали, або до ѡдного вси полѧгуть на плѧцу (Там же, с. 197); бо *если бы* вѣдал, *тэды* бы не пытал (Пов. о витязях, с. 104); *Ѳсли* буду мочы, ꙗ буду бити сѧ за него, *а если* ми Таѧ рана до того року не згоит сѧ, *тогды* вы его выпростаите (Там же, с. 118); *А если* жебы тыи были хвалебны котори сꙋ̾ въ ѵ҃тиску положени, *теды бы* слѣпии хромы трѫдоватыи мѣли бꙋ̾ наꙋ̾ иꙋ̾шии люди залецани (Александрия, с. 98); *а если* того не ѵ҃чините *тоды* ваше мѣсто запалимы (Там же, с. 110).

В литературе художественной старобелорусского языка XVI—XVII вв. условные конструкции с соотносительным союзом в главном предложении составляют 15% всех примеров с союзом *если*, причем более употребительны здесь союзы *то*, реже *ино*: *если* настанетъ месецъ молодый, то снегъ дождъ, буря, метелица. ижъ трудно было выповедати (Лет. Баркул., л. 167 об.); *Если* тамъ у старомъ законе не стерпѣлъ Богъ безчестія сосудовъ Своихъ церковныхъ, *то* кольми паче теперь въ новой благодати попиранія и безчестіа не стерпить (Спис. пр. люторов, с. 99—100); *а естли* господарь нашъ въ томъ королевствѣ своемъ Французскомъ всхочетъ поосмотрѣться и не будетъ сездѣ бордзо, *ино* паномъ радамъ раскажетъ его отправити (Вестов. отписки Кмиты 1573—

1574 гг. — АЗР, т. III, № 58); На мою вѣру *еслибы* есте правдиве судити не хотели, *то* вамъ будетъ смерть (Пов. о витязях, с. 12); и *если* ми сѧ в том противиш, *то* знаю иж мѧ не любиш (Там же, с. 50); Нѣт тут Трыщановы вины, *если бы* то была правда, *ино* то бы теперъ было (Там же, с. 87); *если* праве хочемо глꙗдѣ᷉ на правдꙋ, *то* што маемы не есть наше влаⷭное (Александрия, с. 44); Але *если* то᷈ ѡбыча᷈ видиᷮсе быᷮ вамъ негодны᷈, *то* ваᴹ негодныᴹ ворочу беᶻ ѡмешъкаᴴа (Там же, с. 64).

Единичны примеры с соотносительными союзами *ино*, *то* в произведениях делового жанра: *а естли* не заплатить на тотъ рокъ, *ино* грошь на грошь: бо вжо 4 годы ждеть тыхъ пенязей (Виленск. гр. 1510 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 2); *естли* тые слуги пꙋтные тыми разы седять домы своими на той же земли за Лове᷈комъ, которꙋю жъ ему продали, *ино* и ннѣ Петрашку не надобе въ нихъ вступатися (Городн. гр. 1506 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 1); *а естли бы* именье за тую суму не стояло *ино* за шию его выдати (Литов. ст. 1529 г., с. 48); *А естли бы* увяжчому нечимъ платити, *ино* его за шию выдати (Там же, с. 74); *а естли бы* старые сеножати заросли, *то* можетъ ихъ за ся ростеребити собе (Там же, с. 78).

Встречаются примеры с соотносительным союзом *абы*: *а естли бы* не хотелъ платити, *абы* передо мною сталъ (Слоним. гр. 1519 г. — Литов. метр., т. I., кн. 3, № 77), *а естли бы* не хотелъ платити, *абыхъ* емꙋ казалъ передъ собою стати (Там же); *если* правдиве маеш тотъ умыслъ християнкою быти ни для малженства, *абысь* мела за которого человека християнского замужъ пойти, албо для лакомства маетности, але правдиве (Лет. Баркул., л. 157); а ѡн всѧким способом хочет сѧ ѡ то старати, *если* собѣ не хочет ни в чом винен зостат, *абы* за его справою стародавных продковъ своихъ крывдъ за помочю божю помстил сѧ, а францускую землю ѡт ѡкрутенства ѡного грубого народу вызволил (Ист. о Атыле, с. 186).

Иногда союз *если* сочетается с ꙋсилительной частицей *же*(*жь*): *Естли жь* вѣру имаши о собѣ, имѣи предъ Богомъ, не соблазни другаго (Спис. пр. люторов, с. 165); *если же* звитѧжство рукою а шаблею нашою ѡдержемы, а которого пожытку з него не будемъ мѣти? (Ист. о Атыле, с. 191); *а если*ж з нами хочешъ вaᴶчитᵀ, простости нашои жадныᴹ ѡбычаеᴹ не ѡпустимы (Александрия, с. 86).

Ирреальное условие выражается с помощью частицы *бы*, однако нередко употреблен аорист глагола *быти*: *а естли быхъ* дей не Ѡдалъ тыхъ пенязей, ꙗ хочу совито тыи пенязи заплатити двадцать копъ (Жомоит. гр. 1519 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 97); *естли бы* и повторнѣ о такихъ службахъ росказывано, абы ся есми опатровалъ, яко е. м. панъ Гарабурда: *ино*, пане господарю! и каши не хочу, и по воду не йду (Вестов. отписки Кмиты 1573—1574 гг. — АЗР, ч. III, № 58); *если бымъ* кгде не заповетрилъ се, бовемъ и въ Новокгродку было поветре (Дневн. Евлаш., с. 130);

и если быхъ могъ тебе донести до того граду, и ѣ бых воевалъ Додона (Ист. о Гвид., с. 132); *Если быхмо* не видели, то быхмо не вѣрыли (Пов. о витязях, с. 65); *если бы сѧ* хто иный того питѧ напил, много бы сѧ зла могло стати (Там же, с. 68); ижъ ми дари' ѡбѣца[х] дочку свою приспособи[т], *еслибы* голов$ твою пере[х] ѡблично[ст] его прине[с]лъ (Александрия, с. 58).

Постоянна в условных конструкциях с *если* в языке документов препозиция придаточного, за исключением единичных примеров: а хто бы на тотъ рокъ не сталъ, тотъ право тратить, *естли бы* служба господарьскаѧ не зашла (Вселюб. гр. 1517 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 321); *тогды* тотъ которы несталъ мает на другом року присягнути, *естли* справедливе немоценъ был (Литов. ст. 1529 г., с. 5); а на той части и мачоха маеть з детми до живота седети, *естли бы* за муж не шла (Там же, с. 27). Зато в художественной литературе около 20% всех условных предложений с *если* составляет интерпозиция и постпозиция придаточного: а того не вѣдать, *естьли* чого не доложено (Вестов. отписки Кмиты 1573—1574 гг., — АЗР, т. III, № 58); Утынъ тэж Атылѧ збудовал, абы паметку именѧ своего *еслибы* Аквилии достати не могъ, у людеи потомных зоставил (Ист. о Атыле, с. 216); Пошли со мною свое воиско хочу сѧ ѡ королѧ покусити, *если* буду мог (Ист. о Гвид., с. 158); Хтоколвек у тое прыстанище прыстанет, нихто еи не смѣетъ чоломъ ударыти, *если* не будет валашан; а ты рыцэру, *если*-с ест валашан, удар еи чолом (Пов. о витязях, с. 104); есть ѡбыча', ижъ годѹючи *если* хоч$[т] бер$[т] ку[с]ки з котори[х] пиют (Александрия, с. 64); але$[н]деръ имъ ѡповѣда[л] ѡворѣте браны мѣ[ст]скии *если* хочете з р$къ валечны[х] $йти (Там же, с. 49).

С конца XV в. известны случаи употребления *если* в значении вопросительной частицы *ли*, чаще всего в прямой речи: И таѧ Зое(и)ѣ мовила: ѣ де' того не ведаю, *естли* тыи имен(ь)ѣ выходили зъ моцы ѡца нашого (Город. гр. 1522 г. — Литов. метр. т. I, кн. 2, № 343); только дей вѣдати того не можемъ, *если* отъ васъ ся первѣ што почнетъ, або отъ насъ (Вестов. отписки Кмиты 1573—1574 гг. — АЗР, т. III, № 58); и тоѣ вѣдомости нѣтъ, *есть ли* здѣсе тыежъ послы пойдутъ, або иншіе съ иншою справаю отправлены будутъ (Там же); И рекъ ‹Трыщан› Ижоте: Пани, то ест витезь старых витезеи, ѣ не вѣмъ, *если* ты будеш его, або моѣ (Пов. о витязях, с. 97—98); Але$[н]де[р] реклъ доко[н]чене живота твоего *если* тобѣ вѣдомо, чили непевно (Александрия, с. 30).

В современном белорусском литературном языке и в говорах не сохранилось употребление *если* в роли вопросительной частицы.

Как отмечает Е. Ф. Карский, «иногда для выражения условного предложения бывает достаточно одного условного наклонения глагола (с *бы*) без всякого союза» [45]. Таким образом *бы* выполняет роль условного союза: ѡни повѣдають, а *бы* были люди вольныи,

[45] Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 496.

прихожии, а земли собе покупили въ дядковича моего (Вил. гр. 1514 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 114); *Еножбы* пригодили таковые дѣла судити, которые *бы* были в тых правех не писаны; тогды панове рады наши мают тые дѣла судити подле старого обычая. . . (Литов. ст. 1529 г., с. 45); *ѡбы* то было вѣдомо ч[о]л[о]в[ѣ]кови бѣ^ному што се з ни^м мае дѣи^г напото^м, то бы в нынѣшне^м часѣ ро^змышли^м (Александрия, с. 67); а дивѵючисе реклъ царево^г: *бы* таковыи речи ѵ на^с были видѣны запра^вды бы были ве^ми коштовны (Там же, с. 111).

Условный союз *только*, мало распространенный в старорусском языке, малоупотребителен и в языке старобелорусском. Как отмечает А. П. Груцо, союз *только* употребляется преимущественно в белорусских памятниках старшего периода [46]. В наших материалах имеется лишь один пример с союзом *только*, который придает условной конструкции ограничительный оттенок: *только будетъ* бояре доброго дѣла и покою хрестіянского хотятъ, и они бы пословъ своихъ межи Смоленска и Вязмы на день 18 Сентября на зъѣздъ къ намъ великимъ посламъ выслали (Орш. гр. 1615 г. — АЗР, т. IV, № 199). Этот пример интересен еще и тем, что в нем видим рядом с союзом *только* союз *будетъ*, являющийся исключением для белорусского языка. На то, что *будетъ* — союз, указывает несогласование его в числе с подлежащим *бояре*.

Как известно, в современном белорусском литературном языке союз *толькі* (*толька*) в условных конструкциях не употребляется, но отмечается в качестве грамматического показателя условно-ограничительных отношений повсюду в белорусских народных говорах [47].

СТАРОУКРАИНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

В староукраинской письменности XV—XVII вв. условное предложение оформляется многочисленными союзами.

Старославянский союз *аще*, доминирующий в Галицко-Волынской летописи, широко представлен в произведениях Вишенского, хотя уступает союзу *если*. В произведениях книжно-религиозного стиля XVII в. имеются лишь единичные примеры с *аще*. А в произведениях, отражающих разговорный язык, союз *аще* совсем не встречается. Впоследствии союз *аще* окончательно вытесняется из украинского языка другими условными союзами.

Союзы *аже* и *оже* отмечены лишь в памятниках XV в. немногочисленными примерами. В современном языке нет следов этих союзов, как и союза *пакли*, также представленного лишь в грамотах XV в.

Во многих памятниках XVI—XVII вв. наличествует союз *кгды*; но, распространившись под влиянием польского языка и не подкрепленный широким употреблением в живой речи, союз этот

[46] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 96.
[47] «Нарысы па беларускай дыялекталогіі». Мінск, 1964, стр. 343.

не закрепился в языке и незнаком современному литературному украинскому языку.

Широко используемый в староукраинском языке союз *коли* в исследуемый период уступает по употребительности союзу *если* в памятниках книжного языка, но господствует в произведениях, отражающих народный разговорный язык. Союз *коли* закрепляется и становится одним из наиболее употребительных в современном украинском языке.

Союз *если* в староукраинском языке рассматриваемого периода самый распространенный в памятниках не только полемической литературы, но и в грамотах XVI—XVII вв., что говорит об употреблении его в разговорной речи. Как в полной форме, так и в виде *сли* он известен западным украинским говорам [48], но современный литературный украинский язык его не знает.

Союз *ли*, изредка встречающийся в памятниках староукраинского языка, употребляется по традиции использования его в древнерусской письменности, но не закрепляется в украинском языке.

Союз *би*, известный современному украинскому языку, был мало употребительным в письменности XV—XVII вв.

Старославянский союз *аще* известен и староукраинскому языку. Традиция употребления этого союза в древнерусском языке в церковно-религиозной литературе отразилась на письменности староукраинской. Галицко-Волынская летопись наиболее близка к памятникам древнерусского языка, и наличие большого количества примеров условных конструкций с *аще* здесь естественно. В исследованных грамотах XVI и XVII вв. есть лишь единичные конструкции с *аще*. Широко использован этот союз в литературе религиозно-полемической, причем в XVI в. в языке Вишенского *аще* употребляется наравне с *если* (на 134 примера с *если* 108 примеров с *аще*), в памятниках же XVII в. союз *аще* употреблен в 10 раз реже, чем *если* (Палинодия Копыстенского, Пересторога).

Главное предложение условных конструкций с *аще* имеет соотносительные союзы: *то*, *да*, *и*, *тогда*, причем в Галицко-Волынской летописи половина всех примеров с коррелятами, в произведениях Вишенского — четвертая часть всех примеров, а в Палинодии и Пересторогe корреляты в условных предложениях с *аще* отсутствуют. Примеры (с коррелятами и без коррелят): *аще* насъ Роусь плѣнѧть. *то* коую славоу. Кондратъ прииметь *аще* Роускаꙗ хоруговь станеть на забролѣхъ *то* комоу чть оучиниши (Ипат. л. (Гал.-Вол.). л. 256 об.—257); *ащьᵃ* оубьеши и женеши Тевтивила. и ѥще болша сѝ приимеши (Там же, л. 272); ѡномоу же рекъшоу. не можеши избавленъ быти. *аще* не послеши к папѣ. и приимеши

[48] О. Я. Петренко. Із історії сполучника *если* в українській мові (тези доповіді). XIII звітнонаукова сесія. Секція української мови та літератури. Харків, 1958, стр. 4.

крщнна.[6] не ѡдолѣеши врагоу (Там же, л. 274); *аще* сами боудоуть Татарове *да* не внѣдеть оужасъ во срце ваше (Там же, л. 277 об.); *аще* бы которые зъ насъ, альбо наступцовъ нашихъ, сами черезъ себе, або черезъ кого иншого, хотѣли тую угоду и святое соединеніе растерзати. . . *теды* тоею грамотою нашою спольною ихъ откидаемо (Луцк. гр. 1595 г.—АЗР, т. IV, № 82); *аще* восхощет великодержавный царь увидети, что есть братство, истолкуй его величеству, яко истинный суть поклонницы христовы (Укр. гр. 1625 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 25); *аще* мы, или ангелъ съ небеси благовѣститъ вамъ надъ то што есте приняли, анаѳема *да* будетъ (Отв. клир. Острож., с. 409); *Аще бо*, — рече — кто хощет вслѣд менѣ ити, *да* отвержется себѣ и возмет крест свой и послѣдует ми (Виш., Позорище, с. 212—213); *аще* обрящется кто, слѣду нѣчто имѣя дрѣвнее премудрости, *то* сей грады оставль, и торжища, и еже с людми жити, и иных обычая управляти, горы достигает. (Там же, с. 213); *Аще ли же* не хощете, *тогды* к вам, стаду православному, христианскому роду, мовлю (Виш., Книжка, с. 46); *Аще* кто хощет в слѣд мене ити, *да* отвержется себе и возмет крест свой и послѣдует ми (Там же, с. 51); *Аще* ест чистец по смерти, *то* како вѣрен будет глагол, реченный от Христа (Там же, с. 113).

Союз *аще* часто употреблен в сочетании с усилительными частицами *ли*, *же*, *ли же*, *бо* (*убо*): *аще ли* жалоуете насъ, *то* преже себе жалоуите (Ипат. л. (Гал.-Вол., л.), 272 об.); *Аще ли* не покажеши, *то* на Петра лож и потвар нуждею налегаеши (Виш., Книжка, с. 105); *аще убо* будет суд, *то* кого убо будет судити судия (Там же, с. 112); *Аще же* не хощете *то* имѣте их и мучите досадами и бѣдами (Там же, с. 119); *Аще ли же* кто чем от сих и постраждет, мню, от злаго навыкновения, а не от моего изображения сия постраждет (Виш., Послание Домникии, с. 169); *Аще бо* кто мнится — рече, — препирателен быти, ми таковаго обычая не имамы, ани церковь божия (Виш., Зачапка, с. 186); *аще* достоинъ есть, по вашему глаголу буди достоинъ; *аще ли же* нѣсть достоинъ, а вы его за достойнаго удаете, азъ чистъ есмь: вы узрите (Пересторога, с. 206); *Ащели же* кто хотѣнію нашему съпротивится, божественнаго убо приобрѣтенія чюждъ *да* будетъ, преслушанію же всякому подсужденъ (Палин. Копыст., с. 333); *Аще ли* суть и ина сказанія о сопрѣніи семъ, та нынѣ да оставитъ, доволно убо уже указаніе, яко святыхъ естъ святый мужъ сый апостолъ и всея твари (Там же, с. 479).

Ирреальное условие выражается сочетанием *аще* с частицей *бы*, имеем и случаи согласования форм аориста: *аще* не был *бы* сродникъ ихъ с ними Ѳлександръ *то* не перешли быша ни Боуба (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 246); Данилъ же приѣха ко Конъдратови. и ре емоу *аще быхомъ* исперва вѣдалѣ мѣсто се *то* градъ придтъ бы былъ (Там же, л. 256 об.); *Аще бо бы* и зван еси на сей брак духовный, но испытати себе подобает, имаши ли одежду брачную, се ест совѣст чистую и житие непорочное (Виш., Книжка, с. 116);

аще бо бы от славы прошение начали, не бы убо на погребение тѣло иисусово прияли (Там же, с. 127); На сие глаголы, *аще бы* мы и отвѣщевати не потреба ни мало, свою совѣсть вѣдуще, *да* не приразимся богу, а не человѣком угодим (Виш., Послания, с. 161).

При абсолютном преобладании препозиции придаточного предложения есть случаи интер- и постпозиции: ‹Володимерь› рекы имъ. не имать ѡстатисѧ градъ вашь *аще* ми не выдасте Романовичю. *аще* не приимете брата моего Сто̄слава. кнѧжити в Володимерѣ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 245 об.); бывшоу же емоу оу короля. оубѣди и король словесы многими дары оувѣщова ꙗко проведоу ꙗ оу Грькы с великою чтью. *аще* створить со мною миръ (Там же, л. 271 об.); Сия вся тебѣ дам, *аще*, пад, поклониши ми ся (Виш., Книжка, с. 11); Яко же бо очима обращаемома, испытно предлѣжащее видѣти нѣсть мощно, и подобает утвердити зрак глядущему, *аще* извѣстно хочет сотворити себѣ видѣние: тако и уму человѣчю неподобно на истинну зрѣти (Виш., Позорище, с. 215); тако и в души божественных повелѣний положити альбо основати, *аще* от преждѣбывших в ней страстей не исторгнет кто, нѣсть мощно (Там же, с. 215); Тѣмже извѣсти ми о своем мирѣ и что глаголеши о сем, дай ми глас *аще ли* и тебѣ нужда настоит от борения плоти, страстей и воздушных злобных духов поднебесных (Виш., Послания, с. 9); Поготову *тогда* (*аще бы* наималѣй от православнаго исповѣдания уклоним) бога, троично славимаго не только не прославим, але и в конѣц похулим запѣвно вѣдайтѣ! (Виш., Послания, с. 207); И сам же, *аще* Христос изволит, оной дароватися прагну (Виш., Зачапка, с. 170).

Союз *аще*, используемый лишь в книжной, высокого стиля, литературе, не употреблявшийся в живом разговорном языке и в памятниках его отражавших, исчез совсем из украинского языка.

Условные союзы *аже*, *оже* в исследованных памятниках староукраинской письменности как остаточное явление древнерусского языка отмечены единичными примерами в Галицко-Волынской летописи. Равнозначность этих союзов и союза *аще* вызвала в некоторых случаях их параллельное употребление в одной фразе: ѡже еси миренъ поиди со мною (л. 282 об.); бы же вѣсть Данилоу послаша Лва и Шварна вонъ и Володимера река имъ. *аще* вы боудете оу мене. вамъ ездѣти в станы к нимъ. *аже ли* азъ боудоу (л. 283); ‹Костѧнтинъ› ре̑ кнѧзю Василкови. поѣдь прочь. *аже* боудеть ти каменемъ в чело ты оуже не братъ еси. (бра̑ еси) братоу своемоу. но ратьныи есь емоу (л. 284); *аже* боудеть кнѧзю городъ роубити. ини к городоу а побором̑ъ. и тотарьщиною. ко кнѧзю (л. 229); а кнѧгини моа. по моемь животѣ. ѡже восхочеть в черничѣ поити поидеть. *аже* не восхочеть ити. а како ей любо (л. 299); ꙗ̑ же хочю правити. Татары

а ты сѣди *аже* не поедешь добромъ. а зломъ пакъ поѣдешь же (л. 305 об.); *ѡже* боудеть твоимъ повелениемь се оучинилъ се же ти повѣдаю (л. 305 об.); *ѡже* ти поидеть вонъ. сновѣць ми нарѧди же до ме кормъ и питье (л. 306).

Вопросительная частица *ли*, редко встречавшаяся в роли условного союза в древнерусской, а затем и в старорусской письменности, лишь единичными примерами представлена в исследованных памятниках староукраинского языка: рѣста бо емоу *аже* даси королевичю когда восхощеши: можеши *ли* взѧти под нимь. даси *ли* Данилови. в вѣкы не твои боудеть Галичь (Гал.-Вол. л., л. 254 об.); не поѣдешь *ли* вонъ. а же ти боудоу помочникъ бра. своемоу на тѧ. *аже* ми будеть смрть. по своемь животѣ. даю землю свою всю. братоу своемоу Мьстиславоу. а тобѣ не дамъ. *ѡже* мене. не слоушаешь. ѡца своего (Там же, л. 305 об.)[49]; Ано хотѣлъ *ли* бы Римскій бискупъ тимъ ся показати, чимъ найбарзѣй гвалтомъ и мечемъ выставляется свѣтови, *теды* отъ самого Христа такую владзу зверхности выводити и зъ писма святого и зъ соборовъ показати, гдѣ и на которомъ мѣстци и которыхъ лѣтъ бискупа Римского надъ чотырма патріархами предложено и въ церкви Найвышшого Единого головою быти осужено? (Палин. Копыст., с. 325—326).

Частица *ли*, несвойственная украинскому языку, так как в украинском языке употребляется вопросительная частица *чи*, вышла из употребления и в роли условного союза. В современном украинском языке нет условного союза *ли*.

Условный союз *пакли* (*бы*) был ограничен в староукраинской письменности употреблением в грамотах. В наших материалах 14 случаев с *паклибы* — в грамотах XV в. и лишь один пример из грамот XVI в. Во всех конструкциях есть соотносительные союзы в главном предложении (*тогды* — 12 случаев, *то* — 1, *ино* — 2): *пакъ ли бы* кто нагабалъ у той дѣдининѣ у Серны, или кроль господарь: *то* паки Марегорѣта Росовая имаеть заступить и оправить, подлугъ земьского права (Галич. гр. 1418 г. — АЮЗР, т. I, № 13); *па ли бы* хоти оу коломыи мешкати *ино* придали єсми по млина и мыта по коломыско. *па ли. бы* оусхоти оу коропци мешкати *ино* ємоу даєⷨ мѣсто коропєцъ съ мытомъ съ млиноⷨ и сєло стѣнкоу к томоу причыняєⷨ (Снят. гр. 1454 г. — Укр. гр., № 87); *А пак ли* тоє первороѣное. село. намъ. сѧ бы слюбило. а любо. которому. нашему. слузѣ поволили быхоⷨ. є выкупити, *тогды* ты н. копъ. имаєть быти. дано слузѣ нашему юркови. а любо по неⷨ. его дѣтеⷨ (Колом. гр. 1424 г. — Укр.

[49] В примерах из Галицко-Волынской летописи частица *ли* параллельно в одной фразе равнозначно употреблена с союзами *аже*, *ѡже*, что делает более четким использование ее в роли союза.

гр. № 55); *пакли быхъ*[50] *я* самъ а любъ жона, дѣти или щадки мои похотѣли тую продажу мою какъ зрушыть, *тогды* виноватый я и воны, по нимъ и щадки ихъ (Влад. гр. 1440—1492 г. — АЮЗР, т. II, № 70); *И паклибы* хто з нихъ, з Божего допѹщенѧ, ѹ форобѹ попал и дла форобы своей не мог на тот рок зложоный комисарей своих там вывести и самъ кѹ правѹ стати, *тогды* маеть дрѹгой стороне передъ ѡнымъ рокомъ ѡ форобе своей дать знати (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 84).

Союз *пакли* вышел из употребления еще в староукраинский период и неизвестен современному украинскому языку.

Союз *если*, представленный единственным примером в рассмотренных грамотах XV в., становится самым распространенным условным союзом в памятниках староукраинской письменности XVI—XVII вв.; причем в памятниках полемической, церковно-книжной литературы и в грамотах он господствует над остальными условными союзами. В произведениях же, близких к народному творчеству и отражающих живой разговорный язык, союз *если* либо совсем не употребляется, либо наряду с другими союзами.

Союз *если* имеет соотносительный союз в главном предложении (*ино*, *то*, *тогда*, *нехай*) в шестой части всех случаев, отмеченных в наших материалах: а *если* тая невестъка его въсхочеть замужь пойти, *ино* ему ее выправити подле обычая (Радом. гр. 1487 г. — РИБ, т. XXVII, кн. 4, № 21); *естьлибы* хто з них не стал, *то* мает реч свою тратити (Луцк. гр. 1536 г. — Arch. Sang., т. IV, № 56); *а естлибы* сѹди их за которыми причинами справедливости томѹ вчинити не могли, *тогды* мел маршалок Волынское земли, староста Володимерский, кнѧзь Федор Андреевич Санкгѹшковича посредкомъ розознане томѹ вделати (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 84); Бо *если бысте* ваша милость иначей ктиторовъ иншихъ пріймовали, *теды* барзо бысте то намъ заприкрѣ учинили (Каменец. гр. 1609 г. — АЮЗР, т. I, № 222, XIX); *если* Духъ Святый отъ Отца походитъ, а отъ Сына не походитъ, *то* южъ маетъ Отецъ тое, чого Сынъ не маетъ (Ист. о Флор. соборе, с. 446); *А если бысь* способу шукалъ, *теды* зостав(ъ) однымъ онымъ, которые одинъ другого себе знаютъ (Там же, с. 451); *Если* ся кто мнимает быти мудр в вѣцѣ сем, *нехай* ся учинит кглупым, яко ничого незнаючим, тогда будет мудр (Виш., Книжка, с. 30); А знать, *если бы* хто што строхи и знал, як южь досягнет стиха якого басней аристотельских, *тогды* южь Псалтири читати ся соромѣет и прочее правило церковное ни за что не вмѣняет и яко простое и дурное быти разумѣет (Виш., Послания, с. 163); *а естли бы* тежъ и такъ было, *теды* тое що ся у чужой земли дѣетъ, вамъ судити, ани за то мя карати не приналежитъ (Пересторога, с. 218); Бо, *если* тогды еже выполнилъ то Іисусъ Христосъ, што тутъ обѣцалъ, *теды* тутъ еще не естъ тымъ чиненъ, чимъ тамъ мѣлъ быти учиненъ (Палин. Копыст., с. 355); *А эсли бы* теж хто схотѣл мѣти собѣ за патрону матер божію

[50] Иногда, как и в данном примере, союз *пакли* сочетается с формой аориста.

пречистую дѣву Марѣю, *нехайже* похвалу єи читает и спѣвает на кождую суботу (Перло многоцѣн.); *Если* ту що нестройного поета мудрый обачит, проша *нехай* ми пребачит. (Там же); лаце свое *если* мене даного, *теды* набарзѣ чадо мое лѹкіа Беридѹ, ново й цалого слѹгу своего мѣти рачте (П. Берында).

Ирреальное условие выражается с помощью частицы *бы* или сочетанием *если* с формами аориста.

В конструкциях с *если* довольно постоянна препозиция придаточного. И хотя в основном союз *если* используется в памятниках, отличающихся патетикой, риторикой, где наиболее часто инверсируется обычный порядок слов или частей предложения, случаи интер- и постпозиции составляют лишь 15% всех примеров: Вѣм, диаволе, як ты все тое реченное даси, *если* ся тобѣ поклоню (Виш., Книжка, с. 13); Теды, из муки их изведши, в едину темницу затворили до другаго мучения, *если* ся не намыслят и доброволнѣ идолом не пожрут (Виш., Послания, с. 167); На што ижъ не барзо теперъ княжа его милость способный, прото не вѣм, *если бы* до того теперъ прійти могло (Отв. клир. Острож., с. 411); А въ тыхъ листѣхъ доложилъ, же Луцкого екзархою чинитъ и зъ другими даетъ власть и митрополита карати, *если* ся што на него найдуетъ (Переспорога, с. 208); Бѣда мнѣ, яко апостолъ мовитъ, *если* не благовѣствую! (Палин. Копыст., с. 319).

Несмотря на то, что союз *если* широко представлен в староукраинской письменности, в разговорной речи он был более употребителен в западных говорах, где и сохранился в настоящее время, не войдя в современный литературный украинский язык.

Условный союз *кгды* в староукраинской письменности представлен небольшим числом примеров, однако охватывает широкий круг памятников разных жанров и стилей. Союз *кгды* известен и языку документов (грамоты XVI и XVII вв.), и полемической книжной литературе, и произведениям, близким к народному творчеству и отражающим живую разговорную речь. Часто союз *кгды* употреблен в сочетании с частицей *ж*. Приведем примеры: Прото, *кгдыж* ѡн ѡт давных часовъ мыта по именѧмъ своим ѡтчизнымъ маеть, а мы привилемъ нашимъ емѹ то потвердили, тыбы мытником приказалъ, ажбы ѡни в тыи мыта его на ѡных местцох врочистых ‹ничим сѧ не встѹпали› (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 83); Ино *кгдыж* еси мытниковъ в месте его ковли положил, а ѡни мыто там на нас берѹть, тыбы иншого днѧ торгъ ѹ Мелницы, встановилъ, на который сѧ тобе бѹдеть видети (Там же); *А кди би* теж з ласки вашое воеводское осудара своего не могли ми одержати, жеби тое все поворочано било, будемо відати его с тим діяти, за тим вас і самих себе з великим силним Войском Запорозким господу богу отдаемося (Укр. гр. 1649 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 100); *кгди* се в чом трафит може, повинни будемо тим же способом на услугу вашу с кождим часом зділоват і одслуговат (Укр. гр. 1648 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 20); або *кгды*

надъ силу мою было бы што (чого не вижу) трудного, тому досыть (лечъ кому болшому умѣетнѣйшему около малыхъ речій працы не зычачи) учинити мѣлъ (Отв. клир. Острож., с. 380); *Гды бы* головнымъ пастыремъ былъ, реклъ бы былъ (Палин. Копыст., с. 463); бо *гдыбы* ‹Петръ› былъ княжатемъ апостольскимъ, не смѣлъ бы его Павелъ святый строфовати (Пересторога, с. 232).

Очевидно, под влиянием русского языка среди массы примеров с союзом *кгды* встречаем союз *когда*: *А когда би* един другого поранив, таковаго до наместника моего отсилать мает (Укр. гр. 1633 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 77).

В исследованном материале бóльшая часть конструкций с союзом *кгды* не имеет соотносительного союза в главном предложении, приблизительно 15% всех примеров имеют корреляты *то*, *теды* (*тогды*): *Теды* певне в туюжбы як овцѣ сѣть впали *кгды бы* своих сторожов псов волком выдали (Вірши Саковича); ижъ *кгды бы* онъ самъ ѣхалъ до патріарха, *теды* бы ему большъ коштовало (Пересторога, с. 208); *а гды бы* Петръ святый въ Римѣ былъ, альбо столицу епископскую тамъ держалъ: *тогды* бы оный Онисифоръ, не пытаючися, ляда-куды, але бы заразъ пошолъ до Петра святого, яко епископа, альбо до его намѣстника (Там же, с. 233); *И гды бы* опока относитися мѣла до особы Петровы, *то* бы въ Грецкомъ положено было ἐπι' τουτῳ — «на томъ», а въ Латинском *super hunc*. (Палин. Копыст., с. 387); *А гди бисмо* єго душу до себе поймали, *то* бисмо били безпечни и нѣкого на свѣтѣ ся не бояли (Сл. о збур. пекла); *А гдиж* он человѣк, *то* ся я єго не бою (Там же); Да бронѣ всѣ мои жолнѣре берѣт ся, а гди якій страх прійшол, то ви не смутѣт ся (Там же).

Союз причинных предложений *кгды*(*ж*) нередко вносит оттенок причинности в условную конструкцию, особенно в тех случаях, когда обусловливающее предложение стоит в постпозиции к обусловливаемому, и только все примеры употребления сослагательного наклонения, т. е. сочетание сòюза с частицей *бы*, являются чисто условными, какова бы ни была позиция придаточного: Што ся и о оной вежи Вавилонской стало. Бо злый покой, добрую незгоду попсовавши, чинитъ недобрый покой; але не вездѣ згода добра, *кгдыжъ* часомъ и разбойницы згожаются (Отв. клир. Острож., с. 403); Узрите в овдешней згоде и берестийскую згоду, узрите з овдешней любви тую любовь поганскую, которую бискупи залецают, в начале згодное книжки мовячи, иж бы ее не потреба залецати, боронити и справдати, *кгдыж* есть любов (Виш., Книжка, с. 86); Въ которомъ о Бозѣ ревнованю и Студитъ будучи, розумѣти маемо, же онъ того не писалъ, и для самого подозрѣня не важилъ бы ся былъ писатъ, *гдыжъ* за таковымъ писаньемъ розумѣнъ бы былъ за противника царского (Палин. Копыст., с. 503); а о Петрѣ святомъ жадноѣ змѣнки не чинитъ; чого бы конечно не утаилъ, *гды бы* Петръ святый въ Римѣ былъ, альбо епископію тамъ держалъ (Пересторога, с. 232); А въ письмѣ святомъ ничого не найдемъ, абы Петръ святый въ Римѣ мѣлъ столецъ епископскій держати

и Римови епископомъ и учителемъ быти, *гдыжъ*, яко исторія церковная свѣдчитъ, онъ смерть принялъ по воскресеніи Христа въ шестдесятъ и осьмъ лѣтъ (Там же, с. 231); Бо било би мнѣ за встид, *гди бим* ся ему кланял. И данѣ давати *гди бим* ся поднѣмал (Слово о збуреню пекла).

В некоторых случаях предложения с *кгды* имеют условно-временно́е значение: Однакъже и в' новомъ законѣ маемо тымъ подобныхъ много прикладовъ: ижъ и доброе *кгды* не по воли Божіей бываетъ, непріемно и противно есть Богу (Отв. клир. Острож., с. 398); Много бовѣмъ кроть и покой бываетъ шкодливый и далеко отъ милости Божей отгонитъ; *кгды* ся згожаемо о роспорошенью истины, прегрѣшно есть и велми неподобно (Там же, с. 401).

Союз *кгды* распространяется в староукраинском языке под влиянием польского языка в XVI—XVII вв. Условная конструкция в это время уже достаточно четко оформляется союзами и поэтому реже употребляются корреляты. Однако, несмотря на позднее распространение, в языке этот союз не закрепился и неизвестен современному украинскому литературному языку.

Союз *коли* с условным значением широко представлен в памятниках староукраинской письменности. Во всех конструкциях с *коли*, за исключением тех, в которых союз *коли* употреблен в сочетании с частицей *бы*, всегда есть и временно́й оттенок значения.

Исследованный материал дает такую картину употребления союза *коли* в староукраинской письменности. В языке документов союз *коли* вытесняется союзами *если*, *кгды* (последний, очевидно, под влиянием польского языка). Так, если в грамотах XV в. союз *коли* преобладает в условных конструкциях, в грамотах XVI в. он представлен единичными примерами и уступает по употребительности другим союзам, то в грамотах XVII в. не отмечено ни одного примера с *коли*. В памятниках летописной и полемической литературы (исключая произведения Вишенского) имеются лишь единичные примеры с *коли*, иногда в одном предложении употребленные параллельно с союзом *если*: То тежъ у короля собѣ зъеднали, абы не только духовного, але и свѣтского вряду не давати никому; кто не есть папежовъ, а Русин *коли* не есть унѣятомъ, и напередъ у незнаемыхъ пытаютъ, *если* Полякъ, чи есть католикъ, а *если* Русинъ, чи есть уніятъ (Пересторога, с. 229); а певнѣ, *коли бы* Петръ святый тамъ былъ, а звлаща епископомъ, не мѣлъ бы Павелъ святый его пробачити (Там же, с. 231); А зась *коли* хто зъ нашихъ, особливе противъ латинниковъ, выдастъ книгу, *теды* такового преслѣдовати и пре зверхностъ свѣцкую опримовати не встыдаются (Палин. Копыст., с. 318). В последнем примере, единственном в Палинодии с союзом *коли*, условная конструкция с временны́м оттенком.

В Зачапке Вишенского — 6, а в Книжке — 35 примеров употребления *коли* в условной конструкции. Это почти 15% всех условных конструкций в произведениях Вишенского, однако

использование этих конструкций отличается своеобразием. Язык Вишенского насыщен пафосом, эмоционально окрашен. Условные предложения с *коли* (по структуре — преимущественно постпозиция придаточного) использованы большей частью в риторических вопросах и восклицаниях, оформленных в большинстве своем однообразно по формуле: *што за — коли. . .!?*: Што за пожиток с того дару, *коли* я сам и от тебе, диявола, того попрагнул и поискал, а не бог небесный мене на тое достоинство везвал и избрал (Виш., Книжка, с. 14); Што ж инок не умѣет говорити с тобою, *коли* ты инокови бесѣды не приимаеш и, як пес встеклый, от своего пожитку и спасениа бѣгаеш? (Там же, с. 37); Яко ж ты хочеш познати тое и розумѣти, *коли* ты увес тѣло, *коли* ты увес кров (Там же, с. 40); *А коли* не может быти его ученик, як же тот вѣры познати тайнство может? (Там же, с. 57); Не толко не покажете, запевно вѣм, але еще, *коли* всхочу на каждый плод вашего жития спротивные дѣла людские (Там же, с. 76); Оставте ж теды православным дорогу до великих книг скаржиных показовати, *коли* в них и найменшее правды нѣмаш (Там же, с. 91); Чтожь за пожиток с тых пастырей безхристоприходных и владущих, *коли* не имѣют силы ничтоже добро, ниже за свое спасение сотворити, ниже о прочих спасению промыслити (Виш., Зачапка, с. 174). Из всех примеров условных предложений с *коли* в произведениях Вишенского лишь в трех — значение ирреального условия: але *коли бы* еси тут был, и тобѣ бы есмо тот язык, яко и Никифору, затворили и прописнути не дали (Виш., Книжка, с. 92); мудре костела латынскаго духа святаго от него отгнало, *коли бы* еси был рекл, иж глупо то костел латынский учинил. . . (Виш., Зачапка, с. 197); И тако реку, хотя жь безпечно, прости мя, господи, *коли бы* не тѣ чюдотворные тѣла в тепережнем вѣку и разслабленном остали, без мала, не всѣ бы турчилис (Там же, с. 193).

Памятники староукраинской письменности, наиболее близкие по языку к живой разговорной речи, отличаются тем, что условные конструкции в них оформлены исключительно союзом *коли*: *Колі* хочеш — гараст, служи! (Интерм. Гаватовича); *Коліш* би ся тот трапил чоловік зрадливи, що мі такоє ричи, ось пане, наброіл, — пузналби якбим диви коло него строіл! . . (Там же); Ідим же, брате, юж в тою, що ідемо, дорогою, *колісми* юж зторговалі та и вся воли продалі на тоім ліхим ярмарку! (Там же); *Коли* буде того много, пусть мене до дому мого (Пісня про козака і Кулину); *Коли* схочеш поїхати, не буду тебе тримати (Там же); *Коли* он ест божіи син, я не знаю, для яких идет сюда причин (Слово о збуреню пекла); *Коли* ти бог, прийми от апостол хвалу и от аггелов своих славу (Там же); *Коли* ти бог, там собѣ сиди в раю, а я тебе тут не потребую (Там же).

2/3 всех примеров с *коли* в грамотах имеют соотносительные союзы (*тогда*, *то*, *ано*, *пусть*): *А коли быхамъ* хотѣли любо сами взяти съ него то селище, его осаженье и розпашъ, или кому быхомъ призволили выкупити, *тогды* маемъ заплатили ему пятдесятъ гры-

венъ полугрошки, по той личбѣ, какъ у Подольской земли идеть (Острож. гр. 1427 г. — АЮЗР, т. I, № 17); а мы противъ ему не имаємъ ништо молвить, а *коли быхми* молвили, *то* быхми молвили противъ нашей чти (Самбор. гр. 1458 г. — Укр. гр., № 92); ино *коли бы* его бо̄гъ не даи воите с того свѣта сшеддъ *ано* на его дѣти сулимовь има сполна спасти што со алжкою ѣ имѣеть (Львов. гр. 1412 г. — Укр. гр., № 44); А панъ Иванъ Мушата рекъ передъ нами о гнетъ: какъ *коли* не было десятины, *а коли* Богъ даеть *пустъ* будеть, и я дамъ на пречистую Богоматеръ десятую бочку съ того ставу (Луцк. гр. 1430 г. — АЮЗР, т. I, № 8). Во многих примерах сохранились формы аориста.

В летописи и полемических произведениях отмечены единичные примеры с соотносительным союзом *тогда*: *а коли* ти будеть любо, *тогда* с ними поиди (Гал.-Вол. л., 293 об.); бо *коли бы* были науку мѣли, *тогды* бы за невѣдомостію своею не пришли до таковые погибели (Пересторога, с. 204).

Если в примере из Луцкой грамоты 1430 г. встретилось в качестве соотносительного слова *пусть*, то в Слове о збуреню пекла уже есть равное ему лексически украинское *нехай*: *Коли* он божій син, *нехай* собѣ в неби сидит, а воєвати ся з нами и пеклом нехай не идет.

Союз *коли* в условных предложениях отражал в памятниках староукраинской письменности живой разговорный язык, впоследствии он становится одним из наиболее распространенных условных союзов современного украинского языка.

В Галицко-Волынской летописи отмечен пример с условным союзом *како*: ѡни же ѣхавъше къ Юрьеви кнѧзю. цѣловаша крт҃ъ на томъ. рекоуче. како не достанеть стрыа твоего. *ино* мы твои и городъ твои. а ты наш кнѧзь (Ипат. л. (Гал-Вол.), л. 305).

Союз *як*, по происхождению местоименное наречие, по мнению Л. *А.* Булаховского [51], продукт позднего развития. Очевидно, поздним развитием его и объясняется то, что в исследуемый период встречаем лишь единичные примеры со старой формой *яко*: А *яко* то ест' щира, и жаденъ зъ людій в' подсолнечной отъ такихъ шатанскыхъ на[и]здовъ воленъ быти не можетъ, — свѣтчитъ на Самого всѣхъ речій Творца отъ діавола покуса (Отв. клир. Острож., с. 385); *А якожъ* то будетъ правда, ижъ все, што маетъ Отецъ тое, чого Сынъ, Мое естъ: маетъ Отецъ Духа, маетъ Сынъ Духа, походитъ отъ Отца Духъ, походитъ и отъ Сына? (Ист. о Флор. соборе, с. 446).

Впоследствии на основе многозначного союза *як* образовался союз *якщо*, который имеет только условное значение, и в совре-

---

[51] Л. А. Булаховський. З історичних коментаріїв до української мови. Сполучники і сполучні групи (речення). Синтаксичні особливості при них. «Наукові записки Київського державного університету», 1946, т. V, вып. 2.

менном украинском языке — один из наиболее часто употребляемых союзов в условных предложениях [52].

В староукраинской письменности возможны были конструкции, условное значение которых выражено формами глаголов сослагательного наклонения. В этих случаях роль формального показателя условности — союза — берет на себя частица *бы*: Хто*бы* подъ кимъ землю ѳ держане зыскал, *тогды* предсѧ дрѣгаѧ сторона, коли всхочеть, можеть ѡ вечность тое земли право з нимъ вести. (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 80); Видите, где бы намъ слушнѣй, *бы* то была речъ можна, ходити! (Отв. клир. Острож., с. 411).

Этот союз, редко употреблявшийся в староукраинских памятниках, не нашел широкого распространения в современном украинском языке. Также мало употребителен в современном украинском языке образованный от него союз *аби*.

В Интермедии к драме Гаватовича 1619 г. встретился (единственный в наших материалах) условный союз *коби*: Ось *коби* ся з кім трапіло, щоб нас хот зе три било, ишолбим на фліс. Союз *коби* (*коб*), известный западноукраинским диалектам, не распространился в литературном языке.

Союз *егда* в условном значении встретился в староукраинских памятниках лишь в нескольких примерах: *егда-бы* словом непристойним еден на другого порок (кроме рани крывавой), таковаго судить цех повинен (Укр. гр. 1633 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 77); И почто и именем христианским себе гласити безстуднѣ дерзаете, *егда* силы того имени не храните, ниж дѣлным постижением съхранити того имени свойство учитися не хощете? (Виш., Книжка, с. 45); и так страшный ‹суд›, яко́ и нынѣ, *егда бы* ся вам очи сердечные отворили, устрашившися судии страшнаго видѣнием, бѣгали бысте голы, як мати вас народила (Там же, с. 57).

Лишь в трех примерах из грамот XVII в. встретился союз *ежели*: Зачим *єжелі* кому кривда се деет, *нехай* же пишет, албо едет для росправи до Киева, а ми на то отповедат не повинни і справедливости з него учинити не можем (Укр. гр. 1650 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 198); а *ежелі би* мілисмо вашому хрестянину якому кривду малую учинити, *тогда* ми сами винними чинимося, а ти нам дай писане кграмоту свою нам на шее (Укр. гр. 1652 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 112); князю Феодору Андріевичу Хілкову Стародубскому, Богдан Хмельницкий. . . здравія доброго от господа бога зичит. *Ежелі*, коли, яко тепер причину мою зношу до тебе, приятеля моего, за святійшим патриярхою конс̣антинопольским, который праве з пасчеки бисурманское вирвавшисе, едет до его царского величества в справах поважных (Укр. гр. 1653 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 143).

---

[52] «Курс сучасної української літературної мови», т. II. Київ, 1951, стр. 293.

Сложноподчиненное условное предложение в основном сформировалось уже в древнерусском языке. В XV—первой половине XVII вв. идет развитие этой конструкции в восточнославянских языках, продолжающееся и в настоящее время. Общим для восточнославянских языков является то, что условная конструкция освобождается от твердого порядка частей, придаточное предложение может занимать все три возможные по отношению к главному позиции. Сокращается количество и степень использования коррелят. Идет процесс образования и закрепления новых союзов и замены ими старых старославянских союзов.

Отличие в развитии условной конструкции в родственных языках заключается в лексическом составе союзов и в различной степени употребления и сферах распространения одних и тех же союзов.

Старославянский союз *аще*, дольше всего сохранившийся в старорусском языке, в XV—первой половине XVII в. в старорусской письменности является наиболее распространенным, в то время как в старобелорусском и староукраинском языках он известен немногим памятникам церковно-религиозного содержания. Как и менее известные в этот период в восточнославянских языках союзы *аже*, *оже*, *иже*, союз *аще* вытеснили из употребления новые условные союзы. Современному русскому, белорусскому и украинскому языкам эти союзы неизвестны.

Наиболее распространенным в рассматриваемый период в старобелорусской и староукраинской письменности является союз *если*, не сохранившийся в них до наших дней. Наши данные свидетельствуют в пользу мнения Б. В. Лаврова [53] и В. А. Плотниковой [54] о том, что именно родственные языки вызвали расширение употребления союза *если* в старорусском языке, впоследствии закрепившегося и господствующего в условных конструкциях современного русского языка.

Распространившийся и господствующий в деловом языке старорусской письменности XV—первой половине XVII в. союз *буде(т)* не употреблялся в старобелорусском и староукраинском языках, где в это время расширяется использование условного союза *коли*, известного и старорусской письменности. Но если в современных белорусском и украинском языках *коли* — наиболее употребительный союз условных конструкций, то в русском языке он остался лишь в говорах, а в литературе изредка используется как архаизм.

В старобелорусском и староукраинском языках в рассматриваемый период широко употреблялся неизвестный старорусскому языку условный союз *кгды*, впоследствии вышедший из употребления.

---

[53] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 69—71.
[54] В. А. Плотникова. Указ. соч., стр. 226—227.

Шире, чем в старорусском и староукраинском, было использование частицы *ли* в роли условного союза в старобелорусском языке. Но во всех современных восточнославянских языках союз *ли* не закрепился.

Исследованный материал свидетельствует о том, что сложноподчиненные условные конструкции восточнославянских языков отличаются многообразием видо-временны́х соотношений глаголов-сказуемых главного и придаточного предложений. Но самый распространенный тип соотношения — это прошедшее, настоящее либо будущее время глагола-сказуемого обусловливающего предложения при инфинитиве или будущем времени глагола-сказуемого обусловливаемого предложения.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ УСТУПИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Уступительные предложения наиболее близки условным. Как справедливо отмечает Б. В. Лавров, уступительные предложения являются противоположностью условных, «но такой противоположностью, которая все время имеет в виду основной вид (условный)»[1].

Смысловая близость условных и уступительных предложений обусловила их формальную близость. Уступительные конструкции в восточнославянских языках XV—первой половины XVII вв. зачастую оформлены теми же союзами, что и условные (*аще*, *если*). Однако общий формальный показатель — союз в уступительных предложениях — употреблен (за исключением единичных примеров) в сочетании с союзом *и* (*аще и*, *если и*), причем *и* может стоять непосредственно после союза, а может быть и удален от него. Не менее важный фактор в четкой дифференциации условных и уступительных конструкций — это употребление в уступительных конструкциях в качестве соотносительных союзов противительных — чаще *но*, а также *а*, *да* [2].

В рассмотренных нами старорусских памятниках XV—первой половины XVII вв. в уступительных конструкциях отмечены известные еще древнерусскому языку союзы *аще* и *хоть* (*хотя*, *хоти*, *хотяй*), которые могли употребляться параллельно в пределах одного памятника. И лишь в Московском летописном своде, в Письмах Ивана IV и Письмах Курбского последовательно используется только уступительный союз *аще*.

Приведем примеры уступительных предложений с союзом *аще*: но паче нежели возмнитися видящым, но *аще и* жив, *но* богу скаредными своими делы паче мертвеца смраднейший и гнуснейший, его же иереи видев, не внят, Левит и той возгнушався, премину мне (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); Си же убоявшеся поидоша противу Татаръ, *аще и* мнози суть, и много бившеся прогониша Татаръ до самого города Казани полоемъ и под стѣну,

---

[1] Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.—Л., 1941, стр. 115.

[2] Ср.: «Оппозиция условных и уступительных конструкций построена на антагонизме *и*/*но*. Если контактная позиция занята элементом с противительным значением, уступительные отношения оформлены особенно четко» (М. В. Ляпон. Из истории выражения модальности в русском языке на материале сочинений Курбского. Канд. дисс. М., 1971, стр. 187).

и възвращьшеся сташа шед на Ирыховѣ островѣ (Моск. лет. свод, л. 395 об.); *аще* духомъ далече есте отсюду, *но* молитвою помозите ми на отступающих православья дръжавы вашеа (Там же, л. 401 об.); Воеводы же великого князя, *аще и* в мале бѣста, глаголють бо бывшеи тамо (Там же, л. 404); *и аще же* и подобаетъ рещи о винахъ ихъ, *но* выше реченно и есть (Письма Ив. IV, л. 157); Вы же, измѣнники, *аще и* вопіете бесъ правды, ничто же убо пріимете, понеже сластеи ради просите (Там же, л. 174 об.); всѣ премудрыя о семъ згажаются, аще кто по неволе присягаетъ или кленется, не тому бываетъ грѣхъ, кто крестъ целуетъ, но паче тому, кто принуждаетъ, *аще бы* и гоненія не было (Письма Курб., с. 131) [3]; *аще и* зело многогрѣшенъ есмь и недостоинъ, *но* обаче рожденъ быхъ от благородныхъ родителеи (Там же, с. 133); а паче же на таковыхъ нопадаютъ и сопротивъ тѣхъ возмогаютъ, которые, зброи оружіе отъ священнаго писанія *аще и* имѣютъ, *а* дѣиствовати ими не умѣютъ и сопротивлятися врагомъ неискусны (Там же, с. 472); А *аще и* плачемъ, *аще и* рыдаемъ, *аще и* въ перси біемъ, *аще и* отъ сердца воздыхаемъ и зѣлно ему досаждаемъ, *а* подвигу и радѣнія не сотворяемъ (Пов. о Рос. царстве, с. 213); *Аще и* млад, *да* по-старому сделал (Аввакум, Житие, с. 105); *Аще и* досаждают, *но* любовию их нам приимати (Аввакум, Письма, с. 190); *аще и* отдален от вас, *но* с вами горю купно о Христе Исусе, господе нашем (Там же, с. 224).

Как видно из приведенных выше примеров, сфера распространения союза *аще* ограничена жанрами художественной литературы, он не употребляется в уступительных предложениях в языке документов. Единственный пример с уступительным *аще* — в Московской грамоте 1572 г., духовной грамоте Ивана IV, которая выделяется своими стилистическими особенностями (в частности, выбором союзов) из памятников деловой письменности. Однако даже и в этой грамоте, наряду с единичным использованием *аще* в уступительном значении, союз *хоть* употреблен трижды.

Следует отметить, что в деловом языке уступительные конструкции встречаются гораздо реже, чем в языке литературы художественной. Поэтому даже с более употребительным союзом *хоть* (*хотя*) примеров уступительных предложений немного: *А хотя буде* в чем пред тобою и проступку какую учинит, и ты его понаказал и пожаловал, а до конца б его не разорял (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); *И хотя будет* на тебя Иванов сыновен гнев или обида в чем ни будь, *и* ты бы сыну моему Ивану, а своему брату старейшему, непрекословен был (Там же); *И хотя*, по грехом, што и на ярость приидет в междоусобных бранях, *и* вы бы творили по апостолу господню (Там же); а суду быти на Москвѣ, *хотябъ* тотъ человѣкъ былъ и въ его дѣлѣ на Москвѣ (Суд. Ив. IV, с. 267); *А хотя будетъ* тотъ, кого тотъ убойца ра-

[3] Здесь первый союз *аще* — условный, *аще бы* — конструкция переходная от условной к уступительной.

нитъ, и не умретъ: *и* того убойца по томуже казнити смертію, да изъ животовъ его взяти убитого кабалныя долги (Улож. 1649 г., с. 11); А будетъ кто на государевѣ дворѣ и въ Москвѣ, и въ объѣзде, учнетъ ходити съ пищальми и съ луками, *хотя и* не для стрѣлбы, и исъ того оружья никого не ранитъ и не убіетъ: и тѣмъ за ту вину учинити наказаніе, бити батоги и вкинути на недѣлю въ тюрму (Там же, с. 12); *Хоти* тѣ земли какъ есть златыя рудокопныя горы и туды всѣ денги изъ христіянскихъ земель посылаютъ, и тамъ издержаны и оставлются (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 46). В первых двух примерах из Духовной грамоты Ивана IV и в первом примере из Уложения 1649 г. уступительный союз *хотя* сопровождается условным союзом *будет*. Б. В. Лавров приводит подобные примеры, называя их условно-уступительными [4].

В старорусском языке в качестве соотносительных союзов в уступительных конструкциях с *хоть* используются *а*, *и*, *ино*, *да*, изредка *только*. Приведем примеры с соотносительными союзами и без них: коли емѫ навоз'всѧкомѫ товарѫ а дешево *хоти* не надобе а в тѫ порѫ кѫпи (Домострой, с. 40); *хотя* мало цар оплошится и окротѣетъ, *іно* царство его оскудѣетъ і иному царю достанется (Пересветов, с. 74); порабощенный бо человѣкъ срама не боится, а чести себѣ не добывает, *хотя* силенъ ли не силенъ (Там же, с. 75); *Хотя бы* вас, воров, в Азове городе сидело 40 000, *ино* с пашами под вас прислано болши 300 000 (Пов. об азов. взятии, с. 64); *Хотя* и умрешь после тово, *ино* хорошо (Аввакум, Житие, с. 77); *Хотя* на меня каменья накладут, я со отеческим преданием и под каменьем лежу (Там же, с. 85); *Хотя* воевода тут приходит, *да* нам даром (Аввакум, Письма, с. 224); А воду ту святит, *хотя* истинной крест погружаем, да молитву діявольскую говорит (Там же, с. 247).

В памятниках, отражавших народно-разговорный язык, наряду с *хоть*, *хотя* используется форма *хош*: *Хош* и оговорят, *и* мы терпим (Сатиры о пьянстве, с. 63); *Хошь* и любое платно, *да* пропити не мотчи ся удержати (Там же, с. 68); помилуй мя похмелнаго, как будет, *хотя* вдвое возми, не умори мене напрасно, молюся (Там же, с. 85); Арканъ не тараканъ *хошъ* зубовъ нѣтъ а шею ѣстъ (Пословицы XVII в., л. 324 об.); Богатъ силенъ что левъ. Бѣденъ часто ся озираетъ *хотя* и не ево кличю (Там же, л. 328); Злорѣчивой *хошь* язы оᵀрѣза *и* она пеᴿсто᷑ накивае (Там же, л. 345); *Хошь*. чоᴿта впряги. *инъ*. не тянетъ (Там же, л. 374 об.); *Хотя* свита сѣра *толко* воля своя (Там же, л. 375); *Хоть*. чорта впряги. *а* емѫ. кажетца лошадь (Там же, л. 376).

Союз *хоть* (*хотя*), подкрепленный употреблением в разговорной речи, не ограниченный жанровой закрепленностью, впоследствии становится нормой современного русского литературного языка, в то время как союз *аще* современному языку неизвестен.

---

[4] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 125.

В старобелорусских памятниках союз *аще* в уступительных предложениях представлен немногочисленными примерами: и рече брата моѥ *аще* теломъ ѿтошла е(с)та ѿсѣдѣ. *но* млтвою ваю помозита ми на противнаго оубиицѣ (Лет. Увар., л. 93 об.); Козлѧне же совѣть сотвориша. не вдатисѧ Батыю. *аще* кнзь нашъ малъ крылъ (Там же, с. 106).

В большинстве случаев, о чем свидетельствуют и приведенные выше примеры, в памятниках делового жанра использовались конструкции условно-уступительные, где уступительный союз употреблялся преимущественно в сочетании с частицей *бы*.

В старобелорусских памятниках художественной литературы *хоть* (*хотя*) — также основной союз уступительных предложений, в которых широко распространены соотносительные союзы *але*, *однакож*, *а*, встречаются *то*, *тогда*. Союз *тогда* употреблен в случаях, когда конструкция имеет временнóй оттенок. Примеры: *хотѧ* вси оубоѥтсѧ *а* ѥ николи не оубоюсе (Страсти Христовы, л. 5 об.); бегаеть смр̃ть ѡт беди а мене несчасноую полишаеть. *хотѧ* мене смр̃ть пожадаючиѧ есть (Там же, л. 11 об.); *Хотя* з обу сторонъ не мало пало, *але* еднакъ стороны нашей чужеземского люду немцовъ не мало пало (Лет. Баркул., л. 158); а коли муку житную у хлебе спекутъ, то тесто печеное солодко, а за скорину *хотя* ложки клади, *а* в печи не печется (Там же, л. 164); То, што было чинено, черезъ рады ихъ милости самыхъ и черезъ послуги наши чинено было, за вѣдомостью, волею и росказаньемъ ихъ милости, головъ нашихъ, *хотя* не такъ широко, яко непріятель пишетъ (Вестов. отписки Кмиты 1573—1574 гг. — АЗР, т. III, № 58); и меновали докторове ту хоробу инкубусомъ и лечено ме на то на розныхъ местцахъ, але *хоть* южъ не такъ часто, яко зъ перву было, *однакоже* презъ увесь животъ мой почувалемъ я въ собе той припадокъ (Дневн. Евлаш., с. 131); и частокротъ, на спотканю зъ паны, миялъ ихъ ‹Володымиръ›, запомнявши се, *хоть* кто другий чапкованемъ почастилъ, то ажъ напомненый отъ слугъ, волалъ за нимъ, для бога просячи, есть но оумремь за него (Лет. Супр., л. 24 об. — 25); *аще и* самъ владѣеть, *да* не оскверните власти, ни украсится злише одежою свѣтлою, ни иною красотою, и истину любитъ всею душею (Спис. пр. люторов, с. 180); *Аще и* приялъ еси (рекучи—разсужденіе писанію), что жь ся хвалиши, яко бы (тежъ рече) и не приемъ? (Там же, с. 169).

В деловых памятниках старобелорусского языка, как и в старорусских, союз *аще* не употребляется в уступительных конструкциях. Здесь господствует союз *хоть* (*хотя*): а будеть выше полтины кралъ, *хотя бы* пакъ первое украл, ино его обѣсити (Западнорус. гр. 1468 г. — АЗР, т. I, № 67); А естли светковъ тыхъ, которые въ листехъ написаны, тамъ на земли передъ княземъ Ѳедоромъ Ленко не поставить, *а хотя и* станут(ь), а будуть светчити, штожь при томъ не были, и того добре не сведомы и ѡчима своими не видели (Слоним. гр. 1519 г. — Литов. метр.,т. I, кн. III,

№ 71); *хотѧбы* дей добре Его Милост мнѣ тыи сѣла и засѧ ѡтдавал, ѧ их мѣти не хочѫ (Берест. гр. 1512 г. — Arch. Sang., т. III, № 126); а з людей воль нашихъ господарскихъ, такъ же кн[я]зьскихъ, паньскихъ, земянскихъ, духовныхъ и свецкихъ, которые, *хотя* воли не выседели, але якихъ кольве пожытковъ вживають, съ кожъдое головы по пети грошей (Вил. гр. 1566 г. — РИБ, т. XXX, кн. 7, № 99); Господаръ шлюбуетъ никого не карати на заочное поведанье, *хотя бы* ся тыкало ображеня маестату его милости (Литов. ст. 1529 г., с. 2); *Хотябы* тяглый неволный былъ ремесникомъ, *тогды* ему тая головщина, а навезки рубль грошей (Там же, с. 88—89); *А хотя бы* потом на тыхъ борышниковъ будучи в муцѣ албо идучи на шибеницу волал, абы они тую реч весполокъ съ ним крали; *тогды* то им не мает шкодити, иж он в томъ первей абы не мелъ за зле (Там же, с. 144); хто бы его ‹зѣлье› розмешавшы з вином *хотѧ* мало укусилъ, три дни не пробужаѭ сѧ будеть спал (Ист. о Гвид., с. 149); *Хотѧ бы* и много важыла, *тогды* ѣ на твою волю вчыню (Пов. о витязях, с. 23); *И хотѧ* пакъ умру тамъ, ѡднакож и тут умру (Там же, с. 23); Хочу абыс ми поведалъ *хотѧ* и не по воли (Там же, с. 43); *Хотѧ-бъ* большыи нижли ест, *але* на иное, не прышол, леч с нимъ бити сѧ (Там же, с. 80); Кѵпидѫ богиню бы᷑ розѵмѣешъ, и᷒ нерѣадною а нечистою была, повѣдаешъ ижъ в рѵкахъ похо᷑ню горѣачѵю де᷒жи᷑ которою *хоть* побужае᷑ и запалѣае᷑, а такъ ю богинею ѡсе᷒рдыѣ розѵмѣешъ (Александрия, с. 97).

В с т а р о у к р а и н с к и х памятниках рассматриваемого периода отмечены немногочисленные примеры уступительных конструкций с союзами *аще* и *если*, причем союз *если*, более присущий условным конструкциям, в уступительных предложениях иногда употребляется рядом с союзами *хоть*, *аще* (*хотя если*, *если бо аще и*). Приведем примеры: Данилови же рекшю. *аще* вы хощете ити прочь. *но* азъ хощоу сѧ ѡстати самъ в малѣ дружинѣ. и сожьдати воевъ моихъ (Ипат. л. (Гал.-Вол.), л. 275 об. — 276); *аще и* градъ нашь пленьше копиемь возмоуть. и смрти ны предасть. азъ ѡ томь чада пороучьникъ есмь. ѣко вѣнца нетлѣньнаа ѡ᷒ Ха᷒ Ба᷒ приимете (Там же, л. 263 об.); Таковый *хотя если* што и чинит', не по воли Божіей чинитъ (Отв. клир. Острож., с. 383); Тогда и той розсудит, як скоро от жития сего преходит и вся красная мира сего, *если и* не хочет оставити, мусит и з собою ничтоже не понесет тут теж их уживати и мысль свою в них погребсти безсмертие погубит и от живота вѣчного и славы божия отпадет (Виш., Книжка, с. 27); *и если бо аще и* не плотию, *но* вѣрою, любовию и духом всегда есм с ними (Там же, с. 92); Се есть, еже главу цѣлу соблюсти; *аще бо и* плоть на части раздроблена будет, цѣлая же глава сию паки оживит (Там же, с. 96); Вы же, о православнии, не унывайте, *аще бо и* в земных мало что въскорбитися, *но* в небесных вѣчно угобзитеся (Там же, с. 104);

‹сварливую диалектику латинскую› не толко простою правдою пребороти не можете, але *если бы и* ангельски язык увѣрял, але ничто же успѣют (Виш., Зачапка, с. 181); *естли и* вси соблазнятся, але я, Господи, не соблазнюся (Пересторога, с. 227); *аще*, мовитъ, *и* распятъ бысть (Христосъ) отъ немощи, *но* живъ естъ отъ силы Божія (Палин. Копыст., с. 485).

В староукраинских памятниках деловой письменности, изученных нами, нет примеров с уступительной конструкцией. В литературе художественной староукраинского языка XV — начала XVII вв., как и в двух родственных языках, основной союз уступительных конструкций *хоть* (*хоч*, *хотя*, *хотяй*). Соотносительные союзы в этих предложениях — *а*, *але*, *еднакож* (*однакож*). Примеры: Але ижъ Марко Ефескій трехъ патріарховъ персону на собѣ носилъ, не здалося всѣмъ без' его съборовати; *а хотя бы* безъ него и съборовали, не было бы важно (Ист. о Флор. соборе, с. 448); Яко мовитъ Златоустый в «Маргаритѣ»: «што, по воли Божіей бываемое, *хотя и* зле быти здасться, надъ всѣ речи ест' налѣпше» (Отв. клир. Острож., с. 398); А егда и вы мусите, *хоть и* не хочете, так же, як и родители ваши, помрѣти, готовѣте ж ся на исход ко будущему вѣку! (Виш., Книжка, с. 49); *Хотя же* есть образом шпетна и нелѣпа, разумом глупа и нехитра, обычаем проста, ветха, неубрана и ни мало не позорна, а навет и бритка; *еднакожъ* я вам ражу тоее старое и шпетные вѣры держати, а от юной стречисе (Виш., Зачапка, с. 174); и мы единитися от благочестивые вѣры (в прелестную) *хотя бы* по своей воли и хотѣли, *але* от зазрѣния совѣсти и от возбранения святаго апостола Павла, учителя нашего, не можем (Там же, с. 181); тое все его подручники за рѣчъ правдивую пріймуютъ, *хотяй* часомъ сами видятъ, же противно есть правдѣ (Пересторога, с. 234); А они всюди по всемъ свѣтѣ Церкви побудовали, *хоть* были вязаны, преслѣдовани. . . (Палин, Копыст., с. 368); *хоть* бо ся всѣ згоршили о тобѣ, я ся не згоршу (Там же, с. 430); Наконецъ, *хотяй* бымъ ангелскіи и справедливыхъ перебѣглъ хоры, не найду поровнаня. (Там же, с. 453); *Хочь* же маєте кримчухи, дайте им тепер кожухи (Вирши о Желт. битве); ‹тая книга презацная› *хотяй* ся видит мала в очах людских, *але* великій съдержит в собѣ тайны, збавеню твоему служачи (Перло многоцѣн.); Кройники о их менздтвѣ старые писали, як они неприятелей ойчистых бивали морем, сухом, частокроть пѣшо и тыж конно, *хотяй* ся неприятель их убирал збройно (Вірши Саковича); Козак щаслив, *хоть* не богат, никому нич не виноват (Пісня про козака і Кулину); И *хоч* Адам розум тот мает, *а* от того часу землю дѣлает и в потѣ лица свой хлѣб снѣдает (Слово о збуренію пекла); Юж я бачу страсть свою и ляментую, *хоч* єще жаднои навалности не чую (Там же).

Уступительные сложноподчиненные конструкции, занимающие небольшое место (по употребительности) среди сложноподчиненных союзных конструкций, в восточнославянских языках XV—

XVII вв. развиваются сходным путем. В письменности родственных языков господствует союз *хоть* (*хотя*), которому по распространенности уступают союз *аще* (*если* в украинских памятниках), используемые в качестве уступительных, и некоторые союзы, спорадически употребляемые в этих предложениях [5]. Союз *хоть* как основной уступительный союз в различных фонетических вариантах закрепился в современных языках (русский — *хоть*, *хотя*, белорусский — *хоць*, *хаця*, украинский — *хоч*). Используемые в этих предложениях соотносительные союзы усиливают уступительное значение. Преобладает препозиция придаточного, возможны интер- и постпозиция. Однако в случаях, когда придаточное находится в середине главного предложения, его роль сводится к роли вводных предложений.

---

[5] См.: Л. А. Булаховський. З історичних коментаріїв до української мови. Сполучники і сполучні групи (речення). Синтаксичні особливості при них. «Наукові записки Київського державного університету», 1946, т. V, вып. 2, стр. 55—56; Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа. М., 1956, стр. 497—498; Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVIII в. М.—Л., 1964, стр. 193; А. П. Груца. Развіццё складаназалежнага сказа у беларускай мове. Мінск, 1970, стр. 144—154.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ МЕСТА

Сложноподчиненные предложения с придаточным места в большинстве восточнославянских памятников XV—XVII вв. имеют единичное употребление, а в некоторых отсутствуют вообще [1]. Они не отличаются также структурным и семантическим многообразием. Скупо освещен данный вопрос и в лингвистической литературе. Из специальных работ по теме можно назвать лишь статью Ж. В. Ганиева «Из истории сложноподчиненных предложений с придаточным места в восточнославянских языках» [2].

Придаточные предложения места являются одним из наиболее древних типов придаточных, сформировавшихся в основном уже к началу письменного периода языка. На протяжении дальнейшего развития языка не произошло значительных изменений ни в структуре предложения, ни в составе средств связи. Устойчивость средств связи является одной из характерных черт придаточных данного типа. Как отмечает В. И. Борковский, «древнерусский язык располагал всеми теми союзными словами, присоединяющими к главному предложению придаточные предложения места, которые имеются и в современном русском языке: *къдѣ*, *куды*, *отъкуду*. Кроме того, в произведениях, отличающихся книжным характером языка, употреблялись наречия *идѣже* (со значением «где») и *камо* (со значением «куда»)».[3]

Те же (в основном) союзные слова отмечены и в исследованных нами памятниках старорусского языка. Чаще всего представлены в них конструкции с союзным словом *где*. Они употребляются в памятниках различных жанров: а *гдѣ* ѡруе почне ту его и конца (Новг. гр. XV в. — Шахматов, О языке, № 18); а подъ новымъ кирпичемъ поплатитъ *гдѣ* выломалоса (Домострой, с. 59); и перевозъ завели, *гдѣ* преже сего не бывало (Улож. 1649 г., с. 24); *гдѣ* яденіе и питіе, тамо и истеканіе (Письма Курб., с. 466); и придохомъ, *гдѣ* лежитъ камень, ижъ отвали его Ангелъ Господень отъ гроба Господня (Пут. моск. купцов, с. 140); А отъ того мѣста есть, сажень 8, мѣсто, ту, *гдѣ* Пречистая Богородица во время страсти Господня стояла (Там же, с. 139); внизъ идти сорокъ

[1] Исключение составляют Пословицы XVII в., в которых придаточные предложения места употребляются достаточно широко.

[2] См.: «Вопросы истории русского языка». Изд. МГУ, 1959, стр. 313.

[3] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., Изд. АН СССР, 1965, стр. 537.

ступеней, *гдѣ* крестъ Господень обрѣла Благовѣрная Царица Елена (Пут. Гогары, с. 113); *гдѣ* которого засташа, ту и сѣкуще ихъ (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 749); *где* ни станем, тут воняем (Сатиры о пьянстве, с. 67); *где* вино да пиво найдем, тут и жить начнем (Там же, с. 123); пойдем с ним, светом, *где* нам он велит (Пов. об азов. взятии, с. 61); а *где* тот ерш впроситца ночевать, и он тут и ожихонитца хочет (Пов. о Ерше, с. 149); не стану ходить, *где* по-новому поют (Аввакум, Житие, с. 89); Гости сидя *гдѣ* хотя а намъ *гдѣ* вѣлять (Пословицы XVII в., л. 335 об.); *Гдѣ* плохо лѣжитъ ту брюхо болитъ (Там же, л. 336 об.).

Союзное слово *где* обозначает место действия, о котором говорится в главном предложении. В редких случаях оно могло употребляться не для обозначения локальных отношений, а в значении «вместо того чтобы»: *Гдѣ* было ти совѣтомъ разума своего злодѣиственный совѣтъ исторгнути, ты же убо больми плевелъ наполнилъ еси! (Письма Ив. IV, л. 134 об.). Подобные конструкции известны и современным народным говорам [4].

Семантическим дублетом *где* было союзное слово старославянского происхождения *идѣже*, употреблявшееся в ограниченном круге памятников с книжным характером языка, в произведениях (или контекстах), связанных с религиозной тематикой: в описании путешествий по «святым местам» (Путешествие Гогары, Путешествие Зосимы), в произведениях Аввакума, Катырева-Ростовского, Курбского, язык которых в значительной степени насыщен старославянскими элементами: *Идѣже* бо зависть и рвения, ту нестроения и всяка зла вещь (Письма Ив. IV, с. 45); *идѣже* умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать Божія (Пут. Гогары, с. 111); Се же все тамо, идѣ-же Марія Египетская жила, въ пустыни (Пут. Зосимы, с. 65); *идѣже* бо хощетъ, побѣждаютца естества чинове (Пов. Кат.-Рост., с. 565); Бог *идеже* хощет, побеждается естества чин (Аввакум, Житие, с. 76); *иде же* чево несть, отинуде превозят (Аввакум, Письма, с. 273).

Единичные примеры с *идѣже* встречаются также в Пословицах XVII в. и Духовных договорных грамотах XVI в.: *иде же* собрани аще два или три во имя мое, ту есмь аз посреде их (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); *иде же* есмь аз, ту и слуга мой будет (Там же); жнетъ *идеже* не сѣял собирае^{т} *їдеже* не росточае^{т} (Пословицы XVII в., л. 341 об.).

В последующем развитии языка союзное слово *идѣже* было утрачено. Архаичным для данного периода было и союзное слово *аможе*. Единичные примеры конструкций с ним отмечены лишь в произведениях Катырева-Ростовского и Аввакума: *аможе* хощетъ, тамо пребываеть (Пов. Кат.-Рост., с. 570); Аз же взяв клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, *амо же* бог

[4] См.: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, стр. 103.

наставит (Аввакум, Житие, с. 62); семнадцать нас человек, в лотку седше... поехали, *амо же* бог наставит (Аввакум, Житие, с. 83).

Если союзные слова *где (гдѣ)*, *идѣже* обозначали место совершения действия, то наречие *амо* указывало его направленность. В разговорном языке в этой функции выступало союзное слово *куды*: ... а бьетъ, *куды* ему надобно (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 41); а тотъ пошелъ, *куды* его очи понесли (Хож. Аф. Ник., л. 371); он же, миленькой, вздохнул, да и пошел, *куды* надобе ему (Аввакум, Житие, с. 88); и я. . . паки побежал по льду *куды* мне надобе, к детям (Там же, с. 90); *Куды* дерево наклонило тѹды ево и сѣкутъ (Пословицы XVII в., л. 349 об.); *Куды* сава глядитъ туды ей и летѣть (Там же, л. 349 об.); Дерево ронятъ туды, *куды* оно нагнулось (Там же, л. 337 об.); *Куды* конь с копытомъ а ратѹт же с клешнею (Там же, л. 352); *Кѹды* конь хочетъ тѹды онъ скочитъ (Там же, л. 351); *Куды* волкъ глядитъ туды оⁿ и бѣжитъ (Там же, л. 350 об.).

В современном языке *куды* является принадлежностью диалектов и просторечия. Однако еще в XVIII в. оно было известно московскому говору и допускалось в литературном языке [5].

Союзное слово *куды* употреблялось в исследуемых памятниках весьма редко (мы привели все встретившиеся нам примеры).

В современном литературном языке предложения с *куда* также встречаются гораздо реже, чем с *где* [6].

Одной из характерных особенностей придаточных предложений места в старорусском языке (как и в древнерусском) является отсутствие дифференциации в значении союзных слов *где* и *куда*, что свидетельствует об отсутствии в прошлом разграничения понятий места и направления действия. Так, союзное слово *где* наряду с обозначением места действия могло употребляться и для выражения его направленности. В следующих примерах *где=куда*: А *гдѣ* тобѧ пошле[м], и тобѣ паити бе[з] ослѹша[н](ь)а (Моск. гр. 1504 г. — Дух. дог. гр., № 90, II (а); А *гдѣ*, г(осподи)не, менѧ пошлете, и мнѣ поити бе[з] ѡслѹшанья (Там же, № 90, II (б); А *гдѣ* пошле[м] свои[х] воево[д], и тобѣ с нашими воеводами послати своего воевоѕ (Моск. гр. 1531 г. — Дух. дог. гр., № 101 (а)); и велѣно ихъ выслать на государеву службу къ Москвѣ, а съ Москвы, *гдѣ* государь укажетъ (Моск. гр. 1635 г. — АЮБ, т. I, № 80, II); да поидем с ним, светом, *где* нам он велит (Пов. об азов. взятии, с. 81); *гдѣ* хочетъ, туды сечетъ і на конѣ мчит (Пересветов, с. 79).

С другой стороны, со значением «где» могло выступать союзное слово *аможе*. Ср. приведенный выше пример: *аможе* хощетъ, тамо пребываетъ (Пов. Кат.-Рост., с. 570).

[5] См.: П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1962, стр. 291.

[6] См.: А. К. Панфилов. Сложноподчиненные предложения с местоименными наречиями в роли относительных слов (автореф. канд. дисс.). М., 1953, стр. 10.

В дальнейшем развитии языка имеет место уточнение и дифференциация функций данных средств связи, в результате чего в современном русском языке наблюдается четкое разграничение в семантике союзных слов *где* и *куда*; *где* употребляется только для обозначения места действия, *куда* — его направленности.

Придаточное предложение места представлено в языке старорусской письменности в двух своих разновидностях: с соотносительным словом в главной части и без него. По нашим наблюдениям, около 50% всех предложений с придаточным места имели коррелят. (Причем около половины подобных конструкций отмечено в Пословицах XVII в., которые дают самое большое количество примеров с придаточным места из всех старорусских памятников).

Наличие соотносительного слова характерно для тех предложений, придаточная часть которых находится в препозиции по отношению к главной. Так, 2/3 подобных конструкций имеют коррелят. В предложениях с постпозицией придаточного употребление соотносительных слов — весьма редкое явление (они наблюдаются лишь в четвертой части указанных предложений). Подобное строение сложноподчиненного предложения с придаточным места — преобладающее употребление соотносительных слов в предложениях с препозицией придаточного — характерно и для древнерусского языка [7], и для русских народных говоров [8].

В качестве соотносительных слов наиболее часто в исследованном материале выступают наречия *тут* (и его варианты *ту*, *тутo*), *там* (*тамо*).

В предложениях с препозицией придаточного они стоят в начале главной части, в предложениях с постпозицией — в конце главной части сложного предложения. При наличии в главном предложении соотносительного наречия *тут* (*ту*, *тутo*) в придаточном употребляется союзное слово *где* (т. е. соотношение средств связи *где — тут (ту, тутo)*: *гдѣ* кто лошадь купитъ или мѣнитъ, *тутъ* у намѣстниковъ. . . и пятнаетъ (Суд. Ив. IV, с. 262); *гдѣ* что приго҃то тѣто и строити (Домострой, с. 53); *гдѣ* ково обыщутъ. . . тутъ его казнятъ смертною казнью (Пересветов, с. 77) [9]; А *кдѣ* на святой горѣ Голгоѳѣ Крестъ стоял. . . и *ту* пробита гора до полусажени (Пут. моск. купцов, с. 140); А *гдѣ* ся сошли пути вмѣстѣ. . . *тутo* есть купель Силуамля (Пут. Зосимы, с. 65); *где* найдет, *тут* рылом нюхает (Сатиры о пьянстве, с. 81); *где* у нас была степь чистая, *тут* стала у нас однем часом. . . что великие и непроходимые леса темныя (Пов. об азов. взятии, с. 61); *где* бывают рати великия, *тут* ложатся трупы многия! (Там же, с. 66); а *где* тот

---

[7] См.: А. Н. Стеценко. Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV—XVI вв. Томск, 1960, стр. 259, 260.

[8] См.: А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 102.

[9] В первом примере значение места сочетается с субъектным, во втором и третьем — с объектным значением.

ерш впроситца ночевать, и он *тут* и ожихонитца хочет и племя развести (Пов. о Ерше, с. 149); *где* пьем и ядим, *тут* и лайно испражняем (Аввакум, Письма, с. 223—224); *Где* вода была *тутъ* она и будетъ (Пословицы XVII в., л. 336); *Где* былъ садъ *ту* сталъ а^{л} (Там же, л. 336); Воръ не ту^{т} краде^{т} гдѣ много ту^{т} краде^{т} гдѣ плохо (Там же, л. 334); *Гдѣ* двое стоятъ *ту*^{т} треєму дѣла нѣтъ (Там же, л. 336 об.).

С союзным словом *где* обычно сочетается и соотносительное наречие *там(о)*. Однако такое соотношение средств связи встречается значительно реже, чем *где—тут*. Вот все встретившиеся нам случаи (большая часть которых — в Пословицах XVII в.): поиду съ Слутцка *тамъ*, *гдѣ* ми кажешь (Письма Курб., с. 416); Сего ради не *тамъ*, *гдѣ* кто будетъ, онаго мѣста законы содержати будетъ (Там же, с. 145); *гдѣ* яденіе и питіе, *тамо* и истекание (Там же, с. 466); ужеде *где* отец и мати, *там* же будешь! (Аввакум, Письма, с. 222); Как в попах еще был, *там* же, *где* брата беси мучили (Аввакум, Житие, с. 116); *Гдѣ* зако^{п} *тамъ* и страхъ (Пословицы XVII в., л. 335); Как *тамъ* говорить *гдѣ* не дадѫт и рта ѿворить (Там же, л. 352 об.); *Гдѣ* были родины *тамъ* буду^{т} и кстины (Там же, л. 335); *Гдѣ* шьютъ *тамъ* и порютъ (Там же, л. 335 об.); *Гдѣ* тонко *тамъ* и рвется (Там же, л. 335); *Гдѣ* на^{с} нѣтъ *та*^{м} по^{л}вѣ милостыни даютъ (Там же, л. 335); *Где* ме^{р}твы^{х} погребаютъ *та*^{м} и рыдаютъ (Там же, л. 335 об.); *Гдѣ* кто пощбѣдаетъ *та*^{м} все и вѣдаетъ (Там же, л. 335 об.); То *тамъ* глѫпомѫ и ужина *гдѣ* дураков дюжина (Там же, л. 370 об.); *Гдѣ* пиво *тамъ* и диво (Там же, л. 335); Береза не угроза = *гдѣ* она стоит *там* и шумит (Там же, л. 328 об.); Не тутъ во^{р} крадетъ *гдѣ* много *та*^{м} гдѣ плохо (Там же., л. 359 об.); *гдѣ* былъ садъ ту^{т} сталъ а^{л} а *гдѣ* море *та*^{м} горе (Там же, л. 336).

Отметим, что в первом из приведенных примеров соотносительное наречие *там* имеет значение «туда». С тем же значением могло выступать и соотносительное слово *тут*: *Куды* конь с копытомъ, а ра^{т} *тѫт* же с клешнею (Пословицы XVII в., л. 352). Редкие случаи сочетания соотносительных наречий *тут*, *там* с союзными словами *идѣже*, *аможе* см. на стр. 216.

Другие соотносительные слова — *туды*, *везде* — имеют единичное употребление в исследованных материалах: *гдѣ* хочетъ, *туды* сечетъ і на конѣ мчит (Пересветов, с. 79); *куды* конь хочетъ *туды* онъ скочитъ (Пословицы XVII в., л. 351); *Куды* волкъ глядитъ *туды* о^{н} и бежитъ (Там же, л. 350 об.); *где* ни поживем, *везде* загрезим (Сатиры о пьянстве, с. 67); *где* худѫ ни жить *ве*^{з}*дѣ* ему тѫжить (Пословицы XVII в., л. 335 об.); *где* черти ни бродили *ве*^{з}*дѣ* и^{х} бранили (Там же, л. 335 об.).

Придаточное предложение может занимать различное место по отношению к главному — стоять перед ним, после него или в середине предложения. В исследованных памятниках несколько

преобладают конструкции с препозицией придаточного (соотношение препозиции и постпозиции равно примерно 3 : 2). Очень редки случаи с интерпозицией придаточного (всего 6). Наибольшее число случаев, в которых придаточное предшествует главному, дают Пословицы XVII в. Преобладающим такой порядок расположения частей сложного предложения является также в Судебнике 1497 г., Сатирах о пьянстве, Письмах Аввакума. Многочисленные примеры с препозицией придаточного (из вышеназванных и других памятников) приведены на стр. 216, 217. Приведем некоторые примеры с постпозицией придаточного (а) и все встретившиеся в памятниках конструкции с интерпозицией придаточного (б):

а) и перевоз завели, *гдѣ* преже сего не бывало (Улож. 1649 г., с. 24); и ‹платице› оупрѧта *гдѣ* то живе (Домострой, с. 19—20); а бьетъ *куды* ему надобно (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 41); На утріе жъ поидохомъ, *гдѣ* Иванъ Лѣствичникъ постился 40 лѣтъ (Пут. моск. купцов, с. 154); Мы же молившись святый великомученицѣ Екатеринѣ, *гдѣ* прежъ сего были мощи ея (Там же, с. 152); и начаша по улицамъ ѣздити и ходити, *гдѣ* Литва стояше (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 750); Голоби лѣтаютъ *гдѣ* и привитаютъ (Пословицы XVII в., л. 335 об.); то *тамъ* глѹпомѹ и ужина *гдѣ* дураков дюжина (Там же, л. 370 об.);

б) да Архіепископу жъ велѣти ловити на себя рыба въ Казани рѣкѣ. . . и *гдѣ* похочетъ ѣзъ бити (Казан. гр. 1555 г. — АИ, т. I, № 162); также и Новугороски посло ѣздити чере пьскоскую зелю. *гдѣ* ни есть путь чистъ из Новагорода. и в ногоро (Новг. гр. XV в. — Шахматов, О языке, № 20); Сего ради, не тамъ, *гдѣ* кто будетъ, онаго мѣста законы содержати будетъ (Письма Курб., с. 145); поехали, *аможе* бог наставит, ничево не бояся (Аввакум, Житие, с. 83); Се же все тамо, идѣ-же Марія Египетская жила, въ пустыни (Пут. Зосимы, с. 65).

Одной из характерных особенностей структуры сложноподчиненного предложения с придаточным места является сохранение в ряде случаев следов имевшей место в прошлом слабой синтаксической зависимости придаточного предложения от главного, недостаточной слитности частей сложного предложения. Это находит свое выражение в наличии сочинительного союза между главной и придаточной частью: А *гдѣ* такія войны востанутъ, *и* тутъ начальныи большіи полевыи воевода Господь Богъ не повелитель (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 23); А *где* нет грамоты, а помирятся, *и* ему имати противень вполы исуева (Суд. 1497 г., л. 8); а ныне *где* и не зовут, *и* мы идем своим напрасньством (Сатиры о пьянстве, с. 63); а *где* тот ерш вприситца начевать, *и* он *тут* и ожихонитца хочет (Пов. о Ерше, с. 149); *а гдѣ* канула кровь Господа нашего Иисуса Христа на гору ту, *и* разсѣлина широка полупяди (Пут. Моск. купцов, с. 140); А кдѣ на святой горѣ Голгоѳѣ крестъ стоялъ, . . *и* ту пробита гора до полусажени и то мѣсто серебромъ обложено (Пут. моск. купцов, с. 140).

Во всех приведенных выше примерах придаточное предложение находится в препозиции по отношению к главному. Как отмечает Э. И. Коротаева, «наличие сочинительного союза при подчинительном связано с положением придаточного предложения. Исторически придаточное препозитивное было более самостоятельным, и сочинительная связь его с главным сохраняется дольше» [10]. Подобные конструкции являются архаичными для описываемого периода. Они характерны и для некоторых других типов придаточных, особенно для временны́х конструкций [11]. По наблюдениям Э. И. Коротаевой контаминация сочинительной и подчинительной связи была довольно широко известна еще в XVII в.[12] Дальнейшее развитие и упорядочение структуры сложного предложения привело к утрате подобных конструкций. Возможное их употребление сохранилось лишь в говорах — ср. пример, приводимый А. Б. Шапиро: «*Где* папоротник найдешь, *и* сиди» [13].

Кроме описанных конструкций, в которых семантика придаточного не осложнена добавочными оттенками значения, в исследованном материале имеются предложения переходного характера, в которых локальные отношения сочетаются с другими [14]:

а) атрибутивными: *въ кою* поѣхалъ еси землю, и *тамо* о семъ пространнѣе увѣси (Письма Ив. IV, л. 166 об.); а *на которой* хороминѣ птица гукукъ сѣдить, *то тутъ* человѣкъ умреть (Хож. Аф, Ник., л. об. 375); *которые* люди живут в украинских городех. . . и *тут* бы собралось его государевых руских людей (Пов. об азов. взятии, с. 69); б) субъектными: А *кто гдѣ* купитъ лошадь или вымѣнитъ, не въ своемъ присудѣ, *тот тутъ* и пятнитъ (Суд. Ив. IV, л. 263); в) объектными: *гдѣ что* приго*же то тѣто* и строити (Домострой, с. 53); г) временны́ми: И *как* мы дошли до места, *тамо* нас и совершенное зло постигло (Аввакум, Письма, с. 188).

В приведенных примерах наблюдается контаминация структурных средств предложений разных типов: *кою—тамо*, *кто где—тот тут* и т. д.

Памятники старобелорусского и староукраинского языков обнаруживают большое сходство со старорусскими в строении и употреблении придаточных предложений места, а также некоторые черты, общие для этих двух языков и отличающие их от старорусского. Господствующим средством связи в них было, так же как и в старорусских памятниках, союзное слово *где*, однако в отличие от них в качестве соотносительного слова выступало чаще наречие не *тут*, а *там*: ст.-бел.: . . . а и *гдѣ* украдѣно, а *тамъ* его ухватятъ с лицомъ (Западнорус. гр. 1468 г. — АЗР, т. I, № 67);

---

[10] Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.—Л., 1964, стр. 16.

[11] См. примеры в кн.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 154.

[12] Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 8.

[13] А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 103.

[14] Некоторые примеры данного типа уже приводились на стр. 218.

где хотели *тамъ* вольно прочь ходили (Задвейск. гр. 1515 г. Литов. метр., т. I, кн. 1, № 188); «*где* люди твоей милости того чловка поимають. . . нечай дей его *тамъ* же ѡбесять» (Берест. гр. 1518 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 29); *гдѣ* ко(ли) велелъ ему кочевати ѡ(н) тамъ кочевалъ (Лет. Рачин., с. 267); На тотъ часъ *где* они будутъ, тамъ ничого слушного постановлено быть не можетъ (Лет. Баркул., л. 148 об.); *Гдѣ* есть ненавист, *там* милости нѣтъ (Пов. о витязях, с. 766); волѣлъ бых *тамъ*, *гдѣ* видѧть болшъ смерть мою (Там же, с. 111); хочу поити и поведати *тамъ где* сѧ годит (Там же, с. 72); *тамъ где* набольшеи налагалъ непрыятель ѡтпор давалъ (Ист. о Атыле, с. 177); *гдѣ* за часу щасливого повоженю богу сѧ молили, *там* тэж часу набольшого нещастѧ а праве статнего крэсу душу дали (Там же, с. 205); *где* панова[т] не можешъ, та[м] не помышла[ѣ] (Александрия, с. 77); покваⁱⁱ мысе *та*[м] *где* достане[м] живности собѣ и коне[м] достатокъ (Там же, с. 50); ст.-укр.: *где* укажет пан державца, *тамо* для оборони города становиться (Укр. гр. 1642 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 214); *где* бы ся речение разумѣния кончило, *там* духови ‹прочитател› да отпочивает (Виш., Книжка, с. 9); а *где* хощу расточити, *тамо* расточю (Там же, с. 117); а Никифора. . . панъ воевода Волынскій назавтрее *там* же, *гдѣ* взялъ, поставилъ (Переторога, с. 220); ‹наша церковь› засѣла въ Сіонѣ, во Іерусолимѣ, *тамъ*, *гдѣ* все спасеніе наше содѣяся (Там же, с. 235); абы смо *тамъ* сердца наши ховали, *гдѣ* и скарбы наши (Там же, с. 230); . . . усиловалъ проповѣдати евангелію, не *тамъ*, *гдѣ* бы былъ менованый Христосъ (Палин. Копыст., с. 356); И *там* мя посадил, *гдѣ* мнѣ давно було потреба (Слово о збуреню пекла); *где* свѣтлая премудрость столицу свою мала и в ней почивала, *там* нынѣ тилко смродливая пустка зостала (Перло многоценное).

Случаи употребления соотносительного наречия *тут* (*ту*) единичны. Приведем все встретившиеся нам примеры соотношения средств связи *где—тут* [15]: ст.-бел.: а *гдѣ* будетъ намъ. . . любо. . . *ту* мы владыку поставимъ по своей воли (Западнорусск. гр. 1470—1471 гг. — Акты, собр. АН, т. I, № 87); А такожъ, гдѣ которыи мосты мощивали. . . *тут* бы и нынѣ каждый свои мостьници замостили (Западнорус. гр. 1468 г. — АЗР, т. I, № 67); *Гдѣ* сила, *тутъ* и памет (Пов. о витязях, с. 123); ст.-укр.: а *где* земла кнѧза Коширского з моею сѧ землею снѧла, тѫт теж копецъ естъ вчинен (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 80).

Как отмечает А. П. Груцо, в белорусских памятниках XIV—XV вв. соотносительное слово *тут* встречается очень редко, а «затем постепенно вытесняется *там*» [16]. Современным белорусскому и украинскому литературным языкам употребление наречия *тут*

---

[15] Единичные случаи употребления наречия *тут* при наличии в главном союзного слова *идѣже* см. ниже (стр. 223).

[16] А. П. Груца. Развіццё складназалежнага сказа ў беларускай мове. Мінск, 1970, стр. 159.

в главном предложении неизвестно, вместо него употребляется в этой функции *там*. В редких случаях *тут* употребляется в белорусских народных говорах [17]. Характерной особенностью языка старобелорусских памятников является то, что соотносительное наречие *там* могло выступать в значении *туда*: Подмо *тамъ гдѣ* еси гуфъ побил (Ист. о Гвид., с. 160); Едмо *там гдѣ* насъ ждутъ (Пов. о витязях, с. 62); *гдѣ* ми ты узвелиш, *тамъ* хочу поехати (Там же, с. 13); . . . его шлет *тамъ*, *гдѣ* ему нагоршы непрыѧтели дла Амурата (Там же, с. 54); по҃лимо *тамо кде* чоули есмо ихъ быти (Страсти Христовы, л. 33).

В староукраинских памятниках подобных примеров не встретилось. В старорусских мы отметили выше (на стр. 219) один пример в произведениях Курбского.

В старобелорусских памятниках, так же как и в старорусских (в отличие от староукраинских), возможно употребление союзного слова *гдѣ* в значении 'куда': и котороую землю самъ хотѧше казнити или силныхъ свои(х) воеводъ послати *где* оусхочешь (Лет. Увар., л. 55—55 об.); Або не хочете ити, *гдѣ* ѧ велю (Пов. о витязях, с. 80); *гдѣ* ми ты узвелиш, тамъ ѧ хочу поехати (Там же, с. 13); хочем тѧ повезти *гдѣ* ты велиш (Ист. о Гвид., с. 148).

В староукраинских памятниках подобные примеры не отмечены. Союзное слово старославянского происхождения *идѣже*, весьма редкое и в памятниках старорусского языка, в старобелорусских и староукраинских имеет единичные примеры. Так, в старобелорусских памятниках конструкции с *идѣже* представлены несколькими примерами лишь в произведении богословской литературы Списание против люторов, а также в некоторых летописях: *идеже* слово ваше пріимѹть тѹ пребываите (Лет. Акад., л. 150—150 об.); идоу перви, *идеже* вы оубисте моужа моего Игорѧ (Лет. Супр., л. 9 об.); и погребоша Асколда *идеже* Оугороское, *идеже* есть дворъ Ѡлминь (Там же, л. 5 об.); «*идеже* Азъ, тамъ и слуга Мой будеть (Спис. пр. люторов, с. 156); *идеже* бо, рече Богъ, два или трiе собрани во имя Мое, ту есмь посреди ихъ» (Там же, с. 153).

В староукраинских памятниках *идѣже* находим лишь у одного автора — в произведениях религиозно-полемической литературы И. Вишенского (которые в значительной степени отражают влияние старославянского языка): Се же вездѣ по соборах братских тако же да ся исправляет, *идѣже* сие писание дойдет (Виш., Книжка, с. 10); *идѣже* будѣте собрани два или трие в имя мое, ту обрящуся посредѣ их» (Виш., Послания, с. 207).

Старославянизм *камо*, известный книжному древнерусскому и (в редких случаях) старорусскому языку, в старобелорусских и староукраинских памятниках в придаточных предложениях места не отмечен. Союзное слово *куда* (*куды*), обозначающее направление действия, встречается в исследуемом материале очень редко: ст.-бел.: узять ему свои товаръ *куда* хочеть (Могилев. гр. ок.

[17] Там же, стр. 159.

1407 г. — РЛА, № 165); Тогда поглядела Ижота *куды* поехали витези, и вбачила (Пов. о витязях, с. 93); Можемъ ли поити. . . *куды* хочем? ѡни рекли: Можете *куды* ваша воля (Пов. о витязях, с. 65—66); ѡни вси разбегли сѧ и поховали сѧ, *куды* хто мог (Ист. о Гвид., стр. 159); ст.-укр.: . . . велѣли есмо миропольи̑ люде̑ по свои̑ъ граница̑ повести *коуда* ѡни чѡ̑ ищють (Киев. гр. 1508—1520 гг. — Палеогр. изб., № 5); тот, который, опановавши мысль твою, там сѣдит. . . и оборочает *куда* хочет волю и мысль твою (Виш., Книжка, с. 30).

Кроме соотносительных слов *там* и *тут* в памятниках старобелорусского языка изредка употребляются и другие — *всюды*, *туда*, в староукраинских отмечен лишь пример с соотносительным словом *везде*: ст.-бел.: ставлюся ихъ милости *всюды*, *где* ми кажутъ (Лет. Баркул., л. 150 об.); угровѣ *гдѣ* ѡдно наперли, *всюды* великую поражку чынили (Ист. о Атыле, с. 177); и ехалъ всюды, *гдѣ* слышал соимы рыцэрские (Пов. о витязях, с. 95); *где* коли емоу повелить и ѡ(н) тоуда кочюеть (Лет. Увар., л. 57) [18]; ст.-укр.: Се же *вездѣ* по соборах братских тако же да ся исправляет, *идѣже* сие писание дойдет (Виш., Книжка, с. 10).

Кроме союзных слов, унаследованных из древнерусского языка, в старобелорусских и староукраинских памятниках встречаются и другие, в употреблении которых возможно видеть влияние польского языка. Так, имеются единичные примеры конструкций с *гдѣколве*, *кгды*: ѧ тебе хочу ускоре видети *гдѣколве* будешъ (Пов. о витязях, с. 85); хочу сѧ пустити по мору, *кгды* ми фортуна прынесеть (Там же, с. 23); *Там*, *кгды* ихъ княжа упоминал и листы митрополитовы и иншихъ владыковъ показывалъ (Переспорога, с. 212).

Заметим, что союз *кгды (гды)* был по преимуществу временны́м союзом — он использовался в старобелорусских и староукраинских памятниках для присоединения придаточных времени. Возможно было употребление (правда — редкое, мы располагаем всего одним примером) в значении места и восточнославянского относительного наречия *отколе* (которое в памятниках древнерусского языка могло употребляться и во временно́м значении): Даите ми конѧ и зброю, и поеду, *ѡтколе* есмо прыехали (Пов. о витязях, с. 105).

Случаи употребления временны́х союзов *поколе* (в древнерусском языке) и *покуль* (в старобелорусском) для обозначения места отмечают В. И. Борковский [19] и А. П. Груцо [20]. Приведенные факты говорят о возможности выражения пространственных и временны́х отношений в древнем языке одними и теми же грамматическими средствами, что свидетельствует о генетической связи понятий пространства и времени. Ср. замечание Л. П. Якубинского: «Прежде всего осознаются, как известно, связи сосуществования

[18] В этом предложении значение места сочетается со значением условия.
[19] В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 152.
[20] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 163.

в пространстве, связи пространственные, затем, в связи с ними, связи временны́е; для выражения временны́х отношений используются в значительной мере те же слова, что и для выражения пространственных. . .» [21]. Ср. также следующие примеры из древнерусских грамот, в которых значения места и времени выражаются союзом *покамест* (этимологически он обозначал локальные отношения, а впоследствии — стал употребляться лишь во временно́м значении): Далъ есми. . . свою вотчинную пустошь. . . со всѣмъ, *покамѣстъ* плугъ ходилъ и коса (Гр. ок. 1400 г.); Дала есми тѣ села и съ животомъ ко святому Василію. . . *покамѣсть* и святая обитель сія стоитъ (Гр. 1252—1253 г.) [22].

Таким образом, как показывает рассмотренный материал, в истории сложноподчиненного предложения с придаточным места в восточнославянских языках наблюдаются как общие черты, так и некоторые различия. Во всех трех языках были утрачены союзные слова старославянского происхождения *идѣже*, *камо* [23]. Основные союзные слова, употребляющиеся в памятниках исследуемого периода — *где*, *куда (куды)*, — сохранились во всех восточнославянских языках, однако они получили различное оформление: в русском — *где*, белорусском — *дзе* (из *где*), украинском — *де*. Союзное слово *куда (куды)* сохранилось в русском литературном языке в варианте *куда*, белорусском — *куды*, украинском *куди* [24].

Различия имеются и в судьбе соотносительных слов. Так, если в русском языке сохранились соотносительные слова *тут* и *там*, то белорусскому и украинскому языкам известно (из них) лишь *там* (*тут* было утрачено).

Белорусский и украинский языки (в отличие от русского) сохраняют такую черту древнего синтаксиса восточнославянских языков, как отсутствие дифференциации в значениях союзных слов *где* и *куда*; так, *где* может употребляться в значении «куда» (но не наоборот). Возможно, что в сохранении данной синтаксической особенности (в указанных языках) сказалось влияние соседнего польского языка, которому она также известна. В современном болгарском языке наблюдается смешение значений места и направления действия: *где* употребляется вместо *куда* и наоборот [25].

---

[21] Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 255.

[22] См.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, стр. 1102.

[23] Местоименное наречие *камо* сохранилось в болгарском языке в значении ‘куда’ и ‘где’ а также в чешском — *kam* ‘куда’.

[24] «Граматыка беларускай мовы», т. II. Сінтаксіс. Мінск, 1966, стр. 612; «Курс сучасної української літературної мови», т. II. Синтаксис. Київ, 1951, стр. 243.

[25] Как отмечает Ж. В. Ганиев, данное синтаксическое явление имеет и более широкие — индоевропейские — параллели; так, оно было известно еще санскриту (Ж. В. Ганиев. Из истории сложноподчиненных предложений с придаточным места в восточнославянских языках. Вопросы истории русского языка. Изд. МГУ, 1959, стр. 324).

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРИЧИНЫ

В изучаемый период развития восточнославянских языков в рамках сложноподчиненных предложений с союзами наблюдается процесс отбора и дифференциации, с одной стороны, круга специфических семантико-синтаксических отношений причины, а с другой — средств выражения этих отношений.

Таким образом, продолжает свое становление подчинительная связь предложений, и сложноподчиненные предложения как структура для выражения подчинительных связей занимает соответствующее место в синтаксическом строе восточнославянских языков.

Анализ содержания изученных текстов показывает, что круг так называемых причинных значений, которые обозначались соответствующими причинными союзами, был в XV—XVII вв. весьма нечетким: это широкий круг объяснительных значений, в который — наряду с собственно причинно-следственными отношениями — входят также логическое обоснование, аргументация утверждений, мотивировка действий, пояснение и под.

Отношения собственно причины не отделились от других объяснительных и не обособились формально и в современном русском языке. В академической «Грамматике русского языка» в определении сказано: «В сложных предложениях этого типа придаточное предложение содержит в себе указание на причину или обоснование того, о чем говорится в главном предложении», и далее указывается на существование различных других смысловых оттенков [1]. По-видимому, такое отсутствие четких семантических границ — результат того, что причина — вообще весьма сложное представление. Только в точных науках, в судопроизводстве, в деловой речи взаимоотношения причины и следствия рассматриваются на изолированных фактах, и в таких сферах применения языка понятие причины — это строго «то, что предшествует другому и вызывает его в качестве следствия» [2]. Такая точность и однозначность характеристики отношений причины и следствия в повседневной жизни (и речи) обычно не нужна, она бы только обеднила содержание речи. Отсюда гамма оттенков значений, которые принято объединять в понятие семантико-синтаксических отношений причины.

[1] «Грамматика русского языка», т. II. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 317, 318.
[2] Н. И. Кондаков. Введение в логику. М., 1967, стр. 293.

Наш материал о сложноподчиненных предложениях причины с союзами в восточнославянских памятниках письменности XV—XVII вв. показывает большое разнообразие средств для построения этих предложений. К таким средствам относится в первую очередь набор причинных союзов — показателей характера семантико-синтаксических отношений между частями предложений и набор соответствующих уточняющих семантико-синтаксические отношения соотносительных слов, или коррелятов. Кроме того, главное и придаточное предложения могут быть связаны общими лексико-семантическими элементами текста, а структуру сложноподчиненного предложения в целом могут скреплять некоторые чисто грамматические особенности построения.

СТАРОРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ

Наш материал по старорусским памятникам письменности представил возможность наиболее полно и подробно изучить сложноподчиненные предложения с союзами *бо* и *понеже*. Эти унаследованные от древнерусского языка союзы в изучаемый период истории русского языка отличались еще большой употребительностью.

На примерах сложноподчиненных предложений с *бо* мы пытались представить реальное содержание круга семантико-синтаксических отношений, объединяемых в понятии причинных, для выражения которых используется один древний союз.

На примерах сложноподчиненных предложений с союзом *понеже* мы пытались вскрыть некоторые особенности структуры сложноподчиненного предложения с придаточным причины, что представляется удобным, так как этот союз выражал наиболее четко (из числа старых) причинную подчинительную связь в сложных предложениях.

Кроме того, в привлеченных к работе старорусских материалах мы отметили сложноподчиненные предложения с причинной связью между главным и придаточным со многими другими союзами, например: *занеже*, *яко*, *ибо*, *что*, *потому что*, *для того что*, *за то что*, *иже*, *еже*, *елма*, *ано* и др. В разделе дается характеристика функционирования сложноподчиненных предложений причины с этими союзами.

Причинный союз *бо* по сравнению с другими причинными союзами, встретившимися в наших материалах, имеет ряд особенностей, которые, с одной стороны, подтверждают его древнее, «исконное» для славянских языков происхождение, а с другой — объясняют утрату его русским языком позднейших периодов.

Служебному слову *бо* в древнерусском языке посвящен обстоятельный труд Е. Т. Черкасовой, в котором определяются оттенки значения этого слова и основные грамматические функции [3].

[3] Е. Т. Черкасова. Служебное слово *бо* и его значение в древнерусском языке. «Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», 1948, т. 56, вып. 2.

Е. Т. Черкасова устанавливает, что распределение оттенков значения причинного союза *бо* «идет по двум линиям: 1) случаи, в которых причинное предложение, присоединяемое союзом *бо*, находится в прямой связи с господствующим словом объясняемого предложения (. . . — употребление *бо* в качестве союза с четким причинным значением), и 2) случаи, в которых такой связи причинного предложения с объясняемым не наблюдается (. . . — употребление *бо* в качестве союза с нечетким, т. е. ослабленным причинным значением)» [4].

Наши материалы также позволяют выделить эти два основных вида семантико-синтаксических отношений, обозначаемых посредством союза *бо*:

1. Употребление *бо* в качестве союза с четким причинным значением (надо отметить, что таких примеров в наших материалах очень мало, и почти все они не бесспорны): . . . а мощей его ни дымняа воня прикоснуся, заступлени *бо* быша божиею благодатью . . . (Моск. лет. св. конца XV в., л. 413); И Татарове . . . мало нѣчто полону взяша, а градомъ и волостемъ ничто не успѣша, всѣм *бо* быша въ осадѣ въ градѣ (Там же, л. 390 об.); ‹Бог›. . . да помилуетъ насъ и моленія нашего не презритъ шедръ *бо* есть и милостивъ и не оставитъ насъ сирыхъ . . . (Стоглав, с. 32); . . . предлагаю вашей отеческой любви совѣтъ еже поутвердити древняго преданія истинныя нашея христіянскія вѣры. еже отъ самаго создателя нашего преданія, а не отъ слуги ни отъ посланнаго, самъ *бо* предаде божественнымъ своимъ ученикамъ и апостоломъ (Стоглав, с. 26—27); . . . с тѣми бы д҃ню не зналасѧ и гдремъ бы про таки людеи не сказывали, то *бо* сѵ̑ть слѵ̑ги бѣсовскїѧ (Домострой, с. 20); сщенническїи чинъ і иноческїи почитай, тѣ *бо* сѵ̑ть бж̑їи слѵ̑ги тѣми очищаемъсѧ ѿ грѣховъ, тѣ имѣю̑т дерзновенїе молитисѧ г҃ѵ̑ ѡ гресѣхъ нашихъ. . . (Домострой, с. 62); Яко же || Іанни и Амврїи противистася Моисѣю, тако и сіи противятся истиннѣ, человѣцы растлѣвше умомъ, неискушени о вѣре. Но не преуспѣють паче о мнозе: безуміе *бо* ихъ яве будетъ всѣмъ, яко же и онѣхъ бысть (Письма Ив. IV, л. 137); Горе беззаконному, злая *бо* приключаютца ему по дѣломъ руку ево (Там же, л. 75); Да ся пѣнитъ море и бѣситъ; но Исусова корабля не можетъ потопити, на камени *бо* стоитъ (Там же, л. 132 об.); . . . не даваи ваша милость его читати, а ни преписывати иновѣрнымъ, одно правовѣрнымъ, *бо* того есть писанія потреба (Письма Курб., с. 454); а яко нынѣ ими шаѳуютъ, — нехаи имъ Богъ судитъ, а не азъ, *бо* маю и свое бремя греховъ тяжко, о немъже есми повелѣнъ отвѣтъ дати праведному Судіи (Там же, с. 443); а схизматиком онымъ не показуи того, а ни споруися съ ними, *бо* зело сварливы и упрямы, *бо* и апостолъ великіи не совѣтуетъ сваритися, а ни

[4] Е. Т. Черкасова. Указ., соч., стр. 80.

супротивитися (Там же, с. 470); «Не надобе, рече, глаголати предъ цари не стыдяся о свидѣніихъ Господнихъ, ниже обличати о различныхъ законопреступныхъ дѣлех ихъ, неудобь *бо* стерпима ярость ихъ человѣческому естеству» (Там же, с. 407); на нея же воздѣвають новы порты; она же лежитъ аки жива суща; послушница *бо* была въ монастырѣ (Пут. Зосимы, с. 63); . . . а Іудеи же не разумѣша, что рече имъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, бѣ *бо* имъ не дано разумѣть свыше (Пут. моск. купцов, с. 143); и возмутися воздухъ отъ коньскаго ристанія, и другъ друга не знающе, помрачиша *бо* ся лица ихъ отъ пыли, вѣемыя по воздуху (Пов. Кат.-Рост., с 589); Московстіи же народи не разумѣша бывшаго лаетелства сего, оскудѣша умы своими и сотвориша пустошная и злая, помрачиша *бо* ся очеса ихъ не видѣти суеты (Там же, с. 604); Ныне же кто не подивится безумию их, без ума *бо* сами себе исказиша; не довлеет *бо* им милостыни даяти, но вместо даяния сами восхищаху (Сатиры о пьянстве, с. 91); Егда же ко злой смерти влекоми будут, тогда воспомянут родители своя и наказание их, и ничто же им поможет, не достигли *бо* суть добра возраста, ни красныя зрения, ни седин процветения (Там же, с. 92); Не поставі им, господь, греха сего, не ведят *бо* беднии, что творят (Аввакум, Письма, с. 196); Помышляю о себе, яко удавят мя еретики: попущено *бо* им гораздо (Там же, с. 218).

В этих примерах, благодаря наличию отчетливой причинно-следственной зависимости между содержанием главного и придаточного предложений, изменение порядка следования частей приводит к мене между ними отношений причины и следствия.

2. Употребление *бо* в предложениях с нечетким причинным значением. В таких предложениях уже невозможна «обратимость» отношений причины и следствия. Придаточные предложения с *бо* могут вносить дополнительные поясняющие данные, конкретизировать обстановку и обстоятельства во время протекания действия, названного в главном предложении, раскрывать и уточнять смысл и мотивы этого действия. В части примеров придаточные с союзом *бо* служат для приведения аргументов и оснований при мотивировке и объяснениях каких-либо утверждений или положений; с этой же целью придаточные с *бо* используются и при введении различных цитат. Таким образом, здесь приводятся примеры с очень широким кругом смысловых отношений между главным и придаточным предложениями. Их объединяет наличие союза *бо* в придаточном предложении, который всем этим разнообразным вариантам придает оттенок причинности. Приведем примеры.

Придаточные причины служат для уточнения обстановки во время протекания действия, вводят дополнительные данные: И яко поставльше раку с мощьми святаго, молебен пѣвше, знаменавъшеся у мощеи святаго съ страхом и радостию, бѣ *бо* тогда не покровен гробъ святаго, но видими всѣми святыа мощи его (Моск. лет. св. конца XV в., л. 414 об.); . . . и бысть радость князю великому и братии его и всему воиньству, бѣ *бо* тогда

у великого князя и царевич Данiаръ и братиа его благовѣрнии князи Юрьи и Андрѣи и Борис, и боаре их и все воиньство их (Там же, л. 405); Князю же великому глаголаше и приказываше толко о едином что бы церковь совръшена была, тогда *бо* бяше еще вздѣлано ея до болшего пояса до половины (Там же, л. 421); Бѣ же чюдна вельми дѣлом и превысока зело, въздѣлана *бо* бѣ уже и до сводов . . . (Там же, л. 423). В последних двух примерах слова *тогда* и *уже* как бы подкрепляют связь придаточного предложения с главным.

Придаточные с союзом *бо* содержат мотивировку, цель рекомендаций, которые даются в главном предложении (эти примеры характеризует разная модальность главного и придаточного предложений): . . . аще ли тебя не послушаетъ, поими с собою два или три, пред усты *бо* двою или трех свидѣтель станеть всяк глаголъ... (Моск. лет. св. конца XV в., л. 402); црковънико^{ѫ} и ниціихъ и маломожныхъ и бѣдны^{х} и скорбныхъ и странны^{х} пришелцовъ призываи в домъ свои и по силе накорми, и напой и согрѣи и млтию давай ѿ своихъ праведныхъ, трѫдовъ, и в домѫ и в торгѫ и на пѫти тою *бо* ѡчищаютсѧ грѣси тѣ *бо* ходатаи бгѫ ѡ гресѣхъ нашихъ (Домострой, с. 63).

Придаточные предложения с *бо* содержат аргументы того, что утверждается (или отрицается) в главном: И хотѣхъ рещи всѣ по ряду ратные дѣла мои, их же сотворихъ на похвалу твою, силою Христа моего но сего ради не изрекохъ, зане лутче Богъ вѣсть, нежели, человѣкъ: Онъ *бо* есть за всѣ сія мздовоздаятель, и не токмо, но и за чашу студеныя воды . . . (Письма Курб., с. 5) [5]; Ино ли тебѣ видится, Анастасию, се поругание невѣрных и груско сердцу твоему, они *бо* есть иноплемянники, вѣры християнския не знают (Пересветов, с. 83); Патриархъ же изыде изъ придѣла отъ гробницы имуще въ обоихъ рукахъ свѣщи горящія великіе пуки, и изнесе огнь изъ придѣла Господня, и ста патріархъ на высокомъ мѣстѣ, бѣ *бо* ему на то учинено (Пут. моск. купцов, с. 14); Вера ж кафолическая сия есть, да единаго бога в троице и троицу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо; ин *бо* есть состав отечь, ин — сыновень, ин — святаго духа (Аввакум, Житие, с. 58); Аще ли же сего не имѣя, нѣсть царь, царь *бо* нѣсть боязнь дѣломъ благимъ, но злымъ. Хощеши ли *бо* не боятися власть? Благо твори; аще ли злое твориши, боися, не *бо* туне мечь носитъ — въ мѣсть злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ (Письма Ив. IV, л. 134 об.); Языкъ же никто же отъ человѣкъ муже умучити, неодержимо *бо* зло, исполнь яда смертоносна (Там же, л. 135 об.); Предстатели

[5] Этот пример интересен тем, что предложения с *бо* присоединяются к уже вполне законченному сложноподчиненному предложению, в котором четко выражены причинные отношения с помощью союза и соотносительных слов (*зане — сего ради*). Предложение с *бо* — это как бы второй ряд пояснения, отнесенного к сравнительной конструкции *лутче нежели*.

называешь тлѣнныхъ человѣкъ, подобно Елинъскому блядословію: яко же *бо* они Богу равно уподобляхуся Аполона (Там же, л. 157); В котором царьствѣ люди порабощенны, і в том царствѣ люди не храбры і къ бою против недруга не смѣлы: порабощеный *бо* человѣкъ срама не боится, а чести себѣ не добывает, хотя силенъ іли не силен, и речет такъ: однако есми холоп, іного мнѣ имени не прибудетъ (Пересветов, с. 75); да злоба покрыет разум его, и лесть пьянства превратит душу его; [рачение] *бо* злое губит добрая, и желание похоти прелагает его в ров погибели (Сатиры о пьянстве, с. 70); [Христос] той есть присно с нами и будет, надеем *бо* ся на нь крепко, и никто ж — человек смертной и тленной — отлучити нас от него возможет, с ним *бо* стражем и умираем (Аввакум, Письма, с. 198); Не облениись, жена, детей тех понуждати к молитве, паче же сами молитеся. Молитва *бо* Петра из темницы избави, молитва Иону из чрева китова изведе, молитва триех отроков от огня свободи (Там же, с. 218); Мы, же несть тацы суть, не хощем *бо* обще стяжания иметь . . . (Там же, с. 273).

Памятники церковно-книжного характера часто содержат рассуждения, полемику на богословские темы и на темы морали и нравственности. В этой сфере в качестве аргумента, доказательства истинности или даже причины того или иного утверждения, правила или положения приводятся цитаты из евангелия, богословских сочинений и пр.: И пророкомъ рече Богъ: не пощади сребра человека ради; Христосъ же, не токмо сребра, но и душу свою повелѣваетъ по братіи положити; больши *бо* тоя, рече, любве никто же не имать, аще кто душю свою, положить по братіи своей (Улож. 1649 г., с. 20); . . . кнсю своемꙋ прїѧите всѣмъ срцемъ и властелемъ своимъ ни помыслите на нѧ зла, глетъ *бо* павелъ аплъ всѧ влчество ѿ бга оучинена сꙋть (Домострой, с. 7); Того у насъ не обрящеши; *бо* сохранимся по Господню словеси, повергати святыя псомъ и сыпати бисеры честныя и световидныя Богоукрашенія (Письма Курб., с. 441); апостолъ великій вопіетъ: «Блюдитеся псовъ, хранитеся злыхъ дѣлателей, расколовъ невѣрныхъ», тлятъ *бо*, рече, обычаи добрыя бесѣды злые» (Там же, с. 465); А хотя и бить станут или жечь, ино и слава господу богу о сем. Достоин *бо* есть делатель мзды своея, на се *бо* изыдохом из чрева матери своея (Аввакум, Письма, с. 226—227).

В самих цитатах, которые обычно представляют собой переводы религиозных текстов, *бо* — безусловно самый распространный союз причины. Таким образом, этот союз употреблялся в текстах с определенным богословско-нравственным содержанием и, по-видимому, ассоциировался с высоким стилем.

Предложение с союзом *бо*, как правило, следует за главным, что естественно, если учесть их поясняющую функцию. Однако нам встретились случаи изменения такого порядка: Царь-государь Алексей Михайлович, любим *бо* еси мне, исповемся тебе всем сердцем моим и повем ти вся чудеса господня (Аввакум, Письма,

с. 199); Не возможе *бо* онъ, злоначальныи, благодати ради Божія, въ вѣре у насъ никакова порока сотворити, и онъ иными лестми начинаетъ, древле учиненнымъ чиномъ смущеніе наводить, хотя испразнити апостоломъ реченое слово . . . (Письма Курб., с. 394). Такая перестановка обычного порядка следования частей придаточного причины придает дополнительные оттенки значению отношений между главным и придаточным: условия (в первом примере), условия и следствия (во втором примере), поскольку для условных и следственных предложений обычно препозитивное положение придаточного [6].

Как известно, в XV—XVII вв. в старорусском языке союз *бо* омонимичен частице *бо*, т. е. по сути дела это даже не омонимы, а одно слово, употребляемое в разных грамматических функциях. Смысловое содержание этих функций в области круга исследуемых нами причинных значений синонимично, т. е. почти во всех случаях одно и то же содержание может быть выражено и с помощью сложноподчиненного предложения с союзом *бо*, и с помощью частицы *бо* в пределах простых или сложносочиненных предложений [7].

Однако семантико-синтаксическая функция союза *бо* в отличие от частицы *бо* — быть показателем причинно-следственных отношений между двумя частями одного целого (сложноподчиненного предложения). В такой функции слово *бо* наиболее бесспорно выступает в сложноподчиненных предложениях с четкими причинными отношениями между частями (см. примеры в рубрике 1).

Границы между союзом *бо* и частицей *бо* очень нечетки, и они не опираются на бесспорные грамматические признаки. Даже являясь союзом в сложноподчиненном предложении, *бо* в старорусском языке (как и в древнерусском) не занимает свойственного союзам места в начале придаточного предложения, а всегда стоит после выдвинутого на первое место слова (или слов), которое оно как бы подчеркивает логически. Это сближает *бо* с другими частицами (например, *ли*, *же*), которые употребляются после выделяемых ими отдельных слов в предложении.

Исключение представляют тексты, написанные Курбским. У него имеются случаи с *бо* в начале придаточного предложения: . . . послахъ къ тебѣ предисловеицо . . . не иже бы имъ величаяся . . . но оказуючи недостатокъ и невѣжество наше, яко тамъ прочитающе лѣпеи расмотришь: *бо* искахъ помощи себѣ, семо и овамо обращаяся, и никако же обрѣтохомъ (Письма Курб., с. 418); а Отца во истинности божества разного отъ Сына разумѣти принудится: *бо* если Духъ Святыи отъ Отца исходитъ, а отъ Сына не исходитъ, уже имѣетъ Отецъ то, чего Сынъ не имѣетъ (Там же, с. 433); а къ тому и апостолъ заповѣдаеть, по первомъ

[6] См. об этом: Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.—Л., 1964, стр. 60 и сл.

[7] Ср. аналогичные наблюдения Э. И. Коротаевой (указ. соч., стр. 221).

и второмъ наказанію, всякого еретика отлучитися, вѣдыи, яко сицевыи развратился уже до конца: *бо* ваша милость уже давно къ одной странѣ приклопилъ ухо недосвѣдша гаданіемъ и навыкъ таковымъ (Там же, с. 441); . . . и я пошлю еѣ вашеи милости и сыну твоему на прочитаніе, а естьли полюбитъ, и на препись; а преписавъ, мнѣ ее ваша милость возвратити рачите, *бо* и самымъ намъ оно потребно дѣло (Там же, с. 454); А моглъ бы ваша милость тую книгу, сваровъ и ядовъ смертоносныхъ исполненную, дивно святу своему Алексѣю даровати, *бо* онъ умѣеть и тому искусенъ, яко за едовитые плюхавыми словесы и нечистыми глаголы равные отдавати (Там же, с. 446).

Эту особенность синтаксиса Курбского Е. Т. Черкасова объясняет влиянием юго-западной письменности [8]. По-видимому, о таком влиянии на язык Курбского можно говорить, имея в виду только то, что написано им в эмиграции, в Польше. Из числа привлеченных нами произведений Курбского три бесспорно должны отражать речь периода его жизни в Москве. Это два послания к старцу Васьяну и «Эпістоліа первая князя Курбского къ царю и великому князю московскому» — письмо, написанное сразу после перехода грaницы. Во всех случаях причинный союз *бо* в этих произведениях стоит на втором месте. Примеры с *бо* на первом месте в придаточных предложениях, которые мы привели выше, содержатся в других произведениях Курбского, данными относительно времени и обстоятельств написания которых мы не располагаем.

Е. Т. Черкасова пишет, что *бо* был самым употребительным союзом в древнерусском языке, но «с течением времени господствующая позиция *бо* в качестве причинного союза ослабляется» [9]. И далее: «В памятниках языка XVI—XVII вв. реже (чем в древнерусском языке. — *М. П.*) встречаются случаи употребления *бо* для выражения причинных отношений в строгом смысле» [10]. Наш материал подтверждает наблюдения Е. Т. Черкасовой в отношении судьбы *бо* в функции союза причины. В условиях многозначности слова *бо* интересующая нас его собственно синтаксическая функция оказывается недостаточно отчетливо выраженной. Для растущих потребностей обозначения причинно-следственных отношений начинают все шире употребляться другие союзы, *бо* же постепенно «сходит со сцены», тем более, что он ассоциировался с высоким книжным стилем и не употреблялся в памятниках деловой речи. Однако то обстоятельство, что в древнерусском языке слово *бо* имело собственно союзную функцию, подтверждается наличием *бо* в качестве союза причины в современных белорусском и украинском языках, где процесс спецификации этого слова для чисто союзной функции способствовал переходу его со второго

[8] Е. Т. Черкасова. Указ. соч., стр. 93.
[9] Там же, стр. 114.
[10] Там же.

на первое место в придаточных предложениях причины. Этот процесс можно наблюдать в старобелорусских и староукраинских памятниках (см. ниже).

Итак, в старорусских материалах слово *бо*, выступая в функции союза причины, обозначает, что между главным и придаточным предложениями существует подчинительная связь. Наши наблюдения показывают, что характер этой связи (т. е. ее логико-синтаксическое значение) не зависит от того, в какой морфологической форме выражается сказуемое главного и придаточного предложения; в данном случае, по-видимому, существен собственно синтаксический аспект, а именно — наличие двух предложений, которые объединены в одно сложноподчиненное. В этом отношении интересен пример из Московского летописного свода, в котором придаточное с *бо* относится не к одному предложению, а к целому отрезку контекста: Тогда же в то время прииде ту и самъ князь велики и видѣ его плачущася и начат глаголати ему: «отче господине, не скорби так богу изволившу, а что двор твои погорѣл, аз ти колико хочешь хором дамъ или кои запас погорѣлъ, то все у меня емли», мня *бо* его о том плачущася (Моск. лет. свод конца XV в., л. 421). Предложение *мня бо его о том плачущася* объясняет, чем было мотивировано содержание речи князя, и в то же время оно относится к сказуемому *начат глаголати*. Наличие союза *бо* доказывает, что форма *мня* является самостоятельным сказуемым [11] предложения, которое может быть придаточным, т. е. вступать с главным в причинно-следственные отношения, присоединяясь к нему посредством союза *бо*.

В наших материалах значительное место занимают придаточные причины с союзом *понеже*. По наблюдениям Э. И. Коротаевой, в языке XVII в. союз *понеже* является наиболее употребительным, он «давно уже вошел в языковую практику канцелярского делопроизводства, поэтому был известен не только . . . книжным . . ., но и таким произведениям, которые представляют собой литературную обработку делового письменного языка, сближающую его с разговорным языком образованных людей» [12]. Этот союз почти не зафиксирован в древнерусском языке. Он отмечен в памятниках старорусской письменности XV в., а в XVI в. весьма распространен в сфере книжного обихода, встречается он и в памятниках делового содержания (см. ниже пример из Соборного Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г.). Однако следует признать правильными наблюдения тех исследователей, которые связывают употребление причинных предложений с союзом *понеже* преимущественно с высоким книжным стилем и видят в этом одну из причин его последующей утраты [13].

---

[11] См.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, стр. 378.
[12] Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 213.
[13] А. Н. Стеценко. Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV—XVI вв. Томск, 1960, стр. 157.

Примеры: Слышавше се Татарове Большие орды, *поне же* близ ту кочевали, за один день . . . (Моск. лет. свод конца XV в., л. 408); посылал есмь к тебѣ, богомольцу своему, боаръ своих. . . о волостех и о селех, чтобы наша отчина Великы Новгород дали намъ волости и села, *поне же* намъ, великым княземъ, государьство свое держати на своеи отчинѣ Великом Новѣгородѣ без того нелзѣ (Там же, л. 448 об.); . . . а иные бы манастыри государь пожаловал, земль у них не ималъ, *поне же* тѣ убогы, земль у них мало (Там же, л. 449); Чувственное же солнце не глаголетъ. ниже глаголати кому даетъ умное же солнце и глаголетъ любовнымъ своимъ и глаголати и зрѣти всѣмъ даруетъ. *Понеже* разумное солнце праведное христосъ Богъ нашъ (Стоглав, с. 22); тако же и дѣтеи и домочацовъ свои оучи страхꙋ бжію, и всѧкимъ добрымъ дѣломъ, *понеже* тебѣ ѡ нихъ ѿвѣтъ дати въ днь страшнаго сꙋда (Домострой, с. 65); А въ церкви . . . государю . . . не бити челомъ, чтобы отъ того въ церкви Божіи церковному пѣнію смятенія не было, *понеже* церковь Божія устроена приходити на молитву, и православнымъ христіаномъ подобаетъ въ церкви Божіи стояти и молитися со страхомъ, а не земная мыслити (Улож. 1649 г., с. 8); единого ради моего слова гнѣвна, не токмо свою едину душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ еси, *понеже* Божіимъ изволеніемъ, дѣду нашему, великому государю, богъ ихъ поручилъ въ работу (Письма Ив. IV, л. 127 об.); Вы же, измѣнники, аще и вопіете бесъ правды, ничто же убо пріимете, *понеже* сластеи ради просите (Там же, л. 174 об.); Паче же убо вы гордитеся, дмящеся, *понеже* раби суще царьскіи и святительскіи санъ на ся восхищающе . . . (Там же, л. 174 об.); Смотри же сего, бѣдникъ! *Понеже* не осуди, но токмо возстена и за сіе пострада страшно, аще и праведникъ (Там же, л. 170); . . . паче же потваръ сшивано. На блаженнаго Домаскина, *понеже* онъ паче всѣхъ острѣише ихъ навоявленную ересь обличаетъ о прохожденію Духа Святага (Письма Курб., с. 428); . . . и тое все творити со смиренномудріемъ, *понеже* смиреніе Христово подражаніе и есть, всѣмъ добродѣтелемъ корень и основаніе . . . (Там же, с. 447); а пшеница изъ Египта во всю Турскую землю идетъ; *понеже* градъ Египетъ вельми обиленъ пшеницею, и много въ немъ родится (Пут. Гогары, с. 115); . . . и по тѣ камыши ѣздять далече, а во Египтѣ мало его родится, *понеже* около Египта все песокъ (Там же, с. 117); Пребезаконные Іудеи рѣша къ себѣ: не достоитъ намъ тѣхъ сребренниковъ положити въ корвану, сирѣчь въ казну, *понежъ* цѣна крови есть (Пут. моск. купцов, с. 146); И злое бы кореніе и зеліе исъ того мѣста вонъ вывести, *понеже* много того кореніа злаго и зелія лютаго на томъ мѣстѣ вкоренилося (Пов. о Рос. Царстве, с. 192); И излія словеса многія предъ ними, и укоры и поносы имъ глаголаше, *понеже* противу его ополчахуся (Там же, с. 575—576); Сей же патріархъ Ермогенъ отъ Ростриги въ заточеніи бысть, *понеже* не послѣдствова дѣломъ его и о женидбѣ запрещеніе ему

подавая на соборѣхъ . . . (Там же, с. 583); . . . но токмо уповаютъ на стѣны града оного, *понеже* крѣпостію многою вооруженъ градъ той, превысокіи Кремль (Там же, с. 611); А иные власти въ тое пору молчаху и не смѣяху противъ глаголати, *понеже* злый еретикъ побиваетъ многихъ людей (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 739); . . . зде умру, а к тебе, госпожа моя лисица, не иду, *понеже* язык твои лстив, уста твоя полны суть неправды (Пов. о куре и лис., с. 191); Воровству, кабаче, наставниче, отца и матери лишился еси, и друзи возненавидеша мя, и ныне к кому прибегну, *понеже* ради моего безделья родители мене отвергошася и вмениша мя аки пса смердящаго (Сатиры о пьянстве, с. 82); и аще что реченно просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, *понеже* люблю свой русской природной язык, виршами филосовскими не обык речи красить, *понеже* не словес красных бог слушает, но дел наших хощет (Аввакум, Житие, с. 53); И кобыла умерла, — все извод взял, *понеже* не по чину жеребенка тово вытащили из нея (Там же, с. 74); припишите своею рукою мне, и жене моей, и дочери или прощение или епитимию, *понеже* мы за одно воровали (Там же, с. 84); У света моей, у Федосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя жил во дворе, *понеже* дочь мне духовная . . . (Там же, с. 93); Аз же, на него глядя, поплакал и возрадовался о величии божии, *понеже* о всех нас печется и промышляет господь: ево исцелил, а меня возвеселил (Там же, с. 116); не тогда мне говорить, как издохну! А близ исход души моей, чаю, *понеже* время належит (Аввакум, Письма, с. 189); Мне же, и лежа на печи, умом моим глаголющу псалмы, *понеж* от бога дана Псалтырь и наизусть глаголати мне (Там же, с. 200); А которые бродят и мятежат людьми, не послушают совета моего, с теми ратуюся, *понеже* совесть нудит, претерпеть не могу (Там же, с. 231); Токмо добра была царица Марья, а царя озлобили вожди злии и лукавыя власти, *понеже* приняли от Никона тово новизну ту (Там же, с. 260); Елена, а Елена! С сестрами теми не сообщайся, *понеже* оне чисты и святы. А со мною водися, *понеже* я сам шелудив, не боюся твоей коросты, и своей много у меня! (Там же, с. 290).

В отличие от слова *бо*, которое употреблялось и как союз, и как частица, слово *понеже* имеет в языке только одну специфическую функцию — функцию быть союзом причины. Не употребляется *понеже* и в качестве союза в сложноподчиненных предложениях с другими семантико-синтаксическими отношениями между главным и придаточным предложениями, кроме причинно-следственных, как, например, союз *яко* и др. [14]

Союз *понеже* был создан языком в сравнительно позднее время. его этимология [15] вскрывает тип структуры, аналогичный струк-

[14] См. об этом: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 266, 267.

[15] См.: Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958, стр. 370.

туре современных союзов, которые отличает спецификация для обозначения определенных семантико-синтаксических отношений. Эти особенности союза *понеже* объясняют тот факт, что сложноподчиненные предложения с ним всегда имеют четкое причинное значение.

В подавляющем большинстве случаев союз *понеже* начинает собой придаточное предложение причины, которое располагается после главного. Однако, встретились случаи отклонения от такого порядка: Петр убо по отвержении оном лютом *понеже* вскоре свой воспомяну грех, и никому же обличающу, глаголаше свое прегрешение и плакася горько, сице исправи отвержение оно (Аввакум, Письма, с. 253); Пришли мне малины. Я стану есть, — *понеже* я оглашенной, ты оглашенная, — друг на друга не дивим: оба мы равны (Там же, с. 290).

Поскольку *понеже* весьма употребителен в религиозных и книжных текстах, он, естественно, используется в тех случаях, когда в качестве аргумента приводятся цитаты из богословских сочинений, евангелия и пр. При этом *понеже* может вводить такой текст и без специального предупреждения, т. е. без указаний типа «рече», «глаголаше» и под. Примеры: *Понеже* глаголет писание: тайну бо цареву хранити добро есть . . . (Пут. Зосимы, с. 60), Такожде и нынѣ уповаемъ его способника быти намъ паче, нежели вамъ, *понеже* «аще бы чада Авраамля бысте были, дѣла Авраамля бысте творили» (Письма Ив. IV, л. 79); *понеже* рече же Христос: «Вы отца вашего хощете творити . . .» (Там же, л. 356); Но обаче вы есте соблазнъ всему и начало злу, *понеже* по пророку, мнясте мя червя (Там же, л. 170); Не малодушствуй, *понеже* «наша брань несть к крови и плоти» (Аввакум, Письма, с. 235); А от Лукияна отлучися. Бог тебя благословит, и наше благословение да есть с тобою, аще тако сотворишь изгнания с рабы Христовыми, *понеже* несть сообщения свету со тьмою, тако и целомудрому с блудным (Там же, с. 236); Смирение бо побеждает всяк грех, отцы святии, *понеж* Христос смирил себе, послушлив быв, даже до смерти, смерти же крестней . . . (Там же, с. 256).

Понеже часто встречается и в самих цитатах; его используют при переводах религиозных текстов: ово рече: . . . «щадя вас сия глаголю *понеже* скорбь плотію имѣти будутъ таковіи» (Письма Курб., с. 373).

Мы отметили, что сложноподчиненные предложения с союзом *понеже* имеют обычно четкое причинное значение. Однако, как сказано выше, сам по себе круг причинных значений достаточно разнообразен и не строг. В ряде случаев мы имеем дело не с намерением указать на причину, а с желанием дать пояснение, указать на дополнительные обстоятельства и пр. Особенно отчетливо такая объяснительная функция предложений с союзом *понеже* проявляется тогда, когда причина уже названа в главном предложении (при помощи средств простого предложения: предлоги *ради*, *за* и пр.), а *понеже* присоединяет поясняющее прида-

точное предложение: Аще ли же о семъ помышляеши, яко церковное преданіе не тако имыи громъ бытіе, се убо вашего же ради лукавого умышленія, *понеже* мя исторгасте отъ духовного и покоинаго житія . . . (Письма Ив. IV, л. 129); а кое наказаніе мало бывало на тебѣ, и то за твое преступленіе, *понеже* согласился еси съ нашими изменники (Там же, л. 170 об.); и воистинну не возмогохъ, множества ради воинства, устрещи, *понеже* пятнадесять тысящеи тогда съ нами было воиска . . . (Письма Курб., с. 132); . . . и тѣмъ путемъ человѣку пѣшему идти нельзѣ, солнечнаго ради сженія и жажды водныя; *понеже*, отнюдь воды пресныя тамо не обрѣтается . . . (Пут. Гогары, с. 115); . . . и иныя мнозиблагородніи юноши, сея ради благородныя дѣвицы, оставя свое отеческое царство и грады, пріидоша рабски служити царю Борису, отцу ѥѧ, *понеже* превеликія Росія царя дщерь во благородствѣ своемъ, яко цвѣтъ дивный, сіяя . . . (Пов. Кат.-Рост., с. 579); Ядовит бо сей огнь, *понеже* потечет от престола господня и пояст соблазны вся (Аввакум, Письма, с. 228).

Союз *понеже* служит знаком отчетливых причинных отношений между содержанием двух предложений, и поэтому в случаях, когда причинная зависимость семантики главного от семантики придаточного не очевидна, *понеже*, указывая на существование такой связи, направляет мысль на поиск недостающего логического звена в причинном умозаключении. Это звено легко восстанавливается, но из более широкого контекста, в частях же анализируемых сложноподчиненных предложений могут отсутствовать общие семантические элементы, помогающие поставить главное и придаточное предложения в причинную связь. Примеры: По семъ же князь великы оставшие своды и столпи от южныа страны . . . повелѣ разбирати, *поне же* страшно бѣ воити поклонитися образу пречистыа (Моск. лет. свод конца XV в., л. 424); Да того же дни бил челом владыка великому князю, что бы пожаловал приставов своих давати в волости и в села, *поне же* христиане бѣжане не смѣютъ из города ити . . (Там же, л. 453 об.); егда от нас кто начнет с голоду умирати, тогда присылали нужную пищу, *Понеже* жены милостивы быша, яко древняя серафтяныни (Аввакум, Письма, с. 188); Возился над ним дьявол от, что чорт, а душе той коснутися не смел, *понеже* бог с небесе сам зрел победы Иовлевы (Там же, с. 280).

Однако таких «чистых» случаев, когда в тексте отсутствуют эквивалентные семантические элементы и на существование связи указывает только наличие союза *понеже*, нам встретилось сравнительно мало. Чаще предложения, связанные причинными отношениями, характеризует наличие общих семантических элементов текста. Это могут быть повторяющиеся слова, различные названия одной и той же реалии и под.: По лѣтехъ немалыхъ хула на Духъ Святыи явися . . . отъ нея и православныя церкви многою бѣдою одержимы суща, *понеже* и самъ патріархъ царствующаго града Македоніи начальникъ и председатель ереси тоя бывъ

(Письма Курб., с. 364); и пошла ‹река› сквозь землю: не изволи Богъ ее въ Садомское езеро совокупить; *понеже* вельми смердитъ изъ езера гнусно (Пут. Гогары, с. 119); И въ церковь входятъ въ едины двери съ полуденныя страны, а не въ большия двери каменныя, *понеже* окаянный и безбожный Турчанинъ насильствомъ у тѣхъ дверей дворъ поставилъ, а у большихъ дверей у церковныхъ сдѣлавъ, наругаяся православной вѣрѣ, задецъ привелъ (Там же, с. 114); Тоя бумаги даша патріархъ христіянамъ на честь для благословенія, а мощей святыя ни какоже не даетъ патріархъ, *понеже* бѣ не повелѣла святая мощей ни кому крянути (Пут. моск. купцов, с. 154); Егда на Синайстей горе с Моисеом беседоваше, тогда страшно бе видимое, *понеже* гора горяше огнем, и облак, и сумрак, и буря, и трубныя звуки, и гласы шумящи глаголанны (Аввакум, Письма, с. 276).

Наряду с чисто семантической связью между главным и придаточным предложениями, сложноподчиненные предложения причины с союзом *понеже* могут характеризоваться также и различными видами грамматической связи. Характер этой связи обусловлен тем, что решающую роль в выявлении собственно причинных отношений здесь играют сказуемые и слова, к ним относящиеся, а группа подлежащего может быть представлена с той или иной степенью неполноты. Эта неполнота приводит к тому, что сказуемые придаточного и главного могут быть отнесены к одному подлежащему или же подлежащее одного из предложений будет выступать в форме объекта в другом (например, в безличном предложении). Эти особенности построения сложноподчиненного предложения служат для скрепления его структуры в единое грамматическое целое.

Приведем несколько случаев, когда в придаточных предложениях опущены подлежащие, а сказуемые согласованы с подлежащими главных: . . . архиепископъ Новогородскыи Сергеи остави архиепископью и прииде ко Троицѣ в Сергеевъ манастырь во свое пострижение, *поне же* бѣ почал непомогатися (Моск. лет. св. конца XV в., л. 467 об.); И благочестивый царь Ѳедоръ о томъ не мало поскорбѣ и втайнѣ пролія многіе слезы, а взысканія учинити не возможе, *понеже* благоюродивъ бысть отъ чрева матере своея и ни о чемъ попеченія имѣя, токмо о душевномъ спасеніи (Пов. Кат.-Рост., с. 564); а иніи молчатъ и не говорятъ и ни въ чемъ ему не претятъ, *понеже* съ нимъ же, со врагомъ, всѣхъ насъ погубити хотятъ (Там же, с. 214); Тако и Никон лишил Алексея трех ради перстов жизни сея, *понеже* царскую и архиерейскую власть на ся восприял, да мочью и силою вечную нашу правду, старое православие, истребил (Аввакум, Письма, с. 279); По некоем времени пришел я от Феодора Ртищева зело печален, *понеже* в дому у него с еретиками шумел много о вере и о законе (Аввакум, Житие, с. 114). Во всех этих примерах подлежащее легко восстановимо. Но могут быть случаи, когда вследствие отсутствия подлежащего в придаточном возникает известная двусмыслен-

ность. Например, в следующем предложении неясно, кто возбудил «рабов Христовых»: И я, отче Феоктисте, видя их, хищников, ловящих овец Христовых, не умолчал ему, Родиону, и Ивану и начальнику их Илариону, *понеж* возбудил вас, рабов Христовых, приездом своим (Аввакум, Письма, с. 235).

Часто подлежащее одного из предложений выступает объектом в другом, и это также служит средством грамматической связи сложноподчиненного предложения: . . . зело болезнуем о тебе, да пособить не можем ти, *понеж* сам ты пользы ко спасению своему не хощешь (Аввакум, Письма, с. 197); Тако и ты государыня, плачи суетнаго жития своего и грехов своих, *понеже* призвал тя бог в домовое строение и рассуждение (Аввакум, Письма, с. 209).

Причинная зависимость может выражаться предложениями, в составе которых нет подлежащих: И не взимаютъ от того села ничтоже, *понеже* не повѣлено бѣ (Пут. моск. купцов, с. 146). Интересен пример из повести Катырева-Ростовского: Въ то же время случися князю Дмитрѣю Пожарскому быти на селѣ своемъ, отъ разоренія Московского избѣжавшу, *понеже* раненъ бысть и отъ тоѣ раны закоснѣвшу ему на селѣ своемъ (Пов. Кат.-Рост., с. 613). Здесь субъект действия ощущается в форме дательного падежа в составе оборота «дательный самостоятельный», а в форме именительного падежа, т. о. в качестве подлежащего, он не выражен. Союз *понеже* присоединяет предложение со сказуемым в форме 3-го лица, т. е. оно согласовано с отсутствующим подлежащим в именительном падеже.

Придаточное предложение, начинающееся союзом *понеже*, может не относиться к одному главному предложению, а пояснять целый отрезок речи. В этом случае мы имеем дело со структурой более сложной, чем сложноподчиненное предложение, состоящее из двух компонентов. В качестве главного предложения, например, может выступать в свою очередь сложноподчиненное предложение с условным придаточным: И аще гдѣ обрѣтаются православныя, крѣпце православіе держаще, и отъ безбожныхъ тѣхъ властеи гоненія горчеишая и наруганія беспрестани претерпѣваютъ, яко имъ пригоже мнитмися жывыми мученики ото всѣхъ православныхъ реченнымъ быти, *понеже* догматы благочестія невредно соблюдаютъ и закономъ Христовымъ, яко свѣтила, въ мирѣ сіяютъ, живуще посредѣ рода строптива и развращенна (Письма Курб., с. 391—392).

В сложноподчиненном предложении союз *понеже* обычно стоит между главным и придаточным предложениями и занимает, таким образом, специальное «союзное» место. Правда, у протопопа Аввакума в одном случае в придаточном предложении встретился *понеже* на втором месте (как союз *бо*): «но молим ти ся, господи, дух лукавый *понеже* помрачение помыслом наводяй» (Письма, с. 261).

Сложноподчиненные предложения причины с союзом *зане* (*же*) представлены в наших материалах гораздо меньшим количеством

примеров, чем предложения с родственным ему союзом *понеже*. Предложения с этими союзами отмечены уже в самых ранних из изучаемых нами памятниках (в Путешествии Зосимы и Московском летописном своде конца XV в.), и в более поздних памятниках *зане(же)* функционирует параллельно с *понеже* и, по всей вероятности, является ему синонимом. Однако союз *занеже* в памятниках делового содержания нами не отмечен. Примеры: . . . но пожаловали бы наши государи свою отчину, великые князи, явили то своеи отчинѣ Великому Новугороду, как их государьству быти въ их отчинѣ, *зане же* господине, отчина их Великы Новгород Низовские пошлины не знаютъ, как государи наши великые князи государьство свое дръжатъ в Низовскои землѣ (Моск. лет. св. конца XV в., л. 446 об.); . . . послати ли по епископы земли нашиа, котории близ нас, и положиша на том, что послати по них, *зане же* не токмо единому священию быти. . . (Там же, л. 456 об.); а все то есть лжа и не истина; *зане же* азъ видѣхъ Зосима, грѣшный дьяконъ (Пут. Зосимы, с. 64); Не хвалюся, глаголю, никто же тако видѣ Іерусалимская мѣста, яко азъ грѣшный видѣхъ Іерусалимская вся мѣста, *зане же* пребыхъ лѣто цѣлое во Іерусалимѣ, и за Іерусалимомъ, ходя по святымъ мѣстомъ. . . (Там же); . . . они подъяша за имя Божіе, азъ же то ни во что же вмѣнихъ и терпя съ благодареніемъ, *зане же*, аще кто доиде Іерусалима, уже гробъ быхъ видѣлъ, а за Іерусалимъ никто же поидти можетъ, злыхъ ради Араповъ, бьютъ бо безъ милости (Там же); а надъ просфирами и надъ кутіями и надъ свѣщами просфирницамъ не говорити ничего развѣ Ісусова молитва говорити. *Занеже* просфирницы не имутъ власти ничто же действовати (Стоглав, с. 65—66); и царскихъ бы дверей не отверзали никогда же развѣе начала и выходу и отпусту кромѣ святительскаго чина. *Занеже* тогда и устав егда святитель служитъ (Там же, с. 70); сваряетеся и борете, и не имате, *зане* не просите (Письма Ив. IV, л. 136); Горе душе ихъ, *зане* умыслиша совѣтъ лукавъ въ собѣ. . . (Там же, л. 162 об.); Во странствѣ пребывающе и во убожествѣ отъ твоего гоненія, титунъ твои величаишіи и должаишіи оставя — *зане* ото убогихъ тебѣ, великому царю, сіе не потребно (Письма Курб., с. 125); Блажени и треблажени претерпѣвающіи различныя напасти отъ таковыхъ, *занеже* время отмщенія есть близъ (Там же, с. 400); живутъ у тебя Христіяне во Египтѣ и не достоитъ имъ жити на той землѣ, *зане* погани суть, и неправая ихъ вѣра (Пут. моск. купцов, с. 149); азъ же отъ многыя беды поидохъ до Индѣи, *занже* ми на Русь поити нѣ с чемъ, не || осталося товару ничево (Хож. Аф. Ник., л. 333 об. — 334); и ты бы мене дѣля люди ко мнѣ прислалъ и товаръ ихъ собралъ *занеже* тѣ люди посланы на мое имя (Там же, л. 370 об.); . . . а любятъ гостей людей бѣлых, *занже* ихъ люди черны велми (Там же, л. 382); А на Мякъку поити, ино стати в вѣру бесерменьскую, *зань же* христіане не ходятъ на Мякъку вѣры дѣля что ставять в вѣру (Там же, л. 386 об.); Сѣдящіе же въ немъ людіе ужасни быша велми и браннымъ своимъ ополченіемъ не возмогоша стояти

противу враговъ своихъ, *зане* мало ихъ во градѣ томъ бяше (Пов. Кат.-Рост., с. 595); О бѣдныя матери! коликою болѣзнію сердецъ вашихъ внутренняя разсѣкаете, *зане* чадъ вашихъ чресла зрите исторгаеми и по удомъ раздробляемы (Там же, с. 607); а помощи ему не возмогоша, *занеже* многіе воини дружаху еретику Ростригѣ, и не смѣяху изъ мірскихъ людей нихто, чтобы молвити что о поможеніи великого князя (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 735); Грозно бо бяше и жалостъно тогда видети, *зане* трава кровью пролита, а древеса тугою к земли преклонишася (Сл. о Кулик. битве, с. 38); Отради ми, отрасль царская, и не погуби мене со беззаконными моими, ниже в век враждовав, соблюдеши зол моих, *зане* ты еси царь мой, и аз раб твой (Аввакум, Письма, с. 205).

Особо подчеркнем пример сложноподчиненного предложения причины с союзом *занеже* в памятнике делового содержания, хотя и здесь его употребили для нравственного мотивирования статьи о денежных сборах (а не для формулирования закона): А збирати тѣ деньги погодно въ посольской приказъ по новымъ переписнымъ книгамъ, а не по сошному письму, чтобы въ томъ денежномъ сборѣ никто въ избылыхъ не былъ. . ., *занеже* таковое искупленіе общая милостыня нарицается (Улож. 1649 г., с. 20).

Предложения с *зане(же)* употребляются в цитируемых текстах: и паки инде реченно бысть: «сынове Еѳрѣмли. . . возвратишася въ день брани, *зане* не сохраниша повелѣнія Господня и въ законѣ его не изволиша ходити» (Письма Ив. IV, л. 132 об.); Яко же рече божественныи Іяковъ: «Просите и не пріемлете, *зане* злѣ просите. . .» (Там же, л. 173 об.).

Интересен случай использования цитаты с *занеже* протопопом Аввакумом. Один раз он приводит полный текст: И еще чтый да разумеет того же апостола рекша: «открывается гнев божий с небесе на всяко нечестие и неправду человеческую, содержащих истинну в неправде, *зане* разумное божие яве есть в них, бог бо явил есть им» (Письма, с. 277). Далее придаточные предложения с *зане* приводятся несколько раз для аргументации мыслей самого Аввакума; при этом сохраняется союз *зане*, а остальной текст свободно варьируется. Например: Шлюся на твою совесть, *зане* разумное божие яве есть в тебе, бог бо явил есть в тебе (Письма, с. 277). Этот пример говорит о том, что фразеология церковнокнижного обихода очень органично входила в речь образованных людей, но она не теряла определенной стилистической окраски: книжный союз *зане* не мог быть заменен другим без ущерба для стиля письма.

Придаточные предложения с союзом *зане(же)* обычно следуют за главным, однако один случай с препозицией такого предложения встретился в Повести Катырева-Ростовского: . . .Намъ же ниотколѣ помощи бысть, токмо в сохраненіи всещедраго Бога и в заступленіи Пречистые Богоматере. *Зане* убо многово разсуженія ты еси, королю, молимъ тя и воспоминаемъ посемъ: . . .да подаси руку помощи и возведеши сына своего на царство мирно. . .

(с. 603—604). По-видимому, такие случаи говорят о четкости причинного значения союза: перестановка предложений не вносит неясности в высказывание, хотя, возможно, и привносит оттенок условия придаточному.

В обследованных нами материалах сложноподчиненные предложения с союзом *яко* встретились только в отдельных памятниках в виде единичных примеров. Особо выделяются лишь сочинения протопопа Аввакума, который широко использует предложения с союзом *яко*, правда, преимущественно в текстах на религиозные темы: Аз же некогда видев у соседа скотину умершу, и той нощи, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, *яко* и мне умереть (Житие, с. 59); Зело надобно крепко молитися богу, да спасет и помилует нас, *яко* благ и человеколюбец (Там же, с. 66); Старец, раб вашего преподобия, поклоняюся главою грешною за посещение, *яко* простросте беседу довольную и напоили мя водою животекущею (Письма, с. 211); не введи нас во искусы, но избави нас от лукавых, *яко* твое есть царство и сила (Там же, с. 256).

Как неоднократно отмечалось в научной литературе, союз *яко* употреблялся в сугубо книжной сфере, этому способствовала его принадлежность церковнославянскому языку. Единичные случаи употребления предложений с союзом *яко* с конкретным причинным значением в тексте нерелигиозного содержания мы отметили только в повести Катырева-Ростовского и в письмах протопопа Аввакума: Народы же градовъ тѣхъ возопиша гласомъ веліимъ, да поиманы будуть воеводы, *яко* измѣнницы суть и единогласники Бориса Годунова. . . (Пов. Кат.-Рост., с. 571); Князь же Шуйский съ воинствомъ поидоша в Москву радостни зѣло, *яко* побѣдницы суть, во крѣпости меча своего побѣдиша враговъ своихъ (Там же, с. 600); Добро было при протопопе Стефане, *яко* все быша тихо и немятежно ради его слез, и рыдания, и не гордого учения (Аввакум, Письма, с. 186); И вас молю, аще кто где узрит ево письма подметныя, предавайте огню господа ради, *яко* в них яд пишет мног сокровен и отсохлою своею рукою сеченою утверждает писанное (Там же, с. 258); О, слава тебе, господи! Срадуйтеся с нами все духовное братство, *яко* друг наш и брат обретеся жив и не удавлен от еретиков (Там же, с. 294).

Поскольку союз *яко* — принадлежность высокого стиля и религиозной литературы, он широко используется при цитировании различных религиозных текстов как в составе самих цитат, так и при введении их: Скоро да предварят ны щедроты твоя, господи, *яко* обнищахом зело (Аввакум, Письма, с. 215); Поминайте реченое: «не бойся, малое мое стадо, *яко* отец мой благоизволи вам дати царство» (Там же, с. 235); Горе им, *яко* в путь каинов ходиша и в лесть Валаамову предашася (Там же, с. 242).

Наши материалы показывают, что из всех союзов причины *яко* наиболее далек от живого разговорного русского языка XV—XVII вв., он не употреблялся в деловой речи и был лишь незна-

чительно распространен в сфере книжного религиозного употребления языка.

Сложноподчиненные предложения причины с союзом *что*, не осложненным связью с различными соотносительными словами, в исследованных нами памятниках встречаются редко. Приведем некоторые отмеченные нами примеры: Шестая Яковити за гробомъ Божіимъ; а противъ седьмая Несторіяне, яко въ бильца витіи Бьютъ, ходятъ, *что* Христосъ воскресе (Пут. Зосимы, с. 64); И съ того времени великою скорбію вси людіе царствующаго града Москвы одержими бяху, *что* предашася бояре и воеводы и вся. . . (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 729); вели, государь, архимарита счесть в колоколах да в цепях весом, *что* он ис колокол много меди извонил и с чепей много железа перебил (Сатиры о пьянстве, с. 122—123); Не кручиньтеся на меня господа ради, *что* моего ради приезда стражете (Аввакум, Письма, с. 234); Спаси бог, *что* не забываешь бедныя протопопицы с детьми (Там же, с. 239).

Союз *что* используется при построении сложноподчиненных предложений с весьма разнообразными лексико-синтаксическими отношениями между главным и придаточным предложениями. Этот союз, известный русскому языку с самой ранней поры, замечателен своей универсальностью для выражения подчинительных отношений. Среди причинных предложений с союзом *что* в наших материалах представляют особый интерес случаи, когда союз *что* присоединяет причинно-пояснительные придаточные предложения: . . .а ему за вину, *что* онъ крестъ поцелуетъ не на правде, учинить жестокое наказание (Улож. 1649 г., с. 84); И Махмет-Салтанъ потребивши царя Костянтина і вземши вѣру христіянскую себѣ в помощь, Богомъ выдана грѣхъ ради ихъ і гордости, *что* они миръ от царя отбивали і жалобниковъ къ царю неприпущали. . . (Пересветов, с. 66); По грехомъ по нашим стало, *что* впали есмя невѣрному в неволю іноплеменнику, для беззаконія греческаго, *что* греки тмы для да свѣтъ оставили, во всемъ въ ересь впали і Бога разгнѣвили неутолимымъ гнѣвомъ (Там же).

В случаях, когда *что* присоединяет пояснение к уже обозначенной предложным сочетаниям причине, возможно, чувствуется еще отражение древнего строя русской речи, которому, как утверждает А. А. Потебня, было свойственно явление эпекзегезы [16].

Гораздо шире в наших материалах представлены примеры сложноподчиненных предложений причины с союзами, которые представляют собой соединения *что* с различными комбинациями предложно-местоименных сочетаний. В составе этих сочетаний предлоги *за*, *для*, *по* и местоимения *то* и *се*. Наибольшее распространение из числа этих сочетаний имеет сочетание *по тому что*. В наших материалах это уже вполне сформировавшийся

[16] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. М., 1968, стр. 307—308. — Аналогичное замечание о предложениях с союзом *что* имеется у Э. И. Коротаевой (указ. соч., стр. 205).

союз, который употребляется в четком причинном значении, как и в современном русском языке. Этот союз прочно вошел в язык деловых документов. В Уложении 1649 г., например, мы отметили 15 примеров употребления придаточных причины с союзом *потому что*. Это один из самых употребительных союзов причины в данном памятнике.

В конструкции сложноподчиненного предложения союз *потому что* занимает строго определенное место между главным и придаточным предложением. Колеблется только еще раздельное и слитное написание с предлогом *(по тому || потому что)*: . . .и его во исцовѣ иску тѣмъ обвинити безъ суда *потому, что* онъ по себѣ къ суду давъ поруку трижды, а къ суду не сталъ. . . (Улож. 1649 г., с. 40); и тѣ пошлины по указу взяти на томъ стрельцѣ *по тому, что* онъ тѣ пошлины сыметъ на себя съ сторонняго человѣка воровствомъ (Там же, с. 43); . . .и за увѣчье на немъ раненому ничего не указывати, *по тому, что* тотъ раненой самъ неправъ (Там же, с. 62); . . .и за такое пожженіе на отвѣтчикахъ исцовыхъ исковъ не правити, *потому что* такое запаленіе учинится изволеніемъ Божіимъ а не отвѣтчиковымъ умышленіемъ (Там же, с. 67).

Придаточные предложения причины, присоединяемые союзом *потому что*, очень широко представлены в памятнике Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. Автор использует этот союз и при изложении чисто военных правил и в различных других случаях: И я надеженъ что доброрадѣтельныи читатель мнѣ того возло непоставитъ, *потому что* иные творцы которые проратную мудрость писали также проступленіе имѣли (с. 1); и подобаетъ ему ратному же человѣку мѣрное житіе вести паче чернца вмонастырѣ *потому что* онъ ввеликомъ страхованіи (с. 27); и тотъ ⟨мужикъ⟩ его прибыльнѣе *потому что* деревенской мужикъ когда смолотиломъ своимъ вряду стоитъ и он товарища своего которой переднимъ незашибетъ абьетъ куды ему надобно, *потому что* онъ тому извыченъ (с. 41); и я бы чаялъ что такой строй не только что ратнымъ людемъ, но такъ же и всѣмъ христіянскимъ государемъ прибылнѣе и угоднѣе было, *потому что* перво такимъ строемъ всѣ полковники довольную и полную мѣру могучи прожить, не стали бы такъ пещися и вымышляти какъ денегъ добыти (с. 47—48).

Сложноподчиненные предложения с союзом *потому что* отмечены не только в деловых документах, где употребляется в основном этот союз, но и в других весьма разнообразных по содержанию памятниках, преимущественно светской тематики. Этот союз, по-видимому, достаточно нейтрален стилистически, и в памятниках, где он отмечен, наряду с ним могут встречаться и другие союзы причины, которые имели отчетливую стилистическую принадлежность. Например, предложения с *потому что* в Путешествиях (Гогары и московских купцов) встречаются наряду с причинными предложениями с союзами *бо*, *понеже*, *зане*, в Ска-

зании про Бову-королевича — наряду с *понеже* и *зане*, в сочинениях протопопа Аввакума — наряду со всеми остальными известными в XVII в. союзами причины.

Примеры с союзом *потому что* из других памятников: Да въ той великой церкви сдѣланъ кладезъ для потребъ причетниковъ церковныхъ, *потому что* служатъ во весь годъ священници, и діакони, и крилошани, и дьячки, и пономари и живутъ безвыходно изъ года въ годъ (Пут. Гогары, с. 114); Да ту-жъ въ лѣвой странѣ сдѣланы отходы внѣ церкви, и отходовъ съ шесть для тѣхъ причетниковъ церковныхъ *потому что* изъ той церкви Турскіе люди не часто впущаютъ причетниковъ (Там же); . . .а животнаго въ себѣ море Содомское ничего не имѣетъ; а пити тою воду никому не мочно, *потому что* вода всяко животно в себѣ уморяетъ (Пут. моск. купцов, с. 148); . . .чтоб велелъ у нас принять с рук наших свою государеву вотчину Азов град для светов предтечина и николина образа, *потому что* им, светом, угодно тут всем Азовым градом заступити (Пов. об азов. взятии, с. 81); . . .а то уж у нас речи не было, *потому что* язык наш от истомы нашея во устах наших не воротится (Там же, с. 77); И яз не могу против таковаго славнаго короля стоять, *потому что* у него войска соберетца многа (Сказ. про Бову, с. 464); . . .а себе б в мошну не копить и рубашки б с себя пропить, *потому что* легче будет ходить (Сатиры о пьянстве, с. 122); Пожалуй меня, богомольца своего, хотя зде, на Колмогорах, изволь мне быть или как твоя государева воля, *потому что* безответен пред царским твоим величеством (Аввакум, Письма, с. 193).

В наших материалах много примеров сложноподчиненных предложений с союзом *для того что*. Однако этот союз не имеет такого обращения в памятниках разнообразных жанров, как союз *потому что*. Он отмечен наряду с *потому что* в Уложении 1649 г. и в памятнике Учение и хитрость ратного строения пехотных людей.

Как неоднократно отмечалось в научной литературе, союз *для того что* — наряду с причинными отношениями — может обозначать также и отношения цели. Такое явление мы наблюдаем и в наших материалах, однако в ряде случаев примеры с союзом *для того что* имеют четкое причинное значение: А которыхъ порубежныхъ городовъ. . . и имъ того въ вину не ставити *для того, что* они съ Литовскими и съ Немецкими порубежными людьми живутъ смежно (Улож. 1649 г., с. 14); а ѣздити тѣми ихъ мостами и перевозами всякихъ чиновъ людемъ, чей кто ни буди, безъ мостовщины и без перевозного *для того, что* они мелницы по дорогамъ устроили, и перевозъ завели, гдѣ преже сего не бывало, для своего пожитку самовольствомъ, не бивъ челомъ государю (Там же, с. 24); А несудимыхъ грамотъ въ городы никому не давать *для того, что* отъ несудимыхъ грамотъ въ городѣхъ всякимъ людемъ чинятся продажи и обиды и убытки великіе (Там же, с. 51; в этом примере имеется дополнительный целевой оттенок

значения); Красенъ тотъ чинъ и *для того, что* тѣ земли и люди всякъ усвоего промыслу содержится. И торговыя люди уторговли опасены (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 22); Атакія незнающыя хвастуны многажды настравкахъ, и набояхъ урядниковъ и товарыщей своихъ побиваютъ пострѣлятъ и проколютъ, *для того, что* они оружіемъ владѣти неумѣютъ (Там же, с. 41); И то добрѣ добро, только прото я здѣсь ничего необъявлю, *для того что* правдѣ нигдѣ мѣста нѣтъ (Там же).

Возможны случаи, когда с союзом *что*, начинающим придаточное, в главном предложении корреспондируют два сочетания с предлогом *для*: А у нынѣшняго у царя у турецкаго Орнаутъ-паша Орняутьскіе земли полоняникъ былъ, да удался против недруга крѣпко стояти и полки пробивати, да Кораманъ-паша— Кораманскіе земли полоняникъ *для того* имъ слава повышена, *для* ихъ великія мудрости, *что* умѣютъ царю служити і против недруга крѣпко стояти (Пересветов, с. 76).

В Уложении 1649 г. мы отметили пример, в котором придаточное причины и главное предложение соединяет союз *для того что*, осложненный дополнительно частицей *же*: А будетъ гдѣ и на государевых мостахъ и на перевозахъ, гдѣ будутъ вѣрные головы и целовальники, или откупщики, проѣзъжимъ людемъ учнутъ чинитися какіе убытки и простои *для того же, что* у нихъ мосты и на перевозѣхъ паромы и плоты будутъ худы: и тѣ убытки проѣзжимъ людемъ, по суду и по сыску, взяти на вѣрныхъ головахъ и цѣловальникахъ, или на откупщикахъ (с. 23).

Подобные примеры, по-видимому, показывают, что сочетание *для того что* — несмотря на его большую употребительность — не было полностью грамматикализовано.

В наших материалах в качестве союза причины функционирует сочетание *за то что*: А будетъ тотъ заимщикъ на судѣ кабалу лживя, и не сходя съ суда въ томъ повинитца, что онъ тое кабалу лживилъ напрасно: и на немъ долгъ взять по кабалѣ въ однорядь *за то, что* онъ вину свою самъ объявилъ (Улож. 1649 г., с. 74); Да он же, Афонасей Пашков, двух человек, Галахтиона и Михайла, бил кнутом *за то, что* один у него попросил есть, а другой молыл: «Краше бы сего житья смерть!» (Аввакум, Письма, с. 192).

Возможны случаи разрыва этого сочетания текстом: первая его часть — *за то* — используется как коррелят к союзу *что*. Интересен пример из письма протопопа Аввакума: И он, Афонасей, ево, Иякова, *за то* бив кнутом, жжег до смерти. И к моему протопопову зимовью мертваго кинул под окошко, *что* он Ияков, на пытке творил Исусову молитву (с. 192). В зависимости от того, как рассматривать в этом тексте сочетание *за то что*: как сложный союз или как местоимение с предлогом и отдельно союз *что*, — должен решаться издателем вопрос о членении текста на самостоятельные предложения. Если здесь сложный союз, тогда не должно быть точки после слов *до смерти* и слова *жжег* и *кинул* следует считать однородными сказуемыми одного предложения.

Наряду с союзом *за то что* нами отмечен случай употребления союза *за сие что*, в котором *то* (местоимение среднего рода) соответствует *сие*. Так, в сочинении протопопа Аввакума: Посем указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену вести *за сіе, что* браню от писания и укоряю ересь Никонову (Аввакум, Житие, с. 69).

Среди сложноподчиненных предложений с придаточными причины отмечен ряд примеров, в которых употребляется другой местоименный по происхождению союз, представленный вариантами *иже* (*и* — муж. р.) и *еже* (ѥ — ср. р.). Этот союз, известный русским авторам из старославянских источников, получил распространение в книжном языке в качестве союза, вводящего главным образом определительные придаточные предложения. В этом случае он мог сохранять согласование с определяемым словом главного предложения. Как союз причины *иже* в старорусских памятниках употреблялся редко, и современному русскому языку он неизвестен. В работах по истории русского языка, посвященных, в частности, сложноподчиненным предложениям, *иже* в числе причинных союзов обычно не называется; в таком значении (в форме *оже* и *ѡже*) он отмечен Е. Ф. Карским [17], но, судя по числу примеров, также как весьма мало распространенный.

В рассматриваемых ниже примерах с *иже* в качестве союза причины этот союз, как и местоименный союз *что*, никакой грамматической связи с членами главного предложения не имеет, а служит лишь знаком лексико-синтаксических отношений между содержанием главного и придаточного предложения. Эти отношения не всегда строго причинного характера; в наших примерах это скорей аргументация, к которой возможно еще присоединение изъяснительного оттенка: Потомъ и самъ кроль тому удивился и похвалилъ мя, *иже* самъ не уподобился азъ безумнымъ, прежде мене на сіе дерзнувшимъ (Письма Курб., с. 132); Все видячи, да погибаютъ, *иже* гордымъ Богъ противится і неутолимый, гнѣвъ на нихъ напущаетъ вовѣки. . . (Пересветов, с. 67); і вражба ихъ Бога прогнѣвала, *иже* таковаго царя мудраго осѣтили вражбами своими і уловили лукавствомъ своимъ і укротили воинство его (Там же, с. 72); Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотрети, *иже* лежат трупи крестьяньские аки сенныи стоги, а Дон река три дни кровию текла (Сл. о Кулик. битве, с. 41). В последнем примере придаточное предложение с *иже*, корреспондируя с *бо*, служит еще для пояснения и введения дополнительных аргументов. Причинное значение придаточных предложений с *иже* может быть дополнительно подчеркнуто соединением этого союза с такими сочетаниями предлогов и местоимений, которые были распространены в сложноподчиненных предложениях и упот-

[17] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области Лаврентьевского списка летописи. Л., 1929, стр. 67—68 (отд. оттиск).

реблялись в составе других сложных союзов причины, например, *для того, того ради*: А еже пишеши, имянующи насъ измѣнники, *для того, иже* есми принуждены были отъ тебя по неволе крестъ целовати, — яко тамо есть у васъ обычеи, аще бы кто не присягнулъ, горчаишею смертію да умретъ, — на сіе тебѣ отвѣтъ мои . . . (Письма Курб., с. 131); тако же и другіи отвещеванія оставляю, *того ради, иже* достоило отвещати тебѣ и отписати на твою епистолію. . . (Письма Курб., с. 136).

Приведенные примеры с *иже* свидетельствуют о том, что, по-видимому, в русском языке рассматриваемого периода намечалась тенденция включить союз *иже* в систему средств для обозначения причинных отношений. Однако такая тенденция могла возникнуть только в узкой сфере книжного употребления языка, и ей не суждено было развиться в дальнейшем.

Еже в качестве союза причины представлено в нашем материале в двух примерах (в первом случае — при введении цитаты; во втором — при пояснении придаточного с союзом *понеже убо*): и каиса вперѣ (д) тако не творити со всеми своими *еже* есть писано скоръ гъ (с) на млть свою, истинно кающисѧ (х) приемлетъ, и великимъ грѣхомъ свободѫ дарѵетъ (Домострой, с. 25); И сице убо намъ въ таковѣхъ зельнѣхъ скорбехъ пребывающимъ, и понеже убо таково отягченія не могохомъ понести, *еже* не человѣчески сотвористе (Письма Ив. IV, л. 154).

В тексте ряда изученных нами памятников наблюдаются случаи, когда два разных союза выступают как один, и этот двойной союз располагается также между главным и придаточным предложением. При этом каждый из входящих в такое сочетание союзов в других примерах зафиксирован как самостоятельный союз с причинным значением (*понеже+бо, занеже+бо, яко+бо. . .*). В качестве второго союза употребляется слово *бо*, реже *убо*. Особенно много сложноподчиненных предложений причины с двойным союзом *понеже бо* отмечено в Московском летописном своде конца XV в. (25 примеров), встречаются двойные союзы в письмах Ивана IV и в других произведениях преимущественно не-делового характера. Примеры:

понеже бо: и великаа же княгиня Софья часа того послала по сына своего, великого князя Василья, *поне же бо* в тои же пяток въсходящу солнцу перевезелся бяше за Волгу, на усть Дубны (Моск. лет. свод конца XV в., л. 380); Они же пришед тамо многое множество богатьства взяша, *поне же бо* не успѣша выбѣжати люди сущии тамо, ниже товара вывести или похоронити где (Там же, л. 384); . . .а из Новагорода послал князь велики сына своего князя Юрьи въ Псковъ в недѣлю сыропускную, *поне же бо* обидяху их нѣмцы (Там же, л. 385); . . .людемъ же всѣм въ отчаании сущим и бѣгающим, кому гдѣ избыти от таковаго страха, *поне же бо* вельи темно бысть и вихоръ страшен бѣ. . . (Там же, л. 386 об.); Истомно же тогда было и нутрь городу, *поне же бо*

вѣтрене было и вихоръ многъ, но бог сохрани его (Там же, л. 392 об.); а в то время князь велики не былъ, ни мати его, ни братиа его, всѣ были в Ростовѣ, *поне же бо* тогда тамо немощна была мати их великаа княгини (Там же, л. 418); . . .что бы государь пожаловал, оборонил ихъ от Нѣмець, *поне же бо* уже перемирье отошло их, а идут на них Нѣмци (Там же, л. 422 об.); Сицевое убо мое моленіе на вы вопіетъ къ Богу моему, паче вашего безумія, *понеже бо* иное проліяніе крови вашея за православіе, иное же, чести и богатства желая (Письма Ив. IV, л. 171 об.); Богу попущающу за многія грѣхи наша, а дьяволу дѣйствующу, *понеже бо* онъ обычей имъ отъ сложенія міру (Пов. Кат.-Рост., с. 568—569); но зѣло стужаютъ Ми злобами своими и лукавыми нравы, *понеже бо* церковь мою осквернишa злыми своими праздными бесѣдами, и Мнѣ ругатели бываютъ (Пов. о видении, с. 182); . . .и умышляет злыми своими умыслы съ Сердомирскимъ съ Юшкомъ со Мнишкомъ — *понеже бо* слышахъ отъ нѣкихъ людей, что тотъ Мнишекъ Юшко былъ въ Риму Латынскій мнихъ, и сверже съ собя мнишескій образъ и бысть бѣлецъ, и воеводою поставленъ во своей отчинѣ, яко же и Гришка Отрепьевъ (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 722);

занеже бо: Видѣхомъ нѣкоторыхъ съ нами идущихъ поклонитись гробу Господню, и паки видѣхомъ ихъ къ Богу отшедша на пути; *зане же бо* бѣ на пути многи скорби бываютъ отъ беззаконныхъ Турковъ и отъ Аравитянъ на морѣ и на сушѣ (Пут. моск. купцов, с. 141);

яко бо: И таково бѣ възмущение в них яко же древле въ Иерусалимѣ бысть, егда предастъ его господь в руцѣ Титовѣ, *яко бо* то ти тогда, тако и сии меж себя брань творяху (Моск. лет. свод конца XV в., л. 399 об.).

То обстоятельство, что слово *бо* выступало и в функции союза, и в функции частицы с усилительным значением (=современному *ведь* [18]), создавало благоприятные условия для использования его в качестве второго компонента двойных союзов причины. К тому же, так как *бо* закрепилось на втором месте после слов, на которое падало логическое ударение, то, будучи поставленным после союза причины, оно естественно акцентировало на нем внимание [19], и таким образом все сочетание (например, *понеже бо*) становилось более выразительным. Эти свойства слова *бо*, по-видимому, и определяли тенденцию к образованию с ним сложных (двойных) союзов типа *понеже бо*, *яко бо* по образцу уже имевшихся в языке союзов (ср. *ибо*, *убо*).

---

[18] См.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 160.

[19] Напомним слова А. А. Шахматова о частице: «Эта та часть речи, которая включает в себя слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении грамматические формы или предикат». И далее А. А. Шахматов выделяет две группы частиц — препозитивные и постпозитивные (А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 1941, стр. 506).

В Письмах Ивана IV часто встречаются предложения с двойным союзом *понеже убо*: А еже нѣчто мы облыгаемъ православныхъ, — и не, *понеже убо* уподобился еси аспиду глухому, по пророку глаголющему . . . (л. 144); Азъ же убо ни о чесомъ хвалюсь въ гордости и никако же гордѣнія желатель, *понеже убо* свое, царьское содѣваю и выше себя ничто же не творю (л. 174 об.).

По-видимому, при образовании союза *понеже убо* действовали те же тенденции, что и при образовании союза *понеже бо*, однако союз *понеже убо* получил гораздо меньшее распространение.

Союз *понеже убо* в Письмах Ивана IV нельзя определить как собственно причинный. Он употребляется в сложных конструкциях, отражающих приподнятый полемический стиль, где трудно выделить с уверенностью сложноподчиненные предложения и соответственно определить главные и придаточные. Весь синтаксический строй писем и синтаксические связи между частями часто не могут быть квалифицированы по стандартным правилам. Интересующий нас союз *понеже убо*, кроме причинного значения, по-видимому, мог иметь еще оттенки условия и следствия. Этим можно объяснить случаи, когда предложения с союзом *понеже убо* начинают фразы, которые представляют собой некоторое синтаксическое единство, но не могут быть строго определены как сложноподчиненные предложения. Приведем некоторые примеры: Смотри же убо се и разумѣи, каково правление составляется въ разныхъ началехъ и властехъ: и *понеже убо* тамо быша царіе послушны епархомъ и сигклитомъ, и въ какову погибель пріидоша (л. 140 об.); *Понеже убо* Гіиозіову прокаженію уподобился еси, яко же онъ благодать Божію на злате продаде, тако убо и ты злата ради, на христіанъ воздвиглъ еси (л. 141 об.); и *понеже убо* злоба неутолима явися и разумъ неприклоненъ обличися, — сего ради повинныя по своеи винѣ таковъ судъ пріяли. Се убо по твоему разуму «сопротивно обрѣтеся, разумѣвая», еже вашеи воле не повинухомся? *Понеже убо*, сами имуще совѣсть непостоянную и крестоприступну и малого ради блистанія злата пременену, се убо и намъ совѣтуете! (л. 155).

Необходимо отметить, что в рассматриваемых конструкциях часто встречаются соотносительные слова *(сего ради, по сему, се убо, тако убо)* или же в них дополнительно употребляются другие причинные союзы.

В случаях, когда придаточные предложения с двойными союзами типа *понеже бо* расположены в постпозиции и в главном имеются соотносительные слова, выражение синтаксических отношений представляется достаточно отчетливым: . . . а сам князь великы не поехал в город *того дѣля поне же бо* моръ бѣ у них тогда (Моск. лет. свод конца XV в., л. 454).

В наших старорусских материалах отмечено употребление в сложноподчиненных предложениях еще двух союзов, которые принято относить к союзам причины: *елма* и *ано*. Приведем примеры: Еже да есть нам богатство во обещанных, искушает бо сим

искушением нынешним и утверждает нам чаемая. Да *елма* же малогодная суть сице, то како будет вечная? (Аввакум, Письма, с. 263); Да аще невышнему тщета бывает, *елма* сего солнца не видит, то какова тщета будет слепому, не хотящу истиннаго солнца, Христа, видети? (Там же); А мы поехали к ширьванше во и коктулъ и били есмя ему челомъ, чтобы насъ пожаловалъ, чемъ доити до Руси И онъ намъ не далъ ничего, *ано* насъ много (Хож. Аф. Ник., л. 371).

Елма — по происхождению союз старославянского языка и в русской письменности распространения почти не получил. Примеры с союзами *елма* и *ано* представляют интерес как свидетельство наличия разнообразных путей и способов, которыми располагал язык для отбора тех основных средств выражения причинных отношений в рамках сложноподчиненных предложений, которым было суждено утвердиться в русском языке.

Особо следует выделить предложения с нечетким причинным значением, в которых придаточное присоединяется к главному посредством союза *ино*. Такие примеры отмечены в Домострое. Они обстоятельно рассмотрены в монографии М. А. Соколовой [20]. Мы согласны с мнением автора, что этот союз употреблялся в очень нерасчлененном значении и предложения с ним не имели отчетливой подчинительной связи между главным и придаточным предложениями. Бесспорным примером сложноподчиненного предложения причины М. А. Соколова считает следующий: а ѡ кѵпли и ѡ продажи ни с кемъ брань и тѧжба не бывала. *ино* добрые люди во всѣмъ верили, и здѣ і иноземцы. . . (с. 68). Но если учесть, что весь отрывок из Домостроя, в который входит это предложение, написан в форме предписания, то и в этом примере *ино*, «вскрывая причинно-целевые отношения, по своему значению приближается к *чтобы*, с одной стороны, и к *так как*, *потому что*, с другой» [21], т. е. этот пример следует рассматривать в одном ряду с такими, как: А коли хлѣбы пекутъ, тогды и платья моют *ино* с одого сътрепня а дровамъ не убыточно (с. 27).

СТАРОУКРАИНСКИЕ И СТАРОБЕЛОРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ

В белорусских и украинских памятниках письменности XV—XVII вв. мы находим примеры сложноподчиненных предложений причины в основном с теми же союзами, которые употреблялись в памятниках старорусского языка [22]: *бо*, *понеже*, *занеже* (*зане*,

---

[20] М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI в. Л., 1957, стр. 100—103.

[21] Там же, стр. 102.

[22] Мы не рассматриваем сложноподчиненные предложения с союзами причины, которые бесспорно заимствованы из польского языка: *абовѣм*, *бовѣм*, *поневаж*, *гдыж* и др.

занюж, заеже. . .), што, для того што, потому што, ижъ (иже, же), яко. Однако в характере функционирования сложноподчиненных предложений с этими союзами имеются специфические для отдельных языков особенности. Рассмотрим предложения с каждым союзом.

В старобелорусских памятниках письменности *бо* — самый употребительный союз причины. В отличие от старорусских памятников, где *бо* неизвестен деловому языку, в привлеченных нами старобелорусских материалах *бо* в качестве союза причины в сложноподчиненных предложениях встречается в языке разнообразных по содержанию памятников: в грамотах, деловых документах, в богословских и других сочинениях. Однако в зависимости от жанра памятника изменяется характер употребления союза *бо*: в памятниках церковно-книжного характера, в летописях отмечаются случаи (иногда весьма многочисленные) употребления *бо* на втором месте [23], во всех же остальных — *бо*, присоединяя придаточное предложение, стоит на первом месте, т. е. сразу после главного.

Сложноподчиненные предложения с союзом *бо* на первом месте в придаточном: А про то ваша милость на насъ не рачьтѣ дивити, што есмо вашихъ купцовъ на тотъ часъ къ собѣ не пустили; *бо* то есть во всихъ земляхъ таковъ обычай (Полоцк. гр. 1475 г. 2 марта. — РЛА, № 263); а им иншии имена датковы против того достались *бо* небожчик дадко мой из жоною своею плодъ дѣтей не мал (Вил. гр. 1490 г. — Arch. Sang., т. I, № 94); . . . взялъ его к собѣ за сына мѣсто *бо* въ себѣ дѣтей приплодку ничого не мелъ . . . (Минск. гр. 1502 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 73); неж(ь)ли матка его Андрѣевая Алюхна передъ нами не стала, *бо* дей на томъ часъ была прихорела, и порѫчила речь свою сыну своему тому Мартину (Вселюб. гр. 1517 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 321); И Шимко, сынъ Петриковъ, ѿказалъ: «и въ тотъ дворъ самъ оувязываюся, и тебе ж(о)ну вонъ: *бо* то дворъ не пана твоего, — нашъ!» (Слоним. гр. 1519 г. — Литов. метр. «т. I, кн. 3, № 72); И если бы чого въ нихъ не доставало, пильнѣ оглядѣли (*бо* дошли до мене таковые слухи, ижъ немало перелъ и клейнотовъ на тыхъ часѣхъ, по отъѣханью моемъ, зъ скарбу церковного погибло) (Брест. гр. 1609 г. — АЗР, т. IV, № 178); И тая неправда передъ тымъ и теперь при васъ найдуется: *бо* то все зло зъ вашее стороны дѣется (Копыс. гр. 1615 г. — АЗР, т. IV, № 196); а потом бы оныи, хто пустил на присегу, хотел доводити на него, же не справедливе присягнул; тогды вжо не маеть искати, *бо* его сам ку присязе пустил (Литов. ст. 1529 г., с. 51); естлибы отецъ втекъ отъ детей до земли неприятельское, а дети оставилъ по собѣ

[23] Ср. мнение А. П. Груцо, считающего, что причинный союз *бо* в белорусской письменности XIV—XVII вв., как и в современном белорусском языке, обычно употребляется в начале придаточного предложения (А. П. Г р у ц а. Развіцце складназалежнага сказа у беларускай мове. Мінск, 1970, стр. 186—187).

и не были бы делные, тогды таковое имене спадываетъ на нас Господара, *бо* чрезъ выступ отца их власного вже они сут отдалены от имена их, и хотя бы и летъ не мели (Там же, с. 3); На томъ же сейму Варшавскомъ ничого доброго не усеймовали, *бо* межи панами была великая незгода . . . (Лет. Баркул., л. 142 об. — 143); И то могли сенаторове слышать добре, *бо* были окна на улицу, а гукъ немалый тежъ былъ людей (Там же, л. 148 об. — 149); Тотъ помаленку уводилъ новый календарь, *бо* былъ родомъ полякъ и мовилъ пополску (Там же, л. 153 об.); мало хто при рекахъ великихъ сена косилъ, *бо* и до восени поводки великие были (Там же, л. 173 об. — 174); и приказа(л) . . . на то(м) мѣстци гдѣ бы его зжогъ вси(х) кнзеи Лито(в)ски(х) и знамениты(х) бо҃а(р) инде телеса мртвы(х) не бы(ли) жьжены ѡдно та(м) *бо* пере(д) ты(м) жигали тѣла мртвы(х) на то(м) мѣстци где хто оумре(т) (Лет. Крас., л. 70 об. — 71); . . . и жо(л)неровъ королевски(х) побили, и кнзА Швитрыга(и)ла выпустили зъ железъ, *бо* седѣлъ на Креме(н)цу деветь лѣ(т) (Лет. Рачин., с. 264—265); . . . не мо(г)ли стоҍати противъ великого кнзА Вито(в)та, *бо* ѯ Вито(в)та бо(л)ша҃а сила была (Там же, с. 253); а кто в него слоужиль хлѣбь єго єль а чашю пиль, то за любовь єго не може слоужити никомоу же но желахоу всА дни. живота своєго по своємь г(с)дри презлишь *бо* слоуги своа҃ люблѧше (Лет. Супр., л. 23 об.); . . . але єсмо снове жидовскїе, а правдоу поведає҃ *бо* мы были єсмо при ѿдаванїю марїи (Страсти Христ., л. 18 об.); да нине вы нехаите чл҃вка того, *бо* не есть достоенъ смрти (Там же, л. 20); Они же для женъ поганскихъ богомъ ихъ поклонишася, *бо* которыи Жидъ пришолъ къ жонце поганской, хотячи съ нею блудъ учинити, она же вынемши зъ пазухи своей болванца, дабы прежь поклонился ему (Спис. пр. люторов, с. 119); Ино то не къ симъ врем(я)мъ мовено, *бо* на онъ часъ еще вѣра Христова не простреся увезде (Там же, с. 116); ажъ намъ мило было того щастя заживати, *бо* и панъ, и мы вшитцы знались мы велику милость отъ вшиткихъ людей (Дневн. Евлаш., с. 150); И прыехалъ Трыщан з дружиною и, зседшы с конеи и сели, *бо* еще Брунор былъ не прыехал (Пов. о витезях, с. 74); . . . и знѧлъ гелмъ з головы, *бо* ему была голова употѣла (Там же, с. 98); онъ же з братьею — три ихъ — одну клячу, слугу з согайдакомъ оказалъ, бо дей чергою служать (Сп. татар дом., с. 1372).

Приведенный материал свидетельствует о весьма широком распространении в старобелорусском письменном языке сложноподчиненных предложений с союзом *бо* в начале придаточного предложения. Такое употребление *бо*, по-видимому, не имеет какой-либо стилистической окраски, и это делает удобным использование *бо* в качестве подчинительного союза во всех случаях, когда была потребность выразить семантико-синтаксические отношения причины между главным и придаточным предложениями.

Примеров сложноподчиненных предложений с причинным союзом *бо*, стоящим на втором месте в придаточном предложении, особенно много мы находим в Списании против лютеров — памятнике религиозно-полемического содержания. Здесь такие примеры представлены массовым материалом, а случаи с *бо* на первом месте отмечены только в восьми примерах (см. выше). Слово *бо* в этом памятнике, как и в древнерусском языке, очень употребительно и в качестве частицы с широким кругом не очень отчетливых значений, и в этих случаях *бо* стоит обычно после слов, к которым относится. Приведем примеры с союзом *бо* на втором месте в придаточных предложениях причины: Егда Моусеи въ пустыни приступилъ до куста, хотячи видети огон(ъ), реклося до него: «Моисій, иззуи сапогъ съ ногъ твоихъ, мѣсто *бо* свято ест(ъ), на немже стоиши» (с. 105); и аще кто олово (о)зметъ, тщету возлюби: не само слово тщета, добро *бо* и то въ часъ потребы, но лишеніе лѣпшаго тщету возлюби (с. 147); Кроме жь поста и воздержания и удаленія отъ мира неудобъ справляемо есть: благодать *бо* Божия и велико дарованіе, еже сподобитися кому такого жительства (с. 153); Образъ же сего Самъ Господь Собою положи: по крещеніи *бо* изыиде въ пустыню, и постися 40 дней, и тако победи искусителя (с. 153); Преже іереи молитву у стола сотворять: отлучено *бо* есть вкусити что прежде молитвы (с. 178).

В Списании против лютеров союз *бо* очень широко используется при цитировании текстов религиозного содержания, которые приводятся при аргументировании различных положений. Союз *бо* употребляется как в самом тексте цитат, так и при их введении: И гласъ бысть до Мефодія: «кътому о семъ не стужай божеству его, ради *бо* моленія святыхъ Моихъ помиловахъ Феоѳила» (с. 133); Видиши ли, не яко требуя Богъ приносовъ и Авелевыхъ, Самъ *бо* рече у псалмѣ 49-мъ: «познахъ вся птица небесныя, и не ямъ мяса юнча» (с. 141). Такое употребление союза *бо* в этом памятнике, безусловно, связано с его религиозным и полемическим содержанием. Однако принадлежность текста к старобелорусскому языку все же сказалась в том, что, как указывалось выше, в восьми случаях *бо* стоит на первом месте в придаточных причины. Такие примеры в старорусских памятниках аналогичного жанра, как правило, отсутствуют.

Кроме того, сложноподчиненные предложения с *бо* в качестве союза причины, стоящим на втором месте в придаточном предложении, мы отметили в старобелорусских летописях: того лѣта поиде из Литвы въ Црьгра(д) Романь чернець на митрополию и выиде не приняше *бо* его Кияне (Лет. Акад., л. 150 об.); и присылаше к немѫ велиції ардыньскїи кнзи прицаѧ емѫ по(д) великѫю слѫжбѫ и просяща оу него цра на црьство много *бо* баше ѡрьдыньскы(х) велики(х) црвъ слѫжать во дворѣ е(г) ... (Там же, л. 164 об.); ...предасть кнжение свое ѡлъгови. ꙗко

о рада емоу соущи. и сна его Игора бѣ *бо* малъ еще дѣтескь (Лет. Супр., л. 5); рече Добрына Новгоро(д)цемь, просите Володимера бѣ *бо* и Малоуша сестра Добрыни. а оць и(м) Малко, Любеченинъ (Там же, л. 10 об.).

В староукраинских памятниках письменности мы обнаружили также примеры сложноподчиненных предложений с союзом *бо*, который может стоять на первом и на втором месте в придаточном причины. Традиция ставить *бо* на втором месте здесь также идет от древнерусского языка, и она связана с влиянием преимущественно религиозной литературы различных жанров, а *бо* на первом месте в придаточных мы находим в памятниках литературы светского содержания, в грамотах и других документах делового характера. Однако и в памятниках религиозно-полемического содержания в придаточных причины союз *бо* ставится не только на втором месте. В язык этих книжных жанров проникает общая тенденция закрепить за *бо* функцию союза причины, и этим объясняются примеры с *бо* на первом месте в таких памятниках, как История о разбойничем флорентийском соборе, в Книжке И. Вишенского и др.

Примеры с союзом *бо* на первом месте в придаточных причины: «Один правдиве Богъ есть, который всѣхъ Богъ, въ Отц(и) и Сынѣ и Святѣмъ Дусѣ порозумѣваемый, *бо* отъ Своей истности Отецъ Сына родилъ и Святого Духа испустилъ» (Ист. о Флор. соборе, с. 452); Але ижъ южъ добре ся былъ заюшилъ и оплюскалъ в крови христіанской, *бо* ся збытие у валькахъ кохалъ, и покою нерадъ межи крольми видѣлъ (Там же, с. 462); Скоро посилъ насъ щедробливостями Твоими, Господи, *бо* есмо обнищали назбыть (Там же, с. 473); Але за тымъ, то, абы для того костелъ мѣль быти повшехный одинъ правдивый в Римѣ, *бо* еще старшій надъ Петра Христосъ былъ въ Иерусалимѣ. . . (Отв. клир. Острож., с. 416); Што и васъ подобно не минеть: *бо* южъ начинено зъ васъ много смѣховъ, в чомъ ся не можете обачити, а бодайбы не была толко послѣдняя горша первыхъ: *бо* если зъ васъ такъ съ початку насмѣвиска чинять, — што розумѣете — конецъ якій будетъ? (Там же, с. 429); Если хочеш быти преложоным, духовно зовомом, от мене ищи и мнѣ угоди, а бога занедбай; *бо* от того не леда як таковые достойнства дарованы бывают, а я скоро тобѣ дам (Виш., Книжка, с. 12); Не ругай же ся, бѣдниче пане, иноческому чину, сыном царства небеснаго, не ругай? *Бо* далеко хлоп от шляхтича розност мает (Там же, с. 43); Нехай он тут не идет! Никому не фолгуйте, *Бо* нѣчого тут По нему не бут (Слово о збуреню пекла); Ова, буду ся боронити як могучи, *Бо* не подобает ми из своего панства утечи (Там же); Повторне прошу тя, Ісусе, не напастуй пекла мого Анѣ мене, *бо* не винапастуеш нѣчого (Там же); Возьмі пирох, що там маеш, Та зіиш, *бо* на вічні вікі Тут буду терпити мукі! (Интерм. Гаватовича); Ест для чого гоиныи слезы выливати, Сердцы, усты и шатми жал свой освѣдчати, *Бо* ото смерть горкая невчесне порвала Славного рыцера, с которого похвала Кролю

пану и Речи посполитой была, *Бо* его слава в многих краях земных слыла (Вірши Саковича); а тое вам ознаймуем, же до нас присилают о мир просячи, але ми їм до конца не вїрим, яко хитрим людем, *бо* вони нас так миром і присягою своею не раз зражают (Укр. гр. 1648 г. — Воссоед. Укр. с. Рос., т. II, № 34); А в нас що ся штрафит, то і ми будем справедливост скутечную чинит, *бо* винного завше треба карат (Укр. гр. 1651 г. — Воссоед. Укр. с. Рос., т. III, № 14); А ваша милость, рач причинится до его царского величества, аби нас ратовал, *бо* відаем, же на нас знову наступоват схочут (Укр. гр. 1652 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 110).

Примеры с союзом *бо* на втором месте в придаточных причины: Яко апостоль уругаючися до таковыхъ мовитъ: «свѣтчу о нихъ, ижъ ревность або горливость Божію маютъ, але не ведле розуму; шукаючи *бо* свою правду поставити, правдѣ Божей погрѣшиш[я]» (Отв. клир. Острож., с. 383); Не розумѣйте або не мнимайте, абымъ, пришолъ вкинути покой на землю; не придохъ *бо* възрещи покой, а мечь; пріидохъ *бо* разлучити человѣка противъ отца своего. . . (Там же, с. 401); Коляды змѣст и з сѣл учением выженѣте; не хочет *бо* Христос, да при его рождествѣ диаволские коляды мѣстце то мают, але нехай собѣ их в пропаст свою занесет (Виш., Книжка, с. 44); Петр и Павел молят вас, если хочете от них ласку мѣти, да потребите и попалите колыски и шибеницѣ на день их, чиненые по Волыню и Подолю и где бы ся толко тое знаходити мѣло; мѣрзко *бо* им на землю с небеси смотрѣти на тое диаволское позорище христианским людем збираючися (Там же, с. 44); бѣгайте на покаяние, донели же время вѣка вашего продолжися вам, — по смерти *бо* покаяния не обрящете! (Там же, с. 57); Куди ся той Ісус повернет, треба нам о том знати; Вън *бо* кажет: що из ним нам жарти (Слово о збуреню пекла).

Обратим внимание на то, что в ряде примеров союз *бо* используется при цитировании религиозных текстов. Интересны примеры, в которых при цитировании религиозных текстов союз *бо* в придаточных предложениях причины стоит на первом месте. Такого порядка слов не могло быть в древнем источнике, эта черта могла быть внесена в канонический текст при его новом переводе на украинский язык или же здесь имеет место обычная ошибка под влиянием тенденции живого языка: Василі[а] Велик[а]го, на Аріа и на Евномі[а]: «Есть Отецъ, досконалую маючи бытность, не потребуючи ни отъ кого, *бо* ес[т]ъ корень и жродло самой істности» (Ист. о Флор. соборе, с. 450); Тогожъ Устина, отъ 14 главы: «Якъ Сынъ отъ Отца, такъ и Духъ; однакъже кшталтомъ Своего бытя рознятся: *бо* овый свѣтлость отъ свѣтлости презъ пороженье засвѣтился. а овый также свѣтлость отъ свѣтлости, не презъ пороженье, але похоженьем» (Там же, с. 452).

В старобелорусских и староукраинских материалах сложноподчиненные предложения с союзом *понеже* в придаточных причины употребляются гораздо реже, чем в старорусских памятниках.

В старобелорусских памятниках мы отметили этот союз в Списании против люторов: Почто? *Понеже* жилище имени Его наречется (с. 101); И въ лепоту: *понеже* зъ гордости глаголютъ намъ (с. 156); рекше плотию надменыи, *понеже* по плоти разсуждаетъ и дмется въ разуме своемъ, тщеславуяся (с. 165). В этом памятнике союз *понеже* употребляется в текстах, содержащих весьма далекие от жизни рассуждения на религиозные темы. Употребление союза *понеже* отмечено в летописи: а ѡ кн҃дзи Васильи невѣдомо есть. иныи глахоу ꙗко во крови оутопль есть *понеиже* маль бе. . . (Лет. Супр., л. 25).

В староукраинских памятниках, судя по нашим данным, союз *понеже*, по-видимому, был несколько более распространен, чем в старобелорусских источниках, о чем свидетельствует употребление его в грамотах, но все же и здесь он — принадлежность сугубо книжного языка.

Интересны случаи препозиции придаточных предложений с союзом *понеже*: Тамъже кгды еще у столу сѣдѣли, стался голосъ отъ вышнего к человѣку Божему: *понеже*, надъ волю Мою, ялъ еси хлѣбъ и пилъ воду тамъ, где я тобѣ заказалъ, не маешъ быти погребенъ з отцы твоими (Отв. клир. Острож., с. 395); Но *понеже* много нам еще не достают, сиречь покрова и икон честных, паки послати таможде дерзнухом, ведуще неоскудну благодать величества его (Укр. гр. 1625 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 25). Препозиция придаточного в данных примерах, по-видимому, подчеркивает, что наряду с причинной связью между содержанием главного и придаточного имеет место также и следственная связь.

Приведем другие примеры из староукраинских материалов с союзом *понеже* в придаточных причины: и просимо всѣхъ васъ. . , сътворѣте подобающую милостыню отъ избытковъ имѣній вашихъ на сіа недостатки ради спасенія вашего: *понеже* вси купно братство церковъ знову заложили муровати. . . сподѣваючися на милость Божію и на христіанское посполитое споможеніе (Львов. гр. 1592 г. — АЗР, т. IV, № 32); Сию же термину, начисто преведши, и иншим всѣм знати о том дайте, *понеж* не о лычко или о ременец идет, але о цѣлую кожу, се есть о спасение душ наших (Виш., Книжка, с. 8); Не видите ли, иж подетинѣли есте а не толко подетинѣли, але смѣле мовлю, што и побѣснили, *понеж* в прелест заблудили (Там же, с. 39); Аще не можете великое подвига покаяние показати, *поне* дух свой в православной вѣрѣ испустѣте, да не от всѣх частей бога отпадете (Там же, с. 57); Да подаст нам от великого государства своего руку помощи и рать нам отпустит в помощь на ляхов, *понеже* король приходит на нас со всею силою лядцкою веру православную, церкви божия и народ православно-христианский от земля потребити хотяй (Укр. гр. 1653 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 183).

В старобелорусских и староукраинских памятниках письменности для выражения причинных отношений в сложноподчиненных предложениях используется союз *зане(же)* и его варианты

(*занюж*, *заеже* и др.). В отличие от союза *понеже*, который использовался только в языке произведений книжных жанров преимущественно религиозного содержания, союз *зане(же)* и его варианты мы отметили в старобелорусских грамотах, в летописях, в Повести о витязях, а также в произведениях с религиозно-полемическим содержанием: А съ-с Москвичи торговати вашимъ Немьцемъ; также нашему Полочанину межи ими ходити, торговати: *занеже* на насъ Москвичи тамьгу емлютъ (Полоцк. гр. 21 июня 1405 г. — РЛА, № 154); И то еще вызнали, аже владычніи люде слѣдъ гонятъ по Лисичіи Бродъ и уздаютъ Тополничаномъ, *занеже* Тополничане имѣютъ су владыкою границю, а Стрѣлковци не имѣютъ (Погонич. гр. 1422 г. — АЗР, т. I, № 31); . . . ани затю ей кнѧзю Семенѫ того имѣньѧ подь мною не искати, *занѫжь* то ми постѫпили вѣчно и непорѫшно (Вил. гр. 1482 г. — Arch. Sang., т. I, № 83); ино великому князу того до насъ не надобѣ и всказывати, *заньже* Стефанъ, воевода Волоскій, голдовникъ нашъ, и мы зъ Божьею помочью боронити его хочемъ отъ всякого его непріятеля, какъ-то подданого и слугу нашого (Западнорусск. гр. 1486 г., — АЗР, т. I, № 88); а сына его Мартина выдали есмо имъ шиею въ томъ злодействе, *зан(е) же* былъ блудъ, зъ ѿцомъ своимъ не жилъ (Вил. гр. 1510 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 43); а Вѣликомѫ кнзю Ꙗкга(и)лѫ и кнзю Ски(р)гаилѫ нѣ могѫчи стоѧти проти(в) кнзю Вѣлико(м)ѫ Витовтѫ. *Заню(ж)* оужо оу кнзѧ вѣликого Витовта бо(л)шаѧ сила тог(д)ы собираласѧ была (Лет. Крас., л. 77 об.); а кнѧгинѧ Великаѧ его Анна бѣ тог(д)а в Горо(д)нѣ Вилневци же тог(д)а невдашесѧ емѫ *заеже* тог(д)а правдѫ да(л) королю Скиргаилоу (Лет. Акад., об. 181—182); и нача его лѣчити многими лѣкарьствы и главѫ емѫ постриже рань ра(ди) *зане* много р(а)неньи ѡчаѧвсѧ бе живота (Там же, л. 181); Вилневци же тог(д)а не вдашасѧ емоу. *зане* бѣ тогда правдоу дали королоу Скиригаилоу (Лет. Супр., л. 98 об.); ѧзь же того не свѣмь *занже* бѣ(х) тогды мла(д) (Там же, л. 101); и стоѧли слоуги жидовскіе и слоужебници и ѡгнь складше грѣлисе *заноу* зима была (Страсти Христ., л. 7); а не бы ни ѡди на то свѣте комоу бы своего млрдїа заборони *заню* тоую цнотоу име ѿ своего престго прироженїа (Там же, л. 9 об.); которого з них бы ты хотѣла миловати, Паламидежа албо нашого рыцэра, *занюж* ѡни ѡба тебе милуют? (Пов. о витязях, с. 30); Вели конѧ готовати и едмо у твою дорогу, *занюж* не верну сѧ до королѧ Артиуша (Там же, с. 98); Вѣру ми ими, еще болши от других потреба, *зане* дворское злое житие всѣ границы прироженя и цноты кгвалтует (Виш., Книжка, с. 28); Третяя причина: ругает и безчестит мир, *зане* не любят его очи мироугодные, што нецудный кшталт ношеня вымышлен (Там же, с. 26); Ато для того диавол на словенский язык борбу тую мает, *зане ж*

ест плодоноснѣйший от всѣх языков и богу любимший (Там же, с. 23). В исследованных нами материалах союз *зане(же)* всегда начинает собой придаточное предложение, которое следует за главным. Примеры с препозицией придаточных с *зане(же)* мы не отметили. По-видимому, случай такого порядка следования частей предложения, когда придаточное с *занеже* предшествует главному, на который обратил внимание А. П. Груцо, является единичным[24].

В языке изученных нами старобелорусских и староукраинских памятников слово *яко* в качестве союза причины в сложноподчиненных предложениях употребляется, так же как и в старорусских памятниках XV—XVII вв., весьма редко и преимущественно в произведениях с религиозной тематикой. Характер семантико-синтаксических отношений между содержанием частей в таких сложноподчиненных предложениях определяется также недостаточно отчетливо.

Примеры из старобелорусских памятников: а хто бы колвекъ с тых выше мененых войны неслужил або приехавши на рокъ не пописался, а хотя и пописался а шиху не дождалъ, або и шиховався а без воли гетмановы поехал прочь, тотъ имене свое тратит под тым обычаем *яко* войны не служилъ. А то будетъ у Господарской ласце (Литов. стат. 1529 г., с. 13); а ины(х) моукь на(д) хрстѧны, и(х) же скаре(д)но не писахомь, *їакоже* ни ѡ(н)тиѡ(х) Сирскыи ни Сулътанъ законопрестоупныи те(х) моукь не сотвори на(д) хрестѧны (Лет. Супр., л. 96 об.); Были дивние голосы и мнеманя людцкие о той смерти его; я замилчывамъ, *яко* неведомый въ тымъ ничого певного (Днев. Евлаш., с. 157).

Примеры из староукраинских памятников: О патріарха — тамъ мало философій в головѣ: латве его на кождую сторону накеруетъ; а и тотъ тымъ рыхлѣй дасться повабити, кгды чимъ посвѣтятъ, бо тежь не закинетъ за себе, *яко* то есть прироженье Кгрецкое, за злото вылупилъ бы собѣ очи (Ист. о Флор. соборе, с. 461); и тая ихъ самая новоутворена(а) згода, *яко* не зъ волею Божею зачата, такъ не есть Богу пріемна, такіе тежъ зъ ней и овоцы родитися почали (Отв. клир. Острож., с. 380—381).

Обратим внимание на то, что в первом староукраинском примере *яко* присоединяет предложение пояснительного характера; во втором — придаточное предложение с *яко* находится в препозиции, и это привносит условно-следственный оттенок причинной связи.

Союз *яко* с соотносительными словами *для того* используется для присоединения придаточных причины в произведениях И. Вишенского, например: А ты для чого, брате, посмѣваеш инока — или *для того*, *яко* он ест прост в хитрость, а ты мудрец в лукавство? (Книжка, с. 30). У этого же автора мы находим причинное сочетание *для того як*: Ато *для того*, *як* да и ему будут поспѣш-

[24] См.: А. П. Груца. Указ. соч., стр. 202.

ници до ласки божое, которое сам знайти не может, за забавою власти и ряду миру чинячого (Там же, с. 32). Проникновение *як*-союза из живого разговорного языка в произведение автора, стиль которого характеризует строгое следование книжным традициям, по-видимому, можно объяснить близостью звукового состава обоих союзов.

Как в старобелорусских, так и в староукраинских материалах *яко* используется при цитировании богословских сочинений: Приходить ему еже зрѣти Бога: «блаженни бо, рече, чистии сердцемъ, *яко* тии Бога узрятъ» (Списание пр. люторов, с. 83).

Таким образом, союз *яко*, заимствованный в восточнославянских языках из старославянских источников, употреблялся только в книжно-религиозной сфере и имел соответствующую стилистическую окраску. Сложноподчиненные предложения с этим союзом характеризовались нечеткими семантико-синтаксическими отношениями между главным и придаточным предложениями. Он не проникал в деловые документы и тем более в разговорную речь, и ему не было суждено закрепиться в качестве союза причины ни в одном из восточнославянских языков.

Старорусскому *что* в старобелорусских и староукраинских памятниках письменности соответствует вариант *што*. Здесь этот союз также редко используется один, без соотносительных слов.

В старобелорусском материале такие примеры во множестве представлены только в Повести о витязях:

И король мовилъ: Тобѣ есть погинути *што* еси хотела Трыщано або мене уморити (с. 11); нашли Трыщана велми ранена и велми слаба ѡт крови, *што* его кров сошла и не мог на ногах стоꙗти (с. 22); и ѡн ‹Трыщан› легъ спати, *што* был вельми труденъ и ѡпухнулъ велми ѡт вдару (с. 36); Мы есмо винни, *што* дали пить оное пиво не знаючы (с. 69).

В староукраинских памятниках примеры с союзом *што* для обозначения причинных отношений между главным и придаточным предложением мы отметили в Книжке И. Вишенского:. . . гнѣвает бо ся Креститель на землю Вашу, *што* ся на день памяти его попущаете диаволу ругатися вами. . . (с. 44).

Как отмечает А. П. Груцо, первые примеры употребления сложного союза *для таго што* в старобелорусской письменности относятся к концу XV в., особенно широко этот союз используется в Литовской метрике [25]. Мы отметили этот союз еще и в Повести о витязях: Годно еи ест умрѣт, а инакъ не може быти *для того*, *што* хотѣла сына твоего уморыти (с. 12); и гледѣлъ на него злыми ѡчыма, иж сѧ ему видело, што ѡн чынить великии сором рыцэромъ; *дла того* Трыщанъ на него мѣлъ гневливое сэрцэ и мыслилъ ему зло на сэрцу, *што* видел его так красного рыцэра

[25] См.: А. П. Груца. Указ. соч., стр. 197.

и годного ко всему добру (с. 30). В последнем примере части союза *для того што* еще располагаются дистантно.

В староукраинских памятниках союз *для того што* с причинным значением встретился в грамоте XV в.: а то есми продалъ для частое службы господарское и *для того, што* мнѣ не отчына, але набыте (Влад. гр. 1440—1492 г. — АЮЗР, т. I, № 70).

Приведенные данные об употреблении сложного союза *для того што* в памятниках письменности старобелорусского языка, а также данные старорусских и староукраинских материалов дают основание для утверждения, что этот союз хотя и не был широко распространен, но употреблялся в качестве союза причины во всех трех восточнославянских языках. Сочетание предлога и местоимения *для того* употреблялось и с другими союзами. В частности, в белорусском языке мы отметили: *для того же, для того иж, для тое причины*. Это дает нам основание усомниться в правильности предположения А. П. Груцо о том, что сложный причинный союз *дзеля таго што* в современном белорусском литературном языке является калькой с русского *ради того что* [26]. Нам представляется более вероятным, что союз *дзеля таго што* в современном литературном белорусском языке — наследие старобелорусской литературной традиции.

Сложный союз *потому што* встречается в западнорусских материалах еще реже, чем союз *для того што*. Мы отметили его употребление в белорусской грамоте XVII в.: и панове рада къ намъ братьѣ своей отписали, што мѣста на зъѣздъ намъ великим посломъ съ вашими великими послы иншого, мимо указъ соймовый и мимо прежніе обычаи, отмѣнять не мошно, *потому што* скони вѣка за предковъ нашихъ и за предковъ вашихъ такъ повелося (Копыс. гр. 1615 г. — АЗР, т. IV, с. 196).

В тех же грамотах мы отметили сложный союз *за тымъ што*: а *за тым што* ваши послы невысланы, зъѣздъ на той день за вашимъ непоспѣхомъ быти не можетъ (Копыс. гр. 1615 г. — АЗР, т. IV, № 196). Этот союз употребляется и в современном белорусском литературном языке. Однако в нашем примере придаточное с союзом находится в препозиции и причинная зависимость содержания главного от содержания придаточного предложения дополнительно подчеркивается словами *за вашим непоспѣхомъ*.

В старобелорусских и староукраинских памятниках для обозначения причинно-следственных отношений между содержанием главного и придаточного предложений используется союз *ижъ* (*иже, же*) [27]. Сложноподчиненные предложения с этим союзом в большинстве случаев характеризуют четкие причинно-следственные отношения, он утратил согласование с именами и вполне грамматикализован в качестве союза причины, хотя и используется в сложноподчиненных предложениях и для обозначения

---

[26] См.: А. П. Груца. Указ. соч., стр. 198.
[27] Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 486.

других семантико-синтаксических отношений. Придаточные предложения причины с союзом *ижъ* могут употребляться как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к главному [28], нам встретились также примеры с интерпозицией. Однако для обозначения собственно причинных отношений наиболее характерно расположение придаточного именно в постпозиции: Яко з давних часов, так і тепер его царскому величеству естесмо прихилними і не зичимо того, аби гнів який межи людми его царского величества і межи нашими заходив, *же* тут у нас купцов его царского величества забрано (Укр. гр. 1650 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 167); . . . тогды таковый лист моцы мети не будетъ, *иж* замолчалъ, и спадываетъ тое имене за се на отчица. . . (Литов. ст. 1529 г., с. 23); и прыехалъ та(м) кнзь Ке(с)ту(ти) самъ и сподобаласѧ ему вельми *и(ж)* была велми кра(с)на таѧ дѣвка и розу(м)на (Лет. Рачин., с. 246); потомъ... ѡтвазавши милостивого пана ба ѡ столпа на лавици его посади[ии]. *иже* велми оутомилъсе и трохленъ на нога стоꙗти не моглъ (Страсти Христ., л. 7); и мене бедноую оуложите ис ни *иже* лихо ми поле его живои быти (Там же, л. 15); поиди гне *иже* староста зове тебе (Там же, л. 17).

Примеры с препозицией придаточных с *иже* мы отметили в старо-украинских материалах и в старобелорусском памятнике Страсти Христовы: Але *ижъ* з собою ся замешали и посварили, до которой посварки сам апостолъ умыслне далъ имъ причину, — прото тымъ снадиѣй в тотъ часъ отъ нихъ ушолъ в цѣлости (Отв. клир. Острож., с. 403); На што *ижъ* не барзо теперъ княжа его милость способный, прото не вѣм, если бы до того теперь прійти могло (Там же, с. 411); . . . але *иже* даро роуки поднимала. прото ихъ наза споускала сплетены, да *иже* не могла досѧгноути (Страсти Христ., л. 114). В этих трех примерах причинное значение предложений с *ижъ* подкреплено коррелятом *прото*. Вообще же в таких конструкциях с препозицией придаточных логико-синтаксические отношения выражены неотчетливо и структура предложений в целом недостаточно четко оформлена.

Сложноподчиненные предложения с *иж* в качестве союза причины очень часто встречаются в Повести о витязях: Ты-сь смерти заслужила *иж* королевича уморыла (с. 10); Если не будет рана ꙗдовита, мушу его покинути, *иж* ему не могу помочи (с. 25); а коли сѧ ѡни ѡба напьют, проли ѡстанок, бо если бы сѧ хто иныи того питѧ напил, много бы сѧ зла могло стати, *иж* сѧ то именует милост-

---

[28] См. об этом подробнее: А. П. Груца. Указ. соч., стр. 200, 201. — Считаем необходимым добавить, что в примерах с препозицией придаточных с *ижъ* причинно-следственные отношения между содержанием главного и придаточного предложений обычно бывают осложнены дополнительными оттенками значений, например изъяснительными или условными.

ное пите (с. 68). В последнем примере союзом *иж* вводится второе причинное предложение, поясняющее первое, которое вводится союзом *бо*. Вариант союза *иже — же* очень часто использует в своем «Дневнике. . .» Евлашевский: ажъ, о которомъ мней надеи мелемъ панъ Андрей Ждановичъ Доровский, и по смерти му добре слово зоставую, *же* ме пенезми былъ поратовалъ. . . (с. 135); а то снать чинилъ зъ побожности своеи, *же* волю свою подбиялъ подъ волю Божу (с. 262);

Сложноподчиненные предложения с причинным союзом *ижъ* (*иже* и др.) часто содержат в составе главного предложения корреляты (или соотносительные слова), уточняющие характер семантико-синтаксических отношений между содержанием главного и придаточного предложений. С помощью таких коррелятов и при условии постпозиции придаточных с *ижъ* достигается четкое обозначение причинно-следственных отношений. Коррелят и союз могут быть на стыке двух предложений (и тогда образуется сложный союз, например *для того ижъ*), а могут быть случаи их разрыва за счет того, что коррелят отодвинут к началу главного предложения.

Наиболее часто встречается причинное сочетание союза *ижъ* с коррелятом *для того*, т. е. сложный союз — *для того, ижъ* на стыке двух предложений: . . . жебы на тотъ рокъ . . . до крева не ехали . . . *для того, ижъ* под тымъ часомъ перемир(ъ)е выходить, потреба за часу собранья войска (Вил. гр. 1563 г. — РИБ, т. XXX, кн. 7, № 32); . . . тое именье мне ѿписала вечно, *для того, иж(е)* ми выправы не дала (Вил. гр. 1509 г. — Литов. метр., т. L, кн. 2, № 66); . . . Иванъ куцка здалъ з себе гетманство козацкое *для того, ижъ* у войску великое своволенство. . . (Лет. Баркул., л. 66 об.); . . . тогды при нихъ кладывали ногъти рыси або медвежьи *дла того иж* мели вѣру тѫю . . . иж бы Бгъ мел прiити и седѣти на горе высокой судити живых и мртвых на котороую ж горѫ трѫдно боудет оузоити без ногтеи рысих або медвежих (Лет. Крас., л. 71); . . . и на поручнику черезъ чии руки пенязи далъ, искати немаетъ *для того, ижъ* то онъ учинилъ на тую уставу нашу (Литов. ст. 1529 г., с. 75); . . . и прышол до великого палацу у великои жалости, а наиболше и *для того, иж* пры нем не было меча его (Пов. о витязях, с. 40); ато сила вражья куда хочет ногами твоими поворочает *для того, иж* власть в ногах твоих мает и сама под пятою сѣдит (Виш., Книжка, с. 29).

В следующих примерах коррелят *для того* и союз *иж* (*же. . .*) расположены дистантно: . . . люди . . . ажъ до потопа мяса не яли, и предся живи и дужи были и *для того* не умерли, *же* его не яли (Списание пр. люторов, с. 169); Вѣмъ, королю, иж еси всимъ королемъ коруна, *для того* есми прыехалъ, *иж* вемъ у тебе наболшых витезеи (Пов. о витязях, с. 101); А горше ‹умирает› чем? *Для того*, по Давиду, «*иж* смерть еста грѣшником люта» (Виш., Книжка, с. 34). В этом примере И. Вишенский использует возмож-

ности, которые дает дистантное расположение частей союза для введения цитаты.

С союзом *ижъ* могут корреспондировать другие соотносительные слова, состоящие также из сочетания предлога с местоимением (*про то*, *по том* и др.). Однако таких примеров мы встретили значительно меньше: ѡтосла его до герода *прото и* изъ его бы волости албо моци бы (Страсти Христ., л. 9); Гаваѡнъ рек *по том* познати доброго рыцэра, *иж* за их великую смѣлость ѡни носѧть два мечы (Пов. о витязях, с. 28).

В. И. Борковский отметил: «Поскольку союзы *иж* (*иже*) характерны для старинных белорусских и украинских памятников деловой письменности, но не для русских (великорусских) памятников той же письменности, следует признать справедливым вывод, что употребление указанных союзов поддерживалось влиянием польского языка»[29]. Наш материал показывает, что союз *ижъ* (*иже*) употреблялся не только в деловом, но также в религиозном и светском обиходе старобелорусского и староукраинского письменных языков. Возможно, имелась тенденция поставить этот союз в ряд причинных союзов и уточнить его значение с помощью грамматикализованных сочетаний его с соотносительными словами, т. е. создать сложные союзы *для того иж*, *потому иж* и пр. Союз *ижъ* был для этого достаточно нейтрален стилистически и обладал необходимым универсализмом для обозначения подчинительных связей (как, например, союз *что*). Однако в современных белорусском и украинском языках такие союзы отсутствуют.

В старобелорусских летописях и в произведениях религиозно-полемического жанра мы также отметили образование сложных союзов *понеже бо* и *занеже бо*: а великомоу кнзю Ігаилѹ и Скригаилѹ не возможно ѹже стати противѹ емоу *занюже бо* оу него сила велика собраласѧ (Лет. Акад., л. 178 об.); а великомоу кнзю часто воющи Литовъскоую землю а великомоу кнзю Ігаилоу и Скиригаилоу. невозможно вже стати противоу его, *занже бо* оу не(г) сила велика собраласѧ (Лет. Супр., л. 95); И не поклоняются еретики теперь иконе ... Хрістове, *понеже бо* не смѣютъ (Списание пр. лютеров, с. 53).

Для староукраинского языка на аналогичное употребление двух союзов — «книжно-славянского союза *понеже* и народно-разговорного *бо*» — вслед за В. Ф. Сычем указывает А. Я. Спринчак[30]. Однако полагаем, что в данном случае мы имеем дело не с одновременным употреблением двух различных по стилевой принадлежности союзов. Как показывают русские и белорусские материалы, сочетания двух союзов типа *понеже бо* имели место во

---

[29] В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 138.

[30] А. Я. Спринчак. Сравнительно-историческое изучение придаточных предложений причины в восточнославянских языках. «Филологические науки», 1971, № 3, стр. 70.

всех трех восточнославянских языках изучаемого периода. Такое сочетание союзов характерно в первую очередь для языка памятников с церковно-книжным содержанием. В этой узкой сфере обращения языка весьма вероятно усиление взаимовлияния трех языков, и случаи образования двойных союзов типа *понеже бо*, которые мы отмечали для русского языка, легко могли получить распространение и в украинской и в белорусской литературе аналогичного содержания.

Примеры употребления двух союзов в одном предложении свидетельствуют, по нашему мнению, о том, что в религиозно-книжной литературе наметилась тенденция путем сложения двух самостоятельных союзов создавать двойные союзы типа *понеже бо*. Однако эта тенденция не получила широкого распространения и такие двойные союзы не закрепились ни в одном из языков.

Влияние же народно-разговорного стиля в языке произведений того же И. Вишенского, откуда приводит примеры А. Я. Спринчак, по нашему мнению, сказалось в том, что этот автор, употребляя *бо* в качестве союза причины, ставит его на первое место в придаточных предложениях (см. выше о союзе *бо* в староукраинских материалах).

В исследованных нами памятниках письменности восточнославянских языков XV—XVII вв. сложноподчиненные предложения с причинным союзом *ибо* представлены незначительным количеством примеров. В старорусских материалах примеры употребления союза *ибо* отмечены в письмах Ивана IV и протопопа Аввакума: Но сія подобаше рещи, егда паче достоянія кто начиная, обаче лѣпотно дѣти мнящеся, *ибо* ниже се мощно съѣденному (Письма Ив. IV, л. 164 об.); Многа же се есть благодетельства указание, *ибо* яже по сих уцелемудрити хотя, таков умысли образ мучения, иже пременити его от греха можаше (Аввакум, Письма, с. 254).

В старобелорусских и староукраинских памятниках союз *ибо* встречается также весьма редко и только в текстах высокого стиля с богословским содержанием: не по многомъ часѣ пристоупили рекли петрови за правду ты ѡ ни᷍ еси *ибо* бесѣда твоꙗ ꙗвѣ тᲭ творить (Страсти христ., л. 8); . . . от щедролюбивыя десница вашеа царския милости восприяхом, да не согбенна будет и стисненна на предреченыя нужныя потребы, усердне и умиленне паки молимся. *Ибо* желательне хощем, да вашей царской милости всегда от иеромонахов наших глаголющее в молитве последует . . . (Укр. гр. 1626 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 33); *Ибо* рече: «Дом мой, дом ест молитвы, а не вертепу и корчмы и ярмарку» (Виш., Книжка, с. 44). В последнем примере *ибо* используется при введении цитаты из евангелия.

Таким образом, наши материалы подтверждают мнение тех исследователей, которые считают, что в XV—XVII вв. союз *ибо* употреблялся в сочинениях высокого стиля, преимущественно на богословские темы, и был чужд деловой и разговорной речи как

для русского языка [31], так и для белорусского [32] и украинского [33]. Несмотря на наличие в восточнославянских языках XV—XVII вв. разнообразных способов для выражения причинных отношений средствами подчинения с помощью союзов, мы наблюдаем еще и случаи как бы переходного типа. Так, в ряде примеров вводится не обычное придаточное предложение, а подобие прямой речи, т. е. изложение немотивированно переводится в план другого лица и при этом может быть употреблен союз причины или же — только соотносительные слова без союза: А только тотъ, кто лихими дѣлы похвалялся, въ лицахъ будетъ, и съ пытки на себя въ томъ воровствѣ говорити не учнетъ: и онъ отъ того дѣла свободенъ; а что онъ въ томъ дѣле пытанъ будетъ, и то ему учинитца отъ себя, *по тому* на что было ему похвалятца лихими дѣлы (Улож. 1649 г., с. 62); Да на тѣхъ же людехъ, кто не провѣдавъ подлинно приметъ чужого крестьянина, или бобыля, имати на тѣ годы, сколько за кѣмъ жилъ, за государевы подати, и за вотчинниковы и помѣщичьи доходы, и по десяти рублевъ на годъ, *для того*, не провѣдавъ подлинно, не пріимай чюжаго (Улож. 1649 г., с. 83); Теж уставуем, естли хто чого на ком искал, а выдал бы светков, а тые бы светки на противку его посвѣтчили, а мелъ бы потомъ на тыхъ свѣткохъ искати, *иж* есте вы несправедливе светчили; тогды оный, который светки выдал на свои светки, не мает ничого доводити (Литов. ст. 1529 г., с. 51); Паче же и утѣшеніе можетъ быти, *понеже* тамъ особъ кождо о своемъ пекися (Письма Ив. IV, л. 717 об.); И ни накакова капитана вътомъ вины класти немочно, *для того* как то быти можетъ, что на такихъ короткихъ походѣхъ капитаномъ салдатовъ своихъ такъ выучити и наставити мочно (Уч. и хитр. ратного строения, с. 48); . . . а великое Донское Войско веселящеся, наипаче просвещаетьца божиим одарением: мало *бо* нас господъ бог наказа, а много помилова (Пов. об азов. взятии, с. 53).

Примечательно, что такие примеры мы находим в Соборном уложении царя Алексея Михайловича и в Старом литовском статуте 1529 г., т. е. их употребляли при формулировании законов.

В XV—XVII вв. экстралингвистическая обстановка для восточнославянских языков была очень сложной. Письменный язык подвергался одновременному влиянию нескольких тенденций. Важнейшие из конкурирующих сторон — старая книжная традиция, идущая от древнерусского языка и отвечающая растущим потребностям точности и однозначности тенденция, которая ро-

---

[31] См.: Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 222; А. П. Степенко. Указ. соч., стр. 325.

[32] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 187; Т. А. Шуб. К генезису и истории союза *ибо* в славянских языках. «Уч. зап. ЛГУ», 1956, т. XV. вып. 4, стр. 92—93.

[33] А. Я. Спринчак. Указ. соч., стр. 70; см. также: Л. Л. Гумецька. Функції первинних сполучників в українській актовій мові. «Дослідження і матеріали з української мови». Київ, 1959, стр. 54.

ждается в сфере делового обращения языка; на это наслаивалось влияние других языков (старославянского, польского) и возрастающее влияние народно-разговорной стихии.

В этих условиях объект нашего исследования — сложноподчиненные предложения причины с союзами — представляет собой очень неупорядоченное звено грамматической системы. Во всех трех восточнославянских языках имеются многообразные средства для обозначения причинных отношений в рамках сложноподчиненного предложения, но эти средства еще часто неспецифичны для причинных предложений, они же используются и при обозначении других видов синтаксических связей (в том числе и неподчинительного характера, например слова *бо*, *яко*, *ино*, *же* и др.).

С другой стороны, характер семантико-синтаксических связей также недостаточно четко дифференцирован: отношения причины синкретично связаны с отношениями цели, сходства, изъяснительными и пр.

В XV—XVII вв. происходит процесс отбора средств для выражения собственно причинных отношений в сложноподчиненном предложении. Этот процесс идет параллельно или, точнее, вслед за осознанием реально существующей причинной зависимости явлений. Процесс окончательного отбора, а затем и кодификации средств для выражения причинных отношений средствами подчинения во все трех языках завершится значительно позже изучаемого периода.

В нашем материале наблюдаются некоторые общие для всех трех языков моменты в процессе совершенствования средств для обозначения причинных отношений в сложноподчиненных предложениях.

Требование дифференциации средств обозначения конкретных семантико-синтаксических отношений приводит к различным путям отбора специфических формальных средств для выражения причинных отношений в рамках сложноподчиненного предложения. Некоторые из таких путей не получили широкого развития (образование двойных союзов типа *понеже бо*, *занеже бо*, *яко бо* и др.). Такие тенденции могли охватывать определенные жанры письменности во всех трех восточнославянских языках, но не выходить за их рамки. Другим же путям суждено было стать ведущими в развитии сложноподчиненных предложений (образование сложных союзов — на базе сложения старых многозначных союзов с уточняющими коррелятами). Общим для всех трех восточнославянских языков был и сам процесс отбора соотносительных слов (конкуренция *для того* и *по тому* и других вариантов: *по сему*, *тем*, *того ради* и пр.).

Для всех трех восточнославянских языков основная масса причинных союзов в рассматриваемый период еще общая (если не считать фонетических, а иногда и словообразовательных вариантов, не влияющих на значение). Своеобразие каждого из языков проявляется в степени распространенности и характере употреби-

тельности отдельных союзов. Например, старобелорусский и староукраинский языки наиболее ярко противопоставлены старорусскому характером употребления союза *бо*.

Наш материал показывает, что все многообразие средств выражения в сложноподчиненных предложениях семантико-синтаксических отношений, относящихся к кругу причинных, было в активном употреблении в восточнославянской письменности XV—XVII вв., хотя и существовала определенная жанрово-стилистическая их дифференциация. Все эти многообразные средства выражения причинных отношений использовались наиболее яркими и талантливыми авторами, например протопопом Аввакумом, Иваном Вишенским и др.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СЛЕДСТВИЯ

Придаточные предложения следствия указывают на следствие, результат, вывод, вытекающие из того, о чем сказано в главном предложении.

В отличие от других типов сложноподчиненного предложения, придаточное следствия относится не к одному члену главного предложения, а ко всему предложению, поэтому оно сохраняет относительную самостоятельность, подчинение придаточного предложения главному выражено слабее [1]. Эта специфика предложений следствия приводит к тому, что не всегда можно четко определить, с каким типом связи, подчинительным или сочинительным, мы имеем дело. См., например, ниже следственные предложения с союзом *ино* и местоименным наречием *так* [2].

Указывая на результат того, о чем сообщается в главном предложении, придаточное следствия тем самым характеризует, оценивает действие, состояние, признак, выраженный предикатом главного предложения. Таким образом, относясь к главному предложению в целом, придаточное следствия больше связано с группой сказуемого главного предложения, чем с группой подлежащего. При этом придаточное следствия может приобретать дополнительные, сопутствующие значения — меры и степени, сравнения и т. п. Например: Златоуст рече: «тогда бо плоть человеча легка будет и восперенна, добрыми делы носима, *яко* может ездить и по воздуху» (Аввакум, Письма, стр. 275).

Эта связь придаточного со сказуемым главного предложения становится более конкретной и определенной при наличии в глав-

---

[1] См. об этом: А. Н. Стеценко. Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV—XVI вв. Томск, 1960, стр. 191; А. П. Груца. Развіццё складаназалежнага сказа ў беларускай мове. Мінск, 1970, стр. 208.

[2] А. П. Грудо (указ. соч., стр. 215) еще расширяет круг переходных явлений этого рода, относя к ним, с нашей точки зрения неправомерно, сложносочиненные предложения, присоединяемые посредством союзов и союзных слов *вато, затым, для того, для тое причины*, которым в памятниках старобелорусского языка обычно предшествуют союзы *и* и *а*, например: и ѡнъ вынелъ въ него медъ корчомный, и *за то его* Ѭкубъ грабилъ (Литов. метр., 506, 1517 г.); А тыми разы тако жъ ся стало противъ зимы, и *для того* нельзя было намъ нашихъ пословъ великихъ къ тобе послать (Литов. метр., 457, XV ст.); а на завтрей свято римское — Трехъ Кролей припало *для тое причины* тая справа тыхъ двухъ дневъ не сужона (Акты Вил., 439, 1588).

ном предложении слов, соотносительных с союзом или союзным словом придаточного. В качестве таких слов могут выступать указательные местоимения и наречия: *таковой, так, тако, толико, толми* и др.[3], например: нъ *толми* бяше лютъ пожаръ. *яко* по воде огнь горяше, ходя чересъ Вълхово (I Новг. лет., л. 71); *Такова* запра҃ды была велико҃ст валчучи҃х *иж* дла҃ куику окрутного земла҃ дрижала (Александрия. с. 39); да *такою* болестїю и такими муками млтївыи гь҃ бы҃ се оутоми҃. *ижь* ни одноє речи ґазы҃ не може҃ вымолвити (Страсти Христ., л. 11).

Здесь подчинительная связь между придаточным и главным предложениями усиливается, значение следствия ослабляется, а одно из сопутствующих значений придаточного становится основным. В этих случаях мы имеем дело с придаточным сказуемым, меры и степени изи сравнительным, но не с придаточным следствия. Значение следствия здесь присутствует уже в качестве дополнительного оттенка.

С придаточными следствия нельзя смешивать близкие им по смыслу предложения, выступающие в роли главных, находящиеся в постпозиции к придаточным причины. В таких предложениях употребляются соотносительные с причинными союзы *и, ино, ино-то* и др.[4]

В старорусских памятниках для выражения следственного значения в придаточном предложении наиболее распространен многозначный союз *яко*[5]. Помимо следственного значения, этот союз употребляется для выражения причины, сравнения, цели, времени, условия и присоединяет к главному соответствующие придаточные предложения.

Многозначность союза приводит к тому, что значение придаточного предложения лишь в редких случаях бывает выражено четко и определенно. Чаще всего придаточное, присоединенное данным союзом, заключает в себе несколько значений, одно из которых преобладает, например: а корму начат не оставати, *яко* мнози христиане в посныа дни мясо ели, а кони их з голоду мерли, *яко* мнози от них и доспѣхи метали (Моск. лет. свод, л. 390 об.); Месяца маиа 31 с пятници на суботу канун всѣх святых мороз велми велик был, *яко* и лужам померъзнути, и всяк овощь поби огородноі и садове все обилье (Моск. лет. свод, л. 435); и до того доиде, *яко* всяко скверно и нечисто вкушаху и сами себя татебно побиваху и другъ друга снѣдаху (Пов. Кат.-Рост., с. 615); Излетает

[3] См. об этом также: А. Н. Стеценко. Указ. соч., стр. 191—192.

[4] Примеры таких предложений см. в разделе «Придаточные причины». См. также: Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к литературному русскому языку. Киев, 1958, стр. 382—384.

[5] О многозначности этого союза см. также: Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.—Л., 1964, стр. 217—218; Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Пг., 1923, стр. 185.

бо из рая и витает в кедрах ливанских. Красна и велелепа, перием созлатна и песни поет сладки, *яко* не восхощет человек ясти, слышавше ея гласы (Аввакум, Письма, с. 271).

Во всех приведенных примерах придаточное предложение, помимо основного значения следствия, имеет также дополнительный оттенок: значение меры и степени проявления действия или признака, выраженного предикатом главного предложения.

Иногда значение следствия усиливается побудительной частицей *да* или словом *должно*, подчеркивающими необходимость этого следствия, например: Въ недѣлю же должно есть звонити и начати въ началѣ г̑ часа. *яко да* станетъ трапеза въ началѣ д̑ часа. Тако же подобаетъ бывати и въ господскія великія праздники. и богородичины. и въ предтечевы ... и сихъ убо всѣхъ купно. *яко* въ день недѣльный *должно* есть творити въ началѣ г̑ часа (Стоглав, с. 62).

Союз *яко* может употребляться и в сочетании с частицей *же*, которая также усиливает следственное значение союза, например: Мѣсяца августа 31 день въ 1 час нощи уже исходящу ему бысть гром страшен и моланья велика, *яко же* попалити хотяще (Моск. лет. свод, л. 433 об.); И властолюбивъ велми бываше, и началниковъ всего Російскаго государства и воеводъ, вкупѣ же и всѣхъ людей Московского народу, подручны себѣ учини, *якоже* и самому царю во всемъ послушну ему быти и повелѣнное имъ творити (Пов. Кат.-Рост., с. 563); понеже ты молча уловляеши человеки, *яко же* и всего им лишитися имения, же долго время привлачаеши к себе на веселие (Сатиры о пьянстве, I пр. № 232).

В древнерусских памятниках (XI—XIV вв.) довольно широко в качестве следственного союза употреблялись союзы *оже*, *еже*, *иже*. Эти союзы имели ярко выраженный книжный характер и не были свойственны живому языку. Может быть, именно этим и объясняется тот факт, что позднее они выходят из употребления.

Новое явление для старорусского языка — употребление в следственном значении союза *что*. В рассмотренных памятниках он встречается редко. Например: И рече старец: «Государь, король Маркобрук, яз утешу добраго коня, *что* станет трех лет младенец ездить (Сказ. про Бову, с. 35); И въ то время бысть въ Московскомъ царьствѣ въ людѣхъ мятежъ великъ и крикъ и вопль, *что* изо многихъ дворовъ добрыхъ людей метаху вонъ (Ск. о Гр. Отрепьеве, с. 742).

Следственное значение могут иметь предложения, вводимые местоименным наречием *так*, например: Возвратилося солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и паки потече, и бысть во дни том и в нощи тридесеть четыре часа, понеже в десятый час отбежало; *так* в сутках десять часов прибыло (Аввакум, Житие, с. 57); Доброй прикащик человек, дочь у меня Ксенью крестил. Еще при Пашкове родилась, да Пашков не дал мне мира и масла, *так* не крещена долго была, — после ево крестил (Там же, с. 85).

Следственные предложения с местоименным наречием *так* достаточно самостоятельны, подчиненность их предыдущему предложению выражена слабо. Подчиненность эта увеличивалась при наличии союзов *же*, *иж*, *что*, например: бо книга его не преведена во Словенско, а естьли часть нѣякая и преведена, тогды *такъ* от нерадящихъ и отъ преписующихъ запсовано, *ижъ* неудобно ко выразумѣнію (Письма Курб., с. 443—444); *Так* горько ему, *что* не говорю: «пощади!» (Аввакум, Житие, с. 71). Здесь *такъ* и *ижъ* отделены друг от друга несколькими словами, наречие *такъ* играет в главном предложении роль обстоятельства образа действия, а союз *ижъ* относится к придаточному, в котором сочетаются два значения: меры и степени и следствия [6].

В следующих примерах наблюдаем первые для старорусского языка случаи употребления контактных сочетаний *так же* и *так что*, употребляющихся исключительно со значением следствия: Просто молыть, отрекся пред Никоном Христа, *так же* уже бедной, не сможет встать (Аввакум, Житие, с. 94); толко потому что сія старыя ходы дополна обвалилися и сорьемъ и всякою непригодностію засорены, *такъ*, *что* мнѣ одному одва возможно ли, и протяшко будетъ выкопывати (Уч. и хитр. ратн. строения, с. 3); И тутъ они временемъ пуще некакъ вънедруговѣ землѣ воюютъ, и всякое насилство чинятъ, неволятъ и грозятъ и истощатъ *такъ*, *что* бѣдныя люди всего своего имѣнія от будутъ (Там же, с. 32).

Причинно-следственное значение имеет придаточное, вводимое творительным падежом указательного местоимения *тѣмъ* в сочетании с частицей *же*: И тако пламенемъ восхищаемымъ отовсюду зажгоша, *тѣмъ же* вся великая Москва дымитца (Нов. Кат.-Рост., с. 607).

К сложноподчиненным предложениям с придаточным следствия примыкают по значению сложные предложения с союзом *ино*, (*ин*), употребляющимся в значении 'так', 'итак'.

Функции союза *ино* в древних памятниках русского языка очень широки, об этом говорит и перечисление его значений в словаре И. И. Срезневского: «но», «то», «так, и так» [7]. Л. А. Булаховский считает, что в противительном значении союз *ино* относится к сочинительным союзам, а при обозначении вывода — к подчинительным [8].

Употребление союза *ино* — один из примеров недостаточной дифференцированности сочинительной и подчинительной связи в определенный период истории русского языка, существования переходных типов соединения предложений. Так, в следующем примере в первом случае *ино* вводит самостоятельное предложе-

---

[6] См. подобные примеры в разделе «Придаточные предложения образа действия и меры и степени».

[7] См.: И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стб. 1100—1101.

[8] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий . . ., стр. 364, 391.

ние, во втором случае имеет значение результативности и соединяет два предложения, из которых последующее указывает на следствие, вытекающее из предыдущего: Іно такъ говорит волоскій воевода: Таковому силному государю годится со всего царства своего доходы к себѣ в казну імати і ис казны своея воинником сердца веселити; *іно* казнѣ его конца не будет, і царство его не оскудѣетъ (Пересветов, с. 63).

Ср. следующие аналогичные примеры, в которых союз *ино* имеет значение 'так', 'тогда': Запер их в пустую избу *ино* никому приступу нет к ним (Аввакум, Житие, с. 77); Турецкий царь Махмет-салтанъ самъ былъ филосовъ мудрый по своим книгамъ по турецкимъ, а греческія книги прочетъ, і написалъ слово в' слово по турецкіи, *іно* великія мудрости прибыло у царя (Пересветов, с. 71); «Брате Полкане, помирися с Бовою, *ин* вам не будет супротивника на сем свете» (Сказ. про Бову, с. 464); Князь же великы . . . а тако отвеща им.: «вѣдомо тебѣ, богомольцу нашему, и всему Новугороду, отчинѣ нашеи, колико от тѣх боаръ и наперед сего лиха чинилося, а нынѣча что ни есть лиха во отчинѣ нашеи, то все от них чинится, *ино* како ми за то их лихо жаловати их» (Моск. лет. свод. конца XV в., л. 430).

В следующих примерах предложение с союзом *ино* находится в причинно-следственных отношениях с предыдущим, а союз значит 'так', 'поэтому': и пѣши ходили, и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстехъ пили, — *ино* ужъ Литвѣ нельзѣ говорити, что не вездѣ коня нашего ноги были (Письма Ив. IV, л. 57); въ сердцахъ своихъ правды не помнят і Бога прогнѣваютъ, *іно* имъ мука вѣчная готовится (Пересветов, с. 72).

При дальнейшем формировании подчинительной связи, ее отделении от связи сочинительной союз *ино* выходит из употребления. Происходит это сравнительно рано. По-видимому, его нет уже в памятниках XVII в.[9]

В старобелорусских памятниках в придаточных следственных предложениях преобладают равноценные по частоте употребления союзы *ижъ (иже)*, *так ижъ*; здесь они встречаются значительно чаще, чем в старорусских памятниках.

Союз *ижъ* в белорусском языке многозначен; помимо следственных, он входит в состав придаточных причины, сравнения, меры и степени. В придаточных следствия он встречается очень часто: ягодъ, яблокъ, иныхъ овощовъ мало ся зостало для великихъ дождовъ, морозовъ, градовъ, толко грибовъ — абабковъ в лѣте велми много было зродило, *ижъ* кождый человекъ по двакротъ у грибы на день ходилъ (Лет. Баркул., об. 168); Были тежъ морозы великие, огнѣ клали, сами грелися, *ижъ* страшно и жалосно было гледѣти: три—два человеки на ден ледво сноповъ

[9] У Э. И. Коротаевой (указ. соч.) мы не находим примеров из памятников XVII в. с союзом *ино*.

40 нажнутъ овса албо ярицы, бо велми к земли прилегло (Там же, л. 164); и кгды король ѡ(л)бра(х)тъ во(и)ско свое роспу(с)тилъ и са(м) бе(з)печне ку кору(не) шолъ Волохове его во(и)ско зра(д)не поразили, *и(ж)* самого хорого ледве до По(л)ски провадили (Лет. Рачин., с. 275); слепъ есми сѧ народи *иже* голо чл҃вчіи слыша єсми але никого не вида єсми (Страсти Христ., л. 20 об.); прышолъ изъ своею дружыною и вбилъ кнѧзѧ изъ Норота своею рукою и сказилъ город ихъ, *ижъ* там камень на камени не зостал (Пов. о витязях, с. 13); (Н)очи теды пришлои, видѣ[х] во снѣ алеза[п]де[р] ижъ де[р]жалъ в руку ѣгоду, а покинувши на земли, те[р]лъ ю своими ногами *ижъ* з неи вино вытиснуль (Александрия, с. 39).

Во всех приведенных примерах наряду с основным значением следствия, результата присутствует в качестве дополнительного значение меры и степени.

В сложноподчиненных предложениях следствия широко распространен и союз *такъ ижъ (такъ иже)*. Как и в старорусском языке, этот сложный союз развился из местоименного наречия *так* и союза *ижъ* (*иже*), употребляемых в придаточных обстоятельственного значения в таких примерах, как: Пото[м] бы[х] до[ж]чъ велики' и темны' ѡболокъ, котори' *такъ* затми[х] повѣтрее *ижъ* пре[з] г҃ дни с(о)лнца не видѣли (Александрия, с. 90). В подобных примерах на первый план выступает значение образа действия или меры и степени, но также присутствует и значение результата, следствия. О преемственной связи сложного союза *так иж* с сочетанием «наречное местоимение *так* + союз *иж*» свидетельствует и следующий пример: а *та* поступова[х] проти василискови заставлючисе та[р]чею, *так и*[ж] ани головы ани ногъ ани жаднои стороны з боко[в] не было видѣ[т] (Александрия, с. 104).

Сложный союз *так иж* употребляется в памятниках только с придаточными следствия.

В старобелорусских памятниках, в отличие от старорусских того же периода, контактное употребление местоимения *так* и союза *иж* встречается довольно часто. Но не всегда наблюдается смысловое слияние этих двух компонентов, например: а ѡна єго вморыла руками єго жывот, затворыла у гробе подъ землею, зачаровавшы *такъ*, *иж* ѡнъ не был собою волен (Пов. о витязях, с. 60—61).

Чаще, однако, встречаются такие предложения, в которых сочетание *так иж* употребляется как сложный союз, а значение его приближается к значению современного союза *так что*, например: пото[м] смокове ро[з]личны[х] ба[р]въ и ꙗжове почали се квапи[т] ку ѡзерꙗ з великим кшика[н]емъ, *такъ и*[ж] ѡнаѧ вса земла з кшыка[н]ѧ и[х] стогнала (Александрия, с. 83); Пото[м] почали з неба ѓада[т] ѣкобы похо[л]ни ѡгнистыи, *такъ ижъ* все попали (Александрия, с. 90); и почала ѡкроутне и горко пла[ка]ти. *такъ иже* изъ ее тѧжкого материнско плаканїа коу силное смоутливости

милостївыи бо былъ сѧ пороуши (Страсти Христ., л. 2 об.); на тыѥ слова милостиваѧ панна марїа пала на землю. к нога своего милого сна. роуце ростѧгноувши на полы мертва. *та иже* ее наимилеишїи снъ прегорко и претѧжко почалъ вздыхати. вѣми жалобливе (Там же, л. 4 об.); около тысещъ 4000 з голоду мужей и женъ детей пошло, *такъ ижъ* страшно было видети, ижъ на улицахъ по дорогахъ, по гумнахъ, у ровехъ псы мертвыхъ многихъ тела ели (Лет. Баркул., об. 162); казалъ дѣлы муры бити а розвалѧти *так ижъ* длѧ густости куль и инъшихъ пострѣловъ, частю тэжъ длѧ частыхъ а потужных великого люду штурмовъ, жадэн чоловѣкъ до бороненьѧ муру прыступити не смѣлъ (Ист. о Атыле, с. 201).

В последних двух примерах придаточные следствия осложнены подчиненными им пояснительными конструкциями — в первом случае придаточным предложением с союзом *ижъ*, во втором — оборотом с предлогом *для*.

Реже в старобелорусских памятниках в следственном значении встречается союз *аж*, например: его преславное лицо такъ было оубито *ажъ* вѣ сѝ сталсѧ былъ (Страсти Христовы, об. 10—л. 11); а Трыщан его вдарылъ, *аж* сулица прошла плечо правоѥ, а ѡн пал на землю (Пов. о витязях, с. 62); пхнуѝ его *ажъ* впалъ в перекоѝ (Александрия, с. 30).

В с т а р о у к р а и н с к и х памятниках в придаточных предложениях следствия встречаются разнообразные союзы.

Один из наиболее употребительных среди них — многозначный союз *аж* (*аже*). Помимо следственного, он обладает определительным значением [10]. Союз *аже*, по-видимому, развился из *а оже* [11].

Например: простое одѣне носит, шито некшталтовне, як в мѣх оболокся, и зась: поасище нѣкчемное скураное или ремѣнное, черевичище нѣмаш на што погледѣти или чоботища невытръты, *аж* гадится погледѣвши на них (Виш., Книжка, с. 25); Тотъ папежъ так ся тиранскы обходилъ зъ Римяны, стиналъ, топилъ, душилъ што—переднѣйшіе особы, *ажъ* потомъ, не могучи болшей суровству его вытрывати, торгнулися на его Римяне, мусялъ в капици мнишой з Рима утечи (Ист. о Флор. соборе, с. 462); Патріарха Иосифъ, окрутное такое тираньство надъ своими видячи, жаловалъ того не по малу, и грызло его сумнение, *ажъ*

[10] См.: В. И. Б о р к о в с к и й. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 137.

[11] См.: А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, ч. IV. М.—Л., 1941, стр. 228; Л. А. Б у л а х о в с ь к и й. З історичних коментаріів до української мови. Сполучники і сполучні групи (речення). Синтаксичні особливості при них. «Наукові записки Київського державного університету», 1946, т. V, вып. 2, стр. 10.

отъ страху и от жалю памяти отходилъ (Там же, с. 465); И тие от страха великого аж на землю падали И через три години лежали, *аж* не худко встали (Сл. о збуреню пекла).

Часто встречаются в украинских памятниках рассматриваемого периода с придаточными предложениями следствия также союзы *иж* и *иже*, *же*, например: тая студня, или источник, не тот бы, от которого чрънал, который пивших если и мало еднак велми так наполняет, *иж* мусят его в розпущение рѣк других (на утолене жажды иньшим) испустити (Виш., Книжка, с. 16); Которую яму под нами били викопали, сами в ню ся обвалили, *же* дві войска з великими таборами їх помог нам господь бог опановати (Укр. гр. 1648 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 12); Нічого іншего не розуміемо, тилко подобно с презреня божего тое стался мусіло, *же* і послув вашой велможности, хоч не до нас посланих, вдячне принявши, с честю отпускаем (Укр. гр. 1648 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 13); Их то продки з Росским ся монархою крестили Владимером и в вѣрѣ той статечне жили, При которой и они так стоят статечне, *Же* за ню умирати готови конечне (Вірши Саковича); И вѣрность кролю пану в всем заховали, За которую волность вам есть дарована, *Же*, проч самого кроля, не маете пана (Вірши Саковича); Дрижала земля, *же* аж ламали ся опоки (Слово о збуреню пекла); Пытаемо: чого въ той церкви Восточной, *же* ее церковью признати не хочете, не доставаетъ? (Отв. клир. Острож., с. 425).

В последнем предложении представлен редкий случай расположения придаточного следствия внутри главного.

Более редко в этом же значении (иногда и рядом с *иж*) употребляется союз *что*, *що*. Например: Але я тому барзо позавидѣл, Адама и Єву ужем из розуму извел, *Иж* божию заповѣд преступили, — На тоєм привѣл, *что* изгрѣшили (Сл. о збур. пекла); Ти єстесь єму щось за родина, *що* така твоя о нем з нами перепина (Там же).

Один раз в нашем материале встретилось предложение с союзом *юже*: А такъ ся веспольъ кусаючи, *южесмы* [12] всю правду сосродъ себе вынищили (Отв. клир. Острож., с. 426).

Довольно часто в староукраинских памятниках наблюдается контактное употребление в сложноподчиненных предложениях местоимения *так* с союзами *иж* и *же*. Правда, не всегда можно говорить об их смысловом слиянии, а придаточное, помимо следственного значения, имеет явный семантический оттенок меры и степени, например: То, пакъ, по отходѣ нашомъ, ночью, пришли до него отступницы, и тамъ прелестію діаволею намовили его до себе, *такъ*, *ижъ* на день завтрѣшный зъ ними южъ присталъ (Пересторога, с. 214); але тымъ барзѣи Богъ ихъ подкрѣпляетъ, *такъ*, *ижъ* в нихъ знайдуются люде учоные, годные, терпливые,

[12] Сочетание союза *юже* с личной формой глагола *быть* — свидетельство польского влияния. Ср. польск. *żeśmy* и т. п.

смиренномудрые (Там же, с. 235); были вшитцы ихъ милости намъ зычливи, *такъ, же* декретомъ король его милость, даруючи то, отпустить и зъ того квитовати казать рачилъ (Днев. Евлаш., с. 150); а мне Григорей Униховский зазрялъ, такъ, же Жабка зъ Бутушевичомъ обраны были (Там же, с. 151); ‹цесаръ Палеолокгъ› есть велми потребный и южъ знищоный *такъ, же* ему немаль половица пан'ствъ презъ Сараценовъ побрано (Ист. о Флор. соборе, с. 461).

Как и в старорусских памятниках, в староукраинских употребителен для выражения следственного значения союз *як, яко*, например: и в таборе великий голод и нужа, много немцов умирают, *яко* всегда имеем языки (Укр. гр. 1653 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 210); ваши чистое вѣры сумненя скоро ощутили и почули, *як* не возмог дышущий духови своему гнѣзда в сердцах ваших уфундовати или основати (Виш., Книжка, с. 16); Видите ли вашу премудрост, *яко* во прелести вѣка сего утонули есте! (Там же, с. 57).

В следующем предложении подчиненность придаточного со следственным значением, вводимого союзом *то*, выражена довольно слабо: Мы же служити неверному царю не хощем, *то* точию православному государю его царскому величеству челом бьем (Укр. гр. 1653 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 183).

В рассмотренных памятниках восточнославянских языков придаточные предложения с чисто следственным значением встречаются редко. В отличие от современных русского, украинского и белорусского языков, с придаточным следствия употребляются разнообразные, большей частью многозначные союзы, которые присоединяют к главному предложению не только придаточные следствия, но и другие придаточные — меры и степени, сравнения, дополнительные. Многозначность союза связана с многозначностью придаточного. По нашим наблюдениям, именно в данный период происходит самоопределение придаточного со следственным значением и начинается формирование специфически следственного союза. Так, заметно стремление подчеркнуть, усилить значение следствия при помощи союзов и частиц *да, же, иж*, наконец *что*. Так возникают осложненные союзы: *яко же, так иж, так же, так что, тѣм же*, употребляющиеся только в значении следствия. Один из этих союзов — *так что*, впоследствии вытеснив остальные, стал употребляться исключительно в следственном значении во всех восточнославянских языках [13]. Наиболее распространен сложный следственный союз в старобелорусских памятниках.

---

[13] В современном белорусском языке наряду с ним в следственных предложениях употребляются союзы *дык, а то*, в украинском — *що*; в современном русском литературном языке *так что* — единственный специфически следственный союз.

Старобелорусские и староукраинские памятники отличаются от старорусских широким употреблением в следственном значении союзов *иж*, *же*, *иже*; их употребление можно объяснить влиянием польского языка, поскольку они широко распространены в польских памятниках того же периода [14].

Придаточное следствия, относясь ко всему главному предложению, стоит всегда в постпозиции и обозначает действие, во временно́м плане идущее после действия, названного в главном предложении. Сказуемое придаточного предложения выражено глаголом в одной из временны́х форм индикатива, обычно совпадающей с временем сказуемого в главном предложении. В старорусских памятниках в придаточных следственных нередко употребляются также инфинитивные конструкции.

[14] См.: Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, стр. 504.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЦЕЛИ

Семантико-синтаксические отношения цели достаточно отчетливо определяются в тех случаях, когда в главном предложении сказуемое указывает на какое-либо «активное действие». В наших материалах такие примеры встречаются сравнительно редко; в то же время имеется очень много примеров предложений с придаточными, имеющими целевое значение, в которых сказуемые главного относятся к лексико-семантическому классу глаголов речи, мысли, чувства. С этими глаголами, как известно, сочетаются придаточные предложения с изъяснительным значением, которые рассматриваются в разделе о сложноподчиненных предложениях с придаточными дополнительными. При этом те и другие предложения вводятся одними и теми же союзами.

Отсутствие четких формальных критериев для разделения этих двух видов придаточных предложений приводит к тому, что в некоторых исследованиях, посвященных сложноподчиненным предложениям цели, иногда приводятся примеры, которые мы бы скорее отнесли к дополнительным.

В настоящем разделе материал всех трех восточнославянских языков рассматривается по отдельным союзам цели.

Сложноподчиненные предложения, в которых придаточные цели присоединяют союзы, образованные на основе древнерусского *чьто*: ст.-рус. *что*, *чтобы* . . .; ст.-бел. *што*, *штобы* . . .; ст.-укр. *що*, *щоби* . . .

В старорусских источниках изучаемого периода союз *чтобы* — уже самый употребительный союз цели. Он, по-видимому, не обладал стилистической окраской, хотя и возник в памятниках делового письма, и поэтому союз употреблялся в произведениях различных жанров: отпустил князь великы воевод своих под Новгород, Городища и манастыри и отнимати, *что бы* не пожъгли . . . (Моск. лет. свод, л. 439 об.); . . . да и от своеи силы беречи, *что бы* их не грабили (Там же, л. 468); мужъ же ея пришедъ и замучи ю; и то все творитъ врагъ, *чтобы* въ лихое дѣло впадали нечестивіи (Пут. Зосимы, с. 62); и оу сѣнеи перед верьми рогожка или воилокъ ветшанои положи іли потирало ноги грѧзные ѡтирать *чтобы* мостѫ не грѧзни в грѧзное погодье (Домострой, с. 36); и ему у той плотины для судового ходу здѣлати ворота, *чтобы* тѣми вороты мочно было судамъ ходити (Улож.

1649 г., с. 24); . . . и у него ту печь и поварню отъ стѣны сосѣда его отломать, *чтобы* сосѣду его отъ тое его поварни и печи никакова дурна не учинилося (Улож. 1649 г., с. 77); и правую титку прижигаютъ *чтобы* имъ излука стреляти немешало (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 39); Се убо вся извѣстно ти есть пространнѣиши, *чтобъ* твоему разуму сопротивнымъ обрѣстися (Письма Ив. IV, л. 156); Да не носи себе треухов тех, сделай шапку, *чтоб* и рожу ту всю закрыла . . . (Аввакум, Письма, с. 208); Для тебя так попущено, *чтобы* ты не вознеслась (Там же, с. 213). В приведенных примерах значение цели выражено достаточно отчетливо. В некоторых примерах значение цели осложнено оттенком пояснительного характера: А въ монастырехъ черньцы и попы стригутся покоя ради тѣлеснаго *чтобы* всегда бражничать . . . (Стоглав, с. 44); И он, Афонасей, для вести, *чтоб* про него на Руси неведомо было не отпустил их назад . . . (Аввакум, Письма, с. 193). (В обоих примерах в главном предложении цель уже названа: см. *покоя ради, для вести.*)

В памятниках законодательного содержания с союзом *чтобы* постоянно встречаются устойчивые целевые формулы. Например, в Уложении царя Алексея Михайловича и в Стоглаве — «*чтобы . . . было*»: и то подобаетъ гораздо обыскивати *чтобы* въ напраснѣ продажъ и безчинія бездѣльнаго *не было* (Стоглав, с. 44); . . . устроити безгрѣшно *чтобы* миру *было* не на соблазнъ, а душамъ не на погибель, а намъ за то нерадѣніе отъ бога грѣха *бы не было* (Там же, с. 45); . . . *чтобы* на то смотря, инымъ неповадно *было* такъ дѣлати (Улож. 1649 г., с. 18); *чтобы* никому ни отъ кого волокиты *не было* (Там же, с. 39); А старыхъ признакъ на тѣхъ межахъ портить не велѣти, *чтобы* впредь о томъ у помѣщиковъ и у вотчинниковъ никакова спору *не было* (Там же, с. 69).

Целевые конструкции с союзом *чтобы* часто соотносятся с коррелятами. Иногда, на стыке главного и придаточного предложений, коррелят и союз *чтобы* образуют сложный союз *для того чтобы*, иногда же коррелят и союз *чтобы* разобщены: . . . что онъ ту чюжую землю хлѣбомъ посѣялъ насильствомъ *для того*, *чтобы* ему тою землею завладѣти (Улож. 1649 г., с. 64—65); . . . отписей писать не велѣть, *для того*, *чтобъ* въ такихъ описяхъ ни у кого, ни съ кѣмъ въперед спору не было (Там же, с. 80); И *для того* такимъ образцомъ учинено, *чтобы* всякому салдату то мочно и за малыя денги купити . . . (Уч. и хитр. ратн. строения, с. 6).

Коррелят *для того* употребляется и в причинных конструкциях (см. стр. 268). Союз цели *для того чтобы* и союз причины различаются в этом случае наличием частицы *бы* в первом из них. Например: . . . и бить его на правѣже безо всякіе пощады не *для того*, *что* на немъ тѣ достальные денги взяты; *для того*, *чтобъ* на то смотря, инымъ не повадно было такъ воровать (Улож. 1649 г., с. 45). В первом случае причинный союз, во втором — целевой.

Предложное сочетание *для того* в причинных конструкциях

было распространено шире, чем в целевых. Утрата сочетанием *для того* причинного значения происходила позже.

В старобелорусских памятниках письменности XV—XVII вв. широко используется в придаточных цели союз *штобы*. Этот союз неизвестен современному белорусскому литературному языку, однако он продолжает употребляться в белорусских говорах. В письменном белорусском языке изучаемого периода этот союз используется в разнообразных по жанру и содержанию памятниках: а куды выѣждиваючи изъ своихъ имѣней, *штобы* службы наши не были замѣшканы (Вил. гр. 1457 г. — АЗР, т. I, № 61); . . . а дати вѣдомо за чотыри недѣли, *штобы* ся оба-два зготовили къ тому року, передъ тыи судьи (Зап.-рус. гр. 1468 г. — АЗР, т. I, № 67); и полецили есмо тую речъ маршалъку, земъскому, старосте . . . *штобы* ѡнъ того межи ними досмотрелъ и на конецъ справедливость вчинилъ въ Межиречи (Лосич. гр. 1507 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 6); который маетъ быти намъ великимъ посломъ съ послы Московского господарства, *штобы* ему зъ обѣихъ сторонъ къ доброму дѣлу и къ покою приводить (Орш. гр. 1615 г. — АЗР, т. IV, № 199); Тогды тот з людей нашихъ повиненъ будетъ выправовати . . . пахолка на добром кони, *што бы* конь стоял за чотыри копы гроше, а на нем бы панцыр а прилбица а кордъ . . . (Литов. ст. 1529 г., с. 12); а мы правдѹ даемь *што бы* тобе чисто ѡехати в рать свою. . . (Лет. Увар., л. 7 об.—8); брате милы(и) зъедна(и) насъ *штобы* не было кровопролитыа (Лет. Рачин., с. 251); . . . а бо᷍у ѡ᷍цю моушѹ послоушенъ быти, *штобы* сѧ наполнило што писано есть ѡ мнѣ (Страсти Христ., л. 3 об.); Да коли хоте᷍ на плечо правое а᷍лбо левое головоу положити *чтобы* ты᷍ ла᷍цнеи к матце говорити моглъ. . . (Там же, л. 12); ‹еретики› . . . маютъ печать анътихрістову на руце правой и на челѣ, *чтобы* волно было имъ на онъ часъ куповати, продавати. . . (Спис. пр. лютоpов, с. 53); и положыл в неи пана своего и закопал песком, *штобы* его не нашолъ ни ѡдин звѣръ (Пов. о витязях, с. 2).

В старобелорусских материалах нам встретились примеры, в которых союз *штобы* соотнесен со словами *на то*, *того дѣлѧ*, *про то*, причем они могут быть расположены и слитно, и раздельно с *што бы*: *А на то* есмо дали имъ сюю нашу грамоту съ нашою печатью, а *штобы* нашое грамоты нихто не ослушалъся (Троцк. гр. 1432 г. — Вил. палеогр. снимки, № 1); А штобы еси и впередъ далъ листъ свой *на то*, *чтобы* нашимъ людемъ доброволно ѣздити черезъ твою землю (Зап.-рус. гр. 1486 г. — АЗР, т. I, № 88); и со три дни тамъ замѣшкати, *про то*, *штобы* есте, вжо пана подгашого не ждучи, безъ мѣшканья тамъ на границы ѣхали . . . (Вил. гр. 1529 г. — Археогр. сб., т. I, № 15); *того дѣлѧ* сошлосе оусе собраніе людеи *штобы* оумерлъ того дела (Страсти Христ., л. 19 об.); и мыслилъ его *на то*, прывести, *штобы* николи не смѣлъ прыити къ Ижоте на ѡчы (Пов. о витязях, с. 32).

Материал старoукраинских источников: и за то б тебе велел королевское величество учинити казнь, *чтоб*, на то смотря, иным неповадно было так плутать (Укр. гр. 1638 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 147); Заберегаем при том, *чтоб* от панов державцов работами отягчаемы не были, для чего здесь повинность работ описуется (Укр. гр. 1642 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 214); А самому мне, холопу твоему, велено жить в Путивле с великим береженьем неоплошно и беретца накрепко, *чтоб* татаровя и черкасы к Путивлю безвесно и ночным временем и оманом не пришли и дурна какова не учинили (Укр. гр. 1649 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 78).

В староукраинских памятниках наряду с союзом цели *штобы*, отмеченным нами только в грамотах, употреблялся более близкий к разговорному украинскому языку его вариант *щоби* (*щоб*). Этот союз встретился в светских памятниках различного содержания, но, по-видимому, в письменном языке он употреблялся нечасто: . . .просим жеби ти. . . причинилсе до его царского величества, жебы наши тие посли. . . повернулисе до нас, *щоб* ми. . . знову і других послов до его царского величества вислали. . . (Укр. гр. 1651 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 58); та як, мудри, накрил ся ось відиш, травою, *Щоби* го на зхлідино! (Интерм. Гаватовича); Душѣ Христовой не берѣте анѣ ей стережѣте, *Щоб* для єдного Не утратити много (Сл. о збур. пекла).

Союз *щоби* мог дополнительно иметь глагольные показатели лица: Пишеш до мене, *щобим* тобі всказал і відомост дал об ордах кримских і ногайских (Укр. гр. 1651 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 37); Щоб у тебе бог був, коли би ти ся народив, *Щобись* нам тіи вѣсти не множил! (Сл. о збур. пекла); И *щобисмо* ся тепер добре порадили, И того Ісуса душѣ до неба не пустили (Там же).

Наиболее часто встречающимся союзом цели, по нашим данным, в староукраинских памятниках письменности был в изучаемый период союз *аби*. Однако в процессе развития украинского литературного языка союзу *щоби* (*щоб*) было суждено стать «самым употребительным в украинском языке» союзом цели, а союз *аби* теперь употребляется «преимущественно в разговорном языке и в устном народном творчестве» [1].

В трудах по историческому синтаксису отмечалось, что в старорусских и старобелорусских памятниках письменности в качестве союза цели употребляется союз *что* [2]. В наших материалах мы также отметили случаи употребления *что* в предложениях с целевым значением:

---

[1] «Сучасна українська літературна мова». Київ, 1969, стр. 522.

[2] См.: Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 521, 522; А. П. Груца. Развіцпё складназалежнага сказа ў беларускай мове. Мінск, 1970, стр. 226; В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. М., 1958, стр. 163.

Старорусские примеры: о всемъ великое попеченіе достоитъ имѣти *что* иконописцы были во всякомъ чувствіи и въ добродѣтели живуще (Стоглав, с. 42—43); не игрушка душа, *что* плотским покоем ея подавлять! (Аввакум, Письма, с. 208).

Старобелорусские примеры: и кнзь Витовтъ присагу ѯзалъ ѯ кнзѧ Ꙗкге(и)ла *што* ѿцу его кнзю великому Кестуут(т)ю зъ Ꙗкге(и)ломъ зъехатисѧ и ѡпѧ(т) чысто ро(з)ехатисѧ (Лет. Рачин., с. 251, 252); а докончають межи себе кнзь Кестоутеи велики и велики кнзь Ѳлгирдъ *што* братии всеи послушноу быти кнзѧ великого Ѳлгирда (Лет. Супр., л. 86 об. — 87);... и нарекли при свои(х) животе(х) и(х) *што* имъ быти на их мѣсте(х) на великих кнжени(х) (Там же, л. 87).

Считаем необходимым отметить, что семантико-синтаксические отношения между главным и придаточным предложениями во всех этих случаях с союзом *что* не представляют собой чистых отношений цели, а синкретически объединены с другими, в первую очередь с изъяснительными. И, по нашему мнению, именно изъяснительные отношения в данном случае определяют употребление *что* без *бы*.

Т. П. Ломтев пишет: «Для присоединения придаточных предложений цели к главному в древнерусском языке союз *что* употреблялся как в соединении с формами аориста от глагола *быть*, так и самостоятельно. . .»[3] И далее, на примерах различных редакций одного и того же текста из Исторической повести об Азовском сидении показывает процесс постепенного вытеснения союза *что* союзом *чтобы*. Мы согласны с намеченной Т. П. Ломтевым картиной формального развития *чтобы* из *что*+*бы*, но считаем необходимым подчеркнуть, что наряду с оформлением специального союза цели *чтобы* происходили также дифференциация и уточнение семантико-синтаксических отношений цели. Во всех приведенных Т. П. Ломтевым примерах, кроме последнего, присутствует элемент изъяснительного значения в семантико-синтаксических отношениях главного и придаточного предложений, который определяется наличием в главном управляющего глагола чувств — *боясь*: *боясь того что* → *боясь того чтобы*. Окончательный вариант Т. П. Ломтев считает итогом образования законченной целевой конструкции. Этот вариант содержит сложный целевой союз *для того чтобы*, но именно в этом варианте отсутствует глагол *боясь*, и предложение выглядит так: . . .а прикованы были все на цепях *для того чтобы* из Азова казаки на выласках тех пушек не взяли (с. 85—86). Здесь целевая конструкция отнесена к глаголу другого лексико-семантического класса — *прикованы*, при котором изъяснительный оттенок невозможен (как и невозможно сочетание *боясь для того чтобы*), и, таким образом, союз *для того чтобы*, указывая на чистые отношения

[3] Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 521.

цели, одновременно требует дифференциации семантики управляющего глагола, и отношения цели и изъяснительные не могут быть выражены общей конструкцией.

Подавляющее большинство союзов цели, употреблявшихся в изученных нами восточнославянских памятниках письменности XV—XVII вв., имеет в своем составе *бы* (исключение составляют только союзы *что*, *да*, *еже*). Формант *бы* является как бы показателем целевых отношений. Это отметил еще А. А. Потебня, который связывал закономерность появления инфинитива в придаточных предложениях с фактами «присоединения союза *бы* к относительным словам» [4] и писал о том, что «*бы*, присоединяясь к другому союзу, вместе с ним сообщает неопределенному значение цели» [5].

В нашем материале встретилось несколько случаев употребления в качестве союза цели одной частицы *бы*. Это явление для белорусского языка отметил также Е. Ф. Карский [6].

Старорусские примеры: и сколько чего разойдетца то бы было все в счете, было *бы* што господарю сказать и ѿчетъ во всемъ дати (Домострой, с. 53); жену оучи всѧкому. . . домашнему обиходу. . . оумѣла *бы* сама и печи и варити и всѧкую. . . порѧдню оумѣла. . . (Там же, с. 64). Обратим внимание на то, что *бы* употребляется с формами прошедшего времени на *-л* — при разных субъектах действия, что характерно именно для сложноподчиненных предложений цели [7]. Однако в приведенных примерах *бы* не занимает специфического для союзов места в начале придаточных предложений, а стоит вторым словом. В этом факте чувствуется еще связь *бы* с сослагательным наклонением.

Старобелорусские и староукраинские примеры: . . . досмотрѣли есмо права. . . иже искали тые Бастуни на Круповичохъ, *бы* имъ помогали дань съ ними давати князю великому. . . (Зап.-рус. гр. 1444 г. — АЮЗР, т. I, № 22); А што, отче владыка в писанью своемъ княжати его милости упоминаешъ, а на одномъ мѣстцу и расказуешъ, так конечне короткими знагла словы до своее пресхвалное згоды, — *бы* княжати его милости сумнѣн'е допустило, і виделъ *бы* што нездорожного (Отв. клир. Острож., с. 409); смерть поднять, *бы* ойчизна толко была в цѣлѣ (Вірши Саковича); Пилне он того стерег, *бы* война с христіаны христіаном не была. . . (Там же).

---

[4] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 424.
[5] Там же.
[6] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 488.
[7] См.: Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.—Л., 1964, стр. 224.

Л. А. Булаховский рассматривает аналогичные примеры в связи с особенностями употребления инфинитивов с частицей *бы* «в духе распространенных в древнерусском, вместо императивов, форм сослагательного (условного) наклонения» [8]. Мы не можем категорически утверждать, что в изучаемый период в восточнославянских языках был союз цели *бы*. Скорее перед нами отдельные случаи употребления *бы* в союзной функции, и объясняются они тем, что способы выражения целевых отношений между главным и придаточным предложениями еще окончательно не установились.

Слово *да* употреблялось в древнерусском языке в составе описательного императива с глаголами 3-го лица настоящего (простого будущего) времени. Кроме того, это слово имело множество других функций: оно служило и как сочинительный союз, и как частица с целым рядом значений [9].

В старорусском языке *да* в соединении с настоящим (будущим) временем глаголов используется как одна из форм императива в составе предложений, обозначающих цель действия, названного в другом, т. е. в предложениях, несущих функцию придаточных цели при главном (при этом какой-либо другой союз цели не употребляется), например: и того ради Христова слова благочестивымъ царемъ и всѣмъ православнымъ христіаномъ не токмо плѣнныхъ окупати, но и душю свою за них полагати достойно, *да* сторичныя мъзды во онъ день сподобятся (Улож. 1649 г., с. 20); . . . а инии, распальшеся любовию и плакав о благоверии, не дождався еретическаго осуждения, сами во огнь дерзнувше, *да* цело и непорочно соблюдут правоверие (Аввакум, Письма, с. 234).

Некоторые исследователи частицу *да* в аналогичных примерах считают целевым союзом. Мы согласны, что придаточные предложения с описательным императивом использовались для выражения тех же семантических отношений с главным, что и придаточные с союзами цели. Но эти предложения с *да* отличаются от сложноподчиненных с придаточным цели по своему строению; поэтому считаем более правильным относить такие предложения к разряду бессоюзных сложных предложений, служащих одним из способов выражения цели [10]. В придаточных цели используются две формы глагола — инфинитив и прошедшее время на *-л*. Употребление этих форм зависит от того, общий или разные субъ-

---

[8] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958, стр. 350.

[9] В. Г. Барановская. Лексико-грамматические омонимы *да* в языке древнерусских памятников XI—XIV вв. «Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка». М., 1969, стр. 268—296.

[10] См.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, стр. 500—501.

екты действия в главном и придаточном предложении. Предложения с «*да*+формы настоящего (простого будущего) времени» различать эти аспекты не могут.

Для исконной формы описательного императива с *да* характерно употребление только одной глагольной формы — 3-го лица. В круг значений описательного императива входит ряд модальных оттенков; постепенно на передний план выдвигается один из них — значение цели. В связи с этим происходит увеличение круга сочетаемости *да* с глагольными формами.

Т. П. Ломтев отмечает в целевых предложениях употребление *да* со вторым лицом [11]. В наших материалах имеются случаи употребления с *да* как второго, так и первого лица (последние только в сочинениях протопопа Аввакума). Примеры: «*да*+2-е лицо глагола»: аще ли ѡскѹдѣю разѹмѡмъ в старости ѿцъ или мать не бесчествѹите ихъ ни оукарѧите, *да* ѿ своих чадъ почтени бѹдете (Домострой, с. 16); блюдися, от меня *да* не полма растесан будеши (Аввакум, Житие, с. 89); Царь-государь и великий князь Алексей Михайлович! Многажды писахом тебе прежде и молихом тя, *да* примиришися богу и умилишися в разделении твоем от церковного тела (Аввакум, Письма, с. 195); . . . к богу и человеком поганую вашу любовь разорвала, *да* в совершенное осквернение не впадете! (Там же, с. 208).

«*да*+1-е лицо глагола»: управи ум мой и утвѣрди сердце моѐ приготовитися на творение добрых дел, *да*, добрыми делы просвещен, на судище десныя ти страны причастник буду со всеми избранными твоими (Аввакум, Житие, с. 54—55); Так меня Христос-свет попужал и рече ми: «по толиком страдании погибнуть хочешь? блюдися, *да* не полма рассеку тя!» (Там же, с. 89); Молитеся о мне, *да* избавлюся от них (Аввакум, Письма, с. 219); Не сделай беды, *да* не погибнем зле (Там же, с. 235).

Эти примеры показывают, что предложения с формами описательного императива, ограниченного лишь 3-м лицом глагола, не удовлетворяют условиям, которые имеют место в придаточных цели в сложноподчиненных предложениях с союзами. Дальнейшее разложение императивной конструкции с *да* со значением цели приводит к употреблению *да* с формами прошедшего времени и инфинитива; в этом сказывается и влияние целевых союзов с *бы* (*чтобы* и др.), употребляющихся с данными глагольными формами. В таких случаях *да* можно считать союзом цели: . . . а сами главами своими воеводы и дѣти боарские . . . поосташася, выпустив своих подале, *да* за ними же поити к великому князю (Моск. лет. свод конца XV в., л. 384); Сие бо наказание бысть от господа нашего Исуса Христа на нас грѣшных, *да* пристали быхом от зол наших и научилися быхом творити волю его (Там же, л. 387).

---

[11] Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 524.

В придаточных предложениях цели с союзами явно преобладают союзы, которые имеют в своем составе *бы*; это приводит к тому, что и к *да* присоединяется «частица — показатель условного наклонения» — *бы* и образуется союз цели *дабы* [12].

В сочинении Пересветова находим примеры, которые отражают различные этапы образования союза *дабы* (составные части *да* и *бы* еще могли употребляться отдельно): Боже! Буди милостивъ над русским царем . . . и над царством его, *да* не уловили *бы* его так же велможи его вражбою от ереси своей *да* не укротили *бы* его от воиньства боящиеся смерти (Пересветов, с. 65); Господи, Царю — человѣколюбче! дай свою милость великую, приведи невѣрных к вѣре, *да* знали *бы* святое твое великое милосердие и силу божию (Там же).

В более раннем памятнике — Московском летописном своде конца XV в. — встретились примеры употребления и *да*, и союза *чтобы* одновременно в предложениях, которые наряду с целевым имеют еще и изъяснительное значение: . . . били челом мнѣ великому князю, ты нашь богомолецъ и наша отчина Великы Новгород, зовучи нас себѣ государи, *да что бы* есмы пожаловали, указали своеи отчинѣ, какову нашему государьству быти в нашей отчинѣ (Моск. лет. свод конца XV в., л. 446—446 об.); . . . били челом о том же, как и перед великым княземъ, *да что бы* Государь пожаловал, указал своеи отчинѣ, как богъ положить ему на сердце своя отчина жаловати (Там же, л. 444).

Союз *дабы* в старорусских памятниках не получил широкого распространения. Приведем несколько примеров: . . . и на оживленіе и на утверженіе истинныя православныя христіянскія вѣры *дабы* утверждена была и неколебима въ роды и роды (Стоглав, с. 27); того ради и азъ сотворихомъ сходя къ немощи их, точію *дабы* насъ своихъ господареи, познали, а не васъ, измѣнниковъ (Письма Ив. IV, л. 129 об.); Но и большими начаша имъ помогати и всячески промышлять, *дабы* ихъ на первыи чинъ возвратити (Там же, л. 154 об. — 155).

В произведениях Аввакума ярко отражается живая тенденция в развитии языка. У него встречаются в целевом значении императивные конструкции с *да*, осложненные частицей *же*: А время ему и постричись, *да же* впредь не губит, на воеводствах живучи, християнства (Письма, стр. 190); Слушайко, игумен Сергий! Иди во обитель Меланьи матери и прочти сие, писанное со духом святым, на соборе. Елене при всех, да разумеют сестры, яко короста на ней, *да же* не ошелудивеют от нея и удаляются ея (Там же, с. 289); И мы со владыкою приказали тело ево среди улицы собакам бросить, *да же* гражданя оплачют согрешение его. А сами три дни прилежне стужали божеству, *да же* в день века отпустится ему (Житие, с. 69); Выпросил у бога светлую Россию сатана, *да же* очервленит ю кровию мученическою (Там же, с. 95).

---

[12] В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Указ. соч., стр. 542.

У этого же автора осложненная императивная конструкция употребляется с частицей *бы* в целевых придаточных со сказуемым в инфинитиве и прошедшем времени: Прости, Михайлович — свет, либо потом умру, *да же бы* тебе ведомо было, да никак не лгу, ниж притворяясь говорю ... (Письма, с. 198); Некогда мне молящуся о тебе с горькими слезами от вечера и до полунощи и зело стужающу божеству, *да же бы* тебе исцелитися душею своею и живу быти пред ним; и от труда своего аз, многогрешный падох на лицы своем, плакахся и рыдая горько (Там же, стр. 199).

В старобелорусских памятниках письменности также были распространены формы описательного императива с целевым значением. Мы отметили один случай употребления *да* с первым лицом: ... *да* оувиди[м] ис себе ли сами боудоут сѧ кланѧли (Страсти Христовы, л. 17 об.). Случаев употребления *да* со вторым лицом, а также с инфинитивом или прошедшим временем мы не отметили.

В староукраинских памятниках письменности встретились случаи употребления *да* со вторым лицом: Твое же великое святительство молим: *да* изволиши о нас к богу и к великому государю его царскому величеству неусыпный ходатай быти (Укр. гр. 1653 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 186); ... и тебе от тое прелести освободити, *да* избѣжиши гнѣва и суда божиа за тое твое ругание и смѣяние (Виш., Книжка, с. 25).

В сочинениях И. Вишенского, писателя очень чуткого к языку, мы отметили случаи уточнения целевого значения оборота с *да* с помощью соотносительных слов *для того* в главном предложении: Уже ступили до невытертых черевиков или чобот. Тые *для того* инок так носит, *да* тебе, мирянина от себе отженет и мирен будет (Виш., Книжка, с. 29); и зась *для того* пряжкою замыкает черево, стегнувши моцно, *да* в мѣру наладует тую шкуту или комягу утробную (Там же).

Союз *дабы* употреблялся в старобелорусских и староукраинских памятниках письменности XV—XVII вв., но не получил широкого распространения.

В старобелорусских памятниках: ... кнзь Василеи Великы посла рать в Татаръскаѧ мѣста на возыскание кнзѧ Семена Соуздальского *дабы* его кдѣ самого ѡбре(л) и кнгиню или дети его (Лет. Супр., л. 58 об.—59); Потомъ на правое плече кладемъ да сподобитъ насъ на правици Своеи стати, бо и главу Свою светую склонилъ на крыжу на плече правое, *дабы* мя грѣшнаго выслухалъ (Спис. пр. лютеров, с. 99); ... она же вынемши зъ пазухи своей болванца *дабы* прежь поклонился ему (Там же, с. 119).

В староукраинских памятниках: ... и зъ власти нашой епископской мѣти хочем, *дабы* никтоже зъ мірскихъ не вдавался въ справы духовные ... (Луцк. гр. 1595 г. — АЗР, т. IV, № 82); ... и всякой порядок наблюдать, *дабы з* стороны никто им в художестве их никакой перешкоды не чинил (Укр. гр. 1642 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. I, № 214); Позволяем також оному шев-

скому цеху канун дважды в год до божой церкви ситить, *дабы* с того хвала богу более умножалась (Там же).

Кроме того, в старобелорусских памятниках отмечен еще союз *нехай бы*, первая часть которого также восходит к описательной форме повелительного наклонения, но благодаря частице *бы* этот союз зафиксирован только с формами прошедшего времени: а своимъ Рижаномъ кому надобѣ до Полоцка ездити, какъ и прежь сего было, быхмо промежь себѣ куплю мѣли, *не хаи бы* уже добровольно ездили (Полоцк. гр. 1465 г. 17 февраля — РЛА, № 250); . . . абы еси Станку Некрашевичу а Авраму Словутичѹ не казалъ на нихъ самихъ серебщины брати, только *нехай бы* зъ людей своихъ серебщину имъ дали . . . (Вил. гр. 1513 г. — Литов. метр., т. I, кн. 1, № 65); . . . мы тобѣ прысѧгу дадимъ што тобѣ чысто ѡпѧ(т) ѹ свое во(и)ско ѡехати *неха(и)бы* межы ва(с) добры(и) коне(ц) ста(л)сѧ (Лет. Рачин., с. 251). В первом примере *нехай бы* вводит второе целевое предложение, поясняющее первое с редким употреблением в качестве союза одной формы *быхмо*.

Нехай без *бы* также в целевом значении и с формами настоящего (будущего) глаголов можно проиллюстрировать следующими примерами: Соими ми главу, прошу тѧ, *нехаи* моему сорому будет конецъ (Пов. о витязях, с. 65); Для того послал волати по всем сторонамъ, *нехаи* будет опѧть турнаи до десѧтого днѧ, бо мыслилъ прыехати ѡпатрно и нарадно лепшеи нижли перво (Там же, с 29). В последнем примере имеется коррелят *для того*, подчеркивающий целевое значение *нехай*.

Представляется интересным пример из памятника Страсти Христовы, в котором в книжный оборот описательного императива с *да*, употребленный в целевом значении, включена частица *нехай* — принадлежность разговорного языка: и реклъ пила кнѧжатоᵘ капланскїмъ и мистроᵘ цркровныᵘ, и писменникоᵘ выбирите из ва моуже силне и дѹже, *да* ѡны *нехаи* держаᵀ хорви (sic!) да оувидиᵀ исъ себе ли сами боудоут сѧ кланѧли (Страсти Христовы, л. 17 об.).

В числе других союзов с *бы* — показателем условного наклонения — в старорусских памятниках письменности XV—XVII вв. употреблялись еще союзы *ино бы* и *еже бы*, не получившие, однако, широкого распространения.

Союз *ино бы*: а толко не виновато дѣло ино ѡговорщикомъ не попѹщати *ино бы* впередᴬ вражда не была (Домострой, с. 38); Всѧкамѹ члкѹ домовитомѹ добромѹ. . . . *ино бы* было по предписаномѹ всѧкои запасъ кѹпленъ в порѹ коли дешево (Там же, с. 58). В последнем примере значение цели спорно, здесь скорей просто предписание.

Союз *ино* употребляется и без *бы*. В этом случае значение цели может быть ослаблено или сопряжено с причинным (второй пример): и всѧкїе приспѣхи печи и варити все бы сама гᵒдрына

оумѣла, *ино* оумѣетъ и слꙋг наоучити, и все сама знает (Домострой, с. 27);... а посылати питїе в полне, а естваꙋ цѣлꙋ *ино* солга[т] не оумть (Там же, с. 33).

Союз *еже бы* только в целевом значении: Блюдися ты, государыня, лестьцов — черницов, и попов, и черниц, *еже бы* не развратили душю твою (Аввакум, Письма, с. 210).

Союз *еже бы* одновременно и в целевом, и в изъяснительном значении: . . . целил ево и моля, увещал, *еже бы* престал сливати святая во единицу по-жидовски, и савелиянски не мудрствовал . . . (Аввакум, Письма, 257).

Союз *яко бы* в старорусских памятниках употреблялся крайне редко. Нам известен только пример, приводимый Л. А. Булаховским: . . . Да тѣ же наши измѣнники возмутили народ, *яко бы* и насъ убити . . . (Письма Ив. IV, л. 149) [13].

По-видимому, более употребителен союз *яко бы (як бы)* в старобелорусских памятниках письменности: на службу военную ехали, беручи живность, *яко бы* черезъ усю зиму выховати ся могли (Вил. гр. 1563 г. — РИБ, т. XXX, кн. 7, № 32); жебы зо всихъ волосте[и] заразомъ увъ одномъ местцы тую живность провадили, *яко бы* жолнеры въ нихъ по дорозе не отыймовали (Ковалех. гр. 1564 г. — РИБ, т. XXX, кн. 7, № 77); Но что еще на то нижей рече, и пораду даеть, *яко бы* не погоршити другаго: «ни(ч)тоже своего си да ищеть, но дружняго кождо» (Спис. пр. люторов, с. 165); ѡзми сына моего на свою науку и ховаи его и ѡпекаи сѧ имъ так вѣрно и мудро, *ꙗкъ бы* еси у сороме не былъ (Пов. о витязях, с. 9).

В староукраинских материалах в Книжке И. Вишенского употребляется с целевым значением союз *яко да* (даже с коррелятом *для того*): Ремѣнный зас пояс *для того* инок носит, *яко да* убиет и уморит под ременем телесное кожи внутр. криючиеся страсти, похоти (с. 28—29); И зас *для того* нехорошую обув‹инок› носит, *яко да* безпечне, на змию, скорпию и всю силу вражию наступит (с. 29).

Союз *иже бы* в старорусских материалах отсутствует. Его употреблял только А. Курбский, например: И тамо зело стрегли есмы, вкупѣ со Корецкимъ княземъ, *иже бы* невѣрные церквей Божіихъ не жгли и не разоряли (Письма Курб., с. 132); А того ради послахъ къ тебѣ предисловеицо единои книги нашего переводу, не *иже бы* имъ величаяся, албо тщаславяся тѣмъ — Боже, сохрани насъ отъ таковыхъ! (Там же, с. 418).

Для старобелорусских материалов Е. Ф. Карский отметил: «Союз *иже*, который нам уже неоднократно встречался

---

[13] Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 374. — Этот же единственный пример и у А. Н. Стеценко (А. Н. Стеценко. Сложноподчиненные предложения в русском языке XIV—XVI вв. Томск, 1960, стр. 175).

в разных придаточных предложениях, может подчинять и предложения цели, особенно в соединении с *бы*» [14]. В наших материалах мы встретили союз *иже бы (иж бы)* — часто с коррелятом *для того* — в памятниках разнообразного содержания: давамы таке^{ж}. ты^{ч} жо мѣщано^{ч} еди^{ф} ра^{з}. оу ро^{к} ѣрморо^{к}. *и*^{ж} *бы* могли имѣти. й пань заволати на сто. пан'ны. Марии. взѧты в небо. и^{ж} бы то^{т} истый ѣрморокъ стоѧлъ на ѡсмъ дн҃ь (Гродн. гр. 1463 г. — Срезнев., Свед. и зам., X); а будеть на то доводъ, ижъ лежьни дрьжалъ: ино дати тому рокъ, и другій и третій, *ижъ бы* того лежьня поставилъ, ли съ себе извелъ (Западнорус. гр. 1468 г. — АЗР, т. I, № 67); И мы казали тому Васюку Братанича своего передъ нами поставити . . . *ижь бы* тотъ брат(о)ничь его на паробка своего право ему далъ (Негневич. гр. 1520 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 130); А *ижъбы* то всимъ къ вѣдомости пришло, врядомъ нашимъ всякимъ судовым и ихъ намѣстникомъ приказуем. . . (Вил. гр. 1602 г.— АЗР, т. IV, № 156); И ко(л)ко ра(з) казалъ ме(с)то Рымское запаливать а ни длѧ чого и(н)шого толко *длѧ того и(ж) бы* сѧ тому дивова(л) а потеху мѣлъ (Лет. Рачин., с. 225); брате милы(и) штобы еси межи на(с) въе(д)налъ *и(ж) бы* крови проли(т)ѧ не было (Лет. Крас., л. 76 об.); . . . еще брате пошли кн҃зѧ скирганла што бы и ѡнь и ѧ задали быхо(м) правдѫ ѡцю своемѫ *и(ж) бы* емоу ч(с)то приехати и ѡпѧть ѣхати в рать. . . (Лет. Акад., л. 177). Отметим, что в летописи по списку Рачинского союз *иж бы* употреблен с коррелятом *для того.*

В с т а р о у к р а и н с к и х материалах союз *иже бы* (*иж бы*) мы отметили только в грамотах: Однако значение цели всегда слито с изъяснительным, например: Свѣдомо чинимъ всѧкому симъ нашимъ листомъ, кто въ онь возрить . . . *ижь бы* добре вразумѣлъ (Житомир. гр. 1433 г. — Археогр. сб., VII, № 1).

В с т а р о б е л о р у с с к и х памятниках письменности отмечены сложноподчиненные предложения с придаточными цели, которые вводятся редко встречающимися союзами *олиж бы, ачеи (ач) бы, как бы, чим бы* и др.: А такожь на подаваніе предреченыхъ княжатъ, рытеревъ, шляхтичовъ, бояръ, мѣстичовъ, дѣцькыхъ не дамы: *олижь бы* первѣи отъ пана которому жъ тотъ подданъ . . . правда пожадана была (Вил. гр. 1457 г. — АЗР, т. I, № 61); а кн҃зѧ Вито(в)та тогды не хотели пу(с)тити до Вилни ѡли(ж)бы королю Ѩкге(и)лу да(л) прысѧгу и Ски(р)га(и)лу (Лет. Рачин., с. 256); . . . ѩ вжэ еду изъ земли гетое у Лондреш *ачеи быхмо* могли чути ѡ нем длѧ кого есми много працовал (Пов. о витязях, с. 35); Едемо у турнаи вашого пана короля Перемонта, *ачеи быхмо* могли нашу сестру кролевою поставити (Там же, с. 121); Для бога верните сѧ, *ачеи быхмо* могѩ свою сестру поставити кролевою (Там же с. 121); . . . пошли ми кролевую Ижоту, *ачеи бы* мѧ злечыла . . . (Там же,

[14] Е. Ф. К а р с к и й. Указ. соч., стр. 488.

с. 127); . . . хочемъ и тому боронитися, *какъ бы* намъ и землямъ нашимъ шкода не была (Зап.-рус. гр. 1486 г. — АЗР, т. I, № 88); . . . хочеть его милость найти тому обычай, *чымъ* [*бы*] таковые пустые городни зарабливаны были (Зап. -рус. гр. 1559 г. — РИБ, т. XXX, кн. 4, № 14).

Особый интерес представляет пример из летописи по списку Рачинского с союзом *гдѣ бы*, в котором нашла выражение связь целевого и местного значения: и проси(л) . . . сына своего Скирымонта абы на то(м) местцу было жъглищо вчынено *гдѣ бы* его ме(р)твого со(ж)гли (с. 234).

Союз *воеже* в сочетании с *бы* отмечен не был. Использование *воеже* (без *бы*) в старорусских памятниках письменности для обозначения целевых отношений может быть проиллюстрировано следующими примерами: . . . потружайтеся вѣры ради Христовы, *воеже* исправити и изъяснити по правиломъ святыхъ отецъ, на сіе бо и собрахъ васъ (Стоглав, с. 34); и сего ради послет ми бог действо льсти, *воеже* веровати им лжи да суд приимут не веровавшии истинне, но благоволиша о неправде (Аввакум, Житие, с. 56).

По мнению Л. А. Булаховского, этот союз был «несомненно чисто книжным» [15]. Наши примеры подтверждают это.

Союз *жебы*, близкий по этимологии союзу *иже*, употребление которого Е. Ф. Карский, а затем А. П. Груцо связывают с влиянием польского языка [16], в исследуемый период развития восточнославянских языков употреблялся преимущественно в деловых документах, написанных на старобелорусском и староукраинском языках.

В старобелорусских и, по-видимому, в староукраинских документах союз *жебы* появился со второй половины XV в. [17]. А. П. Груцо фактом этого сравнительно позднего заимствования объясняет незначительное распространение *жебы* в старобелорусских памятниках: это заимствование происходило тогда, когда «в белорусском языке уже имелись такие совершенные (дасканалыя) средства выражения целевых отношений, как союзы *абы*, *штобы*» [18].

Предложения с четким целевым значением, присоединяемые к главному союзом *жебы*, в наших материалах почти не встретились. Приведем наиболее бесспорные примеры, которые мы отметили преимущественно не в грамотах.

Старобелорусские примеры: Которое то пуще казали есмо имъ знаками на деревахъ грани позначыть . . . *жебы* знаки тые . . . дѣтемъ и потомкомъ ихъ вѣчными и непорушными часами

---

[15] См.: Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 374.

[16] Е. Ф. Карский, Указ. соч., стр. 489; А. П. Груца. Указ. соч., стр. 232.

[17] Наиболее ранний (и единственный) пример из старобелорусского памятника приведен Е. Ф. Карским и относится к 1480 г. (указ. соч., стр. 489).

[18] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 233.

въ держанью ихъ было (Городен. гр. 1480 г. — Археогр. сб., VII, № 8); . . . але с каменемъ ѵ водѵ топити, казал, в ставѵжь его Михалковъском *жебы* люди его жадного встѵпѵ в тот став не мели, ани там бывали (Брест. гр. 1544 г. — Arch. Sang., т. IV, № 318); кнзь велики(и) Ѥкге(и)ло послалъ насъ къ тобѣ штобы еси на(с) зъедналъ со ѿцэ(м) свои(м) што бы(х)мо мѣли мы свое, а вы свое, а битвы и кровопроли(т)а *жебы* не было ме(жи) насъ (Лет. Рачин., с. 251); . . . маеть рукоемство доброе дати, *жебы* судья от него добрый покой мелъ (Литов. ст. 1529 г., с. 50); Панъ Василий Зенковичъ зналъ се, же се о то старалъ и пана Подоровского втегалъ, *жебы* и онъ на то произволилъ (Дневн. Евлаш., с. 155).

Староукраинские примеры: . . . осторожними будте, *жеби* Тогай татарский сори какой вам і безділья не учинил (Укр. гр. 1651 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 39); . . . к тебі бит чолом, штоб Федос Кощов эму всіо заплатил, і шкоди нагородил, *жеби* за него смуту межи купцами нашими і вашими болшей не било (Укр. гр. 1652 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. III, № 118); И скажемо ми им, аби тому Христу дали покой, *Жеби* его не зачипали, *жеби* и нам бил упокой (Сл. о збур. пекла); Пошлю . . . Аби Христа пилно стерегли, *Жеби* аггели душѣ его до неба не взяли (Там же).

В старобелорусских и староукраинских памятниках письменности при построении сложноподчиненных предложений, в которых придаточные указывают на то, с какой целью совершается действие, обозначенное в главном предложении, чаще других союзов используется союз *абы*. Примеры с этим союзом можно встретить в памятниках с самым разнообразным содержанием: в деловых документах (грамотах), в богословских сочинениях, в художественной литературе. Уже в изучаемый период этот союз, по-видимому, был стилистически нейтральным. Примеры:

Старобелорусский язык: и тежъ, што возмуть и што роздадуть, то бы под свѣдомомъ было и личьба бы тому вчинена, *абы* имъ въ томъ шкода не дѣялася (Троцк. гр. 1456 г., или позже. — АЗР, т. I, № 60); И мы, того коротко не делаючи, але хотячи тому досыть вчинити, *абы* потомъ тое дело не было взрѵшено . . . (Лосич. гр. 1507 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 6;) На тую ерархію Господь нашъ Іисусъ Христосъ апостоловъ своихъ избралъ *абы* пасли, редили и справовали церковью его . . . (Брест. гр. 1610 г. — АЮЗР, т. II, № 40); . . . и скоро занемши мает обослати того пана, чие естъ тое быдло, *абы* быдло свое на поруку взял . . . (Литов. ст. 1529 г., с. 93—94); да погребши гна запечатова есть гро и поданъ сторожо *абы* стерегли его . . . (Страсти Христ., л. 15 об.); А на заютръ въ неделю, маючи въ себе Выровского, . . . и иншихъ приводилъ ме, *абы* зъ нимъ на судехъ заседалъ (Дневн. Евлаш., с. 155); . . . а то есте хотели дла того учинити, *абы* са вам тата земла ѡстала (Пов. о витязях, с. 6).

Староукраинский язык: Также Керембет-Мурза Осман-

Акга с татарами нагайскими мимо Корсун єдучи нашим краем, *аби* не мели кривди, причинялся за ними, братерства не розриваючи (Укр. гр. 1654 г. — Воссоед. Укр. с. Рос., т. III, № 230); Которую то убогую а вельми плохую, *абы* терніемъ отъ розсѣвача ненависти заглушена не была, мою працу — самому оному правды оборонци і зависти роспрошителю подъ оборону поручаю (Отв. клир. Острож., с. 381); . . . и о них пилност и старане чинячий, *абы* им боки полны, хребты ровны и гладки были . . . (Виш., Книжка, с. 31); Остали ся там нашъ воеводи, *Аби* душу его взявши принесли сюди На нашие угоди (Сл. о збур. пекла).

В старобелорусских и староукраинских памятниках письменности изучаемого периода наряду с союзом *абы*, который не имел глагольных показателей лица, употреблялся вариант этого союза с личными формами аориста от глагола *быть*, составляющими вторую часть союза. Это явление говорит о том, что союз *абы* еще не получил окончательного оформления. Но именно такая «задержка» в его оформлении, возможно, связана со спецификой структуры целевых придаточных предложений, в которых часто опускается подлежащее (т. е. субъект действия), и в случаях, когда субъекты действия в главном и придаточном разные, показатель лица в союзе может компенсировать отсутствие подлежащего. Примеры:

Старобелорусский язык: . . . подати и до мене, *абымъ* его посветилъ . . . (Брест. гр. 1610 г.— АЮЗР, т. II, № 40) ; . . . соимите прошу ва его *абы*и с собою хотѧ оумерлого мѣла потехоу (Страсти Христовы, л. 13 об.—14); . . . если правдиве маеш тотъ умыслъ христианкою быти ни для малженства, *абысь* мела за которого человека христианского замужъ пойти . . . (Лет. Баркул., л. 157); . . . тогды што можешъ наборздеи бежи з моее земли, нигдѣ не мешкаи, *абых* тѧбольшеи того нигдѣ не знашол . . . (Пов. о витязях, с. 41); . . . и для того есми поехала тебе искати, *абыс* ѡ том ведал, што бысь мѣлъ с тымъ чынити . . . (Там же, с. 77—78); Мы єсмо поставлены, *абыхмо* судили справедливе на ѡбе стороне (Там же, с. 99).

Староукраинский язык: . . . абы с̄щеникъ маючи сѣдины с̄т чены с̄щеноинокъ з манастыра вашого мꙋ̑ского приходѧчи в цеᵖркви нˣ тую послугꙋ ѿправалъ тое слушне быти ꙋзналисмо, Вам теды росказуем *абысте* тому против ни не были (Острож. гр. 1603 г. — Палеогр. изб., № 26); . . . приведи ѿбѣгшихъ в црковъ, всели единодушие *абысмо* ѡдиною мыслію ѡ̾ными оусты ѡдным ср̾цемъ выславовали пр̑тое имѧ Твое . . . (Отв. клир. Острож., с. 432).

Целевое значение союза *абы* в ряде случаев уточняется с помощью соотносительных слов, которые могут непосредственно присоединяться к союзу, а могут быть расположены дистантно: . . . *для того* мусялъ поставленное ясти, *абы* яко чимъ-колве у вѣру навернулъ (Спис. пр. лютеров, с. 166); тотъ же, кого призвано въ домъ, кромъ всякого розмышления, ясть въ дому того, позваного *для* того, *абы* его неядениемъ своимъ не погоршилъ (Там же).

Рассмотренный материал показывает, что в памятниках письменности восточнославянских языков XV—XVII вв. для обозначения отношения цели между главными и придаточными сложноподчиненных предложений употреблялось значительно большее количество союзов, чем в современных восточнославянских языках. Во всех трех языках в процессе их развития происходил отбор наиболее обобщенных и стилистически нейтральных средств для обозначения целевых отношений; в период XV—XVII вв. идет отбор таких средств.

На примере развития союзов цели можно наблюдать картину территориальной дифференциации средств обозначения целевых отношений, совпадающей с выделением трех самостоятельных восточнославянских языков. По наличию целевых союзов староукраинский и старобелорусский языки вместе противопоставлены русскому — в том отношении, что в них сохранилось, а также отчасти развивалось употребление таких союзов общеславянского происхождения, которые уже в XV—XVII вв. отсутствовали в русском языке.

Общим для всех трех языков был процесс формирования союзов с показателем целевых отношений *бы* и на этой основе — формирования структуры придаточных цели со сказуемым в форме инфинитива или глагола прошедшего времени на *-л*.

Различались же эти языки по результатам включения в разнообразные союзы частицы *бы*. Для украинского и белорусского самым распространенным был союз *абы*, а для русского — союз *чтобы*; однако наряду с этим *бы* присоединялось к другим союзам неспецифически целевого значения: *да*, *же*, *иже*, *яко* и проч. Образованные таким образом союзы мы отмечали большей частью во всех трех языках, но распространенность их по трем языкам и употребительность различны.

Общим для трех языков был также процесс уточнения целевого значения союзов путем использования соотносительных слов в главном предложении. Одновременно происходил отбор этих соотносительных слов, разных по языкам. На этой основе во всех трех языках образовались сложные целевые союзы.

В настоящее время выкристаллизовалось ограниченное число союзов цели. Их общее восточнославянское ядро составляют: рус. *чтобы*, укр. *щоб* (*щоби*), белор. *штобы* и на их основе с соотносительными словами *для того чтобы — для того щоб — для того штобы*. Специфику современных украинского и белорусского языков составляют соответственно союзы *абí—абы*. Специфику белорусского языка составляет союз *каб*, употребляемый с относительными словами *для того (дзеля тóго)*, *на тое*, *з тым*. Для русского языка следует отметить ограниченное архаизирующим характером *дабы*.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ, ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ, МЕРЫ И СТЕПЕНИ

Согласно установившемуся в синтаксической науке мнению значения сложных конструкций, выражающих сравнение, определяются соотношением содержания входящих в их состав частей [1]. По значению и синтаксическим функциям придаточные сравнительные не образуют отдельного типа в традиционной классификации, а являются разновидностями (вследствие специфики и способа выражения значения) придаточных сказуемных, определительных и обстоятельственных образа действия, меры и степени.

Наиболее распространенными видами сложных сравнительных конструкций в современных восточнославянских языках являются те, в которых придаточные сравнительные имеют обстоятельственное значение образа действия, количественное, меры и степени. Они в основном и привлекали внимание большинства авторов исследований, учебников и пособий по синтаксису современных восточнославянских языков. В работах последних лет среди сравнительных конструкций выделяются сложноподчиненные предложения с придаточными сравнительно-определительного типа, характеризующими путем сравнения качество лица или предмета, а также предложения с придаточными сказуемными, которые указывают с помощью сравнения на степень предикативного признака, заключенного в именной части именного составного сказуемого главного предложения [2].

В настоящем разделе анализируются сложноподчиненные предложения обстоятельственные образа действия, меры и степени, а также сказуемные, сравнительные по структуре и по способу выражения значения. Не рассматриваются сложноподчиненные предложения с придаточными сравнительно-определительными, а также с придаточными так называемого комментирующего типа с нечетко выраженным сравнительным значением, близкими к вводным предложениям [3].

---

[1] О семантике так называемых сравнительных конструкций см.: В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947, стр. 708—709; І. К. Кучеренко. Порівняльні конструкції в світлі граматики. Київ, 1959, стр. 66—73.

[2] См.: Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций, выражающих отношения сравнения. Казань, 1966, стр. 91, 172; І. К. Кучеренко. Указ. соч., стр. 16—19, 48—49.

[3] Ср.: Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций. . ., стр. 21—24.

Исходя из понимания сложного предложения как семантически и структурно единого целого, при анализе сравнительных конструкций мы принимаем во внимание два фактора, играющие основную роль в процессе оформления сложных конструкций: устанавливаемые между частями смысловые отношения и структуру конструкций.

При исследовании структуры сложноподчиненных предложений с придаточными сравнительными, образа действия, меры и степени мы исходим из установившегося в лингвистической науке мнения о структурной целостности сложного предложения, составные части которого рассматриваются как взаимосвязанные элементы единой синтаксической конструкции. Поэтому структура сравнительных конструкций анализируется с учетом конструктивных признаков не только зависимой части, но и главной. Принимаются во внимание все грамматические средства и структурные элементы, оформляющие сложное предложение: средства соединения частей сложного предложения — союзы и союзные слова, местоименные соотносительные слова (корреляты), особенности строения составных частей, порядок следования частей. Различные типы соотношения видо-временны́х форм глаголов-сказуемых не учитываются, поскольку выбор вида и времени глаголов является для изучаемой разновидности сложноподчиненных предложений несущественным.

Сложноподчиненные предложения с придаточными сравнительными, анализируемые в данном разделе, мы делим на две большие семантические группы. Первую, наиболее многочисленную в исследованных нами старорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках, составляют сложные предложения, выражающие сравнение сближающего типа. Вторую, менее распространенную, — предложения сравнительно-противопоставительного значения.

В первой группе мы в свою очередь разграничиваем, с одной стороны, сложные конструкции, дающие сопоставление ситуаций реального плана, это так называемые сложноподчиненные предложения сравнительно-сопоставительного значения; с другой, — предложения со значением образного сравнения.

Среди сложноподчиненных предложений, выражающих сравнение сближающего типа, наиболее широко и полно представлены сложные предложения сравнительно-сопоставительного значения, среди которых выделяются две разновидности: 1) сложные конструкции, дающие сопоставление действий, признаков при разных субъектах, объектах или различных обстоятельственных признаках — в ином локальном или временно́м плане; 2) сложные конструкции, выражающие сравнение в плане количественных отношений.

В сложных предложениях сравнительно-сопоставительного значения первой разновидности придаточные предложения с по-

мощью сравнения раскрывают способ действия, указанный в главном предложении, или характеризуют степень (меру) признака или действия, названных в главном предложении [4].

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сложные конструкции, выражающие сравнение сближающего типа

Сложные предложения сравнительно-сопоставительного значения

В сложных конструкциях данного типа сопоставление дается либо в плане сосуществования во времени, либо с точки зрения количественной соотносительности.

Сравнительно-сопоставительные предложения первой разновидности устанавливали соответствие или тождество реальных явлений, действий, признаков, которые имели место при разных субъектах, предполагали разные объекты или же находились в ином локальном или временно́м плане.

Наиболее полное выражение сравнительно-сопоставительные отношения получали в сложных предложениях с препозицией придаточной части, так как эти конструкции в структурном отношении представляли собой четко выраженный смысловой и грамматический параллелизм соотносимых частей. Препозитивное сравнительное придаточное в конструкциях данного типа как бы играло роль исходной параллели, по которой равнялось строение второго (главного) предложения. Смысловой параллелизм получал выражение в однотипном грамматическом строении частей и в лексическом тождестве или семантической близости глаголов-сказуемых, различающихся по категории времени или наклонения.

Тождество отношений подчеркивалось соответствием следующих местоименных слов: *яко . . . / тако(же)*; *якоже . . . / тако(же)*; *яко . . . / так*; *якоже . . . / так*; *како . . . / тако(же)*; *как . . . / так*, а также постановкой во втором по порядку следования предложении при соотносительном слове частицы *же* и союза-частицы *и*, выделяющих и подчеркивающих сопоставляемый член в главной части. Данные конструкции характеризовались обязательным наличием в главной части соотносительного слова.

Проиллюстрируем изложенное выше примерами из старорусских памятников: *якоже* и Аннїй и Амврїй противистася Моисею, *тако* и сіи противятся истинѣ (Стоглав, с. 34); *Како* стльскїи

[4] В разделе рассматриваются как сложноподчиненные предложения с придаточными образа действия, меры и степени, указывающими путем сравнения на способ действия или меру и степень действия или признака главного предложения, так и предложения с названными придаточными, лишенными сравнительного оттенка.

чинъ почитати, *тако же* и сщеннїческїи чинъ и мнишескїй, е (Домострой, с. 6); «ино мы, великые князи, хотим государьства своего, *как* есмы на Москвѣ, *так* хотим быти на отчинѣ своеи Великом Новѣгородѣ (Моск. лет. св. конца XV в., л. 445); *яко же* родихомся во царьствіи, *тако* и возрастахомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ (Письма Ив. IV, л. 124); Паче же сія поносы и укоризны, *яко же* исперва начали есте, *тако* и ныне не престаете (Там же, л. 130); *Яко же* бо Еллини подобно своимъ страстемъ Боги почитаху, *тако же* и ты, подобно своеи измѣне, измѣнниковъ похваляеши (Там же, л. 158); *яко* в век каково кликну в лес, *тако* и откликнется (Сатиры о пьянстве, с. 77); *Яко же* тело алчуще, желает пити, *так* и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желает (Аввакум, Житие, с. 90); «Да что много говорить? — *как* начал, *так* и скончал!» (Там же, с. 99—100); *Как* жили, *так* и скончались о Христе Исусе, господе нашем (Там же, с. 100); Едина погибель: *яко* тогда идолу пожрати, *тако* и ныне от стараго благочестия отступити и лукавому духу поклонитися (Аввакум, Письма, с. 260); *Какъ* в лесъ клинешъ *такъ* и окликнетъся (Пословицы XVII в., л. 350); Мошна что квашня. *ка* в нея прибывает *та* ея прїкисает (Там же, л. 356 об.).

В Пословицах XVII в. отмечено несколько конструкций рассматриваемого типа с соотношением местоименных слов *каково*. . ./ *таково*: *Каково* кто сѣялъ *таково* и пожнет (л. 349 об.); *Каково* кто постеле *таково* и выспися (л. 350); *Каково* дѣ приспѣлъ *таково* о и с'ѣлъ. *Каково* вѣется *таково* и мѣлѣтся (л. 351 об.); Наша горница з богомъ не спорница *каково* на ворѣ *таково* и в' неи (л. 361).

Как свидетельствует приведенный материал, параллелизм строения частей сложного целого отражен в позиции союзных и соотносительных слов в начале соотносимых частей и в порядке расположения слов в главном и в придаточном предложениях.

Отступление от этого порядка обнаружено (в наших материалах) в единственном примере из Жития Аввакума, где в начальную позицию ставится подлежащее, которое в данном случае выполняет функцию общего члена для обеих частей сложного предложения: а первые наши пастыри *яко же* сами пятью персты крестились, *тако же* пятью персты и благословляли по преданию святых отец наших Мелетия антиохийскаго и Федорита Блаженнаго, епископа кринейскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека (Аввакум, Житие, с. 101).

Яко, *якоже*, *како* и *как*, вводящие препозитивное придаточное сравнительное, получая соответствие в соотносительном слове главного предложения, часто выступают в качестве относительного наречия, обозначающего способ действия [5], например: *какъ*

[5] Мы полностью согласны с точкой зрения Н. А. Широковой, что местоименные наречия *яко*, *якоже*, *како*, *как*, присоединяющие придаточные предло-

пригоже *такъ* дерьжати (Домострой, с. 50); *како* имъ повелятъ работныя ихъ, *тако* и владѣютъ (Письма Ивана IV, л. 129); *Как* знают, *так* и молят по-своему бога (Аввакум, Письма, с. 204); *Как* напечатано, *так* и творить подобает (Там же, с. 286); *Как* хто живе^{т} *та* то^{т} и словетъ (Пословицы XVII в., л. 350). В таких предложениях оттенок сравнения ослаблен или вовсе отсутствует, на первом плане здесь — значение способа действия. Данные конструкции отличает отсутствие лексического тождества сказуемых в сопоставляемых частях и тесная спаянность последних: придаточное в них составляет неотъемлемую часть главного, так как без него содержание главного оказывается незаконченным.

Как показал проанализированный нами материал, употребление соотносительного слова в главном предложении при препозиции придаточного сравнительного составляло норму в старорусском языке. В этой позиции соотносительное слово выполняло связующую роль, помогая объединить относительно самостоятельные части целого. Его отсутствие, рассматриваемое нами как отступление от нормы, отмечено в единичных случаях, например: А что есми учинил опришнину, а то на воле детей моих, Ивана и Федора, *как* им прибыльнее, и чинят (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); рекъ апостолъ къ Коринѳомъ: «Хвалю васъ, братіе, яко всегда мя помните, и *яко же* предахъ вамъ, преданіе держите» (Письма Курб., с. 438). Пример из Писем Курбского представляет собой исключительно редкий случай отсутствия каких-либо показателей связи во второй (главной) части в препозитивных конструкциях данного типа.

Препозитивные сравнительные конструкции с соотносительным словом во втором (главном) предложении своими корнями уходят в глубокую древность. Известны они старославянскому [6] и древнерусскому [7] языкам.

Предложения данного типа с компонентами связи *как . . . / так* (иногда в сочетании указательного наречия *так* с союзом-части-

---

жения сближающего сравнения (как препозитивные, так постпозитивные и интерпозитивные), при наличии в главной части соотносительных слов *тако* (*же*) и *так*, выступают в функции союзных слов, так как корреляты подчеркивают обстоятельственное значение *яко*, *якоже*, *како* и *как*. Если же соотносительное слово в главном предложении отсутствует и придаточное оказывается полным по своему составу без вводящих *яко*, *якоже*, *како* и *как*, последние осознаются как союзы, выражающие сравнение (см.: Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций, стр. 113). Того же мнения придерживается и А. Б. Шапиро (см.: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953, стр. 113).

[6] См.: Н. А. Широкова. Синтаксические конструкции, выражающие сравнение, в памятниках старославянского языка. «Уч. зап. Казанского ун-та», 1965, т. 125, кн. 4. Вопросы синтаксиса русского языка, стр. 298.

[7] См.: В. З. Санников. Сложноподчиненное предложение в древнерусских памятниках XI—XIV вв. (канд. дисс.). М., 1965, стр. 169; Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций, стр. 88—89.

цей *и*) составляют норму современного русского литературного языка [8]. Употребляются они и в русских говорах [9].

Интересен пример с конструкцией трехчленной структуры, где сравнительное придаточное обслуживает одновременно и предшествующее ему и следующее за ним предложение, обнаруженный в деловом памятнике XVII в. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей: Почти писцовъ которыя провойны праотецъ нашихъ пишутъ, и ты тутъ найдешъ что тѣ войны были имъ школы и училища всякихъ. . . добрыхъ честныхъ шляхетныхъ и рыцарственныхъ чювственныхъ дѣлъ, и *потомуже какъ* вовсякихъ школахъ всякимъ наукамъ и мудростемъ учатся. *Такъже* и наши предки ратныя люди воинскому чювству училися и навыкали (с. 28). Здесь, как видим, союзное слово *какъ* относится к двум соотносительным словам — *потомуже* и *такъже*.

Основную массу среди сложноподчиненных предложений сравнительно-сопоставительного значения в проанализированных памятниках старорусского языка, как и древнерусского, составляют предложения с постпозицией сравнительной части. Количественное соотношение препозитивных и постпозитивных конструкций данного типа в наших материалах относится как 1 : 3 [10].

Среди постпозитивных конструкций, выражающих сопоставление ситуаций реального плана, различаются две структурные разновидности. Первую составляют сложнопбдчиненные предложения местоименно-соотносительного (местоименно-союзного) типа, в которых придаточное конкретизирует значение местоименного члена главного предложения и в силу этого обнаруживает тесную связь с главным. Вторую, самую многочисленную, — предложения без соотносительного слова в главном, где придаточное сравнительное занимает более независимое положение.

В постпозитивных конструкциях местоименно-соотносительного (местоименно-союзного) типа главное предложение представляется как бы незаконченным, и придаточное дополняет его, раскрывая и конкретизируя значение соотносительного слова, указывая на способ действия или на степень признака или действия. Подобные конструкции, по мнению Э. И. Коротаевой, являются «отражением той ступени развития грамматического строя, на которой слабо развитая функция подчинительного союза нужда-

---

[8] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2. М., Изд. АН СССР, 1960, стр. 347.

[9] См.: В. З. Санников. Указ. соч., стр. 89; А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 113.

[10] Сложные предложения с препозицией сравнительной части в количественном отношении не представляли собой ведущей категории в древнерусском языке, уступая предложениям с постпозитивным расположением ее. В дальнейшем на протяжении длительного исторического периода наблюдается резкое падение доли препозитивных конструкций. В современном русском языке они довольно редки. См.: Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций, стр. 9.

ется в дополнительном подкреплении со стороны соотносительных слов» [11].

Местоименно-соотносительные конструкции с компонентами связи *тако (же) / яко*; *тако (же) / якоже*; *тако (же) / как*; *так / яко*; *так / якоже*; *так / как* употреблялись в старорусских памятниках в двух структурных вариантах.

Первый вариант — это конструкции с контактным расположением соотносительного и союзного слов на стыке между главной и придаточной частями. Придаточное предложение, тесно примыкавшее к главному, минимально выражало сопоставление. Оно раскрывало (иногда с помощью сравнения) содержание соотносительного слова главного предложения в функции обстоятельства способа действия, максимально подчеркивая сходство способа действия главного и придаточного предложений. Например: И будетъ *такъ*, *какъ* намъ тотъ сынъ боярской Онтонъ Ушаковъ. . . билъ челомъ, и язъ его пожаловалъ (Новг. гр. 1592 г. — АИ, т. I, № 234); И будетъ *такъ какъ* къ намъ Ѳедосѣй Философовъ писалъ, и ты то дѣлаешъ негораздо, плутаешъ, что велишъ на сторожей ставить особную тюрму: толко для сторожей сдѣлать новая тюрма, и то будетъ не дешево (Моск. гр. 1630 г. — АИ, т. III, № 163); А которои діякъ списокъ нарядитъ, или дѣло запишетъ не по суду, *не такъ какъ* на судѣ было. . . и на томъ. . . вкинути его въ тюрму (Суд. Ив. IV, 188—189) [12]; Они же. . . копиа же имяху долга и не можаху и възднимати их *тако*, *яко же* есть обычей ратным (Моск. лет. св. конца XV в., л. 384); . . . повелѣ служити себѣ *такожде*, *яко же* и царю Борису вѣрно послужиша (Пов. Кат.-Рост., с. 575—576); . . . но всяко благодаримъ Бога, иже есма за благодатію Его, . . . научени и утвержени въ вѣре христіанскои благочестивыхъ догматовъ, . . . *не такъ*, *яко* ваша милость пишеть «единымъ писаніемъ» (Письма Курб., с. 438); будет *так*, *якоже* рекох (Аввакум, Письма, с. 204); Живите *так*, *как* мать и тетка жили (Там же, с. 283).

Во втором, также довольно распространенном варианте, а именно — при дистантном расположении названных компонентов связи, значение сопоставления обеих частей сложного целого выступало более отчетливо, причем иногда в таких случаях сказуемое придаточной части лексически повторяло сказуемое главной части или являлось его семантическим вариантом: «не лзѣ брате тому *так* быти, *яко же* вы глаголете (Моск. лет. св. конца XV в., л. 398); А *так* герцуи, господине, по стремнинахъ, *яко* хощешь (Письма Курб., с. 442); Злонравный же злый онъ сопостатъ король никако же ничего того не хотя и не мысля в умѣ своемъ *тако* тому быти, *якоже* намъ годѣ (Пов. о Рос. царстве,

[11] Э. И. Короткаева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.—Л., 1964, стр. 41.

[12] В данном примере сходство способа действия главного и придаточного предложений отрицается.

с. 192); но убо з горем *тако* глаголется, *яко* не мощи терпети (Сатиры о пьянстве, 88); нѣкоторіи прежніи цари *тако* сотвориша нечестивіи, *яко же* ты хощеши творити тако (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 740); Еще же и московский поместный бывый собор при царе Иване *так же* слагая персты креститися и благословляти повелевает, *яко ж* прежнии святии отцы Мелетий и прочии научиша (Аввакум, Житие, с. 101); Мы *так* и веруем, *как* церковные книги учат (Аввакум, Письма, с. 282); *Не такъ* жи^{т} *ка*^{к} хоче^{т}ся, *та* жить *как*^{к} бг̃ъ велитъ (Пословицы XVII в., л. 359).

Наши материалы показывают незначительное преобладание случаев с контактным расположением указанных компонентов связи над дистантным их расположением в старорусских памятниках.

Местоименно-соотносительные конструкции рассмотренных двух вариантов известны и современному русскому языку — литературному [13] и языку русских говоров [14].

В использованных нами старорусских памятниках зафиксировано несколько предложений, в которых постпозитивное придаточное поясняет в главном обстоятельство способа действия, выраженное словосочетаниями *по старине*, *тем образцом*, *тем обычаем* и др. (=*так*): А сын мой Иван держит на Москве болшаго своего наместника, *по старине*, *как* было при отце моем, при великом князе Василье Ивановиче всея России, и как было при мне (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); Такъ же тебѣ здѣсь есть напечатаной листъ *тѣмъ образцом какъ* мѣдною доскою напечатана фигура (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 6); И когда войну зачнутъ не такъ какъ Богъ поволилъ и приказалъ, итѣмъ неполно что войну зачатъ *тѣмъ обычаемъ какъ* нынѣ вълюдехъ ведется, но всѣмъ великимъ государемъ. . . и тѣмъ надобно перво итти кполъному своему государю (Там же, с. 19); . . . стоалъ туто на едином мѣсте князь велики 11 день, управляя Новгородцевъ, и пожаловал их, дасть им миръ *на своеи воле*, *какъ* самъ въсхотѣ (Моск. лет. св. конца XV в., л. 407 об.); . . . посылаю . . . до вашеи милости. . ., что ваша милость рачи приняти отъ мене, *со обычною кротостію*, *яко* святои вдовицѣ достоитъ (Письма Курб., с. 453—454).

В языке деловых памятников при меньшей употребительности соотносительного *так* [15] в той же обстоятельственной функции преобладают корреляты типа предложно-падежной конструкции *по тому (ж)*: . . . и во всѣ тата(р)скіе проторы давати (ти) мнѣ ‹со. . . своеи ѡ(т)чины *по томѵ*, *ка(к)* ѡ(те)цъ на(ш). . . написалъ› (Моск. гр. 1504 г. — Дух. дог. гр., № 90, IIа); . . . и вы бъ

[13] См.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, стр. 341, 343; «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX века». М., 1964, стр. 53—54.

[14] См.: А. Б. Ш а п и р о. Указ. соч., стр. 113.

[15] См. примеры из грамот, приведенные выше.

Троицы Сергіева монастыря архимандриты. . . монастырскимъ людемъ и крестьяномъ, велѣли рыбу ловити по рѣкѣ по Ворѣ. . . *по тому жъ, какъ* въ той рѣкѣ Троицы Сергіева монастыря слуги и крестьяне рыбу ловили (Моск. гр. 1575 г. — АИ, т. I, № 192); ‹и вы бъ› и пашню на него пахали, и оброкъ ему его помѣщичь, хлѣбной и денежной и всякой мелкой доходъ и съ угодей всякихъ платили, *по старинѣ, по тому жъ, какъ* съ тѣхъ пустошей помѣщича доходу шло прежнимъ помѣщикомъ изстари (Новг. гр. 1594 г. — АИ, т. I, № 244) [16]; а впередъ всякіе дѣла судите по сему Судебнику и управа чинити *по тому, какъ* Царь и Великій Князь въ семъ своемъ Судебникѣ съ которого дня уложилъ (Суд. Ив. IV, с. 264); а вершити тѣ дѣла *по тому, какъ* будетъ въ судѣ записано (Улож. 1649 г., с. 28).

Местоименно-соотносительные конструкции типа *по тому (ж) / как* в отличие от конструкций с компонентами связи *тако (же) / яко (якоже)*; *тако (же) / как*; *так / яко (якоже)*; *так / как* в использованных нами старорусских памятниках употреблялись в основном в одном структурном варианте — при контактном расположении коррелята и союзного слова. Исключение составляют лишь несколько следующих случаев: и хлѣбы семеиные тако мѣсити, и оукъвасити, и вывалать хорошо и выпечь, и пирошки семѣиные *по томѫ же*, и всакѫю ествѫ хорошенько и чисьтенько оустрапать *какъ* своа дша люби, и всакой семеиной ествы гдрна или дворецкои самъ кушаетъ (Домострой, с. 51); И втомъ во всемъ *по томуже* дѣлай *какъ* я тебѣ про мушкѣтъ указалъ (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 6); но ивсѣмъ ратнымъ людемъ иподданнымъ *потомуже* указуетъ *какъ* имъ ратному строю быти извычнымъ, ивовсемъ жити остерегателно (Там же, с. 39).

Придаточные сравнительные, присоединяемые при помощи союзного слова или союза *как*, постпозитивные (преимущественно) и интерпозитивные, в русских грамотах представляли собой стандартные юридические формулировки, такие как — *как пошло, как было при мне, как было при отце, как было исстари, как было преже сего, как в . . . грамоте писано, как нам . . . бил челом, как отец . . . в . . . грамоте написал* и др. Некоторые из них отмечает в древнерусских грамотах В. И. Борковский, считая, что они «содержали указание на ту юридическую норму, на тот порядок, который имел место в прошлом и потому являлся обязательным» [17]. Приведем несколько примеров с постпозицией и интерпозицией придаточной части; п о с т п о з и ц и я: . . . и людей отвсюду блюсти и дозирати, *какъ* было преже насъ при моемъ брате при Ѳотѣѣ митрополитѣ (Моск. гр. XV в. — АЮБ, т. 2, № 167);

[16] В данном примере в главном предложении находятся два соотносительных словосочетания — *по старинѣ* и *по тому жъ*, благодаря чему сравнение действий придаточного и главного по способу осуществления этих действий проявляется более выразительно и подчеркнуто.

[17] В. И. Б о р к о в с к и й. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958, стр. 147—148.

. . .а приставоⁿ ваⁿ не приставливати . . .а судеи слаᵀ по волостеⁿ на петроᵛ дн҃ь *ка* пошло[18] (Новг. гр. 1471 г. — Шахм., О языке, № 20); ‹дали въ домъ Пречистой Богородицѣ› . . . да село Кадышъ, да село Караишь, . . . со всеми угодьи, съ лѣсы и съ луги. . . и съ бобровыми гоны, но *потому жъ какъ* было изстари при Царѣхъ (Казан. гр. 1555 г. — АИ, т. I, № 162); Да ему жь даю город Белою, с волостми и с селы, и со всеми пошлинами, *как* было при мне (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); и велѣлъ есми ходити о всѣмъ *по томужъ какъ* въ сей нашей жаловалной грамотѣ писано (Моск. гр. 1605 г. — АЮБ, т. I, № 41, III); И будетъ *такъ*, *какъ* намъ Володимеръ Немтиновъ билъ челомъ, и какъ ся наша грамота придетъ, и выбъ въ губныхъ дѣлахъ про розбой Семенова да Олексѣва человѣка Беклемишева Дружинки обыски 153 и 154 году сыскавъ, . . . прислали къ намъ къ Москвѣ, да о томъ отписали (Моск. гр. 1647 г. — Там же, № 55, XI); интерпозиция: А пріиде[т] б(о)жія волѧ, возме[т] б(о)гъ тобѧ, мое[г]о брата, и мнѣ, великомѳ кн(ѧ)зю Василію, и мои[м] дѣте[м] в Москвѣ и всеѣ твоеи ѡ[т]чины *по томѳ*, *ка*[*к*] тобѧ бл(аго)[с](ло)ви[л] о(те)ць на[ш], кнꙗ[з](ь) велики Ива[н], и въ своей д(ѳ)ховнои грамотѣ написа[л], по[д] твоею кн(ѧ)г(и)нею и пѡ[д] твоими дѣтми блюсти, и не ѡбидѣти, ни встѳпати[с](ѧ), и печѧловатисѧ на[м] твоею кн(ѧ)г(и)нею и твоими дѣтми (Моск. гр. 1504 г. — Дух. дог. гр., № 90, IIа); и тобѣ, г(о)[с](поди)не, великомѳ кн(ѧ)зю, . . . и твоемѳ с(ы)нѳ, кн(ѧ)зю Иванѳ, и ваши[м] дѣте[м] того всего *по томѳ*, *ка*[*к*] ѡ(те)цъ н(а)шь, кнꙗ[з](ь) велики[и], мнѣ [в]ъ своеи д(ѳ)х(о)внои грамоте написалъ, подо мною и по[д] моими дъ[т]ми блюсти, и не ѡбидити, ни в[ъ]стѳпати[с](ѧ) (Моск. гр. 1531 г. — Там же, № 101 б); ‹цѣлѳи ко мнѣ кр(е)[с]тъ› по лю[б]ви, въ пра[в]дѳ, бе[з] всѧкіе хитрости; *на то*[*м*] *на все*[*м*] [19], *ка*[*к*] в сеи н(а)шеи доко[н]чалнои грамоте писано, правити тобѣ на[м] по пе[р]вомѳ кр(е)[с]тномѳ целова[н](ь)ю (Там же).

Заметим, кстати, что более, чем на 60 случаев постпозитивных конструкций данного типа, обнаруженных в исследованных русских грамотах XV—XVII вв., примеров с интерпозицией придаточного приходится около 20. Постпозиция придаточного, по мнению В. И. Борковского, находила поддержку в бессоюзных сложных предложениях, вторая часть которых, начинающаяся наречием *тако (тако пошло)*, указывала на обоснование, мотивировку, причину того, о чем говорилось в первой части [20].

Наряду с конструкциями местоименно-соотносительного типа, выражающих сравнение ситуаций реального плана, в проанали-

[18] *Пошло* употребляется в значении ‘установлено’, ‘ведется исстари’, ‘обычно’ (см.: И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1902, стб. 1098).

[19] В использованных нами старорусских грамотах встретились лишь два случая с таким предложно-падежным словосочетанием в функции коррелята.

[20] В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 149.

зированных нами старорусских памятниках отмечены постпозитивные местоименно-союзные конструкции со следующими компонентами связи: *тако. . . / что, так . . . / что, тако. . . / еже* (последние — в Письмах Ивана IV). Коррелят в данных конструкциях находится перед сказуемым, а придаточное сравнительное соотносится при его посредстве со всей группой сказуемого главного предложения, например: . . . и тѣ ратныя люди которыя сему науку искусни и болши знаютъ, и тѣ сіе мое дѣло *тако* почтутъ, *что* тщаніе свое знатье свое всѣмъ чти лыбителнымъ ратнымъ людемъ доброволно здѣлати учнутъ і сію мою работу пособятъ справити (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 57); А по смерти нашеи грешная телеса наша — добро *так*, царю, ты придумал со властьми своими, *что* псом пометати или птицам на растерзание отдати (Аввакум, Письма, с. 198) [21].

Несомненный интерес представляет своеобразная группа местоименно-союзных конструкций с названными компонентами связи, первая (главная) часть которых выражает отрицание в форме риторического вопроса, а вторая (придаточная) дает обоснование, пояснение тому, что отрицается в первой части. Данные конструкции обнаружены в основном в языке Писем Ивана IV: И *тако* ли душу свою за насъ полагаютъ, *еже* намъ хотѣли погубити, а дядю нашего воцарити? (Письма Ив. IV, л. 145 об.); И *тако* ли душу свою за насъ полагаютъ, *еже* во всемъ намъ супротивная устрояютъ? (Там же, л. 149); И *тако* ли достоино служити намъ бояромъ нашимъ и воеводамъ, *еже* такимъ собацкимъ собраніи безчеловѣчне бояръ нашихъ доброхотныхъ убивати, еще же въ чертѣ намъ кровнои, не помышляя въ себѣ страха нашего? (Там же, л. 149); И *тако* ли прегордые царства разоряете, *еже* народъ безумными глаголы наущати и отъ брани отвращати, подобно Юношю Угорскому? (Там же, л. 160); *такъ* ли сыну прочити, *что* все на конецъ губити? (Пов. о Рос. царстве, с. 203). Употребление соотносительного слова в рассмотренных случаях диктуется, очевидно, стилистическими соображениями: оно привлекается как эмоционально экспрессивное средство в предложениях риторического вопроса.

В исследованных нами старорусских памятниках количество постпозитивных конструкций сравнительно-сопоставительного значения с соотносительным словом примерно равно количеству данных конструкций без него, в то время как в древнерусском языке, как отмечает Н. А. Широкова, среди сложных предложений с постпозицией придаточного сравнительного основную массу составляли предложения без коррелята [22].

В постпозитивных сравнительных конструкциях без соотносительного слова главное предложение является как бы закон-

[21] Союз *что* для выражения сравнительной связи употребляется в фольклоре и в современных говорах. См.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 549; А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 84.

[22] Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций, стр. 90.

ченным по смыслу. Оно выступает полным по грамматическому составу и не требует обязательного распространения. Соответственно придаточное занимает более независимое положение по сравнению с придаточным, поясняющим соотносительное слово главного предложения, имея в какой-то степени характер присоединительной конструкции, как бы введенной дополнительно. Оно относится к главному предложению в целом его составе или, что то же самое, к его предикативному центру — группе сказуемого [23].

Сложноподчиненные предложения сравнительно-сопоставительного типа без коррелята, как и соответствующие предложения с соотносительным словом, могли выражать:

а) способ действия, когда значение сопоставления было нечетким или совсем отсутствовало, а придаточное показывало путем сравнения, как, каким способом осуществляется действие главного предложения, например: А чем будет твоя вина, и ты б ему добил челом, *как* ему любо (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); . . . и тѣмъ его товарищемъ своихъ жеребьевъ искати, *как* они похотятъ (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 58); . . . а государи бы наши великые князи свою отчину жаловали, *как* имъ богъ положит на сердце (Моск. лет. св. конца XV в., л. 451); Се и корабли . . . бращаются малымъ кормильцемъ, *яко же* хощемъ (Письма Ив. IV, л. 135); Простите, брате, никонияне, что избранил вас; живите, *как* хочете (Аввакум, Житие, с. 85); А нас Христос, бог наш, десницею своею покроет и сохранит, *якоже* он весть (Аввакум, Письма, с. 229—230);

б) сравнение тождественных действий при разных субъектах, объектах, взятых в ином временно́м или пространственном аспекте. Для данных конструкций характерен параллелизм строения частей и в большинстве случаев тождество или семантическая близость глаголов-сказуемых: і даша. вѧчеславоу і всѣмъ. кнѧжь. ѡстровчемъ. грамоту. судную правую. потѧнеть. оуласке. с княжьѡстровци. въ старину *какъ* ѡц҃ь его. тѧнулъ (Двин. гр. XV в. — Шахм., Исслед., № 87); А болшое, господине, молю твою христолюбивую душу, чтобы намъ Государь Князь Великій Иванъ Васильевичь всея Русіи велѣлъ быти у собя, *какъ* отець его велѣлъ намъ быти у собя (Русск. гр. 1533 г. — АИ, т. I, № 234);

[23] Е. Курилович показал, что нельзя противопоставлять всю главную часть ее предикативному центру — сказуемому и отделять синтаксические связи сказуемого главного предложения от синтаксических связей главного предложения в целом. Он пишет: «. . . именно сказуемое . . . представляет внешние синтаксические связи предложения. . ., определить все предложение — значит определить сказуемое предложения. Таким образом, разрешается часто обсуждаемая грамматистами проблема большей или меньшей независимости обстоятельственных оборотов: связаны ли они со всем предложением или только со сказуемым? Мы говорим, что грамматически это одно и то же, так как сказуемое представляет все предложение» (см.: Е. К у р и л о в и ч. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 53). Эта точка зрения преобладает в современной синтаксической науке.

‹даю ему город› . . . со всеми пошлинами, *как* ми бог дал Горную сторону (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); и не токмо глаголю вамъ потрудитися, но и постражите за имя Христово. *якоже* они божественніи мужіе, не токмо бо за имя того страдаша, но и за образъ (Стоглав, с. 33); . . . а онъ отвръгъся вѣры христианьскые, звался Фрязином ихъ вѣры, а крещение наше потаил, и все творил тамо, *яко же* и они творятъ (Моск. лет. св. конца XV в., л. 419); а язъ, государь, с тѣми рѣчми выехал из Литвы, уже тому одиннатцать лѣтъ минуло, служачи тебѣ, благовѣрному царю, вѣрно, поминая своихъ пращуръ і прадѣдъ, *какъ* служили вѣрно государемъ рускимъ великимъ княземъ, твоимъ прощуромъ и прадѣдомъ (Пересветов, с. 60); . . . чтоб нас, казаков, многолюдством своим в Азове городе живых загрести и засыпати бы им горою великою, *как* они загребают своими силами людей в городех перситцкаго шаха (Пов. об азов. взятии, с. 60).

Придаточные предложения в анализируемых конструкциях присоединялись к главному при помощи союзов *яко* и *как*.

В сложных предложениях сравнительно-сопоставительного значения интерпозитивные придаточные, так же как и постпозитивные, могут относиться и к соотносительному слову главного предложения, и ко всему главному предложению в целом. При этом наблюдаются наиболее типичные приемы рассечения главной части:

а) придаточное сравнительное может находиться между дательным субъекта и инфинитивом — главным членом односоставного предложения [24];

б) оно может располагаться между однородными членами (чаще между однородными сказуемыми или однородными главными членами односоставного предложения): . . . и хоть бы игуменъ, да и братіа, жили по моему преданію, *какъ* язъ имъ написалъ, и ко игумену повиновеніе имѣли (Моск. гр. 1507 г. — АИ, т. I, № 288 Р 2); Да ему жь даю село Воронцово, с дворы городскими, . . . и с мелницами, *как* было при мне, да манастырь Лыщиков, и с дворы (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104) [25]; . . . тако же бы по вся дни пѣти часы и обѣдни бы служили. *какъ* гдѣ вмѣстно и мочно. и звонили бы въ подобно время по уставу (Стоглав, с. 61); А дѣло велѣти написати, *какъ* истецъ и ответчикъ въ судѣ говорили, и вершити то дѣло по суду, до чего доведется (Улож. 1649 г., с. 27); і инымъ воинникомъ сердца возвращати, . . . и во всемъ имъ вѣрити . . . і любити ихъ, *яко* отцу дѣтей своихъ, і быти до них щедру (Пересветов, с. 63); и того ради онъ окаянный не хощетъ *такъ* сотворити, *яко же* намъ годѣ, и уже конечно во умѣ своемъ мыслитъ, что великое наше государство обовладѣлъ

---

[24] См. примеры из грамот на стр. 306.

[25] В данном примере интерпозитивное придаточное находится между однородными дополнениями.

(Пов. о Рос. царстве, с. 195); Слушай ево и живи *так, как* он тебе наказывает персты слагать, и креститца, и кланятца, богу молясь, и во всем не протився ему (Аввакум, Житие, с. 118); некто играет, *яко* жидовин древле, и ругается кресту Христову (Аввакум, Письма, с. 248).

Доля интерпозитивных конструкций рáссматриваемого типа в материалах, которыми мы располагаем, невелика. Они составляют $^1/_7$ часть всех конструкций сравнительно-сопоставительного значения.

Следует выделить сложноподчиненные предложения сравнительно-сопоставительного значения с придаточными, имеющими форму неполного предложения. Неполнота придаточного выявляется в тех случаях, когда его сказуемое лексически повторяет сказуемое главного предложения и поэтому не названо. В сравнительных конструкциях с неполным придаточным устанавливаются более тесные отношения между частями, объединяемыми наличием общего члена, который выполняет функцию сказуемого для обеих частей сложного предложения.

Приведем примеры с неполными придаточными предложениями, находящимися в препозиции, интерпозиции и постпозиции по отношению к главному: покоите старость ихъ и ѡ ни[х] болезнꙋите такѡ ѡни ѡ ва (Домострой, с. 16); *яко* бо то ти тогда, *тако* и сии меж себя брань творяху (Моск. лет. св. конца XV в., л. 399 об.); Святитель же . . . молитвою въоружает его и благославляет его на противныа и вся воа его, *яко же* Самоил Давыда на Гольада (Там же, л. 401 об.); Но не о тѣхъ намъ слово, но о истинныхъ, апостолоподобныхъ епископехъ. . ., ангельское житіе проходящихъ, ихъже Лютеръ. . . похулилъ и уставы ихъ отверглъ, *яко* и ваша милость блаженнаго онаго и многія святыни исполненнаго Домаскина (Письма Курб., с. 443); Царю быти благодатію божіею і мудростію великою на царствѣ своемъ, а до воинниковъ быти, *яко* отцу до дѣтей своихъ, щедру (Пересветов, с. 65); Аз же, взяв кошку, а мати — некрещенова младенца, побрели . . . и на пути крестили, *яко же* Филипп каженика древле (Аввакум, Житие, с. 62); погибнут вси, потребятся, *яко* древле во Аендоре, будут яко гной земный (Аввакум, Письма, с. 204); Григорьевна, перестань-ко ты мясца кушать. . ., но питайся семеньми, *яко* трие отроцы в Вавилоне (Там же, с. 270).

Как показал проанализированный материал старорусских памятников, состав компонентов связи, употреблявшихся в сложноподчиненных предложениях сравнительно-сопоставительного типа, не отличался большим разнообразием. Это в основном, как отмечалось, различные комбинации соотносительных слов *тако, так* (с частицей *же* или без нее), союзных слов *яко, якоже, како, как*, а также союзов *что* и *еже*.

В исследованных нами памятниках старорусского языка союзные слова и союзы *яко, якоже* выступают как равнозначные, при-

соединяя придаточные сравнительно-сопоставительного значения. На равнозначность союзов *яко* и *якоже* в старославянском языке указывали Е. Ф. Корш, В. Вондрак, А. Вайан [26]. Не приводит различий между ними для древнерусского языка и Е. С. Истрина [27].

Яко и *якоже*, распространенные в старославянском и древнерусском языках, продолжают господствовать, судя по материалам нашей картотеки, и в памятниках XV—нач. XVII в., хотя стилистические ограничения свидетельствуют о начавшемся уже вытеснении их из языка. В исследованных нами старорусских памятниках они употребляются исключительно в художественных произведениях и совершенно не свойственны деловому языку. В деловых памятниках отмечено лишь несколько приведенных ниже случаев с *яко*, *якоже* в Московской грамоте 1572 г. — духовной грамоте Ивана IV, в Стоглаве и в контекстах книжного характера Домостроя: и аз славу, ю же дал еси мне, дах им, да будут едино, *яко же* и мы едино естьмы (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); . . . ты . . . возлюбил еси их, *яко же* и мене возлюбил еси (Там же); . . .долготерпения ради от господа милость приимите, *яко же* инде речено есть (Там же); . . .безуміе бо ихъ явѣ будетъ всѣмъ *якоже* и о иныхъ бысть (Стоглав, с. 34); Тако же и по инымъ по всѣмъ градомъ таковыя ради нужды звонити и пѣти обѣдни потому же. *якоже* и преди рѣхомъ (Там же, с. 64); . . . оустрашитесѧ людіе творите волю бжію ѣкоже есть в законе писано (Домострой, с. 10);. . .і оу ц҃а своего. дховнаго каѧхсѧ со слезами и оумилне прошенїѧ проса, и заповеди его дховныѧ с любовию хранѧхъ ѣко же повелитъ ми (Там же, с. 65) [28].

По данным материалов, которыми мы располагаем, *яко*, *якоже* составляют около 70% среди всех средств, при помощи которых присоединяются придаточные, выражающие сравнение ситуаций реального плана.

Местоименное наречие *как* в роли союза [29] или союзного слова

---

[26] См.: Е. Ф. Корш. Способы относительного подчинения. М., 1877, стр. 102; В. Вондрак. Древнецерковнославянский синтаксис. Казань, 1915, стр. 44; А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 401—402.

[27] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. — ИОРЯС, т. XXIV и XXVI. Пг., 1923, стр. 187—188.

[28] См. также примеры с *якоже* из Стоглава и Домостроя на страницах 299, 309, 310.

[29] Интересно следующее замечание А. Б. Шапиро о семантике союза *как*: «. . . следует признать, что союз *как*, считающийся едва ли не самым многозначным, в сущности имеет одно значение — сопоставительное и что все остальные значения, обычно присваиваемые ему на равных правах с сопоставительным, — не что иное, как оттенки этого „генерального“ значения, выступающие на первый план в силу сочетания союза *как* с теми или иными структурными чертами предложения (простого или сложного) или в различном лексическом контексте» (см.: А. Б. Шапиро, Указ. соч., стр. 121).

является господствующим в деловых памятниках XV—нач. XVII в. Употреблялось оно и в деловой письменности древнерусского языка, но значительное распространение получило лишь в XVI—XVII вв.[30] Из делового языка оно постепенно проникло в памятники других жанров. В использованных нами художественных произведениях XV—XVII вв. на долю *как* приходится 27% всех средств, присоединяющих придаточные сравнительно-сопоставительного значения. В дальнейшем развитии сравнительных конструкций *как* становится ведущим, вытесняя *яко*, *якоже*.

Наречие *како* в роли союзного слова отмечается спорадически в проанализированных старорусских памятниках.

Сложноподчиненные предложения сравнительно-сопоставительного типа, употреблявшиеся в старорусском языке, почти не отличаются от соответствующих конструкций современного русского языка ни по своему строению, ни по характеру синтаксических связей. Отличия состоят в основном лишь в обновлении лексического состава союзов и союзных слов. В современном русском языке окончательно вышли из употребления соотносительное слово *тако*, союзы и союзные слова *яко*, *якоже*, союз *еже*; сохранились — наречие *так* в роли коррелята, союзные слова и союзы *как* и *что*.

Одним из основных сравнительных союзов современного русского языка является союз *как*. Он стал также основным компонентом в целой группе вновь образовавшихся сложных союзов сравнения, таких, как *так же как и* [31], *вроде как*, *подобно как*, *подобно тому как* и др. К нему присоединились: соотносительное слово *так*, наречия, а также различные предложно-падежные словосочетания со словами, в самой семантике которых содержится сравнение. Таким образом, по меткому замечанию Г. П. Уханова, «сравнительный союз оказался точкой притяжения всех формальных и лексических элементов, которыми выражается сравнение» [32].

К сложным конструкциям, выражающим сопоставление ситуаций реального плана, относятся сложноподчиненные предложения с придаточными, характеризующими путем сравнения меру или степень проявления действия, состояния или признака, названных в главном предложении. Некоторые из них имеют зна-

---

[30] Ср.: М. Ф. Палевская. Сравнительные обороты и сравнительные придаточные предложения в древнерусском языке по памятникам XII—XVII вв. (автореф. канд. дисс.). М., 1955, стр. 16.

[31] Образование сложных союзов *так же как и*, *так как* (последний закрепился в современном русском языке как союз с причинным значением) не разрушило соотносительных пар *так же / как и*, *так / как* в сравнительных конструкциях.

[32] Г. П. Уханов. Некоторые формально-грамматические особенности сравнительных придаточных предложений. «Тезисы докладов научной конференции». Калинин, 1961, стр. 35.

чение меры и степени, лишенное каких-либо дополнительных оттенков. Другие сочетают это значение со значением следствия [33].

Конструкции данной семантической группы постпозитивные и интерпозитивные. Постпозитивные конструкции представляют собой две структурные разновидности. Первую составляют сложные предложения, в которых придаточное меры и степени относится к соотносительному слову главного предложения — неконкретному обстоятельству меры или степени, выраженному местоименными словами — указательными местоимениями или наречиями. Вторую — сложные союзные конструкции без коррелята.

Сложноподчиненные предложения с интерпозитивным придаточным меры и степени представлены в старорусском языке, как позволяют судить об этом наши материалы, только второй структурной разновидностью — без соотносительного слова.

Постпозитивные конструкции первой структурной разновидности с коррелятом в главной части употребляются в исследованных старорусских памятниках в виде местоименно-союзных конструкций со следующими компонентами связи, расположенными преимущественно дистантно: 1) *так* / *что*, *до того* / *что*, *до того*/*яко* (более распространенные) и *толь* / *ꙗко*, *так* / *иже*, *толикая*/*еже* (встречающиеся очень редко), например [34]: *Так* горько ему, *что* не говорю: «пощади!» (Аввакум, Житие, с. 71); И *дотого* у насъ нынѣ дошло, *что* и богоотпадшую лихую статію нынѣ честнымъ именемъ покрываютъ, и называютъ волнованіе соединеніемъ (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 51); Людіе же града того ужасни быша. . . и нападе на нихъ гладъ великъ; даже и *до того* доиде, *яко* уже и всяко скверно и нечисто ядяху: кошки и мыши, и иная не подобная симъ (Пов. Кат.-Рост., с. 587); Москвичи же веселымъ лицомъ сихъ воспріемаютъ и *толь* крѣпцѣ на нихъ наступают, да *яко* Поляцы пораженія ихъ, смертоносныхъ, подъяти не могутъ и хребетъ даютъ, и воспять итти понуждаютца (Там же, с. 610—611); . . . и *такъ* ѳилосоѳіи онъ навыкъ, . . . *иже* вышъши его никто же обрѣлся (Письма Курб., с. 453); *толикая* претерпе от врагов[35] божиих *еже* и всяк слух ужасает (Аввакум, Письма, с. 292).

В большинстве приведенных примеров, как видим (в примерах из Учения и хитрости ратного строения пехотных людей XVII в. и из Повести Катырева-Ростовского XVII в.), придаточные предложения, совмещая в себе значение меры и степени со значением следствия, близки к придаточным следствия [36].

---

[33] В приведенном ниже материале они рассматриваются вместе.

[34] Примеры приводятся в порядке убывания употребительности местоименно-союзных конструкций с названными компонентами связи.

[35] В некоторых из приведенных примеров *и* выполняет, очевидно, роль усилительной частицы.

[36] Аналогичные конструкции с компонентами связи *так* / *что*, *до того* / *что*, *настолько* / *что* и другие часто имеют оттенок следствия и в современном русском языке.

Сложные предложения с названными компонентами связи указывали в придаточной части на предельную степень выражения признака или меру проявления действия, которые обозначены в сказуемом главной части.

Местоименно-союзные конструкции *так/что* и *до того/что* с контактным и дистантным расположением соотносительного слова и союза известны современному русскому языку [37]. А. Б. Шапиро отмечает подобные конструкции с компонентами связи *так/что* в русских говорах [38].

Постпозитивные и интерпозитивные конструкции второй структурной разновидности — без соотносительного слова — встречаются в старорусских памятниках, как свидетельствуют наши материалы, несколько чаще, чем предыдущие. Придаточные меры и степени присоединяются к главному с помощью следующих союзных слов и союзов: более употребительных — *елико*, *поелику*, *яко* и отмеченных единичными случаями — *сколко* (*колько*), *что*. Приведем примеры [39]: А воинству, *поелику* возможно, навыкните (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); . . . благодарю Бога моего, вѣмъ благочестіе отчасти утвердити по Божію дарованію, *елико* ми есть сила (Письма Ив. IV, л. 167); «отче мой или брате, *елико* имаши дерзновение к богу, молися о мне, грешнем» (Аввакум, Письма, с. 245); . . . и в тои часъ изыде благоухание много по всему храму, *яко* всѣм бывшим ту слышите его (Моск. лет. св. конца XV в., л. 412); а язъ, холопъ твой, на то же выехалъ на твое имя царево во всем тебѣ, государю, вѣрно служити, *сколко* Богъ поможетъ (Пересветов, с. 60); И въ то время бысть въ Московскомъ царьствѣ въ людѣхъ мятежъ великъ и крикъ и вопль, *что* изо многихъ дворовъ добрыхъ людей метаху вонъ (Сказ. о Гр. Отрепьеве, с. 742) [40].

А. Б. Шапиро отмечает в русских говорах и в фольклоре предложения с придаточными меры и степени, присоединяемыми союзом *что*, без соотносительного слова в главном, например: Сама себе рукава яще кумачем натче, *щё* люба-дорога (Даль-Тамб.); И вот треснул мороз, *что* у волка хвост замёрз (Аф. Ск., I, II) [41]. Данные конструкции являются принадлежностью разговорного языка.

При отсутствии соотносительного слова придаточное сравнительное более тесно и непосредственно связано со сказуемым главного предложения (или с главным членом односоставного предложения). Оно как бы втягивается в состав главного предложения,

---

[37] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века», стр. 56, 58—59; А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. II. Синтаксис. М., 1961, стр. 287.

[38] А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 84.

[39] Примеры приводятся в порядке убывания употребительности союзов.

[40] В примере из Сказания о Гришке Отрепьеве придаточное предложение наряду со значением меры и степени имеет значение следствия.

[41] А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 84.

выполняя функцию развернутого обстоятельства меры и степени, например: ‹Нас же . . .› и в панихидах, . . . и в милостынях к нищим и препитаниях, *елико* возможно, не забывайте (Моск. гр. 1572 г. — Дух. дог. гр., № 104); а которые собою вышли. о тѣхъ устрой чинити же по достоянію *елико* вмѣстимо (Стоглав, с. 46); ‹вѣакомѹ хр҃стїанінѹ...› в полѹночи всегда таино вставъ со слезами прилежно к Бг҃ѹ молитиѣа *елико* вмѣстимо ѡ своемъ согрѣшенїи (Домострой, с. 11); и види бѣдѹ и̂ и скорбь и всѣкѹ нѹжѹ *елико* возможно помогаи имъ (Там же, с. 7); побранил их *колько* мог, и последнее слово рекл (Аввакум, Житие, с. 102); И паки моли о себе и о нас бога, а мы о вашем благоприступании, *елико* можем (Аввакум, Письма, с. 246).

Союзные слова и союзы старославянского происхождения — *елико*, *поелику*, *яко* — наблюдаются, как показывает приведенный выше материал, в тексте религиозного содержания. Союзы же и союзные слова народно-разговорного типа *что*, *сколко* (*колько*) — в деловых памятниках и в художественных произведениях, характеризующихся элементами живой народной речи.

Изменения, которые претерпели в истории русского языка сложноподчиненные предложения с придаточными меры и степени, в основном сводятся к увеличению количества соотносительных слов, союзных слов и союзов.

Вышли из употребления соотносительные и союзные слова старославянского происхождения: *толь*, *толикая* (отмеченные единичными случаями в старорусских памятниках); *елико*, *поелику* (довольно распространенные). В свою очередь сохранились компоненты связи народно-разговорного типа: соотносительные слова *так*, *до того*, союзное слово *сколько* и союз *что*. К ним добавился ряд новых компонентов связи. В современном русском языке, помимо распространенных в исследованных старорусских памятниках коррелятов *так* и *до того*, инвентарий соотносительных слов со значением меры и степени включает новые местоименные слова, такие, как *столько*, *настолько*, *постольку*, *в такой мере*, *до такой степени* и др. Им соответствуют союзное слово *сколько*, зафиксированное в исследованных старорусских памятниках, и союзные слова *насколько*, *поскольку*, не отмеченные в них, а также союзы — *что*, присоединявший в памятниках старорусской письменности XV — нач. XVII в. придаточные меры и степени, и *чтобы*, не встретившийся в предложениях данного типа в памятниках указанного периода.

В современном русском языке в значении меры и степени функционируют синонимичные конструкции *сколько/столько*; *столько/сколько* и *насколько/настолько*, *настолько/насколько*. Последние укрепились в литературном языке во второй половине XIX в.[42]

[42] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. . .», стр. 44.

Л. А. Булаховский замечает, что пара *насколько/настолько* утвердилась во второй половине XIX в., разграничив чисто наречное значение [43] и значение количественное, в отличие от пары *сколько/столько*, употреблявшейся в обеих функциях в первой половине века [44]. Однако процесс разграничения не завершен и в настоящее время: и укоренившиеся во второй половине XIX в. конструкции *насколько/настолько*, *настолько/насколько* и более ранние *сколько/столько*, *столько/сколько* бытуют в современном русском языке в значении меры и степени как синонимы.

В отличие от названных местоименно-соотносительных конструкций, местоименно-союзные конструкции *столько/что* и *столько/чтобы*, широко употреблявшиеся в данном значении в литературном языке XVIII в. и первой половины XIX в., во второй половине XIX в. в основном уступили место синонимичным конструкциям *настолько/что* и *настолько/чтобы* [45]. Современные конструкции с компонентами связи *поскольку/постольку*, *постольку/поскольку*, отсутствующие в старорусском языке, как и синонимичные конструкции *насколько/настолько*, *настолько/насколько*, указывают на пропорциональное соответствие признаков.

Среди сложноподчиненных предложений сравнительно-сопоставительного значения выделяем группу сложных конструкций, дающих сопоставление в плане количественных отношений. Данные конструкции характеризовались следующей структурой. Придаточное сравнительное в них могло относиться или к соотносительному слову главного предложения, или к главному предложению во всем его объеме. В сложных предложениях первого типа придаточное, как показал проанализированный материал старорусских памятников, занимало любую позицию по отношению к главному: оно могло находиться в препозиции, постпозиции и интерпозиции. В конструкциях без соотносительного слова придаточное располагалось после главного или внутри него.

Препозитивные местоименно-соотносительные конструкции с компонентами связи *елико. . ./толико*, *елико . . . /тако*, *сколько. . ./столько* [46] (все — с дистантным расположением соотносительного и союзного слов) представляли собой своеобразные конструкции, обозначающие соответствие по количеству: *Елико* чего изыскалъ, *Толико* сего и написалъ (Пов. Кат.-Рост., с. 623—624); и тако взяту бывшу тому граду Китаю: и *елико* въ немъ людей

---

[43] Под «наречным» значением Л. А. Булаховский, очевидно, понимает значение меры и степени.

[44] Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX в. М., 1954, стр. 403.

[45] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. . .», стр. 45.

[46] В использованных нами старорусских памятниках конструкции с компонентами связи *елико. . . / толико* и *елико. . / тако* представлены несколькими случаями, конструкция же *сколько. . . / столько* встретилась лишь в одном приведенном ниже примере из Повести об азовском взятии XVII в.

обрѣтаютъ, и *тако* мечемъ погубляютъ и сокровища ихъ грабятъ (Там же, с. 615); И тако городку сему отъ Поляковъ взяту бывшю, и *елико* въ немъ обрѣтаютъ людей всѣхъ мечемъ погубляютъ, никого не щадя (Там же, с. 595) [47]; «. . . *Сколко* де в Азове в стенах каменния, и *столко* де ваших галов казачих под ним погибло» (Пов. об азов. взятии, с. 54); Толк: *Елико* суть живота на земли, *толико* и в водах и множае суть (Аввакум, Письма, с. 272); По нѣкоторагѡ нѣгдѣ реченїю. *еликѡ* ѿ чл҃вческагѡ жител҃ства продолжается время. *толикѡ* чл҃вцы мня҃ся в хѵдожества свои древнїя превосходити во всякой вещи (Пословицы XVII в., л. 321).

Заметим, что для указанных конструкций, как и для рассмотренных выше препозитивных конструкций сравнительно-сопоставительного значения с компонентами связи *яко(же)/тако(же)*, *како/тако(же)*, *как/так*, характерен параллелизм построения частей сложного целого.

Постпозитивные и интерпозитивные конструкции местоименно-соотносительного типа отмечены в старорусских памятниках со следующими компонентами связи, расположенными контактно и дистантно, а именно: *столько/сколько* (с вариантами *колко*, *на колко*), *столько/чем* (употребляются одинаково часто) и *столько/как* (единичное употребление): и будетъ живота его *столко* естъ, *на колко* ищетъ, ино ему дати судъ (Суд. Ив. IV, с. 242); . . . а земли ему оставити въ мѣру *столко*, *сколко* онъ своей земли промѣнилъ (Там же, с. 255—256); А не будетъ у которого лихого *столко* статка, *чемъ* истцово заплатити, ино его истцу въ его гибели не выдати, казнити его смертною кознію (Там же, с. 229); и то пригодится всякому солдату, которой несможетъ, или укого *столко* денегъ нѣтъ чѣмъ сію книгу купити (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 6); Апотому что ратной человѣкъ въ шесть мѣсяцовъ *столько* нажить не могъ, *чѣмъ* ему другія шесть мѣсяцовъ прожить, и онъ тогда учнетъ вымышляти лести (Там же, с. 47); . . . однако у нихъ одва *столько* останется, *чѣмъ* имъ зима донового походу честно и снадобьемъ прожить мочно (Там же, с. 47); А есть ли тот оманет, *не толко* дастъ, *какъ* вѣсъ держитъ, іли цѣну возмет не такову, болши устава царева, . . . іно таковому смертная казнь бываетъ, что цареву заповѣдь преступаетъ (Пересветов, с. 76).

Местоименное наречие *столько* в приведенных примерах подчеркивает количественную сторону признака, названного сказуемым главного предложения.

В конструкциях данной семантической группы без соотносительного слова постпозитивные и интерпозитивные придаточные предложения присоединяются к главному при помощи следующих союзных слов: довольно редкого *елико* и более распространенных *сколько (колко)*, *на сколько (на колко)*.

[47] В данном примере в качестве соотносительного слова в главном предложении выступает местоимение *всѣхъ*.

Елико встречается в старорусском языке книжного типа, например: Богъ убо творитъ, *елико* хощетъ; идѣже бо хощетъ (Пов. Кат.-Рост., с. 565); . . . и сокровища градцкія испытуютъ и все, *елико* обрѣтаютъ угодное, похищеніемъ грабятъ и во своя станы относятъ (Там же, с. 595).

Сколько, *насколько* (с вариантами *сколко*, *на колко*) — в памятниках, близких по языку к живой народной речи: . . . да и нищихъ на тѣ кормы кормити, *сколко* нищихъ на которои кормъ прилучитца (Моск. гр. 1554—1555 гг. — АЮБ, т. I, № 30, V); . . . а в поварню ества мꙗснаꙗ и рыбънаꙗ и печь и вари[тꙋ] ѿдавати в число *колко* гдрь вели, и *на колко* блюдъ да испечено и съварено (Домострой, с. 48); . . .милостыню по силѣ всꙗки потребны подаваи, *елико* требꙋютъ (Там же, с. 7); да ему же учинити наказаніе. . ., и отъ приказу послати его въ тюрму, *на сколько* государь укажетъ, и до тюрмы велѣть его бити кнутомъ же нещадно (Улож. 1649 г., с. 59); . . . и у него въ тое заповѣдь взяти животы его и вотчины, *сколько* у него чего есть, и ись того взятово половину взяти на государя же (Там же, с. 45); И тутъ цѣнятъ и наметы кладутъ наподъданныхъ, *сколко* имъ возможно нанѣсколко милей (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 50); . . . а с Вышегорода начаша бити челом воеводам великово князя, что бы они . . . окупъ бы с них взяли, *сколко* они могуть (Моск. лет. св. конца XV в., л. 465 об.); И рече князь Дмитрей Ивановичь: «Считайтеся, братия, *колько* у нас воевод нет, и *колько* молодых людей нет» (Сл. о Кулик. битве, с. 41).

Способы выражения количественного соответствия представлены в старорусском языке книжного типа местоименными наречиями старославянского происхождения *толико*, *елико*. В памятниках, отражающих живую речь, эту роль выполняют соотносительные и союзные слова народно-разговорного происхождения *столько*, *сколько*, *насколько* (с вариантами *сколко*, *наколко*). Последние сохранились в современном русском языке для выражения сопоставления по количеству [48].

Итак, как показал проведенный анализ, порядок расположения частей в сложноподчиненных предложениях сравнительно-сопоставительного типа (включая предложения, выражающие сравнение действий, признаков при разных субъектах, объектах или различных обстоятельственных признаках — в ином локальном или временно̀м плане, — а также сложные конструкции, дающие сопоставление по количеству) в старорусском языке не фиксирован: придаточное может предшествовать главному, находиться внутри него и следовать за ним. Соотношение препозитивных, постпозитивных и интерпозитивных конструкций, выражающих сравнение ситуаций реального плана, в использованных нами старорусских памятниках таково — 1 : 4 : 1.

[48] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, стр. 349.

Рассмотренным выше сложноподчиненным предложениям сравнительно-сопоставительного значения уступают по употребительности в старорусском языке сложные предложения, в которых придаточное дает образный комментарий к содержанию главного путем указания на его метафорический характер или путем зарисовки гипотетической, предположительной, условной ситуации.

В структурном отношении данные конструкции характеризуются отсутствием коррелята в главной части и неупотребительностью частиц *же* и *и*, подчеркивающих соответствие или тождество сопоставляемых ситуаций реального плана. Для них типично положение постпозиции, оттенок присоединительной связи и определенная независимость.

Широко представлены в старорусских памятниках неполные придаточные образного сравнения — с отсутствием сказуемого, функцию которого выполняет общий член в составе главного предложения.

Придаточные образного сравнения, как показал проанализированный материал старорусских памятников, могут находиться преимущественно в постпозиции, как отмечено, и в интерпозиции по отношению к главному предложению. Присоединяются они к главному при помощи союзов *яко*, *якоже*, *якобы*, *аки*, *как*, *что* и *бутто* (с вариантом *бутта*). Из них часто встречаются в исследованных нами старорусских памятниках *яко*, *аки* и *что*. Единичным употреблением отмечены союзы *якоже*, *якобы*, *как*, *бутто* (*бутта*). Союзы эти, указывая на гипотетичность сравнения или на его метафорический характер, сближаются с модальными сравнительными союзами современного языка, такими, как *будто*, *словно*, *как бы* и др.

Союзы *яко*, *якоже*, *якобы* и *аки*, вводящие придаточные образного сравнения, известны старославянскому и древнерусскому языкам. В старорусском языке они наблюдаются исключительно в художественных произведениях и в основном — в произведениях с элементами возвышенного, приподнятого стиля.

Приведем примеры с союзами *яко*, *якоже*, *якобы*, которые употребляются параллельно в одних и тех же памятниках: Ужасно слышати сердцу всякому их бусурманская трубля, *яко* звери воют страшны над главами нашими розными голосами (Пов. об азов. взятии, с. 62); Онъ же испусти слезы предъ народомъ лестію, *якобы* не хотяше такыя власти, а отъ прежнихъ летъ, отъ давнаго сего дѣла со усердіемъ желаше и во крови праведнаго руцѣ свои обагри таковаго ради хотѣнія своего (Пов. Кат.-Рост., с. 565); И разболѣвъ же лестію, *якобы* и до смерти уже пришедъ, и призвавъ къ себѣ священника Греческія вѣры, исповѣдаетъ ему лестію вся своя согрѣшенія (Там же, с. 569); отъ сихъ бѣсовскихъ слуховъ наполнилися есте на мя ярости, *яко же* ехидна яда смертоносна, и возъярився на мя и душу свою погубивъ, и на церковное

разореніе стали есте (Письма Ив. IV, л. 125); ‹А се потом вижу третей корабль› . . . юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, *яко* пожрати мя хощет (Аввакум, Житие, с. 61); Спаси бог за квас, егда напоил мя жаждуща, егда аз с кобелями теми грызся, *яко* гончая собака с борзыми, с Павлом и Ларионом (Аввакум, Письма, с. 206); горит во утробе моеи, *яко* пламя палит (Там же, с. 231); Егда же огорчило житие святое, *яко* и мед ядущим много, — возьми да понеси, россылай в сылки, стриги, проклинай! (Там же, с. 233); А то шум никониянский, *яко* ветром лес, возмущает человеческия души (Там же, с. 236); а он запсеял, окрадие душю християнску, *яко* древле диявол Адама (Там же, с. 237); Христос . . . во гробе положен бысть и в трети день воста, *якоже* жених от чертога, того же пророка по словеси (Там же, с. 264); А сами тии человецы, грешницы, . . . дерутся, *яко* пьяни суть (Там же, с. 274); без рассуду земных прилежю и, *яко* свиния от рожец, наполняю чрево свое (Там же, с. 283).

Приведем несколько примеров с союзом *аки*, который интересен тем, что он употреблялся исключительно для выражения сравнения образного типа: Фараонъ же и вся вои его. . . погрязнуша въ морѣ, *аки* олово въ водѣ зѣльнѣ (Пут. Гогары, с. 118); Такимъ именитымъ государствомъ владѣетъ, *аки* великимъ моремъ колеблетъ (Пов. о Рос. царстве, с. 214); и все бъ симъ царство, . . . предати правити и вѣдати и даниобраки всякія тяжкія имати и къ нему бы ко врагу *аки* бѣсомъ къ сатане жертва, приносити (Пов. об азов. взятии, с. 203); И рече куру лисица: «. . .а коли запоеш, *аки* в трубу златокованную затрубиш» (Пов. о куре и лис., с. 191); и ходиш ты по земли, *аки* свиния в кале валяешися, во гресех своих (Там же, с. 192); Лисица же скрежеташе зубы и, глядя на него немилостивым оком, *аки* диявол немилостивы на христиан, поминает грехи куровы и яряся ему (Там же, с. 193).

Если в таких повестях, как Повесть о Российском царстве и Повесть об азовском взятии, случаи употребления союзов *яко* и *аки* являются данью книжной традиции, то в произведениях демократической сатиры XVII в., например в Повести о куре и лисице, союзы книжного типа использованы для пародирования высокого стиля [49].

Союзы народно-разговорного типа — *что*, *как*, *бутто* (*бутта*) — отмечены в контексте, характеризующемся элементами живого разговорного языка: в повестях народной окраски, в тех местах произведений протопопа Аввакума, где выступают черты живой народной речи, в Пословицах XVII в.

Приведем примеры:

а) с союзом *что*: Фетили у всех яныченей кипят у мушкетов

---

[49] О модально-оценочной роли союзов *яко* и *аки* см.: М. В. Ляпон. К вопросу о языковой специфике модальности. «Изв. ОЛЯ АН СССР», 1971 т. XXX, вып. 3, стр. 234—236.

их, *что* свещи горят (Пов. об азов. взятии, с. 62); В лете не потеете, [а в зиме не зябете, . . .] живете, *что* грязь месите (Сатиры о пьянстве, с. 67); И ударились два сильные богатыря промеж собою вострыми копьями, *что* сильный гром грянул пред тучаю (Сказ. про Бову, с. 464); Кланяйся, дурачищо, не отчаивайся! Что в землю ту глядишь, *что* бык истурился? (Аввакум, Письма, с. 253); Агапитъ свиней сидя ваби бежа к нему сами *что* мухи на ме[д] (Пословицы XVII в., л. 325); Бѣсъ учитъ *что* жена вор'читъ (Там же, л. 329); Жить в обиде *что* со льво[ж] в Перьсидѣ (Там же, л. 342); Живетъ то порою *что* тече вода горою (Там же, л. 343); Федкѫ. поносить. *что* ретки укусить (Там же, л. 373 об.); Хорошо дрѫгъ плаваетъ *что* и пѫпы[р]е вспрядае (Там же, л. 374 об.); Адамъ прельстилъся *что* з горы скотилъся (Там же, л. 325 об.);

б) с союзами *как*, *бутто* (*бутта*): Такъ говорит волоскій воевода: Воина держати, *какъ* сокола чередити, *і* всегды ему сердце веселити (Пересветов, с. 62); и суетца по рекам и по озерам, *как* бешеная собака путь потеряла (Пов. о Ерше, с. 148); И после того в полкех их почела быти стрелба пушечная и мушкетная великая: *как* есть стала гроза великая над нами страшная, *бутто* гром велик и молния страшная ото облака бывает с небеси (Пов. об азов. взятии, с. 61); Назвал от высока сам себя, *бутто* он выше всех земных царей, а мы люди божьи (Там же, с. 61); а детки их услышали и за мною погналися,. . . с вопом и з свистом, *бутта* я у них хотела отца удавить, а мать утапить (Пов. о куре, с. 194).

Рядом с многочисленными постпозитивными и интерпозитивными конструкциями образного сравнения предложения с препозицией придаточной части выглядят редким исключением. В наших материалах встретилось несколько препозитивных конструкций местоименно-соотносительного типа со следующими компонентами связи — *яко(же)*. . ./*тако*(*же*), *яко*. . ./*так* (несколько случаев), *как*. . ./*так* (единичные примеры): тогда ꙗкоже дымъ ѿгонитъ пчелы *такоже* и ѿидѫтъ, аг҃гли бж҃ïи ѿ тоѧ трапѣзы и смраныѧ бѣседы (Домострой, с. 10); *яко* ворона по полатям летает, *тако* и ты на полятях смышляеш, как бы кого облупити (Сатиры о пьянстве, с. 71); *Яко* зайчик под камень хоронится от совы и от серагуя. . . *тако* и христианин, в церковь приходя, избывает душегубителя диавола и бесов (Аввакум, Письма, с. 267—268); *якоже* смоковница отмещет листвие от себе, *тако* то звезды полетят на землю (Там же, с. 275); Ꙗко червь сѫши древо та печаль губи се[р]дце (Пословицы XVII в., л. 381 об.); *Какъ* конь под царемъ без узды, *так* царство без грозы (Пересветов, с. 72).

Для данных препозитивных конструкций образного сравнения

характерен параллелизм строения обеих частей сложного целого и наличие в большинстве случаев союза-частицы *и* — те структурные признаки, которые отмечались у препозитивных конструкций сравнительно-сопоставительного значения.

Как свидетельствует проанализированный материал, сфера употребления сложноподчиненных предложений с придаточными образного сравнения в старорусском языке была ограниченной [50]. Они встречаются в языке художественной литературы XVI—XVII вв. и совсем отсутствуют в деловых памятниках, которые лишены образности и метафоричности. Интенсивное их развитие наблюдается с конца XVIII в. и идет параллельно с ростом модальных союзов, проникавших из народной речи [51].

Подобно сложноподчиненным предложениям сравнительно-сопоставительного значения историческое развитие конструкций образного сравнения шло по пути утраты данными конструкциями книжных союзов *яко*, *якоже*, *якобы* и *аки* и появления большой группы союзов модального типа. Из названных союзов в современном языке сохранился лишь союз *якобы*, но не в сравнительной, и в изъяснительной функции. Союзы народно-разговорного характера *что*, *как* и *будто* известны современному русскому языку.

Союз *что*, присоединяющий предложения образного сравнения, широко распространен в произведениях устного народного творчества и в современных русских говорах [52]. Он известен различным жанрам фольклора — былине, сказке, песне, но наиболее употребителен в пословицах, что подтверждает и материал, которым мы располагаем: большинство придаточных образного сравнения с союзом *что* отмечено в Пословицах XVII в. (82%).

Распространение сравнительного союза *что* в фольклоре и в народных говорах говорит о его органической принадлежности живой народной речи. Однако *что*, по свидетельству Н. А. Широковой, не находит отражения в ранних письменных памятниках. Он отсутствует не только в древнерусских памятниках церковнокнижного типа, но и в летописях, и в Слове о полку Игореве, и в Задонщине [53]. Сравнительные придаточные, вводимые союзом *что*, появляются впервые, по наблюдениям А. Н. Стеценко, в памятниках XVI в., отражающих живую разговорную речь. В языке XVI в. употребление их было еще ограниченным, но

---

[50] Н. А. Широкова отмечает, что в старославянском языке отсутствовали сравнительные союзы модального значения, а предложения образной параллели присоединялись при помощи союза *ѣкоже* (см.: Н. А. Широкова. Синтаксические конструкции. . ., стр. 297). В древнерусском языке модальные союзы представлены единичными случаями (см.: Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций, стр. 144).

[51] Ср.: Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций, стр. 153.

[52] См.: А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 84; Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций, стр. 122.

[53] Ср.: Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций, стр. 122.

в языке XVII в. они получили довольно широкое распространение [54].

Сравнительный союз *что*, как указывает Н. А. Широкова, в русских памятниках XI—XVII вв. редко вводит предложения образного сравнения, причем в большинстве случаев — неполные предложения, о чем свидетельствуют и исследованные нами материалы старорусских памятников. Основная сфера его употребления — сравнительные конструкции в составе простого предложения [55].

В современном русском языке *что* также присоединяет в основном придаточные с опущенным сказуемым и функционирует как союз народно-разговорной речи [56].

Союз *как* в современном русском литературном языке для выражения образного сравнения используется чрезвычайно редко [57], причем преимущественно в составе простого предложения и в неполных предложениях. Основная сфера его употребления — предложения сравнительно-сопоставительного значения.

Модальный союз *будто*, не отмеченный в сравнительной функции в предложениях ранее середины XVII в. [58], в современном русском языке употребляется довольно редко, что, очевидно, объясняется специализацией этого союза для выражения изъяснительного значения. В современном русском литературном языке в изъяснительной функции он встречается чаще, чем в сравнительной [59].

Можно полагать, что союз *будто*, как и сравнительные модальные союзы *ровно*, *словно*, *точно*, не отмеченные в ранних памятниках письменности, встречались в живой народной речи в прошлом, поскольку *будто* и названные союзы широко употребляются в фольклоре и в современных говорах [60].

Союзы модального типа претерпели существенные изменения в направлении к современности.

Бурный рост модальных сравнительных союзов при пополнении их состава наблюдался, как отмечено, со второй половины XVIII в.

---

[54] А. Н. Стеценко. Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV—XVI вв. Томск, 1960, стр. 205.

[55] Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций, стр. 122.

[56] См.: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка (исторический комментарий), т. I. М., 1953, стр. 369; М. Ф. Палевская. Влияние союза на стилистическую окраску и структуру присоединяемой конструкции (на материале союзов сравнения). «Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та», 1964, т. 71, стр. 119.

[57] А. Б. Шапиро отмечает его в придаточных образного сравнения в русских говорах (указ. соч., стр. 93).

[58] Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций, стр. 145.

[59] Ср.: А. П. Сазонов. Сравнительные предикативные единицы в современном русском литературном языке с модальными союзами *будто*, *как будто*, *словно*, *точно*, *как бы*, *как если бы* (автореф. канд. дисс.). Куйбышев, 1954, стр. 9.

[60] См.: А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 106; Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций, стр. 146, 149.

В этот период и позже в языке появились союзы *как бы, как будто, будто бы, словно, ровно, точно* и др.

Таким образом, модальные союзы, указывающие на гипотетичность, условность сближения сравниваемых явлений и тем самым характеризующие сообщение с точки зрения его отношения к действительности, заняли господствующее положение в предложениях образного сравнения в современном русском языке, отличаясь друг от друга лишь стилистически.

Сложные конструкции, выражающие сравнительно-противопоставительные отношения

Многообразной и широко распространенной в старорусском языке группе сложных предложений, выражающих сравнение сближающего типа, противостоят немногочисленные конструкции, в которых сопоставление дается в плане указания различия или противопоставления сравниваемых явлений. Таковы сложноподчиненные предложения сравнительно-противопоставительного значения.

В современном русском языке различаются две семантические разновидности сравнительно-противопоставительных предложений: в одних дается противопоставление по степени признака; в других — противопоставление предпочитаемой ситуации тому, что отвергается. Предложения первой разновидности в современном языке употребляются значительно чаще [61].

В отличие от современного русского языка в языке старорусских памятников, как позволяет судить об этом проанализированный материал, употреблялись исключительно предложения второго типа — с указанием предпочитаемой ситуации. Конструкции данной семантической разновидности занимали ведущее место и в древнерусском языке [62].

В структурном отношении сравнительно-противопоставительные предложения представляли собой, как правило, противопоставление двух инфинитивных конструкций обычно с наличием в главной части сравнительной формы — *луче* (с вариантами *лутче, лучше*), *паче* и др. Положение противопоставляемых частей — главной и придаточной — было устойчивым: часть, содержащая сравнительную форму и выражающая предпочтение (главная часть), занимала первое место, противопоставляемая часть, вводимая союзами *нежели* и *неже* (зависимая часть), следовала за ней.

Преобладает в использованных нами старорусских памятниках союз *нежели*: И время тебѣ и Бога искати и священники други и отъ тѣхъ возверитися паче *нежели* совершитися и быти любез-

[61] См.: Н. А. Широкова. Типы сложноподчиненных предложений, выражающих отношения сравнения в современном русском литературном языке. Казань, 1963, стр. 43—53.

[62] Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций, стр. 27.

наго безчеловѣчія жестокіи служитель (Письма Ив. IV, л. 718); «Луче бы нам потятым быть, *нежели* полоняным быть от поганых» (Сл. о Кулик. битве, с. 38); Лучше бы им в символе веры не глаголати господа, виновнаго имени, *а нежели* истиннаго отсекати (Аввакум, Житие, с. 55); Оно лутче со единем оком внити в живот, *нежели* две оце имуще ввержену быти в геену (Аввакум, Письма, с. 208);. . . лутче бы мне умереть в Даурах, *а нежели* бы мне быть у вас на Москве (Там же, с. 234) [63]; Горе человеку, во гресех умершему! Лучши бы ему не родитися, *нежели* в себе образ божий обесчестити грехи скверными (Там же, с. 269).

Неже [64] зафиксирован единичными случаями наряду с *нежели* в Домострое XVI в. и в Письмах Ивана IV: лꙋче не грабити *неже* млтынѧ даѧти ѡ непрвды (Домострой, с. 9); ꙗко же рече писанїе падщисѧ дѣти ѡставити наказаны в заповедехъ гнихъ, лꙋчше неправеднаго богатества аще и в праведнемъ оубожестве *неже* бы въ неправеднем богатествѣ (Там же, с. 62); Божественному же апостолу Петру глаголющу: «лутче убо благотворяще пострадати, *неже* зло творящимъ мученія» (Письма Ив. IV, л. 133 об.) [65].

В использованных нами старорусских памятниках обнаружено несколько конструкций сравнительно-противопоставительного значения с личной формой глагола в первой (иногда и во второй) части: Вы хулители ратного ученія, не болшили тщанія сіе жены вратномъ дѣле и извычаи чинили, *нежели* кой христіянской государь чинитъ (Уч. и хитр. ратн. стр., с. 39).; Ипрото тѣ государи лутчи вѣдаютъ которые коугорской войнѣ помогаютъ *нежели* мнѣ имъ сказати мощно (Там же, с. 46); и онъ однѣмъ годомъ больши того себѣ поспоритъ, *нежели* он въ два иныя походы которыя пошти мѣсяцовъ учинить мочно (Там же, с. 47); Отрадние, чадо, Лоту в Содоме и Гоморе житие бысть, *нежели* мне в волокитах тех (Аввакум, Письма, с. 231); Зде же . . . самый дух святый оскорбляют и досажают богу паче, *нежели* оный разоритель тряпезы (Там же, с. 232) [66].

В Письмах Курбского встретилось несколько интересных случаев с превосходной степенью вместо сравнительной: Уже есмя ближаиша ко гробу тѣломъ, а душею безсмертною и умомъ къ от-

---

[63] В данном случае, как и в приведенном выше примере из Жития Аввакума, союзу *нежели* предшествует сочинительный союз *а*. Ф. И. Буслаев отмечает в древнерусских памятниках конструкции сравнительно-противопоставительного типа, в которых придаточное присоединяется к главному при помощи *а не* (=*не-же-*(*ли*) (см.: Ф. И. Буслаев. Указ. соч., стр. 550).

[64] Сравнительно-противопоставительные конструкции с союзом *неже* Н. А. Широкова отмечает в старославянском языке (см.: Н. А. Широкова. Синтаксические конструкции. . ., стр. 302.

[65] В данном примере, как и в предыдущем, придаточное, вводимое союзом *неже*, представляет собой неполное предложение.

[66] В последних двух примерах придаточное предложение с *нежели* является неполным.

вѣту Божію, *нежели* къ суетному сему житію, простиратися (Письма Курб., с. 153) [67]; аще бы еси имѣлъ и покинулъ сотъ копъ отъ его милости княжати Слутцкаго юркгелту, мнимаю честнеиши и похвальнеиши предъ Богомъ братцкимъ прозбамъ въ духовныхъ вещахъ уступити, *нежели* текущаго и влекомаго держатися (Там же, с. 419).

Части, вводимые союзом *нежели*, как видим, не могут находиться в препозиции по отношению к главному. В данном случае мы сталкиваемся с особым видом фиксированного положения придаточного предложения по отношению к главному.

Союз *чем*, широко употребляемый в сравнительно-противопоставительных конструкциях в современном русском языке [68], старорусскому языку, как и древнерусскому [69], не свойствен. Придаточные с *чем* в конструкциях данного типа, по свидетельству А. Н. Стеценко, появляются не раньше XVI в. [70].

Редкие случаи употребления союза *чем* в предложениях, выражающих особый оттенок противопоставления — значение замещения (в смысле 'вместо того, чтобы'), отмечены в Письмах Ивана IV и в произведениях протопопа Аввакума: и *чемъ* было суды ковати, ино лутчи бы шуба переменити (Письма Ив. IV, л. 147); И *чем* бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь (Аввакум, Житие, с. 70); *Чем* было тем не велеть сетовать, а она сама кручинится! (Аввакум, Письма, с. 214).

Типичными конструктивными признаками данных предложений является препозиция придаточной части и возможность употребления сочинительных союзов *а* или *ино* между частями сложного целого. Конструкции эти свойственны разговорной речи.

В наших материалах встретился лишь один пример с союзом *чем*, лишенный указанного значения замещения, а именно: В мимошедшее времена и рабичища слаще тово ели у вас, *чем* вы ныне питаетеся (Аввакум, Письма, с. 211). В этом примере, в отличие от предыдущих, придаточное находится в постпозиции по отношению к главному.

В современном русском литературном языке придаточное с *чем* обычно предшествует главному [71]. В русских говорах оно может находиться впереди главного и после него [72].

Отметим также единичные конструкции с противопоставлением по признаку времени, дублирующие конструкции старославянского языка, вводимые словосочетанием *преже даже . . . не*. Они встретились в Повести Катырева-Ростовского XVII в. в соответствующем контексте: О роде слѣпый и жестокій, смерти

---

[67] В данном примере инфинитив *простиратися* является общим членом для обеих частей сложного предложения.
[68] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, стр. 348.
[69] См.: Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций, стр. 28.
[70] А. Н. Стеценко. Указ. соч., стр. 207.
[71] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, стр. 348.
[72] См.: А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 106.

невѣдуще! почто донынѣ насилованные руки не разумѣсте, и ухищренія неправеднаго короля не познасте, *преже даже не* ускорилъ мечь сей острый и въ вашей крови не воскѣпѣлъ (с. 608); Во единый же день снидошася вси людіе въ сонмъ едину по обычею своему,. . . да не отступаютъ отъ мѣста сего, *преже даже не* изберетца царь Московскому царству (с. 618).

Как свидетельствует проанализированный материал старорусских памятников, сложноподчиненные предложения сравнительно-противопоставительного значения не были продуктивным типом в старорусском языке. Конструкции с союзом *нежели* отсутствовали в грамотах и юридических документах. Они употреблялись в основном в художественных произведениях в контексте прямой речи. Предложения с союзом *чем*, по нашим наблюдениям и по наблюдениям А. Н. Стеценко, имели ограниченное употребление в языке XV—XVII вв. и были характерны для разговорной речи [73].

В дальнейшем сравнительно-противопоставительные конструкции с *нежели* и *чем* закрепились в русском литературном языке.

В современном русском языке *чем* занимает господствующее положение, *нежели* ограничен стилистически, имея отпечаток книжного союза. Встречается он в основном в научной и деловой речи.

А. Б. Шапиро отмечает в современных русских говорах конструкции указанного типа, в которых придаточные прикомпаративные присоединяются к главному предложению при помощи союзов *что* и *как*, например: У них больше, *што* у нас (Мансикка. — Шенк. у. Арх. губ.); Два раза сена больше, *как* раньше было (Волог.) [74]. Современный русский литературный язык таких конструкций не знает.

Б. СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СТАРОБЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сложные конструкции, выражающие сравнение сближающего типа

Сложные предложения сравнительно-сопоставительного значения

В сравнительно-сопоставительных конструкциях с препозицией придаточной части, отмеченных в старобелорусских памятниках XV—XVII вв., которые, как и аналогичные конструкции старорусского языка, характеризовались смысловым и граммати-

---

[73] См.: А. Н. Стеценко. Указ. соч., стр. 208.

[74] А. Б. Шапиро. Указ. соч., стр. 84, 92. — Сокращения расшифровываются следующим образом: Мансикка. Шенк. у Арх. губ. — В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии. — Изв. ОРЯС, 1912, т. XVII, кн. 2.

ческим параллелизмом, наблюдаются следующие пары местоименных слов: *яко . . . / тако*; *яко . . . / так*; *как . . . / так* (наиболее распространенные) и *якоже. . ./тако* (встречающиеся спорадически): А вѣсебно имати вѣсцю, *какъ* у Полоцку емлють на Рижянехъ, *такъ* имати у Ризѣ на Полочянехъ вѣсебное (Могилев. гр. ок. 1407 г. — РЛА, № 165); *яко* было изъ вѣка и вызнано, *тако* есть (Погонич. гр. 1422 г. — АЗР, т. I, № 31); Тотъ рокъ 1590, *яко* в лете сухость, *такъ* зиме морозы силные великие (Лет. Баркул, л. 144 об.); *Яко* Исаакъ дрова до горы на с[о]бѣ на всесожженіе свое несъ, *тако Jvc* крестъ свои на С[о]бѣ зъ мѣста несъ на распятие Свое волное (Спис. пр. люторов, с. 97); *Якоже* бо хто миро или масло светое, еже помазати хорого, и омазываючи его, самъ пер'вѣе причащается помазанію, и *тако* потомъ помазуеть болящаго (Там же, с. 131); Нуж тэды, мои милые товарышы, *тако* сѧ есте до иншых рѣчеи аж по нинешнии день ѡхотне брали, *так* сѧ тэжъ и на тую вправу до Влох беруте (Ист. о Атыле, с. 212)[75]; *так* есте служыли Кгвидону, *так* служыте и мне Додону (Ист. о Гвид., с. 131); И рек Перла: *так* которое перво глупе чынили, *такъ* и ты хочешь (Пов. о витязях, с. 9); Будь потве^{р}жонъ царꙋ дари', а повстань: *тако* пере^{л} ты^{м} твое па^{н}ство де^{р}жалъ, *такъ* и тепе^{р} прийми пе^{р}скую коронꙋ, а ꙋжива' моцы твое (Александрия, с. 71); Вѣда'те то запевне, *тако*^{м} до того часу звитежал, *такъ* и пото^{м} з помо^{ч}ю бого^{ч} звите^{ж}ство ѡде^{р}жꙋ (Там же, с. 76).

В исследованных старобелорусских памятниках, так же как и в старорусских, преобладают предложения с постпозицией придаточного сравнительного (способа действия): их в 5 раз больше, чем рассмотренных препозитивных конструкций.

Среди старобелорусских постпозитивных и интерпозитивных конструкций, дающих сопоставление ситуаций реального плана, как и среди аналогичных конструкций старорусского языка, различаются две структурные разновидности: сложноподчиненные предложения с соотносительным словом в главном и предложения без коррелята.

Постпозитивные и интерпозитивные местоименно-соотносительные конструкции с компонентами связи *так / яко*; *так / як, так / как* и *тако/как* представлены в старобелорусском языке, как и в старорусском, в двух структурных вариантах — с контактным и дистантным расположением соотносительного и союзного слов. Названные конструкции употребляются в проанализированных старобелорусских памятниках одинаково часто, за исключением конструкций типа *тако/как*, которые встречаются редко: во вшхъ бы рѣчахъ радились *такъ*, *какъ* мы имъ право дали (Троцк. гр. 1456 г. — АЗР, т. I, № 60); . . . ты мнѣ слꙋжил *не так*, *яко* присл ꙋша на бодрина моего (Берест. гр. 1512 г. — Arch. Sang., т. III, № 126); Ино естли будеть *такъ*, *какъ* ѡнъ намъ поведалъ, и мы. . . тыи

[75] В данном примере общий член для обеих частей конструкции стоит в начале ее.

люди и земли пустовскии ему дали (Торун. гр. 1521 г. — Литов. метр., т. I, кн. 3, № 214); . . . тогды мают *такъ* выданы быти, *якъ* отец або матка записали (Литов. ст. 1529 г., с. 28); . . . певно *та*$^{\wedge}$ боуде$^{\wedge}$. *какъ* вы говорите (Страсти Христовы, л. 17 об.); а не *тако* говорили *какъ* есмо ихъ наоучили (Там же, л. 36); теды и я о тобе *такъ* розуметь буду, *яко* то онъ назвалъ (Дневн. Евлаш., с. 142); И Бова *так* вчынилъ, ѣкъ Симбалдо велелъ (Ист. о Гвид., с. 166); Будь *так* ѣкъ ты велиш (Пов. о витязях, с. 8); *так* намъ бог помози и даи почстене, ѣкъ есми правъ (Там же, с. 61);. . . и просил его, абы инакъ не вчынил, и *так* бы учынилъ, ѣко сѧ пры ѡбецал (Там же, с. 85).

Местоименно-соотносительные конструкции типа *по тому* (*ж*)/*как* наблюдаются в старобелорусских грамотах, как и в старорусских, в одном структурном варианте — при контактном расположении коррелята и союзного слова: А служити тымъ людемъ боярину нашему Василью Толкачевичу *по томужь*, *какъ* и намъ служили (Троцк. гр. 1455 г. — Археогр. Сб., VII, № 4); мают(ь) ѡни тое именье свое, . . . и въси его приселъки, . . . держати со всимъ *по тому*, *какъ* в(ъ) привилеи брата нашого Александра короля его милости выписано (Брест. гр. 1507 г. — Литов метр., т. 1, кн. 2, № 8); . . . казали тобе тое именье его ѡбехати и ѡграничити *по томѫ*, *какъ* тое именье держано к замкѫ нашомѫ (Петрик. гр. 1512 г. — Arch. Sang., т. III, № 129); . . . мают люди его, того двора и тых сел подводы на листы наши давати *по томѫ*, *как* перед тым бывало (Берест. гр. 1516 г. — Там же, № 162).

В западнорусской грамоте 1559 г. и в Виленской грамоте 1566 г. отмечено несколько конструкций с компонентами связи *по тому*/*яко*:. . . будете ся справовати *по тому*, *яко* ся въ статуте постановить (Зап.-русск. гр. 1559 г. — РИБ, т. XXX, кн. 4, № 14); а децъкованое *по тому*, *яко* въ привильяхъ вашых описано, брано быти маеть (Там же); А такъ приказуемъ вамъ, ажъ бы есте, съ посродъку себе людей веры годныхъ обравши и черезъ нихъ тотъ податокъ, на потребу речи посполитое уѳаленый з людей всякого стану, . . . съ кожъдого *по тому*, *яко* поменено и постановено, выбравши, . . . до Вилни тыми жъ, хто выбирати будеть, отослали (Вил. гр. 1566 г. — РИБ, т. XXX, кн. 7, № 99).

В исследованных старобелорусских памятниках, помимо рассмотренных местоименно-соотносительных конструкций, зафиксированы следующие местоименно-союзные конструкции *так*/*же*, *так*/*иж*: нехаи *такъ* будеть, *жэ* некоторые межы нашыми суть на тую надзу и на муку терпливые (Ист. о Атыле, с. 203); А *такъ* то богъ хотѣ^{л} мѣтъ . . . , и^{ж} коли хто в щасливости бѫдѫчи, для пыхи свое^{і} не зна^{л} бы створителя свое$^{\wedge}$ (Александрия, с. 71); Трети^{і} стопе^{н} бы^{л} з стопазиѡна, котри^{і} таковои ѣсности бывае^{т}, ижъ в не^{м} ѡсобѫ свою ѡгледае^{т}, *такъ ижъ* головѫ свою види^{т} в не^{м} на долъ склоненѫю а ноги кѫ горѣ по^{л}несены (Там же, с. 73).

Употребление сравнительных союзов *иж*, *же* в старобелорусской письменности Е. Ф. Карский и А. П. Груцо объясняют влиянием польского языка [76]. По мнению Е. Ф. Карского, союзы эти представляли особенность книжной речи и не были свойственны живому разговорному белорусскому языку. Современный белорусский язык их не знает. Сравнительные конструкции с *иж*, *же* не отличаются от соответствующих современных синтаксических конструкций с союзом *что* (*што*).

Судя по материалам нашей картотеки в старобелорусских памятниках постпозитивных и интерпозитивных конструкций местоименно-соотносительного (местоименно-союзного) типа почти в два раза больше, чем конструкций без коррелята в главной части.

Постпозитивные и интерпозитивные придаточные сравнительные (образа действия), относящиеся к главному предложению в целом или к его центру — группе сказуемого, присоединяются при помощи союзов *как*, *як* и *яко*.

Союз *как* широко представлен в старобелорусских грамотах и в Литовском Статуте 1529 г., в художественных произведениях он не отмечен: и мы о томъ такъ врадили: владыцѣ и бояромъ закладневъ зъ собою въ мѣстѣ. Полоцкомъ не надобѣ мѣти, нижьли только одного подворника по своимъ подворьемъ въ городѣ, а на мѣстѣ по давному, *какъ* здавна бывало (Троцк. гр. 1456 г. или позже. — АЗР, т. I, № 60); ино намъ Рижене слюбили опять тыи товары поставити в Полоцьку, *какъ* у листу записано (Полоцк. гр. 1478 г., 22 июля. — РЛА, № 265); што ся тычет[ь] забран(ь)я коне', быдла, которыє жъ кони и быдла ѡни въ Миляновъскихъ побрали безъправне, за то маєт(ь) панъ Їнъ Миляновскимъ навязкѫ сказати подлѫгъ правъ земъскихъ, *какъ* ест(ъ) въ земли ѡбыча' (Лосич. гр. 1507 г. — Литов. метр., т. I, кн. 2, № 6); а которы пан не маетъ ни одного чловека тотъ маетъ самъ ехати *какъ* могучи або *какъ* за наглою кгвалтовною потребою листом нашим Господарскимъ поставлено будет (Литов. ст. 1529 г., с. 12).

Союзы *як* и *яко* встречаются в старобелорусских художественных памятниках: Змія мѣдяная завѣшенная прообразоваше завѣшенную плоть Хрістову на крестѣ. *яко* и Самъ Хрістосъ въ Евангеліи рече: «егда вознесете Сына человѣческаго на кресте» и прочая (Спис. пр. люторов, с. 97); Року 1592, вресня 1, во второкъ, на соймику въ Цырине обрано . . . мене, изъ ласки Пана Бога всемогучого, который, *яко* хощетъ, керуе сердцами королевъ и вшихъ людий (Дневн. Евлаш., с. 152); деръжи ми свои шлюб *такъ* ми еси ѡбецалъ (Пов. о витязях, с. 3); *та* есми доконал своє вмышление *такъ* есми хотѣл (Там же, с. 36); *та* хочу вчынити *такъ* ест право годно (Там же, с. 39).

---

[76] Ср.: Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, т. II, вып. 2—3. М., 1956, стр. 475—476; А. П. Груца. Развіццё складназалежнага сказа ў беларускай мове. Мінск, 1970, стр. 255.

Местоименное наречие *яко* (редко *якоже*) в роли союза или союзного слова, первые случаи употребления которого А. П. Груцо отмечает со второй половины XIV в., в белорусской письменности, по его же наблюдениям, встречается реже, чем в русском языке [77], где союз *яко* занимал господствующее положение вплоть до XVII в.[78]

Несвойственный живому разговорному языку, союз *яко* заменяется союзом *як*, который, по свидетельству Е. Ф. Карского, отмечается уже в первой половине XVI в.[79] Союз *як*, употребляясь для выражения различных видов сравнительных отношений, является господствующим в современном белорусском литературном языке [80]. Известен он и народным говорам [81].

Наречие *как* в роли союзного слова или союза, функционирующее в древнерусском языке, в старобелорусских памятниках употребляется с начала XV в. По наблюдениям А. П. Груцо и по свидетельству наших материалов, оно особенно широко и полно представлено в деловом языке конца XV — первой половины XVI в. Современному белорусскому литературному языку союз *как* не известен. Спорадическое употребление его в некоторых белорусских народных говорах, по мнению А. П. Груцо, до определенной степени обусловлено влиянием русского языка [82].

Союз и союзное слово *како*, наблюдавшиеся в старорусских памятниках, для старобелорусской письменности, как фиксируют данные нашей картотеки, не характерны.

В старобелорусском языке, как и в старорусском, различаются сложноподчиненные предложения с придаточными меры и степени двух структурных типов: с соотносительным словом в главном предложении и без него. В материалах, которыми мы располагаем, конструкции с коррелятом в главной части — постпозитивные, конструкции без соотносительного слова — постпозитивные и интерпозитивные, причем предложения с интерпозицией придаточного отмечены единичными случаями.

Постпозитивные и интерпозитивные конструкции с коррелятом в главной части зафиксированы в исследованных старобелорусских памятниках в виде местоименно-союзных конструкций со следующими парами соотносительных слов и союзов, расположенных контактно и дистантно: *так/иж*, *так/иже*, *так/аж*, *так/же*, *так/што*, *так/штобы*, *так/абы*.

Наиболее распространенные, представленные большим числом примеров и охватывающие довольно широкий круг памятни-

---

[77] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 241—242.
[78] См.: М. Ф. Палевская. Указ. соч., стр. 16.
[79] Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 490.
[80] См.: «Граматыка беларускай мовы», т. II. Сінтаксіс. Мінск, 1966, стр. 640, 643.
[81] См.: «Нарысы па беларускай дыялекталогіі». Мінск, 1964, стр. 354—355.
[82] См.: А. П. Груца. Указ. соч., стр. 245, 250—251.

ков — конструкции типа *так/иж* и *так/аж*: *такъ(ж)* моры были страшныи *и(ж)* ѡ тако(м) стра(х) у лю(ди) старыи не могоу(т) пометати (Лет. Крас., л. 89 об.); пришлѧхетное тело его *та* седрано было *ижь* ѡдь пѧты ножное не было у не^{м} местьце здоровое. *та* было ростѧгнено на крижоу *иж бы* вси кости оу него моглъ переличити (Страсти Христовы, л. 10 об. — 11); . . . *такъ* веле въ томъ року было, *ажь* было зъ пострахомъ великимъ успоминати (Дневн. Евлаш., с. 159); а всюды *так* было полно жалости, *иж* через долгии час жадного знаку весела такого або доброе мысли не было видать (Ист. о Атыле, с. 222); Была на тот час в мѣсте бѣлая голова . . . *так* хороша, *иж* цуднеишое в мѣсте над нее не было; звано её Дикгъна (Там же, с. 216); Госпожо, правду тобѣ повѣдам, иж ест жыв, здоров и вельми весел *такъ*, *иж* николи перед тым так весел не бывал (Пов. о витязях, с. 5); . . .Трыщан . . . разболѣлъ сѧ ѡт раны ꙗдовитое *так* силно, *ижъ* ледве стерпелъ (Там же, с. 22); . . . тыэ сут *такъ* злого закону и *такъ* невѣрни, *иж* мы не выидем ѡдь них безь нашое смерти если богъ нас не вызволить (Там же, с. 71); взѧлъ мѣчь в головах и стреснул *такъ* прудко, *аж* з ранъ кровъ по постели потекла (Там же, с. 103); И ѡн ѡбротил *такъ* моцно, *аж* ему конь пал (Там же, с. 124); . . . маю такого дѹха в собѣ, котори' змыслови моему *такъ* моцно пануе, *ижъ* жа^{л}ны^{м} ѡбычае^{м} споко'ны^{м} мене бы^{т} не допущае (Александрия, с. 87); [П]ото^{м} ѡ а͡ї то' годинѣ вѣтръ зо всходѹ с[о]лнца *такъ* ѡкрѹтне а нагле поча^{л} вѣя^{т}, и^{ж} вси наметы з во'ска розвѣялъ и поде^{р}лъ (Там же, с. 90); *такъ* много еси и пиешъ, *ижъ* жолудокъ велико^{ст}ю пока^{р}мовъ ѡбтѧжоны' в розмаито^{ст} хоробъ впадае (Там же, с. 95); а *такъ* бы^{л} людъ ве^{с} ѹтѧжонъ з повѣтра грѹбого, ажъ те^{ж} дѹшно^{ст} великую те^{р}пѣли (Там же, с. 103).

Местоименно-союзные конструкции с компонентами связи *так/иже*, *так/же*, *так/што*, *так/штобы*, *так/абы* встречаются в старобелорусских памятниках значительно реже, чем предыдущие: и почала ѡкроутне и горко пла^{ка}ти. *такъ иже* изь ее тѧжкого материнско плаканїа коу силное смоутливости милостївыи бо былъ сѧ пороуши (Страсти Христовы, л. 2 об.); але кгды ми до накладовъ пенезей не стало, былемъ *такъ* нещастный, *жемъ* се ту около Ляховичъ у людей . . . на узычене пенезей способити не моглъ (Дневн. Евлаш., с. 135); а потомъ възлетѣл къ горе и летелъ *так* высоко, *же* его потом жадэн дозрэть не мог (Ист. о Атыле, с. 212—213); И коли король идэ стома витезми видел себе побитого, ѡн былъ *так* жалостенъ, *што* мало не встек сѧ (Пов. о витязях, с. 29); И король Марко розмиловал сѧ ее *так* силно, *што* нѣт на свете речы, чого бы длѧ нее не вчынил, толко бы ее по своеи воли мѣлъ (Там же, с. 42); Трыщане, велми есми тебе рада видела и миловала, але коли-с *так* лихии *што* мѧ еси допустил ѡдному рыцэру чужому повести з двора твоего дѧдка, длѧ того николи тебе не буду миловати (Там же, с. 51—52); А *такъ* поехалъ подчашыи за паном

Трыщаном *што* наборздеи могъ у великои безпечности (Там же, с. 96) [83]; и хто бы тое видѧлъ не был бы *такъ* твердого сэръца, *штобы* на нее смотречы не плакал (Там же, с. 5); ‹Битва Трыщанова с Паламидежомъ› . . . и *такъ* сѧ моцно рубали, *абы* их зброѧ не ѡдержала, ѡба были мертвы (Там же, с. 117).

Как иллюстрирует приведенный материал, коррелят *так*, конкретизируемый придаточным предложением, может относиться к сказуемому — простому или составному (в основном к составному именному сказуемому, точнее к его именной части) или к обстоятельству, выраженному качественным наречием.

Рассмотренные местоименно-союзные конструкции, как свидетельствуют наши материалы, в большинстве случаев совмещают значение меры и степени действия или признака со значением следствия. Некоторые из них находятся на грани между сложноподчиненными предложениями с придаточными меры и степени и сложноподчиненными предложениями с придаточными следствия. В других оттенок следствия отсутствует.

Постпозитивные и интерпозитивные конструкции без соотносительного слова в главной части представлены в наших материалах меньшим количеством примеров, чем рассмотренные выше. Придаточные меры и степени присоединяются к главному предложению при помощи союзов *иж* (более употребительный), *што*, *як* (отмеченные единичными случаями) и союзного слова *сколько* (*колко*) [84]: и моръ былъ велми велики(и) на людъ, *ижъ* ѡ таково(м) страху люди старые не могуть пометати (Лет. Рачин., с. 271); Того (ж) году зима была ве(л)ми люта и метелицы бе(з)престани з морозо(мъ) . . . а снегъ бы(л) велми вели(к), *ижъ* за многие лѣта не было снѣгу та(к) велико(г) и зимы та(к) велми лютое (Там же, с. 273); и мы бы сердечьно хотѣли то дѣло дѣлати и стояти за хрестіяньство, *сколько* бы намъ Богъ помогъ (Западнорусск. гр. 1486 г. — АЗР, т. I, № 88); Рече Трыщанъ: Їкъ едеть? Ижота рекла: Што наборздеи *колко* конь может (Пов. о витязях, с. 96); И видел Трыщанъ гдѣ побегъ витезь ѡт цѣркви, и позналъ по знамени и скочылъ *што* наборздеи мог и не догонил, вернулъ сѧ (Там же, с. 93); ꙗ его хочу ховати и опекати сѧ ꙗкъ наболеи буду мог (Там же, с. 6) [85].

Союзы *иж*, *иже*, особенно *же*, как отмечалось, употреблялись в старобелорусских памятниках под влиянием польского языка. Живому разговорному языку — языку белорусской письменности и современному — они неизвестны.

---

[83] В данном примере наблюдается интересный случай инверсии: обстоятельство меры и степени, выраженное качественным наречием, находится не в главной, а в придаточной части.

[84] Примеры даются в порядке убывания употребительности союзов.

[85] В последних двух примерах, как и в указанном выше, обстоятельство меры и степени, выраженное наречием, содержание которого должно конкретизироваться придаточным, находится в придаточном, а не в главном предложении.

Союз *аж*, распространенный в старобелорусской письменности, в современном белорусском языке не употребляется. В языке художественных произведений и в народных говорах экспрессивно окрашенная частица *аж* встречается в сложноподчиненных предложениях с придаточными меры и степени при союзе *что* и при отсутствии этого союза в его роли [86].

Случаи употребления союза *что* в памятниках старобелорусской письменности, по данным нашей картотеки и по наблюдениям А. П. Груцо, немногочисленны [87]. В современном белорусском языке — в литературном и в говорах — он обычно употребляется для подчинения той разновидности придаточных меры и степени, которая характеризуется наличием оттенка следствия. В главном предложении как соотносительные ему находятся наречия *так*, *гэтак*, *такі*, *гэтакі*, *столькі*, *настолькі*, предложно-падежная конструкция *да таго* и др. Союз *что* носит разговорный характер.

Союз *як* (в значении 'насколько') в придаточных меры и степени является нормой современного белорусского языка.

В современном белорусском языке придаточные меры и степени связываются с главным предложением, помимо названных выше союзов, союзными словами *пакольк і*, *накольк і*. Им соответствуют в главном соотносительные слова и словосочетания *пастольк і*, *настольк і*, *тым не менш* и т. д. [88]

Сложноподчиненные предложения, дающие сопоставление в плане количественных отношений, в использованных нами старобелорусских памятниках встречаются только с постпозицией и интерпозицией придаточной части, в отличие от памятников старорусского языка, где нами были обнаружены и препозитивные конструкции данной семантической группы. При этом постпозитивные конструкции значительно преобладают над интерпозитивными. Придаточные в предложениях рассматриваемого типа могут относиться или к корреляту главного предложения, или к главному предложению в целом.

Постпозитивные и интерпозитивные местоименно-союзные конструкции зафиксированы со следующими компонентами связи — с соотносительным словосочетанием *так много* (*множество*) и союзами *иж*, *што*, *яко*. Из них более употребительные — с союзом *иж*, встречающиеся спорадически — с союзами *што* и *яко*: *такъ* было *множество* людей на томъ сейму, *ижъ* на обе стороне около Берестя на колконадцать миль стояли (Лет. Баркул., л. 136 об.); ... та^{т} *много* золота были принесли з собою зъ и^{н}дѣи и з пе^{р}сѣи грекове, *иж* е мѣли за ледашто (Александрия, с. 118); и ѡно ему маеть дати дар *такъ много*, *што* колькодесѧтъ рыцэров мают (Пов. о витязях, с. 26); А хтобы ку отчизному своему именью

[86] См.: «Граматыка беларускай мовы», стр. 638.
[87] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 253.
[88] См.: «Граматыка беларускай мовы», стр. 637, 638, 643.

люди або земли пущи або ловы озера без данины забрал, *такъ много яко* тое имене его стоить, . . . тогды тое именье тратить с тымъ што взялъ (Литов. ст. 1529 г., с. 4) [89].

В проанализированных старобелорусских памятниках обнаружено несколько местоименно-соотносительных конструкций со словосочетанием *только крат* (*только крот*) в роли коррелята и союзным словом *колько*: имаемь дати, *только кратъ*, *колько* будеть надобѣ (Вил. гр. 1457 г. — АЗР, т. I, № 61); але намъ и намѣстникомъ нашимъ какъ бы сами очивистѣ были, *только кроть*, *колько* надобѣ служили бы (Там же); . . . кождый очивисте рок ку граниченью *толко крот*, *колко* бы *крот* надобе было, мает быти на неделю правом положонъ (Литов. ст. 1529 г., с. 69).

Постпозитивные и интерпозитивные придаточные, относящиеся ко всему содержанию главного предложения, в исследованных старобелорусских памятниках вводились в состав сложноподчиненных предложений при помощи союзных слов *елико* и *колко*. Старославянское *елико* отмечено единичными случаями, *колко* — в большинстве предложений данного типа: Служити и выправляти на службу военую, *колко* бы коли надобе было подле уфалы земское (Литов. ст. 1529 г., с. 12); а поидоуть домовъ измоуть оу цр̄а брашна на дорогоу ѣкори оужа. *елико* потребно (Лет. Супр., л. 7 об.); и взела злота и сребра, *колко* могла понести, и повела зъ собою ѡба свое сыны и пошла з города (Ист. о Гвид., с. 168).

В современных белорусских народных говорах в сложных конструкциях, выражающих количественное сопоставление, наблюдаются следующие диалектные отличия в употреблении союзных слов. Среднебелорусским и северо-восточным говорам известны союзные слова *скольк і* и *кольк і*, юго-западным — только *кольк і* [90].

Сложные предложения с придаточными образного сравнения

Сложноподчиненные предложения с придаточными образного сравнения, зафиксированные в старобелорусских памятниках XV—нач. XVII в., обнаруживают некоторые структурные отличия от аналогичных предложений старорусского языка. Отличия эти состоят в следующем. Во-первых, для придаточных образного сравнения, как показал проанализированный материал старорусских памятников, было типичным положение постпозиции; предложения же с препозицией придаточной части были редким явлением. В исследованных старобелорусских памятниках доля препозитивных конструкций образного сравнения довольно велика. Соотношение препозитивных, постпозитивных и интерпозитивных конструкций образного сравнения в старобелорусском языке таково: преобладают постпозитивные, почти в два раза

[89] Примеры приводятся в порядке убывания употребительности конструкций с названными компонентами связи.

[90] См.: «Нарысы па беларускай дыялекталогіі», стр. 355—356.

меньше препозитивных и единичными примерами представлены интерпозитивные. Во-вторых, сложноподчиненные предложения образного сравнения с интерпозицией и постпозицией придаточного в старорусском языке характеризовались отсутствием коррелята в главной части. Корреляты были свойственны лишь препозитивным конструкциям данной семантической группы. В старобелорусских памятниках интерпозитивные и постпозитивные конструкции образного сравнения употребляются в двух структурных вариантах: с коррелятом в главной части и без него, причем первых почти в три раза больше, чем вторых.

Для препозитивных конструкций образного сравнения, употребляющихся в старобелорусских памятниках, как и для соответствующих конструкций старорусского языка, характерен параллелизм строения частей сложного целого и наличие соотносительного слова во второй (главной) части. Придаточное сравнительное в них, указывая на метафорический характер сравнения, является образной параллелью к содержанию главного.

В исследованных памятниках старобелорусского языка употребляются препозитивные местоименно-соотносительные конструкции со следующими компонентами связи: *яко* (*якоже*) . . ./*тако* (*же*); *яко* (*якоже*) . . ./*то* (*ж*); *яко* . . ./*так* и *як* . . ./*так*: ꙗко же река пресходѧщи всю землю чл҃вческыи скоты поꙗющи. а сама не вмалѧщи(с) *тако(ж)* и славны г(с)дрь. и множество цр҃еи ѡпоущаеть на ѡрду (Лет. Супр., л. 79 об.); ꙗко*(ж)* бо ѡ морꙗ мно(ж)ство во(д) исходꙗще *тако* и ѡ сего моудрость великаго г(с)дрꙗ кнꙁꙗ великаго Витовта (Лет. Увар., л. 58 об.); ꙗко *бы* не мощно комоу испытати высота нб(с)наꙗ и глубина морьскаꙗ. *то(ж)* бы мощно исповедати сила и храбрость. того славнаго г(с)дрꙗ (Там же, л. 51—51 об.); ꙗк рыба безъ воды не може быти жыва, *так* ꙗ без тебе не могу жыва быти (Пов. о витязях, с. 127); а ко^{и} тежъ заразо^{м} инꙗ^{ѧ}се пере^{л} ни^{м} такъ поко^{р}не ласи^{т}, ꙗко коли песъ перед пано^{м} своимъ, *такъ* те^{ж} конь пере^{л} алеꙁа^{н}дро^{м} (Александрия, с. 31); ꙗко таꙗ гора не перемѣни^{т} мѣстца своего, *такъ* имꙗ и справы твои буд^{ѵт} слын^{ѵт} а^{ж} до ско^{н}чена свѣта (Там же, с. 37).

В сложноподчиненных предложениях с интерпозицией или постпозицией придаточного образного сравнения последнее дает образный комментарий к содержанию главного, указывая на мнимость, ирреальность, предположительность сравнения.

В проанализированных старобелорусских памятниках зафиксированы местоименно-союзные конструкции в виде следующих соотношений коррелятов и союзов, расположенных контактно и дистантно: *так*/*иже*, *так*/*иж (бы)*; *так* / *як (бы)*; *так* / *яко (бы)*; *так* / *абы*: а *та(к)* знаменова(ли) собе. *и(ж)* *бы* Бг҃ъ ме(л) пр҃ити. и седѣти на горе высокои соу(ди)ти жывы(х) и мр҃твы(х) (Лет. Крас., л. 71); престаꙗ голова его *такъ* была велми зранена.

иже ѣако кажоу докторове и мистрове. тысѧчию дирь его стаѧ голова была преколота (Страсти Христовы, л. 11); ѡзми сына моего на свою науку и ховаи его и ѡпекаи сѧ имъ *так* вѣрно и мудро, ѣак *бы* еси у сороме не былъ, и прыстав к нему мамку (Пов. о витязях, с. 9); А коли Трыщанъ прыехалъ у двор короля Марка, король его велми вдѧчно прывиталъ, и тутъ было великое веселе, которое чынил король и панове, *так* ѣакъ *бы* имъ прышол ѡтец (Там же, с. 41); а Трыщан *такъ* скочыл храбро, ѣако-*бы* не ударенъ (Там же, с. 66); И *такъ* были ради, ѣакъ *бы* имъ самъ бог прышол (Там же, с. 126); и посла[л] его на слу[ж]бу до алеѯа[н]дра, и наꙋчи[л] его *такъ абы* се змови[л] з брато[м] своимъ ровоасо[м] (Александрия, с. 120).

Постпозитивные и интерпозитивные придаточные образного сравнения, которые относятся ко всему содержанию главного предложения, присоединяются при помощи союзов *яко*, *яко(бы)*, *як(бы)*: Ложъ есть. Духовная бо отъ телесныхъ рождаются, *яко* отъ нагаго зерн[е]ти колосъ (Спис. пр. люторов, с. 83); и погледалъ хитро, ѣакъ *бы* того нихто не бачыл (Пов. о витязях, с. 42); Трыщан . . . пошолъ до конѧ и всѣлъ велми легко, ѣако-*бы* не раненъ (Там же, с. 66); ѠНыи подъчашыи подѧковалъ велми смѣло, ѣакъ *бы* вже въ своихъ рукахъ мѣлъ, и почалъ сѧ убирати въ зброю (Там же, с. 95); але ты ѣако ч[о]л[о]в[ѣ]къ, а ѡвше[м] з муже намнѣйши', силуючисе на[л] мало[ст] твою, ѣакобы мышъ выскакуючи з свое' ѣамы (Александрия, с. 42).

Союзы *яко(бы)*, *як(бы)*, *иж(бы)* и *абы*, вводящие придаточные образного сравнения, усложнены частицей *бы*, которая вносит оттенок условности, предположительности, ирреальности сравнения. Современному белорусскому языку, кроме союза *як бы*, они неизвестны.

Нормой современного белорусского языка в придаточных образного сравнения с оттенком пожелания, возможности, предположительности является союз *каб*, возникший путем объединения союза *как* с частицей *бы*.

В белорусских народных говорах для присоединения придаточных данной семантической группы используется союз *штоб* (*шчоб*, *шоб*). В отличие от *каб* белорусскому литературному языку он несвойствен [91].

Наряду с союзами *як бы* и *каб*, в современном белорусском языке (в литературном и в говорах) функционирует целая группа синонимичных модальных союзов, присоединяющих придаточные образного сравнения, таких, как *як бы*, *нібы*, *быццам*, *як быццам*, *як быццам бы*, а также фонетико-морфологических вариантов *нібы* и *быццам* — *нібыта*, *нібытцом*, *быта*, *бытцом*, *батцэ*. В белорусских народных говорах наблюдаются некоторые диалектные отличия в употреблении указанных союзов: в юго-запад-

[91] См.: А. П. Г р у ц а. Указ. соч., стр. 252.

ных и полесских говорах придаточные образного сравнения связываются с главным предложением союзом *бы*, в северо-восточных и среднебелорусских — союзом *быццам* [92].

Сложные конструкции, выражающие сравнительно-противопоставительные отношения

В исследованных старобелорусских памятниках, как и в старорусских, употребляются сравнительно-противопоставительные конструкции одной семантической разновидности — с указанием предпочитаемой ситуации.

Наряду с общими структурными признаками, свойственными старорусским сложноподчиненным предложениям сравнительно-противопоставительного типа (наличием сравнительной степени в главной части и употреблением, как правило, инфинитивных конструкций в главной и зависимой частях), аналогичные предложения старобелорусского языка имеют некоторые особенности. Особенности эти состоят в следующем.

В отличие от данных памятников старорусского языка в старобелорусском отмечены сравнительно-противопоставительные конструкции без сравнительной степени в главной части.

Приведем примеры, разбив конструкции данной семантической группы в зависимости от наличия или отсутствия сравнительной степени в главной части на две рубрики: а) с наличием сравнительной степени, б) с отсутствием сравнительной степени:

а) А естли хто вышше пенязей дасть *нижли* тые две части стоят, тогды ближшы неповинни болшъ дати одно чого стоять тые две части (Литов. ст. 1529 г., с. 7); . . . ѡное оудроученїе. да ѡныи претѧжкїи смоуте єго млтївое матки. болше оу серци коу болести и жалости милостивого ба пороуши. *нижли* ѡные пре-ѡкроутные раны. которые на свое престо теле терпѣлъ (Страсти Христовы, с. 12); И пришолъ к нему ѡдинъ хлопец, которыи болшеи вѣдал *нижли* иные люди по Мерлину и все што мает быти,и дла того его корол большеи любилъ (Пов. о витязях, с. 13); Не даи того Богъ намъ, што быхмо там были, лепѣи бы намъ смерть *нижли* там поити (Там же, с. 79—80); Але, рыцэру, волѣлъ бых та не знати, иж бых раднеи с тобою бил са, *нижли* знаючы тебе (Там же, с. 119);

б) А от жадного права до сказаня не мает нихто ся до нас господара отзывати, *нижли* мает кожды другому во всяких речах права достояти (Литов. ст. 1529 г., с. 45); И жаловалъ есми того велми, такъ ми бог помози, волелъ бых утратити ѡдин добрыи замок, *нижли* бы са тое злое у моем дому стало (Пов. о витязях, с. 58).

---

[92] Ср.: «Граматыка беларускай мовы», стр. 639—640; «Нарысы па беларускай дыялекталогіі», стр. 354—355.

В Истории о Гвидоне, повести XVI в., встретились предложения с положительной степенью *перво* вместо сравнительной: Бово ему ѡтказал: Прыѣтелю, мысль тѧ заводить, перво сѧ дамъ розсечы, *нижъ* быс мѧ повел (с. 154); Рычардо, послухаи, брате, ты можеш видети мои мѣчъ пытаючы перво, *нижли* ѡт города ѡтеду (с. 163); перво бых умер, *нижли* бых не потъкал сѧ с тым зрадцою (с. 164).

Другим существенным структурным отличием сложноподчиненных предложений сравнительно-противопоставительного значения старобелорусского языка от аналогичных предложений старорусского языка является следующее. Если в старорусских памятниках сложные предложения данного типа в большинстве случаев представляли собой инфинитивные конструкции в обеих частях сложного целого, а предложения с глаголами в личной форме были редким явлением, то в проанализированных старобелорусских памятниках предложения с личными формами глаголов в роли сказуемого представлены широко и полно. При этом наблюдаются такие возможные соотношения форм глаголов-сказуемых в обеих частях конструкций:

1. Инфинитив в составном глагольном сказуемом в обеих частях конструкции: И волен ѡн там прибавити и розширити и к своемѹ лепшомѹ и вжиточномѹ ѡбернути, как сам налепей розѹмеючи, *нижли* мают люди его, того двора и тых сел подводы на листы наши давати по томѹ, как перед тым бывало (Берест. гр. 1516 г. — Arch. Sang., т. III, № 162); А от жадного права до сказаня не мает нихто ся до нас господара отзывати, *нижли* мает кожды другому во всяких речах права достояти (Литов. ст. 1529 г., с. 45); первеи сѧ хочу дати на розсечене, *нижли* бых мѣлъ тым двум витезем зраду вчынити (Ист. о Гвид., с. 159).

2. Инфинитив в составном глагольном сказуемом в первой части и глагол в личной форме в роли простого сказуемого — во второй: а ѣк много працы, старанѧ и фрасунку первеи поднять мусим, *нижли* бы сѧ нам зась подала (Ист. о Атыле, с. 210—211); первеи сѧ хочу дати розсечы, *нижли* бы ты Дружненну взѧлъ (Ист. о Гвид., с. 141); Для того его волю сам покинути а сам сѧ ѡсудити, *нижли* бы мѧ ѡсудили (Пов. о витязях, с. 49).

3. Глаголы в личных формах в обеих частях конструкции: . . . влоское земли не малаѧ часть первеи будеть, *нижли* рымскаѧ сила против вамъ выидеть (Ист. о Атыле, с. 212); лепеи хочу, абы мои сыны померли, *нижли* бы тые два рыцэры погинули (Ист. о Гвид., с. 159); первѣи добывали сѧ с темницы витези, *нижли* ѡпѧтъ ихъ загонивали (Пов. о витязях, с. 105); А длѣ того воротисе до земли твое' пе^{р}вей ни^{ж}ли гнѣвъ нашъ на головѹ твою вступи^{т} (Александрия, с. 47).

Сравнительно-противопоставительные конструкции, части которых представляют собой односоставные предложения с инфинитивом, в исследованных старобелорусских памятниках встречаются спорадически, в то время как в старорусских они являются рас-

пространенными: тѧжеи было еи тогды животъ вести *нижли* претѧкою смертью загиноути (Страсти Христовы, л. 14); лѣпшей на вѣкы мяса не ясти, *нежели* таковое осужденіе на ся прияти (Спис. пр. лютеров, с. 165); А лепеи бы панеи загинути *нижли* тоє вчынити (Пов. о витязях, с. 44); лепеи намъ вмерети, *нижли* в ихъ ласцэ быти (Там же, с. 71); лѣпе' бы на^{м} было вси^{м} померет *ни*^{ж}*ли* видѣ^{т} пере^{д} нашою ѡблично^{ст}ю ѵмираючого (Александрия, с. 122).

Как свидетельствуют материалы нашей картотеки, в предложениях сравнительно-противопоставительного типа в старобелорусском языке господствовал союз *нижли*.

Союз *ниж* зафиксирован лишь в следующих случаях: Отец мает от зятя наперед оправити вена, *ниж* дочку свою за мужъ дасть (Литов. ст. 1529 г., с. 29); Ѡнъ лепши ѡбычае и смельшїи бы, *ни* ѡнъ ѡстно зависти попоущо. его здраливе оуби (Страсти Христовы, л. 23); а Ижота конца гледѣла того, кого миловала болшъ *ниж* сама себе (Пов. о витязях, с. 83).

Единичными примерами представлены в рассмотренных старобелорусских памятниках союзы *неже*, *нежели*: изволихъ пр[е]метатися въ дому Бога моего паче, *неже* жити ми въ селехъ грѣшничихъ (Спис. пр. лютеров, с. 157—158) [93].

Некоторые из указанных вариантов союза *нежели*, употреблявшиеся в памятниках старобелорусской письменности, а именно союзы *ниж*, *нижли*, известны современному белорусскому языку [94].

Ведущим союзом, связывающим части конструкций сравнительно-противопоставительного типа, в современном белорусском языке является союз *чым* [95], не зафиксированный в наших материалах. А. П. Груцо отмечает случаи употребления союза *чым* в памятниках белорусской письменности с середины XVII в.[96] В говорах наблюдаются варианты союза *чым* — союзы *чымси*, *чымся*, возникшие в результате объединения союза *чым* с частицами [97].

Итак, в памятниках старобелорусской письменности в сложноподчиненных предложениях с придаточными сравнительными наряду с союзами и союзными словами *яко (якоже)*, *как*, *што*, *елико*, *колько (сколько)*, *нежели*, *неже*, полученными в наследие от древнерусского языка, употреблялись союзы *як*, *иж*, *иже*, *аж*, *же* (эти же союзы, усложненные частицей *бы*), *абы*, *ниж*, *нижли*.

---

[93] См. также пример из Списания против лютеров, приведенный выше.
[94] Ср.: «Граматыка беларускай мовы», стр. 641; И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870, стр. 339.
[95] «Граматыка беларускай мовы», стр. 643.
[96] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 260.
[97] Ср.: Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 491; А. П. Груца. Указ. соч., стр. 259.

Одни из них — *яко (якоже)*, *иж*, *иже*, *аж*, *же*, *абы*, *елико*, несвойственные живому разговорному языку, — в процессе развития белорусского языка утратились. Другие же — *як*, *как*, *што*, *сколько* — сохранились до нашего времени. Модальные союзы *каб*, *нібы*, *быццам*, *як быццам*, *як быццам бы* и др. развились, по свидетельству А. П. Груцо, в период формирования языка белорусской нации. К этому же времени относится, как указывает А. П. Груцо, распространение в качестве соотносительных слов местоимений *такі*, *гэтакі*, наречий *гэтак*, *столькі*, *настолькі*, словосочетаний *да таго*, *да такои ступені* [98]. Что касается соотносительных слов и словосочетаний, известных старобелорусскому языку, то они, за исключением *так*, с течением времени вышли из употребления.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СТАРОУКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Сложные конструкции, выражающие сравнение сближающего типа

Сложные предложения сравнительно-сопоставительного значения

Сложноподчиненные предложения данной семантической группы с препозицией придаточной части в исследованных староукраинских памятниках употребляются в виде местоименно-соотносительных конструкций со следующими компонентами связи: *яко (якож)*. . . / *так*; *як*. . . / *так* (широко распространенные); *яко (якоже)*. . . / *тако*, *як*. . . / *тако* (встречающиеся спорадически): и *яко* Сынъ отъ Отца роди[в]ся, *такъ* и Духъ от Отца исходитъ (Ист. о Флор. соборе, с. 450); А вы юж там з великими скаржиными, *яко* хочете, *так* себѣ поступайте, а вы юж там *як* хочете, *так* мудрствуйте (Виш., Книжка, с. 91); Вам же послухати и сотворити волно, — *як* хощете, *тако* творѣте, волю и самовластие имате (Там же, с. 58); «. . . *яко же*, — рече, — на воску первообразно начертаном писати или воображати что, не загладивши первописанных образов, нѣсть мощно: *тако* и в души божественных повѣлений положити альбо основати, аще от преждебывших в ней страстей не исторгнет кто, нѣсть мощно» (Виш., Позорище, с. 215); *якъ* Поляцы у свой языкъ намѣшали словъ Латинскихъ, . . . *такъ же* и Русь у свой языкъ намѣшали словъ Польскихъ и оныхъ уживаютъ (Пересторога, с. 229); А *якожъ* западная сторона исперва кохалася у гордости, *такъ* и теперъ тамъ пыха пануетъ (Там же, с. 230); *Яко жъ* и сатана преобразуется во ангела свѣтла, *такоже* и слȣги его, яко бы служили истинѣ (Там же, с. 227); А *якъ* Ангелы всѣ сатанѣ противнику, и Апостоли

[98] А. П. Груца. Указ. соч., стр. 261.

Каіяфѣ не остались винны, у своемъ порядку Богу служачи: *такъ* и патріарси и всѣ въ порядку церковномъ пребываючіи невинны папежови зостали (Там же, с. 226); «*якъ* послалъ Богъ Отецъ Христа Учителя и животу Подателя, *такъ* и Христосъ послалъ апостоловъ, намъ учителей (Палин. Копыст., с. 419); Лечъ *якъ* [въ] оной первой поединковой зъ Петромъ Христовой розмовѣ найти си толко зъ домыслу своего и зъ коньектуръ, . . . не могли, . . . *такъ* и въ сей другой найти не могутъ (Там же, с. 424); *якъ* не былъ зъ апостоловъ, *такъ* и теперь быти не можетъ въ Церкви Христовой (Там же, с. 452).

Случаи с подлежащим — общим членом для обеих частей предложения, находящимся в начальной позиции, представлены единичными примерами: Мы заправды, *яко* вѣры змышленой собѣ не утворяли, *такъ* и церкви новой не вынайдовали (Отв. клир. Острож., с. 413); Тотъ то Висаріонъ, *яко* самъ былъ певный, *такъ* и свѣдоцтво его годно вѣры! (Там же, с. 428).

В староукраинском языке, как и в других восточнославянских языках, преобладают предложения рассматриваемого типа с постпозицией придаточного.

Постпозитивные и интерпозитивные конструкции сравнительно-сопоставительного значения употребляются в староукраинских памятниках в двух структурных вариантах: с соотносительным словом в главной части и без него. Сложноподчиненные предложения с коррелятом в главном зафиксированы в виде местоименно-соотносительных конструкций с комбинациями следующих местоименных слов, расположенных контактно и дистантно: *так* / *яко*: *так* / *яко(бы)*; *так* / *як* (последние встречаются особенно часто): а Єго Милость листѹ судового ѡгледавши, рачить *так* с тымъ вчинити, *ꙗко* сѧ бѹдеть годити (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang. т. IV, № 80); а бы Твоѧ Милость *так* сѧ радил и справовал, *ꙗкобы* было з нашимъ господарьскимъ добрымъ, а пожиточным (Львов. гр. 1537 г. — Там же, № 81); але нехай будет *так*, *як* господь бог ізволит (Укр. гр. 1648 г. — Воссоед. Укр. с Рос., т. II, № 34); «Если *так* ест, *як* мовиш, господи, то кто может спасен быти?» (Виш., Книжка, с. 31—32); . . . патріарху Іеремѣю до себе ѣхати наказали, боячися, абы васъ, . . . зъ урядовъ яко негодныхъ не скидалъ, *такъ яко* иншихъ поскидалъ (Пересторога, с. 223); . . . и сатанъ . . . свой чинъ отдѣленый держалъ, *такъ якъ* тежъ иншые. . . архангелы, ангелы, . . . херувимы и шестокрылные серафимы свой чинъ держали (Там же, с. 226); и *такъ* своему апостолови наступали, *якобы* южъ иншому не наступовали (Палин. Копыст., с. 513); а жаденъ зъ нихъ *такъ* повѣреного собѣ люду не рядилъ, *якъ* Павелъ рядилъ весь свѣтъ (Там же, с. 451); и св. учителеве церковныи розумѣютъ *такъ*, *якъ* мы зъ писма св. и зъ писмъ ихъ научени розумѣемо (Там же, с. 486); до зуполности тѣла и ноги *такъ* суть потребни, *якъ* потребна естъ голова (Там же, с. 490).

В староукраинских грамотах, как и в старорусских и старо-

белорусских, наряду с указанными конструкциями наблюдаются местоименно-соотносительные конструкции с коррелятом *по тому* и союзными словами *как* и *яко*: а по ихъ животе нехай тое именье держить сынъ его и намъ съ того именья служъбу служить *по тому*, и *какъ* передъ тымъ намъ съ того именья служъба шла (Радом. гр. 1487 г. — РИБ, т. XXVII, кн. 4, № 21); Маеть кнѧзь Костѧнтин Иванович Ѳстрозский тое имене мое, вышей писаное, Волкошов держати . . . *по томѹ*, *как* ѡтец мой держал (Луцк. гр. 1522 г. — Arch. Sang., т. III, № 226); Маютъ ѡни тѣю ѕгодѹ свою во всих речах держати и полнити и *по томѹ* сѧ справовати, ꙗко в семъ нашомъ листе ест вышей выѡбражоно (Львов. гр. 1537 г. — Arch. Sang., т. IV, № 84).

Местоименно-союзные конструкции отмечены в памятниках староукраинского языка в виде следующих пар соотносительных слов и союзов — *так* / *иж*; *так* / *же*; *так* / *же(бы)*; *так* / *абы*, находящихся в контактной и дистантной позиции по отношению друг к другу: А если бы и *так* было, *жебы* от бѣсов знаменого инока в корчмѣ пиючи видѣл еси! (Виш., Книжка, с. 42); Книги тые, що еще ихъ позостало, порохомъ припали, и все набоженство пришло ко взгордѣ, *такъ*, *ижъ* не тылько стану шляхецкого, але и простого люде стану у иновѣрство и отщепенство приходили, отъ духовныхъ соблазнени будучи (Пересторога, с. 205); *Тако* жъ діаволъ улудилъ тую столицу западную, *ижъ* ее наипервѣй отъ патріарховъ оторвалъ, а потомъ и владзу свѣтскую въ Римѣ папежу подалъ (Там же, с. 234); А напервѣй, ударили на братства Виленское и Берестейское взаемъ, муками, отбираніемъ добръ, недопущеніемъ робити ремесла, уживанія торгованья и вшелякого гандлю, *такъ* власнѣ, *же* хто не мѣлъ знаку на челѣ альбо на рукахъ отступленья и сполкованья зъ ними, жадному не было вольно ни купити, ни продати (Там же, с. 215); И *такъ* Богъ всегда чинити звыклъ, *абы* вѣрныхъ своихъ невольствомъ караючи утверждалъ, а невѣрныхъ напоминалъ (Там же, с. 228); Оттоль, пре отмѣнность часу и наступованя, епископское рукоположенье и церковный станъ *такъ* бѣжатъ (sic), *же* ся церковъ на епископахъ установляетъ (Палин. Копыст., с. 514); и в вѣрѣ той статечне жили, при которой и они *так* стоят статечне, *же* за ню умирати готови конечне (Вирши Саковіча).

Судя по материалам нашей картотеки, в староукраинских памятниках, так же как и в старобелорусских, постпозитивных и интерпозитивных конструкций местоименно-соотносительного (местоименно-союзного) типа почти в два раза больше, чем конструкций без коррелята в главной части.

Интерпозитивные и постпозитивные придаточные, относящиеся ко всему содержанию главного предложения или к его центру — группе сказуемого, вводились в состав сложноподчиненного предложения при помощи союзов *яко (якоже)*, *як*, *как*: ‹да̀ есмы ѣма̀... село› со оусѣми поборы̀... и съ головинитъство̀... и с млино̀.

со оусѣми . . . оужитки. *какъ* есмы са. держа (Львов. гр. 1443—1446 г. — Укр. гр., № 79); Волно их Милости тое имене ѡтдати и продати, заменити и розширити и къ своемѹ налепшомѹ и вжиточномѹ ѡбернѹти, *какъ* сами их Милость налепей разѹмеючи (Луцк. гр. 1522 г. — Arch. Sang., т. III, № 226); добрыи ны гне. с тобою оумрети. створшемоу толикѹю свободоу. *такоже* и дѣдъ твои Романъ свободилъ бѫшеть ѿ всихъ ѡбидъ (Гал.-Вол. л., л. 303 об.); То все справуетъ одінъ и тойже Духъ, роздѣляючи дары, *яко* хочетъ, и роздаючи таланты (Отв. клир. Острож., с. 382); спасайтеся образом Лота, избѣгша из Содомы во Сигорѣ,— Сигор ж ест покаяние и очищение от грѣха — сицевым образом, *яко* ту послѣди о очищении церкви реклося (Виш., Книжка, с. 7); Отвергши всю службу Божую и вѣру выницовавши, первыхъ святыхъ папежевъ своихъ всѣ порядки изъ церкви вывергли, *якъ* иншые первые отщепенци и еретици учинили (Пересторога, с. 226); наполню пива во остатніи день, будеш мѣти *якось* мѣл (Сл. о збур. пекла).

В исследованных староукраинских памятниках сложноподчиненные предложения с интерпозитивными и постпозитивными придаточными меры и степени зафиксированы в виде местоименно-союзных конструкций со следующими компонентами связи, расположенными контактно и дистантно, — *так / что*; *так / иж*; *так / же*; *так / же(бы)*; *так / абы*. Из них наиболее широко и полно представлены конструкции типа *так / же* и *так / иж*, конструкции же с такими парами соотносительных слов и союзов, как *так / же(бы)* и *так / что*, встречаются редко.

В конструкциях с названными компонентами связи придаточные меры и степени могут пояснять коррелят *так*, который относится к простому сказуемому или к обстоятельству, выраженному качественным наречием: Тотъ папежъ *так*ся тиран'скы обходилъ зъ Римяны, стиналъ, топилъ, душилъ *што* переднѣйшіе особы, ажъ потомъ, не могучи болшей суровству его вытрывати, торгнулися на его Римяне, мусялъ в'капици мнишой зъ Рима утечи (Ист. о Флор. соборе, с. 462); тая, . . южъ *такъ* далеко забрнула, *же* и до судного дня выбрнути подобно не можетъ (Отв. клир. Острож., с. 426); И всѣ нынѣшнего вѣка до того моего царства розум, мысль, любов сердечную и всю крѣпость телесную привязали, прилѣпили и приспоили сут *так* моцно, *иж* их только смерт, от бога посланная, от любве моего царства разлучити может, а другое ничтоже (Виш., Книжка, с. 12); уморяет и Вас, им служащих, *так* явно и голосно отличает, *иж аж* тот крык, аерные воздухи прелетѣвши, . . у престола святыя тройцы ея опирает (Там же, с. 93); И *такъ* то велми много зашкодило панству Рускому, *же* не могли школъ и наукъ посполитыхъ розширяти (Пересторога, с. 204); *Такъ* возлюбилъ Богъ мир, . . . *же* сына своего

единородного послалъ, абы каждый вѣруючій въ него не погинулъ (Там же, с. 229).

Придаточные меры и степени, содержащие сравнение, могут также конкретизировать соотносительное слово *так*, которое входит в состав именной части именного составного сказуемого. Они указывают на степень предикативного признака, заключенного в именной части составного сказуемого: тотъ доводъ Висаріоновъ . . . *такъ* бы былъ моцный, *же бы* нань и умерлый отпору не далъ, и нѣмый бы словка не рекъ! (Отв. клир. Острож., с. 429); Хтожъ бы мѣлъ быти *такъ* неразсуднымъ, *абы* оного, отъ Христа ученикомъ и през' ихъ намъ зоставленого, клейноту, оного покою бѣгати мѣлъ?! (Там же, с. 429—430); Русь зъ Греціи приняла вѣру христіанскую. ., и *такъ* были великіе ревнители, *ижъ* много зъ великимъ коштомъ церквей и монастырей намуровали и маетностями опатрили, . .книгъ великое множество языкомъ Словенскимъ нанесли (Пересторога, с. 204); «але ижъ въ апостолѣхъ было — мовитъ — доброй воли споряжене, *такъ* были досконалыми, *же* ся фундаментами и филярами церквій стали» (Палин. Копыст., с. 366).

Сложноподчиненные предложения с придаточными меры и степени, как показывает приведенный материал, в большинстве случаев имеют оттенок следствия.

Сложные предложения, выражающие сопоставление по количеству, отмечены в староукраинских памятниках, как и в старобелорусских, только с интерпозицией и постпозицией придаточного. Они представляют собой конструкции со следующими комбинациями соотносительных словосочетаний, союзных слов и союзов: *только* / *колько*; *так много* / *як*; *так много* / *абы*; *так долго* / *аж*: А мають *только* жъ коръчомъ мети, *колько* передъ тымъ было (Радом. гр. 1487 г. — РИБ, т. XXVII, кн. 4, № 13); И хтожъ можетъ съ *такъ много* обрати часу, *абы* всѣ тоее вашее пресхвал'ной згоды овоцы и пожитки по достатку выличити и выписати могъ?! (Отв. клир. Острож., с. 406); Зачимъ до постановленья монархіи отступникомъ *такъ много* служитъ, *якъ* и двѣ вышей положеніи о будованью церкве и о ключахъ царства небесного обѣтницы служити (Палин. Копыст., с. 418); а самъ. . . до покою королевского пошолъ, и тамъ *такъ долго* былъ, *ажъ* справа тая скончилася (Пересторога, с. 217).

Сложные предложения с придаточными образного сравнения

Сложноподчиненные предложения с придаточными образного сравнения, указывая на метафорический характер сравнения или на его гипотетичность, условность, ирреальность, в проанализированных староукраинских памятниках употребляются преимущественно с интерпозицией и постпозицией придаточного.

Интерпозитивные и постпозитивные конструкции данной семантической группы наблюдаются в двух структурных вариантах — с соотносительным словом в главной части и без него, например: Мы *тако* держим по соборной апостолской церкви, *яко* дух святый от отца и сына исходит (Виш., Книжка, с. 99); Ижъ теды всѣ апостолы фундаментъ заложили *такъ* вѣрне и досконале кождый засобна на своемъ мѣстцу, *якобы* дванадцатъ фундаментовъ было (Палин. Копыст., с. 356—357); ѡни же... поустпшасѧ *тако* дѣти ко ѡчю. *тако* пчелы к матцѣ. *тако* жажющи воды ко источникоу (Гал.-Вол., л., 262 об.); Лѧхом же крѣпко борюще. и соуличами мечюще. и головнѧми. *тако* молньꙗ идѧхоу. и каменье. *ако* дождь с нбси идѧше (Там же, с. 272).

Сложные конструкции, выражающие сравнительно-противопоставительные отношения

Сравнительно-противопоставительные конструкции с указанием предпочитаемой ситуации, употребляющиеся в исследованных памятниках староукраинской письменности, по структуре близки к старорусским и особенно к старобелорусским конструкциям данного типа. В них при сравнительной степени в первой части наблюдаются следующие соотношения форм глаголов-сказуемых в обеих частях конструкции.

1. Инфинитив в составном глагольном сказуемом — главном члене односоставного предложения — в обеих частях: Мнѣй было до готового листу, до тои унѣи толко руку подписати, *нижли* целый тестаментъ, а еще при наглымъ а несподѣванымъ сконанью писати! (Ист. о Флор. соборе, с. 466); Чи не лѣпше было в едности з нами быти и вѣчне жити, *нижли*, отлучившися от нас, нагле здохнути и погибнути? (Виш., Книжка, с. 19); Лѣпше бо вам без владык и без попов, от диавола поставленых, до церкви ходити и православие хранѣти, *нежели* с владыками и попами, не от бога званными, у церкви быти и с тое ся ругати, и православие попирати (Там же, с. 24); И колико лучше притуплѣнейшу тебѣ быти и иных приобрѣтати, *нежели* пребывати на высотѣ гор и презирати погибающую братию (Виш., Позорище, с. 214); лепѣй ест стратити живот за ойчизну, *Н ѣжли* неприятелю достат ся в коризну (Вирши Саковіча).

2. Глаголы в личных формах в обеих частях конструкции: годенъ былъ наганенья бо первѣй *нижли* пришли нѣкоторые отъ Іакова, съ поганы ядалъ (Отв. клир. Острож., с. 399); Не ваши милости ли болшей нынѣ маете, *нежли* перво есте имѣли, и богатшими и пышнѣйшими есте, *нежли* перво есте были? (Виш., Книжка, с. 56); и лучше есть, по господнему гласу, да ся о покаянию грѣшного отец и сын и дух святыи утѣшают и ангели его божии на небеси радуются, а бѣсы плачют, *нежели* отпадению альбо погублению или отчаянию, бѣси да ся веселят, а диявол радуется,

а бог оскорблен и похулен и ангелом плач сдѣян будет (Виш., Позорище, с. 217).

Как свидетельствует приведенный материал, в памятниках староукраинского языка в сложных конструкциях сравнительно-противопоставительного типа используются союзы *нежели* (с вариантом *нижели*), *нежли* и *нижли*, частота употребления которых одинакова.

Таким образом, в памятниках староукраинского языка, как и в старобелорусском, в сложноподчиненных предложениях с придаточными сравнительными, образа действия, меры и степени, кроме союзов и союзных слов *яко* (*якоже*), *как*, *что*, *колько* (*сколько*), *нежели*, унаследованных от древнерусского языка, употреблялись союзы *як*, *иж*, *аж*, *же* (эти же союзы с частицей *бы*), *абы*, *нежли*, *нижли*, неизвестные древнерусскому языку.

Несвойственные живому разговорному украинскому языку, союзы *иж*, *аж*, *же*, *же*(*бы*), *абы*, распространение которых в языке западнорусской письменности до определенной степени было обусловлено влиянием польского языка, а также союзы *нежели*, *нежли*, *нижли* с течением времени утратились.

Союзы же *як*, *что* (*що*), *аж* (в роли союза или частицы при союзе *что*), союзное слово *колько* (*скольки*) укрепились в украинском языке, сохранившись до настоящего времени. Союз *як* является ведущим сравнительным союзом современного украинского языка. Союз *что* (*що*) присущ разговорной речи [99].

В современном украинском языке используется ряд новых сравнительных союзов, не отмеченных в исследованных староукраинских памятниках и развившихся, по всей вероятности, в период формирования украинского национального языка. Это союзы модальной группы *ніби*, *мов*, *немов*, *наче*, *неначе*; эти же союзы, усложненные частицами *би* и *то*, — *мовби*, *немовби*, *начеб*, *неначеб*, *нібито*, *мовбито*, *немовбито*, *начебто*, *неначебто*, а также союзы *ніж* и *чим* [100].

В сложноподчиненных предложениях с придаточными меры и степени в современном украинском языке используются союзные слова *скільки*, *наскільки*, союзы *як*, *що* (иногда с частицами *аж*, *й*, *хоч* — *що аж*, *що й*, *що хоч*), *щоб*. Им часто соответствуют в главном следующие соотносительные слова и словосочетания: сохранившиеся от древнерусского и староукраинского языков местоименное наречие *так*, а также новые — *стільки*, *настільки*, *такий*, *до того*, *в такій мірі* (в значении 'настолько') и др. [101]

---

[99] См.: «Курс сучасної української літературної мови», т. II. Синтаксис. Київ, 1951, стр. 268, 276.

[100] Там же, стр. 271—272.

[101] Там же, стр. 278—279, см. также: Б. М. Кулик. Курс сучасної української літературної мови, ч. II. Синтаксис. Київ, 1965, стр. 221—222.

* * *

Итак, анализ сложных конструкций, выражающих сравнение, в памятниках восточнославянской письменности XV — нач. XVII в. показал, что конструкции эти почти не отличаются от соответствующих конструкций современных восточнославянских языков ни по семантике, ни по структуре, ни по характеру синтаксических связей.

Развитие сложноподчиненных предложений с придаточными сравнительными, образа действия, меры и степени в истории восточнославянских языков заключалось в основном в изменениях в составе и функциях средств связи — союзов, союзных слов и коррелятов. Изменения эти состояли: во-первых, в смене книжных союзов союзами народно-разговорного типа; во-вторых, в пополнении группы сравнительных союзов новыми образованиями в виде сложных союзов; в-третьих, в обогащении состава союзов, выражающих сравнение, за счет проникновения в литературный язык целой группы модальных союзов. Параллельно с обогащением системы сравнительных союзов шел процесс специализации и дифференциации их функций в разных видах сравнительных конструкций.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

В книге исследованы основные типы сложноподчиненных предложений в старорусском, старобелорусском и староукраинском языках, выяснены черты сходства и различия в судьбе этих типов во всех трех восточнославянских языках.

Нет необходимости повторять выводы, имеющиеся в конце каждой главы, тем более что ряд особенностей характерен именно для данного типа предложений (определительных, условных или временны́х и т. д.). Отметим только те происшедшие в период XV—XVII вв. изменения, которые являются общими для всех типов сложноподчиненных предложений.

Общее для всех языков данной семьи явление — постепенное увеличение числа случаев с постпозицией и интерпозицией зависимой части, причем в определительных предложениях этот процесс протекал одновременно с устранением повторения имени и закончился (в литературных языках) полным отказом от конструкций с препозитивной определяющей частью. Это самая главная и самая яркая черта сходства в истории сложноподчиненных предложений в восточнославянских языках.

Благодаря усовершенствованию структуры сложноподчиненных предложений, которое сопровождалось увеличением степени зависимости придаточного предложения от главного, отпала потребность в сочинительных союзах, «скреплявших» части сложноподчиненного предложения. В то же время наблюдается отбор из числа имеющихся и вновь возникших. Наименее стойкими оказались те союзы, которые были заимствованы из старославянского языка и отсутствовали в живой речи восточных славян. Сфера употребления этих союзов постепенно сужается, они становятся принадлежностью лишь высокого стиля, а позже вытесняются из литературного языка другими союзами.

Для всех восточнославянских языков характерно стремление освободиться от многозначны́х союзов, от союзов-синонимов, стремление уточнить и дифференцировать функции союзов. «Набор» союзов оказался в литературных восточнославянских языках не вполне совпадающим, так как выбор их, преимущественно в тех случаях, когда возникала необходимость в новом союзе, зависел от роли диалектов в формировании отдельных литературных языков, кроме того, темпы изменений, происходивших в сложноподчиненных предложениях в близкородственных языках, не

всегда были одинаковыми, не всегда была одинаковой и степень употребительности той или иной синтаксической конструкции.

Несмотря на значительные изменения в системе подчинительных союзов, большинство подчинительных союзов (в том числе и некоторые новые союзы) находим в памятниках всех трех языков — старорусского, старобелорусского и староукраинского. Эти союзы, в результате определенных фонетических и морфологических явлений в каждом из восточнославянских языков, несколько отличаются (не всегда) по своему звуковому составу в одном языке от тех же союзов в родственном языке.

В сложноподчиненных предложениях формальных признаков связи больше, чем в бессоюзных сложных предложениях, синонимичных сложноподчиненным. Поэтому более отчетливыми кажутся различия первых в отдельных восточнославянских языках. Следует, однако, подчеркнуть, что эти различия в лексическом составе, а не в главном — в структуре сложноподчиненных предложений.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Аввакум, Житие — Житие протопопа Аввакума. — «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения». Под общей ред. Н. К. Гудзия. М., Гослитиздат, 1960.

Аввакум, Письма — Письма протопопа Аввакума. — Там же.

АЗР — см.: Гр., 1.

АИ — см.: Гр., 2

Акты, собр. АН — см.: Гр., 3.

Александрия — Александрия по Ленинградскому списку. — «Александрыя». Мінск, Выд-во АН БССР, 1962.

Арц. — см.: Гр., 4.

Арц. и Борк. — см.: Гр., 5.

Арц. и Тих. — см.: Гр., 6.

АЮБ — см.: Гр., 7.

АЮЗР — см.: Гр., 8

Вез. цнот — Везерунок цнот Е. Плетенецкого, 1618 г., «Записки Українського наукового товариства в Києві», кн. VI, 1909.

Вестов. отписки Кмиты, 1573—1574 гг. — Вестовые отписки оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского, 1573—1574 гг. — АЗР, т. III, № 58. СПб., 1848.

Вирши о Желт. битве. — В кн.: Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.). Упорядкував акад. О. І. Білецький. Вид. 3, доп. Київ, Вид-во «Радянська школа», 1967.

Вирши Саковіча — Вирши Саковича. — Там же.

Виш., Зачапка — Зачапка мудраго латынника з глупым русином. — В и ш е н с к и й Иван. Сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1955.

Виш., Книжка — Книжка. — Там же.

Виш., Ответ Скарге — Краткословный ответ Петру Скарге. — Там же.

Виш., Позорище — Позорище мысленное. — Там же.

Виш., Послания — Послание Домникии. Послание львовскому братству. Послание Иову Княгиницкому. — Там же.

Воссоед. Укр. с Рос. — см.: Гр., 9.

Гр. — Грамоты. — В исследовании использованы грамоты по следующим изданиям:

1) АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собр. и изд. Археограф. комиссиею, т. I—V. СПб., 1846—1853.
2) АИ — Акты исторические, собр. и изд. Археограф. комиссиею, т. I—III. СПб., 1841—1842.
3) Акты, собр. АН — Акты, собр. в библиотеках и архивах Российской империи Археограф. экспедициею имп. Акад. наук, т. I. СПб., 1836.
4) Арц. — А. В. А р ц и х о в с к и й. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., Изд-во АН СССР, 1954 (№ 11—83).

Он же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.) М., Изд-во АН СССР, 1963 (№ 319—405).

5) Арц. и Борк. — А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., Изд-во АН СССР, 1958 (№ 84—136); Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., Изд-во АН СССР, 1958 (№ 137—194); Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.) М., Изд-во АН СССР, 1963 (№ 195—318).

6) Арц. и Тих. — А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., Изд-во АН СССР, 1953 (№ 1—10).

7) АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 1—3. Изд. Археограф. комиссиею под ред. Н. Калачова. СПб., 1857—1884.

8) АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. I—II. Собр. и изд. Археограф. комиссиею. СПб., 1863, 1865.

9) Воссоед. Укр. с Рос. — Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х томах. Ред. колл. — П. П. Гудзенко и др. М., 1953.

10) Дух. дог. гр. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.

11) Литов. метр. — Литовская метрика. См.: РИБ, т. XX, XXVII, XXX, XXXIII.

12) Палеогр. изб. — Палеографический изборник «Материалы по истории южнорусского письма XV—XVIII вв.», вып. 1. Киев, 1899.

13) РИБ — Русская историческая библиотека, изд. Археограф. комиссией.

14) РЛА — Русско-ливонские акты, собр. К. Е. Напьерским. Изд. Археограф. комиссией. СПб., 1868.

15) Укр. гр. — В. Розов. Українські грамоты, т. I. Київ, 1928.

16) Шахм., Исслед. — А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3. СПб., 1903.

17) Шахм., О языке — А. А. Шахматов. О языке новгородских грамот XIII—XIV века. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895.

18) Arch. Sang. — Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie, wydane nakładem właściciela pod kierownictwem L. L. Radzimińskiego, t. I—IV. Lwow, 1887—1890.

Дневн. Евлаш. — Дневник новгородского подсудка Федора Евлашевского (1564—1604). «Киевская старина», т. XIV, январь, 1886.

Домострой — Домострой, XVI в. — А. С. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным. «Чтение ОИДР». М., 1908.

Дума о Берест. звыч. — Дума о Берестейском звыченстве. — В кн.: Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.). Упорядкував акад. О. У. Белецький. Вид. 3, доп. Київ, Вид-во «Радянська школа», 1967.

Дух. дог. гр. — см.: Гр., 10.

Интерм. Гаватовича — Интермедии к драме Я. Гаватовича, 1619 г. — В кн.: Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.). Київ, 1967.

Ипат. л. (Гал.—Вол.) — Галицко-Волынская летопись, ок. 1425 г. — ПСРЛ, т. II. Изд. 2. Под ред. акад. А. А. Шахматова. СПб., 1908.

Ист. о Атыле — История о Атыле короле угорском. Изд. А. Н. Веселовским. «Из истории романа и повести. Материалы и исследования», вып. II. Славяно-романский отдел. «Сб. ОРЯС», т. 44, № 3. СПб., 1888.

Ист. о Гвид. — История о княжати Кгвидоне. Изд. А. Н. Веселовским. — Там же.

Ист. о Флор. соборе — История о разбойничьем Флорентийском соборе, изд. клириком Острожским в 1598 г. «Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. III. — РИБ, т. XIX. СПб., 1903.

Котош. — К о т о ш и х и н Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4. СПб., 1906.

Лет. Авраамки — Западнорусская летопись по Виленскому списку («Летопись Авраамки»). — ПСРЛ, т. 17. Изд. 2. СПб., 1907.

Лет. Акад. — Западнорусская летопись по Академическому списку. — Там же.

Лет. Баркул. — Баркулабовская летопись. «Киевские университетские известия», год 38-й, № 12, 1898.

Лет. Крас. — Западнорусская летопись по списку гр. Красинского. — ПСРЛ, т. 17. Изд. 2. СПб., 1907.

Лет. Рачин. — Западнорусская летопись по списку Рачинского. — Там же.

Лет. Супр. — Супрасльская летопись. — Там же.

Лет. Увар. — Уваровский список летописи. — Там же.

Литов. метр. — см.: Гр., 11.

Литов. ст. 1529 г. — Старый литовский статут 1529 г. По копии с рукописи XVII в. «Временник имп. Московского Общества истории и древностей российских», кн. 18. М., 1854.

Моск. лет. свод конца XV в. — Московский летописный свод конца XV века. — ПСРЛ, т. 25. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

Отв. клир. Острож. — Ответ (отпис) клирика Острожского Ипатию Потею, 1598 г. «Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. III. — РИБ, т. XIX. СПб., 1903.

Палеогр. изб. — см.: Гр., 12.

П. Берында — Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, Вид-во АН УРСР, 1961.

Палин. Копыст. — Палинодия Захария Копыстенского, 1621 г. «Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. 1. — РИБ, т. IV СПб., 1878.

Пересветов — Пересветов. — В кн.: В. Ф. Р ж и г а. И. С. Пересветов, публицист XVI в. М., 1908.

Переторога — Переторога И. Борецкого (1605—1606 гг.), во Львове. — АЗР, т. IV. СПб., 1851.

Перло многоцен. — Перло многоценное — В кн.: Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.). Київ, 1967.

Пісня про козака і Кулину — Песня про казака и Кулину. — Там же.

Письма Ив. IV — Письма Ивана Грозного А. Курбскому. «Сочинения князя Курбского», т. I. — РИБ, т. XXXI. СПб., 1914.

Письма Курб. — Письма А. Курбского. — Там же.

Пов. Кат.-Рост. — Повесть Катырева-Ростовского. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени». Изд. 2. — РИБ, т. XIII. СПб., 1909.

Пов. о видении — Повесть о видении. — Там же.

Пов. о витязях — Починаеться повесть о витязях с книг сэрбъских. . . Изд. А. Н. Веселовским. «Из истории романа и повести. Материалы и иссле-

дования», вып. II. Славяно-романский отдел. Сб. ОРЯС, т. 44, № 3. СПб., 1888.

Пов. о Ерше — Повесть о Ерше Ершовиче. — В кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937.

Пов. о куре и лис. — Повесть о куре и лисице. — Там же.

Пов. о Рос. царстве — Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени». Изд. 2. — РИБ, т. XIII. СПб., 1909.

Пов. об азов. взятии — «Историческая» и «поэтическая» повести о взятии Азова в 1637 г. «Воинские повести древней Руси». Под. ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

Пословицы XVII в. — Сборник пословиц XVII века — В кн.: П. К. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. — Сб. ОРЯС, т. 66, № 7. СПб., 1899.

Пут. Гогары — Путешествие по святой земле дьякона Гогары в 1634 г. «Сказания русского народа, собр. И. Сахаровым», т. 2, кн. VIII. СПб., 1849.

Пут. Зосимы — Путешествие иеродиакона Зосимы в Царьград и Иерусалим в 1420 г. — Там же.

Пут. моск. купцов — Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова по святым местам в 1582 г. — Там же.

РИБ — см.: Гр., 13.

РЛА — см.: Гр., 14.

Сатиры о пьянстве — Сатиры о пьянстве. — В кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937.

Сказ. о Гр. Отрепьеве — Сказание о Гришке Отрепьеве, по сп. XVII в. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени». Изд. 2. — РИБ, т. XIII. СПб., 1909.

Сказ. про Бову — Сказания про храброго витязя, про Бову королевича. — В кн.: Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. Изд. 7. М., Учпедгиз, 1962.

Сл. о збур. пекла — Слово о збуреню пекла. — В кн.: Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.). Київ, 1967.

Сл. о Кулик. битве — Слово о Куликовской битве Софония Рязанца (Задонщина). «Воинские повести древней Руси». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

Сл. о полк. Иг.—Слово о полку Игореве. Под. ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.

Спис. пр. люторов — Списание против люторов. «Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. III. — РИБ, т. XIX. СПб., 1903.[1]

Сп. татар. дом. — Попись татаръ домовыхъ Великого князства Литовъского. «Попись войска Литовского 1567 г.» — РИБ., т. XXXIII. Пг., изд. Археограф. комиссии, 1915.

Стефан-воевода. — Стефан-воевода. — В кн.: Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.). Київ, 1967.

Стоглав — Стоглав. Царьския вопросы и соборныя ответы о многоразличных церковных чинех. М., 1890.

Страсти Христовы — Страсти Христовы в западнорусском списке XV века. «Памятники древней письменности и искусства», № 140. СПб., 1901.

[1] Из двух помещенных здесь редакций (первая — 1580 г., вторая — самого начала XVII в.) исследована более ранняя — XVI в.

Суд. Ив. III — Судебник Ивана III, 1497 г. Судебники XV—XVI веков. Под общей ред. акад. Б. Д. Грекова. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1952.

Суд. Ив. IV — Судебник Ивана IV, 1550 г. «Акты исторические, собр. и изд. Археограф. комиссиею», т. I (1334—1598). СПб., 1841, № 153.

Укр. гр. — См.: Гр., 15.

Улож. 1649 г. — Соборное Уложение царя Алексея Михайловича, изд. 1649 г.

Уч. и хитр. ратн. стр. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, изд. 1647 г.

Хож. Аф. Ник. — Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1465—1472 гг. Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.

Хронология Римши, 1581 г. — Хронология Рымши, 1581 г. — В кн.: Хрестоматія давньої української літературы (до кінця XVIII ст.). Київ, 1967.

Шахм., Исслед. — см.: Гр., 16.

Шахм., О языке — см.: Гр., 17.

Arch. Sang. — см.: Гр., 18.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Барановская В. Г. 286
Баханьков А. Я. 55
Бевзенко С. П. 67
Белошапкова В. А. 85
Беспалько А. П. 116, 120
Бондарь И. П. 83
Борковский В. И. 13, 14, 15, 19, 20, 30, 38, 79, 135, 137, 166, 176, 185, 187, 215, 221, 224, 236, 250, 265, 276, 283, 286, 288, 305, 306
Булаховский Л. А. 72, 80, 90, 95, 116, 176, 204, 214, 234, 271, 273, 276, 286, 291, 293, 316, 323
Буслаев Ф. И. 8, 25, 128, 169, 307, 325

Вайан А. 88, 311
Варварова О. Н. 139
Васильева Е. П. 97
Виноградов В. В. 74, 89, 297
Вондрак В. 311
Востоков А. Х. 26
Вьюкова М. Н. 22, 25, 26, 27, 44

Ганиев Ж. В. 225
Гвоздев А. Н. 314
Герасименко Д. Д. 120
Герасимов Г. И. 80
Груцо А. П. 50, 53, 55, 56, 61, 62, 64, 103, 109, 113, 114, 148, 149, 150, 178, 179, 181, 182, 187, 190, 194, 214, 222, 223, 224, 253, 260, 261, 262, 263, 267, 270, 283, 293, 330, 331, 334, 337, 340, 341
Гумецкая Л. Л. 267

Едлинская У. Я. 65, 119, 123

Журавский А. И. 103

Иванчикова Е. А. 129
Истрина Е. С. 271, 311

Карнеева-Петрулан М. Г. 55
Карский Е. Ф. 41, 59, 72, 98, 99, 104, 109, 149, 187, 193, 214, 248, 262, 285, 292, 293, 330, 331, 340
Качевская Г. А. 7
Климонов В. Д. 103
Кодухов В. И. 88, 90, 91
Кондаков Н. И. 226
Коротаева Э. И. 131, 132, 133, 134, 135, 144, 163, 172, 173, 176, 214, 221, 232, 267, 271, 274, 285, 303
Корш Е. Ф. 128, 311
Крамко И. И. 55, 99
Кубик М. 81, 92, 113
Кузнецов П. С. 79, 215, 234, 286, 288
Кулик В. М. 347
Курилович Е. 308
Кучеренко И. К. 297

Лавров Б. В. 79, 128, 163, 166, 167, 168, 169, 170, 175, 176, 206, 208, 210
Ломов А. М. 75
Ломтев Т. П. 7, 75, 90, 283, 284, 287
Ляпон М. В. 208, 320

Москаленко А. А. 65

Никифоров В. П. 84
Носович И. И. 340

Палевская М. Ф. 312, 323, 331
Панфилов А. К. 217
Петренко А. Я. 120, 195
Пешковский А. М. 87, 89
Плотникова В. А. 168, 206
Поспелов Н. С. 86, 91
Потебня А. А. 7, 22, 110, 127, 129, 169, 244, 276, 285

Сазонов А. П. 323
Санников В. З. 11, 301, 302
Собинникова В. И. 84
Соколова М. А. 252
Спринчак А. Я. 265, 267
Срезневский И. И. 176, 225, 273, 306
Стеценко А. Н. 7, 15, 25, 144, 218, 234, 267, 270, 271, 291, 323, 326, 327

Сумкина А. И. 7, 17, 23, 28, 38, 40, 41, 52
Сухотин В. П. 79, 90
Сыч В. Ф. 265

Ткаченко О. Б. 112

Уханов Г. П. 312

Черкасова Е. Т. 227, 228, 233
Черных П. Я. 217

Шакун Л. М. 102
Шапиро А. Б. 22, 33, 38, 175, 216, 218, 301, 302, 304, 307, 311, 314, 322, 323, 326, 327
Шахматов А. А. 38, 250
Широкова Н. А. 7, 10, 17, 19, 297, 300, 301, 302, 322, 323, 324, 325, 326
Шуб Т. А. 267

Якубинский Л. П. 225, 236
Ярмоленко Т. С. 67, 116

Klemensiewicz Z., Lehr—Spławinski T., Urbańczyk S. 55, 72, 81, 279

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 3

Сложноподчиненные определительные предложения 5

Сложноподчиненные дополнительные предложения 74

Сложноподчиненные предложения времени 131

Сложноподчиненные предложения условия 160

Сложноподчиненные уступительные предложения 208

Сложноподчиненные предложения места 215

Сложноподчиненные предложения причины 226

Сложноподчиненные предложения следствия 270

Сложноподчиненные предложения цели 280

Сложноподчиненные предложения сравнительные, образа действия, меры и степени 297

Послесловие редактора 349

Источники и принятые сокращения 351

Указатель имен 356

ИРЯ
институт русского языка им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненные предложения

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Л. М. Гаврилова*
Художественный редактор **Т. П. Поленова**
Технический редактор **Г. Д. Панасюк**

Сдано в набор 12/VII 1972 г. Подписано к печати 30/X-72 г. Формат $60\times90^{1}/_{16}$.
Бумага № 2. Усл. печ. л. 22,5. Уч. изд. л. 24,8. Тираж 2000 экз. Тип. зак. 1234.
Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12